

ВОЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ФЁДОР
ШАХМАГОНОВ

**ХРАНИТЬ
ВЕЧНО**

В О Е Н Н Ы Е
П Р И К Л Ю Ч Е Н И Я

ФЁДОР ШАХМАГОНОВ
ХРАНИТЬ ВЕЧНО

РОМАН

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1987

ВЛАДИСЛАВ КУРБАТОВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

ука потянулась к телефону. Дзержинский соединился с одним из руководителей ВЧК.

— Алексей Федорович, — сказал он, не вступая в объяснения, — немедленно усилить охрану Кремля. Предупредите товарищей об опасности!..

Дубровин спросил, чем вызвана такая тревога, но Дзержинский перебил его:

— Потом объяснимся! Действуйте без промедления!

Распорядившись, Дзержинский вернулся к встревожившей его информации. В ней сообщалось, что некто Тункин — бывший учитель фехтования и стрельбы из пистолета в юнкерском училище, дворянин по происхождению — разговорился спьяна в одном из тайных притонов на Хитровке. Тункин похвалялся, что он принадлежит к боевой организации, которая своим выступлением внесет напик в ряды большевиков, и намекнул, что готовятся террористические акты против большевистских вождей.

Конечно, все это могло оказаться пьяной болтовней, бахвальством ради красного словца в надежде на даровое угощение. Сомнений это донесение вызывало множество, но и отмахнуться от него нельзя. В те дни московский воздух был насыщен опасностью, она давила со всех сторон, была как бы зримой, прослушивалась в ночной тишине города. В Москву со всех сторон стекались белогвардейцы, они рассасывались темной ночью по московским закоулкам, по трущобам, куда еще не проникал глаз чекистов и милиции. Недобитые заговорщики из Петрограда, агенты Деникина, колчаковцы и офицеры, пробирающиеся в районы расположения белогвардейских армий, анархисты и всякого рода искатели приключений.

Группы заговорщиков вырастали как грибы. В какую-то группку мог затесаться Тункин. Истерик, восторженный болтун. Сегодня одна группка, завтра другая, но где их центр? Где? Куда нанести главный удар, чтобы в корне пресечь эти вылазки?

Если искать корни заговора, Тункина арестовывать нельзя. Важнее взять и обезвредить всю группку, проникнуть в нее, найти направляющую руку. Но на это нужно время. А есть ли оно? Не опасно ли тянуть с арестом Тункина? Враги тоже могут поспешить, да и никто в ВЧК не знает их окончательных воз-

Шахматов Ф. Ф.

Ш31 Хранить вечно: Роман. — М.: Воениздат, 1987. — 432 с.
В пер.: 2 р. 10 к.

Роман посвящен героической деятельности чекистов. В центре первой книги — человек сложной судьбы, участник белогвардейского заговора Е. Курбатов. После встречи с Ф. Э. Дзержинским он принимает идеи революции и под руководством чекиста А. Дубровина отстаивает ее интересы в стане Колчака и за пределами Родины.

Во второй книге главный герой, сын Дубровина — Никита, встречается с Курбатовым в Испании в 1938 году, потом работает в Германии. Завершается роман рассказом о борьбе чекистов в послевоенные годы с агентурой империалистических разведок.

Ш 4702010200—046 без объявл.
068(02)—87

ББК 84Р7

© «Советская Россия», 1979
© Оформление Воениздата, 1987

возможностей. Оружие нацелено, наведено — когда, где, в какую минуту могут нажать на спусковой крючок?

Нет, надо через Тункина, не арестовывая его, раскрыть группу, взять ее под наблюдение и, проследив линии связи, выйти на центр.

Кому же из чекистов поручить это дело? Кому по силам быстро раскрыть группу? В чем должны состоять личные, особенные качества такого чекиста?

Заставить Тункина разговариваться и кое-что выболтать, видимо, не так-то уж трудно. Но это будет повторением уже полученного сообщения. Следующая ступенька — это те, кто руководит Тункиным. Там могут обнаружиться фигуры куда посложнее. Кто там может быть?

Если ставить задачу глубокого проникновения, то, может быть, вот так сразу это сделать и невозможно. Стало быть, требуется другое. Операция должна распадаться на два этапа. Сначала выяснение состава группы. Это может сделать чекист из аппарата, который, познакомившись с Тункиным, побудит его разговариваться и уже через Тункина выйдет на кого-то из группы. Там уже можно будет смотреть и дальше.

Артемов? Этот сможет! Рабочая хитреца, простота без наигрыша, сметка в общении с самыми неожиданными людьми. Работал он слесарем на заводе. За участие в революционных кружках был уволен с завода, в 1905 году командовал дружиной на Красной Пресне. Сумел избежать ареста в самые трудные годы. Перед Октябрем занимался переброской оружия через финскую границу. Привык к конспирации, привык сдерживать свои чувства.

Дзержинский пригласил к себе Артемова.

Невысок ростом, лицо широкое, мягкое, ничего характерного, запоминающегося. Голубые глаза располагают к доверию.

— Василий Михайлович, — начал Дзержинский, — вы человек спокойный...

— Сдаю, Феликс Эдмундович. Одышка мучает. Особенно когда рассердят.

Дзержинский понял шутку.

— Кто вас может рассердить! — ответил он. — Враг? Враг есть враг, зачем же на него сердиться? С врагом надо бороться, а борьба требует спокойствия... Вы хорошо знаете Москву, Василий Михайлович?

— С мальчишек вырос...

— Вам укажут человека, Василий Михайлович! Вы с ним должны пойти на сближение и узнать, кто его направляет. Некто Тункин...

— Тункин? — переспросил Артемов. — О таком не слыхал.

— Я тоже до сего дня не слыхал... Этот Тункин имеет отношение к подготовке террористических актов.

Артемов привстал с кресла, но Дзержинский положил ему на плечо руку.

— Без эмоций, Василий Михайлович!

— Арестовать его надо.

— Зачем? Расскажет он только то, что сам знает. А много ли он знает? Как это мы с вами проверим? За ним уже установлено наблюдение, нам нужно вскрыть его связи.

— А если Тункин не соберется к своим? Может, по их конспирации так не положено?

— Разве я вам сказал, что вы должны лишь следить и следовать за ним? Вы должны сделать так, чтобы Тункину понадобилась связь со своими, понадобилась бы немедленно! Но не пугать! Пугать их нельзя...

Артемов встал. Провожая его до двери, Дзержинский добавил:

— Если что-либо серьезное, связывайтесь немедленно со мной, где бы я ни был!

Раздался телефонный звонок. Дзержинский придержал Артемова и снял телефонную трубку.

— Феликс Эдмундович! Что за тревога? Почему усилена охрана?

— У нас есть сведения, Владимир Ильич... — ответил Дзержинский, но Ленин его перебил.

— Еще один заговор? — раздалось с другого конца провода.

— Еще один ко многим другим. С террористическим уклоном...

— Левые эсеры или белогвардейцы?

— Пока не знаю...

— Если белогвардейцы, надо узнать, кто их направляет: Колчак или Деникин? Кто расчищает себе дорогу в Москву?

— Обязательно надо узнать, Владимир Ильич!

— Если что-нибудь серьезное, я очень прошу вас доложить Центральному Комитету!

Ленин попрощался и положил трубку. Дзержинский вышел из-за стола и подошел к Артемову.

2

Он медленно брел в Замоскворечье. Походка была у него как у пьяного или больного человека.

Пришел на рынок, потолкался в торговых рядах. Вышел оттуда, оживившись. Зашел в подворотню и опрокинул в рот содержимое пузырька. Разжился чем-то! Пошел увереннее и быстрее. Не озирался. Наблюдение установило, что пошел он домой. В последнем сообщении говорилось, что из дому не выходил.

Артемов на извозчике проехал к дому Тункина.

Удалось установить, что Тункин поселился здесь сравнительно недавно. Живет с женой, у него двое детей — подростков.

Нет хуже занятия, чем ждать и догонять. Но надо ждать, ждать, когда его потянет опохмелиться.

Зимний день выдался мрачным и серепьким. Бежали над Москвой темные тучи, вот-вот должен был повалить снег. Стремительно темнело. Засветились огни в окнах.

Наконец Тункин вышел. Наблюдавший указал на него Артемьеву.

Тункин шел быстрым и уверенным шагом. Возможно, направился на явочную квартиру, поэтому Артемьев потребовал от наблюдавших крайней осторожности. Тункин двигался к притону на Хитровке. Опять пить...

Бывшая содержательница дешёвенького публичного дома сияла в Кулаковке, в бывшей Хитровской почлежке, квартиру, открыла кабачок, по слухам, там шла игра в карты.

Женщина энергичная, до палостности смелая. Она была еще не в летах, могла и сама завлечь клиента.

Пускали в притон далеко не каждого встречного, а только по особой рекомендации. Существовали для входа пароль и отзыв. Артемьев имел соответствующие рекомендации и знал пароль.

Прежде чем войти вслед за Тункиным, Артемьев и его помощники оглядели со всех сторон флигелек, изучили проходные дворы, оба выхода из полуподвальной квартирки.

Место опасное, с подземными коридорами, с тайными лазами, удобное для воровских и темных дел.

Артемьев постучался. Дверь открыла «сама». Одета по-домашнему, в капоте, в ухе серебряная серьга полумесяцем.

Она подозрительно оглядела Артемьева и спросила:

— Где же сапоги?

За ее спиной на табуретке у кухонного стола сидел рыжебородый, заросший по глаза мужик. Он играл длинным кухонным ножом, каким в мясных лавках разделяют туши.

— Крой готов! — ответил Артемьев. — Подметки не из чего делать!

Теперь он должен был назвать имя человека, который его вводил в притон.

— Кувшинов сумел привести...

Хозяйка отступила и как-то очень подозрительно посмотрела на Артемьева. Одета была он очень разношерстно. Извозчицы поддевка, на ногах хромовые, офицерского покроя сапоги, на голове солдатская зимняя шапка.

Рекомендатель был надежный, и все-таки Артемьев поторопился сузить хозяйке деньги. Тут платили по-разному, в зависимости от пужды. Кому пужно посидеть и вечер скоротать со своей закуской и со своей выпивкой — одна цена, кому пужно было выпить, платил еще и за выпивку. За чай платили все, чай подавался с сахарином и — уже совсем за особые деньги — с сахаром. Артемьев дал деньги только за возможность посидеть в тепле. Хозяйка указала ему глазами на дверь.

Войти сложно, но еще труднее выйти, если не по праву пришедших здешним посетителям. Об этом Артемьева предупрежда-

ли. Нашлись бы здесь мастера и «перо» в бок вставить, и бесшумно задунить.

Кабак размещался в двух комнатах. Все как в настоящем заведении. Столики, скатерти на столиках, стулья. Под потолком сизый дым.

Сдвинув столики, в первой комнате гуляло фартовое ворье. Пили, закусывали разварной картошкой.

В другой комнате народу меньше. В одиночестве за столиком сидел Тункин, в другом углу — еще двое с военной выправкой.

Артемьев вынул из кармана штоф со спиртом и луковицу. Налил полстакана и разбавил водой из графина. Наливал он шумно, спирт булькал, выливаясь из узкого горлышка.

Не оглядываясь, он услышал движение Тункина.

Артемьев достал осьмушку черного хлеба, понюхал его с корки и отломил кусок.

Тункин широким жестом выложил перед ним две воблы.

— Угощайся! Хлеб — не закуска!

Артемьев скосил глаза на воблу и, вздохнув, мечтательно проговорил:

— Богатство... Откуда?

Тункин презрительно покачал головой:

— На рынке за одну штукловину выменял! — Указывая глазами на штоф, спросил: — Спирт?

— Спирт! — спокойно ответил Артемьев.

Тункин потянул в себя воздух.

— Ставь стакан! — предложил Артемьев и взял воблу.

Тункин схватил свой стакан, подставил его к штофу, торопливо, скороговоркой проговорил:

— У меня еще кое-что найдется... С закуской не пропадем!

Артемьев налил полстакана и потянулся к графину с водой, но Тункин прикрыл ладонью стакан, с осуждением и даже с упреком взглянул на Артемьева:

— Зачем же добро портить?

Артемьев побил воблу об угол стола.

— Добрый у нас союз, — сказал он, — как у русского с французом. У одного есть что пожрать, у другого — выпить...

Тункин поморщился:

— Я не люблю грубых слов.

— Время грубое! — ответил Артемьев.

Выпили. Артемьев очистил воблу, пососал спинку, палил еще по полстакана. Себе разбавил. Тункин не разбавлял.

Выпили. Артемьев перегнулся через стол и шепотом сказал:

— А теперь рассказывай!

Тункин недоуменно уставился на Артемьева.

— Что можешь, что умеешь? Объясни! — продолжал Артемьев.

— Откуда спирт? — спросил в ответ Тункин.

Артемьев небрежно махнул рукой:

— Экспроприация!

Тункин хмыкнул и поставил стакан. Артемьев отодвинул штоф.

— Выпить не секрет! — твердо сказал он. — Выпьешь! Как дальше наш союз крепить? А? Что можешь, что умеешь?

— Все умею! — откликнулся на этот раз Тункин.

— Это хорошо! — одобрил Артемьев. — Я люблю, когда все умеют... Какая такая у тебя профессия?

Тункин тоже перешел на шепот:

— Стрелять умею... в копейку попаду!

— В копейку? — переспросил Артемьев. — Невелика цель!

— Крушнее цель — легче!

— А по крушней цели какая будет цена? — спросил едва слышно Артемьев.

Тункин вздохнул и опять покосился на штоф.

Артемьев плеснул четверть стакана. Тункин вышел. Понюхал хвост от воблы, закусывать не стал.

— Бумажками не возьму! — сказал он тихо.

— Найдем желтопузиков.

Тункин кивнул головой. Артемьев сунул штоф в карман и мигнул Тункину на выход.

Вышли, остановились в подворотне. Артемьев тихо сказал:

— Сколько тебе посулили?

Тункин попытался, но Артемьев притянул его к себе за лацканы пальто.

— Чего? Чего это? О чем? — растерянно бормотал Тункин, пытаюсь вырваться, но Артемьев крепко его держал, даже слегка встряхнул.

— Обманивают тебя твои-то, — продолжал Артемьев. — Всунут ассигнациями, где у них золоту быть!

— Чека? — по-ценячьи взвизгнул Тункин.

— Тихе! Такие слова на ночь нельзя кричать!

— Ты не из Чека? — спросил он с надеждой.

— Мне про тебя говорили, что человек ты отчаянный и никак тебе здесь нельзя больше держаться! — напирал Артемьев. — Плачу золотом. Сколько?

— Дают тысячу.

Артемьев отпустил лацканы пальто и присвистнул:

— Только-то! Там тебе предназначалось больше! Кто перехватил? А? Этот...

— Шевров? — переспросил Тункин. — Шевров! Я так и думал... Сколько для меня у них?

— Две тысячи отхватил от твоего куса!

— А ты что дашь?

— Завтра... Встретимся здесь! Как стемнеет... В семь часов!

Тункин указал рукой на карман Артемьева.

— Давай штоф!

Артемьев сунул в руки Тункину штоф с остатками спирта.

— Теперь в разные стороны! — И вытолкнул Тункина из подворотни в переулок.

По ночной Москве сквозь метель рысью мчался лихач. Брызгала снежная пыль.

Снегопад вдруг кончился. Сразу посветлело, выпрынула на мгновение луна. Под полозьями визжал снег, заметно крепчал мороз.

Миновали Сокольнический парк, дорога пошла в гору.

— Дальше нельзя! Спускаем!

Артемьев подошел к дому. Затаил дыхание и принял ухом к углу оконного наличника. Не всякое слово разобрать можно, но все-таки услышал. Чей-то бас пробубнил:

— Хвостов за собой не привел?

Потом бормотанье, и вдруг вскрик, на этот раз голос Тункина:

— Обмануть меня хотите? Не выйдет! Мне все сказано! Надоели вы мне со своим Курбатовым! Где он? Я его спрошу!

Скрипнул пол, звук как будто бы от удара, что-то тяжело рухнуло на пол, и опять возглас Тункина:

— Прочь, купчишка! Пристрелю как собаку! Пристрелю тебя, лакейская душонка! Мне теперь до вас нужды нет! У меня есть люди! Клади деньги и убирайся! Я сам теперь все могу!

Раздался вновь короткий удар, металлический стук по полу, короткая борьба. Видимо, тот, с кем боролся Тункин, выбил у него из рук пистолет.

Артемьев в один прыжок подскочил к крыльцу и постучал. Три коротких удара, пауза, два с растяжкой. В доме затихли. Долгая стояла тишина. Артемьев не знал, может ли он еще раз постучать или повторным стуком нарушит условленный знак.

В сенях послышались осторожные шаги. «В валенки обут», — отметил для себя Артемьев. Шаги осторожные, но половицы шаткие. Звякнуло ведро. Конспираторы!

Бесшумно спят внутренний запор, дверь приоткрылась. Артемьев скользнул в сени.

В грудь ему уперся ствол нагана. Из темноты раздался голос Тункина:

— Это он!

— Тункин сказал правду! — ответил Артемьев. — Это я! Зачем, однако, шуметь? И убери наган, когда его вынимаешь — надо стрелять!

Басок ответил:

— И выстрелю!

— Сейчас не выстрелишь, а потому — убери!

— Это почему же не выстрелю?

— Пока не узнаешь, кто и что я. стрелять не будешь!

— Из Чека?

Артемьев отодвинул плечом темную фигуру и шагнул в глубины сеней,

— Этот дурак,— сказал он, указывая на Тупкина,— таскает-ся по притомам и болтает... У него оружие есть?

— Его оружие у меня...

— Шевров?

Человек не ответил.

— Слушай, Шевров! Тупкин хвалился в притоне. Наш человек слышал его похвальбу. Случай вас спас, что ко мне это дело попало! Ясно? Или еще что-то не ясно?

— Это он! Он! — закричал Тупкин.— Спроси у него, сколько вы от меня утаили?

— Вдвое больше! Всегда так бывает! — резко бросил Артемьев и, уже обращаясь к Шеврову: — Завтра облава и вас загребут! Так же вы мне не пужны!

— А какие тебе пужны? — настороженно вскинулся Шевров.

Артемьев сделал два шага, пощупал рукой дверную ручку, рванул дверь на себя и вошел в дом.

— Поговорим! — пригласил он за собой хозяев.

Первым за ним вошел Шевров, робко двинулся и Тупкин.

— Так вот что, Шевров... — начал, словно бы в раздумье, Артемьев. Поднял глаза на собеседника: — Сергей Иванович Шевров?

— Сергей Иванович...

— Отец твой держал бакалейную торговлю в Можайске...

— Разные бывают Шевровы.

— О том, что тебя чекисты ищут, известно?

— Меня?

— Что думаешь о моем приходе?

Шевров криво усмехнулся:

— Дом оценен, убью тебя — меня убьют... Послушаю, что скажешь!

Артемьев стукнул пальцами по столу.

— Умные речи! Жандармская школа для тебя даром не прошла! О том, что ты у жандармов в осведомителях состоял, тоже известно. Нашли твоё дело в архиве... Вот такой-то мне человек и нужен!

Шевров указал рукой на Тупкина, затаившегося у двери:

— Что с ним?

Артемьев усмехнулся:

— Держи при себе! От себя не отпускай!

— Зачем мы тебе пужны? — выдавил Шевров.

— А как ты думаешь?

— Не знаю... Сперва тебя послушаю!

Артемьев прошелся по кухне. Оглядел все внимательно, откинул занавес в горницу. Под его грузными шагами скрипели половицы. Шевров встал рядом с Тупкиным у двери.

Артемьев резко остановился перед ними.

— Бежать подумал? Бегу сегодня! Завтра поздно! Ты да Тупкин — вся группа? Мне мало...

Шевров крикнул, вернулся к столу и сел на табуретку.

— Слушаю я тебя и не верю! А деваться некуда. Рискну! Есть еще один: Курбатов, офицерик из юнкеров...

— Стрелять умеет?

— Умеет...

Артемьев поднялся с лавки.

— Смотри Шевров! Шутки со мной не шуты!

— Не до шуток! — мрачно ответил Шевров.

Он проводил Артемьева, запер за ним дверь.

У дома, где скрывался Шевров, Артемьев оставил охрану. Приказал глаз не сводить. Там все на месте. Не должны бы уйти! Тронутся, тут же их и возьмут.

4

Теперь вопрос: а есть ли Курбатов или это выдумка и нет никакого Курбатова?

А если и есть, то неужели их только трое? Такое дело — и только трое? А зачем больше? Шевров — фанатик, жандармский осведомитель, пьяница... Кто их направил? Очевидно, что с эсерами эта группа ничего общего не имеет. Что изменится, если они скажут, что их послал Деникин? Или кто другой?

Очень не хотелось Артемьеву беспокоить Дзержинского, но все же решился. Надо немедленно арестовать Шеврова.

Дзержинский принял его незамедлительно, хотя шел третий час ночи.

Артемьев доложил о встрече, не пропуская ни одной мелочи.

Дзержинский слушал не перебивая, устало опустил голову на локоть, задумался.

— Нет! — воскликнул он, отвергая предложение Артемьева. — Рано! У меня есть два вопроса. Вопрос первый. С кем из работников жандармерии и по какому отделу был связан Шевров? Курбатов... Фамилия интересная! Известен декабрист Курбатов... Я читал его письма с рудников. Светлой, высокой души человек. Курбатов... А вдруг он родня декабристу?

Артемьев перебил Дзержинского:

— Я боюсь, что вообще нет никакого Курбатова...

Дзержинский покачал головой:

— Какой-то Курбатов все же есть! Шевров выдал Курбатова, выдал бы и других, если бы они были в группе! — Дзержинский жестко усмехнулся. — Вас сбивает, Василий Михайлович, что Шевров купчишка! А он не столько купчишка, сколько жандармский агент. Если к тому же он был связан с людьми умными, они его могли кое-чему научить. Давайте проиграем с вами эту ситуацию. Вы являетесь к ним на явку. Даже в дверь постучали условленным стуком. Перед вами явился Тупкин. Он явился и учинил скандал, чуть ли не до убийства дошло! Шеврову отлично известна вся система конспирации группы. Вы еще не явились, а он уже имел основания ждать вас! Кто-то

настроил против него Тункина. Кто? Вот вопрос, который занимал его до вашего прихода. Шевров знал, что никто не мог напугать Тункина из их группы. Допустим, что у них группа несколько шире, чем он ее обозначил. Вслед за приходом Тункина раздается стук в дверь. У них мог быть обусловлен стук в дверь для каждого участника группы особо. Вы постучались точно так же, как постучался Тункин. Что мог предположить Шевров?

— Вы так подвели, Феликс Эдмундович, что и предполагать-то ему нечего. Просто уверен был, что явилась Чека! Выследили Тункина, по его следам и пришли!

— Я тоже так думаю, Василий Михайлович! На всякий случай он вынул паган! Но он не выстрелил! Что ему мешало выстрелить?

— Испугался, что я не один?

Дзержинский отрицательно покачал головой. Вышел из-за стола и сел в кресло напротив Артемьева.

— Что мог в его положении изменить один выстрел? Шевров не истерик и не мальчишка. Он решил разведать, с чем пришли и нельзя ли выскочить из страшного для него кольца. Теперь прикинем, Василий Михайлович, преступления этой семейки. Отец — активист «Союза русского народа», зубатовец, провокатор, погромщик. Шеврову известны его прегрешения.

— Тогда непонятно, почему он не стрелял. Поверил мне? Почему ему не поверить?

— И в аппарате ВЧК могут оказаться союзники Шевровых. Эсеровское восстание тому пример! Но у него глаз наметанный. В вас он сразу признал рабочего.

Артемьев даже кулаком по столу ударил.

— Тогда он должен был стрелять!

— Нет! Не должен! Он рассчитывал купить у нас отпущение грехов и начал выдавать своих. Вот на что он рассчитывал! Он надеется и сейчас, что живой он нам пужнее, чем мертвый! Он считает, что нам пужны его услуги, а не суд над ним! Ситуация, я сказал бы, обычная в работе контрразведок. Для человека, испушенного в жандармских штучках, это не новость! Вот почему он выдал Курбатова...

— Что же с ним делать?

— Повторяю, посмотрим, с кем он был связан по жандармскому управлению. Найдем Курбатова...

5

Владислав Павлович Курбатов почти месяц жил в Москве. Ни расплаты за шаг, который собирался свершить, ни мук, ни суда людского — ничего он не страшился.

Россия? Что под этим понимал он?

Спроси его, наверное, и не ответил бы, слов не хватило. Все смешалось: и мечты, и горечь от рухнувших надежд. И семейка

березок под его окном в далекой тульской деревеньке, куда он ездил на вакации к матери. А главное, уходило, уплыло стремительно и истончалось прекрасное прошлое. Оно вставало в памяти прекрасным и не поддавалось ни обсуждению, ни оценкам.

Отец погиб под Порт-Артуром. Был он героем, полным георгиевским кавалером. Погиб молодым генералом. Сыну было семь лет, когда отец выстроил полк на вокзальной площади перед посадкой в эшелоны.

Запомнил Курбатов, что у платформы и на запасных путях стояли длинные составы с красивыми вагончиками, как игрушечные. Гремел духовой оркестр. Какие-то люди говорили речи с дощатого помоста, потом отвечал отец. В военном мундире, тогда еще без орденов. Молодой, красивый, у него были светлые волосы и рыжие усы. Таким и запомнился он Курбатову.

У матери под стеклом хранилась фотография. Он прислал ее из Порт-Артура. На нем был генеральский мундир, украшенный четырьмя Георгиями.

Дед отца, его прадед, стоял под Бородином на батарее Раевского. Был дважды ранен, но не покинул поля боя, пока не утихло дневное сражение. Хранился в семейном альбоме рисунок Киренского, карандашный набросок. Алексей Курбатов рисовал был молодым. В губах он держал длинный чубук, смотрел с усмешкой чуть в сторону. Герой Отечественной войны, он был связан с декабристами, разжалован, предан суду и выслан в Сибирские рудники. Курбатов сам напел книги, в которых писали о его прадеде. Он понял одно: прадед выступал против рабства в России.

Мать рассказывала, что восстание на Сенатской площади Алексею Курбатову принесло и личную беду. Спасая доброе имя своей невесты, он отказался от нее.

Мать Владислава Курбатова была польской княжной, из знатного рода Радзивиллов.

Павел Алексеевич Курбатов командовал батальоном в Польше. Мать рассказывала, что они случайно встретились на балу, который давал князь Радзивилл. Они влюбились. Через три дня после бала в замке Радзивиллов Курбатов умчал княжну через польскую границу и обвенчался с ней в православной церкви.

Вышла история. Но она не бросила тени на честь Курбатова, в отставку уходить не пришлось, пришлось уехать из Польши. Княжна приняла после венчания православие.

Прошли годы, князь остался непоколебим и умер, так и не простив дочь. С польской родней все связи были оборваны.

А в тульской деревеньке, в Тихих Затонах, польская княжна скучала... Но изменить своей судьбы после гибели мужа не смогла.

От нее заразился Курбатов и некоторым страхом, подозрительностью в отношении к русскому мужику.

Чего он боялся? Он этого не мог объяснить, как никогда не умела ему этого объяснить и мать. И что она могла понять в русском мужике, которым пугала сына с малых лет?

На ночь помещичий дом, стоявший на отдалении от села, на взгорье, запирался на прочные железные засовы, окна задвигались дубовыми ставнями, по двору бегали лохматые собаки, похожие на медведей.

Тихие Затоны лежали в двадцати верстах от железнодорожной станции. Деревня была смиренной, и никто даже не помнил и со старины о разбое.

Но его мать никогда не ходила в лес и стороной объезжала деревню. Она тосковала по Радзивилловским замкам в Польше и любила говаривать, что там все не так, что там не встретишь в простонародье дерзкого лица. Она, наверное, просто забыла, что никогда и не видела польского крестьянина, так далек был от окружающей действительности тот ее мир...

Но вот странно — об Алексее Курбатове, о декабристе, она любила говорить, любила о нем рассказывать, и в ее рассказах рождался образ героя, страдальца за народ, за тот самый народ, которого она боялась.

Мать не любила и не уважала русского царя, это уже в ней говорила полька, и она, не стесняясь сына, будущего царского офицера, насмехалась над царем, над Распутиным, над немкой-императрицей.

В последние годы перед выходом из юнкерского училища Курбатов прочитал «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина, потом перешел к чтению «Истории России» С. М. Соловьева, зачитывался этими книгами, как романами, и начало ему казаться, что стала доступной его пониманию душа России.

История для Курбатова слилась в подвиги могучих духом личностей, которые и свершали исторические повороты.

Февральскую революцию Курбатов встретил восторженно. Он считал, что довершено дело, которому было положено начало на Сенатской площади. К тому же он был сторонником всяких перемен, ибо искал обстановки, в которой он мог бы совершить подвиг. А служба в это время была у него нудной и скучной. Он состоял в офицерской команде, которой была поручена охрана главы Временного правительства России. Вот кого он не любил. Трескучие фразы, поза, ничтожество. Офицеры охранной команды были убеждены, что России нужен военный диктатор. Называли имена старших генералов, но никогда не называли одного имени, личности, на которой сошлись бы все.

О военной диктатуре Курбатов говорил много и охотно. Поэтому его сразу же вовлекли в офицерскую подпольную организацию. Тут виделось ему что-то похожее на подвиг, здесь могло что-то зависеть и от усилия одного человека, а не от толпы. Он выполнил несколько заданий по связи. Накануне Октябрьского переворота был произведен в подпоручики. Производство внеоче-

редное и, наверное, не очень-то и законное. Но такие уж были обстоятельства. Встречался он и сидел за одним столом с полковниками и генералами. И казалось ему, что был с ними на равной ноге.

Не знал, не ведал, как умели они играть на самолюбии мальчишки. Мальчик жаждал подвига, а в его руку вкладывали оружие террориста.

На подпольную квартиру приходили в штатском. Но штатские костюмы не скрывали военной выправки. Иногда приходил господин с холодным, почти мертвым лицом. Тонкая кожа обнажала череп. К нему обращались с почтением, когда он говорил, слушали его с вниманием.

Никто его не пазывал ни по имени, ни по фамилии.

Именно этот человек сказал Курбатову, что одним выстрелом можно спасти Россию, вывести ее из смуты, развеять туман, решить ее судьбу, хотя бы и ценой собственной жизни. Будущее России в руках национального героя. Курбатов с восторгом согласился.

Его снарядили и послали в Москву. Объяснили, что от него нужен выстрел, один выстрел. На место, откуда стрелять, его выведет надежный помощник.

В Москве он встретился с Шевровым...

Шевров поместил Курбатова на квартире и просил не выходить на улицу до назначенного часа.

Но назначенный час откладывался. Нетерпение Курбатова возрастало. Шевров появлялся в три дня раз, приносил еду. Приходил всегда в один и тот же час, рано утром.

Он заверял Курбатова, что все готовится по заранее намеченному плану. Собираются люди осторожно, неторопливо, выступление же скорее всего придется на весну, когда установится дорога для наступательных операций армии.

Курбатов жаждал деятельности. Шевров сдерживал его.

И Курбатов не вынес ожидания и одиночества.

Однажды вечером он вышел прогуляться. На Тверском бульваре, возле памятника Пушкину, он наткнулся на толпу. Все больше молодежь, весьма разношерстная. На постамент поднимались поэты и читали стихи.

Пал редкий снег, морозило. Толпа начала расходиться, но самые заядлые любители поэзии сговаривались пойти к кому-то на квартиру.

Бойкая девушка с кем-то перемолвилась и объявила своей подруге:

— Нас приглашают! Пойдем!

И тут они столкнулись лицом к лицу с Курбатовым.

Девушка решительно протянула ему руку в варежке и представилась:

— Эсмеральда! Вы поэт? Или художник?

— Художник! — на ходу придумал Курбатов. Акварелью он пробовал рисовать в юнкерском,

Эсмеральда была высока ростом, худа, но не лишена женственности. На него глядели из-под длинных пушистых ресниц голубые глаза.

Она представила свою подружку:

— Наташа Вохрина! Начинаящий живописец.

Они пришли на какую-то квартиру. Расселись, окутанные табачным дымом, кто где успел: на стульях, на диване, на подоконниках и даже на столах. Это было импровизированное чтение поэтов из футуристического кружка «Центрифуга».

Лохматый юноша читал свои стихи.

Курбатов оглянулся на Наташу. Штопанная на локотках шерстяная кофточка. Волосы гладко причесаны в строгий пробор, по спине стекают две косы.

Эсмеральда поглядывала на него лукаво и ласково, держалась несколько покровительственно.

Выглядела она странно: одна половина платья ярко-зеленая, другая — желтая. Волосы седые, а губы лиловые. Разукрасила себя как на картине, что приметил Курбатов на стене в той комнате, где читались стихи.

Он проводил девушек домой, куда-то к Яузским воротам, понимая, что страшно рискует. Достаточно наткнуться на первый попавшийся патруль...

А потом в пустой квартире на Козихинском метался в растерянности и в гневе на себя.

Или и взаправду он полюбил? А имеет ли он право, он обреченный, может быть, на смерть, любить?

Наташа потянулась к нему, и Курбатов пытался себя убедить, что видит в Эсмеральде и в Наташе помощниц в своем деле, приходил к ним по вечерам. Они уходили с Наташей гулять. Изъяснялся он с ней таинственно, на что-то намекая, но недоговаривая, толковал о долге, чести, о своей обреченности, не замечая, что Наташа не выкидает в смысл его слов.

Каждый час Курбатов ждал условного стука в дверь. Он метался по пустой квартире, взвизгивая свое нетерпение.

6

Стук в дверь поразил его как гром. Он даже не сразу сообразил, что стук условный. Три частых удара и два удара пореже.

Он кинулся к двери и замер. Свершилось! Без дела Шевров в двенадцатом часу дня не мог прийти! Свершилось! Наташа! Он ничего не успеет ей сказать. А что сказать? Сегодня, через несколько часов, его имя прогремит на весь мир!

Курбатов распахнул дверь.

Из-за двери выступил незнакомый человек.

— Здесь не требуется ремонт канализации? — произнес он слогом пароля.

Курбатов с недоумением уставился на него и вдруг торопливо ответил:

— Канализация исправна, надо починить рамы. Мы едем?

— Едем! — ответил Артемьев и двинулся в глубь квартиры.

— Я здесь один! Один я здесь!

Артемьев оглядел пустые комнаты и приказал:

— Одевайтесь!

Курбатов надел шинель, солдатскую шапку.

Артемьев даже присвистнул.

— Ничему-то вы, господа, не научились! — сказал он.

— Что такое? — Курбатов испугался, что этот мрачный посланец вдруг все отменит.

— В таком наряде? Хм! — Артемьев вздохнул. — Со мной сойдут. У вас есть оружие?

— Оружие? Есть!

Курбатов вынул из кармана бренок наган.

Артемьев взял наган Курбатова. Секунду, казалось, над чем-то раздумывал.

— Да... Оружие, прямо скажем, игрушечное... Но с оружием по улицам ходить сейчас опасно. Пусть пока ваша пушка полежит у меня в кармане. Так надежнее... Больше ничего нет?

— Нет! Зачем же? — Курбатов с удивлением взглянул на Артемьева.

— Вы знаете, Курбатов, что вам предстоит?

— Что?

— А разве Шевров не дал указания?

— Я его не видел три дня...

Артемьев вздохнул. Под усами скользнуло что-то похожее на улыбку.

— Я вас повезу к человеку, который вам все объяснит, — сказал Артемьев.

Они вышли в переулок. Артемьев осмотрелся. Могла быть и слежка, налаженная Шевровым. Свернули в подворотню, прошли двумя проходными дворами, вышли к автомобилю. Работал на малых оборотах мотор. Артемьев посторонился, пропуская Курбатова.

На хромированных колпаках колес Курбатов прочитал марку автомобиля. За рулем сидел шофер в кожаной куртке. Курбатов попытался. Артемьев уверенно подтолкнул его под локоть и тихо сказал:

— Садитесь! Я сейчас вас доставлю к человеку, который все устроит...

Автомобиль выскочил на Тверскую, спустился вниз, повернул с Охотного ряда и остановился у гостиницы «Метрополь».

На третьем этаже Артемьев постучал в дверь номера. Дверь открылась. Артемьев пропустил Курбатова и сказал:

— Знакомьтесь, Курбатов! Это и есть самый нужный вам теперь человек.

Курбатов стремительно шагнул вперед... и остановился.

— Я арестован?

— Нет! — резко ответил Дзержинский. — Я хотел с вами поговорить...

Курбатов оглянулся на Артемьева. Он спокойно выдержал его взгляд.

Дзержинский с любопытством смотрел на Курбатова и обернулся к Артемьеву.

— Феликс Эдмундович, мне нужно было удостовериться, не оговорили ли господина Курбатова. А он так торопился, что не потребовал каких-либо объяснений. Он слышал и видел только то, что хотел слышать и хотел видеть.

— Что здесь происходит? — воскликнул Курбатов.

Дзержинский спокойно разъяснил:

— Садитесь, Курбатов, я хотел бы с вами поговорить...

— Я вам все равно ничего не скажу!

Курбатов кинулся к окну, Артемьев удержал его за руку:

— Что с вами?

— Я прошу вас о милости, господин Дзержинский! Дайте мне оружие! Я застрелюсь!

— Вы боитесь отвечать за свои поступки? Или, может быть, вам стыдно, что вы бессильны доказать необходимость своих действий?

— О нет! Напротив! Шевров арестован?

— Нет, Шевров не арестован. Пока не арестован... Он выдал вас, надеясь этим купить снисхождение.

— Это неправда!

Дзержинский поморщился:

— Правда, Курбатов!

Курбатов махнул рукой:

— Мне все равно... На ваши вопросы я отвечать не буду. Следствию ничем не помогу. Верните мне оружие, я застрелюсь... Если вам неудобно, чтобы это случилось здесь, в гостинице, отвезите меня за город, заведите в подвал, куда угодно! Я прошу у вас милосердия!

Дзержинский покачал головой.

— Где и когда мы обещали нашим врагам милосердие?

— Может быть, и не обещали... Неужели вам необходим суд? Мне нестерпимо разбирательство! Результат тот же. Я сам...

Курбатову могло показаться, что Дзержинский задумался. Он прошелся по комнате, остановился возле Артемьева.

— Василий Михайлович, у вас патроны?

Артемьев вынул из кармана горсть патронов.

— Когда мы ехали в машине, я разрядил наган.

Дзержинский расставил патроны на столе.

— Мы должны проверить, какие это патроны.

— Пули отравлены! Можете не проверять!

— Верю, Курбатов! — гневно воскликнул Дзержинский. — Подлость за подлостью! И вы еще требуете милосердия!

— Тогда арестуйте меня и обходитесь как с арестованным!

— Может быть, придется прибегнуть к этой акции. Пока она преждевременна. Я хотел с вами говорить.

— Я не хочу! Это допрос? Я не буду отвечать на ваши вопросы.

— Нет, это еще не допрос! Я хотел бы спросить вас... Вопрос чисто эстетический...

— Большевики — и эстетика! — усмехнулся Курбатов.

Дзержинский не обратил внимания на усмешку.

— Мне докладывали, — начал он, — что вы дворянин, Курбатов...

— Дворянин! И этим горжусь!

Дзержинский остановил его предупреждающим жестом руки.

— Я тоже дворянин, но не вижу в этом предмета для гордости. Вы дворянин, офицер... Скажите, Курбатов, как вы относитесь к жандармам?

Курбатов не ожидал такого вопроса.

— К жандармам? Как можно относиться к жандармам? Жандарм — это несчастье России...

Дзержинский улыбнулся.

— Я рад, что у нас с вами совпадает отношение к жандармам. Хотя бы на один из вопросов у нас с вами одна точка зрения...

— Неужели вам так важно мое отношение к жандармам?

— Очень важно, Курбатов! Мне очень интересно, почему вы, дворянин, попали в компанию жандармов?

— При чем тут жандармы?

— Шевров — жандарм. Даже хуже. Тайный жандармский осведомитель. Провокатор, убийца...

— Но он всего лишь мой связанной. Лицо подчиненное.

Дзержинский отрицательно покачал головой.

— Это далеко не так! Он главная скрипка в вашем оркестре. А вас держали взаперти для какого-то темного дела. Какого? Вы знали, для какого дела?

— Вы можете мне доказать, что Шевров жандармский осведомитель?

— Это очень легко сделать! — ответил Дзержинский.

Он выдвинул ящик в столе, на стекло легла папка из архива жандармского управления.

Фотографии Шеврова анфас, в профиль, его обязательство доносить в жандармское управление о всех неблагонадежных, потом приказ о зачислении тайным платным агентом.

Курбатов брезгливо захлопнул папку.

— Вы можете, Курбатов, — предложил Артемьев, — ознакомиться с содержанием его донесений.

— Не надо...

— Курбатов... — тихо, как бы в раздумье, произнес Дзержинский. — Владислав Павлович, не так ли?

— Так.

— Вы не состоите в родстве с генералом Павлом Алексеевичем Курбатовым?

— Я его сын.

— Сын? Сын героя Порт-Артура? Павел Алексеевич Курбатов из славной семьи. Это же всем известно! Он внук декабриста Курбатова! Вы правнук декабриста Алексея Курбатова! Я не ошибаюсь?

— Нет.

— Правнук декабриста и — жандармы... Противоестественное сочетание!

— Каждый борется за свою Россию, господин Дзержинский!

— За Россию! Вы правы, Россия для каждого своя! За какую же Россию вы намерены бороться, Курбатов? Что вы видели, кроме кадетского корпуса и юнкерского училища? Где вы бывали, кроме Петрограда?

— В имении.

— Где?

— В Тульской губернии.

— У вас было большое имение?

— Нет! Маленькое имение.

— Может быть, вас обидело, что вы потеряли это имение?

— Нисколько! Моя мать едва с ним управлялась...

— Стало быть, я могу считать, что вы лично имущественных материальных претензий к большевикам не имеете?

— Нет! Не имею.

— Итак, вы бывали в имении матушки. Учились... Какую же все-таки Россию вы хотите защищать? Россию Романовых?

— Нет! Что вы! — воскликнул Курбатов, даже с ноткой возмущения в голосе.

— Сколько вам лет?

— Двадцать один год. Через месяц исполнится...

— Двадцать один год — это и мало и много. У нас есть красные командиры, которые в вашем возрасте командуют армиями. Вы хотели бороться за Россию, даже вероятно, спасти Россию! Какую Россию?

Жизнь свою Курбатов считал конченной, и все, что с ним происходило в эту минуту, он воспринимал почти нереально. Он даже прикидывал, сколько часов ему осталось жить. Зачем тогда это длинное и трудное объяснение? Чего от него хотят?

Там, в той квартире в Петрограде, не проходило вечера, чтобы не сыпались проклятия на большевиков. Пришлось слышаться всякого. Но человек с черепом, обтянутым бледной и мертвой кожей, сказал в последний вечер, перед тем как ему сестра в поезд:

«Все, что говорилось нашими старичками, забыты! Ни глупости, ни убожества у большевиков нет! За ними стройная и страшная логика жизни. Их вожди совсем не марионетки. Ленин — значительнейшее лицо современности. Запомните: это сильный человек, умный, образованный, блистательный полемист. Дзержин-

ский! По странной случайности мне довелось с ним однажды столкнуться. Ни одна разведка мира не имела такого руководителя! Страстная убежденность! Ум философа, способности ученого! Если вдруг вам придется с ним столкнуться — лучше смерти! Вам не устоять!»

Человек прохаживался, нависая длинной тенью над Курбатовым. После молчания добавил:

«Если бы я был моложе и мое лицо не было бы известно большевикам, я никому не доверил бы этой миссии. Только на минуту поколебаться вам, Курбатов, и все пропало, он не оставит камня на камне от ваших убеждений, от вашей мечты!»

И вот его предал сообщник. Он не мог застрелиться, его втянули в объяснения... Перед ним противник! Но что же их разделяет? Курбатов не мог ответить на этот вопрос. А Дзержинский не торопит, он дает время подумать...

— Вы знали, Курбатов, на какое вас готовили дело?

— Это вопрос следствия! Я уже сказал, что на такие вопросы я не хочу отвечать.

Дзержинский резко разрубил ладонью воздух.

— И на этот вопрос, как и на первый, вы не сможете ответить! Одно из двух: или вам стыдно на него ответить, или вы и сами не знали, на что вас готовят! Дворянин, сын героя Порт-Артура, потомок декабриста, русский офицер... Как вы сможете признать, что из вас готовили ординарного убийцу?

— Нет! Это неправда! — вскричал Курбатов. — Восстание — это не убийство!

Дзержинский поморщился.

— Восстание? Кто же восставшие? Жандармский осведомитель Шевров, спавшийся учитель фехтования из офицерского клуба, два-три еще каких-нибудь проходимца и вы, Курбатов? Так составляются террористические группы, но никак не центры восстания! Кто пойдет за жандармским провокатором?

— Он был только связным!

— Нет! Он не был связным, он руководитель террористической группы, где вам отводилась роль исполнителя и палача.

Дзержинский встал. Прошелся по номеру. Подошел к Артемьеву.

— Василий Михайлович! Объясните Курбатову, какое он имеет отношение к Тункину.

Артемьев сел, подвинул стул поближе к Курбатову. Положил на стол чистый лист бумаги, вынул из кармана огрызок карандаша и нарисовал кружок. В кружке вывел «Тункин». Посмотрел из-под густых бровей на Курбатова и ласково усмехнулся.

— Сначала мы на Хитровке, в притоне, напали на след Тункина. Сей Тункин перед воришками, сутенерами и беглыми офицерами похвалялся, что он спаситель России...

Курбатов недобро усмехнулся.

— Арестовывать Тункина было рано. Я прошел в притон, сел рядом с Тункиным, поставил штоф спирта, подпоил его, и он мне все выложил. Я спросил, сколько ему назначили за выстрел. Он назвал сумму. Я сказал ему, что его надувают. И знаете, что он сделал? Тут же помчался к Шеврову и раскрыл нам его явку.

— Провокация?

— Нет, Курбатов! — сказал Дзержинский. — Провокация — это выстрел из-за угла. А это работа. И, я вам доложу, отличная работа!

Артемьев начертил на бумаге еще один кружок и вписал в него: «Шевров». От первого кружка ко второму прочертил пунктирную линию.

— Теперь нам полегчало! Есть и второй... Тункин мне назвал фамилию и личность определил. Шевровы в Можайске держали бакалейную торговлю...

— Так он из купцов! — как бы с облегчением воскликнул Курбатов.

Артемьев понял, чему вдруг обрадовался Курбатов: все еще не хочет верить в жандарма.

— Из купцов! Но это ничего не меняет. Его папенька, купец не из последних, был черносотенцем. Участвовал и даже организовывал еврейские погромы. Пограбил, еще богаче стал. А сынок многих на каторгу сровадил и под виселицу подвел.

Курбатов пожал плечами, но равнодушия изобразить ему не удалось.

— Тункин к нему пришел! После такого визита Шевров должен был тут же сняться с места! А там у них скандал! Тункин требовал денег и грозился оружием. Шевров выбил у него из рук пистолет. Драка! Я и вошел в эту минуту к ним.

Артемьев умолк. Теперь должен последовать вопрос Курбатова, очень важный вопрос.

Секунду-другую длилась пауза. И Курбатов задал тот самый вопрос, который был необходим Артемьеву:

— Вы, надеюсь, представились, когда вошли к ним? Назвались, предъявили мандат?

— Назвался и предъявил мандат...

— И полномочия на арест?

Артемьев понимал, что, если иметь виды на Курбатова, сочинительством заниматься нельзя.

— У меня и не было полномочий на арест. И арест был бы преждевременным. Я прикинулся их сторонником. Дело Шеврова: верить или не верить, что к нему за подмогой прибежал чекист. Он сделал вид, что поверил...

— А может быть, и правда поверил? Вы могли убедительно сыграть свою роль!

Артемьев засмеялся и покачал головой:

— Нет! Он не поверил... Он просто решил, что может от меня откупиться, сообщив ваш адрес. Он и адрес мне дал на Козинский, и пароль... Продал, короче, вас, Курбатов!

Артемьев написал на листке бумаги «Курбатов» и обвел кружочком. Подвинул лист бумаги Курбатову.

— Как вы полагаете, Курбатов, можем мы на этих трех точках оборвать расследование?

Курбатов подвинул к себе лист бумаги, поднял глаза на Артемьева.

— Это уже вопрос следствия... Я сказал вам, что не буду отвечать на такие вопросы.

— Я вам еще таких вопросов не ставил, Курбатов! Вам и бессмысленно ставить! Вы ничего не знаете, вы были исполнителем воли Шеврова. Мы Шеврову будем задавать такие вопросы...

Дзержинский вернулся к столу. Слегка прищурившись, взглянул на Курбатова.

— Теперь вам ясно, какое вы имеете отношение к Тупкину?

Курбатов промолчал.

— Как это увязывается с именем, которое вы носите?

— Никак! — выдавил из себя Курбатов.

— Что же нам теперь делать?

— Я просил вас о милости!

Дзержинский отмахнулся:

— Это самое простое! А как же быть с Россией, за которую вы решили бороться?

— Как же я теперь могу за нее бороться?

— Я убежден, что вы хотите своей Отчизне добра... Вы просто не нашли себя в этой борьбе. Какое мы должны вместе с вами принять решение? Хотите, я при вас спрошу у Ленина, как я должен поступить с правнуком декабриста?

— У Ленина? — удивленно переспросил Курбатов.

— Да! Я ему должен доложить о вас.

Дзержинский снял трубку, попросил его соединить с Лениным.

— Здравствуйте, Владимир Ильич, — начал он. — Я готов выполнить вашу просьбу. Террористическая группа, о которой я вам вчера докладывал, обезврежена. Один из участников группы — правнук декабриста... — Дзержинский умолк. Видимо, его перебил Ленин. — Да, это установлено, Владимир Ильич. Да, да! Он сын генерала...

Ленин опять о чем-то спросил Дзержинского. Дзержинский ответил:

— По неразумению, Владимир Ильич! Он сам не знал, куда его вовлекали.

После паузы Дзержинский закончил разговор:

— Спасибо за совет, Владимир Ильич!

Дзержинский положил трубку.

— Все разрешилось, Владислав Павлович! Вы свободны!

Курбатов встал.

— То есть как — я свободен?

— Вы свободны! Это значит, что вы можете располагать собой, как вам угодно!

— Не означает ли это, что я сейчас могу уйти?
 — Можете. Я же сказал, что вы свободны...
 Курбатов пожал плечами, направился к вешалке.
 Артемьев принялся складывать бумаги в папку.
 У вешалки Курбатов остановился. Секунду помедлил и вдруг вернулся к столу.
 — Я не могу так уйти!
 — Почему же? — спросил Дзержинский.
 — С кем сегодня были бы мой отец?
 Дзержинский задумался.
 — Это очень трудный вопрос, Владислав Павлович! Он был патриотом России, он был талантливым военачальником. Это все, что я о нем знаю... Тот, кому воистину дорога Россия, не станет ее по клочкам распродавать европейским авантюристам. Какую Россию вы думаете защищать?
 — Россию, о которой мечтал мой прадед! Именно об этой России и я думал... но я не знал, кто с ней и кто против нее.
 Курбатов указал на листок бумаги с карандашными кружочками Артемьева.
 — У вас здесь неполная схема... Я готов ее дополнить. Правда, я мало что знаю...

7

Несколько часов спустя Артемьев докладывал Дзержинскому и Дубровину о том, что ему рассказал Курбатов.
 — Вижу, — заметил Дзержинский, — ваш подопечный меняет свои взгляды. Так оно и должно было быть. Мы в наследство получили человеческий материал, не всегда готовый к решению наших задач. Наше дело обработать этот материал, донести до каждого цели пролетарской революции... Я хотел бы посоветоваться с вами об одном варианте, связанном с Курбатовым. Невольно мы получаем возможность...
 Дзержинский сделал паузу, словно бы еще раз продумывая свое предложение.
 — Нет! — сказал он. — Не будем торопиться... Курбатов — правнук декабриста, отец его — боевой генерал, погиб в Порт-Артуре. Генерал боевой... Семья не из богатых, но мать Курбатова... Вот здесь начинается удивительная история. По нашим справкам, она полька из рода Радзивиллов... Старинный аристократический род, княжеская семья...
 — Он? Князь? — спросил Артемьев.
 Дзержинский усмехнулся:
 — Его мать была княжной... Он в родстве с влиятельным родом в Польше...
 — У нас могут возникнуть польские интересы! — заметил Дубровин.
 — Могут возникнуть. Но я не возлагал бы особых надежд

на такое родство. Для Радзивиллов — это обременительное родство... Пока он нам может помочь установить, кто направляет действия Шеврова и ему подобных...
 — Можем упустить Шеврова, — сказал Артемьев.
 — Можем и упустить, — согласился Дзержинский. — Но подумайте и о другом. Если возьмем Шеврова, мы будем его судить. Тогда с Курбатовым перекрываются все комбинации. А я думаю о центре белогвардейских заговоров! Ему там верят, он может проникнуть туда через тех, кто его посылал с оружием в руках в Москву.
 — Молод! — не сдавался Артемьев. — Тороплив!
 — Если далеко смотреть, то хорошо, что молод. Шевров сюда больше не вернется! И сам побоится, и не пустят его... Второй раз по одной и той же тропке в таких делах не ходят... Курбатов там, в белогвардейском центре, важнее для нас, чем расстрелянный Шевров. Вы с этим можете согласиться, Василий Михайлович?
 — Пожалуй, что так!
 — Ваше мнение, Алексей Федорович?
 — Согласен.
 — Вы установили, с кем был связан Шевров по жандармерии?
 — Жандармский ротмистр Пальгунов... Расстрелян! Шевров работал около орехово-зுவских ткачей... Несколько раз выезжал в Финляндию и там успел выдать группу социал-демократов. Провал с переброской оружия в семнадцатом году тоже на его счету.
 Дзержинский задумался.
 — Плачет по нем пуля! — заметил Артемьев.
 — Кто был начальником у ротмистра Пальгунова? — спросил Дзержинский.
 — Полковник Густав Оскарович Кольберг... Где он сейчас, установить не удалось.
 — Кольберг? Это интересно! — ответил Дзержинский. — Помните, как-то он присутствовал, когда меня допрашивали... Он занимался окраинами империи: Польшей, Прибалтикой...
 Дзержинский встал и прошелся по кабинету. Посмотрел на Артемьева.
 — Что вам рассказал Курбатов?
 — О петроградской явочной квартире рассказал... Обрисовал некоторые личности. Откровенно говоря, не знаю, на кого думать: «Союз защиты родины и свободы»? Может быть, остатки этой организации? Возможно, что-то и новое. Очень уж густое офицерье...
 — Приглашайте Курбатова! — приказал Дзержинский.
 Курбатов вошел в кабинет. Покосился на нового для него человека, на Дубровина. Бородка клинышком, очки в металлической оправе, пшпак, интеллигент, так он совсем недавно охарактеризовал бы его со своими однокашниками. А когда услышал его фамилию — дрогнул. Слышал о нем. Командовал Дубровин

большевистской армией, рассказывали о нем, что вышел он из дворянской семьи.

Курбатов подробно рассказал о встречах на петроградской квартире, рассказал, о чем там шли беседы.

— Квартиру эту надо будет проверить. Свяжитесь, Василий Михайлович, с петроградцами. А теперь,— сказал Дзержинский,— поговорим подробнее о вашем, как вы его называете, наставнике. Штатский... Может быть, в чем-то обнаруживалась его военная выправка?

— Нет,— ответил Курбатов.— Я очень им интересовался. Спрашивать о нем не полагалось.

— Какие отличительные детали костюма вы могли бы отметить?

— Всегда в черном... При галстук... Монокль...

— Монокль? Это уже деталь! — подхватил Дубровин.

— Деталь! — согласился Дзержинский.— Деталь... Еще раз опишите его лицо.

— Я нарисую,— предложил Курбатов.

Перед ним легли листок бумаги и карандаш.

Рисую, Курбатов говорил:

— Череп, обтянутый кожей... Гладко выбрит. Худое лицо, как у святых на греческих иконах. Сильный, прямой, обрубленный подбородок.

Курбатов кончил рисовать. Дзержинский подвинул листок Дубровину.

— Размножьте и срочно перешлите петроградцам. Перевернуть весь город, но найти!

И опять обращаясь к Курбатову:

— Это он назвал вам Шеврова и дал к нему явку?

— Он.

Дзержинский сел за стол, озорно взглянул на Дубровина.

— Вы догадываетесь, Алексей Федорович, кто это такой?

— Нет, Феликс Эдмундович, но чувствую, что вы его узнали...

Дзержинский придвинул стул ближе к Курбатову.

— Вспомните, Курбатов, поворошите свою память! Это очень важно! Вспомните, может быть, кто-нибудь обмолвился. Случайно назвал его имя...

Дзержинский сделал паузу. Затем отдельно произнес:

— Кольберг!

Курбатов закрыл глаза, несколько раз про себя едва слышно повторил эту фамилию и покачал головой.

— Нет, не слышал...

— В его речи немецкий акцент вы не уловили?

— Очень четкая речь, медленно выговаривает слова... Он очень правильно говорил...

Дзержинский опять приблизился к Курбатову.

— Теперь я назову имя. Густав!..

— Густав! — схватился Курбатов.— Да, да, это я помню. Я забыл... Как-то его ждали... Вошел один из... Ну, словом, был

там такой офицер, приходил почти всегда пьяный. Он вошел и спросил: «Густав не пришел?» От него отвернулись, и он понял оплошность. А немного позже пришел этот человек...

Дзержинский встал.

Курбатову невольно передалось волнение Дзержинского.

— Маловато, Феликс Эдмундович! — заметил Дубровин.

— Достаточно! — ответил Дзержинский, указывая на рисунок Курбатова.— Портрет и имя! Густав не такое уж распространенное имя. Вы хорошо рисуете, Курбатов. Вы учились?

— Немного! У нас в кадетском корпусе был хороший учитель рисования.

Дзержинский взял рисунок и отошел с ним к окну. Дубровин выжидательно смотрел на него, ждал и Курбатова.

— Кольберг Густав Оскарович! Живой его портрет! Вот она, ниточка, за которую Шеврова дергали... Жандармский полковник Кольберг! Посылал вас, Владислав Павлович, жандарм, направлял жандармский агент! Если бы можно было найти, как они связаны с Шевровым! Очень это нам важно! Похоже, что «Тактический центр» в Петрограде, который мы ищем,— это не только белые офицеры. Там и Кольберг замешан, а это... Это может далеко увести!

— Надо спросить Шеврова,— предложил Курбатов.

Дзержинский остановился.

— Как спросить? Он нам ничего не скажет!

— Мне скажет! — ответил Курбатов.— Я потребую у него ответа!

Дзержинский наклонился через стол к Курбатову.

— Как я вас должен понять, Владислав Павлович?

— Я хочу очиститься от жандармов...

— И хотите помочь ВЧК?

— Да. Я встречаюсь с Шевровым и спрошу его. Я ничего ему не скажу о наших разговорах. Я спрошу его, как мне связаться с Кольбергом. Он обязан мне будет ответить!

8

...На свидания к Наташе Курбатов обычно являлся затемно. На этот раз темноты ждать было некогда. Он спустился от Лубянки крутыми переулками к Воронцову полю.

Мороз к концу дня отпустил. Переменился ветер, и воздух наполнился влагой. Падала с крыш капель. На глазах темнел от дыма и копоти ночной белый снег. Радостно метались по мостовой воробьи.

Курбатов шел медленно, в глубокой задумчивости...

Дверь открыла Эсмеральда. Удивилась, но тут же пришла в восторг.

— Когда же? Когда? — зашептала она ему в прихожей.

— Что — когда? — спросил он сдержанно.

— Не скрывайтесь, Курбатов! У вас на лице написано, что вы в заговоре... Когда?

— Сегодня! — ответил шепотом Курбатов.

— Наконец-то! Наконец-то! Я в вас верю, Курбатов!

Она подтолкнула Курбатова в комнату. Из глубины полузатемненной занавесями комнаты поднялась Наташа.

— Гость-то какой у нас сегодня! Нежданный, но загаданный! — возгласила Эсмеральда с порога.

У Наташи на плечах шубка, голова прикрыта платком. В комнате нетоплено. Эсмеральда куталась в меховую безрукавку.

— Рассказывайте! — приказала она.

— Я пришел к вам за помощью...

— Связь? Сигнал?

Наташа поморщилась. Что-то все-таки вынесла Эсмеральда из ее туманных рассказов о Курбатове.

— Не нужно столько восторженности, Эсмеральда Станиславовна! Все гораздо будничнее и проще...

Эсмеральда чуть склонила голову перед Курбатовым.

— Откуда такое философское спокойствие?

Эсмеральда подошла к столу, взяла листок бумаги и карандаш.

— Я слушаю вас! Адрес?

— Записывать нельзя. Придется запомнить!

Курбатов назвал адрес. Объяснил, кого надо спросить. Назвал место встречи: Сокольники, начало третьей аллеи.

Эсмеральда вышла в другую комнату. Одевшись, против обыкновения, довольно скромно и отбыла.

Курбатов запер за ней дверь и остановился на пороге комнаты.

Зимний день вдруг вспыхнул холодным солнцем. Наташа откинула тяжелые занавеси.

— Эсмеральда любит темноту! — сказала Наташа. — А я люблю свет...

Курбатов не ответил.

— Что ты задумал? — спросила озабоченно Наташа. — Куда поехала Эсмеральда? Что ты от нас скрываешь?

Курбатов махнул рукой.

— Пустое... Теперь все встало на место... Пусть тебя не тревожит! Я много наговорил тебе пустых и ненужных слов! Я свободен от них! Я ото всего свободен, я пришел, Наташа, сегодня, чтобы сказать тебе... Я люблю тебя, Наташа! — произнес он почти шепотом. — Люблю...

Он поднял голову. Она стояла все в той же позе, опустив руки. Краска медленно заливала ее лицо и шею.

— Это правда, Наташа, я люблю тебя, я...

Но он не закончил фразы, быстро шагнул к ней, взял ее холодные руки и прижал к своему лицу.

Ему хотелось встать на колени, но он боялся показаться

смешным. И когда склонился к руке, почувствовал быстрый, короткий поцелуй на лбу. Он поднес к губам обе ее руки.

Они долго сидели, прижавшись друг к другу, на диване. Она смотрела ему в глаза и спрашивала:

— Это правда? Правда?

А потом вдруг спросила:

— А что же дальше? Ты обрек себя на что-то невозможное!

Курбатов весело улыбался.

— То было, Наташа, страшным кошмаром! Не вспоминай! Я люблю тебя, и этим все сказано! Я на днях уеду на фронт. Идет война, я человек военный...

— На днях? Я думала, что мы успеем съездить к моим родным.

— Поедем! Обязательно поедем.

9

Эсмеральда остановила извозчика, не доезжая до дома, где скрывался Шевров. Постучала, как положено, в дверь. Шевров открыл и, ничего не спрашивая, выпустил ее сначала в сени, потом проводил в кухню.

Эсмеральда передала ему просьбу Курбатова. Он спокойно ее выслушал, пристально всматриваясь в лицо.

— Значит, никак не желает идти обратно на квартиру? — спросил он.

— Никак! Говорит: опасно!

Шевров крикнул.

— А чего же ему опасаться?

— Он сегодня какой-то особенный! — пояснила она. — То все в тумане бродил, а сегодня не стихами, а прозой говорил.

— И он часто стихами разговаривает?

— Да. В стиле восемнадцатого века. Все державинскими одами, а современность требует другого языка.

— Позвольте поинтересоваться, какого такого языка? Французского, что ли?

— Вы не в курсе! Это и понятно!

Эсмеральда критически окинула взором кухню с поблекшими и обшарпанными обоями.

— Мы любим катастрофы! Все гибнет! Человек меняет кожу! Никаких законов, все на слом... Мы верим только в чудо! Все остальное — ползучая проза. Мы будем воевать десятилетиями. Пойдет мужичок гулять с топором и с огнем по земле! Пожарами Россия умоется!

— Умылась уже! — ответил Шевров и сторожко отодвинулся от Эсмеральды. — А сегодня, что же, он рассказал, что делать надо?

Эсмеральда вздохнула:

— Все-то вы в секреты играете? А секреты все у него на лице читаются! Что мне передать?

— Ничего не передавать! Нет у нас никаких секретов, вы, наверное, спутали что-то, гражданочка! Я Курбатова и знать не знаю, мне было просто любопытно с вами побеседовать!

Эсмеральда подмигнула Шеврову, встала и пошла к двери. Он ее молча проводил до крыльца. Вышел. Постоял, дождавшись, пока она уйдет, размялся и вошел обратно в дом.

Шевров решил, что к Курбатову приходили, но не арестовали. Что же произошло с Курбатовым? Он же дал адрес Курбатова чекистам... Стало быть, и Курбатов, как и он, Шевров, стал объектом их внимания? Началась какая-то игра!

10

В Сокольники Артемьев выехал со своими людьми заблаговременно. Надо было надежно укрыться, выбрать позицию, чтобы в случае опасности прийти на помощь Курбатову.

Вывездило. Высокие сосны затемнили аллею, в нескольких шагах стволы тонули в темноте.

Курбатов пришел минут на десять раньше. Он стряхнул рукавицей со скамейки снег и сел.

Около десяти часов Артемьев и чекисты приметили фигуру, она мелькала от сосны к сосне, прикрываясь в тени кустарников. Шевров! Он шел, волоча ноги по снегу, оттого не скрипел у него под ногами снег, делал остановки, прислушивался. Опять скользил от сосны к сосне. Неподалеку от скамейки остановился и прижался к стволу. Он стоял буквально в четырех шагах от Артемьева. Глаза Артемьева привыкли к темноте, и он мог различить каждый жест Шеврова. Все как будто бы складывалось удачно. Теперь Шевров не уйдет! И к Курбатову, по всей видимости, выйдет: зачем бы ему тогда сюда являться?

Курбатов посмотрел на часы: пять минут одиннадцатого.

Внезапно его прохватил озноб, хотя и не очень морозно. Курбатов встал, прошелся вдоль скамейки, повернулся. Тревога не проходила, она сделалась нестерпимой, он вдруг почувствовал себя как бы под прицелом. Стремительно упал в снег, за скамейку. Падая, услышал звук выстрела. Раздался еще один глухой выстрел, как будто бы стреляли в упор.

Курбатов увидел бегущего человека. Стрелять по мелькнувшей фигуре не решился. Побежал вслед, но его ослепила яркая вспышка и повалила с ног взрывная волна. Взорвалась ручная граната. Он вскочил и, слегка прихрамывая, шагнул в кусты. Наткнулся на лежащую фигуру. Наклонился: Артемьев!

По лесу раздавались крик и топот бегущих, гремели выстрелы, затем еще раз громыхнула граната, и все стихло.

Курбатов наклонился над Артемьевым. Тот певельнулся, пытаясь приподняться. Курбатов подложил ему под плечи руки. Рука ощутила что-то липкое. Кровь!

Артемьев застонал и попросил:

— Тихо, браток! — Уставился ему в лицо: — Курбатов? Ранен?

— Нет! Не ранен!

— Живой! — И тяжело пошк.

Курбатов опустил его на снег.

11

В тот час ни Дзержинского, ни Дубровина не случилось на месте. Начальник отдела отдал команду: «Взять всех!»

Тушкина захватили в доме в Богородицком, арестовали Наташу Вохрину и Эсмеральду. Доставили на Лубянку и Курбатова. Следователь сразу же приступил к допросу, не смущаясь, что в кабинете собрались все арестованные.

Следователь пригласил к столу Эсмеральду. Она распахнула шубку и вышла на свет. Он взглянул на нее и сейчас же опустил глаза. Желтая велюровая кофта расчерчена черными зигзагами, на левой щеке нарисована синяя рыба, пронзенная красной стрелой. Брови подвела серебряной краской, губы — лиловой.

Следователь спросил:

— Вы художница?

— Нет, я возбудитель!

— Что такое? — удивился он.

— Возбудитель катастроф и химер.

Следователь откашлялся и пожал плечами.

— Вам придется объяснить подробнее.

Но подробных объяснений не последовало. В кабинет стремительно вошли Дзержинский и Дубровин.

Дзержинский окинул быстрым взглядом собравшихся и остановил свой взгляд на Эсмеральде.

— Что это за маскарад? — спросил он резко у следователя.

Следователь встал и развел руками.

— Я не разобрался еще... Гражданка утверждает, что работает возбудителем...

Дзержинский поморщился, строго спросил:

— «Центрифуга» или «Долой стыд»?

— «Центрифуга»! — ответила Эсмеральда.

— Это вы ездили в Богородицкое?

— Я ездила.

— Вы видели там некоего Шеврова?

— Видела...

— Что вы ему передали?

— Я передала просьбу Курбатова встретиться с ним в парке на третьей аллее. — Эсмеральда оглянулась на Курбатова.

— Вы разговариваете со мной! — строго сказал Дзержинский. — Я люблю, чтобы собеседник смотрел на меня. Что вы еще сказали Шеврову?

Эсмеральда оробела,

— Ничего, собственно... Был разговор.
 — О чем?
 — Я ему объясняла современность...
 — Что вы ему говорили о Курбатове?
 — Говорила, что он решил, что сегодня он особенный...
 Дзержинский, прищурившись, с минуту смотрел на Эсмеральду, затем обернулся к следователю.
 — Девушек из-под стражи освободить! Вы, — Дзержинский обратился к Эсмеральде, — запишите все дословно, что говорили Шеврову... Здесь запишите. Когда запишите, вас отправят домой.
 Остановился перед Тункиным.
 — Учитель фехтования? И трезвый к тому же?
 Тункин приосанился и капризно произнес:
 — Я прошу вас! Я дворянин! Вы обязаны считаться!
 Дзержинский презрительно усмехнулся.
 Опять вернулся к следователю.
 — Тункина допросить!
 Дзержинский указал Курбатову на дверь, пропустил его впереди себя. Они пошли коридорами. Вошли в его кабинет.
 Дзержинский усадил Курбатова в кресло.
 — Я прошу извинения, Владислав Павлович. Следователь ничего не знал и не должен знать. Как же все это произошло?
 — Я не верил, что он будет в меня сразу стрелять...
 — Я тоже надеялся, что он не будет сразу стрелять. Как же с Артемьевым получилось, как вообще все это произошло?
 Курбатов встал. Дзержинский сделал знак, чтобы он сидел.
 Дзержинский отошел к окну, уставился в темное стекло. Негромко сказал:
 — Явку мы не получили, Шевров ушел...
 — Вам надо быть осторожным, Курбатов, — сказал Дубровин. — Шевров на свободе...
 — Я найду Шеврова!
 Дзержинский резко обернулся.
 — Вы? Зачем он вам нужен?
 — Теперь он мне лично нужен! Я не прошу ему Артемьева!
 — Как вы его думаете найти?
 — Я вернусь в Петроград и найду тех, кто меня послал...
 Найду! Если я их не найду, они меня найдут!
 Дзержинский покачал головой.
 — Я понимаю ваши чувства! Но прежде чем вы найдете Шеврова, он или его люди найдут вас и уберут! За ним стоит организация, и очень могущественная!
 — Помогите мне!
 Дзержинский сел за стол, Курбатов — в кресло возле стола.
 Дубровин придвинулся со стулом ближе.
 — Это серьезно? — спросил Дзержинский.
 — Очень.

В камеру на Лубянке ввели нового арестованного. Закрывли за ним дверь. Он остановился, переступив порог, и оглянулся. К нему вприпрыжку из темного угла подскочил Тункин:

— Курбатов? И вы здесь?

Тункин обернулся в глубь камеры.

— Господа! Это я вам о нем рассказывал! Его увел на допрос сам Дзержинский!

— Дзержинский? — переспросил начальственный бас с верхних нар.

Секунду спустя на свет вышел приземистый немолодой военный.

— Ставцев! — представился он. — Подполковник... Вас действительно допрашивал Дзержинский?

Курбатов в знак подтверждения кивнул головой.

— Вы по какому делу? — вновь прогудел Ставцев.

Курбатов настороженно огляделся.

Ставцев предупреждающе поднял руки.

— Провокаторов здесь нет! Будьте покойны!

— По нашему делу! — высунулся Тункин. — По нашему...

Ставцев вопросительно смотрел на Курбатова. Явно ждал от него подтверждения.

Курбатов кивнул головой.

Ставцев тихо и проникновенно сказал:

— За всех нас, за Россию, за русский народ... — Коротко поклонился и обернулся к парам: — Поручик Нагорцев, каштан Протасов, прошу вас!

С нар сползли еще две фигуры. Ставцев указал им глазами на Курбатова:

— Герой!

Подошел поручик Нагорцев — молодой человек, лет на пять постарше Курбатова. Небрит, щеки обросли густой щетиной.

— Суда надо мной не было! — объявил Курбатов.

— Не было, так будет! — утешил Нагорцев. — Курить есть?

— Не курю! — виновато ответил Курбатов.

Нагорцев подвинулся, освобождая место Курбатову.

— Меня тоже, — начал он, — не судил суд присяжных... Руководствуясь революционной законностью! Такая нынче существует формула. Я не жалуюсь! Я сам этих «товарищей»! У-у-у!

Свернул сигарку. Прикурил от тлеющей папироски у Протасова.

— Ну и как он, Дзержинский? Свирип?

— Краток! — скупо ответил Курбатов.

— Всех взяли?

— Один ушел... Гранатами отбился!

— Это, эт-то молодец! — с восторгом воскликнул Нагорцев.

— Шевров ушел? — снизу спросил голос Тункина.

— Ушел! — ответил Курбатов.

Нагорцев наклонился к Курбатову.

— Нас за город повезут на расстрел... — зашептал он. — Неужели, как свиней, на убой? На убой? А? Если руки не свяжут, я рвану винтовку!

Ставцев прикрикнул на Нагорцева:

— Поручик, вы здесь не один!

— Провокаторов среди нас нет, Николай Николаевич! Это ваша мысль! Все мы здесь смертники...

Ночью в камеру вошли конвоиры. Приказали выходить, затолкали в фанерный ящик, закрепленный в кузове грузового автомобиля. Арестованным пришлось сесть на пол. Горел фонарь. Конвоиров двое, встали с винтовками сзади, третий сел рядом с шофером. Автомобиль тронулся.

Нагорцев толкнул локтем Курбатова.

— Надо пробовать! — сказал Нагорцев. — Передай!

Курбатов шепнул Ставцеву. Голоса их заглушал шум мотора.

— Нагорцев предлагает бежать.

Ставцев прикрыл глаза и тихо сказал:

— Бросайтесь на конвоиров...

Автомобиль натуженно гремел и скрипел, надрывался мотор. С трудом брал подъем, буксовал на снегу. И вот оно! Автомобиль сильно занесло, конвоиры упали. Курбатов выхватил винтовку и тут же сделал два выстрела по лежащим.

Ему было известно, что винтовки заряжены холостыми патронами.

Вторую винтовку схватил Нагорцев. Прикладами вышибли фанерную дверь.

Первым выпрыгнул Нагорцев. Прогремел выстрел. Это стрелял конвоир, что сидел рядом с шофером. Нагорцев выстрелил в него. Курбатов подтолкнул Ставцева. Спрыгнул сам, за ним Тулкин и Протасов. В стене зиял провал, все бросились туда.

Курбатов бежал за Ставцевым. С ними Нагорцев, не выпуская из рук винтовки. Пробежали проходным двором в переулок. Безлюдье. Нагорцев бросил винтовку в снег.

— Кому куда? — спросил он.

— Из города надо выходить пешком, — сказал Ставцев. — И поодиночке... Надо определить место, где встретимся...

Нагорцев махнул рукой:

— Мне на юг...

— Нам не по дороге... — с явным облегчением ответил Ставцев.

Нагорцев приблизился к Курбатову, обнял его:

— Помните, Нагорцев добра не забывает! Может, и приведется встретиться?

Шагнул в сторону и растворился в темноте.

Затихли его шаги.

— Со мной, Курбатов! — приказал Ставцев.

Они пересекли переулок. Вошли еще в одну подворотню, прошли еще одним проходным двором.

Ставцев прочитал название переулочка. Присвистнул.

— А везли-то нас, батенька мой, в Бутырки... На краю смерти стояли! Вам куда?

— Мне в Петроград! — ответил Курбатов.

— С ума сошли! — воскликнул Ставцев. — С ума сошли! Вас тут же схватят! Если некуда, беру вас с собой. Вдвоем легче выбраться из этого ада. Но надо пересидеть... Сейчас пойдут облавы по железным дорогам. У вас есть надежные адреса?

— Надежных нет, — ответил Курбатов.

— У меня есть... Несколько дней пересидим... А там думать будем.

Ночью они пересекли Москву, дошли до Хохловского переулка. Постояли возле дома. Огляделись. Поднялись на третий этаж.

— Квартира пустая! — пояснил Ставцев. — Конспиративная квартира! А как войти? Ключ у меня забрали...

Отломали от окна в подъезде шпингалет. Долго возились с дверью. Наконец замок поддался, и они вошли.

Пусто, пахло пылью, стоял подвальный холод.

13

Ставцев запер дверь на железные засовы, заложил крюк. Долго стоял вслушиваясь, нет ли шума за дверьми. Прикрыл вторую дверь.

В прихожей темно. Ставцев, перебирая руками по стене, прошел вдоль прихожей, толкнул ногой дверь, пошарил на полке, в руках у него загремели свички...

Он раскопал где-то в комнатах старые одеяла, всякие обноски. Завернулись в них для тепла. Продремали до света.

Утром Курбатов обошел квартиру. Четыре просторные комнаты. Огромный кабинет. По стенам книжные полки, под серыми от пыли стеклами книги. Тысячи книг. Тяжелый дубовый письменный стол. Массивный бронзовый чернильный прибор. Телефонный аппарат с оборванным шнуром.

Ставцев проснулся больным, расчихался, у него слезились глаза, распух и покраснел нос.

Надо было топить или убегать отсюда, хотя бы на улицу. Терпеть холод уже доставало сил. Ставцев посоветовал Курбатову пройти по переулочку и поглядеть, дымятся ли трубы. Если дымятся, то можно топить.

Трубы дымились...

Ставцев воспрянул духом. Они изломали стулья, Ставцев набрал пачку книг. В спальне затопили печь.

Ставцев сел у печки, задумался, Курбатов присел возле него на ковер.

— Деньги у нас есть... — тихо проговорил Ставцев. — Всякие деньги. — И замолчал.

Курбатов помешал ножкой от стула дрова в печке.

— Есть у меня в Москве и явки... — продолжал Ставцев. — Но на эти явки идти — смерти подобно! Меня не одного взяли, явки могут быть известны в Чека. Уходить надо своими силами, а как уходить, когда у меня ноги отнимаются? На поезд садиться в Москве и на ближних станциях никак нельзя. Неужели у вас нет ни одного адресочка под Москвой? Нам бы отсидеться где-нибудь в тихой деревеньке, сил набраться. Бросок предстоит длинный, сквозь тиф, сквозь большевиков и Чека.

— Есть один адрес... — сказал Курбатов, как бы раздумывая. — Не явочный адрес...

— Где?

— Кирицы... Село... Большое... По дороге?

— Кирицы? — переспросил Ставцев. — Название из редких... Это не имение барона фон Дервиза?

— Не бывал там... Не знаю...

— Я звал барона... Кирицы — его имение. Привелось мне там побывать... Завез меня к нему мой давний друг, и тоже немец... Густав Оскарович Кольберг... Полковник по третьему отделению... Он тогда интересовался обрусевшими немцами...

Курбатов смотрел на огонь, как он листает своими горячими языками страницы книг, охватывая их жаром.

Спокойствие... Только спокойствие! Вот оно, началось! Могли бы надеяться на такую скорую встречу со знакомым Кольберга? Курбатов молчал.

— Они же столкнулись о землячестве с бароном... Барон фон Дервиз... Промышленник, финансист, аристократ, миллионер... Где-то он сейчас? Где? Все раскидано, все нарушено! Что там у вас в Кирицах?

— В Кирицах живут родители моей невесты... Я думал, что, когда все кончится, поеду туда. Обвенчаемся...

— Где ваша невеста?

— Вчера была на допросе... Дзержинский приказал ее отпустить. Она ничего не знает...

— А они знают, что она ваша невеста?

— Нет, — ответил, помедлив, Курбатов. — Меня спросили, кто она такая. Ответил: знакомая... Напими с ней отношениями не интересовались.

— Она там, в Чека, назвала адрес?

— Назвала. У нее не было резона что-либо скрывать.

— Кто у нее в Кирицах?

— Отец — сельский учитель.

— Это не адрес! — отрезал Ставцев. — Не адрес... Туда прежде всего и кинутся вас искать...

Курбатов молчал. Нельзя было торопиться. Нужно все обдумать. Конечно, соблазнительно, ох как соблазнительно для его собственных целей заехать в Кирицы. Когда-то теперь он вернется в эти края, встретится с Наташей? Но с точки зрения Ставцева, это, конечно, небезопасный адрес...

— Дело все в том, Николай Николаевич, что я все равно,

при любых обстоятельствах заеду в Кирицы... Я должен туда заехать...

— Вы сумасшедший! Вам устроят засаду!

— Двум смертям не бывать, а одной не миновать! Если я туда не заеду, мне и жизнь не в жизнь, не нужна мне тогда жизнь!

— Мальчишка! — воскликнул Ставцев, но тут же тихо добавил: — Однако не смею вас толкать на бесчестие... Молчу... А право! А может, именно там они и не будут нас искать?

Огонь в печке набирал силу. Курбатов подбросил охапку книг. Комната медленно прогревалась. Курбатов разломал еще один стул. Огонь разгорелся жарче.

Ставцев встал и поманил Курбатова за собой. Они прошли в библиотеку. Ставцев остановился перед шкафом. Вынул сразу три тома энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Открылась задняя стенка шкафа. Ставцев нажал на нее. Выпала дощечка, открылась стена. Ставцев тряхнул девятый том энциклопедии, из-за корешка выпал ключ. Он вставил ключ в отверстие в стене. Щелкнул замок. Распахнулась дверца вмурованного в стену сейфа.

Курбатов заглянул в сейф. Аккуратными стопками сложены зеленые банкноты. Доллары. Столбиками — золотые монеты царской чеканки.

— Это все наше, Курбатов! Одному мне этого не нужно... Наше с вами! Этого надолго хватит, можно куда угодно бежать... — Ставцев захлопнул дверцу сейфа. — Но бежать я не собираюсь! Я военный человек! Я вижу, что не видно гражданским. Большевикам скоро конец!

Ставцев прошел к другому шкафу. Достал карту России, расстелил ее на столе.

— Идите сюда, подпоручик!

Ставцев посторонился, чтобы Курбатов мог подойти к карте.

— Как вы полагаете, подпоручик, почему в России совершилась революция, почему в несколько дней рухнул императорский трон и в несколько часов рассеялось правительство Керенского? Мне говорят: восстал народ! Ерунда! Любое восстание в наше время подавляется... Речь идет о другом. Армия прекратила войну и кинулась в Россию. Этот ужас парализовал империю и снес с лица земли существовавшие в тот час режимы. Перед этой силой ничто не могло устоять! Но армия рассеялась, рассыпалась, ее поглотили российские просторы. Все смешалось. Начался ураган, водоворот, хаос... В этом хаосе обрисовалась сила: большевики. Они сумели вырвать из этого смерча какие-то его части, организовать их и даже имели некоторый успех. Но вот в этот хаос вмешивается еще одна сила, оправившись от растерянности, вызванной революцией. Деникин на юге, Колчак на востоке, Юденич в нескольких переходах от Петрограда, Миллер на севере, на западе Польша.

Большевики имеют против себя пять фронтов. Шестой фронт у них в тылу!

Ставцев прочертил пальцем на карте кольцо и замкнул его вокруг Москвы.

— Я старый штабной работник, я умею сопоставлять... Я не сумасшедший, как многие наши. В марте начнется движение армий на юге, в апреле развернет наступление Колчак. У него четыреста тысяч пехоты и сабель... Встанут дороги, войдут в берега реки, и пылью займется Подмоскovie от миллионной армии! Все! Поэтому я не думаю бежать, Курбатов! Я хочу войти с оружием в руках в Белокаменную!

Ставцев вышел из-за стола и прошелся по мягкому ковру кабинета в веселом возбуждении.

Курбатов молчал, стоя над картой.

— Потерпите, Курбатов! — сказал Ставцев. — Я обещаю вам, к осени мы вернемся в Москву. Я буду шафером на вашей свадьбе. А сейчас надо думать, как выбираться из Москвы.

Курбатов, не поднимая глаз, покачал головой.

— Николай Николаевич! Я не стал бы стрелять в конвоира и не бежал бы... Я готов был к расстрелу! Я бежал, чтобы еще раз увидеть Наташу!

— А если ее отец большевик и выдаст вас чекистам?

— Я буду отстреливаться, и последняя пуля моя!

Ставцев чихнул, отерся платком и махнул рукой.

— Едем в Кирицы... Фон Дервиз нас тогда плохо принял, мы останавливались у местного священника. Если он жив, будет и мне где переждать... Едем, Курбатов! Но запомните, вы не дали мне выбора. Оттуда — со мной! Такие условия приемлемы?

14

Вечером с несколькими золотыми монетами Курбатов отправился за провизией. Ставцев нашел ему потертое короткое пальтишко. Люди ходили в одежде с чужого плеча, необычного в этом никто не видел. Нашлись и брюки. Для маскировки Ставцев перебинтовал Курбатову глаз.

Курбатов спустился вниз, вышел на знакомый ему Старосадский переулок, осмотрелся и известным ему проходным двором вышел на Маросейку. Темно на улице, безлюдно. С Маросейки свернул в Кривоколенный переулок. Здесь нашел дом, поднялся на второй этаж, тихо постучался.

Дверь открыл невысокий, плотный молодой человек, чем-то напоминавший Артемьева. Он приветливо улыбнулся Курбатову, провел в комнаты. Было здесь светло, тепло, на столе стоял самовар, возле него два стакана, хлеб.

— Заждался я вас! — сказал встретивший. — Познакомимся. Михаил Иванович Проворов!

Он позвонил по телефону и сообщил Дубровину, что Курбатов явился на встречу. Через несколько минут пришел Дубровин.

Курбатов слово в слово повторил рассказ Ставцева о поездке с Кольбергом в Кирицы к барону фон Дервизу. Дубровин остановил Курбатова. Он попросил повторить поточнее слова Ставцева. Записал. Затем спросил:

— Это точно, что вы не называли Кольберга?

Курбатов подтвердил.

— Вы для себя как-нибудь выделили это сообщение Ставцева?

— Очень даже выделил! — ответил Курбатов. — Не только для себя. Я сдержался, я даже прикинулся равнодушным, как бы пропустил мимо ушей его слова!

— Это очень важно! Вы это поняли?

— Понял, — ответил Курбатов.

— Вы знаете, почему я это спрашиваю? — спросил Дубровин.

— След Кольберга обнаружился?

— Нет, но Ставцев ответил нам на многие вопросы.

Курбатов продолжал свой рассказ. Он подошел к тому месту, когда взял на себя смелость испытать, сколь он необходим Ставцеву.

Трудная для него наступила минута. Как решиться просить о своем, личном, в такую минуту, когда каждый его шаг рассчитывается, взвешивается, просматривается намного вперед?

Все развернулось столь стремительно, смешалось, новые обстоятельства в его отношениях с Наташей возникли уже после встречи с Дзержинским, после первого разговора в ВЧК. И Курбатов рассказал о Наташе, признался, что, заводя разговор со Ставцевым о Кирицах, надеялся, что удастся поехать туда. Рассказал о сейфе в библиотеке, о разговоре над картой. Золотые положил на стол.

Дубровин молча что-то записывал у себя в блокноте. И вдруг повеселел.

— А вы знаете, я не против Кириц! Очень даже мне нравится эта поездка! Перед окончательным прыжком мы сможем выверить, как строятся ваши отношения со Ставцевым. Там, у Колчака, нам трудно будет что-то скорректировать, поправить, Кирицы доступнее.

Дубровин обернулся к Проворову:

— Михаил Иванович, где сейчас Наталья Вохрина?

— Сегодня утром выехала к родным...

— Стало быть, в Кирицы! Все сходится, Владислав Павлович! Но детали, однако, придется тщательно обдумать. Я вам могу объяснить, почему я не против этой поездки...

И Дубровин раскрыл перед Курбатовым следующий этап операции.

Они едут в Кирицы. Там он приглядывается и примеривается к Ставцеву. Михаил Иванович Проворов теперь станет его постоянной тенью, его охраной, его связью с центром, его вторым «я». Если отношения со Ставцевым сложатся благоприятно, они

поедут сначала на Волгу, оттуда в Сибирь. Без добрых отношений со Ставцевым в Сибирь ехать нет смысла.

— Что же делать в Сибири?

Пока они будут гостить со Ставцевым в Кирицах, здесь будет время подработать некоторые вопросы.

Если считать, что Курбатова направил в Москву Кольберг, если Шевров был по прежней своей осведомительской деятельности связан с Кольбергом, то первейшее значение приобретает фигура Кольберга. Не меньший интерес представляет и Шевров. Шевров, по показаниям Тункина, имел явку в Омске, стало быть, все нити сходятся к Колчаку...

Изложив этапы операции, Дубровин спросил:

— А как же свадьба? Как Наташа? Это новое обстоятельство. Ваша разлука не на один год!

— А если бы я ушел на фронт? Разве это не разлука?

— Это совсем другое дело... — ответил Дубровин. — И кроме того, вы не имеете права рассказать Наташе о себе, о своей работе...

Курбатов пожал плечами.

— Что я могу сказать? Что? Война, люди обречены на короткие встречи... Все откладывается на будущее!

— Решили твердо работать с нами?

— Твердо!

— Если вдруг уже в пути что-то изменится, вернитесь! Вернитесь с полпути, мы это поймем. Не надо надрывов, на нашей работе надрыв — это гибель!

— Я это запомню!

— Ну, а в дальнейшем я полностью передаю вас на попечение Проворова. Он молод, но он будет вам надежным помощником.

Проворов собрал Курбатову провизию. Десяток картофелин, ломоть сала. Нашлась и бутылка спирта.

Курбатов вернулся в Хохловский переулок. В дверь не стучался, а тихо поскреб пальцами. Ставцев тут же открыл. Курбатов скользнул в прихожую. Опять заперлись на засовы.

— Что? — спросил нетерпеливо Ставцев.

— Все есть, что надо!

Ставцев припал у Курбатова из рук сверток. Голод истомил его. Он растопил печку и зажег свечи в спальне, прикрыв окна глухими шторами.

В золе испекли картошку, по стаканам разлили спирт.

Ставцев приободрился. Жадно расспрашивал Курбатова, как он передвигался по городу, не обнаружил ли за собой слежки, нет ли на улицах усиленных патрулей, нет ли каких-либо признаков, что их ищут.

Дубровин предусмотрел этот вопрос и подсказал ответ.

— Николай Николаевич! Вы всерьез думаете, что наш побег вызвал большой переполох?

— Вы забываете, батенька мой, с каким вас делом взяли!

— Взяли... Это верно! И вас взяли... И тоже с важным делом. Но вы сами мне обрисовали кольцо, которым окружена Москва. Неужели еще и на нас тратить силы? А? Все как было... Тихо на улицах. Патруль стоит у Покровских ворот. Но он всегда там стоял.

— А это мысль! — подхватил Ставцев. — Вы полагаете, что в Кирицы вас искать не поедут? А ведь могут и не поехать! Это же сумасшествие — скрываться по известному им адресу! Не поедут, Курбатов! Конечно, не поедут! Два дня отогреться, и тронемся...

На следующий вечер Курбатов опять вышел за провизией.

А сутки спустя Ставцев вынул из сейфа деньги, разделил их поровну. Ночью двинулись к Московской заставе. Ставцев частенько останавливался: ныли ноги. Только к рассвету добрались до Зюзино. Курбатов сказал, что через спекулянта, который продавал продукты, сговорился о лошади. День пробыли в избе, ночью, запрягав гостей в сено, извозчик повез их к железной дороге.

На станции назначения сошли днем, до вечера просидели в лесу, промерзли изрядно. Как стемнело, пошли в Кирицы.

Были собаки. Безлюдье полное, в домах ни огонька, на окнах ставни. И лишь в доме учителя ставни распахнуты, сквозь занавески льется свет.

Курбатов, таясь, стараясь не шуметь, подошел к окну. Тихо, пальцами постучал по стеклу. Послышались тяжелые шаги, огромная рука отдернула занавеску, к стеклу прикинула высокая фигура. Ничего не разглядев во тьме, человек пошел к двери, выходящей в сад.

— Вы ко мне?

— К вам, паверное... — ответил Курбатов. — Вы учитель Вохрин?

Вохрин подошел ближе. Взял Курбатова за подбородок и приподнял его лицо.

— Курбатов? — спросил он негромко.

— Курбатов...

Вохрин словно бы ждал его.

— Вы мне, Курбатов, очень нужны... Пошли!

Вохрин поднялся на крылечко. Курбатов остановился у первого порожка на лестницу.

— Я не один, со мной товарищ, и он болен... — сказал Курбатов.

— Ведите и товарища! — ответил Вохрин.

На лестницу Ставцева пришлось вести под руки. Ослаб. Вошел в тепло, сел на стул и закрыл глаза.

Курбатов стоял возле. Вохрин нависал над ними огромной глыбой. Молчали.

— Вот пришли... — сказал растерянно Курбатов.

— Вижу, что пришли!

За дверью быстрые, летучие шаги, дверь распахнулась, и Курбатов почувствовал, как ему на плечи легли теплые руки Наташи...

Ставцев расхворался всерьез. Его уложили в постель в маленькой горенке. Напоили горячим молоком, чаем с малиной, дали водки с перцем.

В большой столовой накрыли стол. К столу вышла мать Наташи.

Вохрин налил себе и Курбатову водки, подставила рюмку и Наташа.

— И тебе налить? — удивился Вохрин. — Ты же никогда и не пробовала этого зелья!

— Сегодня попробую!

Курбатов встал. Посмотрел на Наташу.

— Если мне разрешат, — сказал он пегромко, сдерживая волнение, — я хочу выпить за нашу с Наташей жизнь. Я приехал просить у вас, Дмитрий Афанасьевич, руки вашей дочери!

Вохрин фыркнул:

— Чего же у меня просить, когда сами сладились. За вашу жизнь выпьем!

Выпили. Курбатов сел. Вохрин строго прищурился, спросил:

— А какая такая у вас жизнь? Обрисуйте нам, Владислав Павлович!

— Неужели не проживут? — заговорила мать. — Молодые, руки есть...

Вохрин поманил Курбатова к темному провалу окна.

— Россия! — тихо произнес Вохрин. — Спит и не спит... Надвое разломилась Россия, вот и хочу знать, куда поведешь Наташу? В пустоту, на корабль и за море или здесь зацепишься? Слышал я о какой-то там истории в Москве... Рассказывала Наташа. Что за история?

— Та история, — ответил твердо Курбатов, — ни меня, ни Наташи не касается. Иначе и она сюда не вернулась бы, и я не приехал бы!

— Тихо! — остановил его Вохрин. — Я тебя в большевистскую веру не обращаю. Я и сам как бык на льду... Царя-батюшку не вернут, это я понимаю, а что там большевики делают, это мне еще неясно... Вы офицер, Владислав Павлович, у вас в руках оружие. В кого стрелять это оружие будет? В наших мужичков? Так знайте, мы не дворянского рода, мы из этих самых мужичков... Дед мой грамоты вовсе не знал, отец коряво расписывался. В меня стрелять?

Курбатов вздохнул с облегчением: легенда складывалась без обмана.

— Мне что в мужика стрелять, что в русского дворянина, — ответил Курбатов. — И туда и туда горько! Только за русским мужиком земля голая, а за дворянином сегодня иностранные войска стоят. А по ним стрелять для всякого русского честь и долг.

— Значит, в Красную Армию?

— Если возьмут — туда! Но есть у меня старый долг. Друга не друга, а своего старого учителя, отца-командира, должен доставить до дому. Он уже отстрелялся...

— Офицер?

— Подполковник... На Волгу отвезу, и тогда свободный у меня выбор.

Нельзя сказать, чтобы повеселел или успокоился Вохрин. Прежнему лежали тяжелые складки на лбу.

Вошел в столовую Ставцев. Отлежался, обогрелся. Слышал он последние слова Курбатова. Так и услаивались. Но не выдержала душа, загорелась.

— Не то, не то лопочет мой юный друг! Никак не могу уговорить его... Сейчас самое время у меня отсидеться. За Волгой... Большевикам до лета жить, а дальше все опять перемешается.

Вохрин подвинул стул Ставцеву.

— Вы что же, монархист?

Ставцев рукой махнул.

— У русского человека, Дмитрий Афанасьевич, страсть к определениям! И чтобы в одно слово ложилось. Слишком много у нас придают значения власти, все всерьез, все тяжело и без юмора. Я долго жил в Англии... Современная страна. Король. Парламент. Король для ритуала, парламент для власти. Сегодня один премьер, завтра другого изберут. Там и власть судят как хочется, а от такого свободного суждения никто со злобой и не судит... А у нас или приемлют, как крестное целование, лбом в землю, царя за бога земного и небесного, а уж отвергнут, так и пикой пихнут. Я не за монарха, но против большевиков!

...Долго думали, как быть. Объявляться на селе гостями учителя или затаиться в его доме? Ставцев стоял за то, чтобы таиться, просил недельку на поправку, а потом хоть пешком идти. Курбатов помалкивал. Вохрин раскидывал и так и эдак. Решила все мать с обычной жепской осторожностью. Кто, дескать, заставляет или торопит объявляться, нет в том никакой нужды. Увидят, услышат, тогда и объяснят. А венчаться все равно надо тайно. Теперь к этому обряду нет никакого почтения, могут и историю сделать. Сама ночью пошла к отцу Саватию, священнику местного прихода, договорилась с ним, что обвенчает он Курбатова с Наташей у себя в домашней молельне.

...Прокричали по селу вторые петухи. Глубокая ночь стыла за селом. Низко припав к земле, перемигивались звезды Большой Медведицы.

Неслышно, задворками, повела мать молодых в дом к священнику.

Отец Савватий облачился по чину. Мать утирала платком слезы. Вохрин стоял смущенный и ироничный от своего смущения. Ставцев за шафера — сразу и у невесты и у жениха.

Слова обряда отец Савватий произнес торопливым и не очень-то разборчивым речитативом. Молодые поцеловались.

Отец Савватий снял со стены Казанскую. Передал ее в руки матери, чтобы благословила молодых. Жаром горела золоченая риза, глядели на Курбатова ясные и большие глаза богородицы.

Когда вернулись, Вохрин с тоской сказал:

— Разве такую свадьбу дочери хотел я играть... Единственная у меня! И жизни не такой для нее хотелось...

Наутро явился новый гость в доме Вохриных. Скинул в сенях бабровую с котиковым верхом шапку, снял на хорьковом меху шубу. Загремел в доме его властный голос.

Наташа шепнула Курбатову, что приехал к отцу в гости барон фон Дервиз, бывший владелец Кириц.

— Как же он так, не скрываясь? — удивился Курбатов.

— Чего же ему скрываться? — ответила Наташа. — Он же теперь в красных ходит. В учительском институте математику читает. По распоряжению самого Ленина...

Гость засиделся, да и некуда ему было спешить, приехал с почевкой, приглашал Вохрина покинуть Кирицы и перебраться в город. В институте не хватало учителей и знающих математиков. Специально сманивать его в город приехал.

Перед бароном Вохрип не нашел нужным утаивать своих гостей. Представили Курбатова, Ставцева.

— Николай Николаевич! — воскликнул барон. — Откуда, какими судьбами? Да в такой глуши? Я думал, по крайней мере вы полком командуете у Деникина или адмирала... А вы наш? Отрадно видеть!

Встретились как старые знакомые. Вохрип был избавлен от каких-либо объяснений.

— Изволили вы сказать, барон, — начал Ставцев, — что вам отрадно меня здесь видеть...

Дервиз сейчас же перебил Ставцева:

— Простите, Николай Николаевич! Ваше обращение несколько устарело... Я больше не барон, я магистр математики, преподаватель учительского института.

Ставцев поморщился:

— Вы выразились в том духе, что я ваш... Я скорей ничей! Но коли вы так выразились, должен ли я понять, что вы в одном стане с большевиками?

— Николай Николаевич! Я всегда был с реальными людьми. Я строил железные дороги, конные заводы, фарфоровые и стеклянные фабрики.

— Где эти дороги, замки, заводы?

— Железные дороги, — спокойно отвечал Дервиз, — революция объявила народной собственностью. Я просил Председателя

Совета Народных Комиссаров Ульянова-Ленина прислать комиссию и принять у меня по описи заводы, фабрики и замки.

— Жест, конечно, широкий, — язвительно откликнулся Ставцев. — Но я полагаю, что вы поторопились... У вас это и без просьбы все отобрали бы товарищи большевики, все отобрали бы!

— Я просил также у Ленина разрешения перевести все мои банковские вклады в Швейцарии и во Франции на счет большевистского правительства... Я рассказываю это вам не в доказательство своего благородства и широты, как вы изволили выразиться... Вы не с нами? Это дело совести, Николай Николаевич!

— Куда уж мне! Есть и молодые, у кого здоровье крепче. На большее, чем отсидеться в Саратове, где мои жена и дочь, я не рассчитываю. А там видно будет!

Дервиз укоризненно вздохнул:

— Прошлого своего боитесь? Не стоит! Я имею основания для большего беспокойства за прошлое. Капиталист, один из самых богатых людей России... Никто меня еще не попрекнул моим прошлым.

— Я будущего боюсь! — пояснил Ставцев. — Я участник похода Корнилова... Подполковники шли в рядовые. Большевиков засекали шомполами и вешали на придорожных деревьях. Под Екатеринославом взяли в плен поручика Серебряной роты Семеновского полка. У большевиков он командовал ротой. Я видел, как его казнили... Согнули две березки, привязали его за ноги к макушкам. Березки выпрямились, но не разорвали. Под ним развели костер и варили походную похлебку. Он дышал дымом, но молчал, а когда подбросили валежника в костер и волосы у него занялись огнем, он дико закричал! Так и горел, медленно.

Об атаке Курбатов слышал впервые. Оберегали его в Петрограде от таких разговоров.

Дервиз горько усмехнулся:

— Картинка страшная, Николай Николаевич! Сочувствую вам, что довелось все это видеть своими глазами... Ну, а мужика куда вы в своем страхе дели? А?

Ставцев не сдавался.

— Вы же не будете отрицать шансов тех, кто сейчас рвется к Москве с юга, с севера, с востока, кто подошел к Петрограду... Мы можем с вами тут до бесконечности разговаривать о мужицком возмущении, но там орудия, там снаряды, там воинский порядок. Вот поэтому я и страшусь будущего, оно сжимает, как железной колодкой, горло Москвы...

— И не сожмет! — сказал Дервиз. — Разожмется! Вы никак не хотите понять, Николай Николаевич, что идут все эти полки и с севера, и с юга, и с запада без знамени. Это только агония мести и досады... Монархия в России рухнула, вера в божественность царской власти развеяна, монарх невозвратим. На кого же думают опереться все эти генералы?

— Однако и вы, барон, не чурались земельных владений. А замок ваш отсюда из окошка виден. Стоят красные башенки, готика в сердце России. Не щемит ли сердце?

— Нет, не щемит! Мы присутствуем при интереснейшем эксперименте. Идеи социального равенства и социального переустройства давно сотрясали Европу, а в России прорвалось... И поверьте, Николай Николаевич, не будет движения более популярного. И конечно, такая ломка не может идти без сопротивления, но сопротивления обреченного. В России это получилось легче. Помещики помогли. Не хотели добром отдать землю. Теперь нет уже силы, чтобы у русского крестьянина отнять землю. Умные люди это давно видели. Понимал это и ваш приятель или знакомый, которого вы приезжали мне представить... Кольберг. Где он, кстати, сейчас?

Что-то невероятное происходило на глазах у Курбатова. Барон фон Дервиз. Крупнейший финансист и миллионщик. Когда подходили к Кирицам, Ставцев указал Курбатову на замок, обнесенный кирпичной стеной с въездными воротами, как у дворцов, с плотиной и озерами. Зубчатые башни, островерхие и круглые, с бойницами... И он за большевиков. А Ставцев? Кем был Ставцев в том старом мире?

Дервиз спокоен и ровен, а Ставцев кипит, даже и не очень удается ему это скрыть. А надо бы! Вохрин уже с тревогой поглядывает.

Но все это было отвлеченным спором, и вдруг — Кольберг. Опять всплыла эта зловещая фигура.

Ставцев помедлил, как бы пытаясь что-то вспомнить.

— Трудно представить, где может быть Кольберг. Если не убит, то, скорее всего, в эмиграции. Между прочим, он занятный человек.

— Очень! — быстро согласился Дервиз, но в его голосе легко улавливалась ирония. — Очень занятный! Вы знаете, зачем он приезжал ко мне? Или он вас не удосужился посвятить в свои планы?

— Отчасти... Он говорил, что его очень интересуют обрусевшие немцы.

— И только?

— Он работал в жандармском корпусе. У нас было не принято интересоваться его служебными делами.

Дервиз нахмурился.

— По-моему, он все вам объяснил. Он предлагал союз землячества. Он говорил мне, что очень скоро в России загорится зарево крестьянской войны. Все рухнет. Он считал, что немцам в России надо объединиться на случай смуты. Открывал мне заманчивые перспективы вложения немецких капиталов в русскую промышленность и установление через подставных лиц такой власти в стране, которая была бы послушна немецкому влиянию. Я счел это предложение противоестественным и неосуществимым. Поэтому я не оставил его ночевать в замке...

Вохрин зло рассмеялся:

— Наверное, ему нужны были бы и ваши услуги?

— Наверное... — согласился Дервиз.

— Война нам показала силу немецкого землячества. Это имеет и несколько иное название... — добавил Вохрин.

Ставцев поморщился:

— Шпионаж?... Это голословно!

— Нисколько! — воскликнул Дервиз. — Влияние немецкой партии на русское правительство лишило бы Россию национальной самостоятельности.

Ставцев что-то еще пытался сказать, но умолк на полуслове. Он воспользовался тем, что Вохрин разлил по рюмкам водку, выпил и уже смиренно закончил спор:

— Вот поэтому я и уйду с арены... Пойдешь направо — жизни лишешься, пойдешь налево — коня серый волк съест. Лучше переждать на перекрестке.

У Дервиза тоже заметно пропал интерес к спору. Он обернулся к Курбатову:

— А вы, молодой человек, тоже предпочитаете переждать на распутии?

— Нет! — ответил Курбатов. — Я сделал выбор...

— Романтика мстителей, белая армия, белые одежды святых?

Курбатов посмотрел на Ставцева. Тот сделал едва приметный знак: молчать надо!

16

Все тихо в доме, и все давно уже спят. Разметалась во сне Наташа, уронив голову на его руку. В темноте смутны черты ее лица. Он не спит, сон бежит от него...

Трудно вместить, трудно постичь все с ним случившееся, понять, оценить, очертить каким-то определенным кругом. Как легко потеряться, как легко можно заблудиться во всей этой неразберихе, в этом отчаянном хаосе.

Страшно разлучаться в такое время... Курбатов обнял Наташу, прижал ее к себе, глядя сухими глазами в глухую темноту.

Кольберг... Немецкий шпион. Его не принял в своем доме барон, тоже немец. Жандарм и шпион, и ему-то служить, за него Ставцев голову хочет положить. Где для них Россия? В чем она? Плакать хотелось от позора, от стыда, а слез не было.

Проворов! До Проворова бы добраться!

...Однажды, когда в доме все уснуло, Курбатов предложил Наташе погулять по лесу.

Морозило. Светила луна, раскидывая по парку причудливо переплетенные тени лип и тополей.

Наташа вела Курбатова по любимым с детства местам, она привела его на обрыв за парком, откуда, как она ему говорила, — «плакать хочется».

— Если бы днем... Ты вот все о России. Здесь она, Россия! Луна подсинила снежные равнины, сгладила, убрала все овраги и всхолмья. Стыли луга под ее неверным светом, но все же виднелись резко очерченные головки стогов.

— Люблю, люблю... — говорила Наташа, прижимаясь, заглядывая ему в глаза. — Ты вернешься?

— Вернусь...

— Я буду ждать... Береги себя... Как же я без тебя-то буду?!

Они пошли обратно аллеями парка. Скринел под ногами нетоптанный снег. И вдруг на аллее, прямо перед ними, возникла темная фигура.

Курбатов сунул руку в карман, но еще несколько шагов, и он узнал Проворова.

— Ничего... — успокоил он Наташу. — Не бойся!

Проворов в солдатской шинели, в солдатской шапке. Подошел и просительно проговорил:

— Браток! Нет огонька? Курить есть, печем разжечь!

— Спичек нет! Дойдем до дому, вынесу...

— Вынеси! Будь человеком...

Курбатов вышел на крыльцо, подал Проворову спички. Вместе с коробком спичек — бумажку, на которой был записан разговор Ставцева с Дervизмом о Кольберге. Спросил, когда трогаться.

— Днями... — пообещал Проворов. — Будет знак...

Каким бы счастьем были напоены эти дни, если бы время не отсчитывало часы и секунды неумолимой разлуки!

Ставцев поправлялся и поговаривал, что пора уходить. Вохрин отмалчивался, мать Наташи плакала.

Курбатов, как-то перебирая книги, наткнулся на томик Лермонтова. Листая страницу за страницей, вдруг остановился.

Я, мать божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием...

Курбатова никогда не волновали религиозные чувства. В кадетском корпусе и в юнкерском училище выводили на молитвы, но давно уже он, как и его товарищи, был к ним равнодушен и смотрел на них как на одно из бессмысленных установлений. Если бы его спросили, верует ли он в бога, Курбатов удивился бы: нет, конечно. А стихи Лермонтова не молитвенным ритмом поразили его, а нежностью.

Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную —
Ты воспринять пошел к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

Это все, что он хотел пожелать Наташе, уходя в неизвестность.

Он прочитал ей эти стихи. Наташа плакала всю ночь. Может быть, смутно она о чем-то догадывалась?

Варвара Павловна пришла днем с базара, пошептала о чем-то с мужем. Вохрин вошел в комнатку к Ставцеву и позвал Курбатова.

— Спрашивали сегодня мою хозяйку, где это муженек молодой моей дочки скрывается. Или отъехал куда?

Ставцев привскочил на кровати.

— Поп разболтал!

— Не знаю. Но если вам, Николай Николаевич, нет желания вступать в объяснение с властями... Словом, я не гоню. Можно и объявиться. Мои гости — это мои гости.

— Нет! Погостили, пора и честь знать! Сегодня в ночь уходить!

Курбатов понял, что это Проворов знак подает.

Ночью Вохрин запряг лошадь. Когда заснуло село, на санях повез гостей. Наташа провожала Курбатова. Неподалеку от станции в лесочке остановились.

Вохрин взял Ставцева под руку, они отошли от молодых. Наташа заплакала. Курбатов обнял ее. Слов не находилось для утешения, самого в пору утешать.

Вохрин отвел Ставцева подальше. Тихо сказал:

— Я не хотел при них говорить... Не торговли на базаре — неизвестные люди интересовались вами...

— Спасибо! — сказал проникновенно Ставцев. — Спасибо!

— Не за что! Я не хотел, чтобы беда случилась в моем доме. А мой зять правда в Красную Армию идет?

Ставцев недобро усмехнулся:

— Наверное...

Вохрин ничего не ответил. Обернулся.

Наташа плакала. Курбатов обнял ее в последний раз и пошел. Наташа долго следила за темными фигурками, пока они не скрылись за взгорком.

Никакого расписания. Вагоны забиты до отказа. Внезапные остановки в поле, в лесу. На больших станциях толпы штурмовали вагоны. Случалось, напор толпы переворачивал вагоны.

Кто и куда ехал, разобрать не было возможности. В этом мессиве нельзя было отлучаться друг от друга ни на шаг. Оттеснят — и останешься на платформе, останешься от поезда.

Слезы, трагедии, стоны, проклятия... Ехал только тот, кто мог локтями пробиться в вагон, отбиться от тех, кто вис на полах

пальто или шинелей. Курбатов работал кулаками, пробивая дорогу Ставцеву, однажды даже вынул пистолет и стрелял в воздух.

Станции... Это были только условные обозначения. Окна выбиты, крыши сорваны, на стенах следы от пуль, иные и совсем разбиты. Пожарища, одуревшие от людского напора железнодорожники. Ни о каких билетах не было и речи. И кто мог проверить билет в «максимках», в товарных вагонах, куда набивалось людей — ладонь не протиснешь...

Дальний и трудный путь.

Ставцев ныл. Жалел, что подался не на юг, к Деникину. Все ближе... Ругался, убеждал и Курбатова:

— Барон — сумасшедший... Но, как все немцы, упрям, а потому и глуп. Поторопился, отдал добро большевикам! Теперь, наверное, локти кусает от досады! Что в этой стране натворили большевички? Разве они могут навести порядок? А может быть, он хитрый. Отсижусь, а если все вернется, мне мои заводы вернут... Не вернем! Висеть ему на березе!

Где-то на узловой станции вышла история. С поезда красноармейская команда сняла несколько переодетых офицеров. На них указали пассажиры вагона. Повели под конвоем. Один из них вдруг побежал и начал отстреливаться. Убил красноармейца. Офицеров расстреляли на месте.

На полустанке поездная команда и красноармейцы, ехавшие в одном из вагонов, приняли бой с вооруженной бандой. Еле отбились. Два вагона были разбиты.

Обессиленный после одной из безуспешных попыток снова сесть на поезд, Ставцев предложил идти до следующей станции пешком. Вышли из города.

До станции не дошли. Ставцев притомился, зашли в кустарник отдохнуть.

Ставцев мрачно молчал. Курбатов видел, что у него подрагивают губы, а в глазах стоят слезы. Встревоженно спросил:

— Что случилось, Николай Николаевич?

— Жить не хочется, вот что случилось... Устал!

Возразить было нечего. Он тоже устал. Путь оказался слишком длинным и трудным, и начала растрачиваться по мелочам уверенность в необходимости всей затеи. Там, на станции, где расстреляли переодетых офицеров, он испугался. А взяли бы их со Ставцевым?

— Я думаю о вас, подпоручик, — вдруг начал Ставцев. — Я виноват, что завел вас в эти дебри. Наверное, вам было бы лучше ехать в Петроград... Там хотя бы по подворотням можно скрываться. Пустых квартир полно... А здесь? Здесь просто пропадешь под вагонами поезда! Сорвал я вас из Кириц. Вы отсились бы на чердаке или в подвале у учителя... Прощения не прошу! Неделikatное время! Хотя говорят, что Стендаль, французский писатель и наполеоновский офицер, при страшной и кровавой переправе через Березину, не изменяя своей привычке, успел побриться. Я бриться не стану, теперь это ни к чему,

Я прощаюсь с вами! Мне остается один исход. Пуля! Деньги вы можете взять, я их вам отдам. Этого хватит, чтобы куда-нибудь выбраться...

Курбатов чуть скосил глаза на Ставцева. Неужели вправду задумал стреляться? С чего бы? С усталости? Слезы на глазах...

Ставцев вынул из кармана пистолет. Погладил рукой его вороненую сталь. Курбатов оробел. А вдруг и правда застрелится? Долго ли? Рванулся вперед, выхватил пистолет. Тот, наверное, этого и хотел. Припал к земле, рыдания сотрясали плечи.

«Раскис», — решил Курбатов. С тоской огляделся по сторонам. Брели по дороге такие же, как и они, несчастные, все те, кто не сумел сесть на поезд, обгоняли пеших сапи, словно вся Россия в путь-дорогу двинулась.

Донесся тяжелый и мерный шум. Бойкий и протяжный гудок паровоза. Над придорожным кустарником потянулся белый дым. Шел поезд, шел непохоже на то, как тянулись поезда, на которых им приходилось ехать. Дрожала насыпь, нарастал гром утяжеленного состава. Ставцев привстал.

Стволы тяжелых орудий, пулеметы. Шел бронепоезд. На бронированных платформах полевые орудия. Несколько обычных вагонов. Двери параспашку. Сквозь шум доносились слова бойкой песни.

Ах, куда ты, парепек,
Ах, куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек,
Во солдаты.

Обрывок песни, обрывок смеха, улыбки.

Ставцев вдруг вскочил на ноги, резким движением поправил на голове шапку:

— Пошли! Мы еще нужны, нужны! Мы еще поборемся!

Бронепоезд смешил все движение. На ближайшей станции застали поезд, который ушел от них из города. Красноармейцы выгоняли из вагонов мешочников, тут же на платформе шла проверка документов. Крик, истерики... Растрясли весь состав. Опять кого-то повели в сторонку. Под надзором красноармейцев пачалась посадка. Мало кто решился идти в вагоны, растеклись по сторонам. Бронепоезд дал гудок и, тяжело набирая скорость, пошел от платформы. За ним тут же ушел пассажирский состав.

— Бог спас! — сказал Ставцев. — То-то у меня так пыло сердце... Верните, подпоручик, пистолет! Теперь я перемогся. Спасибо, что не дали возобладать душевной слабости.

Курбатов тосковал, что не было рядом, хотя бы недалеко, Проворова. Правда, раза два на пересадках и остановках ему казалось, что в толпе мелькала знакомая фигура. Но легко обознаться, кругом полно людей в серых шинелях.

Потолкались на станции. Говорили о том, что едет из Москвы какой-то важный комиссар, на дорогах порядки наводит, требует к себе местные власти, беспощадно карает саботажников и

ленивых, организует облавы на белогвардейцев и на «всякий буржуазный элемент». И вдруг Курбатов услышал фамилию комиссара: Дубровин...

Чуть позже промчался мимо полустанка второй бронепоезд, с прицепленным к нему классным вагоном, было уже темно, чуть посвечивали окна этого вагона.

Проехал. В нескольких шагах от Курбатова.

К утру вдруг все переменялось. На станции появилась охрана. Подошел «максимка». Ни боя, ни суеты... Курбатов купил билеты. Они вошли в вагон. Теснилась толпа на станции. Спекулянты и мешочники уже не решались штурмовать состав.

Но и Курбатов был неспокоен. Пока при посадке проверили только билеты. В вагоне просторно. Могут проверить и документы. Ставцев рукой махнул: что так погибать, что этак. Но Курбатов никак не мог избавиться от беспокойства. И вдруг... Чуть ли не чудо. В вагон вскочил и протиснулся в уголок Проворов. Скользнул равнодушным взглядом по лицу Курбатова и отвернулся.

Поезд пошел живее, наметилась в движении какая-то осмысленность.

В лесу остановились. По вагонам бежал помощник машиниста — кончилось топливо. Надо пилить и рубить дрова. Пилы и топоры получать у кондукторов.

Ставцеву и Курбатову кондуктор сунул в руки двуручную пилу и, тороя их, приказал:

— Дубок и березку... От сосны жару нет!

Пильщики углубились в лес. Курбатов облюбовал дубок, расчистил у комля снег.

— Приступим, Николай Николаевич!

Ставцев скептически поглядывал по сторонам.

— А вы, Владислав Павлович, когда-нибудь валили лес?

— Видел, как валят...

— То-то и оно, что видели! А шинели на нас солдатские. Ну скажите, какой солдат не валил леса, какой не пилил? А вы что за пильщик? Не очень-то удачен здесь наш маскарад! Первый, кто к нам подойдет, сначала посмеется, а затем догадается, что никакие мы с вами не солдаты! Барина видно, как он за ручку пилы держится!

Курбатов воткнул пилу в снег.

— Что же делать? Пилу дали — надо пилить...

— Что делать, я и не знаю, но надо торопиться... Надо сходиться к тем, кому топоры дали. Поласковее обойдись! Найдется кто-нибудь... Вы помоложе меня, слазайте по снегу. И поглядывать надо за ухваткой!

Курбатов пошел к своему вагону. Проворов здесь, Проворов поможет. Вот и случай словом с ним перемолвиться. Но до вагона не дошел. Навстречу к нему двинулся Проворов. Подмигнул Курбатову:

— Я с вас глаз не спускал... А подойти нельзя, все случая

не было. Все хорошо, хорошо все идет. Не вешайте головы, Курбатов! Товарищ Курбатов!

К Ставцеву Проворов подошел с хитровой широкой улыбкой на лице:

— Подсобить? В артель принимаете?

Остановился под дубом. Глянул на макушку. Взял пилу, провел пальцем по зубьям.

— И это у них называется струментом! Хм! Топор неточный — что конь легченый, а пила тупая — это жена немая...

Ставцев подмигнул Курбатову через голову Проворова: вот, дескать, как я ловко придумал.

Проворов неторопливо отошел в сторонку, выбрал осинку, срубил для шеста. Вернулся. Сделал надсечку у комля. Шест упер в ствол дуба.

— Теперича начинайте! С богом! — И перекрестился.

Пошла пила, засмурыгала, сбиваясь с надпила.

Проворов подошел к Ставцеву и отстранил его плечом:

— Ты, дед, посторонись... У нас руки помоложе.

Курбатов разогрелся, шинель сбросил.

И вот затуманился великан, дрогнула его крона, по всему телу дрожь, как толчок, прошла.

— Напирай на шест! — приказал Проворов и прибавил крепкое слово.

Ставцев налег на шест. Еще несколько движений пилы, и великан скрикнул. Пошел, пошел, осыпая снежную пыль, и упал, раскинув волны снега.

Проворов отер со лба пот и мечтательно проговорил:

— Сейчас бы чарочку! С початием!

Выжидательно оглянулся на Ставцева.

— И я давно такой сладости во рту не держал! — ответил горестно Ставцев.

Проворов непритворно вздохнул, положил на ствол пилу. Как бы между прочим спросил:

— Далече, братки, пробиваетесь?

— За Волгу! — коротко ответил Ставцев.

Проворов покачал головой.

— Э-в-а! За Волгой только Россия, по-нашему, начинается... А мне за Урал...

— Не приходилось бывать... — осторожно ответил Ставцев.

— В деревню я... Отец отписывал, хозяйство в упадок пришло. Нас у него было шестеро помощников, остался я один, и то не знаю, как добратся...

— Штык в землю, чего же теперь добираться?

— Не скоро еще штык в землю! С остановками уже два года пробиваюсь. То здесь, то там, а под ружье нет-нет да и заметут...

— Помещика выгнали?

— Помещика? — удивился Проворов. — Какие у нас могут быть помещики? Мы государевы люди. К нам ни одного поме-

щика не заманишь. Их в ссылку к нам пригоняли. Ссылные больше из дворян.

— С документами как? — поинтересовался Ставцев.

Проворов поплевал на ладонь, взялся за ручку пилы.

— Две руки, две поги, два глаза... А у тебя, браток?

Ставцев рукой махнул.

— То-то и оно, — понимающе протянул Проворов. — Ну ежели что, в мою деревеньку завсегда... У нас тихо. От дома до дома верст с десяток. Живем в лесу, ни одна душа не сыщет.

— А где деревенька?

— Да верст двести на пароходе...

Ставцев присвистнул:

— Хорошенькое приглашение!

— По реке все... На баржу сядешь, тихо этак плывет, вокруг лес дремучий. Душа богу молится...

Деревья валили дотемна. Пилили, кололи дрова, паровоз развел пары только к рассвету.

Двинулись по вагонам. Курбатов шепотом выговаривал Ставцеву:

— Николай Николаевич! Не мне вас учить... Надо вам молчать. Никак у вас не получается с солдатской речью. Ну какой же это солдат скажет: «Хорошенькое приглашение!»

— Он сам на птичьих правах.

— Хитер русский солдат, Николай Николаевич!

— Русского солдата, смею вас уверить, подпоручик, я знаю лучше!

С Проворовым сразу стало легче. Он без нажима, тихонько взял на себя хозяйственные заботы. На станции кипятка раздобудет. У него и кружка нашлась в вещевом мешке. И на базар сбегает, не испугается наглого ворья. Курбатов дал ему для расчетов золотой кружочек. Проворов разменял его на ходовые денежки.

Ставцев поинтересовался, в каких частях служил Проворов в германскую. Тот и части назвал, и об офицерах рассказал.

Вошли в прифронтовую полосу. Тут все усложнилось. И охрана усиленная, и проверка документов. Имя Дубровина не сходило с уст напуганных обывателей. «Комиссар из Москвы» — так его называли. Он твердой рукой наводил порядки.

Ставцев вознамерился заняться делом, расспрашивал о Дубровине встречных, вмешивался в разговоры о нем. Проворов, переглядываясь с Курбатовым, только головой покачивал, с трудом в иные минуты пряча усмешку. И однажды нашелся словоохотливый старичок.

— Как же, как же, — поспешил он ответить на вопрос Ставцева о Дубровине. — Известен... Пермский дворянин... С молодых лет увлекся царевбийством. На каторге сидел, по ссылкам его гоняли. А потом, по слухам, в Швейцарии отсиживался. Близкий Ленину человек... На Севере прославился, теперь на Урал прислали порядки наводить.

И непонятно было: осуждает старичок или восхищается.

— В нашем городке, — продолжал он, — на сутки остановился. Председателя городской власти, самого здесь главного большевика, без суда и следствия к утру расстреляли.

— За что же большевика? — спросил Проворов.

— Бойкий был большевичок... Подарки очень любил. За подарки любому купцу документы выправлял. Взятки, точнее выражаясь...

Старичок помолчал, пошамкал губами.

— Анархистов тоже не жалует и разные там банды. Разоружает. Будет к весне литься кровушка. Он не пропустит сюда адмирала.

Ехали долго.

Перед последней остановкой надо было бы сойти, пешком идти в обход города. Ставцев заупрямился. Отказывались ему слушать ноги в пешем пути. И натолкнулись...

С двух сторон в вагон протиснулись люди в кожаных куртках. Раздались требовательные голоса:

— Документы! Проверка документов!

Проворов присел на пол, словно собираясь скользнуть под скамейку. Ставцев покосился на Курбатова. Курбатов с деланным равнодушием отвернулся к окну.

Раздвигая пассажиров, по вагону двигались люди в кожаных черных куртках. Кто-то уже пустил по вагону:

— Чекисты...

Ставцев втиснулся в спинку сиденья.

Чекист с вислыми черными усами строго говорил в соседнем купе:

— У кого нет документов, граждане, предупреждаю! Дальше без документов не пустим.

В вагоне притихли, даже шепотом не осмеливались переговариваться.

Уже двоих вывели в тамбур для дальнейшего выяснения личности.

Проворов встал и вышел к проходу.

Чекист остановился перед ним.

Проворов протянул какую-то бумажку.

— Это не документ! — сказал чекист.

Проворов полез в карманы, долго в них рылся. К чекисту с вислыми усами подошли его напарники.

Проворов вдруг нырнул между ними и кинулся к выходу. Но где там! Его перехватили, он вырвался из рук. На него бросились чекисты. Он отбивался, кричал, и вдруг у него из кармана выпал наган.

— О, голубчик! — воскликнул чекист. — А ты, оказывается, ястребок!

Его поволокли из вагона.

Курбатов оглянулся на Ставцева. Мертвая бледность облила его лицо.

В тамбуре Проворов вдруг тихо сказал чекисту:
— А документы у меня, браток, в порядке!
— Тебе волк браток! — ответил усатый. — Мы сейчас разбе-
ремся, станция недалеко...

18

Где-то вдалеке сотрясала землю канонада. В застывшем и безветренном лесу тишина. Разноголосисто стучал дятел.

Ставцев снял шапку и широко, неторопливо перекрестился.
— Вышли! — объявил он торжественно.

Порылся в кармане, достал тряпичный сверточек. Развернул. Пенсне с золотыми дужками.

— Вот и я теперь все вижу. Свет белый вижу, а то все в тумане плавало, а пенсне надеть нельзя. Признак классового врага! Вышли... Вышли! Ушли, князь, из вражьего стана!

Тропкой и лесом шли еще несколько верст. Впереди дым над избами. Пригляделись: казачьи шапки, лычки, сверкнули на плечах у кого то погоны.

Ставцев распрямился, словно сбросил с плеч давившую тяжесть. Двинулись целиной, полем к деревне. Их заметили, на околице остановились несколько казаков. Один снял с плеча карабин. Ждали.

— Кто такие? — спросил картинный, как с пряничной обертки, казак-зауралец.

— Подполковник Ставцев, подпоручик Курбатов...

Казак подтянулся. Стал во фронт.

— Прощу провести в штаб! — приказал Ставцев.

Казак козырнул и торопливо зашагал впереди.

Ставцев оглянулся на Курбатова и радостно подмигнул.

— Порядок! Порядок, строй, дисциплина! А вы говорите, подпоручик, большевики!

— Я ничего не говорю, подполковник!

— Вы нет! Вы нет, а вот когда в Москву войдем, вашему тестю одно спасение, что нас укрывал...

Да, Курбатов имел возможность заметить, что порядок здесь был несколько иным.

Чешские вооруженные патрули на станции. Никаких мешочников, в вагонах стекла, при отправке поезда бьют в колокол, при станциях обильные базары, работают вокзальные буфеты. Можно выйти, пообедать, выпить, были бы деньги. А деньги были...

— Ну что? — вопрошал Ставцев. — В другой мир попали?

19

На запасном пути — вагон, прицепленный к бронепоезду. Близко не подойдешь — военное оцепление.

Чекист с вислыми усами предъявил документы и, подгадк-

вая вперед Проворова, провел его к вагону. Пришлось подождать. Несколько минут стояли у подножки.

— Ястребок, товарищ Дубровин! Оказал вооруженное сопротивление. Могли бы разобраться и сами, говорит, что вам имеется что сказать.

— Мне? — удивленно спросил Дубровин, обернулся к Проворову и раскрыл руки для объятий. Обнялись, расцеловались. — Случай или с расчетом ко мне? — спросил Дубровин.

— Тут и расчет и случай... Все вместе, Алексей Федорович! Другого раза не случится толком поговорить...

— Где ваши подопечные?

— Ставцев совсем раскис... Не привыкло его благородие к революциям.

— Привыкнут!

— Надо было бы сойти в прифронтовой зоне, не сошел. На русское авось надеялся. А здесь опергруппа... Такая мелочь, и все сорвать могла! Прихватили бы их без документов, как тогда вытаскивать? Я на себя удар принял, зашумел. Меня повели, как опасного преступника...

— Всего, Михаил Иванович, не предусмотреть! Путь-то был очень трудным и далеким. Такую я здесь встретил мерзость, такое запустение, стыдно сказать. Так где же ваши подопечные?

— Теперь, наверное, пешком пробираются до линии фронта.

— Как себя чувствует Курбатов?

— Приуныл, Алексей Федорович! А как не приуныть? С нами свою судьбу связал, а ежели посмотреть со стороны, то какая же здесь перспектива обрисовывается? Разруха, все в беде... А тот все жужжит ему, что большевикам жизни до осени!

— Думаешь, струсил?

— Нет! Не струсил! Он не трус! Затосковал!

— Да, картина на дорогах безотрадная. Товарищ Ленин, направляя меня сюда, говорил, что надо готовить тыл для весеннего и летнего наступления. Вы жену Курбатова видели?

— Довелось... Встретил их на дороге, прошли рядом по парку. Ночью. Вы успели от меня посылку получить?

— Успел! Весь вопрос: где Кольберг? Теперь мы можем считать, что в деле Курбатова интересы белогвардейщины смыкались с интересами... Я не спешу с определением. Но без постороннего вмешательства здесь не обошлось. Итак, связь, Михаил Иванович, можно держать со мной. Это ближе, чем до Москвы. Мне нужны сроки наступления Колчака, численность штыков и сабель, артиллерийский парк. Надо знать, сколько он держит на прикрытии Дальнего Востока. Части, названия частей, командование. Если будет трудно и надо будет обратиться за помощью к Курбатову, обратитесь. Но чтобы он добывал сведения, не задавая вопросов. Он должен брать пока только то, что само плывет в руки. Лишний вопрос в его положении сейчас смертельно опасен. Я буду заниматься делами, от меня вы увидите ночью...

— Мне кажется,— говорил с расстановкой, неторопливо, наслаждаясь звуком своего голоса, Ставцев,— мне все кажется сном, чудом! Я прошел все круги дантова ада, все кружится, кружится в кровавом водовороте... Россия в агонии! Миллиарды вышей копошатся на ее беспомощном теле. У вас тишина, свет, осколки милой сердцу России!

Речь эту Ставцев держал, сидя за изящно сервированным столом, покрытым белоснежной скатертью. Икра, балык, заливная осетрина, бутылки французского коньяка, английского виски, итальянский вермут.

Ставцева принимал Кольберг. Он первым получил известие о прибытии Ставцева и его друга. Их встретили на вокзале, привезли на автомобиле в гостиницу. Ставцев принял ванну, переоделся. И вот они вдвоем, старые друзья. Ставцев отрезал кончик сигары и откинулся на спинку покойного мягкого кресла.

Бледное, изможденное лицо Кольберга бесстрастно и неподвижно. Под глазами обозначились синие круги, не скрывает синеву и толстый слой пудры.

— Я не верю, Николай Николаевич, ни в сны, ни в чудеса! — ответил он на восторги Ставцева. — Не верю ни во что, чего не знаю. Вам может верить и не верить, я должен знать! Вы вышли оттуда, откуда никто из наших не выходил. Я вам верю, Николай Николаевич, как себе, но я должен мысленно охватить весь ваш путь с Лубянки, из рук Дзержинского. Не кажется ли вам, что здесь на вас могут смотреть или как на святого, или как на шарлатана? Третьего не дано!

Ставцев протестующе поднял руку:

— Густав Оскарович!

Но Кольберг не дал договорить Ставцеву:

— Николай Николаевич! Я ваш друг... Я знаю вас и вашу семью. Мне всегда было ласково и тепло в вашем доме. Неужели вы думаете, что я сомневаюсь в правдивости вашего рассказа? Я хочу только уточнений, чтобы все понять. Это моя профессия, наконец!

Кольберг придвинул бутылку, разлил виски.

— Последнее звено не так необычно! Линию фронта многие переходят. Здесь у меня нет вопросов. Вас задержали в Москве, вот откуда начинаются чудеса. Вас взяли с нелегального собрания вашей боевой группы. Это пазывается взять с политичным. Они знали, зачем вы в Москве, зачем вам боевая группа?

— Вопросы следователя были точны. Он был широко осведомлен о деятельности организации...

Кольберг пригубил рюмку и поморщился.

— Кто-то на допросе разговаривал, вот все и посыпалось... Я не об этом! Деникин развивает наступление, Юденич под Петроградом, вы вербуете офицеров для Колчака и переправляете их через линию фронта. Как может в такой обстановке расцени-

ваться ваша деятельность? «Руководствуясь революционной законностью...» Так, что ли, звучит их формула? Расстрел! За чем же дело стало?

— Не знаю... Мне казалось, что следствие закончено, мы ждали суда.

— Почему вас сразу не перевели в тюрьму?

— Я не искушен в делах контрразведки. Я не придавал значения этой детали.

Кольберг досадливо щелкнул крышкой сигарного ящика. Закурил.

— Ах, господа офицеры, господа офицеры! Оказалось, мы с вами ни к чему не подготовлены. В делах контрразведки в наше время необходимо быть искушенным! Они закончили следствие и держат вас на Лубянке, во внутренней тюрьме...

— Не только меня! И Нагорцева, и Протасова, и Тункина. Нагорцев был осужден!

— Осужден?

— И Протасов был осужден!

Кольберг задумался. Сделал несколько затяжек, положил сигару на край серебряной пепельницы.

— Не спорю... Может быть, у них и не разработаны правила содержания заключенных. Но вот к вам в камеру вводят двух заключенных. По их делу следствие не закончено. Тункина сначала, затем Курбатова. Они проходят по одному делу, и по делу особой важности. Как же это, пока не окончено следствие, их сводят в одной камере? Это уже странный знак!

— А почему вы полагаете, Густав Оскарович, что по их делу следствие не было закончено? Оно, на мой взгляд, даже затянулось. Наверное, их могли расстрелять на месте?

Кольберг снисходительно усмехнулся.

— Выстрел — дело пустое и последнее. Им многое хотелось бы узнать в связи с этим делом. Кто в группе, велика ли группа, кто ее формировал, кто ее направлял?

— Курбатов мне сказал, что его поразила осведомленность Дзержинского. Он сказал мне, что Дзержинский знал больше, нежели он.

— Стоп! — воскликнул Кольберг. — Это деталь... Немаловажная деталь!

— Человек был на допросе у Дзержинского. Он был для нас героем, чудом. А чудом не было! Они все знали...

Кольберг закрыл глаза и провел по ним пальцами.

Ставцев сочувственно вздохнул:

— Вы устали, Густав Оскарович! Отдохните, час поздний, я не хочу быть вам в тягость.

— Сейчас отдыхать? Я не так богат, чтобы в такие дни спать и отдыхать! А вот русские люди любят поспать на этом свете. Проспали, продремали... Итак, меня интересует, Николай Николаевич, первый момент, самая первая минута, самые

первые слова, как только Курбатов вошел в камеру. Что он говорил?

— Курбатов ничего сначала не говорил. Я спросил, каков Дзержинский. Он ответил: «Краток». Я спросил, всех ли взяли. Курбатов ответил, что один из его группы ушел. Отбился гранатами. Потом уже, на нарах, разговорились. Он сказал, что чекистам о его группе было все известно...

— Вы говорили, что чекистам, по утверждению Курбатова, было известно больше, чем самому Курбатову.

— Так точно!

Кольберг опять задумался.

— Значит, отбился гранатами.... Интересно! Вернемся, однако, к побегу.

Ставцев перебил Кольберга:

— Но здесь-то, здесь все произошло на моих глазах. Автомобиль занесло, он врезался в фонарный столб.

— И?

— Мы бежали...

— Курбатов, Ставцев, Протасов, Нагорцев и Тункин... — Кольберг, произнося фамилии, загибал для счета пальцы. — Бежали пятеро смертников! Зачем, почему бежали?

Ставцев беспомощно уставился на Кольберга.

— Мы бежали, чтобы...

— Мотивы вашего побега мне ясны и не вызывают недоумения. Зачем нужно было руководству ВЧК, чтобы вы бежали? Ради кого из вашей пятерки устраивался этот побег? Вот в чем вопрос!

Ставцев встал, у него от возмущения задрожали щеки.

— Простите, Густав Оскарович! Ваше предположение... Это странно!

Кольберг беззвучно рассмеялся.

— Николай Николаевич! Святая душа! Сколько мы таких побегов устраивали! Дорого они заплатили бы, чтобы узнать, для кого мы устраивали такие побег. Давний прием всех контрразведок мира. И беспощадный прием. Хорошо устроенный побег невозможно расшифровать.

Ставцев сел в кресло. Он еще не успокоился.

— Мысль о побеге родилась у Нагорцева. С первой минуты, как я его увидел, он твердил о побеге. Он подговаривал и Курбатова.

— Нагорцев? Почему вы мне не рассказывали об этом раньше?

— Вы и меня в чем-то подозреваете, Густав Оскарович?

Кольберг сокрушенно покачал головой:

— Ничего-то вы не поняли, Николай Николаевич! Вы боевой офицер, и я вас не виню, что в этой игре вы не знаете правил. Вас поразили тишина в этом городе, белая скатерть у меня на столе, обилие закусок. Вас радует призрачность порядка, призрачность старого порядка. Нижние чины вам отдают честь, свер-

кают погоны. Здесь на каждом шагу звучит «ваше высокоблагородие», «ваше превосходительство»... Все как в старое доброе время. Не так ли? Это вас умиляет? Мы с вами старые друзья, очень старые... С вами я могу быть откровенным до конца! И только вам я скажу! Сегодня, сейчас, на ближайшие десяток лет мы проиграли. Большевики победят в этой войне!

— Что?! — воскликнул Ставцев. — Что вы говорите! В военном деле я кое-что понимаю. Я строевой офицер! Они стиснуты со всех сторон, я проехал сквозь всю Россию... Развал, падение. Мы этим летом войдем в Москву!

— На белом коне, под малиновый трезвон всех колоколов! Патетическая соната! Для речи на офицерском собрании!

Ставцев не унимался. Он встал с кресла, пришел в возбуждение.

— В Москве голод... Страшный голод! Им нечем кормить войска. Красная Армия — это сброд анархистов. Они как пауки в банке грызутся. Одно летнее наступление — и им конец! Я ни во что не верю! Я верю в армейскую дисциплину. Здесь она есть, там нет. Я был в Москве. Прожил там месяц...

— Я тоже был в Москве и в Петрограде...

— Вы? — удивился Ставцев.

— Мне интересно было увидеть все своими глазами... И все-таки я утверждаю: мы проиграли! Ленин выиграл эту войну одним росчерком пера: в крестьянской стране он отдал крестьянам землю. Отдал безвозмездно, без выкупа, без кабальных условий. Отдал — и все тут! А крестьянин в это время оказался с винтовкою в руках. Так с какими же силами, с какими лозунгами прикажете отобрать обратно землю у крестьянина? Нужна армия в полтора десятка миллионов штыков! И еще не наверное с такой армией можно отнять землю у крестьянина. Где эта армия?

Ставцев налил себе виски и залпом выпил рюмку.

— Мы еще поспорим, поспорим с вами!

Кольберг прикрыл усталое глаза.

— Нет, я спорить не стану. Для меня это бесспорно, и по роду своей деятельности я должен заглядывать вперед, а не топтаться на месте. У меня, Николай Николаевич, свой личный расчет. Мы ослабим сколь можно большевиков, пустим им обильно крови, чтобы подольше им зализывать раны, чтобы успеть нам собраться с силами... К реваншу на новых условиях, на новых основах. Для этого я здесь, а не в Париже или еще в каком-либо благословенном европейском городе! Вот почему меня заинтриговала ваша история с неким романтическим оттенком...

— Что же в этой истории романтического?

— Большевики знают, что они выиграли, твердо знают! И если раньше их контрразведка только оборонялась, то теперь она переходит в наступление. Я первый это почувствовал, первый угадал и нашел признаки этого наступления... Они... Они,

Николай Николаевич, — это я говорю только для вас, для моего друга, для близкого друга, — засылают к нам агентуру с прицелом на десятилетия вперед. Ох как дорог мне, лично мне, каждый такой агент!

— Охота захватывающая! Однако расстрел нескольких лазутчиков не может повлиять на исход войны.

— Расстрел? — удивленно переспросил Кольберг. — Помилуйте! Я всячески готов оберегать таких людей. Таких агентов сейчас не расстреливают — их берегут! Берегут, конечно, умные люди... Адмирал, если бы узнал о таком агенте, расстрелял бы!

— Наверное, у него были бы для этого основания?

— Только глупость и самонадеянность! Ни у меня, ни у вас нет вкладов в заграничных банках, нет и фамильных бриллиантов. Год-два мы еще здесь протянем. А дальше? Кто нас будет кормить в Европе?

— Если заранее думать о поражении... Если с таким настроением воевать, поражение неизбежно!

— Я знаю, поверьте мне, я знаю, и это моя профессия — знать, с каким настроением живет белое офицерство. Прогулка в Москву, перевешать большевиков, вернуть обратно поместья и особняки. Не будет этого, Николай Николаевич! Не будет! Вы, русские, позорно затащили игру в самодержавие, это чудовище само себя пожрало! Европа! Вот место нашего спасения. На какие средства мы с вами будем там жить? В Европе и корочку хлеба не выпросишь! Вот для чего я собираю товар, свой товар, особый товар. Большевицкая агентура в рядах белой эмиграции! Я буду диктовать цены на этот товар. Вот почему, Николай Николаевич, я так тщательно копаюсь в вашей романтической истории с побегом. Кого они к нам забросили? Вот что я должен узнать, прочитать между строк. Вот вы, Николай Николаевич, почему вы пробирались в этот город? С такими пчеловеческими трудностями...

— Здесь адмирал, я ему лично известен, я для него вербовал офицеров, и безуспешно. Здесь вы...

— А почему пробивался сюда Курбатов? Что его сюда влекло?

— Курбатов — агент большевиков? Густав Оскарович, это смешно!

— Я разве сказал, что Курбатов агент ВЧК? Нет, я только анализирую. Может быть, Протасов, может быть, Нагорцев...

— Нагорцев? Вы с ума сошли! Каратель, корниловец! У него руки по плечи в большевицкой крови.

— Значит, Нагорцева исключаете?

— Исключаю! Его без суда могут убить, стоит лишь встретиться ему с теми, кому он лично известен!

— Долой Нагорцева! Остаются Тункин, Протасов, Курбатов... Как видите, я вас исключаю из этого списка.

— Нет уж, пожалуйста, не исключайте! Все мы должны пройти это чистилище на равных.

— Хорошо! — согласился Кольберг. — Пополним список. Курбатов, Ставцев, Протасов и Тункин... Тункина я исключаю. Заранее и не расследую. Он алкоголик, почти на грани гибели... Он не нужен, никому не нужен. Значит, Курбатов, Протасов, Ставцев.

— Протасов! — ухватился Ставцев. — Он взят всего лишь на связи...

— Что вы можете о нем рассказать, Николай Николаевич?

— Я в некотором роде лицо подозреваемое...

— Только по вашему настоянию. Мы тут же мысленно зачеркнем вашу фамилию жирной чертой. Я ваш друг, годами испытана наша дружба. Вы могли бы шутя, за рюмкой виски рассказать, что вас перевербовали чекисты, и из этого ничего не последовало бы! Мы включились бы через вас с ними в игру и еще как поиграли бы!

Ставцев вышел залпом еще рюмку виски. Закусил лососиной.

— С вами трудно, Густав Оскарович! Этак можно и умереть от разрыва сердца...

— Не стоит, Николай Николаевич! Из-за таких-то пустяков — и умирать! Курбатов или Протасов! Вот в чем вопрос!

— Ничего я не знаю о Протасове, ничего не могу о нем сказать! Протасов, и все!

— Нет, не все! Протасовы владели именьями в Воронежской, Калужской и Рязанской губерниях. Он наследник земельных владений в несколько тысяч десятин... Земельный магнат!

— Знаю я еще более крупного магната. И вы его знаете! Дервиз! Отдал все имущество большевикам, выпросил у Ленина место преподавателя математики в учительском институте.

— Дервиз — немец, Протасов — русский. Немцы более реально смотрят на вещи. С Протасовым потом. Мне надо будет связаться с начальником контрразведки у Деникина. Остается Курбатов... Зачем ему понадобилось ехать в наш город?

— Это я его об этом просил.

— Просили? Давайте разбираться! Итак, вы выскочили из автомобиля. Прошли проходным двором... Дальше? Когда вы его просили ехать с вами?

— Там я не просил. Я приказал ему идти со мной. Я старше по званию. Я уже не помню, как возник разговор.

— Не торопитесь, не торопитесь, Николай Николаевич! Будем разбираться в каждой мелочи.

— Нагорцев сразу заявил, что ему на юг. И ушел. Я приказал Курбатову, именно приказал, следовать за мной. Потом спросил, куда ему. Он ответил: в Петроград. Можно ли ему было ехать в Петроград? Его перехватили бы на дороге или на улице. Я спросил его, имеет ли он явочные квартиры, он ответил, что надежных явок нет. Я повел его в Хохловский переулок. Шли ночью, таились, шли проходными дворами.

Кольберг задумался.

— Ну, а если бы вы его не позвали, он куда делся бы?

— Не знаю... Наверное, тут же вышел бы из Москвы.

— Без денег?

— А что было делать? Идти под пулю?

Кольберг вздохнул.

— Очень мне мешает ваше утверждение, что вы пригласили его с собой.

— Мешает выстроенной версии?

— О, вы уже начали изъясняться нашим языком. Итак, отмечаем, что вы его пригласили с собой, что вы даже ему приказали следовать за собой.

— Да, и просил его помочь мне добраться до места. Деньги показал, денег дал. Тут он еще о свадьбе...

— О свадьбе потом! Денег дали. Гм!

— Он категорически мне заявил, что никуда не поедет, не побывав в Кирицах. У нас чуть ли не до разрыва дошло. «Потерять честь — это для меня потерять все», — заявил он. Я боюсь этой поездки, считая ее безумием. Уже готов был отказаться от него. Думал добираться своими силами. Если бы не болячки и не простудился бы я сильнейшим образом, я отказался бы от него. Это был, если хотите, ультиматум.

— Ультиматум? — повторил это слово, отчеканивая каждый слог, Кольберг. — Николай Николаевич, этого вы знать не могли. Но сейчас я вам могу сказать. У Курбатова была явка... Явка сюда, в этот город!

Ставцев ворочил вилкой в горке маслин. Вилка повисла в воздухе. Он тяжело опустился в кресло.

Ну конечно, Кольберг мог бы не подвергать своего друга таким испытаниям. Преодолею столько в пути, тряся от страха быть раскрытым любым патрулем, и вдруг... Вдруг подозрение. Как же еще мог расценить этот пристальный, настойчивый допрос Ставцев? Он же знал, как ему было трудно уговорить Курбатова ехать в Сибирь. Он это доподлинно знал. Как же теперь все это оборачивается?

И шея и лицо налились краской у Ставцева. Он кипел.

— Неужели он вам этого не говорил? — спросил Кольберг. — Мальчик с двойным дном, скрытый мальчик!

Ставцев задыхался:

— Если он от меня мог такое скрыть... О-о-о! Я сам вместе с вами его допрошу!

Кольберг разлил по рюмкам коньяк. Поставил рюмку перед Ставцевым.

— Коньяк успокаивает! Это легче, чем виски.

Выпили по рюмке.

— Вот видите, Николай Николаевич, — начал умиротворенно Кольберг. — Мои опасения, выходит, не напрасны...

— Кто ему давал здесь явку? — спросил Ставцев.

— Я дал явку!

— Вы, Кольберг? Вы? Лично вы?

— Это я нашел его в Петрограде. Горел мальчик идеей по-

служить России, пострадать, горел совершить подвиг... Романтика личного героизма, слава и мечты, мечты...

— О чем мечты?

— Я его там разгадал. Странное сочетание. В роду у них декабрист. Страдалец! Отец — генерал... Что же остается для славы? Одним взмахом взметнуться до неба, и надежда, что именно он тот национальный герой, которого недостает России. В таком запале он мог быть полезен. Я ему подсказал, в чем подвиг.

— Это вы организовали их группу?

— У меня под рукой случился надежный человек для такого дела. Жизнелюбец, реалист, хитрая бестия.

— А где он сейчас-то?

— Отбился гранатами! Следите? Совпали показания...

— Он здесь?

Кольберг вздохнул, но от прямого ответа на вопрос ушел.

— Я еще кое-что поберегу для вас, Николай Николаевич!

Ставцев спял пенсне, начал тщательно протирать чистым платком стекла.

— Вам Курбатов рассказывал что-нибудь об обстоятельствах своего ареста?

— Рассказывал...

— Что же он вам рассказывал?

Ставцев выпил рюмку, поймал вилкой маслину.

— Что же он вам рассказывал? — повторил вкрадчиво свой вопрос Кольберг.

Ставцев покачал головой:

— Боюсь, Густав Оскарович, вас очень сильно огорчить. Курбатову понадобилось встретиться с вашим искусником. Дело затягивалось. Он почувствовал себя в опасности. Он вызвал через свою невесту и ее подругу Шеврова на свидание. Свидание было назначено в Сокольническом парке. Он пришел на свидание. Шевров опаздывал. Раздался выстрел. Стреляли из темноты. Потом раздалась стрельба, разрывы гранат, и его схватили чекисты. Кого-то преследовали... Дзержинский на допросе, как рассказывает Курбатов, утверждал, что стрелял в него Шевров! А застрелил какого-то очень важного чекиста.

Настала минута удивиться Кольбергу. Он не посчитал нужным скрыть от Ставцева удивление.

— Николай Николаевич! Вы корниловец, вы святой человек в нашем движении. Вам полное доверие! Вы точно передаете рассказ Курбатова?

— Точно, Густав Оскарович! Мы сделали с ним долгий и трудный путь! Было время поговорить... Не совпадают показания?

— В том-то и дело, что очень совпадают! А совпадения не должно быть! В одной детали, правда, не совпадают!

Кольберг встал, прошелся по мягкому ковру, который начисто глушил его легкий, крадущийся, кошачий шаг.

— Задали вы мне задачу, Николай Николаевич!
И Кольберг очертил рукой в воздухе большой знак вопроса.

21

К месту назначения Проворов прибыл сутки спустя после Ставцева и Курбатова. Он так их и не догнал до перехода через линию фронта.

Приехал в солдатской одежде по надежным документам. Но сколь они ни были надежны в дороге, в адмиральском логове ими пользоваться было бы опасно. Поэтому надо было идти на явку и там уже выработать план действий с местными людьми.

Поезд пришел днем. Проворов легко смешался с толпой.

Старик, хозяин дома, был лудильщиком. В зимнее время дома сидел, летом отправлялся в поход по окрестностям, по деревням, по селам и казачьим станицам. Старый подпольщик, большевик, работал в подполье, работал на связи. Это был самый надежный адрес.

Но как бы ни был надежен, Прохорыч, так звали старика, сразу сказал Проворову, что денек он его передержать может, на большее не рискнет. В городе строгий режим. Колчаковская полиция весь город перерыла, среди рабочих идут повальные аресты, работает и контрразведка, делать ей больше пока нечего, как прочесывать весь город.

У Проворова еще в Москве были выправлены документы. Это были документы почти подлинные, на его имя. Документы проходившего воинскую службу на германском фронте солдата. И части были отмечены правильно. Здесь не было нужды вносить путаницу какой-либо легендой. Укажешь часть, а вдруг у Колчака служит офицер той самой части?

В легенду входила служба в Красной Армии. А потом дезертирство. Пробирается, дескать, к своим, в свое село. Надоело шагать с винтовкой. Дезертиров из Красной Армии Колчак подбирает. А это как раз и нужно было.

Но в дороге возникла новая ситуация. Проворову удалось сойтись со Ставцевым. Теперь можно было попытаться прибегнуть к его покровительству. Как найти Ставцева? Прохорыч советовал переодеться в тряпье и выйти просить милостыню на билет на перекресток неподалеку от штаба. Ставцеву, если он в городе, не миновать штаба.

Проворов перевязал глаз бинтом, взял костыль и вышел к перекрестку с раннего утра. Место бойкое.

Он не беспокоил проходящих офицеров, высматривал Ставцева. Должен же был он пройти в штаб.

И вот они! С Курбатовым идут! Рядышком. Ставцев в форме подполковника, Курбатов в форме подпоручика.

Вот она, решающая минутка! Если Курбатов вел двойную игру, то игра эта уже раскрыта. Что ему грозило, если бы он рассказал всю правду в контрразведке? Что? Ровным счетом ничего. В крайнем случае его заставили бы продолжать игру, посмеялись бы, порадовались, что ловко выскользнул из рук ВЧК. Сам выскользнул, Ставцева выручил, Нагорцева и Протасова... Даже за подвиг зачлось бы.

Страшна только первая минута встречи. Если Курбатов открылся, тут же его и задержат. Если колчаковская контрразведка пошла на игру, сразу не задержат. Сразу не задержат, останется возможность присмотреться, определить, ведется ли игра, а тогда и найдется возможность вовремя скрыться.

Ставцев как будто помятый и грустный. Курбатов бодро вышагивает строевым шагом, кокетничая своей отличной выправкой.

Ставцев и Курбатов шли прямо на него. Проворов отступил на шаг от забора и протянул руку.

— Подайте солдатику! Домой пробираюсь... На дорогу нет денег!

Ставцев было посторонился, Проворов вдруг отбросил костыль, вытянулся во фронт и воскликнул:

— Ваше-ство! Ваше высокоблагородие!

Ставцев, удивленный таким превращением, остановился. Курбатов растерялся. Он сразу узнал Проворова, но не торопился это открыть. По наитию решил, что лучше будет, если узнает его Ставцев.

Проворов сорвал повязку с глаза.

— Честь имею! Ваше высокоблагородие! Простите за ради Христа!

Около уже собирались любопытные. Они тоже видели чудесное превращение.

— Владислав Павлович! — воскликнул Ставцев. — Смотрите! Наш дровосек. — И строго к Проворову: — Почему такой маскарад?

Проворов ел глазами Ставцева и молчал, как бы изумленный до онемения.

— Почему такой маскарад? — возвысил голос Ставцев.

— Ваше высокоблагородие! Не велите казнить! Не знаю, как домой добраться. Ни копейки...

— Хороший ответ, правдивый ответ! Домой, солдат? Не время солдату домой!

— Так точно! — ответил Проворов.

— Служить будешь?

Проворов замялся.

— Ну, ну... Я добро помню! Отправляю тебя домой! Но мне нужен денщик, верный человек.

— Ваше высокоблагородие! Я... завсегда готов!

— Идем! — приказал Ставцев.

Лучшей «крыши» и желать нечего. И Курбатов близко.

Связь... Вот большое место. К Прохорычу наведываться — это засветить его, встречаться с ним тоже опасно, довериться пересыльным в такой операции нельзя. Дубровин рекомендовал пользоваться тайниками.

Офицерскому денщику нечего делать в глухом и кривом переулке, где жил Прохорыч. Проворов подбирал тайник поближе от гостиницы. В этом городе подворотню или проходной двор, каких было полно в Москве, нелегко найти. Стояли на главной улице все больше купеческие особнячки, дворянские дома. Они обнесены заборами, ворота замкнуты на запоры. А надо выбрать такое место, чтобы не проглядывалось оно из окон, чтобы нырнуть к нему можно было непримеченным и чтобы на крайний случай можно было бы дать объяснение, если кто застигнет на месте.

Дважды Проворов прошел вдоль улицы, интереснее винной лавочки ничего не нашел. Самое популярное место. Сюда днем и ночью найдется предлог прибежать.

Лавочка — подвальчик, вниз четыре деревянные ступеньки, площадка и дверь. Ступеньки на лестнице протоптаны и подгнили. Шатаются под ногами. Проворов прошелся по ступенькам, пришлось для правдоподобия выпить стакан вина в погребе. И вот оно!

Очень все просто и наглядно. Вошел с улицы, наклонился, с сапог стряхнул снег. Наклонился и под последнюю ступеньку, в щель сунул пересылку. И за вином: выпить или бутылку захватить. По таким делам господа офицеры посылали своих денщиков. Место бойкое, проскакивают его то бегом, то покачиваясь. Кому придет в голову, что порожки, по которым шмыгают офицерские сапоги тысячу раз за день, можно использовать под тайник?

Ставцев притаился. Приглядывается, прислушивается, в глаза Курбатову не глядит. И ласковость его по отношению к Курбатову иссякла. Правда, встречались они не часто. По отрывочным фразам Проворов определил, что Курбатов еще не получил назначения. Ставцев определен в штаб, в оперативный отдел. С Курбатовым вступать в беседу Проворов пока воздерживался.

Однажды ночью услышал шаги в коридоре. Выглянул из своей каморки. Курбатов торопливо шел вслед за Ставцевым к выходу.

В тот же час, как Ставцев и Курбатов появились на передовых постах колчаковской армии и о них было доложено Кольбергу, тот отправил Шеврова из города якобы по неотложному

делу. Он мог его арестовать, спрятать во внутренней тюрьме, но этим он насторожил бы его. Пока требовалось, чтобы Шевров не знал о прибытии Курбатова.

После показаний Ставцева, пересказавшего версию свидания со слов Курбатова, возникли новые обстоятельства.

Шевров, докладывая Кольбергу о провале операции, заявил, что Курбатов был перехвачен чекистами. Курбатов вызвал его на свидание, сидел и поджидал его на скамейке. Но это было не свидание, а засада. Он, Шевров, отбил гранатами и бежал. Курбатов, по его показаниям, несомненно, был арестован раньше, свидание устроил по требованию чекистов. Словом, мальчишка не выдержал допроса с пристрастием. Показал Шевров также, что явка Курбатову сюда, в этот город, была своевременной передана.

И вдруг такой пассаж! Является арестованный чекистами Курбатов.

И новое обстоятельство. Незначительное, но очень вместе с тем существенное разноречие в показаниях. Почему Шевров не показал, что он стрелял в Курбатова? Что там произошло?

О нет, в ту минуту Кольберг нисколько не подозревал Шеврова.

Кольберг послал вестовых за Шевровым, чтобы привезли его сразу в штаб. Этим и объяснялась задержка в определении судьбы Курбатова.

Ставцев был смущен начавшимся дознанием. Кольберг просил его ничего не рассказывать Курбатову, даже не упоминать о встрече с ним и не называть его имени. В штабе Кольберга знали как полковника Николаева. В ставке Колчака вообще мало кто знал его настоящее имя. Именно поэтому в списке колчаковских контрразведчиков, которым располагала ВЧК, значился вместо Кольберга полковник Николаев.

У Кольберга было время проанализировать все детали дела.

Курбатов был арестован, допрашивал его Дзержинский. В этом необычного еще не усматривалось. Необычное началось с побега. Побег сразу насторожил. В разговоре со Ставцевым Кольберг оставил под вопросом одну лишь фигуру: Курбатова. Но это только для Ставцева. Пасьянс оказывался гораздо сложнее. И сам Ставцев был вполне подходящей фигурой для вербовки чекистами. Начисто исключались только Тункин и Нагорцев. Кольберг знал Нагорцева, знал его бешеный нрав и прирожденную тупость. Протасов? Земельный магнат. Однако этот земельный магнат достаточно умен, чтобы понять условность своих прав на земле. Жизнь дороже призрачных владений. Протасов тоже оставался под вопросом.

Поражали две вещи, связанные с Курбатовым. Почему Курбатов скрыл от Ставцева свою явку сюда? И история с выстрелом Шеврова.

Итак, Шевров.

Его привели прямо с дороги. Он участвовал в карательной экспедиции против партизан. Весь еще дымился от возбуждения и крови. Подергивались широкие ноздри, мутноват был взгляд. Тут-то можно было быть спокойным. Такого ВЧК не станет вербовать.

Начать Кольберг решил издали. Множество было вариантов, с чего начать допрос. Попросить повторить рассказ о последнем свидании с Курбатовым? Зачем бы ему, Кольбергу, это понадобилось? Это сразу насторожит Шеврова, подскажет, что возникли какие-то подозрения. Не годится.

Уточнить, давал ли он явку Курбатову? Он же сказал отчетливо, что явка им была дана. Повторение пройденного? Чем это вызвано? Опять Шевров насторожился бы.

Шевров упомянул, а Ставцев подтвердил, что им убит видный чекист. Здесь двойная выгода. Во-первых, чекист действительно убит. Показание Шеврова оказалось достоверным, он, Кольберг, мог получить этому подтверждение и по другим каналам. Естествен интерес у контрразведки, кто убит. Важность фигуры, сосредоточение у этой фигуры в руках связей — словом, этот вопрос не должен вызвать настороженности у Шеврова. Он носит чисто профессиональный характер.

Так рассуждал Кольберг, не зная, что именно из-за Артемьева, его визита Шевров и стрелял в Курбатова.

Кольберг спросил:

— Иван Михайлович, мы получили интересное сообщение из Москвы. В Москве чекисты хоронили одного из своих руководителей. При этом произносились горестные речи, скорбели о большой утрате. Вы не могли бы уточнить, кто был вами застрелен в Сокольническом парке? Может быть, это тот самый чекист, о котором так скорбели? Вы понимаете, нам очень важно установить, кого вы убили! Это же нам в актив: террористический акт в Москве! Адмирал может извлечь много важного из этого сообщения. Не может быть, чтобы так пышно хоронили рядового чекиста.

О! Шевров имел время подумать, прежде чем отвечать на вопрос шефа. Он же должен вспомнить. Вспомнить — это работа памяти. Она может протекать медленно. Кольберг не торопил его с ответом, прекрасно отдавая себе отчет, что Шевров сейчас обдумывает, как ответить, чтобы ничем себе не навредить.

Версия о заинтересованности адмирала террористическим актом звучала убедительно. Ни на мгновение Шевров не почувствовал какой-либо угрозы в вопросе шефа. Но он отчетливо понимал, что согласно прежним своим показаниям он никак не мог установить, кого он убил. Он рассказывал, что на него из темноты сразу набросились несколько человек. Стрелял в темноту, и неизвестно, в кого стрелял. И как он мог, откуда он мог знать, в кого стрелял? Почему Кольберг задает столь наивный вопрос? Похороны. Ну что же? Это могло быть, и об этом здесь

могли получить сообщение. Можно было сопоставить день похорон с указанной им датой схватки в Сокольниках. Если получено сообщение о похоронах, о речах на похоронах, то неужели там нельзя было бы узнать и фамилию убитого? Нет, не так-то прост вопрос Кольберга. А вдруг Артемьев и вправду был своим человеком для Кольберга?

— Я не могу ответить на этот вопрос! — сказал он. — Я не видел, в кого стрелял, никаких имен не произносилось. Вообще все это произошло мгновенно...

Кольберг листал бумаги на столе. На Шеврова не смотрел.

— Еще раз расскажите, как это произошло.

Шевров повторил свой прежний рассказ. Он шел на свидание с Курбатовым, но сторожился. Шел кустами. Когда подошел к скамейке, на него напали из темноты. Все.

Шевров изучил своего «благодетеля». Сейчас он поднимет глаза и посмотрит словно бы отсутствующим, но тяжелым, как свинец, всепроникающим, жестоким взглядом, от которого мурашки побегут по спине.

Кольберг поднял глаза, обведенные снизу синими полукольцами, запавшие в глазницах резко очерченного черепа.

Медленно цедя слова, проговорил:

— Вам придется на этот раз, Шевров, записать подробнейшим образом эти показания.

Кольберг встал, положил перед Шевровым чистый лист бумаги, подставил ему чернильницу и передал ручку...

Шевров написал, Кольберг внимательно прочитал показания. Встал. Прошелся по кабинету. Остановился над Шевровым.

— Еще вопрос. Как вы объясните вызов на свидание?

— Предполагаю, — живо ответил Шевров, — Курбатова взяли в Чека. Допросили с пристрастием! Там могут...

— Тихо! — перебил его Кольберг. — Это мы пугаем пытками в ВЧК. Там пытки не применяются!

— Испугался офицерик! Вызвал меня по их заданию, чтобы на месте, с личным.

— Зачем вызывать? Он же знал ваш адрес...

— В лесу легче взять, чем по адресу. Курбатов и сам не знал, что у меня за адрес. Может быть там и пулеметы случились бы.

— Вас мог бы спугнуть вызов, вы могли не идти на свидание, могли скрыться. Вызов был тревогой. Почему вы пошли на свидание?

Не мог же Шевров ответить, что ему надо было замести следы своего предательства, надо было убить Курбатова, убить!

— Я не мог оставить Курбатова в беде...

— В какой беде? — нажимал своими вопросами Кольберг. — У него были деньги, у него было оружие, у него была явка сюда! Вы дали ему сюда явку?

— Конечно, дал! Я у него по два раза на неделе бывал на квартире.

— Это вы точно помните, что вы дали ему сюда явку?

— Я должен был это сделать, как только Курбатов приедет в Москву. Я это сразу и сделал...

Однако на самом деле Шевров не дал явку. Он не дал явку лишь для того, чтобы крепче держать Курбатова. На всякий случай. Так ему подсказывал опыт. А после визита Артемьева давать явку было нелепо.

— Вы не откажетесь от своих слов, не будете ссылаться на забывчивость?

Неосторожный вопрос задал Кольберг, недооценив своего воспитанника. У Шеврова сразу переменился весь ход рассуждений. Не от Курбатова ли весточка? Но почему, откуда? Неужели та девица, что являлась к нему в Сокольники, грозя огнем всей России, агент Кольберга? Странная, дикая, просто сумасшедшая. Но среди таких и вербовала провокаторов охранка. Как же он об этом не подумал раньше? Но Курбатова нет, а стало быть, не надо отказываться от прежних показаний. Один раз собьешься, ни в чем веры не будет.

— Помню! — ответил Шевров. — Явка была дана...

Кольберг вернулся за стол. Он нажал кнопку звонка под столом и приказал дежурному офицеру:

— Проводите Шеврова во внутреннюю тюрьму!

Шевров встал ошеломленный и онемевший. Так сразу! Что же случилось?

Офицер подошел и коротко приказал:

— Оружие!

Шевров вынул из кармана браунинг и лимонку.

Руки офицера скользнули по карманам, по пиджаку, по брюкам.

23

Курбатов лежал на кровати в номере гостиницы. Лежал, не раскрыв постели, в мундире, свесив ноги на ковер. Как прилег в сумерках, так и не вставал. Смотрел почти неподвижным взглядом в потолок, на пробегающие по потолку блики от уличных фонарей, вслушивался в свист и шум сибирской метели.

Что с ним, где он и зачем он здесь? Тоску вызывало это раздумье, томило сердце, отчего-то было беспокойно, отчего?

Шли пятые сутки пребывания в этом далеком от всего, что близко ему в этом мире, городе. Ставцев получил назначение в штаб, Курбатову выдали форму, но назначения он не получил. Ставцев как будто бы даже отстранился от него, во всяком случае, здесь сразу дал почувствовать разделяющую их дистанцию подполковника, корниловца, и его, подпоручика...

И вдруг в первом часу постучали в дверь. Курбатов открыл. Ставцев.

Он чуть искоса, как-то неопределенно взглянул, сверкнул дужками пенсне и приказал:

— Пойдемте! Нас приглашает один мой влиятельный друг... На чашку чаю.

Курбатов надел шинель, они вышли из гостиницы. У подъезда легкие и изящные санки. Лошадь тронулась. Возница ее едва удерживал. Отличный, резвый рысак.

Вот миновали штаб верховного, свернули за угол, остановились возле трехэтажного особнячка. Окна не светились. Зашторены глухими шторами.

В подъезде охрана с карабинами в руках, дежурный офицер. «Не к адмиралу ли приехали? — подумал Курбатов. — Не в контрразведку же приглашают на чашку чаю...»

По широкой лестнице, застеленной пушистым ковром, поднялись на второй этаж. Ставцев шел уверенно, как к себе домой.

Большой зал с лепными потолками, огромные пролеты окон, углы и стены в полутьме, светлое пятно над накрытым столом. Зал пуст. Никого.

Потрескивали березовые дрова в камине. От их огня металась по стене тени.

Из зала приоткрытая дверь в другое помещение.

— Хозяина нет! — сказал Ставцев. — Наверное, отвлекли дела... Проходите к столу, Владислав Павлович, садитесь... С хозяином мы старые друзья, его дом — мой дом!

Курбатов подошел к камину погреть озябшие руки.

Приоткрытая дверь скрипнула. Курбатов услышал мягкие шаги и почувствовал, что кто-то смотрит на него. Оглянулся. К нему быстро подходил человек. Кого угодно, но только не этого человека ожидал увидеть Курбатов. Подходил его петроградский наставник, человек с голым черепом, с ввалившимися глазами. Он стал как будто бы еще страшнее, еще безжизненнее выглядело его лицо. Он улыбался, но улыбались у него только губы, глаза оставались холодными.

Готовил себя Курбатов к самым неожиданным встречам, готовил себя к схватке в контрразведке с любым офицером, но к встрече с этим человеком относился как к нереальности, она все во сто крат усложняла.

И он растерялся. Растерялся, и удивился, и не смог, не сумел скрыть ни растерянности, ни удивления.

Некогда было даже поразмыслить: а как он должен был реагировать именно на такую встречу? И если бы он даже и решил бы разыграть удивление и растерянность, так искренне у него это никогда не получилось бы.

Кольберг рассчитал эту встречу, этот первый момент. Если Курбатов заслан чекистами, рассуждал Кольберг, то там его должны были предупредить о встрече с ним. Внезапность встречи Кольбергу нужна была, чтобы проверить реакцию Курбатова. По версии, выстроенной Кольбергом, Курбатов должен был

изобразить прибытие сюда, к нему, случайностью, иначе он давно уже явился бы по адресу, который ему назвал Шевров. Не явился. Значит, будет утверждать, что явки Шевров ему не дал. Значит, встреча для него должна быть неожиданностью. Как он изобразит эту неожиданность, как ее сыграет? Он же еще мальчишка и не искушен в такой сложной актерской игре, где он, Кольберг, научился за долгие годы улавливать фальшь моментально.

Реакция Курбатова, его растерянность, его удивление прозвучали для Кольберга без тени наигрыша и фальши.

— Владислав Павлович! Как я рад вас видеть! Мое сердце сжималось болью за вас! А я человек не жалостливый и не сентиментальный! Здравствуйте, я рад вас видеть в здравии и невредимым! Моя совесть была нечиста, если бы с вами случилась беда!

Кольберг взял Курбатова за руки и повлек к свету.

— Дайте мне на вас посмотреть! Вы возмужали! Мысли и думы старят человека!

Кольберг жестом указал на стол.

— Прошу вас, дорогие гости! Простите за поздний час. Я сегодня задержался у адмирала.

Изысканное угощение придумал Кольберг. Такое действительно устраивают только для близких друзей. Редчайшие вина, о которых Курбатов даже и не слыхивал. Белорыбий балык, что на языке тает, легкая розовая лососина, холодные рябчики.

Начали с водки. Под водку шла соленая рыба. После водки Кольберг и Ставцев закурили сигары.

Кольберг вздохнул:

— Не так я хотел чествовать моего героя... Не такая ждала бы вас встреча, Владислав Павлович! Вся Россия склонилась бы голову перед вашим именем. Но я рад, что вижу вас живым...

Кружил, кружил Кольберг и опять закончил все теми же словами.

Кольберг, все еще исходя из своей ложной посылки, что Курбатов ехал сюда в расчете на встречу с ним, дал Курбатову время, чтобы прийти в себя и как-то наметить линию поведения.

Кольберг не уставал наполнять рюмки. Но пил и сам, не пропуская. Он всячески подчеркивал радушие и радость, ничем и никак не омрачая встречи.

«А здесь ли Шевров?» — вот о чем думал Курбатов. Если Шеврова здесь нет, то именно так и должен был бы его встретить этот человек.

Именно так! Он никогда не был так ласков в Петрограде и всегда соблюдал дистанцию. Ставцев? Они старые друзья. Он спаситель Ставцева. Может быть, поэтому такая приветливость, такая непринужденность? И кто сказал, что должны были возникнуть подозрения? Стоп! С чего же начать? Этот милый и обворожительный хозяин затянул его в кольцо. Они уже пол-

часа пьют, вышли за его, Курбатова, здоровье, за его будущее, а он не знает имени хозяина. Там, в Петрограде, действовал закон конспирации, а что здесь может помешать назваться полным именем? И Курбатов решился. Он поднял наполненную коньяком рюмку и, взглянув на Кольберга, сказал:

— Простите... Мне очень неловко. Я до сих пор не знаю вашего имени, а мне хотелось бы вас поблагодарить.

Кольберг разыграл удивление:

— Что случилось, Николай Николаевич? Разве вы не объяснили?

— Нет! — ответил Ставцев. — Я считал, что вы, Густав Оскарович, сделаете это лучше, чем я!

Густав Оскарович! Курбатов похолодел.

Кольберг встал. Поклонился несколько церемонно, с некоторой иронией.

— Кольберг Густав Оскарович! Я полагал, что вам известно мое имя.

— Я очень хотел знать ваше имя, но я считал, что перед отъездом в Москву мне лучше его не знать.

— Похвальное правило, молодой человек!

— Разрешите, Густав Оскарович, предложить тост. За вас, за моего наставника и учителя! Я жалею о случившемся. Но я сделал все, что мог!

— Я знаю! Знаю, что вы сделали все, что могли, все, что было в человеческих силах!

Курбатов стоя вышел.

Кольберг вышел из-за стола и подошел к нему. Положил руку на плечо, как бы обнял.

— Николай Николаевич! У нас любят говорить, что наши молодые офицеры ничего не стоят! За этого молодого человека я отдам батальон корниловских офицеров!

Помолчал с секунду и вдруг спросил:

— А почему вы, Владислав Павлович, не явились по адресу: Торговая улица, дом десять?

Адрес Кольберг произнес быстро и невнятно. Курбатов даже не до конца расслышал.

И опять ему не надо было ничего разыгрывать. Он не знал этого адреса.

— Куда? — переспросил он Кольберга.

И на этот раз сорвалось. Кольберг ждал вопроса, где, в каком городе эта Торговая. А произнес он слово «Торговая» так, что Курбатов не смог бы расслышать.

— Торговая, десять! — произнес он на этот раз внятно.

— Где это, Густав Оскарович?

— Здесь. В этом городе!

— Я ничего не знал! Вы мне в Петрограде явки не дали. Ее должны были дать в Москве.

— Именно в Москве! — воскликнул Кольберг. — Разве Шевров вам не дал явку?

— Нет! Не дал! Из-за этого я и попал на Лубянку...

— Садитесь! — тяжело сказал Кольберг. — Надо нам в чем-то разобраться, Владислав Павлович.

Сели. Ставцев поблескивал стеклышками пенсне, поглядывал то на Кольберга, то на Курбатова.

— Я вам не мешаю? — спросил он у Кольберга.

— Что вы, Николай Николаевич! Напротив! Вы нам помогаете!

— Вы упомянули Лубянку, — начал Кольберг. — Мне Николай Николаевич рассказал, что вы были на допросе у Дзержинского. Это крайне интересно. Вы об этом, надеюсь, расскажете. Но почему вам не дал Шевров явки?

— Не знаю... Мне нужно было немедленно уехать, я пригласил Шеврова на встречу.

— На встречу? Разве у вас не было обусловлено, что встреча может быть только на квартире Шеврова?

— Было обусловлено. Но все поломалось!

— Почему же? Что с вами случилось?

«Началось!» — мелькнуло у Курбатова. Но тут-то он был подготовлен, много раз этот момент проигрывал с Дубровиным.

— Утром ко мне постучали. Я открыл. Вошел человек в кожаной куртке. Произнес пароль. Пароль обозначал, что он от Шеврова, что настала минута. Я пошел за этим человеком, хотя у меня сразу же родилось подозрение, что это чекист. Но я считал, что Шевров виднее. Что я мог знать, что я мог предпринять без Шеврова? Этот человек усадил меня в автомобиль. За рулем сидел такой же, как и он, в кожаной куртке. Через плечо ремень, на ремне маузер. Я считал за благо ничего не спрашивать и ни о чем не говорить. Этот человек привез меня в гостиницу «Метрополь», поместил в номер и передел меня в такую же кожаную куртку. Велел ждать. Сам с городом спосился по телефону. Ему тоже звонили. Из его телефонных переговоров я понял, что это чекист.

Кольберг поднял глаза на Курбатова, холодные, даже затуманенные глаза. Курбатов не опустил глаза под его взглядом.

— Из его разговоров по телефону я понял, что имя этого человека Артемьев. Из тех же разговоров можно было понять, что он получает сообщения о передвижениях какого-то человека. Мы ждали несколько часов. Затем Артемьев мне сказал, что сегодня ничего не получается. Он вернул мне мою одежду, я переоделся. Мы расстались, он обещал прийти за мной на другой день.

Кольберг опустил глаза.

— Я пошел по набережной, вернулся в центр. Я оглядывался, забивался в подворотни. Боялся, что за мной следят. Спустился переулками к Воронцову полю, там жили мои знакомые. Одна из них — моя невеста. Я решил, что с чекистами иметь дело опасно, что я могу выдать всю группу. Подруга моей невесты взялась вызвать Шеврова ко мне на встречу. Они ничего

не знали ни о моих планах в Москве, ни обо мне, ни о Шеврове. Я боялся идти к Шеврову, боялся привести за собой чекистов.

Кольберг отпил из рюмки коньяку, положил в рот лимонную дольку, и пельзя было понять, поморщился он от кислой дольки или от рассказа Курбатова. Ставцев с ужасом смотрел на Курбатова.

— Я пришел на свидание, — продолжал Курбатов. — По моим часам Шевров запаздывал минут на десять. Я хотел получить от него явку и потребовать объяснений: кто такой Артемьев и почему он ему доверил мой адрес? В парке было тихо. Совершенно тихо. Мне сделалось жутко. Я даже не могу вам объяснить, как стало жутко. Почему? Не знаю. Я встал со скамейки, прошелся, вернулся назад... У меня было ощущение, что кто-то смотрит на меня из темноты. Я упал. Когда падал, услышал выстрел, пуля свистнула над головой. В кустах, откуда прогремел выстрел, послышалась возня. Еще выстрел. Я побежал. Рванула граната. Я упал оглушенный. Стреляли, еще раз рванула граната. Но это все как сквозь сон...

Курбатов выпил рюмку, взял лимонную дольку.

— Вы этого ничего не рассказывали! — воскликнул Ставцев. Кольберг положил руку на руку Ставцева. Остановил его.

— Кого застрелил Шевров?

— Артемьева! — ответил Курбатов.

Лицо Кольберга было бесстрастным. Он не играл больше ни в удивление, ни в какие-либо иные чувства. Он даже прикрыл глаза. Вдруг усмехнулся одними губами. Наполнил рюмки коньяком. Покачал головой. Поднял рюмку, поглядывая на ее содержимое, произнес:

— За ваше чудесное избавление, друзья мои! За чудесное избавление! Я не верю в чекиста, который нам помогал!

Слово «помогал» Кольберг произнес с издевательским оттенком.

— Артемьев? Имя такого помощника мне неизвестно! Или они у нас научились ставить покушения, или?..

Кольберг оборвал на полужае и встал.

— За ваше избавление, друзья!

Кольберг больше не сел. Он вышел из-за стола, давая понять, что ужин закончен.

— Спасибо, друзья, что навести... Мне о многом придется подумать. О встрече с Дзержинским, Владислав Павлович, вы мне еще расскажете. Сегодня вы мне рассказали очень много интересного... До скорой встречи!

Утром пошла первая информация через тайника Прохорычу, через Прохорыча на поезд, с поезда в руки тех, кто переправлял такие послания через линию фронта, оттуда Дубровину.

В этой информации Проворов сообщал, что Кольберг найден, что в контрразведке Колчака он занимает видное положение под именем полковника Николаева, что он вызвал к себе Курбатова, признал его и начал расследование, заподозрив, что побег с Лубянки был инсценирован.

Как только вышли из здания контрразведки Ставцев и Курбатов, Кольберг приказал привести к нему Шеврова.

Его он принял не в зале — в служебном кабинете.

На этот раз прием был менее любезным. Кольберг не предложил Шеврову сесть. Шевров стоял у двери. Кольберг сидел за столом. Рядом с ним стояли два охранника, без винтовок, с кинжалами за поясами, с нагайками в руках.

После встречи с Курбатовым у Кольберга не оставалось сомнений в том, что Шевров заврался.

Побег для Кольберга стал еще более подозрительным. Он теперь был почти уверен, что стоит на правильном пути, но не выбрал еще главной фигуры. Пока его сбивало с толку искреннее удивление Курбатова. Вносил недоумение и рассказ Курбатова о чекисте. План допроса Шеврова еще не сложился. Поэтому Кольберг томил его ожиданием. У него были бумаги, над которыми надо было поработать. Так, держа Шеврова на расстоянии, Кольберг занимался довольно долго бумагами. Потом поднял голову и поманил рукой Шеврова. Остановил его, когда тот подошел шага на три к столу.

— Я имею сообщение, — сказал он. — Коварный и страшный вы сделали выстрел! Вы убили нашего человека, надежную нашу опору в Москве! Этот выстрел адмирал вам не простит. Вы убили некоего Артемьева. Знаете, кто такой Артемьев?

Шевров тоже подготовился к допросу, к встрече с Кольбергом, правда все еще недоумевая, почему его взяли под арест. Курбатова нет в живых, Тункина тоже, Артемьев убит, некому правды восстановить. Если только кто-то из окружения Артемьева что-нибудь передал... Только это. Но в таком сообщении не может быть подробностей, и доказать никто ничего не сможет.

Держаться ранее сказанного. С таким намерением пришел Шевров. Кольберг произнес фамилию, ожидая, что Шевров чем-нибудь выдаст себя. Но тот спокойно принял вопрос.

— В темноте, когда на меня набросились, разве я мог знать, в кого стреляю? Секунду помедлил бы, не стоял бы перед вами, а допрашивали бы меня в подвалах Лубянки.

Кольбергу все стало ясно. Не тронули Шеврова, обманули, получили у него пароль и устроили засаду. И засаду можно объяснить. Они ждали дальнейшей расшифровки группы, никак не веря, что вся группа состоит из трех человек. Кольберг верил показаниям Курбатова. До известного, конечно, предела. Внешне его канву он принял. Все так и должно было быть. За ним пришли. Пришел Артемьев, провез на автомобиле до «Метрополя», Курбатов прошел к Воронцову полю. Такие подробности

говорили прежде всего о том, что это была правда. Курбатов и его наставники, если они были, должны следовать точной версии передвижений. Никто из них не был гарантирован от того, что за Курбатовым не ведется перекрестное наблюдение. Стало быть, Артемьев как-то получил пароль. Тункин не знал ни адреса Курбатова, ни пароля.

— Раньше вам не приходилось встречаться с Артемьевым?

— Нет, не приходилось!

— Кому вы передали явку Курбатова и пароль?

Вот он, вопрос, главный вопрос. Убийственно точный вопрос.

Но Шевров не дрогнул. Решение было твердым.

— Никому и никогда я не сообщал адреса Курбатова. Его не знал даже Тункин.

Кольберг обернулся на солдат, едва заметно пошевелил бровями.

Они неторопливо подошли к Шеврову, схватили под руки, вывернули их за спину. Острая боль пронзила плечи и позвоночник. Его кинули на пол. Солдат наступил ногой на крестец. Из-за стола раздался тихий голос Кольберга:

— Говори правду, Шевров!

Солдат поставил вторую ногу на позвоночник, потянул вверх и назад руки.

Шевров знал: еще рывок, и сломается позвоночник. Он тихо закричал:

— Стой!

— Готов говорить правду, Шевров? — скрипел сухой голос Кольберга.

— Готов! — ответил Шевров.

Кольберг сделал знак охранникам. Они отпустили Шеврова. Подняли его под руки, поставили перед Кольбергом, удерживая руки за спиной.

Кольберг медленно поднял глаза на Шеврова.

— Ну!

Шевров тяжело дышал. Он понял одно: случилось что-то страшное, непоправимо страшное, уж ежели Кольберг применил к нему высшую категорию допроса.

— Писать? — спросил Шевров.

— Если правду, пиши! Но правду!

Шевров изложил все до мельчайших деталей: и то, как в притоне разболтался Тункин, как он привел к нему Артемьева, как вошел Артемьев, как предъявил свой мандат, какие слова говорил, как получил адрес и пароль к Курбатову. Дошел до рокового свидания, до той минуты, когда выстрелил. И остановился. Здесь конец, здесь если писать правду, то это значило бы собственной рукой подписать себе смертную казнь. Кольберг не любил расстреливать, он вешал. Но кто же, кто же может доказать, что он стрелял в Курбатова? Это и сам Курбатов не смог бы доказать. Шевров отчетливо видел тогдашнюю обстановку. Темень, густые кусты. Выстрел из кустов. Не мог Курбатов видеть, что

именно он стрелял, для этого должен воскреснуть Артемьев или кто-то из близкого окружения Артемьева оказаться здесь.

Шевров остановился.

— Все? — спросил Кольберг.

— Все! — ответил Шевров и протянул лист бумаги Кольбергу.

Кольберг начал читать. Солдаты стояли над Шевровым. Кольберг усмехнулся, усмешка чуть покривила кончики губ. Он представил себе сцену в домике, растерянность и метания Шеврова и его попытку торговаться с чекистами за счет Курбатова. Он мог назвать всю цепочку, спасая свою шкуру, мог все раскрыть и его, Кольберга, назвать. А может быть, и назвал? Еще раз закинуть ему руки за спину? Или подождать? Подождать, пока не выкристаллизуется в его представлении линия чекистов. Стоило подождать... Шевров не написал, что он стрелял в Курбатова. Именно потому и не написал, что он вступил в игру с чекистами.

И Кольберг похолодел от внезапной догадки. Отбился гранатами от засады, в которой было несколько человек. Отбил и ушел! Тоже побег! И чем он правдоподобнее побега Ставцева и Курбатова?

Кольберг сделал знак охранникам. Шеврова увели.

Теперь можно подумать в одиночестве и в тишине. Шел шестой час утра. За окном не утихла метель.

Кольберг глубоко сел в кресло, положил ноги на мягкий стульчик и закрыл глаза. Он любил такие минуты: перед разгадкой, перед анализом трудной комбинации погрузиться как бы в дремоту...

Что-то еще беспокоило его. Весь день между другими занятиями возвращался к этой беспокоящей мысли. Ах вот оно что! Откуда взялся денщик у Ставцева? На улице подобрал. В дороге где-то пристал к ним, помог, бегал за кипятком, с проверкой документов какая-то история. И этим денщиком стоило заняться.

25

Дервиз назвал Кольберга немецким агентом, даже употребил определенное слово: «шпионаж». Это слово сказано сведущим человеком, но частным лицом, имеющим право на предположения. В информации Курбатова упоминалось, что Кольберг склонял Дервиза на создание сильной немецкой партии при русском правительстве, не обязательно даже монархическом. И это в канун войны с Германией? Кому это было на руку?

Дзержинский поручил чекистам поработать в архивах, изучить подробнее Кольберга.

Обнаружилась косвенная связь Кольберга с одним из агентов немецкой военной разведки, разоблаченным и судимым военно-полевым судом уже во время войны с Германией. Пошли даль-

ше. Нашли следователя, который вел допрос немецкого агента. Следователь работал в одном из советских учреждений, не скрыв своего прошлого. Он дал интереснейшие показания о том, как по приказам жандармского корпуса изымались некоторые признания немецкого агента и бесследно исчезали. Ниточка вела к выскопоставленным лицам при дворе, а следил за ходом следствия жандармский полковник Кольберг.

Следователь показал, что одно из признаний этого агента он не решился даже занести в протокол, усматривая в этом уже опасность и лично для себя. Слишком влиятельные лица втягивались в порочный круг. Агент прямо указал на Кольберга как на резидента немецкой военной разведки в русском жандармском корпусе.

Осторожно опросили Дервиза, после того как пришло первое сообщение Проворова. Дервиз подтвердил свой рассказ о мотивах визита Кольберга к нему в имение и сказал, что это предложение подкреплялось и другими предложениями такого же рода из немецкой военной разведки. Картина деятельности Кольберга в России в канун войны и в годы войны получила некоторое завершение.

На совещании в ВЧК была тщательнейшим образом рассмотрена создававшаяся ситуация.

В информации, полученной от Проворова, сообщалось также, что Кольберг, по словам Ставцева, доверительно сказанным Курбатову, ищет агентуру ВЧК, засылаемую в белую эмиграцию. Именно это место в информации подверглось всестороннему анализу.

«Вы знаете, кого он ищет? Он ищет тех, кто заброшен большевиками в наш лагерь... Он не тронет такого человека, напротив, он будет ему всячески помогать, чтобы потом в белой эмиграции, в Европе знать агентов ВЧК. Знать, чтобы за это иметь деньги. Поэтому он так и копается, ищет, кого же забросили чекисты».

Из всего предыдущего явствовало, что у Ставцева дружеские отношения с Кольбергом сложились задолго до войны. Ставцев последние годы работал в генеральном штабе русской армии. Во время войны имел отношение к планированию операций на германском фронте.

Три причины могли обусловить столь неожиданную открытость Кольберга со Ставцевым.

Это могла быть доверительность в дружеской беседе. Это могло быть прощупывание самого Ставцева: не ценой ли согласия сотрудничать с ВЧК он получил возможность бежать. Это могло быть прощупыванием Курбатова. Нарочно подкинута подсказка, как себя вести на расследовании. Не запирайтесь.

Какие деньги могла дать расшифровка большевистского агента в среде белой эмиграции? Это сказочка для Ставцева, для человека, который, подавшись в эмиграцию, оказался бы

без средств, без работы. Кому он мог выдать или продать агента ВЧК? Эмигрантам? Много ли ему за это заплатили бы? Гроши, а то и вообще ничего не заплатили бы. Прямых и точных доказательств он никогда не имел бы. А вот возможность перевербовать сотрудника ВЧК, заставить его работать на немецкую разведку, не сейчас, конечно, а позже, когда созреют силы для реванша, это было бы для Кольберга большим капиталом. Он ищет двойника. Он хочет с богатым багажом вернуться в Германию.

Что же делать в этой ситуации?

В ВЧК Курбатова рассматривали лишь как человека, который мог бы проникнуть в сферы белого офицерства, где готовятся заговоры и провокации. Но возникают особые трудности: ему придется работать под пристальным взглядом Кольберга, который не оставит его в покое, под пристальным наблюдением немецкой военной разведки. Выдержит ли он до конца такое испытание, так ли дорога ему судьба новой России, чтобы он устоял против всех соблазнов, которыми сумеет его окружить Кольберг?

Вопросы поставлены. Но ответить на них нет никакой возможности. А надо решать. Вступать ли в игру с Кольбергом, в затяжную игру, рассчитанную на много лет вперед, или медленно выходить из этой игры?

Раскаяние Курбатова, переворот в его сознании были искренними. Сказать ему прямо, что его ждет, какие перед ним встанут трудности, от чего он должен отречься во имя интересов революции и Родины, ничего от него не скрывать, сказать, какие тяготы это принесет ему в личной жизни. Он же совсем недавно женился. Он любит, и его любят. Разлука надолго. К чему она приведет? Кто это может предугадать? Все раскрыть перед ним и оставить ему право выбора. А дальше?

Кольберг ведет расследование. Это первое испытание для Курбатова. Теперь ясно: если даже Кольберг получит доказательства, что Курбатов связан с ВЧК, он его не тронет. Курбатову раскрытие ничем не грозит. Теперь уже ясно, что он не сможет отвести подозрения Кольберга. Это усложнит для него обстановку.

И последнее. Игра предстоит тяжелая, рискованная, полная неожиданностей. В этой игре большим опасностям подвергался Проворов. Да тем более в такой неожиданной для него роли денщика Ставцева. Проворову нужно немедленно уходить, с Курбатовым оборвать связь, поставить его в известность, что он может себя считать свободным от всяких обязательств.

На рассвете из Москвы вышел поезд специального назначения. Дубровин возвращался на восток к своим обязанностям уполномоченного ВЧК. Он вез с собой инструкции по операции, связанной с Курбатовым. С ним ехал и новый человек для связи.

Кольберг казался себе полководцем, обложившим со всех сторон неприступную доселе крепость. С чего начать?

Шевров томится неизвестностью... Это хорошо, чем дольше неизвестность, тем прочнее входит в него мысль, что ничто не укроется от дознания.

Курбатову надо дать некоторую передышку и свободу. А вот денщиком Ставцева самое время заняться.

Проворов, спаситель Ставцева. Еще один спаситель! А может быть, ради него, ради этого Проворова, и затеяна вся комбинация в Москве? Затейн побег, чтобы подвести к Ставцеву этого расторопного солдатыка, на все руки умельца.

Проворов сказал, что он родился в местах, подвластных адмиралу. Места глухие и отдаленные. Новая администрация туда еще и не добралась. Двое суток верховой езды. Двое суток туда, двое суток обратно...

Послать Курбатова проверить Проворова, проверить точность его показаний, навести справки о его семье.

И тотчас же! Чтобы не было случая у Курбатова перемолвиться с Проворовым, если есть между ними какая-то связь.

А кроме того, обнаруживалась возможность разыграть легкий, даже изящный, психологический этюд, до которых Кольберг был любителем.

Он послал за Курбатовым двух солдат. Им было приказано взять его в гостинице осторожно, чтобы это не выглядело арестом, но вместе с тем чем-то было похоже на арест. Привести его в контрразведку, не отступая от него на улице ни на шаг. В такую минуту человек должен к чему-то подготовиться, у него напрягаются нервы, он идет на поединок, и вдруг широкая улыбка, обезоруживающее доверие. Если у них есть с Проворовым связь или Проворов здесь для связи, многое можно прочитать во взгляде Курбатова. А если нет между ними связи, но Курбатов все-таки заброшен сюда Дзержинским?

Кольберг все продумал в деталях.

Ввели Курбатова. Ему надо пройти от двери до стола. Под кабинет Кольберг выбрал зал, когда-то предназначавшийся для танцев.

Курбатов подошел к столу, четко печатая шаг. Остановился.

— Я слушаю вас, господин полковник!

— Садитесь! — мягко произнес Кольберг и указал рукой на кресло.

Солдаты вышли за дверь.

Курбатов не сел.

«Сейчас он должен высказать недоумение, — рассуждал Кольберг. — Если он чист, то недоумения достаточно и в выражении лица, если не чист, то подчеркнет его, ибо в натуральном его возмущении не должно быть переигрышки, и в общем-то нет причин для особого возмущения».

Кольберг пристально посмотрел в глаза Курбатову, приподняв набрякшие веки.

Курбатов молчал.

— Садитесь! — повторил свое приглашение Кольберг.

Курбатов сел.

«Если это актерская игра, то талантливо, — думал Кольберг. — Актерское мастерство, талант актера для разведчика свойства необходимые. А как же будет теперь с внезапным облегчением?»

— Я пригласил вас, — начал Кольберг, — несколько опередив события. Вам еще не подписано назначение в штабе, я хочу вас пообеспокоить по своим делам, по делам контрразведки...

Кольберг опять скользнул по лицу Курбатова.

Горят румянцем его щеки, в глазах ничего не прочтешь. Надо, видимо, выразиться яснее.

— Я хочу вас попросить выполнить одно наше задание... Как вы смотрите на далекое путешествие верхом?

Курбатов воспринял эти слова как нечто само собой разумеющееся.

— Верхом ездить обучен!

Нет, это невозможно! Не может быть, чтобы этот мальчик не почувствовал какого-то облегчения! Вызов в контрразведку — это не простой вызов. А может быть, именно в этом спокойствии и искать ответа? Разыгранное, искусно разыгранное спокойствие.

— У Ставцева, — начал с расстановкой Кольберг, — состоит в денщиках некий Проворов...

— Состоит! — спокойно подтвердил Курбатов. — Он прибил к нам в дороге.

Кольберг остановил Курбатова:

— Я все это знаю... Я хотел бы, чтобы вы, Владислав Павлович, проехали к месту рождения Проворова. Установить надо: кто он и откуда, чем он там был известен? Здесь мы и сами посмотрим за ним. Последим за его встречами, за его передвижением...

Кольберг глядит в лицо Курбатову. Вот оно! В глазах что-то дрогнуло. Чуть расширились и опять сузились зрачки.

Мало этого, конечно. Все это пока только для него, для Кольберга, имеет какое-то значение.

Кольберг ровным голосом разъяснял суть задачи, а сам лихорадочно рассчитывал ходы вперед. Сейчас есть два пути. Первый — это дать отсрочку Курбатову, назначить выезд на завтра, дать ему возможность встретиться с Проворовым. Тогда с отъездом Курбатова попыбует исчезнуть и Проворов. Его задержать в побеге! Или сразу же отправить Курбатова? Сразу на седло и в путь под конвоем уссурийских казаков. Тогда Проворов не исчезнет, а лихорадочно будет искать, куда делся Курбатов. Этими поисками выдаст себя.

Оснований для беспокойства у Проворова достаточно. Он видел, не мог не видеть, как повели Курбатова в контрразведку.

Кольберг выбрал второй путь. Ему более интересными показались поиски Проворова. Куда он кинется?

Курбатова продержали в контрразведке до вечера. В ночь отравили. Два солдата сзади и четыре казака. По две лошади у каждого для подставы, вещевые мешки с довольствием.

Ну, конечно же, о Курбатове должен спросить Ставцев.

Ставцев примчался ночью. Кольберг разыграл удивление и беспокойство, заверил Ставцева, что примет все меры к тому, чтобы разыскать Курбатова. Но, разыграв удивление и недоумение, Кольберг недоучел, что тем самым что-то подсказывает Проворову. Проворов видел, что Курбатова увели в контрразведку. Арестован! Это было первой его догадкой. Вечером он вышел из гостиницы, хотел пройти к Прохорычу, но не пошел, добрался только до винной лавки, заметил за собой слежку. Выпив стакан вина, скосил глаз на порожек: там ничего не было.

Ставцев снова поднял тревогу. Спросил Проворова, куда делся Курбатов. Проворов прикинулся вполне равнодушным к Курбатову и к его передвижениям. Ставцев вновь пошел к Кольбергу. Вернулся еще более встревоженным. Проворов зашел за сапогами. Ставцев остановил его и сказал, что в контрразведке ничего не знают о Курбатове, разыскивают его.

— Что это могло бы быть? — спросил он Проворова.

— Не могу знать! — ответил Проворов, холодея. Кольберг скрыл арест, значит, началось дознание с пристрастием.

Кольбергу донесли, что Проворов не проявляет беспокойства, что ни с кем, кроме Ставцева, не общается, забегает частенько пропустить стаканчик в винный погребок, видимо, любит выпить...

Курбатов без труда понял Кольберга. Если у того появилось предположение о связи его, Курбатова, с Проворовым, а оно могло появиться, то вся серия ходов в этой игре находила простейшее разъяснение.

Подумать об этом у Курбатова было время. Дорога дальняя, остановки у костров. Тишина лесного дикого края...

Село Третьяки. На взгорке деревянная покосившаяся церквушка. Рядом звонница. Перекладыны, на них колокола. Десяток домов, рубленных из кедра. Все правильно, все, как указал Проворов. Иван Тимофеевич, его отец, встретил гостей настороженно. Обрадовался весточке, что сын жив, что служит. К известию, что служит у адмирала, отнесся равнодушно.

Угостил гостя медовухой, медвежатиной. Сам выпил. Пустился в расспросы, а потом разговорился. Узнав, что Курбатов недавно был в Москве, вдруг спросил, не слышал ли его гость про Алексея Федоровича Дубровина. Говорят, дескать, у большевиков он большим человеком проявился, по старым временам чуть ли не генералом.

Такой неожиданный вопрос привел Курбатова в смятение. Он похолодел от ужаса. А что, если старик спросит о Дубровине и других посланцев Кольберга? Старик рассказал, что лет десять тому назад стоял у него на постое царский ссыльный Дубровин. Отбывал он ссылку за «политику», вместе с ним жила и его жена, как вольная. Родила она в этих краях. И не было в селе и даже поблизости ни фельдшера, ни повитухи. И сын его, Миша, Михаил Иванович Проворов, тогда подросток, повез жену ссыльного по тайге в соседнее село, верст за тридцать, к фельдшеру. Попали в пургу, и сынишка родился в розвальнях. Миша и помогал роженнице... Урядник запретил ссыльному сопровождать жену.

Хорошо, что этот разговор шел с глазу на глаз, казаки на дворе стояли, не повел их Курбатов в дом.

Попросить старика помалкивать об этой истории? Удержался. Старик помолчит, урядник расскажет, сельчане, всплывет имя Дубровина, связь-то прямая...

Переночевали, утром затемно отправились в обратный путь.

Ничего не мог придумать Курбатов. Твердо знал, что Кольберг сразу же к себе призовет и не даст встретиться с Проворовым, а к старику зайдет дополнительную проверку.

Не знал Курбатов и о том, что произошло, пока он был в отъезде.

Проворов получил весточку из Москвы, предписание немедленно исчезнуть из города и вернуться обратно, не вступая в связь с Курбатовым. Письмецо Проворов сжег, ночью вышел из гостиницы и быстро пошел по пустынной улице. Очень скоро он заметил за собой слежку. Проворов свернул в переулок, человек за ним, еще поворот, еще, тот не отставал. Проворов свернул еще раз и затаился за углом в темном переулке.

Шаги, тяжелое дыхание бегущего, и вот он вынырнул из-за угла. Удар, и шпик завалился в снег.

У Прохорыча переоделся, — он и вывел его из города.

Кольбергу доложили о происшествии утром. Он выслушал доклад, выслал всех из кабинета, чтобы не мешали думать.

Впервые он засомневался во всех своих построениях. Он, как никто другой, знал, что в разведке иногда на поверхности лежит самое простое решение, самый простой ход, без сложных комбинаций.

Ну как ВЧК может довериться Ставцеву или Курбатову? Как? Выпустили, чтобы привязать к ним «благодетеля» и спасителя Проворова, в нем все и заключалось. Военная разведка перед весенним наступлением.

Так все просто... И для этого с Лубянки был организован такой побег? Или он в действительности не был организован и Проворов пристал в пути? А может быть, этот мужичок просто испугался? Или вообще дезертировал?

Нет, нет и нет! Расхождения в показаниях Курбатова и Шеврова, соприкосновение Шеврова и Курбатова с чекистом

Артемьевым, огонек в глазах у Курбатова, когда зашла речь о проверке Проворова, побег Проворова...

Курбатов вернулся в третьем часу ночи. Отряд проследовал сразу же во двор контрразведки. Курбатов ни с кем не мог встретиться.

Кольберг угощал его, расспрашивал о дороге, о краях, что ему пришлось повидать. Пригласил в кабинет.

Курбатов заговорил первым:

— Где Проворов? Он мне нужен... Я при вас хотел его кое о чем спросить.

Кольберг усмехнулся:

— Проворова позвать недолго... У вас нет опыта, Курбатов, ставить вопросы на следствии. Давайте вместе посоветуемся. Подготовимся. Тогда я пошлю за Проворовым.

— Все, что он указал, правильно... И село на месте, и отец-старик жив.

— Хм! Однако...

— Но есть одно обстоятельство. В доме Проворовых два года жил ссыльный поселенец... Большевик!

— Кто же? Вы имя большевика, надеюсь, узнали?

— Узнал! Дубровин... Алексей Федорович!

Прекрасная тренировка у Кольберга. Курбатов мог только восхититься его умением владеть собой.

Кольберг в мгновение мог оценить известие. Все его построения вдруг зашатались; готовые вот-вот рухнуть. Уж конечно, если бы Курбатов был связан с Проворовым, не назвал бы Дубровина... До того, как ввели к Кольбергу Курбатова, один из казаков, переодетый офицер контрразведки, доложил, что Курбатов беседовал со стариком Проворовым один на один.

— Вы мне понадобятся, — сказал Кольберг, еще не объявляя Курбатову, что Проворов бежал. — Вы устали с дороги, можете подремать. Вас отведут в комнату. Но я потревожу ваш сон...

Кольберг приказал привести на допрос Шеврова.

Опять два охранника встали за его спиной.

— Итак, — начал Кольберг, — к вам в дом вошел Артемьев. Он постучал условленным стуком... Но вам было известно, что это чужой. Вы спросили, не из Чека ли, он ответил — из Чека. У вас с Тупкиным было в руках оружие, у вас были гранаты, стоял пулемет. Почему там, в темноте, на окраине, почему там не стреляли, почему стреляли, Шевров, в парке?

— Я хотел знать, зачем он пришел.

— Пришел чекист и на прямой вопрос дал прямой ответ... Примем за правду, что одолело любопытство. Узнать? Узнал! И тут же даешь явку к Курбатову. Зачем?

— Я поверил в ту минуту, что это действительно наш человек, что он хочет нам помочь...

— Так и поверил? Хм!

— Были эсеры, были всякие люди...

— Ты выдал Курбатова!

— Надо было рискнуть... Он ведь действительно оказался нашим.

— Нет! Артемьев не наш и не мог быть нашим, а ты выдал Курбатова. Выдал, а потом решил замести следы... Не в тебя открыли огонь чекисты в парке. Ты выстрелил в Курбатова, и тебе дали убежать! Зачем дали тебе убежать? Это что, цена предательства, или там, ночью, в парке, у вас состоялось с Артемьевым более обширное соглашение?

— Было темно, в меня стреляли, я отстреливался...

— Было темно... Это правда. Курбатов сидел на скамейке. Ты прокрался к нему кустами. Он встал, прошелся вдоль скамейки, ты прицелился и выстрелил. Курбатов упал. И тут только на тебя напали чекисты. Ты выстрелил в Артемьева и побежал. Тебе дали убежать... Все, Шевров! Теперь ты объясни, почему ты выдал Курбатова и почему ты в него выстрелил, а не в чекистов, которые ждали Курбатова в засаде?

Чего угодно, но только не этих вопросов ожидал Шевров. Даже если Артемьев был своим человеком, то и тогда не могло бы пойти сюда столь подробного рассказа. Может быть, кто-то из артемьевских людей? Или Курбатов? Но как он мог здесь оказаться, это же совершенно немыслимо, он выстрелил, он целился в голову, Курбатов упал...

— Ну! — приказал грозно Кольберг, нисколько, правда, не повышая голоса.

Шевров молчал. Кольберг больше его не торопил, он смотрел на него не мигая.

Скрипнула сзади дверь. Раздались шаги, Шевров обернулся. К нему приближался Курбатов.

Шевров попятился от него. Курбатов остановился.

— Ближе, Курбатов! — приказал Кольберг. — Ближе! Вы очень хотели добиться разъяснений, почему в вас стрелял Шевров? Теперь вы об этом можете спросить сами!

Строевым шагом Курбатов подошел к столу.

— Да, я хотел бы знать, почему в меня стрелял Шевров, почему в лесу оказалась засада чекистов и меня арестовали?

— Я не стрелял в Курбатова! — ответил Шевров. — Я не знаю, кто в него стрелял. Я сам отбивался гранатами... Вы видели, как я стрелял?

— Я не видел, как вы стреляли, Шевров! Я почувствовал ужас, я испугался и упал, и вы в это время выстрелили. Вас пытался задержать чекист Артемьев. Вы выстрелили ему в живот. Меня не интересует, почему вы стреляли в чекиста, меня интересует, почему вы стреляли в меня?

— Что еще вас интересует, Курбатов? — спросил Кольберг.

— Мне интересно было бы знать, почему Шевров дал мой адрес чекисту? Адрес и пароль...

Кольберг перевел взгляд на Шеврова.

— Почему вы стреляли в Курбатова?

Шевров молчал.

Кольберг сделал знак рукой солдатам. Шеврова схватили, вывернули ему руки за спину, бросили на пол. Солдат встал ему ногой на крестец, другой чуть повыше поясицы, потянул руки Шеврова вверх и назад. Тот застонал, сквозь зубы выдавил:

— Стрелял...

Солдат рывком поднял Шеврова.

Крупные капли пота катились у него по лбу.

— Стрелял... — повторил Шевров.

— Почему? — спросил Кольберг.

— Я считал, что Курбатов проданся чекистам...

— Почему же ты так считал, Шевров?

— Он привел с собой засаду.

— Кто дал адрес Курбатова чекистам?

— Я дал.

— Где смысл в твоих словах, Шевров?

Кольберг подошел к Курбатову.

— Идите отдыхать, подпоручик! Если нужно будет, я вас позову. Мы, видимо, должны серьезно побеседовать с Шевровым... Курбатов вышел.

Кольберг приблизился к Шеврову.

— Последний раз я задаю вопросы. Если я не получу на эти вопросы ответы, я не остановлю казни! Тебя сломают и выбросят в канаву! Ты понял?

Шевров начал кое-что понимать. Появление Курбатова многое разъяснило. Но он уже все сказал, во всем признался. Что же еще? В мыслях своих признаться? Признаться, что хотел купить жизнь предательством, что готов был даже и на службу и визит Артемьева рассматривал как возможность войти в сговор? Но молчал, Кольберг не торопил.

Шевров думал, лихорадочно искал: где выход, что хочет Кольберг, как спастись? И догадался. Ну конечно же, Кольберг ищет, кто вошел в контакт с ВЧК: он или Курбатов, кого могли завербовать в ВЧК? Кольберг подозревает, что он завербован Артемьевым. А что, если признаться, что, спасая жизнь, согласился сотрудничать с ВЧК, а потом страшно было признаться, боялся... Курбатова пытался убить, чтобы скрыть следы. Не знал, что за Курбатовым слежка, нарвался на засаду, хотя и было договорено, что дадут бежать... Да вот беда, в суматохе застрелил чекиста. Теперь он им не нужен, теперь он для них опять же враг. Потому и молчал, что пользы не видел в порванной связи.

Кольберг сделал знак солдатам. Они приблизились. Но Шевров махнул рукой:

— Не надо! Я сам все расскажу...

Невыразительно лицо у Кольберга, маска, а не лицо, но Шевров говорил, и ему казалось, что Кольберг доволен.

Но он ошибался. Кольберг был недоволен. Признание Шеврова ничего не давало, кроме какого-то объяснения истории с Артемьевым и Курбатовым. Шевров в двойники не годился. Его увели.

Невероятность побега Курбатова и Ставцева оставалась.

И Кольберг решил на крайнее средство. Он вызвал опять Курбатова.

Вошел Курбатов, охранники встали у него за спиной, как перед этим стояли за спиной Шеврова.

Курбатов понимал, что настала решающая минута. Она когда-то должна была настать. Кольберг легко не отступит.

Кольберг окинул его долгим взглядом. Вдохнул. Всем своим видом он показал, что знает нечто большее, чем ему хочется говорить. Тихо и внятно сказал:

— Проворов бежал...

Курбатову не надо было разыгрывать удивление. Он даже привстал. Кольберг сделал успокоительный жест и почти прошептал:

— Бежал, убив человека, приставленного к нему. Он чекист. Его заслали к нам перед наступлением. Я подозревал его, но не знал, кто стоит за ним, и никак не предполагал такой значительности... Он ушел, это очень досадно. Но Шевров не ушел. Прочтите его признания!

Курбатов читал показания Шеврова. Кольберг следил за ним тяжелым и холодным взглядом, под которым терялись и не такие молодцы.

Что он должен спросить, прочитав этот документ? Если он связан с чекистами, то он должен выразить крайнее возмущение, будет требовать расправы над Шевровым.

Когда Курбатов первый раз в эту ночь вошел в кабинет Кольберга, его клонило ко сну. Долгая дорога на морозе утомила, укачала. Когда его второй раз вызвали и он увидел Шеврова, сон растаял, он понял, что сейчас, сегодня, все решится. А теперь все в нем собралось. Нервы напряглись, и Курбатов следил за собой, он сдерживал все свои чувства. Полное безстрастие. Чтобы ни случилось, какая бы ни предстала неожиданность, никакой внешней реакции.

Шевров писал неразборчиво, но Курбатов сразу охватывал страницу, не разбирая отдельных слов, улавливая суть дела.

Правда ли это? Вот первый вопрос, который он должен поставить перед собой. Для этого и сунул ему этот документ Кольберг. Хотел этим документом расшатать Курбатова, а на деле только укрепил его и невольно подсказал, как держать себя.

Курбатов брезгливо откинул листки.

— Все это чепуха! — воскликнул он. — Шевров лжет! Он спасает свою подленькую жизнь. Его не могли завербовать!

— Откуда вам это известно?

— Известно! — твердо ответил Курбатов. — Дзержинский показал мне дело Шеврова по жандармскому корпусу. Я слышал,

как при мне он дал указание арестовать Шеврова, а если он окажет при аресте сопротивление, стрелять в него... Шевров хотел продать меня, купить себе индульгенцию. И он меня продал! Но никто не собирался платить!

— А почему же ему дали бежать?

— Он отбил гранатами! Я же не знал, кто в меня стрелял в ту, первую минуту. Я кинулся за ним, не зная, что это Шевров, меня отбросило взрывной волной. Так же и других. Вот и убежал! На него шли облавы. Никто ему не давал бежать!

— Два таких удачных побега, Владислав Павлович? И вы и Шевров?

— В Москве голод. В редком районе горит свет, ночью орудут банды. Притоны. Там растерянность, на Дзержинском лица нет. Он не спит, но сделать они ничего не могут! Это же не Петропавловская крепость!

— К кому был приставлен Проворов, с кем он был связан?

— Мне никогда не нравился этот солдатик... Он сам нас нашел, вышел к нам, и Николай Николаевич так устал в пути, что обрадовался облегчению. За кипятком сбежать, купить что на рынке, он ловок был. И следил, я думаю, за нами с самой Москвы. Мелькала его физиономия на всем нашем пути!

— Вы хотите сказать, что вам дали бежать, чтобы приставить к вам Проворова?

— Все может быть, Густав Оскарович! Все может быть, если вы не верите, что побег наш не случайность. Удар автомобиля, упал конвоир, Нагорцев и я схватили винтовки. Мы стреляли в упор. Нагорцев пристрелил одного охранника и шофера.

Все рушилось, все построения распадались. Кольберг никак не мог примириться с этим. И он решил на отчаянный шаг. Он вдруг вспылал. Это на будущее, чтобы потом объясниться перед Курбатовым. У него задрожали щеки, мертвое лицо ожило.

— Я не верю, что Дзержинский и его люди могли так промахнуться. Кто-то сюда заслан. И он мне нужен, этот засланный. Если это офицер, он может спокойно признаться. Мы с ними сыграем в отличную игру. Я не жажду крови, я ищу человека... И этому человеку откроется головокружительная карьера в разведке. Мне надо знать, кого они завербовали? Вас, Ставцева, Нагорцева, Протасова? Кого? Мне нужен этот человек, он будет делать вид, что работает на них, но будет работать за честь России. Неужели не ясно, почему я столько времени копаюсь в этой истории? Вы боитесь, Курбатов? Вы купили себе жизнь согласием работать на них? Какая на них работа? Что вас с ними может связывать? А здесь! Здесь перед вами такая судьба! Я больше вам скажу. Я скажу то же, что говорил моему другу Ставцеву. Мы проиграли большевикам. Россия проснулась, и ничто ее не уложит в прежнюю спячку. А для нас это агония. Большевики победили, а я сегодня, сейчас готовлю реванш. Не на сегодняшний день реванш, сегодня они на подъеме, и нет силы, которая могла бы их обуздать. Через

десяток лет мы вернемся сюда, но для этого надо работать. И человек, которого они купили ценой его жизни, а не совести, может работать со мной. И не здесь, не на фронте, а в Европе, где мы копим силы для реванша. Вам ясно? Чего же вы боитесь? Почему вы не хотите признать, что минутная слабость побудила вас принять их предложение? А?

Курбатов пожал плечами.

— Я ничего не боюсь! Но как я могу признать то, чего не было!

— А-а! — закричал Кольберг и ударил кулаком по столу. И вдруг щелкнул пальцами в воздухе.

Курбатов почувствовал, как схватили его сзади за руки. Острая боль мгновенно пронизала все тело. Его опрокинули — рывок, и он уткнулся лицом в ковер. На крестец наплыла тяжесть, руки потянули назад и вверх. Медленно потянули. Боль нарастала. Курбатову казалось, что он почувствовал скрип в позвоночнике. Еще секунда, и конец! Но он стиснул зубы. Он так ненавидел Кольберга, ненавидел свое бессилие, что даже не вскрикнул. Все исчезло во мраке.

...Он очнулся днем в номере у себя на кровати. Оп в первое мгновение не поверил, что он в гостинице, а не в контрразведке.

Пошевелился. Спина болела, но боль была терпимой. Значит, Кольберг остановил казнь. Кружилась голова. На століке стояла бутылка коньяку, недопитая ночью у Кольберга, в тарелках закуска. Лимон на блюде. Это было похоже на форму извинения. Он все же офицер, дворянин, а не жандармский осведомитель. Это, что ли, хотел подчеркнуть Кольберг?

Курбатов встал. Позвоночник ныл. Растянули, видимо, жилы. И отпустили... Надолго ли? И что теперь делать?

Курбатов встал, налил коньяку, выпил единым махом, закусил куском рыбы, разделся и лег. Заснуть, чтобы на какой-то срок ни о чем не думать и быть готовым к ночной встрече. Курбатов не верил, что Кольберг отступился после всего, что было им проделано.

Сон долго не шел. И коньяк, и усталость с дороги, и напряжение у Кольберга на допросе сказались.

Он проснулся от головной боли и ощущения, что в комнате кто-то есть и пристально смотрит на него.

Было уже темно. Светлели проемы окон. Курбатов пригляделся. У кровати стоял стул, на стуле сидел человек, вырисовывалась его фигура на светлых пятнах окон. Недвижимо сидел, почти не дыша.

Курбатов привстал, но тут же ему на руку легла чужая рука.

— Не тревожьтесь! — раздался тихий и вкрадчивый голос Кольберга. — Это я... Я пришел попросить извинения! Не сдержался! Но и вы можете понять мое состояние! Я думаю о будущем нашего дела, а не о настоящем. И я верил в вас, всегда

верил, и вдруг! Такая оплошность! Вы страдаете? Пригласить доктора?

— Нет... Обошлось!

— Я рад! Оставим все вопросы. Проворов вам помог...

— Мне? Чем он мне помог?

— Вовремя бежал! Все подозрения сходятся на него. Неужели вы всерьез могли подумать, что я поверил признанию Шеврова?

— Не знаю! Я им не поверил!

Кольберг рассмеялся.

— Чехов, кажется, говорил, что если зайца бить по голове, то он спички научится зажигать. Я не хочу от вас вынужденных признаний. Сегодня мы будем считать, что ваш побег организован ради побега Ставцева. И побег Ставцева организован, чтобы подвести к нему Проворова. А Проворова, сибиряка, забросили к нам для военной разведки перед весенним наступлением. На этих выводах я заканчиваю следствие. Вас это устраивает, Владислав Павлович?

— Вы ведете следствие, вас это должно устраивать или не устраивать.

— Вы еще сердитесь... Не надо сердиться. Я принес вам роскошный подарок. Вы потомок Радзивиллов! Что вам делать здесь, в Сибири? Здесь скоро заговорят орудия. Сначала наше наступление будет разворачиваться удачно, но отсутствие целей наступления, растянутые коммуникации приведут к плачевным результатам. Мы вынуждены будем уйти отсюда. Все, чем мы располагаем для реванша, сосредоточится в Польше. Не знаю, этим ли летом выступит Польша или год спустя. Выступит! Я помню ваши душевные устремления! Вот и случай пересечь на белого коня победителя! Я вас и Ставцева отправлю в Польшу! Это мое извинение за невольную грубость! Завтра вы можете собираться в отъезд. Кружным путем, но надежным! На Владивосток, через океан — в Америку. Оттуда в Европу. Мы с вами встретимся в Варшаве.

Кольберг пожал руку Курбатову, встал и почти неслышно вышел.

Раздумывай не раздумывай, а деваться было некуда. Бежать? Безумие. Ни минуты Курбатов не верил, что Кольберг снял свои подозрения. Как бежать? Наверняка за ним слежка, он в кольце.

На сборы ушло два дня. К поезду им был подан автомобиль Кольберга. На вокзальной площади — внезапная встреча. На площади стояли виселицы. Здесь контрразведка Колчака приводила в исполнение приговоры. Курбатов и Ставцев вышли из автомобиля неподалеку от крайней виселицы. Раскачиваясь на ветру, постукивал оледеневший труп Шеврова.

Ну конечно, Кольберг замечает следы. Хочет доказать, что он поверил в предательство Шеврова, что Курбатов вне подозрений. Так и только так читалось это безмолвное послание Кольберга, его прощальный жест.

Поезд тронулся. Да, настала минута подумать. Дубровин говорил, что он вправе в любую минуту остановиться и вернуться назад. На большой остановке отстать от поезда. Отделаться от слежки и — в лес, в тайгу. Может быть, и удалось бы выбраться. А как оттуда, из Польши, вернуться? Наташа ждет... Какая возможность встречи вероятнее? А можно ли вообще раздумывать о вероятности встречи, пока он еще нужен? Нужен ли? Исчез Проворов. Правду ли сказал Кольберг, что Проворов бежал? Если Проворов действительно ушел, то вовремя! А ушел ли? Как связаться с чекистами?

В вагонах шла пьянка, офицеры играли в карты, шныряли какие-то купчишки. Но Курбатов был уверен, что в этой разношерстной толпе едут люди, приставленные к нему Кольбергом. Он был крайне осторожен. Надежда, что его найдет связной, побуждала к общительности. Чем больше встреч, больше дорожных разговоров, тем больше шансов, что связной может подойти к нему.

Где-то уже у Приморья рядом с ним у окна остановился штабс-капитан. Курбатов давно заметил его. Он ехал в том же вагоне. Несколько раз встречались, сходились вот так же у окна, расходились. Штабс-капитан был любителем карточной игры и пропадал в тех купе, где шла игра.

Они стояли рядом и смотрели в окно на пробегающие мимо заснеженные сопки. Перестук колес, клубы черного дыма за окном. Обычная дорожная картина.

И вдруг Курбатов услышал слова пароля, который был дан ему Дубровиным для связи. Курбатов произнес отзыв, штабс-капитан закончил пароль. Не меняя позы, равнодушно, с видом скучающего путешественника, штабс-капитан говорил:

— Мне приказано передать вам, что вы вправе приостановить операцию. Алексей Федорович просил вас еще и еще раз подумать...

— Кольберг подозревает меня, — ответил Курбатов.

— Нам это известно! Алексей Федорович Дубровин прямо просил вам передать, что вы свободны распорядиться собой... Куда вы едете?

— Во Владивосток и дальше на пароходе в Америку... Но я не свободен распорядиться. Рядом со мной Ставцев! И я не знаю, кто еще смотрит за мной! Я принимаю из рук Кольберга благодеяние! Не знаю, что со мной станет, если я попробую пренебречь его благодеянием!

— Вы правы, это опасно — пренебречь его благодеянием! — подтвердил штабс-капитан. — Здесь, сейчас вы во власти Кольберга... Может быть, там, в других краях, вам удастся уйти из поля его зрения... У меня есть для вас посылка... Я сойду на следующей станции... Вы умеете играть в преферанс?

— Умею.

— У себя в купе я начну игру. Когда я сойду, вы займете мое место. Я забуду несколько книг и кое-какие выписки из

книг и архивов. Те выписки, что в конверте, для вас. Этот материал никак не может вас компрометировать. Это письма из ссылки вашего прадеда. Они уже приводились в литературе о декабристах. Вы сможете объяснить, что вас заинтересовали мои бумаги, что в этих бумагах вы нашли копии с этих писем. Но я думаю, что вам пока ничего не придется объяснять.

Перестук колес заглушал голоса. Штабс-капитан с тем же скучающим выражением на лице отошел от окна. Пронесся вдоль вагона. Постоял еще с кем-то у окна. Вошел в купе. Очень скоро он сколотил новую партию в преферанс. Курбатов подошел к купе и встал в дверях, словно заинтересовался игрой.

Проводник прошел по вагону, объявил название станции.

Штабс-капитан заторопился, собрал наскоро чемодан и встал. Растерянно оглянулся, ломалась партия. Курбатов предложил свои услуги. Произвели расчет, штабс-капитан выложил проигранное, распрощался и пошел к выходу. Курбатов сел на его место.

Партия затягивалась. Курбатов рисковал. Росли записи. Он прочно осел в купе. Перекладывая подушку, обнаружил под ней книги и пачку бумаг. Посетовали на растерянность штабс-капитана. Книги пошли по рукам. Заглянули в бумаги. Выписки из книг никого не заинтересовали. Курбатов, уходя из купе, забрал бумаги с собой. Ночью, лежа на верхней полке, когда все уже заснуло, при колеблющемся свете восковой свечки в фонаре под потолком, раскрыл выписки. В пакете оказались перепечатанные на машинке несколько писем Алексея Курбатова из Ялтуровска, помеченные 1832, 1836 и 1841 годами. Письма сдержанные, как повесть о жизни людей, оторванных от семьи, от жизни. Ни слова жалобы, да жалобы и не могли проникнуть сквозь цензуру Третьего отделения.

А вот и еще одно письмо: «Родная Наташа!..» Так это же письмо к его невесте, к Наталье Михайловне Вяземцевой, объяснение той романтической истории, о которой глухо говорили у них в семье.

«Родная Наташа! Простите меня за смелость, однако мне думается, что иное обращение и невозможно.

Сквозь осторожные стены, просторы Сибири пронесут Вам мой единственный, а может быть, и последний подарок. Когда Вы были девочкой, Вы вынули из волос цветок ландыша и подарили его мне, и стал он знаком моего счастья и несчастья. Я отливал цветок ландыша из бронзы, вспоминая Вас. Вся жизнь моя шла рядом с Вашей, пока не оборвалось все известными Вам обстоятельствами.

Я люблю Вас, нас разделяют огромные расстояния, но сердце мое с Вами.

Ваш Алексей Курбатов».

Ихтиал Иванович! Ты помнишь Владислава Курбатова? — Таким вопросом встретил Дубровин вошедшего к нему в кабинет Проворова.

Проворов не торопился с ответом. Он прошел в глубину кабинета, остановился у письменного стола. Дубровин указал ему рукой на кресло. Проворов сел. Годы не прошли бесследно, он погрузнел, время как бритвой сняло его русые волосы, поседел виски, исчезла торопливость и живость в жестах.

— Помнится, — продолжал Дубровин, — расстались вы с ним в тревожную для него минуту... Помнишь? Мы еще ему отправили материалы о его прадеде-декабристе... Последняя встреча с ним нашего человека...

— Помню, Алексей Федорович! — ответил с улыбкой Проворов. — Первое мое дело в ВЧК! Как же не помнить! Сколько же прошло с той поры? Четырнадцать лет! Ничего я о нем не слышал все эти годы. Вы, Алексей Федорович, мне потом сказали, что он избежал ареста... Больше ничего не знаю!

— Это хорошо, что помнишь!

— Мы о нем вспомнили или он о нас?

— Мы о нем как будто и не забывали! И я о нем помню, и ты не забыл. А мы с тобой забыли бы, напомнила бы вот эта папка. Открой и взгляни.

Обычная папка, в каких хранятся архивные дела. Сверху размашистая надпись фиолетовыми чернилами: «Хранить вечно».

— Это ваша рука, Алексей Федорович?

— Моя. Тогда же, этак через полгода, как он выбрался из штаба Колчака, мы получили сообщение, что он появился в Варшаве...

— От него сообщение?

— Нет! Мы прервали с ним связь... Он ничего нам не мог бы сообщить, если бы даже и хотел! Началась, как вы помните, война с пилсудчиками... Антапта выставила свой последний ударный отряд! Нам сообщили, что в окружении Пилсудского появился новый человек... Дежурный адъютант! Для польского штаба это было необычно. Русский эмигрант... Офицер... Курбатов! Я предложил Двержинскому связаться с ним. Феликс Эдмундович ответил мне, что помощь от дежурного адъютанта будет незначительна. Однако посоветовал дело это поберечь... Поэтому я и сделал надпись: «Хранить вечно». Кончилась война... Он не вернулся!

Проворов настороженно спросил:

— Какой смысл вы вкладываете в слова «он не вернулся»? — Никакого! — воскликнул Дубровин. — Я ничего о нем не знаю. Может быть, он не пожелал вернуться? Подпоручик, офицер... Наполовину поляк... Заметная родня в Польше! Он мог увлечься карьерой. В России он родился, но и Польша для него не чужая страна. Он вынужден был эмигрировать! Его заставил выехать в Европу Кольберг... А там? Там могло многое и перемениться...

— У него здесь осталась жена, — заметил Проворов.

— И об этом я говорил Феликсу Эдмундовичу. Он, помнится, даже поинтересовался, кто она.

Проворов раскрыл папку. Это уже была история, пожелтевшие архивные документы. Протокол допроса Курбатова, оформленный покойным Артемьевым, первые сообщения Курбатова о Кольберге со слов барона Девиза, первая информация из колчаковского штаба. Рассказ о первых встречах с Кольбергом. А вот и его, Проворова, заключение, что Курбатов попал под подозрение колчаковской контрразведки, что работать с ним невозможно. Письмо из Польши с сообщением, что Курбатов назначен дежурным адъютантом к Пилсудскому.

— Неужели он мог воспринять это назначение как путь к карьере? Что-то мне не верится, чтобы он удовлетворился ролью дежурного адъютанта!

Дубровин усмехнулся.

— Прошло четырнадцать лет... Многое изменилось... Он уже не адъютант! Офицер на самостоятельной роли в штабе!

— Стало быть, нашел себя!

— Не спешите! — перебил Дубровин. — Мы его не искали... Он нас начал искать!

— Через консульство?

Дубровин протянул Проворову папочку из плотной бумаги. Проворов надел очки. Мелкий, убористый почерк.

«Многоуважаемый Михаил Иванович! Я уверен, что это настоящее Ваше имя, ибо посетил в свое время Ваше родное село и виделся с Вашим отцом. Я не обращаюсь к Алексею Федоровичу Дубровину. Я помню его, но у меня нет уверенности, что он жив. Он был уже тогда немолодым человеком. Если, Михаил Иванович, Вы работаете в той же области, в которой работали во времена наших встреч, то мое обращение к Вам не может не пайти у Вас отклика. Я верю любезной моему сердцу России, я тоскую о ней, тоскую о моих близких, но так все сложилось, что я не мог вернуться, не могу вернуться и теперь. Не мне Вам говорить о том, что в Европе сейчас неспокойно. В силу обстоятельств, в которые поставила меня судьба, я получаю из первых рук сведения о готовящемся жестоком походе на полное уничтожение и Польши, и России. Вы догадываетесь, о чем идет речь. Нет сейчас силы, кроме России, которая могла бы остановить это нашествие. Если бы Вы сочли возможным прибегнуть к моей помощи, как в давние времена, я мог бы со-

общить Вам много интересного, что помогло бы Вам подготовиться к трудностям, которые, возможно, уже и не за горами. Я прошу Вас не забывать, что мой прадед когда-то вышел на Сенатскую площадь ради светлого будущего России. Память о нем для меня священна. Вам известно, что товарищ Артемьев спас мне жизнь. Память об этом товарище также для меня священна. Я не знаю, сможем ли мы встретиться с Вами, или Вы устройте мне встречу с Вашим доверенным лицом? Я готов и к тому, и к другому. Просил бы я при этом соблюдать крайнюю осторожность. С уважением Ваш Владислав Курбатов».

Проворов сложил письмо.

— Вы говорите, Алексей Федорович, что он занимает видное положение в польском штабе?

— Это так и есть! — подтвердил Дубровин.

Проворов снял очки и поднял глаза на Дубровина.

— Я понимаю вас, Алексей Федорович! Вы хотели бы сейчас, сию минуту, услышать от меня окончательное суждение о Курбатове!

Дубровин остановил Проворова:

— Помилуйте, как это возможно! Прошло столько лет!

— Работа не отучила меня верить людям, — продолжал Проворов. — Я верю в того Курбатова, каким я его знал! С кольбергами ему не по дороге...

— А если это игра нашего противника?

— Какого? Польский штаб? Он ничего не выиграет в этой игре!

— Мы не знаем какого... — ответил сдержанно Дубровин.

— Фашизма Курбатов не примет...

— Мы попытались кое-что проверить, Михаил Иванович. Давайте вспомним! Почему Кольберг в те годы, там, у Колчака, проявил такой интерес к Курбатову?

— Мы, по-моему, тогда узнали, что Кольберг не поверил в благополучный побег Ставцева и Курбатова... Кольберг считал, что этот побег был подготовлен нами специально, чтобы кого-то из группы бежавших внедрить к белогвардейцам...

— Почему Кольберг повесил Шеврова, своего надежного агента? Он что же, принял Шеврова за нашего агента?

— Нет! Шеврова в связях с ВЧК Кольберг не мог заподозрить. Он убрал его, чтобы использовать...

— Кого? Ставцева? Это он мог сделать, не убивая Шеврова! Шевров был опасен только Курбатову! Для него был повешен Шевров?

— Для Курбатова... — согласился Проворов.

— Мы установили, что некоторое время спустя, после приезда Курбатова в Варшаву, там появился Кольберг. Мы не знаем, ради чего туда приезжал Кольберг, встречался ли он с Курбатовым. Но после появления Кольберга Курбатов был приближен к Пилсудскому... Вы улавливаете связь? И добавлю... Сейчас Кольберг занимается нашей страной в военной разведке немец-

кого генерального штаба... в абвере! Я спрашиваю: мог ли Кольберг каким-либо образом закрепить свои подозрения о связях Курбатова с нами?

— Нет! Не мог! Даже если бы Курбатов под угрозой смерти показал бы, что он нам помогал... И что? Как это он мог доказать? Связь была с ним оборвана, явок он не имел и не знал... Он всего лишь нам помогал, он не был нашим разведчиком...

— Стало быть?... — спросил Дубровин.

— Стало быть, надо с Курбатовым повидаться... Я готов с ним встретиться!

— А риск?

— Какой же риск? Выманить меня в засаду? Так ли уж интересен я для них? Если это игра, то они меня и не собираются трогать! Моя задача пока очень скромная... Послушать, что хочет нам сказать Курбатов...

2

Отправляя Ставцева из Сибири в Польшу, Кольберг поспешил на твердую валюту. Русские рубли в Польше потеряли всякую ценность. На них ничего нельзя было купить, никто ими не интересовался, с ними даже не производилось сделок на черном рынке. В дороге валюта растаяла. Богатые эмигранты кошелька своего нуждающимся не подставляли. Курбатов, по совету Ставцева, разыскал одного из Радзивиллов, близкого родственника матери, но тот заявил, что ему неизвестны родственники среди русского офицерства. Ставцев не вынес нищеты. У него случился удар. Он частично потерял зрение, отнялась вся левая половина. Язык с трудом поворачивался во рту.

Курбатов попытался устроить его в военный госпиталь. В госпиталь Ставцева не взяли. За номер в отеле расплачиваться было нечем. Курбатов с трудом нашел угол. Никто не хотел брать на постой русских эмигрантов. Сговорился с полицейским служащим. На окраине Варшавы за дощатой перегородкой комната — только койку поставить. Больного положил на койке, сам спал в кресле. Хозяин, пьяница, вечерами выяснял отношения с супругой, крик стоял у них до поздней ночи.

Курбатов сидел у ног больного. Часами, сутками. Больной, просыпаясь, встречался с его взглядом.

Однажды ночью, когда все затихло за дощатой перегородкой, Ставцев поманил к себе пальцем Курбатова. Курбатов наклонился над его изголовьем. С трудом выговаривая каждое слово, едва слышно Ставцев произнес:

— Спасибо, дружок!

Курбатов вздрогнул от слова «дружок». Это были слова, с которыми обратился, умирая, князь Николай Болконский к своей дочери. Герои романа Льва Толстого близки были и Курба-

тову, и Ставцеву. Долгой дорогой не раз они спорили о их судьбах, это был тот мир, в который они уходили от действительности. Не случайно, стало быть, Ставцев выговорил слово «друг». Это был призыв к душевности. Дорога из Москвы в Сибирь, из Сибири в Польшу волей-неволей их сблизила.

— Спасибо! — повторил Ставцев. — Жена где? Не знаю! Дочь — не знаю! Один ты, дружок!

Ставцев замолчал. Ему трудно было говорить. Он терял силы. Кожа на лице приняла пергаментный оттенок, нос и подбородок заострились. Смерть, приближаясь к нему, наложила на весь его облик свою мрачную печать. Приоткрыл правый глаз.

— Кольберг говорил... ты — агент Дзержинского!

Курбатов протестующе поднял руку, но Ставцев остановил его взглядом. Что-то похожее на усмешку промелькнуло на его лице.

— Все равно! — сказал он. — Кольберг уверен! Он найдет тебя! Найдет... Спасибо! Спасибо за все, дружок!

Это были его последние слова. Подполковник, семеновец, умер в камере на койке, и не нашлось средств, чтобы заказать ему гроб. Смиловитился хозяин угла. Сам сколотил из досок ящик, погрузил его на извозничью ломовую подводку, и отвезли вдвоем на кладбище. Зачем приехал этот подполковник в чужой и враждебный для него город? Что он надеялся здесь найти?

В Варшаве Курбатову делать было больше нечего. И что вообще делать? Посланец от Дубровина еще там, в Сибири, решил прервать операцию и считать себя свободным. Оставалось только найти способ вернуться на родину. Можно было определиться волонтером, рядовым солдатом в армию, идущую в поход на Россию. Там можно перейти линию фронта. Он не видел препятствий к возвращению на родину и не считал себя связанным какими-либо обязательствами. Но вот тут-то и явился Кольберг.

Кольберг умел обставить свои встречи. К дому, где Курбатов снимал угол, подъехал автомобиль, разбрызгивая из-под колес черную грязь. Курбатова повезли в загородное имение, в старинный замок. Но встретил в замке Курбатова не Радзивилл, а Кольберг.

— Свиделись, Владислав Павлович! Я очень рад!

— Я тоже рад! — сдержанно ответил Курбатов.

Кольберг усмехнулся:

— Понимаю! Встретили здесь без воинских почестей! А за что почести? Изгой. Так, по-моему, называли изгнанников в древности на Руси. Слышал о нашем друге! Сожалею... Но смерти в наши дни не удивляюсь... Отвык! Ваши намерения, молодой друг?

— Пробовал определиться в армию... Берут рядовым...

— Это вас, конечно, не устраивает! Вы офицер!

— У Корнилова полковники состояли рядовыми! — с горяч-

ностью ответил Курбатов. — Меня это устраивает. Дадут оружие, мне больше ничего не надо!

— Не торопитесь. У вас драгоценные родственные связи в этой стране.

— Связи? Родственные? Я лишь вам обязан, что переступил порог этого... дворца! Меня не признали родственником...

— Здесь боятся большевистской заразы! Моя рекомендация сняла эти опасения... Князь позаботится о вашей судьбе!

Через несколько дней Курбатова ласково принял Пилсудский и взял к себе дежурным адъютантом. Кольберг исчез. Курбатову сказали, что он уехал на фронт в Россию.

Чего же, казалось, желать еще неизвестному офицеру в чужой стране, хотя эта страна и родина его матери. Не смущало и чудейственное вмешательство Кольберга. Он же не давал ему никаких обязательств. Что-то, конечно, было безнравственное в том, что он принял благодеяние от человека, которого не только презирал, но и ненавидел. Но этот человек был врагом, враг продолжал поединок, начатый в Сибири, стало быть, принимая его покровительство, он просто продолжал этот поединок. Появилась надежда, что здесь он может быть полезен делу, которому поклялся служить. Нестерпимо жгла тоска по Родине, тоска по Наташе. Но вместе с тем возможности уйти в Россию крайне сузились. Выезжая на фронт, Пилсудский не брал его с собой. Какие же из штаба, из Варшавы возможности добраться до линии фронта? Курбатов ждал удобной минуты, но минута такая не выдавалась. Опять явился Кольберг. Он нашел Курбатова по телефону в штабе, пригласил на прогулку. Они выехали на автомобиле за город. Углубились в лес. Курбатов понял, что вот теперь-то и настала минута для решительного объяснения.

— Владислав Павлович, — начал Кольберг, — на что вы надеетесь? Как жизнь свою мыслите здесь, в Польше?

— Здесь, в Польше, родилась моя мать! — осторожно ответил Курбатов.

— Родина не там, где родился, а где о тебе помнят!

— Я благодарен вам, Густав Оскарович! Без вас меня Радзивиллы не вспомнили бы! Я понимаю также, что я не получил бы места без вашего содействия...

— Вы могли остаться в России, Курбатов! Ничего вам не грозило! Вы не замешаны в деяниях мстителей! Вообще вы в чем не замешаны!

— Я был арестован за участие в заговоре.

Кольберг остановился. Он чуть сверху смотрел на Курбатова. Насмешка медленно загоралась у него в глазах.

— Намерение — это еще не преступление. Вы преступления не совершили! Не успели ничего совершить, оставшись лишь при намерениях, и Ставцев, и Нагорцев, и Протасов... В преступлениях был замешан лишь Шевров.

— Не считаете ли вы, что Дзержинский отпустил бы нас на свободу? Мы возвращаемся к нашему старому спору...

— На свободу вас не отпустили бы! Но вам не дали бы бежать, если бы кто-то из вашей группы совершил бы преступление.

Курбатов понимал, что молчать и выжидать нельзя. Он попытался протестовать против вывода Кольберга, но тот сжал его руку выше локтя и остановил:

— Не торопитесь! Вы не на допросе и не на следствии! Мы с вами одни, в лесу... Я хочу одного, молодой человек, чтобы вы в наше смутное время выбрали для себя правильный путь! Перед вами возможность сделать заметную для нашей эпохи карьеру! Или... Я не буду торопиться с предсказаниями... Полная неизвестность и нищета!

— Все рухнуло! Я не верю, что в России сейчас может восторжествовать какая-либо сила, кроме большевиков!

— Представьте себе, Курбатов, я согласен с вами! Большевики — это всерьез и надолго в России! Вот видите, в одном пункте мы с вами уже сошлись! Повторяю, большевики — это всерьез и надолго. Но не навсегда! Реванш последует, но мы его будем готовить многие годы. Всякая революция, как все явления жизни, имеет свои взлеты и свои падения. Мы пытались задуть революцию на взлете. Безнадежное занятие. Вы знакомы с историей, Курбатов? Читали о походах Наполеона? Революция во Франции породила его походы... И никто не мог остановить французской революции... Ее остановили процессы, происходившие во Франции. Она сама себя изжила, породила власть Наполеона, и Наполеон задумил революцию... И как только он задумил революцию, как только угас ее огонь, Наполеон потерпел поражение от тех, кого он побеждал. На это ушло пятнадцать лет... Через десять — пятнадцать лет большевизм сам себя приговорит к поражению... Тогда мы и ударим!

— Наполеон потерпел поражение в русском походе, — заметил Курбатов.

— Мы учтем уроки его поражения! — отпарировал Кольберг.

— Ставцев умер у меня на руках, Густав Оскарович... Вы сами выразились, что смерть вас не удивляет... Много ли нас останется через десять — пятнадцать лет?

— Кого это нас? Вы имеете в виду белое офицерство? Это не сила! Я говорю о государствах, для которых неприемлем большевизм!

— Польша, Англия, Япония, Америка?

— И Германия! — добавил Кольберг.

— У Германии немало своих забот! Ей долго теперь не разрешат вооружаться...

Кольберг остановился, взглядываясь в Курбатова.

— Вы наивны, мой мальчик! За это я вас и люблю! Но пора кончать с наивностью... В вашем деле... — Кольберг остановился, подчеркивая паузой слова «в вашем деле». — В вашем деле, Владислав Павлович, затянувшаяся наивность нежелательна. Германию вооружат для удара по России... Только Германия может

поставить для войны с Россией солдат. Ни Англия, ни Франция, ни Польша этого сделать не могут. Вся европейская политика на ближайшие полсотни лет будет определяться через Германию и... через Россию. Надеюсь, вы догадываетесь, к чему я клоню?

На этот раз остановился Курбатов.

— Вы можете не отвечать на мой прямой вопрос. Возможно, вы сейчас будете все отрицать. Но я даю вам некоторое время подумать. Побег с Лубянки был организован ради вас, Курбатов! Разве это не так?

— Я давно понял, Густав Оскарович, что вы к этому клоните. Если вы связываете это с какими-то расчетами...

— Подождите. Не торопитесь, Курбатов. «Нет», как и «да», сказать никогда не поздно. Вы встречались с Дзержинским, после этой встречи определилась ваша судьба. Это так же просто, как гимназическая задачка на первые два действия арифметики. Вы согласились сделаться его агентом. Именно поэтому вы мне и нужны.

Курбатов порывался возражать, но Кольберг остановил его:

— Поверьте, Курбатов, у меня было достаточно доказательств и в Сибири. Неужели вы полагаете, что там я не мог бы вас повесить? Мы не покушаемся на ваши обязательства перед Дзержинским. Мы только хотим, чтобы вы работали и на нас.

— А точнее?

— На тех, кто положил своей целью всерьез бороться против большевизма!

— Точнее?

— На меня лично!

— Я твердо решил взять в руки винтовку...

— И согласились стать дежурным адъютантом у Пилсудского? Неужели вы полагаете, что это для вас сделал Радзивилл? Это я помог... Здесь, около Пилсудского, вы можете быть полезны Дзержинскому, с винтовкой в руках вы никому не нужны!

— Я не понимаю... Может быть, вы, Густав Оскарович, работаете на Дзержинского?

— До известных пределов, через вас, я готов работать на него. Во всяком случае не свои тайны я ему через вас уступлю. Потом мы сочтемся!

— Все прекрасно, Густав Оскарович! Одна беда: я, к сожалению, не работаю на Дзержинского!

— Я знал, Владислав Павлович, что вы будете отказываться, отрицать... Не спешите. Всему свой черед. Возможности перебраться в Россию вы лишены. При первой же к этому попытке вы убедитесь, что у меня есть средства этому помешать... Теперь думайте, до новой нашей встречи. Я не тороплю. У меня есть время.

Шло время. Обстановка на фронте резко изменилась. Красная Армия отразила удар пилсудчиков и перешла в наступле-

ние. Красные полки подступили к Варшаве. Курбатов со дня на день ждал крупных перемен. Можно было ожидать выступления рабочих и крестьянских восстаний. В городе царил паника. Вельможи, владельцы заводов и фабрик бежали на запад. Уезжали в Берлин, в Париж русские эмигранты. Без всякого предупреждения, не попрощавшись, исчез и Кольберг. Казалось, вот-вот ураган с востока сметет пыль и нечисть, подобную кольбергам.

Но на фронте что-то случилось. В окружении Пилсудского задержку в наступлении Красной Армии приписывали чуду. Красная Армия приостановила продвижение и медленно отходила.

Настало время всерьез подумать, что же делать. Сколь реальны угрозы Кольберга, что он хочет, чего он ждет, догадывался о столь многом? Здесь, в Варшаве, он шел в открытую, ничего не скрывая. Прямее не выразишь, сказал все, что хотел сказать. Курбатов не был искушен в делах разведки, но и он понял, что Кольберг, оставляя его в Варшаве, хочет использовать в своих интересах. Он собирал силы для оживления немецкой разведки. Это не вызывало сомнений.

Для размышлений на эту тему у Курбатова было достаточно времени. Наслышался он немало рассказов о немецкой военной разведке в штабе, о всеильном влиянии разведок на европейскую политику.

Но в круг его размышлений вдруг ворвалась простейшая по своей откровенности мысль... Зачем, зачем ему все это нужно, если у советской разведки нет в нем нужды? Коли еще в Сибири прервали всю операцию и разрешили ему вернуться. И что он может сделать с Кольбергом? По плечу ли ему этот противник, за спиной которого не только опыт, но и целая система, и так ли уж он нужен и Кольбергу? На фронте в России совсем недавно гибли целые армии, губернии переходили из рук в руки, выгорали дотла деревни, пожары наполовину слизывали с лица земли города. Человек терял ощущение, что он центр вселенной, что его жизнь что-нибудь значит в этой полосе катастроф. Кликуши предвещали конец света, те, кто безраздельно правил миром, теряли власть, и рушились веками устоявшиеся обычаи и нравы... Песчинка в огромном океане! На большее его персона не могла претендовать. Где-то там, на востоке, граница. Курбатов знал, что через границу переходят контрабандисты, диверсанты и даже польские военные разведчики. Переходят, возвращаются... Известны определенным лицам маршруты. Но как ему, дежурному адъютанту, добыть эти маршруты, кто возьмется провести его? Надо вступить с кем-то в сговор...

Курбатов сдружился с офицерами из военной разведки. Это были люди спокойные, в них не замечалось той расхлябанности, которой отличались штабные офицеры. Курбатова как будто бы приняли в свой круг. Но очень скоро он понял, что никто не выложит сведений о маршрутах через границу, а если он спро-

сит, то насторожатся. Без разрешения старшего адъютанта он не мог ни на один час выехать из города. Кольберг знал, куда его определить!

Два года он безуспешно искал возможности отыскать маршрут или людей, которые взялись бы перевести его через границу. Заметил к тому же, что офицеры из контрразведки присматривают за ним. Правда, они присматривали и за другими. Но от этого ему было не легче. Эти два года он мог бы отметить как годы обостренной тоски по Наташе... Но время смягчало остроту разлуки. Тоска по Родине, по родным перелескам, по всему тому миру, который окружал его детство, подогревалась, когда ему приходилось встречаться с русскими эмигрантами.

Однажды Пилсудский взял его на охоту в Пуцу. Охотились на оленей. Загон разошелся по лесу. Курились осенним туманом неприступные болота, мрачно стыл лес. Здесь человек канет, не разыщешь и с собаками.

Курбатов проверял, как егеря расставляли номера на выстрел. Слово за слово, завел разговор о границе. Ему показали на карте, как она проходит, где стоят кордоны. Болота не охранялись, по ним мог пройти только лось. Здесь начинался Стоход, речки, речушки, водяные протоки, как сотами изрезавшие болота, с выходами на границу и через границу. Они протекали в густых камышах, прикрывающих воду, или пробивались под кропами ольхи и ивняка, неучтенные даже на штабных оперативных картах, ибо каждый год успевали менять свои изгибы. Лодка или долбленный челн, в руках шест. Никто не найдет ушедшего в Стоход на лодке. Но как самому выбраться из этого лабиринта? Два слова егерю... Которому из них? У Курбатова достало бы денег купить проводника... Которого? Кто из них тут же не побежит с доносом в пограничную жандармерию?

Туманное утро. Все бело от росы, даже темные стены рубленых избушек лесного кордона. Чуть слышно плещется вода в речке, которая уходит в Стоход. Лодки на заболоченном берегу. Никто их здесь не охраняет. Несколько шагов... Шест в руки — и пошел. Туман все скроет. В нескольких шагах не услышат всплеска шеста.

На болоте шаги не слышны. Бесшумно подошел и встал рядом один из офицеров штаба. Остановился, молчит. Курбатов скосил на него глаза. Зачем он здесь, почему? Тоже не спится? Курбатов давно приметил, что этот офицерик ходит за ним как тень...

Год ушел на изучение штабных карт Стохода. Купил ружье и всякую охотничью амуницию. В сентябре поехал на Стоход. Все на тот же лесной кордон. Егерь встретил его приветливо. Уплывал на лодке один, разыскивая протоки, сверяя их с картой.

Перед уходом решил переночевать на островке, посмотреть, не хватятся ли. Костра не развел. Лодку втащил в камыши. Островок этот лежал довольно далеко от кордона.

Никто на кордоне не знал, куда он уплыл. Сидел тихо, чтобы и камыш не зашумел. Под вечер донесся с протоки чуть слышный всплеск. Можно было подумать, что утка упала на воду. Но всплеск повторился. Еще раз и еще раз. Мерные всплески весел! Курбатов раздвинул камыши. Не со стороны кордона, а оттуда, куда ему уходить, шел на веслах... все тот же офицер из штаба. Был одет он в охотничий костюм. На голове зеленая тирольская шляпа. Он медленно плыл по протоке, оглядывая ее берега. Курбатов окликнул его. Он вздрогнул, изобразил на лице удивление и пристал к бережку. Поговорили об охоте, о ружьях, об утках. Отстреляли вечернюю зарю, развели костер. У офицера нашлась полная фляжка. Выпили по чарке. Вдвоем, а вокруг ни души и непроходимые болота, с лабиринтом протоков.

И вдруг он вполголоса сказал:

— Не надо!

Курбатов удивленно посмотрел на него.

— Я не один! Уйти вам не дадут!

— Куда уйти? Зачем?! — воскликнул Курбатов.

— Туда! — ответил офицерик, указывая рукой на восток.

И не надо кричать! Болота тишину любят...

— Объяснитесь! — шепотом потребовал Курбатов.

Офицер почти вплотную подсел к Курбатову.

— Если вам нужно, очень нужно, мы поможем! Мои люди проведут вас по протокам... Если без нас — смотрите... У вас в Крутицах беда может случиться!

О Крутицах здесь никто ничего не мог знать, о них знал только Кольберг. Офицер не назвал его имени. Но за его спиной поднялась тень Кольберга.

Офицер замолк, отодвинулся от костра. Молчал и Курбатов. Что же теперь-то делать? Уходить некуда — это понятно. Офицер-то польский, а Кольберга нет поблизости, и у него не спросишь, что за всем этим стоит. И сделать вид, что ничего не случилось, невозможно, коли упомянуты Крутицы.

А офицер продолжал:

— Вы не беспокойтесь, пан Курбатов! То, что я знаю, я один знаю... Если очень нужно, идите! Вы и там нужны! Но уйдете вы отсюда только с нашего позволения! Помочь?

— Вы пьяны, пан! — ответил Курбатов, встал и пошел к челноку. Офицер остался на острове.

Курбатов вернулся в Варшаву. С надеждами на уход было покончено.

3

Дежурный адъютант, мальчик на телефонах. Это разве карьера? Или положение в обществе? Когда придет час, для которого он себя готовил? Время идет, и он выходит из возраста телефонного мальчика.

Шумна и цветиста жизнь панской Польши. В ресторанах, куда он иногда заходил, на него заглядывались женщины, пользовался он вниманием на балах, на которые был обязан являться как адъютант. Над ним посмеивались товарищи, не страдает ли он женобоязнью. Одиночество становилось нестерпимым. Он снял с себя запреты. Он стал замечать женские лица.

На Стоход больше не выезжал. Но надо где-то проводить vacation! Ему подсказали, что хорошую охоту он найдет на озере Химер. Какая разница! Можно и на озере Химер. Не спрашиваться же у офицерика, приставленного к нему Кольбергом? А почему и не спроситься? Это даже забавно! Курбатов отыскал его в штабе. Весело, словно в шутку, поди разберись, спросил его:

— Мне советовали поехать на озеро Химер!.. Можно?

С минуту офицер ошеломленно молчал. Потом осторожно усмехнулся:

— На озеро Химер можно!

Озеро Химер оказалось совсем не мрачным озером. Откуда только взялось такое страшное название? Разве что из средневековья, от которого остались лишь предания о каких-то чудовищах, обитавших не то на его берегах, не то в водах.

Раскинулось оно глубокой чашей среди холмов, сплошь покрытых березовыми рощами. Светлоствольные березки просветлили его воды, озарили словно улыбкой, ласковой и нежной. Ветры сгоняли с воды туман. Здесь не пахло, как на Стоходе, гнилью и болотной, застоявшейся водой, берега спускались в воду светлыми песчаными отмелями. Озеро круглое, заливы отрезаны от большой воды полосками камыша. Там, в камышах, и охота. У воды ни одной деревни. На всхолмье, в березовых стволах затаилась усадьба. Островерхие башни, крытые черепицей, высокие стрельчатые окна и шпиль костела. Но и там тихо. Замок пустовал. Управляющий имением, остзейский немец, дал Курбатову разрешение охотиться.

Солдаты разбили для него полевую палатку, из усадьбы пригнали прогулочную весельную лодку. Курбатов остался в одиночестве. Охотник поневоле. Единственная возможность побыть одному, отдохнуть от ненавистных лиц, от ненавистных разговоров, от чуждого, ненавистного мира.

Утром Курбатов охотился в камышах. Отталкиваясь шестом, пробирался в камышовые крепи и выпугивал на выстрел уток, вечером сидел в скрадке, стрелял влет. Для настоящего любителя охоты — край обетованный! Днем приезжал из деревни егеря, забирал дичь, чтобы спрятать на ледник.

Тянулось время...

И вдруг на другом конце озера Курбатов услышал выстрел. Один и тут же сразу другой. Глухие выстрелы из охотничьего гладкоствольного ружья. Над далекими камышами поплыл сизый дымок.

Что тут удивительного? Он же не откупал озеро. Приехал еще какой-то охотник. Вдвоем веселее. Курбатов направил лодку к растекающемуся облачку дыма. А может быть, это тот самый офицерик из штаба? Совсем было бы забавно.

Пока пересекал озеро наискосок, раздался еще выстрел.

Лодка двигалась по открытой воде. Охотник мог ее заметить. А Курбатов и не таился...

Вот и протока в камышах. Здесь... Где-то недалеко должна быть лодка с охотником. Курбатов тихо свистнул. Из камышей ответили свистом. Курбатов помахал зеленой тирольской шляпой и воскликнул:

— Утро доброе, пане! Счастливой охоты! Не помешаю?

— Что же теперь делать, если пан и помешает!

Ответил звонкий женский голос. Голос подхватило эхо и унесло в холмы.

Сильным ударом весел Курбатов раздвинул камыши, уперся в борт лодки. В лодке сидел охотник. Вместо принятой в этих местах охотничьей тирольской шляпы — веноч из белых лилий. Тоже отличная маскировка на охоте. Замшевая зеленая куртка, такие же зеленые брюки. Под курткой зеленый шерстяной свитер, закрывший шею до подбородка. На ногах изящного покроя, и тоже зеленые, сапоги. Выбивались из-под венка золотые волосы.

— Прошу прощения, пани! — начал Курбатов. — Я никак не думал встретить Диану! Я не осмелился бы нарушить ваше уединение!

Диана была прелестна, хотя и не очень молода. Ей могло быть за тридцать. Тонкие черты лица. Блондинка с голубыми, почти синими глазами.

Она не сразу ответила, задумчиво разглядывая Курбатова.

Молчание затягивалось. Курбатов, чтобы как-то разрядить обстановку, представился.

— Ежелская! — услышал он в ответ.

Это было имя владельца усадьбы.

Диана могла быть его дочерью, могла быть и хозяйкой. Курбатов не имел никакого представления о пане Ежелском. Не знал, стар ли он, молод.

— Я вдвойне виновен! — воскликнул Курбатов. — Я вторгся в чужие владения и помешал их хозяйке!

— Не торопитесь, пан Курбатов! Не надо меня преждевременно делать хозяйкой! Я всего лишь одна из наследниц этого владения... Я дочь пана Ежелского! И очень рада, что поблизости оказался опытный охотник! Я сбила двух уток... И ни одной не могу достать... Они упали там!

Пани показала рукой на камыши.

Это был заболоченный берег, неглубокая трясина, перелетенная корнями ольшаника. На лодке туда не пробиться. Курбатов не стрелял уток над трясинной. Доставать оттуда добычу хлопотно.

Курбатов подвел лодку к краю трясины, скинул с пояса патронташ и прыгнул на корни ольхи. Корни поползли вниз, он прыгнул на другой куст и провалился в трясину по пояс. Раздвигая трясину и корни болотных трав, он пробрался к тому месту, где, раскинув крылья, на кочке лежал кряквый селезень.

Осенняя вода холодна. Он положил селезня к ногам Дианы и окунулся в воду, чтобы смыть грязь и ил с костюма. Пани пристально смотрела на него.

— Вы всегда с такой готовностью выполняете капризы женщин? — спросила она.

— Не всегда!

— Какому же случаю я обязана?

— Моему удивлению! — столь же быстро ответил Курбатов

— Удивлению? Чему же вы удивились? Вас удивило ружье в моих руках?

— Разве это удивительно? — отпарировал он ее вопрос. — Еще древние греки сочинили легенду о богине охоты. В наше время ружье в руках женщины — экстравагантность, и только. Оно может быть и оружием кокетства.

— Так чему же вы удивились?

— Вашей красоте, пани!

Ежелская нисколько не смутилась. Она пристально глядела на Курбатова, как бы взвешивая, равный ли он в этой игре партнер.

— Садитесь ко мне в лодку! — приказала она. — После холодной ванны вам необходимо согреться... Садитесь на весла!

...Необитаемый замок, выдержанный в средневековых традициях. Огромные залы, тяжелые дубовые столы для обильных пиров, крепкая, массивная мебель, галерея предков, исполненная художниками одной эпохи, но работавшими под старых мастеров.

Все это строилось и собиралось рукой владетельных господ, паркет застилался дорогими коврами, стены затягивались гобеленами, в залах хрустальные люстры — каждая могла стоять состояния, — по время коснулось этой тяжеловесной роскоши. Кое-где недоставало ковров, кое-где зияли пустотой стены без гобеленов, храня их следы, и не было толпы лакеев и слуг.

Прислуживала им служанка управляющего, на кухне хозяйничал повар.

Курбатов принял ванну, управляющий съездил в палатку и привез смену белья и мундир. К обеду подали вина, коньяки. В канделябрах зажгли свечи. Стол накрыли и оставили их вдвоем. Долго слышались в пустых залах и переходах шаги служанки. И все затихло. Но время не остановилось. Вразнобой били часы в пустых комнатах. Разного, причудливого боя часы. Кто-то еще в прошлом веке собрал эту коллекцию. Они показывали разное время. В столовой часы пробили три раза, в кабинете двенадцать, тут же отозвался бас одним ударом.

— Я их не трогаю, — сказала Ежелская. — Может быть, можно обмануть время, отпущенное нам? Я не люблю этот замок. Здесь все вечно, кроме нас.

Курбатов слушал.

— Здесь место мистическим душам. Я люблю жизнь. Люблю роскошь, бесшумных слуг и автомобили у подъезда. Я люблю, чтобы угадывались невысказанные желания. Здесь, в этом замке, о желаниях надо громко кричать, звонить в звонки и хлопать в ладоши, чтобы тебя услышала прислуга... Я помню иные времена этого замка. Мать по нескольку раз объясняла сельским дурачкам, что надо сделать... Здесь хорошо проводить старость... А я не хочу быть старой.

— Как этого можно избежать? — спросил Курбатов.

Ежелская строго посмотрела на него.

— Неужели и вы... И вы — реалист нашего моторного века?

Она была красива, смела и не считалась с условностями. Колесилось неверное пламя свечей в бронзовых подсвечниках. Их свет подчеркивал бледность ее лица.

Курбатов до этой встречи мог лишь догадываться, что есть такие женщины. Они были далеки от его мира. Разве можно было разглядеть их сквозь затемненные стекла лимузины...

Свидания продолжались. Забыта была охота, он перебрался в замок. Она почти ничего не рассказывала ему о своем прошлом. Его обо всем расспросила. В пределах разумного он придерживался правды. Она была замужем за человеком ее круга.

Курбатова поражала смесь сумасбродства, жизнелюбия и трезвого расчета в этой женщине. Она ни в чем не удовлетворялась половиной. Однажды вдруг заявила:

— Вы знаете, как женщины делают карьеру своим любовникам? Вам надо менять мундир офицера бесславных войск на фрак дипломата. Я люблю деньги. Но вы знаете, какое мне нужно состояние?

Курбатов остерегался отвечать на такие вопросы. Он боялся показаться провинциальным. Не знал он, что ее привлекла в нем именно провинциальность, скромность и сдержанность.

— Может быть, состояние всех Радзивиллов? — спросил он осторожно.

— Одно из эфемерных состояний века! Взбунтуются мужики — и прах от этого состояния! Я верю в пиратские состояния, но на море давно уже нет пиратов... Английские лорды, из тех, что несметно богаты, были пиратами... Сегодня, чтобы стать несметно богатым, надо торговать тайнами... Тайнами государств, армий... разведок, дипломатов и банкиров... Шантаж — это парус сегодняшнего пиратского корабля... Если бы я владела тайнами, я продала бы их всем разведкам мира по очереди. Мне нечего продать, кроме себя, а этот товар не в большой цене. Королей нынче нет, нет и фаворитов короля! По мне, любить — так короля, воровать — так миллион!

— Я не король, а где украсть миллион, я не знаю.

— Где? Такого вопроса не существует. Надо думать как. Вы мне подходите своим послушанием.

Поклон от Кольберга? Нет! Курбатов тут же отбросил эту мысль. Не столь же вездесущ этот Кольберг. Просто прелестная пани не добралась от жизни всего, на что могла рассчитывать. Отец проигрывал состояние в рулетку, муж где-то затерялся в игорных притонах...

В Варшаве Курбатов очень скоро почувствовал сильную руку незримого и неизвестного покровителя.

Пилсудский вдруг стал с ним обходиться почти дружески. Как будто вспомнил, что он родня Радзивиллам и принадлежит к тому же кругу, что и хозяева страны. Повысил в звании и перевел в отдел в штабе, который занимался внешними сношениями.

Получив новое назначение, в приемный день Курбатов явился к пани Ежелской. К подъезду подкатывали автомобили, каждый ценой в несколько польских деревень с земельными наделами.

Ежелская чуть заметно ему улыбнулась, но ничем из общего круга собравшихся не выделила. Здесь не было министров, но были их любовницы. Они важнее, чем министры, говаривала ему пани Ежелская.

Очень скоро все та же невидимая рука подбросила его еще на одну ступеньку. Ему уже завидовали и говорили, что он делает карьеру. Пани Ежелская была, по всей видимости, немало важной особой. Для него это секрета не составляло... Ему было уже любопытно, сколь далеко может простираться ее могущество.

4

Кольберг появился в Варшаве внезапно.

— Объясните мне природу тех чудесных превращений, которые произошли с вами? Какая ворожея ворожит, какой волшебник колдует?

— Я честно служу, почтителен к начальству... — начал было Курбатов.

Кольберг откровенно рассмеялся:

— Те, кто честно служит, так и остаются служить... Каждому свое! Кому служить, кому править, а кому царить... Так какой же волшебник коснулся вас своей волшебной палочкой?

Было ясно, что, не получив ответа, он не уйдет.

Они гуляли по лесу. Курбатов остановился и почти вплотную приблизился к Кольбергу.

— Я сам дивлюсь! — сказал он вполголоса. — Мне будет даже легче, если вы возьмете на себя труд все прояснить!

Кольберг улыбнулся;

— Это уже мне нравится! Я для этого и приехал, мой мальчик! Но какой же вы мальчик! У вас звание, почти равное моему! Так что же случилось?

— Я вас познакомлю не с волшебником, а с волшебницей! С ворожеей, если вы предпочитаете это русское слово...

— С кем?

— С пани Зосей Ежельской!

— Пани Ежельская! — повторил Кольберг. Задумался. После паузы заметил: — Мне это имя ничего не говорит. Что вы о ней знаете?

— Очаровательная волшебница! Дальше мои знания не простираются!

Шел день за днем. Кольберг не появлялся. Курбатов не знал, в Варшаве он или уехал.

Как обычно, вечером он пришел к пани Ежельской. Она была одна, сели у камина. Ежельская налила в бокалы вина. Большие глаза ее почти всегда были печальны. Даже когда она смеялась, глаза ее не смеялись. Можно было подумать, что ее что-то гнетет. На самом деле ей всегда было скучно и она не находила, чем разогнать эту скуку.

Они чокнулись.

— За вас! — произнесла она мягко, почти с нежностью, в глазах ее он уловил удивление, как будто она впервые разглядела его. — За вас! — повторила она. — Вы делаете успехи! Я не ожидала. Я всегда была непочтительна с вами... Незаслуженно непочтительна.

— Помилуйте! — воскликнул Курбатов. — Я никогда не претендовал на почтительность. К чему почтительность? Прелестная женщина может быть почтительна только со стариком!

— Меня навестил ваш друг... господин Кольберг!

— Кольберг? Он маньяк, — осторожно заметил Курбатов, выжида, что последует дальше.

— Я этого не нашла. Он скорее солдафон, как все самодовольные прусские офицеры... От них пахнет казармой, даже если они употребляют французские духи... Но человек он деловой. Я обещала вам блестящую карьеру. Какая наивность! Господин Кольберг приоткрыл завесу тайны над вами... Он предсказывает вам блестящее будущее. Заметную судьбу.

— Может быть, может быть... — уклончиво ответил Курбатов.

— Он мне сказал, что давно к вам присматривался, что вы были им избраны для особой роли... Он испытал вас, вы выдержали все искусы! С этим господином вы, наверное, больше не встретитесь! — продолжила Ежельская. — Я предпочла, чтобы он имел дело со мной, а вы оставались бы в тени... Не бойтесь: вам ничего не грозит. Но не настал ли час, Владислав, оплатить мои векселя?

Курбатов молчал. Она взглянула на него, вскинув длинные пушистые ресницы. Доверчив и ласков был взгляд ее голубых глаз.

— Владислав, вы готовы доказать мне свою преданность?

Она умела владеть и своим голосом, и своим лицом. Он никогда не мог угадать, когда она искренна, когда она играет, когда просто его испытывает, а когда ее слова можно толковать в прямом смысле.

— Свои восторги и свое почтение я вам высказала... Я могу вам довериться. Вы, наверное, догадываетесь, с какого рода предложений обратился ко мне Кольберг? Между нами достигнута договоренность... Я прямо вам скажу: мой отец проигрывает остатки фамильного состояния... Супруг мой исчез из моей жизни, и я очень удивилась бы, если бы он вдруг решил мне напомнить о своем существовании... Я привыкла к образу жизни, который мне трудно изменить... У меня осталась одна привязанность — это вы... Но что значит содержание штабного офицера, когда прожито огромное состояние... Я своих привычек менять не собираюсь... Как же быть? Я могу сделать вам карьеру, однако до известных пределов. В этом мне еще не отказывают, но если я попрошу денег, то получу отказ. Кольберг согласился уладить мои запутанные дела... Но вы понимаете, что это делается не ради моей красоты.

— Я все понял! — ответил Курбатов. — Но может ли представлять для Кольберга интерес то, чем я располагаю?

— Вы располагаете всем, чем может располагать офицер вашего ранга...

— Я не об этом. Не обманется ли он в своих ожиданиях? Неужели состояние польских вооруженных сил может волновать немецкую сторону?

— Он готов платить! Значит, это его интересует... Мне нужны будут лишь копии с документов.

— И он щедр?

— Меня устраивает наше соглашение...

Предложение сформулировано определенно, отвергнуть его — это вынести себе смертный приговор. Кольберг всегда найдет средства убраться его. Оставалась, правда, еще одна возможность. Принять предложение. И тут же связаться с армейской контрразведкой. Но спасет ли это? Штаб Пилсудского, он не был защищен от предательства. Не было гарантий, что его обращение не станет тут же известно Кольбергу и даже пани Ежельской. Пани Ежельская была неоригинальна в своем желании торговать государственными и военными тайнами.

Для пани Ежельской все это выглядело проще, чем было на самом деле. У Кольберга мог быть интерес и к секретам польского штаба, но не это было главное. Он торопился втянуть Курбатова в свою игру, запутать, а потом потребовать его связей с советской разведкой. А их не было, этих связей. Да ведь до этой вот минуты они и не были нужны. Чем он до сего дня мог бы быть полезен своим старым друзьям Дубровину и Проворову? Отныне все поворачивалось по-иному. Жажда реванша, которую не скрывал Кольберг, обретала конкретные формы. Се-

годня Кольберг и те, кто стрит за его спиной в Германии, проникают в тайны Польши, а завтра их руки протянутся к Советской России. Курбатов отлично понимал, к чему готовится немецкая военщина. К походу на Восток! Сначала удар по Польше, затем удар по России. Польша — родина его матери, Россия — его родина.

Если бы можно рассчитывать на польскую сторону в этой схватке, как просто было бы затянуть Кольберга в стальные тиски. И не ловить его, а годами снабжать дезинформацией. Но на польскую сторону расчета нет и не может быть.

Рассчитывать можно только на русских. Вот если они войдут в эту игру с Кольбергом, то Кольбергу придется расплатиться.

Не схвати его за руку Артемьев, он, Курбатов, стал бы убийцей. Не заслони его Артемьев своим телом от пули Шеврова — опять же конец! Артемьев во второй раз подарил ему жизнь. В память отца и прадеда, не уронивших славы России, в память о человеке, вернувшем жизнь, он не может уклониться от схватки с Кольбергом, со всем тем, что угрожает миру в Европе.

Что он знал о России?

Он покидал истерзанную, сочившуюся кровью землю. Погасли топки на заводах, не дымили фабричные трубы, хаос на железной дороге. Полыхала война не только над Москвой и Петроградом, на курских полях и в Черноморье, но и Сибирь стала полем боя.

Медленно разжималось кольцо смерти. Россия, молодая республика, отразила один за другим все удары.

В польских газетах проскакивали сообщения о жизни в России. Но были они пропитаны ненавистью. Прочсть о России правду было негде. Но и сквозь ложь и клевету, сквозь неистовство злобы можно было увидеть, что Россия оживает.

Одна за другой европейские державы вступали с Советской республикой в дипломатические отношения, и уже гремел на весь мир голос России.

В секретных картотеках польского генерального штаба значились советские заводы, которые выпускали танки, самолеты и автомашины, выплавляли сталь и чугун, производили станки.

Курбатов просиживал часами у радиоприемника, вслушиваясь в голоса своей родной земли. Многое ему было непонятно. Но общий тон он улавливал. Там строят, работают... Труд возведен в главную человеческую доблесть. А там, где работают, не может не появиться и плодов труда.

...Молчание затянулось. Оно и к лучшему. Серьезные решения требуют раздумий. Пани Зося способна это оценить.

Курбатов наполнил бокалы. Она улыбнулась.

— Вы остаетесь в тени! Ваша безопасность — мое благополучие.

Сделка состоялась.

Но прежде чем напомнить о себе русским друзьям, Курбатов решил посмотреть, как пойдет информация через пани Ежельскую. И что-то ему подсказывало: не только Кольберг стоит за ее спиной.

Курбатов присмотрелся к знакомым пани Зоси, к тем, кто у нее бывал, кто принят в ее салоне, куда она выезжает. В списке, который он составил для себя, мог оказаться и тот, кто работает на Кольберга. Но список не маленький и за каждым не проследишь.

Стало быть, надо приглядеться к тем, с кем она встретится после него.

Что же ему делать? Ходить за пани Ежельской по пятам? Нанимать такси и следовать за ней, когда она поедет после получения посылки? Но скрыть наблюдение невозможно. А если она никуда не поедет? Если к ней придут домой? Что же, ему стоять у подъезда ее особняка и проверять каждого проходящего? Не дай бог, если она это заметит! Ничем не оправдаешься. Ничем? Разве уж так и ничем? А ревностью? Правда, хотя и много было поводов для ревности, Курбатов никогда ее не ревновал... Но это не значило, что ревность не могла проснуться.

Итак, ревность! Не очень-то надежное средство, но все же какое-то оправдание.

В один из вечеров, когда она бесцеремонно сказала, что к ней придут гости, которых она хотела бы принять без него, он впервые разыграл обиду. Молча и без упрека ушел. На первый раз достаточно. Но только на первый раз.

Та же история повторилась через несколько дней. На этот раз она заметила в его взгляде невысказанный упрек. Удивилась. Курбатов встал, сдержанно поклонился и направился к двери.

— Подождите! Вы чем-то недовольны?

— О нет! Что вы? Я очень доволен! — сухо ответил Курбатов.

В его голосе прозвучала ирония.

— Что с вами? — воскликнула она. Подошла ближе и вдруг улыбнулась.

Курбатов стоял с бесстрастным, холодным выражением на лице.

— Милый! Вы ревнуете? Я не замечала за вами этого печального свойства!

— Простите! — ответил Курбатов. — Я не сумел скрыть от вас своего дурного настроения.

Он наклонился, взял ее руку и поднес к губам.

Но она не успокоилась и, коснувшись пальцами его подбородка, подняла ему голову, взглянула в глаза.

— Владлен! Я не ожидала, что вы ко мне так привязаны.

— Время идет... — ответил он едва слышно. — Я не волен над своими чувствами.

— Но вы их должны сдерживать, Владлен! Я признательна вам за вашу деликатность, за отсутствие всякой пазойливости...

Они распрощались. Он не заметил ни раздражения, ни недовольства у нее, напротив, он ушел с уверенностью, что ей даже понравилось, что он ревнует.

Курбатов принялся за изучение дома, что стоял напротив ее особняка. И очень скоро установил, что в трехэтажном с меблированными комнатами доме можно снять комнату с окнами на ее особняк, не объясняя хозяину, кто он и откуда. Пришлось дать отступного одной семейке, и комната в три окна перешла в его распоряжение. Отсюда просматривался каждый входящий в дом пани Зоси.

Наблюдение за теми, кто ее посещает, было обеспечено. Курбатов взял в штабе недельный отпуск, занялся документами, которые ее интересовали. Как же быть, если она, получив от него посылку, выйдет и уедет из дому? Контакт с шофером? Это и опасно, и ненадежно. Она часто сама водила автомобиль. Пришлось и Курбатову взять напрокат «адлер» с открывающимся верхом, полуспортивную, довольно быстроходную машину. Поставил ее во дворе дома, где снял квартиру. Можно и начинать...

Вечером он принес посылку. Только вышел из дому, услышал, как распахнулись ворота ее гаража. Сверкнули фары «испано-сюизы», машина вырвалась из ворот и, набрав скорость, пошла к центру города. Он поехал за ней.

Улицы были плохо освещены, но он не включил фар, ориентируясь по огням «испано-сюизы».

Так быстро, такое нетерпение! Нет, этот выезд не случайность и не совпадение! Что-то за этим кроется!

Машина миновала центр города, аристократические кварталы и остановилась возле невзрачного на вид дома.

Пани Зося вышла на тротуар, оглянулась и исчезла в темном подъезде. Идти за ней было бы полнейшим безрассудством. Курбатов проехал мимо и поставил машину во дворе соседнего дома.

Ждать пришлось около четверти часа. Она вышла, села в машину и вернулась домой.

Отвезла, стало быть, посылку. Отвезла... Что же теперь? Проверить, кто живет в подъезде этого дома? Рано... Надо установить, повторятся ли эти визиты, тогда и выяснить, кто хозяин квартиры.

Поставив во дворе машину, Курбатов поднялся к себе на третий этаж и расположился у окна. Надо было теперь увидеть всех посетителей.

Ночь прошла спокойно. Она никуда больше не выезжала, к ней никто не приезжал.

Утром вышла служанка из дому. Как и обычно, в магазины

и на рынок. Прошел повар. Начал свой рабочий день дворник. В одиннадцать утра могли начаться визиты. Начались. Приходили и уходили ее знакомые. Все те же лица, которые посещали ее довольно часто и уже состояли у Курбатова в списке. Три дня Курбатов не покидал своего поста, только дважды навещавшись к пани Зосе. Она никуда не выезжала...

На третий день, тоже вечером, он передал ей очередную информацию и, выйдя из дому, сразу же сел в машину и помчался к тому дому, куда она ездила на «испано-сюизе»... Спрятал машину и затаился в темном подъезде. На этот раз она не сразу приехала, он уже начал беспокоиться, не поспешил ли он.

Приехала! Стукнула дверца машины. По мостовой мелкие, торопливые шаги. Она вошла в подъезд. Шаги по лестнице. На втором этаже горела лампочка. Поднялась до третьего этажа. В пролет, из-под лестницы, Курбатов увидел, что она вошла в дверь на левой стороне площадки. Он вышел из подъезда и уехал.

Опять наблюдательный пост в окнах.

Наутро все та же история. Служанка вышла в магазины и на рынок, пришел повар, дворник подметал дорожки в саду, в одиннадцать утра начались визиты... Разные люди. И вот повторение. В тот раз появился ее добрый знакомый, атташе английского посольства. Появился он и в этот раз, причем в то самое время, когда все визитеры ушли от нее. Неужели все так просто? Курбатов не хотел верить в такую простоту. Через десять дней он проверил операцию. И в третий раз она поехала в тот самый дом, куда ездила первые два раза, а утром навестил ее английский атташе.

Совпали две точки, два адреса, куда она могла передавать его посылки: немецкий и английский. Но он же отдавал ей фотокопии с секретных документов лишь в одном экземпляре. Стало быть, в том доме на третьем этаже кто-то делал еще раз фотокопию. Кто-то — это, скорее всего, агент Кольберга.

Все просто! Но все же простота эта лежала в области предположений. Ни в одном пункте он ничего проверить не имел возможности.

На третьем этаже дома, куда она ездила, жил дамский портной, немец. Там же размещалась и его мастерская.

Встреча с дипломатом — обычная светская встреча. В случае провала Курбатова и пани Ежельской все падет на английского атташе. Кольберг оставался в стороне.

Время шло. Курбатов делал копии со всех документов, на которых стоял гриф «секретно». Вскоре обозначился интерес тех лиц, что стояли за пани Ежельской. Она попросила его обратить особое внимание на документы, в которых рассматривались бы возможности пропуска Красной Армии через Польшу, если возникнет у Германии конфликт с Чехословакией. Есть ли какие-либо документы, касающиеся этой проблемы?

Курбатов отлично понимал, что этот вопрос подсказан пани Ежельской или Кольбергом, или его агентом, ей такого рода политические тонкости были недоступны. Именно этот вопрос относится к самым острым, из тех, которые дебатировались в верховном командовании, понимал, что стоит за этим вопросом. Гитлер не очень скрывал, что готовится к решению вопроса о судетских немцах. Если польское правительство изъявило бы готовность в случае военного конфликта Германии с Чехословакией пропустить Красную Армию через Польшу, то Гитлер встретился бы со значительными трудностями. Вопрос этот был опасен. Ответ на него вооружил бы Гитлера. Но Гитлер и без него, без Курбатова, мог бы получить такого рода информацию. Стало быть, там, в Германии, уже знают, что такой вопрос обсуждается.

Вторжение в Чехословакию? Дело это, конечно, не близкое, но Курбатов знал, что такого рода операции планируются военными штабами за несколько лет до их начала.

Отмолчаться? Сказать, что в его руки такого документа не попадало? А если его перепроверят? Тогда он навлечет на себя подозрения... Надо ответить правду. А правда опасна...

Курбатов решил, что настал час обратиться к людям Дзержинского. Только они могли помочь ему распутать затянувшийся узел.

Тогда-то он и написал письмо Проворову. Долго искал возможности переправить его в Советский Союз. Не сразу, но нашел. Письмо ушло надежным путем, минуя всевозможные цензурные рогатки.

Пани Ежельская между тем торопила со своим запросом.

— Мне известно, Владлен, — сказала она ему, — что у вас в штабе есть документы, которые меня интересуют... Известно, что они доступны вам...

Намек прозрачный. Тянуть больше нельзя.

Вопрос, интересовавший пани Ежелскую, находился в процессе рассмотрения. Разрабатывались несколько вариантов. Один из вариантов, пожалуй наиболее популярный, предусматривал совместно с германской армией возможность вторжения в Советский Союз. Политические цели не интересовали операторов штаба. Разработки носили чисто военный характер. В одном из вариантов предусматривалась возможность нападения Германии на Польшу. В этом направлении велись оперативные разработки довольно тщательно, основной упор делался на вступление в войну Франции и Англии, рассчитывалось, что Германия сразу окажется между двумя фронтами. Третий вариант умер, не родившись. По линии военной разведки пришел документ, в котором говорилось об активизации немецкой националистической пропаганды в Судетах. Высказывалось предположение, что Гитлер предпримет отторжение Судетской области с помощью вооруженных сил, как это он уже проделал с Эльзасом и Лотарингией. В правительство из штаба последовал запрос, рассматривать

ли возможность открытия границ для прохода Красной Армии через польскую территорию на помощь Чехословакии. Последовал ответ — такой возможности не рассматривать.

Документы перевернуть Курбатов не мог. Единственно, что он считал возможным сделать, это указать от себя, что это решение не окончательное, что за пропуск Красной Армии через Польшу высказываются многие высшие офицеры. Правда, такого рода высказываний он не слышал. Но кто это мог бы проверить!

День как день. Обычный и ничем не примечательный. Дожливый день переходного времени от осени к зиме. На улице слякоть, холодный, пронизывающий ветер. Но никто еще не надел зимних пальто. Люди зябко жмутся, спешат, наклонив низко головы, пряча лица от ветра и дождя, падающего вперемешку с мокрым снегом. Тоскливо тянется время. Курбатов каждые полчаса проверяет, не остановились ли часы.

Медленно, медленно движется минутная стрелка, отсчитывая последние часы до встречи.

Погода, конечно, не очень пригодная для прогулки, но прогулка — дело любительское...

И вот он в парке. Темнеет. Редкие прохожие в голых аллеях. Курбатов отсчитывает лавочки. Около седьмой...

На ней кто-то сидит. Кто? Не тот ли человек, с которым назначена встреча?

Одежда? Почти ничего нельзя сказать об его одежде. Без особых примет. Так мог одеваться мастеровой, конторский служащий, клерк из банка. Невысок ростом, что-то знакомое в его плотной фигуре.

Ближе, ближе... Теперь видно и лицо. Неужели? Постарел, погрузнел даже, но не изменились черты лица. Сколько же прошло лет? Но он не мог забыть этого лица. Не мог забыть и тихого, с характерным сибирским говорком голоса.

— Здравствуй, Владислав Павлович!

Курбатов опустил на скамейку.

— Здравствуй, Михаил Иванович! — ответил он почти шепотом.

Проворов пристально смотрел в глаза Курбатову, ласково смотрел. Несколько насмешливым замечанием остановил его излияния:

— Мы навели справки... Офицер, на виду, полное, казалось бы, благополучие. И письмо... Беда случилась?

Холодноватость Проворова испугала Курбатова, но только на первое мгновение. Приехал. Приехал же.

— Беда? — переспросил Курбатов. — Нет! Беды нет... Я ждал весточки от ваших и не дождался.

— Разве вам не передали, что вы можете вернуться в Россию?

Курбатов сокрушенно покачал головой.

— Вернуться? Когда? Как? Там, в Сибири, меня сторожил Ставцев... Наверное, не только он. Кольберг имел на меня свои виды... Потом война... Кольберг запрятал меня в штаб... Контролировался каждый мой шаг... Я даже искал проходы через границу... Меня сторожили... А потом... Потом — время! Моя жизнь уходила в сторону от вашей жизни... Я любовался Россией, но я и не знал ее и боялся. Зачем, кому я там нужен? Как бы я мог объяснить, почему я не вернулся сразу...

— Сейчас объясняете же.

— Это здесь, а не там. И я ждал, должен же был настать час, когда я вам стану нужен!

Курбатов замолчал. Пристально посмотрел на Проворова.

— Да, да... Я начинаю понимать, — сказал он с горечью в голосе. — Я оказался не нужен!

— Обиды в таких вещах не должно быть, — перебил его Проворов. — Мы никогда со своего места не видим, нужны ли мы или не нужны. — И вдруг Проворов перешел на «ты», сразу сбавив тон: — Обиду твою понимаю... Тебе было здесь тоскливо, одиноко... Я обязан опередить твой вопрос: Наташа жива. В Крутицах... Учительница... Вохрин, ее отец, переехал в Москву. С ним...

Проворов на секунду замолк. Он искоса поглядывал на Курбатов. Внимательно приглядывался. Да, в нем что-то осталось еще от того юноши, с которым они встретились в Москве в 1918 году. А в глазах скрытые слезы. Вокруг губ горькая складка. Он замер, он ждет, значит, дороги ему и Наташа, и люди, которых он оставил...

— С дедом живет твой сын. Назвали его Адешей... Я его видел.

Курбатов молчал, хотя Проворов говорил с долгими паузами.

— Видел... В дом к ним прийти я не мог... Я специально пошел в школу. Его вызвали к доске. Я слушал его ответы... Умный мальчик... Мне показали его рисунки. Талантливые рисунки...

— Почему он живет с дедом?

— Я понимаю твой вопрос. Мне не у кого было спросить об этом... Но я знаю, что Наташа не замужем...

— Спасибо, Михаил Иванович, за весточку. Сам я не решился бы спросить...

— Почему же?

— Это на всю жизнь рана в сердце... И безнадежная рана.

— Возвращайся.

Курбатов горько усмехнулся.

— Когда тебя нашел Кольберг?

— А он и не терял меня... Первый раз появился, когда еще война шла... Он свел меня с родней... Отсюда и карьера моя началась...

— Он что же, по старой памяти, за хорошие глаза?

— Нет! Он сам мне объяснил... Он считает, что я связан с

вами... Про побег все того же мнения... Вы его устроили, и все... Я отрицал. Он опять появился, когда меня по службе вперед пустили... И началось...

Курбатов рассказал Проворову о пани Ежелской и обо всем, что произошло после встречи ее с Кольбергом.

— Что же мне делать? Я ненавижу Кольберга. И без вас я дождался бы часа, чтобы рассчитаться с ним. Если бы я не видел возможности помочь вам, России, предостеречь хотя бы, я прекратил бы эту игру... Польша не сможет противостоять Гитлеру... Франция и Англия тешат себя мыслью, что их беда не коснется... Есть только одна сила, которая способна спасти Европу от уничтожения, спасти целые нации — это Россия! Они готовят удар по Чехословакии, а Польша пренебрегает интересами Чехословакии, лишь бы не пропустить Красную Армию... И Гитлер будет знать об этом решении. Я готов всем, чем только в силах, помочь.

Проворов приехал в Варшаву проверить, не ступил ли Курбатов на тропу войны с теми, кто когда-то ему однажды помог выбраться из лап Кольберга. Игры не было, Курбатову можно было верить, но положение, в которое он попал, было очень сложным.

Решили установить связь, посмотреть, как будут развиваться события, договорились и о возможной помощи, если создастся очень трудная обстановка. Проворов признал, что Курбатов может помочь вовремя переданным предостережением. Уже сами по себе вопросы, которые ставит перед ним Кольберг, раскрывают планы гитлеровцев. А это большое дело!

— С кольбергами, с фашистами ему не по пути, — объявил Проворов по приезде в Москву. — Ему можно верить.

— Все так, — ответил Дубровин. — Все логично. Но ностальгия, тоска по родине — вне логики. И он отказывается вернуться.

— Я это не так понял, Алексей Федорович! — возразил Проворов. — Он не терял надежды помочь нам, имея в виду схватку с Кольбергом. Он не хочет, чтобы на него пала хотя бы тень подозрения, что он не с нами... Для него там все чужие! Он сам мне сказал! Кто хотя бы один час в своей жизни был с революцией, тот ничего иного не примет! Все остальное — помещики, фабриканты, заводчики, аристократические привилегии — все и навсегда становится противоестественным.

— Не коммунист ли ваш старый друг, Михаил Иванович?

— Я понимаю вашу иронию, Алексей Федорович! Нет! Он не коммунист! Может быть, когда-нибудь к этому и придет... Принципы, провозглашенные социалистической революцией, он принимает.

— Итак, — прервал его Дубровин, — Ежелская работает на английскую и немецкую разведки... Интересно было бы знать, догадываются ли ее хозяева о ее двойной игре?

Проворов пожал плечами.

— Я думаю, — продолжал Дубровин, — английские интересы нам ближе... Мы могли бы кое-что подсказать англичанам. Удар фашистов по Чехословакии и Польше — это удар по интересам мира в Европе. Вопросы Курбатову немецкая разведка ставит серьезные...

— Да, но это бросит тень на Курбатова.

— Это привлечет к нему внимание английской разведки, а через него они схватят за руки Кольберга... И только. Ищите возможность вывести англичан на Кольберга.

5

Для Нагорцева путь в Париж оказался значительно длиннее, чем окольная дорога через Владивосток и Америку в Варшаву для Курбатова.

Сначала поход на Москву. Разъезды Деникина видели в бинокль Тулу. И вдруг все рухнуло под натиском Красной Армии, фронт развалился... Войска белых откатились на юг. Новороссийск... Вспоминая этот южный порт, Нагорцев холодел, так и не решив до конца, спасся он там или нашел свою погибель. Он один из немногих получил место на отходящих кораблях.

Развернувшись на рейде бортом к берегу, из орудий главного калибра бил по городу английский дредноут. С горы палила по кораблям артиллерия красных. Они не успели подтащить тяжелые орудия, иначе не ушел бы ни один корабль.

И началась одиссея потерявших родину и не нашедших взамен ничего... В Турции их интернировали и загнали в лагерь для эмигрантов. Тиф, голод, унижения и оскорбления. Ничего не осталось от понятий чести, все принципы были смыты и уничтожены. А потом пришел час задуматься, о чем никогда не задумывались люди его круга. Как заработать на пропитание? На большее и рассчитывать не приходилось. Не подохнуть бы под забором с голоду.

Все было. И почевка в стамбульских портовых притонах, и сутенерство, и ходил в порт таскать мешки, когда бастовали портовые рабочие. Повезло... Зацепился матросом на один торговый пароходик и перебрался во Францию.

Париж, город надежд эмигрантов. Офицерское общество, лига по объединению враждебных сил большевизму. Но лига не раскошелялась. Единственное, в чем помогла, — определиться на работу шофером такси. Работа за рулем не дала спать...

И вдруг судьба!

Возле биржи посадил он пожилого господина. Пассажир задымил дорогой сигарой и приказал ехать к немецкому консульству. Не доезжая квартала до консульства, затормозил, остановил машину и вышел, щедро рассчитавшись. Нагорцев медленно

поехал вдоль тротуара в поисках нового пассажира. Машинально оглянулся.

На черной коже заднего сиденья красное пятно объемистого бумажника.

Нагорцев живо оглядел улицу — пассажир исчез. Кто он? В консульство он приехал или в какой-либо дом по соседству? Немец? А может быть, не немец, а англичанин?

Опустил стекло шоферской кабинки, взял бумажник. Развернул. В бумажнике небольшая записная книжка. Начал ее листать. Записи на немецком языке. Нагорцев знал немецкий. Записи разные и странные. Денежные подсчеты, адреса и фамилии, краткие заметки. Характеристики, попадались имена известные. То на министра французского наткнулся, то на английского премьера, то на посла какой-то державы. И вдруг фамилия из давнего прошлого: Курбатов Владислав. Нагорцев решил разобраться во всех этих записях.

Записи сокращены. Скрыт в них какой-то особый и значительный смысл.

Дома приступил к расшифровке. Дописывал сокращенные слова. Потихоньку, не торопясь, подбираясь к записям, касающимся Курбатова. Установил, что Курбатов находится в Польше. «Это от Колчака-то!» — отметил про себя не без злорадства Нагорцев. Рядом с фамилией Курбатова шла польская фамилия, но сокращенная. Можно было прочитать только три буквы «Еж-я». Прокопавшись несколько часов, Нагорцев восстановил текст: «Курбатов приносит из штаба нужные бумаги пани Еж-й, она встречается с британским военным атташе. Не установил ли британский военный атташе, что до его встречи с ним Еж-я встречается с нашим? Проверить».

Если бы в книжечке была только эта запись, Нагорцев ее не расшифровал бы. Но такого рода записей было немало. Некоторые велись даже и без сокращений. Уловив общее направление записей, Нагорцев расшифровал запись о Курбатове по аналогии. Оставалось лишь утвердиться в предположении, что речь шла именно о том Курбатове, с которым он бежал с Лубянки... Совпадали имя и фамилия... Штаб — это место службы офицеров. Но почему же польский штаб? А впрочем, даже если это и не тот Курбатов, а какой-то другой? Что это меняло? Запись была интересна прежде всего английской разведке. Продать бы это англичанам за хорошие деньги!

Нагорцев выждал несколько дней. Ждал, не обратится ли к владельцам такси пассажир, потерявший бумажник. Но человек не торопился разыскивать свою книжечку...

Нагорцев направился в английское посольство и попросил свидания с военным атташе.

Сэр Галлоуэй принял Нагорцева не только холодно, но и с оттенком презрения. Он был в ранге полковника и замечал военного атташе. Сэр Галлоуэй не предложил ему сесть. И сам стоял, подчеркивая, что не намерен затягивать аудиенцию. На-

до было или уйти, или одернуть этого надменного джентльмена.

Нагорцев вдруг усмехнулся. Как равный, с вызовом. У полковника вопросительно шевельнулась бровь. Разговор они вели на французском.

— Я понимаю... — начал Нагорцев. — Вам досаждают мои несчастные соотечественники... Несчастье утомительно... и для тех, кто смотрит со стороны. Однако не беспокойтесь, сэр. Я не проситель. Унизительно было бы выступать в роли просителей у тех, кого спасали наши русские солдатики.

Сэр Галлоуэй слушал, ничем не показывая своего отношения к вступлению Нагорцева.

— Я помню, как из Лондона торопили наших солдат с наступлением... Лишь бы отвлекли мы своим ударом немецкие войска от Парижа... Мы исполнили не однажды наш союзнический долг...

— Вы просили принять вас, чтобы сообщить именно это? — перебил он Нагорцева.

— Нет, я пришел продать вам некоторые небезынтересные...

— Старинные бриллианты, картины, мебель?

— Нет! Секреты вашей разведки!

— Вы уверены в этом?

— Я офицер, сэр! Я знаю, что это стоит денег!

Сэр Галлоуэй пригласил Нагорцева сесть. Достал сигару, протянул ящик с сигарами Нагорцеву. Нагорцев отказался.

— Я весь внимание! — заметил Галлоуэй.

— Скажем так, — начал Нагорцев. — В какой-то стране английский военный атташе имеет своего агента...

Нагорцев небрежно развалился в кресле. Пауза затянулась. Галлоуэй терпеливо молчал.

— Итак, английский военный атташе имеет своего осведомителя... Этот осведомитель передает важные тайны военного характера из военного штаба... Все идет, казалось бы, обычным порядком... Но агент английский, оказывается, еще ранее был немецким агентом... Тоже довольно банальная ситуация. Не правда ли?

Галлоуэй сохранял бесстрастное спокойствие. Ответил ровным голосом:

— Я предпочел бы воздержаться от каких-либо оценок вашего сообщения... Что же дальше?

— Немцы каким-то образом получают сообщение, что их агент работает на англичан... И на них, и на англичан... Намечена проверка этих обстоятельств...

— И вы привлечены для этой проверки? — спросил с усмешкой Галлоуэй.

— Нет, не я!

— Вам стало известно об этих планах немецкой разведки стороной?

— Стало известно. И я имею доказательства... Сколько будет стоить уточнение ситуации?

— Вы беретесь уточнить?

— Зачем же? Мне известны все необходимые детали...

— Вы плохо осведомлены о работе разведок, господин... Нагорцев. Почему вы думаете, что мы ничего не знаем о вашем мифическом агенте? Мы наверное знаем, что он сотрудничает и с нами, и с немцами... Стало быть, ваше уточнение ничего не стоит...

Нагорцев встал и с достоинством поклонился.

— Вы офицер и я офицер! Не я властвую над обстоятельствами, обстоятельства властвуют надо мной... Я считал бы унижением для себя всякую торговлю в дни своего благополучия... Но и в черные дни я не дошел до точки, когда торгуют воздухом... Не дай вам бог в моих обстоятельствах продавать воздух.

У двери Галлоуэй остановил Нагорцева:

— Не спешите. В традициях моей страны торговые сделки заключать основательно. Я еще не видел товара.

— Ускользающий товар. Лишь покажи — и купец уже может не платить...

— Как вы сами оцениваете свой товар?

— Я хотел бы перебраться в Лондон. В Лондоне мне хотелось бы приобрести небольшое дело... Скажем, гараж... для стошки автомобилей с мастерской...

Запрос был не очень велик. Но сам он, не снесясь с Лондоном, не мог ничего предпринять и даже проверить, что ему предлагают.

— О какой стране идет речь? Это вы, по крайней мере, могли бы мне открыть? — спросил он.

Нагорцев с наигранным благодушием рассмеялся:

— Товар против чека...

— Вам придется ехать в Лондон.

— За ваш счет.

В Лондоне в одном из отелей Нагорцева приняли двое. Они пришли на встречу в штатском. Держались предупредительно, но сразу потребовали у Нагорцева документы. Нагорцев объяснил, что документы он оставил в Париже, но может сообщить детали.

Один из них выписал чек и положил его перед Нагорцевым.

— Польша! — молвил Нагорцев.

Офицеры переглянулись.

— Варшава... — продолжал Нагорцев. — Военный атташе... Кто-нибудь из вас, господа, имеет отношение к Польше?

Ему не ответили.

— Дальше! — приказал тот, что выписывал чек.

— Курбатов... Владислав Курбатов... Офицер в польском штабе.

Один из офицеров на некоторое время отлучился. Вернулся и заметил:

— Странно, но вы сказали правду, господин Нагорцев. Такой офицер служит в польских войсках... Дальше?

— Через пани...

Нагорцев заикнулся. Выписал на листочке бумаги три буквы.

— Через пани, имя которой начинается этими буквами, Курбатов передает секретные данные вашему атташе... Но пани служит и немцам... Сначала она передает данные от Курбатова немецкому агенту, затем — вашему атташе...

Один из офицеров уехал, другой остался с Нагорцевым в номере.

Оба молчали. Все попытки Нагорцева завести разговор ни к чему не привели. Нагорцев задремал.

Офицер вернулся не один. Нагорцев понял, что говорить с ним будет настоящий хозяин.

Господин уточнил, каким образом Нагорцев получил эти сведения. Нагорцев рассказал о своей находке. Чек оставили ему, посоветовали из отеля никуда не выходить и ждать ответа.

Нагорцев мучился всю ночь сомнениями, не продешевил ли, а его британские партнеры не спали ночь, размышляя, как замуфлировать провал... В Польшу отбыл нарочный, нарочный отбыл в Париж за красным бумажником по адресу, указанному Нагорцевым.

Случайностей в таких делах не бывает. Информации Курбатова стояли в ряду важнейших о состоянии вооруженных сил в Европе. Удалось проверить, что Курбатов действительно связан с военным атташе через Ежелскую. Могло быть правдой и то, что Англия получала информацию после немцев. На Кольберга у англичан имелось довольно обширное досье еще со времен петроградского периода деятельности Локкарта.

Кольберг не был агентом Локкарта. Он выступал как его союзник, не скрывая, что действует в интересах немецкой военной разведки и контрреволюционных группировок в России. Кольберг известил Локкарта о группе Шеврова — Курбатова и о задачах, которые получала его группа. В донесении Локкарта и была пометка, что Курбатов имеет влиятельных родственников в Польше.

Сообщение Нагорцева получило косвенное подтверждение. Записная книжка была изучена тщательнейшим образом. Все сошлось. Нагорцеву разрешили остаться в Лондоне. Несколькими днями позже в Варшаве начались события...

Курбатов вдруг получил довольно конкретный запрос от Ежелской. Он подобрал документы, о которых шла речь, снял с них копии и принес ей. Как всегда, пани Ежелская тут же поехала к дамскому портному. Навестив его, вернулась домой.

Лишь только ее машина свернула с улицы портного, из

подъезда выпли темные тени. Быстро поднялись на третий этаж, не звонили, сработала отмычка. В прихожую вошли в масках. Резким движением портной был притиснут к стене. Ловкие руки пробежали по его карманам, скользнули по его телу, ощупывая каждую складку одежды, на руках защелкнулись наручники.

Жены у портного не было. Быстро обыскали мастерскую. Обнаружили фотоустановку для снятия копий с документов, проявили пластинки. Все сошлось. Документы Курбатова переснимались до того, как попадали к англичанам.

У портного сдержанно поинтересовались, что он предпочел бы: военный трибунал и приговор за шпионаж или сотрудничество с английским агентом. Выбора не было. Портной раскрыл все свои связи, назвал Кольберга.

Связной Проворова предупредил Курбатова, что, если операция примет нежелательное направление, ему немедленно надо будет скрыться. Выехать из Варшавы по назначенному адресу и с помощью подготовленных проводников перейти границу. Пока операция шла по намеченному плану, без отклонений.

В Лондоне между тем размышляли, как использовать сложившуюся ситуацию. Агент-двойник. Такая ли уж это редкость? Сами по себе и Курбатов и Ежелская потеряли интерес для Интеллидженс сервис. Напрашивалось самое простое решение. Отказаться от сотрудничества с Ежелской. Постепенно все и угасло бы... Курбатова при этом варианте не стоило касаться. Он мог и не знать о связях Ежелской с английской разведкой. Но Кольберг! Это немецкая военная разведка, это интересно и перспективно, учитывая, что Германия перевооружается.

Сэр... назовем его здесь сэр Рамсей, уединился от советчиков и утопил свой служебный кабинет в сизом сигарном дыму. Редко с ним случалось, чтобы за полдня он выкурил столько сигар.

Нужен или не нужен Кольберг? А если нужен, то как его взять, как обратить на пользу дела? Выманить его в Варшаву... Через пани Ежелскую. В Варшаве встретиться с ним и дать понять, что он может быть передан в руки польских военных властей, если не согласится сотрудничать.

Вариант возможный, но... Кто заставит Кольберга работать на совесть? Он согласится. Оставит любые гарантии, а вернувшись в Германию, доложится по началству. Или начнется с ним игра на равных, или и игры не будет...

«Что побудило бы Кольберга поступить именно так? — рассуждал про себя сэр Рамсей. — Германия на подъеме! На военном подъеме. Германия, преодолев экономический кризис с помощью военного демпинга, семимильными шагами устремилась к реваншу. Когда-то там, в будущем, где-то впереди, придется еще переводить стрелку этого бронепоезда, чтобы он устремился на восток, и только на восток, но сегодня, сейчас все те, кто готовил многие годы реванш, рассчитывают на нечто свое, и значительно большее, чем можно дать агенту любого разряда. Коль-

берг один из тех, кто готовил реванш, когда о Гитлере знали лишь завсегдатаи мюнхенской пивной, да и то не все... Нет, Кольберга так легко не возьмешь.

Выдать его польским властям? Что в том толку? Всплывет история с Ежельской, все это может проникнуть в печать... Не годится. А главное, навсегда будет утеряна возможность заставить Кольберга работать на английскую разведку.

И так ли уж страшна польская контрразведка для Кольберга? Всегда возможен обмен, а если и суд, то для разведчика его класса это своего рода завершение карьеры без потери чести.

Кольберг может всерьез испугаться только своих, только в том случае, если он перед своими окажется в тяжком и необъяснимом положении. Такая ситуация возможна только в Германии.

Скажем так: на территории Германии на протяжении нескольких лет действует английский агент. Немецкая контрразведка знает о действиях этого агента. Агент действует под ее контролем, его направляются его действия. Направляет этого агента и ведет его Кольберг. На самом же деле в действиях этого агента два плана. Один план контролируется Кольбергом, а другой план скрыт от Кольберга. Под прикрытием Кольберга при его прямом содействии агент должен провести несколько серьезных операций. В результате окажется, что Кольберг, контролируя агента, на деле ему помогал... В таком случае Кольберг оказывается в ложном положении, перед ним можно будет поставить дилемму: сотрудничество или немецкий военный трибунал. В этом плане мог быть интересен и Курбатов. Но не в Польше...»

6

У Курбатова появился связной. Он сразу почувствовал опытную руку, словно бы вновь с ним был рядом Михаил Иванович Проворов.

Связной объяснил суть задуманной Дубровиным операции. Навести на Курбатова английскую разведку. Через него на след Кольберга... Посмотреть, не заинтересует ли фигура Кольберга англичан? Если заинтересует, посмотреть, что из этого получится.

Связной подготовил Курбатову и побег, на тот случай, если англичане предприняли бы демарш по раскрытию агентуры Кольберга. Бежать не пришлось. Поступило сообщение, что англичане пока удовлетворились перевербовкой дамского портного...

Однако на этом не должна была кончиться начавшаяся погоня англичан за Кольбергом. Курбатову советовали держаться настороже. Пока англичане не сделали следующего шага, спокойным быть нельзя.

Наконец связной предупредил. Из Лондона в Варшаву прибыл сэр Рамсей... Прибыл инкогнито, но польская контрразведка

заметила его. Из деликатности не беспокоит его и даже не ведет за ним наблюдения. Получил и Курбатов сообщение днем позже о приезде Рамсея по служебным каналам в штабе. Его коллеги по контрразведке насторожили высших офицеров штаба, предупредив, что Рамсей мог приехать с каким-то заданием, связанным с вооружением Польши.

Далее связной сообщил, что прошла встреча портного и сэра Рамсея. Предупредил, что пани Ежельская может устроить ему встречу с английским разведчиком.

— Будут спрашивать о Кольберге... Могут знать о ваших связях с Кольбергом в Петрограде... — пояснял обстановку связной. — Могут знать и о побеге с Лубянки... Самое лучшее, ничего не присочинять из ваших отношений с Кольбергом... Если они перетянут Кольберга на свою сторону, вы окажетесь в лучшем положении, чем Кольберг... Но не надо и все сразу открывать... Пусть они открывают свои карты, за ними первые ходы... Приготовьтесь убедительно объяснить, почему вы не согласились работать на Кольберга до пани Ежельской... Здесь правда не нужна, по правдоподобию нужно.

— Я ненавижу Кольберга за то, что он жандарм! Этого для них достаточно.

— Может быть... Смотрите сами... О связях пани Ежельской с английской разведкой вы ничего не знаете. Здесь надо стоять насмерть и до конца! Только в этом ваше спасение. Если они узнают, что вам известно о ее связях с английской разведкой, — катастрофа.

Связной считал, что предложение о встрече с Рамсеем поступит через Ежельскую. Но англичане отключили пани Зосю.

Как-то под вечер Курбатов шел из штаба домой пешком. Его встретил связной, остановил, попросив прикурить. Пока Курбатов шарил в кармане в поисках спичек, связной успел шепнуть:

— Вас ждут на квартире! Рамсей и еще один... Спичек не надо. Я подойду за огоньком к тому, кто за вами ведет наблюдение.

Курбатов, обшарил карманы и, извиняясь, развел руками. Связной пошел дальше. Остановил прохожего. Курбатов, скосив глаза, посмотрел, у кого прикуривал связной.

Вот она, встреча, что должна определить на ближайшие годы его судьбу. Но о годах потом. Как вести эту встречу? Он же не знает, что его ждут гости на квартире. Стало быть, он должен разыграть удивление... Удивление? Только ли? Отвечает ли оно ситуации? Офицер генерального штаба возвращается домой, а у него неизвестные лица. Что за лица? Грабители, сыщики... Кто они? По какому явились праву?

Да, но они-то знают, что не все чисто у хозяина этой квартиры. Он передает пани Ежельской документы секретного характера. Не может он не опасаться всяческих сюрпризов, даже и у себя на квартире.

Как же он должен реагировать на этот визит? Не удивиться, а испугаться и попытаться скрыть страх.

А что же должно последовать за испугом? Какое действие должна продиктовать ему опасность разоблачения? Он мог предположить, что за ним пришли из польской контрразведки... Сопротивление? В какой форме?

Нет! Если для полной убедительности, то мгновенное удивление, мгновенный испуг, короткая пауза для накопления зрительных впечатлений и оценки обстановки и действия. Нападение на гостей, оружие в руках.

Курбатов повернул ключ в замке и вошел.

Зимний день короток. В квартире темно. Отступая от выключателя, чтобы не сразу его заметили, он включил свет. Перед ним две фигуры. Сразу, мгновенно он оценил каждую из них. Угадал сэра Рамсея по бесстрастному, породистому лицу. Его помощник самодовольно улыбался. Курбатов отступил к стене.

— Здравствуйте, господин Курбатов! — произнес помощник Рамсея.

Курбатов выхватил пистолет, самодовольство слетело с лица гостя. Не отводя от них пистолета, Курбатов тихо приказал:

— Лечь!

Помощник Рамсея повалился как сноп.

— Ну! — прикрикнул Курбатов на сэра Рамсея.

Сэр Рамсей покорно опустился на колени и лег.

Курбатов обшарил карманы помощника Рамсея, вытащил пистолет и связку ключей.

А внутренний голос твердил: «Нельзя переигрывать, надо дать им послабление».

Осматривая прихожую, Курбатов повернулся спиной к своим визитерам. Он ожидал нападения и все же должен был отметить, что сделано оно было профессионально. Он получил искусную подсечку, в то же мгновение из руки у него был вырван пистолет. Теперь он лежал на полу, под прицелом подручного сэра Рамсея.

Не торопясь поднялся и сэр Рамсей.

— Мне нравится ваша решительность, господин Курбатов! — процедил сквозь зубы сэр Рамсей. И тут же добавил после намекающей паузы: — Если, конечно, вас никто не предупредил о нашем визите...

Проще всего было разыграть удивление, ото всего отпереться, по само замечание сэра Рамсея обнаруживало, что это противник далеко не заурядный.

Курбатов тоже не торопясь поднялся на ноги.

— Лежать! — прикрикнул подручный.

Однако Курбатов не обратил внимания на его окрик. Он был уверен, что выстрела не последует — не для этого сэр Рамсей явился к нему на квартиру.

Курбатов отряхнул полы шинели и сдержанно поклонился.

— Прошу извинить, сэр Рамсей! Я не предполагал, что это вы

оказали честь моему дому. Если бы я догадался, что это вы, я был бы более вежлив.

— Это я должен принести извинения! Итак, вы предупреждены. Кто же вас предупредил? Откуда вам известно мое имя?

— Сэр Рамсей, мои слова вы истолковали произвольно. О вашем визите предупреждены офицеры штаба... Вас я у себя не ждал!

Тон холодноватый, лицо бесстрастно, но все это уже испытал Курбатов и с Кольбергом. Старая школа! Маска невыразительности.

— Не предполагал, что ваши настолько осведомлены, — продолжал сэр Рамсей. — Однако перейдем к делу. Меня радует ваша откровенность.

— Только при полной взаимности.

— А-а-а! Понимаю. Вы хотите вести дело на равных?

— Я не сказал, что я хочу вести дело. Я просто подчеркнул наше с вами равенство. Я имею в виду равенство положений, в котором мы оказались.

— Зачем это вам подчеркивать? — живо спросил сэр Рамсей.

— А зачем вы ко мне пожаловали?

— Достаточно. Признаю за вами человека дела. Ваша решительность приводит меня в восторг. Я говорю без прописи.

— С тех пор как я познакомился с пани Ежельской, я готов к любым неожиданностям.

Тут же последовал мгновенный вопрос:

— Она вас, конечно, поставила в известность о нашей с ней дружбе?

— Я влюблен в пани, но она не терпит ревности. Я никогда не интересуюсь ее дружескими связями...

— Но это в некотором смысле и деловые связи, — отпарировал сэр Рамсей.

— К сожалению, я этого не знал. Я с величайшим удовольствием одурачил бы господина Кольберга. Одному мне это сделать не под силу.

— Вот как! А мы считали Кольберга вашим другом и наставником...

— Кольберга я ненавижу.

Сэр Рамсей ежесекундно подставлял Курбатову капканы, а тот шагал мимо них, как будто их и не было.

Сэру Рамсею понадобилась пауза для нового захода или, может быть, для изменения всего стиля разговора.

— Вы очень любезны, господин Курбатов. Но мне кажется, что прихожая не очень удобное место для деловой беседы. Мы даже и не представились друг другу.

— Об этом без нас постарались. Я узнал вас, сэр Рамсей, и вы не ошиблись.

Рамсей сдержанно поклонился.

Курбатов повел гостей в свой кабинет. Сэр Рамсей сделал знак рукой своему спутнику, и они остались наедине.

— Любить или ненавидеть человека можно, только очень хорошо его зная, — заметил сэр Рамсей.

Курбатов отметил умение Рамсея поставить вопрос. Он как бы констатировал, что Кольберг для него, для Курбатова, лицо известное. Закладывал отправные точки для главного. Ничего. Еще и не такое готовил ему Курбатов.

— Я его очень хорошо знаю... Знакомство с ним мне чуть было не стоило жизни... Позора стоило.

— Очень интересно, — отозвался сэр Рамсей. — Очень интересно.

— Вначале я его воспринимал как наставника, даже как учителя. Его роль рисовалась мне в некотором роде романтической... Некоторую таинственность, правда, я принял за романтику по молодости...

— Это было давно?

— В Петрограде... Меня ему представили, тогда подпоручика, жаждущего спасти Россию от большевиков... Его мне не представили и даже имени не назвали. Это и создало в моих глазах для него ореол то ли славы, то ли романтики... Я верил, что он меня направит спасти Россию. Готовилось восстание в Москве... Меня берегли для террористического акта...

Темнело. Но Курбатов не зажигал света. Рамсей молчал. Наступила самая ответственная минута — или они расстанутся врагами, или...

Сэр Рамсей тихо спросил:

— Вы офицер... Вы отдаете отчет, как квалифицируется ваша деятельность и деятельность пани Ежельской?

— Моя жизнь давно сместилась в необычную плоскость. Я родился в России, и я потерял родину... Я хотел служить справедливости — меня предал жандарм... На что я мог рассчитывать в этой стране? К чему пришли эмигранты? Мне помогла пани Ежельская... Пани Ежельская на грани разорения... Теперь я помогаю ей. Что стоит моя жизнь? Я ненавижу Кольберга, мне далеки современные идеалы его соотечественников... Но я и не верю, что здесь, у нас, в Польше, готовы оказать сопротивление домогательствам Гитлера. Я предпочитаю в этой обстановке думать об интересах пани Ежельской.

— О да! Я вас понимаю... Обычно такого рода действия, которые предприняла пани Ежельская, наказываются. Нам не хотелось бы губить столь очаровательную женщину... У нас возник к вам интерес... Вы откровенны... Я понимаю ваши чувства к Кольбергу... Могу я считать, что вы согласны сотрудничать с нами?

— Это меня больше устраивает, чем сотрудничество с Кольбергом...

— Но я хотел бы заметить, — мягкие нотки в голосе сэра Рамсея исчезли, — мы не будем столь снисходительны к вам, как к пани Ежельской.

— И это меня устраивает,

Сэр Рамсей встал. Окончил сдержанно:

— Мы поразмыслим. Прошу вас на некоторое время прекратить всякие передачи.

7

Четвертый раз кряду сошелся пасьянс. Сэр Рамсей порадовался. Он считал это отличным признаком. Он в форме и способен принять лучшее решение. Успокоены нервы, легко дышится, даже нет желания глотать сигарный дым. Окна в номере приоткрыты, ночью вызвездило, и ветер угнал дневной смрад.

Здесь, в Варшаве, ни Ежельская, ни Курбатов им больше не нужны. Цена информации из рук Курбатова не перетягивала на чаше весов опасности разоблачения всего этого узелка. Но цепочку Курбатов — Кольберг очень не хотелось рвать. Редкое сочетание! Удача!

Кольбергу можно деликатно, осторожно подсказать, что пани Ежельская, а через нее и Курбатов работают на английскую разведку. Курбатова надо будет с помощью высоких связей пани Ежельской направить в Германию на военно-дипломатическую работу. Там Курбатов будет интересен Кольбергу уже не как польский офицер, а как английский агент. Кольберг не упустит случая через английского агента затеять игру с английской разведкой. Кольберг будет передавать Курбатову дезинформацию. Это уже выигрыш. Заранее зная, что противником передается дезинформация, путем анализа можно установить, что пытаются скрыть, на каких направлениях строят обман.

Но это только первая часть выигрыша. В этой комбинации можно запутать и самого Кольберга. Делается это просто. Кольберг передает Курбатову дезинформацию. Передача подменяется фактической информацией по тому же вопросу. Несколько таких подмен, и до сведения Кольберга доводится, что английская разведка через Курбатова от Кольберга получила не дезинформацию, а правильные сведения секретного характера. И у Кольберга нет выхода! Остается одно — работать на английскую разведку. Он никак не оправдается перед своими руководителями, никак не отведет от себя обвинения в измене, ибо сам Курбатов не будет иметь доступа к тем материалам, которые будут переданы.

Сэр Рамсей смешал колоды карт и закурил сигару. Выстраивалась заманчивая операция. С этим он и уехал в Лондон. А некоторое время спустя Курбатов, к великому своему удивлению, получил предложение выехать в Берлин на работу в аппарате военного атташе.

Берлин в то время был заманчивым городом для офицера из аппарата военного атташе. К Германии были прикованы взгляды всех штабов мира. Для офицера с дипломатическим паспортом почти никакого риска в работе, на крайность объявление персоной нон грата, а вместе с тем — шансы выдвигаться и сде-

даться заметным человеком. Курбатова поздравляли; кто радовался, а кто и завидовал... Никто не воспринял это как отличие по службе, объясняли эту неожиданность влиянием его могущественной родни...

8

— Свершилось? — спросил Проворов у Дубровина, читавшего очередное донесение от Курбатова.

— Да-а! — протянул Дубровин. — Похоже — свершилось... Они свели наконецники вольтовой дуги...

— Между контактами должен вспыхнуть огонь и зажечься яркий свет! Теперь надо будет точно направить пучок этого света.

— Курбатов работает на англичан и на немцев, они схватились на этой точке! Кому дать выиграть в этой игре? Кольбергу или Рамсею?

— Разве в этом вопрос? — откликнулся тут же Проворов. — При любых условиях — выиграть должны мы!

9

Сборы, проводы, прощания — все смешалось. Курбатов не спал последние две ночи перед отъездом. Тронулся поезд в ночь, в снежный туман. Курбатов лег спать и проснулся утром на подъезде к Берлину. Выглянул в окно и усмехнулся.

В России огромные, нетронутые леса подступали вплотную к железной дороге, в них легко заблудиться.

Здесь сосновый лес построен как на параде. Ствол к стволу, словно могучая рука пропальывала недомерки, словно по макушкам сосен или березок прошлась газонокосилка.

Первое, что ему бросилось в глаза еще на вокзале и на при вокзальной площади, — это самодовольство.

На вокзале попадались навстречу патрули в коротких пальто, похожих на куртки, с повязками на рукавах — на белом поле свастика.

В первые же минуты на улицах Берлина Курбатов понял, что положение значительно серьезней, чем представлялось в Варшаве, что над Европой нависла страшная угроза.

Об этом ему сказал посол:

— Там, в Варшаве, могут прислушиваться к нашему голосу, могут и не прислушиваться! Они не хотят видеть того, что мы здесь видим... Мы каждый день здесь получаем подтверждения, что Германия готовится взять реванш прежде всего у нас... Данциг и коридор! К Данцигу и в польский коридор переместился европейский пороховой погреб. Ну, а фитиль — это вопрос о немецких нацистских меньшинствах. Они ничего не скрывают. Их вожди выбалтывают все планы. Не торопятся с разъяснениями, если мы

делаем официальный запрос, а тем более с извинениями... Сначала — чехи. Потом — мы. Далее...

Военный атташе был более категоричен.

— Политики, — говорил он, — считают, что Германия двинется во главе крестового похода против большевиков... У англичан и французов позиция вполне удобная... А наша?

Для Курбатова эти концепции были новостью. Там, в штабе, твердо считали, что немцы вооружаются для войны против Советской России, что именно поэтому им не мешают вооружаться. Как они пройдут через Польшу? А как-нибудь. Договорятся, все само собой устроится.

Курбатов рассказал об этих предположениях атташе.

— На передовой всегда виднее, куда стреляет противник. Вы увидите, какая развернута пропаганда здесь против славян. Славянской расе вообще не находят места на земле... Не для того ли это делается, чтобы вместе с одними славянами бить других? Нет, подполковник! Приглядитесь, война готовится здесь и против нас. И мы должны знать, как готовится, какими силами, когда.

Все официальные представления были завершены в несколько дней. Курбатов включился в обычный рабочий ритм аппарата военного атташе. Наступили для него напряженные минуты ожидания.

Связной от Проворова и Дубровина переменялся. Здесь требовалась крайняя осторожность. Система связи с ним была построена без личных контактов. Телефон, условная сигнализация, тайники. Из России ему еще в Варшаве передали, чтобы готовился и ждал встречи с Кольбергом. В зависимости от позиции Кольберга ставилась и вся его работа.

И на первом же приеме в аргентинском посольстве Курбатов увидел Кольберга. Он не знал, как вести себя, а потому сделал вид, что не заметил. Пусть Кольберг сам установит стиль этой встречи.

Кольберг медленно придвигался в его сторону. Курбатов уловил на себе его взгляд, но Кольберг прошел мимо, даже не поклонился.

Через несколько дней Курбатова пригласил на чашку кофе английский военный атташе. Они встретились с Кольбергом в прихожей. Короткий взаимный поклон. Курбатов дождался поклона от Кольберга. А в гостиной атташе представил их друг другу.

— Мы знакомы, — сдержанно, без улыбки, заметил Кольберг. — Революция в России... Петроград... Мы надеялись, что большевики — явление временное... То там, то здесь возникали какие-то очаги сопротивления... Даже я, зная процессы, происходившие в русском революционном движении, недооценил большевиков... Все истаяло... Как это поется в песне, господин Курбатов? Ее любили петь молодые офицеры... Что-то о золотых куполах...

Курбатов печально улыбнулся.

— Это интересно! — отозвался атташе. — Вы участвовали в белом движении?

Курбатов не ответил на вопрос, он едва слышным речитативом произнес:

— «Москва златоглавая! Звон колоколов... Царь-пушка державная, аромат пирогов! Все прошло, все умчалось в неизвестную даль, ничего не осталось — лишь тоска и печаль...»

— Вот, вот! — подхватил Кольберг. — Мечты и надежды, а нужен был трезвый расчет... В Варшаве я разыскивал моего друга Ставцева. Нашел и господина Курбатова. Это пора наших надежд на белую эмиграцию, на их усилия. Ждали, когда большевики сами на себе петлю затянут. Чуда ждали... А чуда все нет и нет. Мне очень жаль мой народ. Но именно моему народу придется освободить мир от большевиков. Это будет стоить большой крови. Войну с Россией я не могу рассматривать как увеселительную прогулку...

— Сразу и о войне! Наверное, можно найти политические меры! — перебил Кольберга атташе.

Кольберг усмехнулся:

— Английская политика! Неучастие... Но Англия имеет возможность ждать. Фюрер торопится с крестовым походом... Ему мешает недоверие... Англия и Польша будут играть немалую роль в решении этой проблемы...

Курбатов счел своевременным вмешаться.

— У вас есть какая-либо концепция, господин Кольберг? — спросил Курбатов. — Как вы рассматриваете возможность пересечения германскими войсками польской земли?

— Или Польше надо будет открыть границу для наших войск и пропустить их к границе Советов, или большевикам, чтобы пропустить Красную Армию к немецкой границе. Или с нами быть Польше, или с большевиками... Между молотом и наковальней — плохая позиция!

— Польша может быть и с нами... — сказал атташе.

— Если Англия окажется с Советами в одном лагере, — усмехнулся Кольберг.

...Кольберг безуспешно пытался заинтересовать Канариса фигурой Курбатова.

— Большевистский агент? — спросил с иронией адмирал. — Что ему делать в аппарате польского военного атташе? Интерес к польским вооруженным силам у большевиков? Хм! Сомнительно. Мобилизационные возможности страны известны любому учителю географии. Нового вооружения в Польше не осваивают...

— Мы с вами проявляли интерес ко всем этим вопросам...

— Скорее по обязанности и по традиции, чем из соображений логики... Вопрос о наших отношениях с Польшей пока еще

в стадии формирования... В связи с польским вопросом особенного интереса я в этом офицере не усматриваю...

— И к советской разведке вы не имеете интереса?

Адмирал нахмурился.

— Через этого офицера? Какой интерес?

— Через него мы можем передавать то, что нужно, а не то, что они хотят получить...

— Господин полковник! Эти хитроумные приемы давно устарели... Работа в России наложила на вас печать провинциализма... Этот офицер песчинка в пустыне. О том, как и с помощью кого Советы работают, вы знаете не хуже меня... Уверен, что все его связи, если они даже и были, порвались еще в двадцатых годах...

Кольберг умел и даже любил повиноваться. Но в этом деле? Он же много лет вынашивал идею встречи с Курбатовым в Берлине. Он был убежден, что именно в Берлине и завершится их поединок, начатый в Сибири...

Адмирала Канариса считали в генеральном штабе аристократом от разведки за строгость в формах его операций. Адмирал не проявил интереса к личности Курбатова. Но Кольберг знал, что в имперском управлении безопасности, в ведомстве Гиммлера и в особенности в той его части, которой руководил Гейдрих, были не столь разборчивы. Адмирал Канарис получил наследство от полковника Николаи, пачальника военной разведки кайзера, от того самого Николаи, который прославился умением вербовать агентуру в самых неожиданных общественных сферах. Гиммлер в какие-нибудь два года сумел пронизать все германское общество своими тайными осведомителями. А вот за пределами страны Гиммлер еще только создавал агентурную сеть. Для его ведомства Курбатов мог оказаться находкой. Кольберг ни на минуту не оставлял мысли о возможности перевербовки Курбатова, о проникновении через него в тайны советской разведки. Правда, он все чаще задумывался, а не ошибся ли он, действительно ли Курбатов связан с чекистами или это просто мираж, преследующий его с давних времен.

За Курбатовым по линии абвера и по линии тайной полиции было установлено внешнее наблюдение. Как за обычным офицером иностранного представительства. Но этого было мало. За Курбатовым надо было устанавливать не только внешнее, наружное наблюдение. А на это адмирал санкции не дал. Не дал санкции и на подставку к нему агентов из иностранных миссий.

Кольберг направился к Гейдриху. Не без внутренней робости. Он вступал в конфликт с адмиралом.

Гейдрих, в отличие от Канариса, славился как любитель острых и даже грубых комбинаций. Он был сторонником тотального шпионажа, а тотальный шпионаж был далек от выбора средств. Все годилось!

— Кого вы собираетесь через него дезинформировать? — резко спросил Гейдрих у Кольберга. — Польскую разведку? Это нас не интересует!

— Я полагаю, вы ознакомились с моими раскладками... Я предполагаю, что Курбатов связан с советской разведкой.

— С предположениями я не желаю иметь дело. Белый офицер. В родстве с польскими магнатами...

— Я имею данные, что он пытался перейти границу и вернуться в Россию...

— Надо знать эмигрантов... Они все мечтают вернуться в Россию. Этого не хотят только те, кого там ждет суд.

— Почему он приехал в Берлин?

— Вот в этом вы и разберитесь. Мне он интересен. Но знаете, чем он мне интересен, полковник? Давайте поможем ему уехать в Россию. Сотрудничества с нами там ему не простят, значит, он должен будет продолжать его. Там, в России, с агентурой у нас трудно. А вдруг именно его нам и удастся внедрить? Действуйте! Что вам для этого надо?

— Согласие адмирала!

— Если я буду об этом ходатайствовать, адмирал откажет... Вы, полковник, начнете всю операцию... Адмиралу о нашем соглашении докладывать не следует... Потом мы все это дело заберем к себе.

У Кольберга сразу появились средства.

Под наблюдение была взята квартира Курбатова. В стены вмонтировали аппараты подслушивания, установили дорогостоящую аппаратуру для передачи разговоров на пункт записи на пластинки. Это новшество еще только начали применять.

Немедленно была заменена горничная. На место старой рабыни польской миссии пришла молоденькая немочка, довольно миловидная и разбитная. И подобрать ключок бумажки входило в ее обязанность, и соблазнить хозяина. Открытая слежка была снята, поставили несколько групп для слежки скрытой.

Курбатов не должен был видеть наблюдавших, ему надо было дать удостовериться, что за ним не следят. До этого момента, конечно, он ничего не предпринял бы.

Облава строилась по всем правилам. Гейдрих оказался щедрым на такие дела.

Прослушивалась и телефонная линия. Он телефонировал лицу, к которому намеревался прийти. Уговаривался о месте и времени встречи. Наблюдающие спешили к этому месту. Изучался маршрут, которым Курбатов должен был проследовать на свидание. На узловых точках маршрута устанавливалось наблюдение.

Ничего интересного слежка не дала. Курбатов встретился с двумя польскими агентами в Берлине, по абвер давно держал их под своим контролем.

— Сбить с толку и заставить расширить круг встреч, — последовал приказ от Гейдриха. — Подталкивать, торопить...

Кольберг приказал одному из агентов признаться Курбатову в том, что он перевербован немецкой разведкой.

Агент польской разведки, которому Кольберг поручил при-

знаться в сотрудничестве с немецкой разведкой, действовал под кличкой Папуас. Он передал Курбатову полученное из рук Кольберга путаное и пространное донесение. В нем говорилось, что никакого роста контингента войск в Германии не наблюдается, что все разговоры об увеличении и усилении армии — пропагандистский трюк и попытка оправдать экономические трудности в стране, прикрывшись болтовней о вооружении.

Кольберг считал, что сработано это грубо.

А что он мог поделывать! Не впервые, как только заходила речь о составлении дезинформации, начиналась чехарда. Никто не хотел принимать участия в составлении такого рода сообщений для агентов. Один перекладывал на другого. Никто не хотел брать на себя ответственность. Автор дезинформации знал, что им составленные данные уйдут по прямой к противнику. Сегодня гестапо посмотрело его дезинформацию и одобрило, а завтра вдруг вскроется, что по ошибке противник не оказался дезинформированным, а догадался о ложном засыле. Тогда как? Обвинение в государственной измене? Очень было трудно в соответствующем отделе получить заказ. Пришлось Кольбергу потревожить своего высокого покровителя. Получил... Но ему отплатили. Подсунули такой анекдот, в который никто в тридцать шестом году поверить не мог.

Курбатов задумался: что бы это все означало? Недобросовестная работа? Решил поглядеть, какой будет реакция начальства. Передал все атташе, а тот продублировал передачу дальше. Пришла оценка информации. Донесение Папуаса было оценено как информация, представляющая значительный интерес. Чудеса? А может быть, все это лишь для создания видимости работы? Чтобы выкачать из казны деньги? Обман? Мошенничество в корыстных целях, даже не измена и не предательство.

Словом, польские его коллеги приняли все как должное и благодарили. Из Центра, правда с опозданием из-за затруднений со связью, пришло предупреждение от Дубровина, чтобы Курбатов остерегался агентов, переданных ему по наследству его предшественником. Центр прямо указывал, что оба этих агента работают на немцев. Советовали Курбатову попытаться вызвать их на откровенность. Слишком уж парочито врал.

Курбатов встретился с Папуасом.

Человек без возраста, словно кто его оросил тем же составом, что и египетские мумии. Сморщенное, пергаментного цвета лицо, то ли пепельные, то ли серые от грязи волосы. Суетлив, прокурен, передние зубы наполовину съедены никотином. На пиджаке пепел, рубашка прожжена. Жалкий вид, если бы не жестокий огонек в карих глазах, жестокий и холодный. Послужной список Папуаса был у Курбатова. Картежный игрок, шулер, дважды судимый. Во время игры в карты его зацепили офицеры из польской контрразведки. Но только ли они?

Папуас встретил Курбатова на конспиративной квартире сладе-
нькой улыбочкой.

Он суетился, предлагал коньяк.

Курбатов сел за стол и долго молча глядел на Папуаса.

— Может быть, кофе? — предложил агент. — Я умею заваривать по-турецки.

Курбатов мрачно молчал. Папуаса смутило упорное молчание. Он примолк и даже с некоторым вызовом в позе остановился по другую сторону стола.

Наконец Курбатов проговорил:

— Как перед вами был поставлен вопрос? Как? Повторите!

Папуас попятился. Имея за спиной даже такую высокую защиту — Кольберга, он испугался.

— Какой вопрос? О чем вопрос?

— По делу...

— А-а-а! Это о контингентах войск? А вы и поверили, что не увеличился?

— Я ничему не поверил. Почему вы написали ложь?

— Приказали, вот и написал! — спокойно и обезоруживающе ответил Папуас.

— Кто приказал?

Агент склонился над столом, перешел на шепот:

— Из военной контрразведки.

Курбатов не ожидал такого легкого признания. Папуас наслаждался его удивлением.

— Вы что же, — спросил наконец Курбатов, — сразу и на нас, и на немцев?

— Не сразу. И не на вас... На немцев. — И с издевкой добавил: — Возражаете?

— Зачем вы мне об этом говорите?

— А чтобы вы меня дураком не считали! — Он почти кричал. — Шулер — это не дурак, а совсем наоборот! Это искусство! Во всем искусство! И сделать мне вы ничего не можете! Не мне вас бояться надо — вам меня!

— И мне особо бояться нечего! — спокойно ответил Курбатов.

— Вот и давайте работать! — предложил Папуас. — Своим вы ничего не рассказываете. Я вас буду снабжать тем, что мне для вас дадут, а вы своим... И вам нет опасности, и мне выгода.

Курбатов рассмеялся.

— Обязан спросить вас... С кем вы связаны?

Папуас руки выставил, как для защиты.

— Не надо интересоваться! Сам не знаю. Лысый, сухой, как сморчок, вот как чертей на курительной трубке вырезают... Звать не знаю как. Нарисовать могу.

— Нарисуйте.

Какая странная, просто невероятная ассоциация! Давно это было... Кольберга он рисовал для... Дзержинского. Мог бы он распенить, как сыскной прием, если бы не был уверен, что никто, ни одна душа не знала о той сцене.

Когда Папуас перечислял внешние приметы человека, с кото-

рым он связан, Курбатов почувствовал неладное. Слишком уж нарочито все выглядело.

Папуас рисовал. Проступал знакомый профиль, череп, обтянутый кожей, недоставало только подписи под рисунком.

Курбатов ладонью прикрыл рисунок, взглянул в глаза Папуаса.

— Ну? — спросил он. И дальше будем в прятки играть? Этого твоего защитника я знаю... И ты его знаешь. Это по его научению ты признался, а? Говори!

Папуас попятился, страх и неуверенность мелькнули у него на лице.

— Полковник Кольберг! Звони ему, вызывай сюда! Пусть явится. Я и с ним сумею объясниться!

Папуас явно испугался. Но еще не терял надежды. Попробовал сопротивляться.

— Если вы все знаете, пан Курбатов, вы, наверное, можете и вызвать сюда...

— Молчать! — оборвал Курбатов. — Не думай, что ты избавлен от всяких с нами счетов...

Папуас окончательно сник. Он подошел к телефону и назвал номер.

— Господин... — начал Папуас, не решаясь назвать по имени.

Курбатов подошел к аппарату и вырвал у Папуаса трубку. Необычно для себя грубо спросил:

— У аппарата полковник Кольберг?

— Я вас слушаю... — прозвучал в ответ голос Кольберга. Курбатов из тысячи голосов отличил бы этот голос.

— Я хотел бы получить, господин полковник, некоторые разъяснения... — начал Курбатов.

И Кольберг узнал его голос.

— Сначала давайте поздороваемся! — перебил он Курбатов. — Здравствуйте! Я приеду.

— Жду вас! — ответил Курбатов.

Папуас с суеверным ужасом смотрел на Курбатова.

Курбатов положил трубку на рычаг аппарата и медленно пошел на Папуаса. Папуас пятился, пятился до двери и вдруг ни слова не говоря выскочил вон...

Сразу же возник вопрос: «Хорошо это или плохо? Есть ли в этом истерическом побеге какая-либо опасность? Куда он мог побежать? Итог, вообще-то говоря, непредвиденный. Однако не гнаться же за ним. А как психологический эксперимент — довольно занятно».

Входную дверь он оставил открытой. Кольбергу не понадобилось звонить. Он толкнул дверь рукой и вошел. Редко видел Курбатов на его лице улыбку, на этот раз он улыбался. Снисходительно, холодно, но улыбался.

— Зачем вам понадобилась эта комедия? — спросил Кольберг.

— Порезвиться захотелось, — ответил Курбатов. — Задумались? Уже хорошо!

Кольберг заглянул в коридор, в другие комнаты. Улыбка исчезла.

— Что за шутки? — спросил он строго. — Где хозяин этой квартиры? Куда вы его дели?

— Не знаю, — невозмутимо ответил Курбатов.

Кольберг покачал головой.

— Вы не отдаете отчета в своих словах, Владислав Павлович. Это вам не Томск и не Омск... И даже не Варшава.

— Убежал. Испугался и убежал.

— Это неприятность, господин Курбатов! Он мог убежать в гестапо... Вам известно, что скрывается за этим словом?

— Известно! А разве гестапо, или кто там у вас еще занимается контрразведкой, не знает обо мне? Разве там не знают, что я пошел на встречу со «своим» агентом? Полноте, Густав Оскарович! Побегает — вернется.

— Ну, если только убежал... действительно ничего страшного! Придет. Не придет — доставят. Садитесь!

Курбатов сел в кресло у стола, Кольберг на стул.

— Свершилось, Владислав Павлович! — произнес слегка торжественным тоном Кольберг. — Вы в Берлине! Догадываетесь, когда это было задумано? Знал, знал я, что, как бы ни шли вы зигзагами, как бы ни путали свои следы, цель была одна. Сюда! Здесь центр накопления сил для реванша, сюда вы и пришли. Терпеливо шли... С ожиданиями, с пересадками. И как раз ко времени. Ставцев умер. Он — свидетель. Ему я говорил там, в Сибири, когда ради вас повесил своего верного стремянного — Ваньку Шеврова... Ивана Михайловича! Мы с ним еще по охранным делам работали вместе, когда я русскому царю помогал от революции спастись... Говорил я Ставцеву, что готовлю вам судьбу необычную... Предсказывал встречу в Европе, в Берлине. Даже по одному этому, Курбатов, я не откажусь от своей мысли. Я только утвердился, что работаете вы не на меня, не на пани Ежельскую. Работаете вы на врагов моих. И я вам работать на них не дам. Вы это можете понять? Пришли вы сюда, к Папуасу... Что вы получили? То, что я захотел дать. И не больше. Неужели там, в Москве, всерьез верят в работу разведок? Неужели они думают, что можно сейчас, в наше время, безнаказанно собирать всякого рода секретную информацию... Ее собирают только тогда, когда хотят ее дать. Запомните это, Курбатов! Вы становитесь профессионалом, а учиться вам, кроме как у меня, не у кого! Ну так что же? Опять будем в прятки играть?

— Здесь это опасно. Я это понимаю...

— Вот, уже веселее... Накопец-то мы приближаемся к нашей цели...

— У нас разные цели, Густав Оскарович! Совершенно разные... Вы приняли мечту за действительность.

— Вы мне хотите доказать?

— Я ничего не хочу доказывать. Не надо пугать меня, не на-

до мистификаций. Я готов вам помочь... В память хотя бы о нашем общем друге, о прошлом моем...

— Хм! — откликнулся Кольберг. — Если бы не я, вас, Курбатов, просто и пошло расстреляли бы... По доносу Шеврова. И без доноса...

— За деньги работал бы, Густав Оскарович! Практика жизни вносит изменения в наши взгляды. Что же я могу поделать? Не знаю, не связан, не встречался с чекистами... И у Дзержинского был только на допросе.

— Опять, опять...

— И что меняет в наших отношениях вся эта история... Положим, я связан с Дзержинским... Я работаю на него...

— Он давно умер.

— На них... Что это меняет, что это значит?

— Польша... Для нас это не очень существенно... Интересы наши там ограничены... Нам известен в достаточной степени уровень польских вооружений... В Советском Союзе для нас все интересно, все имеет значение... И разведка, и агентура, и возможность передать по нашим каналам то, что нам необходимо, и вооружение, и промышленный потенциал. Даже вопросы, которые их интересуют, для нас интересны!

Раздался телефонный звонок. Кольберг снял трубку. Курбатов отметил, что разговаривает он со знакомым человеком. Переговорили почти междометиями.

Кольберг отошел от телефона. Задумчиво произнес:

— От Папуаса вы избавлены... Так же, как когда-то были избавлены от Шеврова... Здесь это делается оперативно. И так?

— Если это вам очень нужно, если это что-то дает лично вам, составляет для вас какую-то выгоду, считайте меня агентом Москвы.

— Раз вы так упрямы, Владислав Павлович, я готов припять на время условия игры...

— Зачем это вам? Вы пожилой человек, Густав Оскарович. Зачем все это вам? Что может изменить все это в наших отношениях?

Кольберг распорядился в этой квартире как в своей собственной. Из буфета он достал бутылку коньяку, две рюмки. Налил.

— Долг... Служба... — ответил он сдержанно. — Вы хотели пострадать за Россию?

— Разве я не потерял все, что имел? И родину, и жену, и родных. Никого близких, одиночество... А теперь я хочу жить для себя... Пани Ежельская назвала вас, Кольберг, людей вашей профессии, пиратами двадцатого столетия... Отвечает ли истине это определение?

— Пиратами? Это слишком узко... Я пошел в это дело, пожалуй, из любви к актерскому ремеслу, к театру... Я театрал, Владислав Павлович! Я любил домашние спектакли, китайские тени, театр кукол... На сцену пойти не мог... Сословные традиции, протесты родных... Они не пускали меня на сцену...

— Не знал, что вы из дворян, Густав Оскарович.

— Не из дворян, но и не из кучеров... Мой отец был произведен в майоры... Дед умер обер-лейтенантом егерского батальона... Прадед тоже был воином... Солдатская гордость не позволила. Это в нынешнюю эпоху актер приобретает мировую славу и поклонение... В мои годы на актеров смотрели с презрением.

— Но вы не отвергаете и пиратских мотивов?

Кольберг поморщился:

— Не совсем так! В русском языке в последние годы... Вы следите за русским языком?

— В Варшаве как следить... Иногда, редко, удавалось слышать русскую речь...

— Эмиграция... Я как-то оказался в обществе известного русского писателя... Иван Бунин... Вам известно это имя? Известно, конечно... Он писал еще в мое время в России... В мое время был известен прекрасным русским языком... Он говорил, и много говорил, в том доме, где я его встретил... Я слушал его речь... Именно речь, меня мало интересовало, что именно он хотел сказать... Я следил за ним как профессионал... Приходится же нам засылать в Россию... людей! Они проваливаются! Иногда и из-за речевых разночтений... Речь его была прекрасной, отчетливой, чистой и звонкой... Но так, как он говорил, теперь в России не говорят... Он был бы странен со своим словарным составом, со своим произношением, со своей артикуляцией.

Кольберг говорил с увлечением и вдруг замолк.

— Впрочем, я ушел в сторону... Известно вам слово «авантюризм»? Авантюрист — это идущий вперед, первооткрыватель и искатель... Русские вложили в это слово понятие жульничества, нечестности, обмана, мошенничества... Авантюрист — это легковесный отрицательный персонаж... Но когда-то авантюристами называли и настоящих искателей... Колумб... Вот один из известнейших авантюристов прошлого... Да что же далеко ходить! «Три мушкетера» Дюма. Надеюсь, читали?

— Читал, — с усмешкой ответил Курбатов.

— Мушкетеры — это классический образ авантюристов! Наверное, если бы я начал вам говорить о долге перед отечеством, вы усомнились бы в моей искренности... Я говорю вам о том, что в сердце молодого человека скучного нашего времени могло зародиться желание тайно влиять на явные события... Тайная власть всегда более неограниченна, бесспорна и выше явной... Неужели вы серьезно относитесь к своей дипломатической миссии? Я сыграл с вами по старой дружбе шутку... Я научил Папуаса передать вам мои приметы. Или, как ваши коллеги, надо делать вырезки из газет, потом эти вырезки перепечатывать на машинке, излагать своими словами и слать как секретные донесения, или... Или получать от нас, через таких вот Папуасов, то, что мы сочтем возможным вам дать... А я предлагаю большую игру...

— Воровать — так миллион, а любить — так короля! — воскликнул Курбатов. — Вам этого своего кредо пани Ежельская не высказывала?

— Высказывала...

— Работать мы будем более серьезно.

— Что вы имеете в виду? — осторожно спросил Кольберг.

— Почему вы ни разу до сих пор всерьез не поинтересовались, почему я оказался в Берлине?

— Я давно вас ждал здесь.

— А попал я сюда после хлопот сэра Рамсея...

Кольберг умел сдерживать свои чувства, умел скрыть удивление, испуг, умел владеть своим лицом. Лицо его ничего не отразило, серые глаза смотрели спокойно. И все-таки внутреннее движение отозвалось, может быть только в едва заметной перемене позы.

Курбатов чувствовал, что озадачил Кольберга.

— Как вам стало известно это имя? — спросил Кольберг.

По голосу ровному и бесстрастному, по излишне спокойному тону Курбатов понял, что все с этой минуты становится серьезно и переходит из плоскости пристрелок на линию настоящего огня.

— Сэр Рамсей приезжал в Варшаву, чтобы встретиться со мной...

— Вам известно, кто он такой?

— Наши контрразведчики объяснили мне, кто он такой...

— Что они вам объяснили?

— Это один из руководителей английской разведки...

— Вы с ним встретились?

— Встретились...

— Откуда он узнал о вас?

— Пани Ежельская работала на них и на вас...

— Вы дали согласие?

— Конечно же, дал! Тем более речь сразу зашла о вас. Тут я понял, что и я вам понадоблюсь, и вы мне... Наконец-то у нас завяжется дело.

— Связь?

— Есть и связь.

Кольберг извлек из кармана записную книжку, вырвал несколько листов, положил ручку.

— Пишите! Все о Рамсее...

Встал и отошел к окну.

— А знаете, Владислав Павлович, — раздался от окна голос Кольберга без обычной скрипучей сухости, — я начинаю думать, что не зря поставил на вас. Если вы и не работаете на большевиков, дело мы с вами действительно начнем немалое...

Кольберг солгал Курбатову.

Не романтика привела его в военную разведку, а самое прозаическое чувство долга, привитое ему в семье потомственных ландскнехтов.

С малых лет он воспитывался в кадетском корпусе в Карлсруэ. Затем Гросс-Дихтенфельде под Берлином. Семь лет виртуозной муштры и воспитания в беспрекословном повиновении старшему, без возможности увидеть жизнь хотя бы на йоту другой, чем о ней рассказывалось в училищах. Затем фенрих в егерском батальоне и опять военное училище перед получением первого офицерского звания. Таков путь Кольберга...

Никаких признаков, никакого проявления актерского таланта. Это все говорилось для Курбатова. Начальство предложило ему службу необычную, с повышением жалованья, с ускоренным получением чинов. И лейтенант, вместо того, чтобы служить в егерском батальоне, очутился в России в Петербургском университете на юридическом отделении...

Кому-то и каким-то образом из немцев, близких к двору, указали на юношу. Кольбергу был дан начальный толчок для службы по сыску, а потом кто-то его подталкивал от чина к чину, от должности к должности в жапдармском корпусе. Кольберг даже и не знал кто, но знал зачем и для чего...

Кольберг умел казаться натурой и сухой, и художественной. Он даже мог показаться человеком, способным увлечься мечтой. На самом деле это был сгусток спокойной и неуклонной энергии. Не человек, а математическая машина.

Ночью у себя в кабинете, один, в тишине, Кольберг сидел над досье.

Папки с материалами на Курбатова, справки на Рамсея, на Ежелскую. Здесь все схемы, которые он вычерчивал в часы раздумий о Курбатове, о возможности когда-то включить его в крупную игру. Усмешка тронула его тонкие губы. И он, оказывается, бывал наивен. Как цеплялся он за Курбатова, за его возможную связь с ВЧК! Зачем? Что это ему дало бы? Ну, конечно, надежды на трудный час... В Германии могло все сложиться значительно трагичнее... И почему Курбатов? Ставцев тоже мог быть. Или Курбатов по-прежнему хитрит? Побег... Станный побег... Нужно ли сегодня в этом копаться с такой тщательностью? Нужно! Не очистившись от этих предположений, вводить Курбатова в большую игру нельзя!

Ни ловушки, ни угрозы и даже пытки ничего не дали! Ну зачем же, зачем бы ему скрывать, если согласился работать в любом направлении? И что же, наконец, могло его так прочно и так надолго связать с большевиками? Не было же ни малейшей линии соприкосновения. Ни классовой, ни идейной, ни материальной, ни страха перед ними, здесь-то в Германии... Нечем, нечем ему прельститься у большевиков. Спасли тогда жизнь? Ну и что? Сколько раз менялись с той поры взгляды у людей, и как менялись. Оставил в России любимую... Он же любил ту девушку... Любил... Женился на ней... Вернулся бы. Не было такого у него долга, чтобы и этим пожертвовать. И пытался бежать, перебраться через границу... Был бы с ними связан, нашел бы, как перейти...

Все сходилось, но страшновато было... Двойное, пезнакомое дно грозило огромной опасностью.

Жизнь этого мальчика, конкера, офицера, эмигранта вся перед ним как на ладони, вся насквозь просматривается. И он — английский агент, с которым выходит на связь сам сэр Рамсей. Годами можно будет пользоваться этим каналом... Годами... Никогда англичане не поверят, что Курбатов работает с немцем. О том, как связаны их жизни, откуда им знать, англичанам... К тому же все здесь, в Берлине, под контролем... Сейчас очень важно англичан сбить с толку, скрыть, как идет перевооружение и вооружение немецкой армии.

Все «за» и все «против» расписывал Кольберг на листках бумаги. Сходилось «за». Метод не мог подвести. Чувства могут подвести, метод подвести не может.

...Ночными пустынными улицами города проехал, нарушая все правила, черный закрытый лимузин и исчез за раздвижными железными воротами.

Курбатов успел заметить склонность фашистских функционеров к некоей чертовщине. Напускали таинственность там, где не было тайн, священнодействовали при выполнении вполне прозаических дел, любили вычурность, помпезность, словно боялись упустить власть и, опасаясь этого, жадно ее выставляли на вид всеми ее отвратительными атрибутами.

Его пригласили в автомобиль, ничего не объяснив. Но он понял, что это продолжение разговора с Кольбергом. В машине никто не проронил ни слова. Приехали к тому зданию, которое обычно белым днем старался обойти стороной.

По коридорам шли молча и быстро. Ковры глушили шаги, стражи выбрасывали руку в приветствии, не спрашивая документов.

Длинный, с узкими окнами, полутемный кабинет. В глубине, у стены, на чуть заметном возвышении письменный стол. У стола — очень высокий, худой человек.

Размеры кабинетов в этой стране удивительно точно совпадали с чином и полсжением в государстве их хозяев.

Тогда, правда, имя Рейнгарда Гейдриха мало что сказало бы Курбатову, если бы ему назвали его по дороге в канцелярию государственной тайной полиции. Внимание тогда привлекали только три имени после Гитлера — Гесс, Геринг, Геббельс... Остальные деятели еще не вышли из теневых закоулков.

Прямоугольная сильная челюсть, тонкий, хищный нос. Таков был человек, который указал Курбатову на кресло возле стола. Они остались в кабинете вдвоем.

Гейдрих сделал такую запись в папке с личным делом Курбатова: «Во время беседы офицер показал себя осведомленным в важности совершающихся событий в нашей стране. Он отнесся с пониманием к усилиям национал-социалистского государства,

изъявил готовность действительно служить его интересам. Учитывая, что его деятельность во многом зависит от его связей в аристократических кругах в Варшаве, нами принято решение об особой, повышенной оплате его услуг в английской валюте из фондов «Андреас».

Так никогда и не узнала пани Ежелская, что фунты стерлингов, которыми расплачивается с ней Кольберг, печатались не в Лондоне, а в мрачном сером здании на Дельбрюкштрассе в Берлине. Знала бы — потребовала бы более щедрой оплаты. Они же для ее немецких партнеров ничего не стоили. Это были фальшивые банкноты.

11

Кольберг мог считать, что ему улыбнулась удача. На сером фоне тотальной разведки, в которой отрицалась роль личности агента, вдруг возникла «личность». Гейдрих проявлял живейший интерес к Курбатову.

Гейдрих поучал Кольберга. Его наставления носили установочный политический характер. А Кольберг, являясь на свидания к Гейдриху, прикидывал про себя, какую он может извлечь выгоду из столь высокого знакомства. И опасался к тому же, не прознал бы его начальник, адмирал Канарис, об этих свиданиях. У Канариса достало бы сил и возможностей расправиться с ним, невзирая на столь могущественное покровительство. Сомнительно было, чтобы Гейдрих из-за него поссорился с Канарисом!

— Политические заявления, — поучал Гейдрих, — серьезные люди на веру не принимают! Но политические заявления удобны тем, кто хотел бы заставить в них верить простаков... Точнее, людей непосвященных... Англичане — люди серьезные!

Кольберг не возражал, хотя особых привилегий в серьезности англичанам с такой легкостью не передавал бы.

— Договора, соглашения, протоколы, — продолжал Гейдрих, — это все видимость. Они имеют значение для тех, кому выгодны. Когда они становятся невыгодными, с ними никто не считается! И невозможно заставить считаться. Никто из подписывающих бумажки сам в них не верит. В наши дни обнаружилась склонность верить в большей степени донесениям секретных агентов, чем публичным заявлениям государственных деятелей. Мы несколько лет будем пугать Европу коммунистической опасностью... Но мы оказались бы наивными людьми, если бы считали, что Англия и Франция снимут все свои опасения относительно наших намерений. Мы должны у нашего народа подорвать веру в традиционные европейские демократии. Не исключено, что англичане и французы не раз услышат враждебные заявления в свой адрес. Но они могут и не придать значения этим заявлениям, если их агентура будет поставлять им информацию о нашей готовности двинуться крестовым походом против большевиков.

Ваш новый агент необычный агент. С ним связан сэр Рамсей. Переданная через него информация будет попадать сразу в правительственные сферы... Поэтому вы должны через своего агента внушать англичанам, что наша армия носит наступательный характер только на суше, а не на море и не в воздухе.

— Адмирал считает, что мы не можем долгое время держать англичан в певедении... — осторожно заметил Кольберг.

— Ваш адмирал педант, а не психолог! Психология учит, что человек склонен верить тому, чему ему хочется верить. Мы принимаем дезинформацию в тотальных размерах. Мне не столь важно знать, сколько самолетов в Англии, — это они и сами выболтают. Но если мне удастся к ним заслать агента, он всячески и каждого будет убеждать, что немецкая армия двинется не на Запад, а на Восток. Англичанам очень хочется, чтобы мы двинулись на восток, на Россию. Они будут с вниманием искать малейших указаний на нашу подготовку к войне с Россией. И мы будем поставлять им такие сведения! От англичан мы должны скрывать данные о нашем подводном флоте, скрывать данные об авиации и показывать в преувеличенном виде наши танковые войска.

— Я это должен понять как указание раскрыть правду о наших танковых войсках?

— Ни в коем случае. Преувеличивайте! Танки — это война на суше. Запад должен считать наши границы неприступными. Англичане должны испугаться и до поры отстраниться от участия в европейских событиях. Мы им должны внушить мысль, что их спасение на островах. Ради похода против большевиков Англия отдаст нам Чехословакию... И если мы, разведка, будем на высоте, если мы сумеем их убедить, что двинулись на большевиков, они отдадут нам и Польшу!

Гейдрих мерил длинными ногами просторный кабинет, изредка поглядывая на Кольберга.

— Вы, конечно, понимаете, полковник, что задачи, о которых я вам говорю, не по силам одному агенту. Это установка на тотальную работу... Но ваш офицер интересен вдвойне. Давайте рассуждать. Англичане узнали, что он через пани Ежелскую работает на нас... Почему они не тронули ни этой польской пани, ни этого офицера? Почему они пошли на перевербовку вашего агента? Они протянули свои руки к вам, полковник? Вы им интересны, а не Курбатов! Я уверен, что они ищут подходы к вам. И будут вербовать. Я просил бы подумать вас об этой возможности. У меня есть большие интересы в такой игре. Но об этом будем знать только мы с вами и рейхсфюрер. Адмирал Канарис и абвер об этом знать не должны. Вы становитесь моим личным агентом. Вы согласны?

— Для меня это высокая честь, — твердо ответил Кольберг, почувствовав, что начинается давно им ожидаемое возвышение.

— Но я, — продолжал Гейдрих, — просил бы вас, полковник, быть крайне осмотрительным и осторожным. Если о нашем с ва-

ми соглашения узнает адмирал, вся затея для меня теряет смысл. Мы вам оказываем особое доверие, полковник. Задачи, которые вы будете решать в случае удачной связи с англичанами, огромны.

— Я вас понял, — срывающимся на шепот голосом ответил Кольберг.

Гейдрих остановил на нем холодный взгляд.

— Вы еще ничего не поняли, полковник. Поймете все позже. А пока работа. У нас подготовили первую передачу, которую Курбатов должен получить от вас для англичан... И в Польшу, конечно.

— «Информатор основывает свои выводы на тесном общении с армейскими немецкими офицерами, с офицерами военной разведки, а также с некоторыми лицами из генштаба. Информатор хотел бы обратить внимание на нарушение обычного равновесия в вооруженных силах Германии. Намечается значительный перевес в развитии бронетанковых соединений.

Лидл Гарт, Фулер и Мартель в первую мировую войну заметили некоторые особые преимущества бронетанковых войск перед другими родами войск. Они высказывались не раз, что стоило бы рассмотреть возможность применения бронетанковых войск не только как войск вспомогательных.

Еще в 1922 году генерал фон Чишвиц и капитан Гудериан занялись изучением проблемы переброски войсковых соединений на автомашинах и вопросом организации автомобильных войск.

Хотелось бы обратить внимание на такую деталь. В январе капитан Гудериан командирован в автобатальон, а уже в марте он занимается вопросами автомобильных войск в министерстве рейхсвера. Неоднократно капитан Гудериан и его непосредственный начальник генерал фон Чишвиц ссылались на авторитет Гарта, Фулера и Мартеля, отстаивая идею маневренной войны. На первом этапе она трансформировалась таким образом: «Для неукрепленной Германии будущая позиционная война несет в себе неисчислимы угрозы. Устойчивую линию фронта можно создать, лишь опираясь на сильнейшие оборонительные сооружения. Германия после Версаля и после войны не имела ни возможности, ни средств создать такие укрепления. Единственная возможность в этих условиях противостоять противнику — это вести маневренную войну. Маневренная война может состояться в современных условиях лишь при моторизованной переброске войск. Переброска войск на автомашинах требует столь же подвижной охраны. Эффективность охранения может быть осуществлена лишь бронетанковыми средствами».

Те лица, которые занимались вопросами моторизации войск, очень хорошо понимали: как только будут созданы бронетанковые соединения для охранения, так тут же они станут и могучим орудием нападения.

В 1929 году на лекциях по тактике танковых войск уже говорилось Гудерианом: «Немецкий танк двадцатых годов имел скорость 20 км в час и неудобное место, ограничивающее наблюдение для командира. Я пришел к выводу, что одни танки, приданные пехоте, не могут иметь решающего значения. Изучение военной истории, итогов маневров в Англии и собственного опыта убедило меня в том, что танки могут быть использованы наиболее эффективно лишь тогда, когда всем остальным родам войск, поддерживающим танки, будет придана такая же скорость и проходимость. Танки должны играть ведущую роль в соединениях, состоящих из различных родов войск; все остальные рода войск обязаны действовать в интересах танков. Поэтому необходимо не танки придавать пехотным дивизиям, а создавать танковые дивизии, в состав которых должны входить различные рода войск, обеспечивающие эффективность действия танков».

Немецкий танк двадцатых годов имел скорость 20 км в час и неудобное место, ограничивающее наблюдение для командира танка. В серию эти танки запущены не были. Но уже на этой базе экспериментальным путем нашли пути создания более эффективного танка. Легкий танк должен был получить вместо 37-миллиметровой пушки 50-миллиметровую. Вес — 24 тонны, скорость до 40 км в час. Экипаж 5 человек. Круговое наблюдение, командование по ларингофону, связь по радио. Ставился вопрос о более тяжелом танке, но тогда еще выпуск танков согласовывали с пропускной способностью мостов через реки, хотя известно, что условия войны ставят передвижение танков вне зависимости от мостов. В Англии был размещен заказ шасси Карден-Лойда. Шасси это было использовано для учебного танка, который с успехом мог служить для целей разведки и для передвижения командира танкового соединения.

В 1935 году были уже сформированы три танковые дивизии. Первыми командирами танковых дивизий были назначены: генерал Вейхс, полковник Гудериан и генерал Фесман. Организация танковой дивизии сохраняется и поныне, как она сложилась к 1935 году. Дивизия — два танковых полка, полк — два батальона.

Танки T-III и T-IV пока приняты как самые удобные. Но ставится задача к началу серьезных военных действий в Европе, не к моменту политических демонстраций, а к походу на Восток, иметь танки по весу — в разряде самых тяжелых 60 тонн, в разряде тяжелых 35—45 тонн. Пушки — не менее 88 миллиметров. Считается, что до тех пор, пока Германия не будет иметь таких танков, крупные военные действия не начнутся.

Весной 1934 года во время оккупации Рейнской области на исходные рубежи была выдвинута танковая дивизия. Она могла принять участие в осложнении, которого не случилось. 1 августа 1936 года полковник Гудериан получил звание генерал-майора.

Курбатов получил этот документ от Кольберга для передачи сэру Рамсею. Он снял с него копию и со своими пояснениями положил ее в тайник для связного от Дубровина. Оригинал через связного сэра Рамсея пошел в Англию.

Чтобы достичь поста, который занимал сэр Рамсей, надо было обладать традиционными для этого поста чертами характера. Редкими сочетаниями нравственного порядка.

Пост может занять лишь человек, обладающий наследственным доходом значительно выше обычного уровня, но и не перешедшим границу, за которой начинаются крупные и независимые от политической конъюнктуры состояния. Достаточные средства служили гарантией, что претендент на этот пост не будет подкуплен противником. Слишком крупное состояние тоже было помехой. Оно дало бы ее владельцу опасную для этого поста независимость.

Начисто исключались из возможных кандидатов любители карточной игры и иных азартных увлечений. Даже увлечение скачками не извинялось. Оказалась бы препятствием и супружеская измена. Во всем должна быть у кандидата умеренность.

Особое внимание уделялось тому, как относится кандидат к крепким напиткам. Нужен был не просто трезвенник, но человек, который органически не воспринимал алкоголя. Прощалась лишь одна слабость — курение. Характер кандидата должен был исключать конфликтность. Он должен был уметь быть в споре мягким, эластичным и никогда не раздражать своего противника, ибо раздражение исключало возможность убедить...

Но сэр Рамсей обладал и еще одним качеством. Когда надо, он умел работать быстро и точно. Он пригласил к себе своих помощников и потребовал от них, чтобы на такой же бумаге, на которой к ним пришла информация от Курбатова, теми же шрифтами был составлен новый документ.

Своим сотрудникам он пояснял:

— Они хотят изобразить дело так, что будто бы и не было никаких препятствий в создании танковых войск... Как будто бы их и нет! Они хотят убедить нас, что танковые войска — их главная ударная сила. А мы внесем некоторые поправки.

Сэр Рамсей после абзаца, в котором говорилось о лекции Гудериана в 1929 году, сделал первую вставку. Она гласила:

«Эта теория поддерживалась старым немецким генералитетом, но, будучи осведомлены о возможностях немецкой военной промышленности более широко, чем Гудериан, они устами инспектора бронетанковых войск генерала Отто фон Штюльпнагеля заявляли Гудериану: «Вы слишком напористы. Но поверьте мне, что ни я, ни вы не доживем до того времени, когда у немцев будут свои танковые силы».

Сэр Рамсей окинул взглядом своих помощников.

— В чем дело? — спросил оп. — Почему же уважаемый немецкий генерал так ошибался? По наивности? Нет! Он не мог предполагать, что в Германии установится диктатура, что все будет подчинено созданию военной промышленности. Мы и это отметим.

Сэр Рамсей работал с увлечением.

— Кольберг написал, что немецкий танк двадцатых годов имел скорость двадцать километров в час... А мы уточним, что это был не немецкий танк. Эти танки изготавливали по немецким заказам, но не в Германии... Мы укажем даже и заводы, которые их изготавливали...

Сэр Рамсей снял очки и, обращаясь к помощникам, сказал:

— Вы заметили, как ловко он в своей информации обошел один очень существенный момент. Им, в военной разведке и в немецком генеральном штабе, известно, что технические данные их танков Т-III и Т-IV давно уже не секрет для тех, кто интересуется этими вещами. Они раскрыли нам эти данные... Для чего? Чтобы информация приобрела достоверный характер. Технические данные точны, а вот утверждение, что эти танки состоят на вооружении, — ложь! Они появятся в серии не ранее чем к тридцать восьмому году... Мы и это место отредактируем.

После того как сэр Рамсей прошелся рукой редактора, это место приобрело совершенно иной вид:

«На ближайшие годы ставится задача перед промышленностью освоить производство в серию танков Т-III и Т-IV. С этими танками нам и придется воевать... А это опасно, ибо французы имеют танки более тяжелые, а чехи вооружены танками еще более совершенными, чем французские».

Все, что касалось тяжелых танков, сэр Рамсей вычеркнул.

— Этой глупости, — сказал он, — можно поучиться только у немцев... В дезинформации фантазировать чрезмерно опасно!

Коснулся он и последнего абзаца. В новой редакции он выглядел таким образом:

«Весной тридцать четвертого года во время оккупации Рейнской области Гитлер приказал выдвинуть на исходные позиции танковую дивизию полковника Гудериана. Однако выдвигать было нечего. Танковая дивизия сдвинуться с места не могла, а танковые полки, если бы явились осложнения, оказались бы небоеспособными. Танки Т-II и Т-I не могли противостоять французским танкам. Во время движения к исходным позициям до места назначения дошла лишь треть всех танков, отправившихся из лагеря».

— Вы что-нибудь поняли? — спросил сэр Рамсей у помощников. — Несколько таких информации... и Кольберг может оказаться непонятным в ведомстве Гиммлера... Он ничем не докажет, что это не он передавал такие сведения.

Вторая информация для Курбатова была составлена Кольбергом о состоянии дел в авиации, третья — опять о танках...

И опять же вместо цифр, переданных Кольбергом, были поставлены цифры английской разведки, а вместо рассуждений о применении танков в будущей войне — точная разработка бронетанкового управления генштаба о тактике танкового боя. Несмотря на то что в немецкой армии еще не было достаточного количества танков, чтобы счесть ее способной вести массированные танковые сражения, разработка тактики танкового боя была проделана тщательнейшим образом. Главная идея, автором которой выступал все тот же Гудериан, состояла в том, что одни лишь танки не могут и не должны решать задачи маневренной войны. Танки, по его мысли, должны были взаимодействовать с другими родами войск: с авиацией, с пехотой, с артиллерией, с саперными частями, с войсками связи.

Кольберг передал три документа Курбатову, подготовленные ведомством Гейдриха для дезинформации англичан. Он ждал, когда последует запрос сэра Рамсея у Курбатова, кто поставлял такую информацию. Курбатов должен был назвать Кольберга, после чего ожидалось, что англичане выйдут с ним на встречу. Кольберг готов был дать согласие сотрудничать с английской разведкой под наблюдением Гейдриха.

Он ждал запроса, ждал встречи. Но никак не ожидал, во что выльется эта встреча.

Сэр Рамсей не решился выехать в Берлин для встречи с Кольбергом. Он уполномочил вести с ним дела работника из аппарата военного атташе.

На одном из дипломатических приемов английский офицер подошел к Кольбергу и любезно попросил его побеседовать где-нибудь в сторонке, не выходя из общего зала.

«Началось!» — решил Кольберг и охотно принял приглашение.

Они отошли в конец зала, остановились у окна. Впешше это выглядело обычной светской беседой.

— Господин полковник, — начал офицер, — наши польские друзья передали нам несколько интересных документов... Мы установили, что автором являетесь вы, господин полковник... У нас очень тепло отнеслись к вашему желанию помочь вашим соседям разобраться в возможной угрозе, которую несет вооружение Германии европейскому миру...

Кольберг оставался бесстрастным. Все развивалось по намеченной схеме. Но он не спешил навстречу партнеру, предоставляя ему возможность высказаться до конца.

— Видя искреннее желание помочь всем тем, кто обеспокоен планами вашего фюрера, мы хотели бы все упростить. Затем

лишнее звено? Мы хотели бы прямых контактов... Это не противоречит вашим убеждениям?

— О каких документах идет речь? — осторожно поинтересовался Кольберг.

Офицер обворожительно улыбнулся.

— В удобной обстановке мы ознакомили бы вас с этими документами... Здесь передать их вам не очень удобно... Много сторонних глаз... Если мы вас и нескольких немецких офицеров пригласим на коктейль в нашем посольстве, не помешает ли что-либо вам принять наше приглашение?

— Я обычно принимаю такие приглашения, — ответил Кольберг.

— Скажем, послезавтра в пять часов... Это вас устроит?

— Устроит.

Офицер по-прежнему ласково улыбался. На этот раз Кольберг уловил в его словах иронию.

— Вы, безусловно, сейчас же составите отчет о нашей беседе. Я хотел бы вас предостеречь. Не проявите опасной для вас торопливости! Не ставьте своих шефов в известность о нашей беседе до того, как познакомитесь с документами...

Кольберг привык к неожиданностям, он сам умел ставить в тупик противника. Но тут его самого ставили в тупик. Последние слова офицера были просто дерзостью, но за этой дерзостью Кольберг уловил угрозу.

Они разошлись. Он не ответил офицеру. Что он мог ответить? Оборвать его? Но откуда ирония, откуда такое превосходство? Чем оно питается? Ему же было чуть ли не впрямую сказано: вы шли на игру с нами, игра разгадана и вы проиграли! Как он мог проиграть, действуя по прямым указаниям Гейдриха? Копии документов хранились в ведомстве Гейдриха. Если англичане разгадали, что получают дезинформацию, на том все и заканчивается. А в словах офицера скрыта более серьезная угроза. Курбатов? Он должен ответить на этот вопрос.

До встречи с Курбатовым Кольберг задержал свой отчет Гейдриху.

Он еще и еще раз просматривал каждый свой шаг, все свои взаимоотношения с Курбатовым и нигде не находил ошибки. Даже если Курбатов был с ним неискренен и в большей степени был предан английской разведке, ему тоже ничто не грозило. Курбатов был в этой операции всего лишь звеном для установления прямых контактов с английской разведкой. Курбатов, даже если хотел бы, так решил Кольберг, ничем повредить не мог.

Но встретился он с ним сурово и холодно.

— Владислав Павлович, — начал он, — вам знакома русская поговорка: старый друг лучше новых двух? Это правильная поговорка. Вы не следуете этому правилу.

Курбатов недоуменно пожал плечами:

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

Кольберг встал и наклонился над Курбатовым, пристально глядя ему в глаза.

— Кто вам ближе: я или англичане?

— Станный вопрос. И ненужный вопрос. Надо смотреть по делу.

Кольберг отступил на шаг.

— Моя школа. Это я вас натренировал давать точные ответы. Сейчас я вам задам последний вопрос. Последний вопрос в нашем затянувшемся диалоге. От ответа на этот вопрос целиком зависит ваша судьба. Прежде я должен разъяснить вам. Ваша деятельность носит недружественный нашей стране характер. Мы имеем все возможности предъявить вам серьезные обвинения, и наш суд примет в производство это дело... Это вам ясно?

— Ясно, — коротко ответил Курбатов.

— Ваше правительство может обратиться к нам с просьбой объявить вас здесь, в Германии, персоной нон грата и выслать в Польшу... Мы можем пойти и на это... Но одновременно передать польскому правительству материалы о вашей работе на немецкую и английскую разведку. Я надеюсь, что вы отдадите отчет, чем это вам грозит?

— Я уже говорил вам, Густав Оскарович, что меня ничто давно не пугает!

Кольберг поморщился.

— Всеми живому свойственно цепляться и бороться за жизнь. Вы предупреждены. Вот мой вопрос. Не торопитесь с ответом. Второй раз я вам его задавать не буду. Кому и каким образом вы передавали документы, которые вы получали от меня?

— И это все? — тут же спросил Курбатов.

— Достаточно, — отпарировал Кольберг.

Курбатов резко встал:

— Я долго терпел вашу... — Курбатов сделал долгую паузу, как бы подыскивая поделкатнее слово. И закончил: — ...вашу многозначительность! Все, чем вы грозили мне, будет приводиться в действие уже не вашими руками, Густав Оскарович. И любой следователь гестапо заинтересуется и вашей ролью в этом деле. Я ее охарактеризую одним словом: глупость. Если ваша разведка будет работать вашими методами, Германия потеряет всех возможных своих помощников.

Они некоторое время смотрели молча друг другу в глаза. Курбатов спокойно выдержал тяжелый взгляд Кольберга. И вдруг злая улыбка скривила губы Кольберга. Негромко, но отчетливо он произнес:

— О, Курбатов! Как же вы должны меня ненавидеть! А? За Сибирь. За все...

— Черт, а не господь бог, связал нас веревочкой, Густав Оскарович, — ответил так же зло Курбатов. — Развязывайте!

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Оригинал был передан в польский штаб дипломатической почтой. Копия — английскому агенту...

— А вы не перепутали копию с оригиналом?

— Копия писана моей рукой.

— У меня больше вопросов нет, — заключил Кольберг, — ждите, что последует...

«Копия писана моей рукой, — повторял про себя Кольберг. — А оригинал печатался в ведомстве Гейдриха».

Нигде нет отклонения от хода операции. Даже если Курбатов передавал копию в польский штаб, а оригинал англичанам. Что из этого следует? Ничего не следует!

Однако какое-то предчувствие все же остановило Кольберга от встречи с Гейдрихом. Решил подождать, что ему скажет английский офицер.

Состоялся коктейль. Кольберг получил возможность ознакомиться с документами в кабинете военного атташе. Он прочитал и... похолодел. Это были информационные сообщения, отредактированные Рамсеем. Явная подделка! Но бумага была точно такой же, какая и на его документах. Шрифт машинки? Какое это имело значение! Он никогда не докажет Гейдриху, что у него не было машинки с таким шрифтом.

Курбатов подправил? О нет! Курбатова в этом не обвинишь. Он не знал и не мог знать тех цифр и фактов, которые приводились в этих документах. А он, Кольберг, был осведомлен об этих фактах и цифрах.

Англичане подменили его сообщение. Прием не новый. Но откуда им известны цифры и факты, которые держатся в секрете? «Как я докажу Гейдриху, — думал Кольберг, — что это не я пересоставил документы и за спиной шефа тайной полиции передал секретную информацию противнику? Я никак не смогу отвести от себя подозрение!»

Кольберг сознавал, что речь идет уже не о подозрении, а об обвинении.

Адмирал Канарис узнает о его, Кольберга, связи с Гейдрихом. Кольберг будет раздавлен между жерновами.

Беспушно вошел офицер. Кольберг поднял глаза и впервые в жизни почувствовал, что не владеет своим лицом, что не может скрыть ужаса и растерянности.

— Надеюсь, — раздался вкрадчивый голос, — вы вняли моему совету, не сообщили шефу о начале наших переговоров?

— Что вы от меня хотите?

— Вы все поняли?

— Что вы от меня хотите? — устало переспросил Кольберг.

Он еще на что-то надеялся, рассчитывая, что англичане допустят какой-то просчет.

— Нам удалось установить, что адмирал Канарис и его аппарат не участвовали в вашей затее, господин полковник! Что это значит? Кто направлял ваши действия?

Начали с самого страшного. Холодело сердце от одной мысли, что ему придется назвать имя Гейдриха. Тогда он пропал.

Пропал без всякой надежды взять у англичан реванш. Гейдрих не простит упоминания его имени.

«Неужели Курбатов проговорился и рассказал о своем визите к Гейдриху?» Кольберг понимал, что малейшее колебание — и он окажется отвергнутым и у англичан, и у своих.

— Гейдрих! — ответил он твердо, понимая, что с этой секунды назад ему возврата нет.

— Донесете Гейдриху, что контакт с нами установлен, что мы начали с вами игру и готовимся к вербовке... Это первый ваш шаг... О дальнейшем договоримся.

— Связь?

— Курбатов.

— Нет! Меня это не устраивает! Я сам позабочусь о связи.

Офицер в знак согласия кивнул головой.

— Убирайте Курбатова из Берлина...

— И об этом подумаем, — пообещал офицер.

12

Кольберг ждал активных действий Курбатова. Если, как он подозревал всю жизнь, Курбатов работал на Москву, то должно последовать предложение сотрудничать с советской разведкой. Он был целиком в руках Курбатова. Но ничего не последовало.

Хотя бы в этом какое-то облегчение. Слабое, конечно, утешение. Оказывается, гонялся всю жизнь за миражем. Случайный побег принял за подготовленную чекистами операцию. Все старания напрасны. Напрасно возился с Курбатовым в Сибири, напрасно повесил Шеврова, напрасно погиб в Варшаве, вдали от своего дома, Ставцев... Все напрасно! Плел, плел, как ему казалось, изящнейшего рисунка паутину, радовался необычному ее узору, а запутался в этой паутине сам.

Первый же случай, и вот, ничего не убоявшись, Курбатов отдал его англичанам... А что же можно было ждать!

Почему англичане оставили на связи с ним Курбатова? Особое доверие к польскому офицеру? Нет! Англичане оставались в тени и загребали жар руками польского офицера. В случае провала все падет на польскую разведку.

Кольберг впервые через силу шел на встречу с человеком, за которым много лет упорно охотился. Встречи с Курбатовым когда-то ему даже доставляли удовольствие. Он наслаждался своим превосходством, искуством неожиданно поставить вопрос, опеломить и потом вдруг снизить до покровительственного тона. Чем больше он испытывал наслаждения от этого прежде, тем с большей тяжестью он шел на эту встречу теперь.

Кольберг попытался взять покровительственный тон.

— Не ожидал я, мой мальчик, что вы так легко... — начал Кольберг.

— Оставим это! — прервал его Курбатов. — Я достаточно на-

слушался разных сентенций от вас. Я знаю наперед все, что вы скажете! Ни вы, ни я не испытаем удовольствия от контактов, но нам придется заниматься общим делом. Так давайте по делу.

Кольберг замолк, глядя на Курбатова. Он спокоен и деловит. Ничем не выказывает своего настроения, даже в его глазах ничего не прочтешь. Он понимал, что не мог в эту минуту не торжествовать Курбатов, но он умело скрывал это торжество.

— Слушаю, — спокойно ответил Кольберг.

— Меня просили, — сказал Курбатов, — выяснить ваши предложения по связи.

— А-а! — воскликнул Кольберг. — Значит, нет ни у кого желания продлить нашу дружбу?

— Такого желания я ни у кого не заметил, — ответил Курбатов. — Вы удовлетворены?

— Это важное сообщение.

— Итак, имеете ли какие-либо предложения?

— А вы возвращаетесь в Варшаву? — уходя от ответа, спросил Кольберг.

— Это сочли нецелесообразным. Мне поручено сделать вам запрос. Возможен ли вариант, при котором я мог бы уйти в Испанию?... Может ли заинтересовать Гейдриха возможность иметь меня как агента в рядах республиканской армии? Там формируется интернациональная бригада... Сэр Рамсей заинтересован в том, чтобы я оказался в этой бригаде...

Кольберг задумался.

— Пожалуй, я смогу заинтересовать Гейдриха этим предложением...

— Одна линия связи будет для вас легальной, Густав Оскарович, — продолжал Курбатов. — Иначе говоря, для Гейдриха, для прикрытия вас, с вами установит связь английский офицер... С ним вы можете продолжать те же эксперименты, что и со мной. Это чтобы засчитывалась ваша работа у Гейдриха... Если вы сумеете внедрить человека Рамсея, на этом все и завершается. С офицером связь может продолжаться, но вас не будут обременять никакими поручениями... Условия льготные...

Кольберг покачал головой:

— Не так-то это просто.

— Совсем не просто. Мне просили вас передать, что ждут ваших предложений...

Одно оставалось загадочным. Кольберг старался не думать об этой загадке, но против воли мысли его непрестанно возвращались к вопросу, кто снабжает англичан тончайшей информацией о состоянии вооруженных сил Германии, о всех тайных планах Гитлера. Кто из лиц осведомленных работает на англичан? Не малая это фигура. А если к ней подобраться? Все ему, конечно, тогда простится, он без труда докажет свое алиби... Может быть, Гейдрих уже на следу, не открыться ли ему с полной откровенностью? Если бы он был моложе, если бы не давил опыт прожитых лет, знание сложнейших ситуаций, возникающих в развед-

вательных делах, он, конечно, открылся бы. Ему помнилось одно из крупных дел первой мировой войны. Армейская контрразведка вышла на след важного немецкого агента в русской армии. И все контрразведчики, которые вышли на след этого агента, были один за другим, но каждый по-разному, убиты. И даже очень высокий царский чиновник погиб в катастрофе лишь из-за того, что контрразведчики успели поделиться с ним своими подозрениями.

Нет, ему это не по силам! За излишнее знание такого рода тайн люди расплачиваются жизнью.

А он старался, он надеялся, что новому режиму понадобится его опыт, его знания! Поднималось недоброе чувство к тем, кто, располагая всей силой власти, использует эту власть себе на пользу, не думая ни об идеях, ни о судьбе нации.

Кольберг пришел к мысли использовать ситуацию, сложившуюся в доме барона фон Рамфоринха, для своих целей. Именно из этих его раздумий и родилась операция.

Барон фон Рамфоринх был одним из некоронованных королей немецкой индустрии.

В абвере знали, что к концу двадцатых годов Герман фон Рамфоринх входил уже в состав промышленной элиты, стоял где-то рядом, а может быть, и вровень с такими, как Крупп и Тиссен.

Известно было Кольбергу, что фон Рамфоринх принимал участие в совещаниях промышленников, на которых была решена судьба Гитлера. Он был один из тех, кто вручил Гитлеру власть над страной, кто сделал его фюрером. Эти люди получили положение неприкасаемых. Ни гестапо, ни разведка, ни контрразведка, ни закон — никто не мог коснуться их.

Гитлер правил страной, они правили Гитлером, всегда оставаясь в тени.

Империя Рамфоринха не имела границ, деньги, как вода, издавна обладают свойством просачиваться в пустоту. Деньги Рамфоринха сначала проникли в соседние государства, затем пересекли и океан. Рамфоринх вышел в разряд деловых людей, которые при любом исходе военного конфликта не проигрывают.

И вот случилась беда.

Его сын, единственный наследник всей химической империи, летчик военного воздушного флота, уехал в Испанию. В одном из воздушных боев его самолет был сбит.

Фон Рамфоринх-старший предпринял все возможное, чтобы выволить сына из плена. Были сделаны соответствующие представления по дипломатическим каналам, пошли письма к видным деятелям республиканского правительства в Испании, а военная разведка и соответствующие управления в системе имперской безопасности получили указание изыскать любые средства, чтобы выволить пленника. Кольберг знал об этом указании, и оно прямо его касалось.

Сэр Рамсей просил найти возможность для внедрения своего агента в Германию. Фон Рамфоринх, ради спасения сына, пойдет

на такую комбинацию. Это будет нечто похожее на залог. Сэр Рамсей засылает своего агента в Германию, Рамфоринх оберегает этого агента, зная, что его сын в руках Рамсея.

Сможет ли сэр Рамсей освободить пленника? Во всяком случае у англичан найдется больше возможностей, чем у немцев, установить по этому поводу контакты с республиканским командованием. Но оставит ли его, Кольберга, после этого в покое сэр Рамсей? Реально ли его обещание? Кольберг усмехался. Старый и избитый прием разведок. Сначала речь идет о выполнении незначительного поручения; когда агент выполнит его, дается другое, агента запутывают окончательно и уже никогда не выпускают из своих тенет. Но так работают с теми, кто не искушен в делах разведки. С ним, с Кольбергом, профессиональным разведчиком, зачем же так? А может быть, им и вправду важнее внедрить своего человека, чем работать с ним?

Кольберг решил сработать на совесть, ввести агента Рамсея так, чтобы он оказался в полной безопасности, если вообще может быть какая-либо безопасность для людей этой профессии. От безопасности этого человека зависела его безопасность.

13

Проворов терпеливо ждал, когда Дубровин прочтет последнее донесение Курбатова и сообщение связанного из Берлина.

— Ну что же... — сказал Дубровин, отстранив папку с документами. — Теперь он на месте. На баррикадах с оружием в руках защищает идеи революции... И никому он теперь не подвластен. Для Кольберга он недоступен, далеко ушел он и от англичан. Он нам помог, Михаил Иванович!

— Помог, — ответил сдержанно Проворов.

Дубровин насторожился.

— У вас к нему есть какие-нибудь претензии?

— К нему? Нет! Помилуйте, Алексей Федорович! Только благодарность. Я о другом. Вас разве не заинтересовала последняя комбинация, намеченная Кольбергом? Рамфоринх действительно серьезная фигура в третьем рейхе... Я навел справки... Известно, что Рамфоринх очень озабочен проблемой войны с Россией... Он считает, что сила Германии в мире с Россией. Тогда у Германии развязаны руки в Европе и в колониях... По роду своей финансовой деятельности Рамфоринх заинтересован в расширении колониальных владений. Он там ищет сырье для своей индустрии.

— Вы хотите сказать, что он... — начал Дубровин.

— Вот именно! — воскликнул Проворов. — Именно это я и хочу сказать... Он примет предложение Рамсея, а мы можем в пути подменить посланца Рамсея. Сыграть вместо Рамсея.

— И Рамфоринх не распознает замены?

— Рамфоринх замену распознает, — ответил Проворов.

— А я уже подумал было, что вы впали в детство, Михаил Иванович. Наивных предложений я давно от вас не слышал.

Проворов отмахнулся от шутки Дубровина.

— Распознает замену. А мы и не будем скрывать. Мы ему представимся. Его сын будет в большей безопасности у нас, чем у Рамсея...

— А патриотизм барона, а его ненависть к коммунистам?

— Сын ему дороже Германии, ибо его владения космополитичны, а ненависть к коммунистам может остаться при нем. Ненависть еще совсем не исключает возможности делового сотрудничества.

— Не хотите ли вы превратить Рамфоринха в нашего агента?

— Алексей Федорович! — с укором в голосе воскликнул Проворов.

— Я с вами не спору, Михаил Иванович. И аргументов серьезных ни «за», ни «против» у меня пока нет. Это мы еще пока разберем в подробностях. Этична ли эта операция? Вот вопрос. Вы, Михаил Иванович, конечно, отчетливо себе представляете, какому мы подвергнем риску нашего человека...

— Огромному риску, Алексей Федорович. Но мы много и выиграем...

— Если этого пожелает Рамфоринх. А если Рамфоринх выдаст нашего человека гитлеровским властям? Мы же полностью будем зависеть от капризов этого господина.

— Рамфоринх деловой человек. Мы проверяли сообщение и характеристику, которую ему дал Кольберг. От Рамфоринха пришли письма к некоторым деятелям Испании. Он многое обещает в этих письмах. Наша задача не только сохранить ему сына. Мы могли бы, Алексей Федорович, найти с ним какие-то интересы, которые отвечали бы и его деловым задачам.

Дубровин встал из-за стола, прошелся по кабинету, остановился над Проворовым.

— Разрешите тогда поставить еще один вопрос, Михаил Иванович. А зачем нам нужен около Рамфоринха наш человек? Я принимаю вашу версию. Могу даже поверить, что Рамфоринх возьмет под защиту этого человека. Но это совсем не значит, что он откроет ему какие-то тайны, это совсем не значит, что он даст работать нашему человеку.

Проворов вздохнул.

— В своих прикидках я останавливался именно на этом пункте. Я не могу ответить на ваш вопрос, Алексей Федорович. Может быть, мое предложение действительно наивно.

— Вы отступаете, Михаил Иванович?

— Не хотелось бы так легко отказываться от этой комбинации, но...

— Давайте вместе с вами попробуем преодолеть эту точку, если она вообще преодолима. На что рассчитывает Кольберг, подставляя Рамфоринху английского агента? Ситуация в общем-то однотипна...

— Кольберг будет с ним держать связь... Передачи от Кольберга пойдут через этого человека...

— Стоп! У Кольберга для связи есть более удобные каналы...

— Сейчас есть... Но они могут исчезнуть... Эта же подставка делается не на один год.

— Правильно! Это я и хотел услышать. А если наш человек найдет пути сделать для Рамфоринха сотрудничество выгодным... К примеру, финансист, если он хочет выжить в мире жесточайшей конкуренции, должен рассчитывать игру на много ходов вперед. Может ли Рамфоринх задуматься о последствиях нападения Гитлера на Советский Союз? Может! И должен задуматься.

— А если он фанатик? — отпарировал Проворов. — Если он убежден, что Гитлер из столкновения с Советским Союзом выйдет победителем?

— Он финансист, промышленник и знает, что у Гитлера очень мало шансов на победу.

— Стало быть, вы за эту комбинацию? — спросил Проворов.

— Есть же у них люди, которые держат ориентировку на Англию... Иначе откуда бы сэр Рамсею были известны деликатнейшие подробности о вооружениях Германии?

— Прямое объяснение, и сразу?

— Да! Наш человек раскроется перед ним и выскажет наши предложения. Если он не примет предложений, то поможет нашему человеку выбраться оттуда. Это будет условием возвращения ему сына. Мы ни к чему не должны его принуждать, нужно его разумное согласие. Встреча с ним нашего человека пройдет под защитой его сына. Так можно рискнуть.

— Разрешите мне подумать о кандидатуре? — спросил Проворов.

— Мы должны выбрать кандидатуру из тех, кто общался с немцами! Тот человек, о котором я подумал, общался с немцами... Он рос с немецкими детьми, ходил в немецкую школу. Бывал в Германии и позже... Проходил практику в Берлинском университете...

— Кого вы имеете в виду? — спросил Проворов. — Он должен быть профессионалом...

— В какой-то степени он близок и к этому требованию...

— Дальше пойдут общие вещи, Алексей Федорович! Но очень важные. Ваш кандидат не является нашим работником? От него требуется мужество, преданность Родине и идеям коммунизма, спокойствие, выдержка, горячее сердце, как говорил Феликс Эдмундович, и холодная голова.

— Вот об этих качествах моего кандидата я попрошу сделать заключение вас, Михаил Иванович! Я предлагаю своего сына.

— Никиту?.. — Проворов даже встал. — Алексей Федорович! Это... Это в какой-то степени и нарушение...

— Во всяких правилах, даже очень хороших, бывают исключения ради дела.

— Он человек штатский, ученый, он журналист... Он историк!

— Историк. И специализировался по истории Германии...

— Он мог попасть в поле зрения их разведки. Его могут там знать...

— Не думаю... Если Рамфоринх прикроет его, то это будет не страшно, а если не прикроет, то ничего его не спасет. Для меня это не в малой степени и вопрос этики! Речь идет о сыне Рамфоринха и о моем сыне. Мы на равных. Это может убедить Рамфоринха в серьезности людей, вступающих с ним в деловое соглашение.

— Ему двадцать шесть лет... — продолжал Проворов, как бы раздумывая вслух. — Можно мне подумать, Алексей Федорович? — спросил Проворов, опустив глаза.

— Подумайте.

14

Курбатов через связного от Проворова получил задание встретиться с Рамфоринхом и проверить, как он воспримет комбинацию, предложенную Кольбергом. Возьмет ли он под свою высокую защиту человека от сэра Рамсея или еще от кого-то, кто вернет ему сына? При этом Курбатова просили получить не только прямой ответ на прямой вопрос, но и, если это возможно, выяснить, можно ли доверять этому господину.

Курбатов внушил Кольбергу мысль, что ему необходима встреча с Рамфоринхом, намекнув, что имеются реальные возможности вернуть ему сына.

Еще одна загадка Кольбергу. Как быть? Посвящать Гейдриха хотя бы в эту часть операции или обратиться к Рамфоринху на свой страх и риск, обойдя и адмирала и шефа гестапо. Если он вынужден будет посвятить Гейдриха в идею переброски человека от Рамсея взамен Курбатова, то Гейдрих не должен знать, какая избирается точка для этой переброски. Иначе вся операция теряет смысл.

Выход на Рамфоринха опасен. Но речь идет о его сыне. Неужели Рамфоринх не прикроет его? Кольберг решил: «Прикроет». Он позвонил Рамфоринху по телефону с аппарата, который не прослушивался, и просил его принять.

Начать разговор было проще, чем закончить.

— Господин барон, — начал Кольберг, — мы все в военной разведке озабочены судьбой вашего сына... Каждый из нас задумывался, как вам помочь. У меня возникла надежда, что один из моих агентов может вам помочь. Но ситуация не из легких.

— Что по этому поводу думает адмирал Канарис? — спросил Рамфоринх.

— Я пришел, минуя адмирала!

— Я так и понял. Адмирал не упустил бы возможности по-

радовать меня. Чем я мог бы отплатить за вашу любезность, господин полковник? Не стесняйтесь.

— Я прошу только вашей защиты, если это обращение к вам вызовет гнев адмирала или гестапо!

— И ничего для себя? Продвижение по службе? Деньги?

— По службе мне некуда двигаться. Возраст не для продвижения...

Барон был краток:

— Слушаю вас!

— Меня что же слушать? Я могу только рекомендовать вам встретиться с моим агентом. Он и мне в подробностях не изложил своих намерений. И мне не нужно о них знать.

Рамфоринх поморщился:

— Я принимаю ваше условие... Я согласен поверить, что вы не знаете существа комбинации. Кого я должен повидать?

— Офицера из аппарата польского военного атташе.

— Чем может мне помочь польская разведка? Ерунда!

— Не польская, господин барон, — отпаривал Кольберг. — Это и наш, и английский агент в польском штабе.

— Я обращался к англичанам. У меня там большие связи. Мне никто и ничего не обещал. Я обращался в очень высокие адреса.

— Все может быть! — ответил Кольберг. — Но я имею сведения, что английский шеф этого офицера, сэр Рамсей, заинтересован возможностью вам помочь.

— Я обращался к шефам сэра Рамсея...

— Иногда с большой вышки не видно мелких объектов, господин барон, а те, кто ближе к земле, видят их...

— Я сказал, что я на все готов ради сына! Помогите этому офицеру встретиться со мной.

...Тяжелый «роллс-ройс» прошуршал по гравию и остановился у подъезда. Шофер открыл дверцу. Он же проводил Курбатова в дом. Барон подготовился к встрече. Ни одного лишнего человека. Он сам встретил Курбатова. Невысокий, сухонький старичок. Сохранилась на всю жизнь военная выправка.

Барон легким наклоном головы пригласил Курбатова следовать за ним. Провел его по темному коридору, открыл дверь в кабинет.

В кабинете ничего лишнего. Все для дела и удобства в работе. Массивный резной стол прошлого столетия, книжные шкафы, столик возле кожаного массивного дивана.

Рамфоринх указал Курбатову на кресло, сам сел за стол.

— Представляться нам друг другу ни к чему, — объявил барон. — Мне сказали, что у вас есть возможность помочь моему сыну.

Курбатову надо было любыми средствами заставить барона разговаривать, чтобы понять, что это за человек.

— У меня лично такой возможности нет. Мне намекнули, что эта ситуация заинтересовала моих руководителей... Я обязан был об этом сообщить полковнику Кольбергу. Таким образом мы с вами встретились...

— Так кого же заинтересовала эта ситуация? Вас или Кольберга?

— Полковника Кольберга и сэра Рамсея. Сэр Рамсей надеется переиграть Кольберга, а мы с Кольбергом надеемся переиграть Рамсея. Но это не относится к вашему сыну.

— Может ли действительно таинственный сэр Рамзес...

— Сэр Рамсей...

— Может ли этот Рамсей добиться освобождения моего сына?

— Я этого не знаю, господин барон. Ручаться не могу. Мне сказано, что сэр Рамсей располагает такой возможностью. Я ему обязан верить на слово.

Барон усмехнулся:

— Разведка гошется за тайнами... Какие тайны хочет получить от меня сэр Рамсей?

Курбатов пожал плечами:

— О тайнах не шло речи...

— Деньги?

— Мне поручено узнать, что вы могли бы предложить?

Барон встал.

— Имейте в виду, я не верю разведкам и, кроме коммерческих разведок, иных не признаю. Это дорогостоящий и опасный аппарат. Они гонятся за тайнами, вербуют агентов. Агенты, чтобы заработать, добывают тайны, которые в серьезных вещах не имеют никакого значения... Я промышленник. Мне достаточно знать основные показатели промышленного потенциала государства, чтобы я мог составить представление о его вооруженных силах, военных планах и возможностях их реализовать.

Мне известно без разведок, что может противопоставить Англия нашим вооруженным силам. В Англии тоже есть промышленники, которые так же, как и я, знают, что мы можем выставить против Англии. И в Англии прекрасно осведомлены, что если она проявит слабость, мы проглотим Англию. Мы тоже знаем, что, если проявим слабость, нас проглотит Англия. Что нужно сэру Рамсею?

— Мне сказали, — начал Курбатов, — что была бы желательной ваша лояльность.

— Удержать Гитлера от нападения на Англию? Это не в моей власти и даже не во власти Гитлера... Может сложиться обстановка, в которой столь огромные силы придут в движение, что война может оказаться неизбежностью... И неизвестно еще, мы нападем на Англию или она на нас. Это вопрос европейского равновесия, а оно может быть нарушено против моей воли...

— Требования сэра Рамсея, — продолжал Курбатов, — так далеко, на мой взгляд, не распространяются. Мне был поставлен вопрос, согласились бы вы принять под свое покровительство, ук-

рыть у себя человека, дав официальный вид на жительство. Этот человек жил бы возле вас... Он был бы скромен в своих запросах...

— Точнее, прикрыть агента. Английского агента? А если он полезет за глупыми тайнами и попадетсся?

— В ближайшие годы он не будет гоняться за тайнами... И вообще не будет гоняться за тайнами без консультации с вами...

— Ого! — воскликнул барон. — Цена действительно велика. И об этом будет знать Кольберг?

Курбатов кивнул головой, сам того не зная, что этим почти неслышным движением подписал смертный приговор своему старому и неутомному врагу.

— Я приму этого человека и мне вернут сына? Или он останется у вас заложником?

— Сына ваш будет в полной безопасности, — ответил твердо Курбатов.

— Под мое честное слово, что ничего не случится с вашим человеком?

Курбатов с недоумением и молчаливым упреком взглянул на барона.

— О-о! Понимаю! — мгновенно отреагировал барон. — Все без слов понимаю. Пусть будет так, вы поверите моему честному слову. Но имейте в виду, если обо всем этом узнает гестапо, человеку вашему будет плохо. Меня это не коснется, меня даже не посмеют спросить, что все это означает. Но лучше будет, если ваш человек прибудет, а Кольберг об этом не узнает.

— Я удовлетворен, господин барон. Разрешите проститься... — Курбатов встал.

И тут барон дрогнул.

— Подождите, — остановил он Курбатова.

Он достал из шкафа бутылку коньяку, разлил по рюмкам. Молча поднял рюмку и поклонился Курбатову. Они выпили.

— Не торопитесь, — уже не так сухо обронил барон. — Мне не хочется вас отпускать... Мне почему-то кажется, что у вас в руках действительно та штучка, что связывает меня с сыном.

Барон подвинул Курбатову ящик с сигарами. Сигары «Монтекристо» — самые дорогие гаванские сигары. Курбатов не курил. Он поблагодарил барона и отказался. Барон неторопливо раскурил сигару.

Он о чем-то раздумывал. Затем достал из стола чековую книжку.

— Вы, конечно, подробно сообщите... — начал он. — Для меня неважно, кому вы это сообщите. Для меня вообще неважно, кого вы мне пришлете. Я просил бы об одном: прислать умного человека. С умным легче! Мне безразлично, чьи интересы будет соблюдать этот человек. Мне безразлично, кого он будет представлять. Так и сообщите. А вот это гарантия.

Барон открыл чековую книжку.

— Вот здесь будет выписана некая сумма денег, значительная сумма! И этот чек я вручу Гиммлеру в случае опасности для этого человека. Я уже высказал свое отношение к тайнам, за которыми гонятся разведки... Не это решает судьбы наций! Мне безразлично, кому будет служить человек, которого вы ко мне пришлете. И, если нужно будет, я вырву из этой книжки еще один чек. И СС, и СД, и НСДАП нуждаются в моих деньгах. Я хотел бы лишь одного: иметь дело с вами, минуя полковника Кольберга.

Барон встал. Подвинулся с кресла и Курбатов.

Барон проводил его до машины.

Зашуршали по гравии шины, звякнули цепи, опуская подъемный мост, раздвигая могучими фарами тьму, машина помчалась в Берлин...

В интернациональную бригаду, которая сражалась на подступах к Мадриду, отставив город от мятежников и итальянских солдат, прибыл из Германии доброволец. Нелегко был его путь в интербригаду. Он нелегально перешел французскую границу, а там уже с помощью организации, содействующей переправке добровольцев в Испанию, добрался и до Мадрида. Вильгельм Кемпенер. Это было новое имя Владислава Курбатова, данное ему по распоряжению Гейдриха. Он получил и документы, изготовленные мастерами подделок.

Вильгельм Кемпенер получил от Гейдриха задание выявлять немецких антифашистов в интербригаде, выяснять их подлинные имена, а также держать связь с английской разведкой, изучать, как она действует в Испании, какие ставит перед собой задачи.

Кольберг поставил перед Курбатовым задачу посложнее. Именно Курбатов должен был подготовить переброску английского разведчика на территорию Германии, если сэр Рамсей сумеет освободить сына Рамфорixa.

Никита Дубровин родился в Сибири между Третьяками и Займищем, куда вез на лошади его мать Миша Проворов, тогда пятнадцатилетний крестьянский паренек.

Ему было всего лишь год от роду, когда его отец и мать эмигрировали в Швейцарию. Они снимали квартиру у хозяина-немца, часовых дел мастера. Суровый, неразговорчивый старик, а вот дочь у него удалась веселого нрава. Она была учительницей. Она первая посадила Никиту за книжку и научила читать и писать. Немецкий язык был тогда для него родным языком. Он играл с детьми, которые говорили на немецком языке, он пошел в

школу, где учили на немецком языке, по-русски он разговаривал только с отцом.

Алексей Федорович Дубровин выехал в Россию раньше своих, семья его еще некоторое время жила в Швейцарии. Он выехал в Россию после Февральской революции, жена и сын вернулись лишь в двадцать втором году, когда закончилась гражданская война.

Среднюю школу Никита кончал в Москве. Мать работала в Международной организации помощи рабочему движению. Она хотела, чтобы сын знал несколько европейских языков и посвятил себя тоже рабочему движению. К Никите ходили на дом учителя французского и английского языков. Языки ему давались легко, помогало и знание немецкого языка. Но ни французский, ни английский языки он, конечно, не знал так, как немецкий. После школы он поступил на исторический факультет Московского университета. Специализировался по истории Германии. Потом два года практики в Берлине.

Он знал, что его отец был одним из соратников Дзержинского. Его характер, его пламенная преданность революции, его жизнь были образцом для подражания. Дзержинский был героем Никиты.

Много раз он просил отца направить его на работу в разведку. Дубровин-старший говорил сыну:

— Учись! Разведчик должен быть образованнейшим человеком. Для того чтобы серьезно работать в разведке, надо быть зрелым человеком. Не спеши, если придет твой час, я сам тебя позову.

С годами увлечение разведкой поутихло. Он вдруг перекинул от средних веков к истории Германии кануна второй мировой войны. Раскопал массу интересных источников о работе немецкой военной разведки и написал книгу. Книгу охотно издали.

Поздравляя с выходом его первой книги, отец сказал:

— Ну вот и ты отчасти к нашей работе прикоснулся... Твоя работа поможет нам... Это действительная помощь!

Никита отошел на время от занятий немецкой историей и задумал написать книгу о чекистах первых лет революции. Это было нелегко. Работая в архивах, он все время наталкивался на материалы, которые публиковать было бы преждевременным. Тогда он написал книгу для закрытого использования. Книга обратила на себя внимание разведчиков. Отец был сдержан на похвалы, но он передал сыну мнение своих товарищей о книге.

Ему уже было двадцать шесть, когда он занялся изучением гитлеровского аппарата власти. Три года — срок небольшой, чтобы сделать какие-то выводы о гитлеровском режиме. Многие факты лежали на поверхности, они были общеизвестны, но многое еще оставалось в тени. Никита внимательно следил за немецкой периодической печатью, стараясь разобраться, какое место в гитлеровском государстве занимают тайная полиция, разведка и контрразведка. Тема была новой: сращивание государственно-

го аппарата с аппаратом тайной полиции, система партии, признанная организациями СС и СД.

Еще далеко не все устоялось в гитлеровской Германии, в бешеном круговороте сменялись лица. Но уже начали обрисовываться фигуры первой величины. Гитлер, расчистивший себе дорогу к власти террором и избиванием своих же сторонников, Геббельс, Геринг, Гиммлер, Гейдрих, Канарис... Все они не только вожди партии, но и члены организации СС и СД. Полиция внутри партии, партия — полиция. Полицейское государство.

...Они гуляли вечером по Москве. Шли по Каменному мосту к Кремлю. Отец остановился, опершись на перила. Внизу сверкала отражением огней Москва-река.

— Скажи, — начал Дубровин-старший, — у тебя не пропало желание работать с нами? У нас работать?

— Нет, отец! Это у меня никогда не пропадет.

Дубровин повернулся к сыну.

— Ты понимаешь... Тебе по плечу может быть и серьезное дело... Речь идет о...

Дубровин замолк. Отвернулся.

— Я слушаю, отец.

— Речь идет о долгой разлуке с Родиной, со мной, с матерью... Об очень долгой разлуке... На сколько лет? Я сейчас на такой вопрос не смог бы ответить.

— Выезд за границу? Я так должен понять эту задачу?

Дубровин помолчал.

— Выезд за границу? — переспросил он. — Немного легко ты истолковал мои слова... На нелегальную работу. Это будет точнее.

— Это же настоящее дело, отец! В Германию, конечно?

— Очень сложная задача, Никита, — тихо проговорил Дубровин, уловив в голосе сына ликующие нотки. — Боюсь, что у тебя не пропала еще восторженность. Это хорошо — романтика! Прекрасно даже. Но это же работа со всеми ее буднями, радостями, и горестями, и... опасностями...

— Я готов к опасностям, отец!

— Не спеши, — остановил его Дубровин. — Опасности серьезные. Но ты знаешь, разведчик привыкает к опасностям. Нельзя каждый день, каждый час и каждую минуту быть в напряжении... Я это испытал, когда был на нелегальном положении в царской России... Внимание не может быть все время сосредоточено на опасности. Это переходит в плоскость условных рефлексов. Ты идешь и ты же не думаешь, что для того, чтобы сделать шаг, тебе надо поднять и передвинуть вперед ногу. Шофер ведет машину и не думает непрерывно о рычагах, которые переключает. Преодоление опасности у разведчика — это выработка определенных условных рефлексов: повышенное внимание к окружающему, умение наблюдать за людьми, за вещами, за каждым их передвижением... изменением, видеть вокруг себя и слышать... Точность во времени, умение ощущать время, тщательность, ак-

куратность и внимание. Внимание и внимание! Есть вещи более серьезные, Никита. Ты уедешь... Исчезнешь для родных и близких, для друзей, и никто не будет знать о том, где ты и что ты делаешь!

— Должен быть и предлог для исчезновения, — ответил Никита.

— В Испанию направляются добровольцы... Будет считаться, что ты уехал в Испанию... Там легко затеряются твои следы... Ты знаешь, я не имею права сказать даже матери, куда ты уедешь. Это, пожалуй, самое трудное... Тоненькая ниточка будет связывать тебя с нашим миром... Столь тонкая, что по ней ты не услышишь ни единого слова, кроме относящихся к делу. И эта ниточка в любой момент может оборваться, и неизвестно, когда ее можно будет восстановить... Надо иметь большой заряд...

Дубровин запнулся, как бы подбирая подходящее слово. За него закончил Никита:

— ...ненависти? Я ненавижу фашизм.

Дубровин резко обернулся.

— А ты знаешь, что это такое? О ненависти ты мне скажешь, когда увидишь своими глазами, что такое фашизм. Я хотел тебе сказать не о ненависти. Единственной движущей силой в человеческом сознании может быть любовь. Только любовь, а не ненависть.

— У меня есть ты, мать, Родина, партия... Я люблю дневной свет, ночь. Белый свет люблю, жизнь люблю. Разве этого мало?

— Все дело в мере этой любви. Одни за эту любовь шли на костер, другие распинали ее. Еще хорошо, если ради ненависти... Просто по слабости или ради мгновенных и проходящих благ... Ты должен быть готов в случае неудачи к ужасающим испытаниям.

— Я не предам!..

Дубровин перебил:

— Ты знаешь старую поговорку: на миру и смерть красна. А ты будешь один! И никто, кроме тех, кто тобой будет руководить, не узнает о твоём подвиге.

Никита чуть слышно рассмеялся.

— Истинная доблесть, отец, в том, чтобы делать без свидетелей то, что ты делаешь для похвалы людской... Это говорил французский гуманист и просветитель Ларошфуко... Я думаю, что этот афоризм одно из достижений человеческой мысли... и этики...

— Я это выразил бы попроще. Чекист — всегда, на всю жизнь остается чекистом, при любых обстоятельствах. И будут мгновения, даже не мгновения... Будут периоды в твоей работе, когда ты сам и только на свою ответственность будешь принимать решения. Посовещаться будет не с кем.

— Я согласен, отец. Давно согласен. Ты же знаешь... что означает в моем сознании слово «чекист»!

— Знаю... — негромко ответил Дубровин.

...Поезд уходил ночью. Отправлялся не с московского вокзала, а с небольшой пригородной станции.

Падая снег, покрывая густым покровом мерзлую землю, становилась зима. Все были в штатском, молодые и здоровые ребята с военной выправкой. Не подавалось воинских команд, рассказывались по вагонам по заранее намеченному плану. Не было провожающих.

Перед отправлением поезда приехал маршал, с ним представитель Центрального Комитета партии Ольга Михайловна Дубровина.

Они прошли по вагонам. Маршал спрашивал в последний раз перед дальней дорогой, не забыли ли что, не нужна ли помощь, желал удачи и мужества. За маршалом шла по вагонам седая высокая женщина. Десантники перешептывались, называли ее имя. Те, кто знал ее биографию, радовались, что именно она пришла попрощаться с ними.

Ольге Михайловне хотелось хотя бы на минуту увидеть сына, посмотреть его товарищей, тех, с кем теперь ему делить все тяготы походной жизни далеко от родной земли. Уезжали добровольцы в Испанию, помочь республике в тяжелые для нее дни.

Никита, увидав в проходе вагона мать, вышел навстречу.

Ольга Михайловна подошла к сыну и положила ему на плечи руки. В вагоне темно. Но и в тусклом свете Никита видел, как блестят неестественным блеском глаза матери. Но она не дала затянуться прощанию. Оттолкнула сына и быстро пошла вперед.

Прощание закончилось. От темного вокзальчика тронулась машина, раздвигая фарами белые хлопья снега.

Поезд дал гудок, закричала сцепка, загромыхали буфера, и застучали на стыках колеса.

Поезд остановился на полустанке. Пассажиров ждали грузовые машины. Ночью приехали в порт. На рейде, в темном море, прикрытом серыми зимними тучами, взблескивали огни корабля...

В огромном и беспокойном мире встретились два человека, встретились, чтобы тут же расстаться и никогда больше не встретиться.

Никита приехал на мадридский фронт. Курбатов под именем австрийского гражданина Вильгельма Кемпенера состоял в интернациональной бригаде и сражался за свободную Испанию. Рамсей и Кольберг вывели его из игры в Германии. Гейдрих полагал, что в его лице получил своего агента в интербригаде. Протянулись к Курбатову две ниточки связи — одна от Кольберга, другая от Рамсея. Но он ждал главной, ждал сигнала из Москвы и человека от Дубровина.

Никита все знал о Курбатове. Прощаясь и давая последние наставления сыну, Дубровин говорил:

— Ты встретишься с человеком, которому мы доверяем... Это человек сложной судьбы, но человек искренний. Он предан России. Я даже не боюсь сказать, что он разделяет идеи Октябрьской революции... Он начал белогвардейским офицером... Но он был юношей и легко заблудился. А когда прозрел, без колебаний отдал себя служению революции... Он не коммунист. И это мы ему не ставим в упрек. Жизнь еще протянется, и как повернется его судьба — неизвестно. Он помогает нам от чистого сердца, понимая, что только наша страна может остановить страшный разбег фашизма! Владислав Павлович Курбатов... Это его настоящее имя. В Испании он действует под именем Вильгельма Кемпенера. О тебе он будет знать лишь то, что ты из Москвы, от меня... В нашей профессии лишние знания обременительны...

...Человек, который привел Никиту к Курбатову, удалился. Они остались вдвоем. В блиндаже горел керосиновый моргасик. При его свете Курбатов разглядывал гостя. Что-то знакомое, далекое и родное уловил он в его лице. Память судорожно поднимала из прошлого почти неуловимый образ. Он был похож. Похож на кого-то из очень близких. На кого? Он из России? Прошло так много лет. И сходство неуловимое. Курбатов сиделся вспомнить, спрашивать он не имел права.

Снег, великаны сосны, мрачные, непроницаемые ели. Река. Над рекой, над ледяной голубоватой равниной замшелая звонница. Деревянная, словно вязанная из бревен, церквушка. Третьяки. Старик рассказывал о ссыльном поселенце, об Алексее Федоровиче Дубровине. Рассказывал, как его сынок, Михаил Иванович Проворов, повез роженицу тайгой, в метель, в ночь к акушеру... Неужели? Неужели это сын Алексея Федоровича? И стершийся образ этого человека вдруг ожил в сознании Курбатова.

А между тем настала минута дать последние инструкции. Гость последние минуты со своими. Тревожно за этого юношу, так похожего на Алексея Федоровича Дубровина.

Стрелки часов сошлись на условленном часе.

— Вас ждут! — сказал Курбатов.

Они вышли из блиндажа.

Темная южная ночь. Звезды сияют, словно кто специально их подсвечивает изнутри. Но их сияние несколько не раздвигает густой и вязкой темноты. Иногда на той стороне, там, где враг, взлетают ракеты. Но и они не разряжают темноты.

С трудом различаются силуэты разбитых зданий, редкие деревья. Теряются во тьме линии окопов.

— Сегодня тихо... — заметил Курбатов. — Очень тихо... Обычно франкисты делают две-три вылазки за ночь... Сегодня нет... Может быть, даже потому, что ждут вас...

Овражком перебрались к покинутому окопам. Это ничейная территория, пустая полоса между враждующими сторонами.

Окопами вышли к разбитому дому, к переломленному пополам дереву.

Курбатов достал карманный фонарик. Прикрыл его рукой, чтобы не было видно вспышек со стороны позиций интербригады. Мигнул три раза.. Сделал паузу и мигнул еще два раза.

— За этим разбитым домом начинается овраг... — сказал он Никите. — Ползком по дну оврага... По руслу высохшего ручейка. Никуда не сворачивать... Скосы оврага минированы. Внизу русло резко сворачивает влево... Там встать и дать сигнал... Все!

Никита протянул на прощание руку, Курбатов обнял его и поцеловал. Никита откликнулся на этот порыв. И вдруг, оттолкнув Курбатова, как бы опасаясь продления этого момента, выпрыгнул из окопа. Шаги... Стихли и шаги. Растворилась в темноте его фигура...

...Никита обошел развалины, спустился в овраг. Вот оно под ногами, каменное русло. Он лег и пополз. Под руками обтесанные водой камни, они белеют в темноте.

Попадались крупные темные валуны гранита, шумела под ним мелкая галька.

Никита опускался ниже и ниже. Вот и поворот. Каменистый обрыв устоял перед потоком воды и повернул русло влево.

Никита вынул из кармана комбинезона завернутую в плотную бумагу, чтобы не сломалась, папироску. Это была первая в его жизни папироска, которую он должен был закурить. В ладонях, чтобы не видно было вспышки, зажег спичку, закурил. Встал в полный рост и очертил в темноте круг огоньком папиросы. Бросил ее, растоптал каблуком...

Наверху шорох шагов. Посыпались по обрыву мелкие камешки. Перед ним выросла темная фигура.

— Кто здесь? — раздался приглушенный голос. Спросили на немецком языке.

Никита произнес обусловленные паролем слова.

— Прощу за мной! — последовал приказ.

Они поднялись вверх и очутились на краю реденькой апельсиновой рощицы. Рощу окружал невысокий каменный забор. Они перебрались через забор. Раздался оклик часового. Проводник назвал пароль. Через несколько шагов они опустились в траншею, по траншее вышли за линию окопов.

...Проводник, немецкий офицер, видимо, имел жесткие и точные инструкции. В полной темноте они вышли за линию окопов, в темноте подошли к машине. Проводник распахнул заднюю дверцу и спросил:

— Вам нечего мне сказать?

— Нет!

— У вас есть какие-нибудь пожелания? В чем-нибудь нужда?

— Нет!

— С вами есть какие-либо документы или записи?

— Меня предупредили, что я ничего не должен брать с собой...

— Вы когда-нибудь пользовались парашютом?

— Да.

— Вы сами хотели бы собрать парашют или доверяете нам? Для вас складывал парашют специалист...

— Я доверяю вашему специалисту...

Машина уходила в ночь по дороге. Миновали шлагбаум, машина остановилась на взлетном поле возле самолета. В кабине виднелся силуэт пилота.

Проводник вручил Никите пакет.

— Вы прыгнете с парашютом... Ночью... Дождетесь рассвета. Вы должны прийти в ближайшее отделение гестапо и вручить пакет офицеру. Ни с кем и никаких объяснений... Только в гестапо...

Никита надел парашют, поднялся в кабину. Так они с проводником и не увидели друг друга при свете. Летчик сидел к нему спиной.

Несколько часов полета. Самолет сделал посадку, заправился и опять поднялся в воздух.

Осенние ночи длинные. Прошло еще несколько часов. В ларингофоне раздалась команда:

— Прыжок!

Никита отодвинул крышку фонаря, вышел на плоскость крыла и провалился в пустоту. Через несколько секунд почувствовал толчок. Купол раскрылся...

Внизу темнота, не очень-то далеко от того места, куда он опускался, тянулась ровная линия огоньков. Железная дорога. Выброс был точным.

Опустился. Поле. Под ногами пашня. Полная тишина. Неподалеку помигивали огни железнодорожной станции.

Теперь общий план операции ломался, усложнялся сразу по нескольким линиям.

Кольберг для Рамсея разработал такой вариант. Курбатов переводит через линию фронта агента, этого агента на самолете перебрасывают в Германию. Агенту был оставлен адрес конспиративной квартиры Кольберга. На эту квартиру он и должен явиться.

Но это для сэра Рамсея.

Для того чтобы осуществить переброску агента на самолете, Кольберг должен был получить санкцию Гейдриха. Поэтому он изложил Гейдриху план лишь первой части своей операции. Он доложил, что сэр Рамсей обратился к нему с просьбой через Кур-

батова внедрить агента. Гейдриху понравилась возможность запустить английского агента, даже внедрить его и не трогать. Использовать как подсадную утку, чтобы дезинформировать через него англичан и выявить его связи. Гейдрих даже предложил вариант внедрения. Предполагалось, что они устроят английского агента на службу в одну из частных торговых фирм.

Поэтому все, что начиналось на линии фронта под Мадридом, шло под наблюдением людей Гейдриха, осуществлялось его службой. Агент должен был явиться по адресу Гейдриха. Это предусматривалось условием операции. Встреча Кольберга с агентом должна была произойти на квартире начальника отделения гестапо того района, где должен был совершаться выброс на парашюте.

Но для англичан Кольберг именно в этом пункте разрывал план операции, разработанный с Гейдрихом. Он через Курбатова, все ему объяснив, передал агенту адрес своей конспиративной квартиры в одном из небольших городков, где они должны были с ним встретиться уже без ведома Гейдриха. Оттуда он собирался переправить английского офицера к Рамфоринху.

Но Никита получил иные инструкции. Минуты оба адреса — и адрес Гейдриха и адрес Кольберга, — сразу проследовать к Рамфоринху. Курбатов передал Никите номер телефона Рамфоринха, который тот ему передал для срочной связи по делу о сыне.

Никита снял парашют. По инструкции из оперативного плана Гейдриха он должен был его тут же закопать. Стало быть, парашют разыскали бы, даже если он исчезнет. Жечь нельзя. Его здесь ждали, огонь заметен издали. Никита осторожно, не торопясь сложил парашют, так что он уместился в специальный мешок с зашитым в него свинцовым грузом... Неподалеку от станции, куда он был выброшен, протекала речка, через нее проходил железнодорожный путь. Держась железнодорожной насыпи, Никита прошел к мосту, отошел берегом речки в сторону и утопил в воде мешок с парашютом. Ботинки у него были обработаны таким образом, чтобы собаки не могли взять след.

К рассвету он ушел далеко от места выброса. Из предосторожности подальше от железнодорожной линии. В Москве ему был указан городок, куда он мог прийти и найти телефон для междугородной связи.

Одет он был так, чтобы не выделяться из общей толпы. Все было рассчитано на то, что его будут искать, после того как он не явится по назначенным адресам. Никто не знал, что Кольберг и здесь обезопасил себя. Но, обезопасив себя, он тем самым и обезопасил Никиту. Утром еще ничего не было известно. Поэтому Никита действовал очень осторожно. Ему повезло. По телефону его сразу соединили с Рамфоринхом, тот дал номер телефона, по которому его соединили, где бы он ни находился: в Берлине, в резиденции своего промышленного государства, в поместье, дома или на заводах.

Он услышал отрывистый, старческий голос. Это совпадало с характеристикой, которую дал Курбатов.

Никита сказал всего лишь несколько слов, как это было и обусловлено между Курбатовым и Рамфоринхом. Он назвал город, откуда звонил, и адрес отделения связи. На другом конце провода на мгновение замолк голос. Затем последовало распоряжение ожидать неподалеку от узла связи машину.

Впереди было несколько часов ожидания. Самые опасные часы. Дальше? У Рамфоринха? Разве там не ожидали его опасности? Все могло быть. Но там начинается операция, продуманная и рассчитанная. Если неверно рассчитанная, то и к этому он готов. Здесь, в этом городке, его ожидают всякие случайности. А ему говорили, когда он уезжал: «Опасайтесь случайностей, это самое страшное, что подстерегает разведчика».

И Никита пошел по городу. Деловой походкой, как будто бы стояла какая-то перед ним цель. Идет человек, даже спешит куда-то. Он решил все эти два часа ходить и ходить, ни на минуту и нигде не останавливаясь...

Условия операции первого этапа были соблюдены. Ни офицер, который принял его из рук Курбатова, ни летчик, ни обслуга самолета не видели при свете его лица. В лицо его никто не видел и не знал здесь. Все на паролях. И вот он исчез. И все же лучше ходить и ходить, чтобы нигде и никому не примелькаться.

Городок жил спокойной жизнью.

А между тем Кольберг на квартире гестаповского офицера делал вид, что ждет его. Кольберг разыгрывал нетерпение и волнение. Поглядывал на часы. Вставал, ходил из угла в угол. Покачивал головой.

Офицер, конечно, все это брал на заметку, чтобы потом подробнейшим образом доложить по инстанциям.

Минуло контрольное время. Офицер начал проявлять беспокойство.

— Не сорвалось ли? Заблудился ваш подопечный?

— Так не бывает, — остановил его Кольберг.

Они ждали еще два часа.

Наступила для Кольберга крайняя минута напряжения. Он ждал звонка из Берлина. Нет, не с вопросом, прибыл ли агент. Такого вопроса не должно было быть. Если последовал бы такой вопрос, Кольберг очень сильно обеспокоился бы. Это означало бы, что Гейдрих начал обо всем догадываться и начал проверку. Нет! Кольберг ждал другого сообщения.

Звонок раздался. Звонок прямой междугородной связи... Специальной полицейской связи. Трубку снял офицер гестапо. К аппарату пригласили Кольберга.

Он услышал с другого конца голос Гейдриха.

— Вы, конечно, никого не дождались? — раздался вопрос.

— Никого не дождались... — ответил сдержанно Кольберг. И добавил: — Ждем!

— Ждите, пока вас не сменит мой офицер... Если кто и появится, то совсем не тот, кого мы ждем! Может произойти замена...

«Прошло, проскочило», — с облегчением подумал Кольберг.

— Что случилось? — спросил он встревоженным голосом.

— В вечерних газетах будет опубликовано сообщение о том, что в воздухе взорвался самолет люфтваффе над территорией Южной Германии, недалеко от французской границы... Ваш пассажир замечает за собой следы. Об этом у нас договоренности не было.

«Пронесло, пронесло», — повторял про себя Кольберг. Именно на это заключение Гейдриха он и рассчитывал, когда закладывали под сиденье самолета взрывное устройство.

— Теперь остается выяснить, — продолжал Гейдрих, — когда раздался взрыв, находился ли пассажир в самолете или он уже покинул самолет.

Этот вопрос не понравился Кольбергу. На первый взгляд это выглядело нелепостью. Но Кольберг умел улавливать в любом вопросе, даже и в неожиданном, его скрытый смысл. Гейдрих как бы подталкивал его на признание, что взрыв самолета — это дело рук его, Кольберга. Даже поощрительные нотки прозвучали в его голосе. Но после такого признания открылись бы ворота для подозрения, что он, Кольберг, воспользовавшись окном через границу, подготовленным ему гестапо, скрыл английского агента от своих.

— Так не ошибаются! — ответил он Гейдриху. — Я надеюсь и жду... Может быть, разбился... Или повредил себе ногу...

Разговор на этом закончился. Кольберг ждал, а офицер гестапо через несколько минут получил указание произвести розыски на месте намеченного приземления парашютиста.

Но Кольберг и офицер из отделения гестапо не знали, что последовала команда по всем службам тайной полиции искать парашютиста. Гейдрих шел на то, чтобы дезавуировать всю операцию. Ему теперь важнее было выяснить, куда делся английский агент. Важней намеченной ранее игры. У него еще не возникло подозрения к Кольбергу, он рассматривал его пока как возможного при скандале виновника, на которого можно переложить ответственность за исчезновение агента. Гейдрих не думал, что Кольберг решил с ним на двойную игру, он не подозревал Кольберга в сочувствии англичанам, но ему показалось, что Кольберг мог посвятить во всю эту историю адмирала Канариса.

Он не верил адмиралу Канарису, подозревал его в сочувствии англичанам.

Именно Канарис, по мнению Гейдриха, мог решиться на обман гестапо и скрыть от него английского агента, воспользовавшись подготовительной работой гестапо. Поэтому он дал приказ искать, везде искать парашютиста.

Больше всего Гейдрих рассчитывал на то, что найдут парашют. На это рассчитывал и Кольберг. По его замыслу разрыв

операции должен был начаться именно с этого момента. Выпрыгнул и исчез. Исчез, не выпрыгнув, — это мало устраивало Кольберга. Это означало бы, что и он отключается англичанами от операции, так же как и Гейдрих.

К полудню прочесали с собаками всю местность. Нигде, ни в одном месте собаки не проявили никакого волнения, не нашли ни следов парашюта, ни свежевырытой земли. Кольберг даже засомневался, не сработал ли механизм взрывателя, заложенный им при осмотре самолета, раньше времени. Но от него-то не скроется этот прищелец. Если не придет к нему на явку, то обнаружится у Рамфоринха. Он знал ту точку, куда совершался заброс. Пока он только мог восхищаться ловкостью агента.

Все железнодорожные станции в районе выброса контролировались, контролировались и шоссе и дороги. А в это время тяжелый «майбах», разъездная машина концерна фон Рамфоринха, увозил Никиту в баварское поместье барона. Машина, как и все другие, была проверена. Но у Никиты в руках были документы, подготовленные Рамфоринхом, документы, которые не могли вызвать никаких подозрений.

Вечерние газеты сообщили об авиационной катастрофе. Кольберг побывал на конспиративной квартире. Там никого не оказалось.

— Что же произошло? — встретил его вопросом Гейдрих.

Кольберг стоял, вытянувшись перед грозным шефом тайной полиции. Ему даже не надо было разыгрывать недоумения. Оно было искренним.

— Что произошло? — повторил свой вопрос Гейдрих.

— Я могу это объяснить только недоверчивостью англичан...

— В каком звене измена?

— Курбатов не знал, — ответил Кольберг, — куда должен был явиться агент. Инструкции о явке английский офицер получил от нашего человека на аэродроме...

— Об этой инструкции и вы не знали, — отмахнулся Гейдрих. — Я могу думать, что англичанам нужен был лишь канал переброски... Они им воспользовались... И никто не собирался выполнять дальнейших инструкций. Они и вам не верят, полковник. Но где же теперь его искать? И почему взорвался самолет?

— Они взорвали его, чтобы сбить нас со следа... Подвесить вопрос: а был ли парашютист? Это тоже очень просто...

— Все очень просто! — с раздражением ответил Гейдрих. Но сдержался. Ему не было нужды расправляться с Кольбергом. Он видел возможность сквитаться с англичанами — через Кольберга.

— Надо искать! — объявил он Кольбергу. — Это дело вашей чести, полковник. И вашей карьеры, судьбы вашей.

...Гиммлер имел «кружок» друзей рейхсфюрера СС.

В него входили богатейшие люди Германии. Эти «друзья» из

своих денег создали фонд Адольфа Гитлера в сотни миллионов марок. Они шли на партийные нужды, на содержание СС и СД. Рамфоринх положил на стол Гиммлеру чек с внеочередным и никак не запланированным взносом.

Гиммлер снял пенсне и внимательно посмотрел на Рамфоринха.

— Мне кажется, — сказал Рамфоринх, — что я нашел возможность вернуть сына. Эту возможность мне подсказал полковник Кольберг из военной разведки... Я не хотел бы, чтобы он когда-нибудь мог мне напомнить об этой услуге.

...Гейдрих торопил Кольберга, он подключил ему в помощь своих людей. Получалось не очень-то складно, он открыл границу для английского агента и потерял его. Ответственности Гейдрих не боялся, было задето самолюбие и возникло недоверие к Кольбергу. Он решил поговорить с ним построже и попросил своего секретаря найти Кольберга. Мысль эта пришла ему в голову ночью. Казалось бы, куда проще найти в такой час человека. Секретарь задерживался. Гейдрих вызвал его и хотел потребовать объяснений, но секретарь опередил его.

— Мне сообщили, — объявил он, — сегодня в двадцать два часа двадцать три минуты полковник Кольберг попал в автомобильную катастрофу. Скончался по дороге в госпиталь.

— Как это произошло?

— Полковник ехал домой на служебной машине... На повороте его машину ударил в бок грузовик...

— Номер машины? Водитель?

— Машина скрылась... Полиция объявила розыск...

— У вас все?

— Все, — ответил секретарь.

Гейдрих задумался. Что-то, видимо, недоговорил ему полковник и вот теперь поплатился. Ниточка на этом и оборвалась. Польский офицер? Хм! Он тоже мог быть всего лишь рабочей шестеренкой в этой машине. Англичане не верили Кольбергу, поэтому и убрали. Такой вывод напрашивался сам собой. А чтобы не было конфуза, Гейдрих решил предать всю эту историю забвению. И он был глубоко уверен, что если найдут грузовик с изуродованным передком, то не найдут шофера. Чтобы проверить себя, он позвонил в полицию. Ему сообщили, что грузовик найден. Он был угнан за полчаса до катастрофы. Никаких существенных следов водитель грузовика после себя не оставил.

Гейдрих понял, что случилось что-то очень серьезное, что в это дело вмешались значительные силы и ему остается лишь сделать вид, что ничего не случилось... Поиски парашютиста прекратились.

Курбатов сражался под Мадридом в рядах интернациональной бригады, вел жизнь фронтовика, оборвав все связи с людьми Рамсея, а посланца, уже не от Кольберга, а от его преемника, передал в руки республиканским властям...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

От автора

Испанская война закончилась трагическим падением Мадрида, его ворота фашистам открыло предательство. К тому времени интернациональная бригада была расформирована, и следы Владислава Курбатова надолго затерялись. Исчезло его имя и из архивов. Стоит ли удивляться! Человек, посвятивший себя борьбе с фашизмом, в Европе должен был переменить имя и не оставлять за собой следов.

Однажды на международной выставке в Москве я познакомился с австрийским инженером. Он прекрасно говорил по-русски, с какой-то подчеркнутой чистотой и в произношении, и в подборе слов. Я не удержался и спросил, кто его обучал столь чистому русскому языку.

— О-о-о! — воскликнул австриец. — Это легендарная история! Замечательный русский человек был моим учителем! И не только русскому языку он меня обучал! Вы писатель, и вам я не могу о нем не рассказать.

Вот оно, то небольшое, что можно было почерпнуть из рассказа австрийского инженера о том, что делал Владислав Курбатов в годы войны...

1

Я никогда не был поклонником мемуаров и каких-либо записок.

Мне всегда представлялось, что обращаются к запискам о своей жизни лица с преувеличенным мнением о значении собственной особы. И я не решился бы утомлять общество своим рассказом, если бы не чрезвычайные обстоятельства...

Все началось с повестки в министерство внутренних дел. По служебным делам общаться с этим министерством мне не приходилось. Поэтому мне легко было заключить, что интересуются моей особой, но никак не фирмой. Естественно, я задумался. Что им от меня нужно? Меня вызывали к следователю по уголовным делам. В повестке указывалось, что понадобятся какие-то свидетельские показания. Какие? Какого преступления мог я быть свидетелем?

Живу я в Вене. Работаю техническим руководителем фирмы, которая занимается перепродажей автомобилей всех мировых фирм и изготовлением автомобильных приборов. На моей визитной карточке значится: «Дипломированный инженер Генрих Эль-

сгемейер». Я австриец. Родословной моей особенно не интересовался, но знаю, что отец мой был тоже инженером, дед — конторским служащим.

Ни я, ни моя семья и рядом не стояли с уголовным преступлением. Может быть, министерство интересуется что-нибудь из далекого прошлого? Тогда они могли бы много почерпнуть у меня о некоторых делах ныне пребывающих в благополучии уголовных преступников. Но уже давно многие стараются не интересоваться теми преступлениями.

Я спустился в гараж под домом, вывел машину, и сказав жене, что еду по делам фирмы (не хотелось мне ее волновать), направился к центру города. Я люблю быструю езду по автомагистрали, где ничем не ограничена скорость и из мотора можно взять все, что он даст. Это для меня минуты самого блаженного отдыха: гаснут мысли, и перед глазами остается только серая и гладкая полоса асфальта, над которым как бы парит машина. В городе так ездить невозможно. И я, подъезжая к министерству, все еще соображал, что им от меня надо.

Принял меня довольно мрачный человек в чине майора. Он не молод, но все же намного моложе меня. В годы второй мировой войны ему было лет двадцать. Призывной возраст. Что он тогда делал? Наверное, на груди у него был автомат.

Это старая привычка: встречаясь с новым человеком, я прежде всего стараюсь угадать, воевал ли он, а если воевал, то на чьей стороне. На стороже Гитлера? В кого стрелял, кто его жертвы? Кровь не смывается с рук никакими щелочными составами.

Мне предложили сесть. Я сел. Возраст позволял мне некоторую вольность. Мне за шестьдесят. У меня седые волосы. Я не считал нужным скрывать, что внимательно разглядываю майора. Хотя бы какое-нибудь свидетельство о его прошлом! Это продиктовало мне весь стиль нашего разговора. С убежденными гитлеровцами, с затаившимися наци у меня совсем нет охоты объясняться о моем прошлом.

Майор задал мне вопросы. Ответы были простой формальностью. Министерству известны мои передвижения во время войны, после прихода гитлеровцев в Австрию. Я повторил уже ранее дававшиеся мной показания, как бежал из Вены, как скрывался в Польше, в Венгрии...

Майор слушал меня, не поднимая глаз. Его квадратное лицо не меняло выражения.

Я обратил внимание на пальцы майора. Он держал руки под столом, но, когда ему пришлось подвинуть листок бумаги, я увидел обрубки вместо пальцев. Это не похоже на ранение...

Я закончил рассказ, и майор положил передо мной выпцветшую порывевшую фотографию. Он попросил опознать человека, запечатленного возле светлой открытой машины. Я должен был ответить сразу на несколько вопросов. К какому времени относится фотография? Марка и номер машины? Кто открывает дверцу? Кто сидит за рулем?

Дверцу открывал человек в форме СС. Он повернулся к фотографу.

Прежде всего я узнал машину. Открытый восьмицилиндровый «мерседес-бенц» кремового цвета, с форсированным мотором и подкачкой топлива при наборе больших скоростей. Я ее ремонтировал в свое время. Это была точная копия того «мерседеса», на котором ездил Гейдрих, но у Гейдриха был «мерседес» зеленого цвета. Однажды у кремовой машины помяли правое крыло. Я выправлял вмятину, но, чтобы не поручить краску, оставил неплавный изгиб. Он был отчетливо различим на фотографии. Приоткрыл дверцу ее хозяин. О! Я очень хорошо знал этого человека.

Я сказал майору, что фотография сделана в 1942 году во Львове. Майора интересовал номер машины. И это я мог сказать. У Гитлера на машине стояли знаки СС под номером первым. Гиммлер имел номер второй, Гейдрих — номер третий. По той же иерархии хозяин кремовой машины имел двузначную цифру. Гитлер был первым человеком в СС, этот человек — тоже не последним в их иерархии. Но его в Нюрнберге не судили. Не нашли.

Майор предупредил, что мое показание важно и от этого зависит судьба гражданина моей страны. Могу ли я с полной ответственностью ручаться, что узнал хозяина этой машины?

Даже двадцать лет спустя, после того как рухнула власть этого человека, страшно произнести его имя, хотя как будто бы бояться сейчас и нечего...

В нынешней охоте он дичь, не охотник. Мне его надо назвать, но я не могу отделаться от какой-то внутренней тревоги. Кем же все-таки был во время войны этот майор? С кем его симпатии? Может быть, он ведет это дело в силу служебной необходимости. Тогда он будет искать любую возможность вызволить преступника. Я не должен выкладывать того, что знаю... Мои знания могут пригодиться на суде. Все раскрыв здесь, я могу себя обезоружить. На каждое мое показание будет найдено искусными защитниками оправдание, контрпоказание. Но имя надо назвать, иначе не будет возбуждено дело.

Я назвал майору имя. Герман Ванингер. Генерал СС, шеф гестапо во Львове, в некоторых польских городах, в Будапеште, в Вене.

Майор еще и еще раз спросил меня, уверен ли я в этом.

На фотографии Ванингер в мягкой офицерской шапочке пирожком. Обычно он носил фуражку. Майор знал и эту деталь. Он поинтересовался почему Герман Ванингер оказался в этой шапке. Я мог бы ответить. К осени сорок второго года во Львове стало опасно. Гестаповского офицера могли подстрелить партизаны, заметив издаലെка фуражку. Но я не стал объяснять. Приберегу на будущее.

На всякий случай я развел руками. Это могло быть капризом господина Ванингера.

Я увидел глаза майора, голубые глаза. В них тонут и горе, и радость, и коварство, и гнев. Они, правда, красивы и создают

впечатление добродушия. Но этот человек не был добродушным, я не мог бы позавидовать его врагам.

Он оставил вопрос с головными уборами. Достал из ящика пачку фотографий, раскинул веером передо мной. Все они были отпечатаны на одной бумаге, видимо, недавно. Двенадцать гитлеровцев в форме СС. Все в фуражках, без знаков различия. Я должен был угадать в этой дюжине Ванингера. Задача не из трудных. Выпуклые глаза, тонкий нос с едва заметной горбинкой, длинное лицо с тяжелым подбородком. Я помню его взгляд. Холодный и бесстрастный взгляд человека, который смотрит на тебя и не видит.

Но этот фокус с фотографиями меня несколько приободрил. Если бы следователь хотел сохранить инкогнито Ванингера, ему не надо было бы класть передо мной двенадцать штук. Я узнал Ванингера сразу. Его могли узнать в этом наборе и другие. Следователь положил передо мной новую пачку фотографий. Это были люди в возрасте около шестидесяти лет.

Майор предупредил, что в таком виде я господина Ванингера не встречал. Узнаю ли я человека спустя двадцать с лишним лет после нашей последней встречи.

Я еще раз пристально посмотрел майору в глаза.

Я никогда не занимался криминалистикой, но мой прошлый опыт, опыт военных лет и конспирации, что-то мне сейчас подсказал. Если бы майор хотел запутать следы преступника, он мне сначала показал бы именно этот набор фотографий. Спустя двадцать лет я, возможно, и не узнал бы Германа Ванингера. Годы не могли его не изменить. К тому же он скрывался. Он мог сделать пластическую операцию. После того как предыдущие фотографии напомнили мне черты когда-то ненавистного лица, я сумел найти лицо постаревшего Ванингера.

И это было занесено в протокол допроса свидетеля.

Но майор все же никак не обнаружил своего отношения к делу. Я решился, спросил: пойман ли Ванингер? Почему в министерстве внутренних дел такой вдруг к нему интерес?

Герман Ванингер задержан на территории Австрии. Он успел поменять дважды имя и гражданство. Он задержан как австрийский гражданин. Министерство внутренних дел получило подробную информацию о его метаморфозах и о его деятельности во время гитлеровского режима. Но эта информация частного характера, от частного лица... Донос? Не донос. Лицо, информировавшее министерство внутренних дел, занимается розыском военных преступников. Для этого человека это занятие стало профессией. Однако обвинения, выдвинутые против Германа Ванингера, должны быть тщательно проверены, прежде чем дело будет поставлено на рассмотрение венского окружного суда присяжных.

Откровенность майора со свидетелем заслуживала внимания. А впрочем, информируя меня, он ничего не сказал лишнего. Все эти сведения могли вот-вот появиться в печати.

Итак, я привлекаюсь свидетелем по делу Германа Ванингера,

должен дать показания о его деятельности на посту шефа гестапо. Само по себе звание генерала СС и исполнявшаяся им должность не дают сейчас оснований для судебного преследования. Совершал ли в своей деятельности господин Ванингер преступление против человечности? Он выносил единоличным решением смертные приговоры в обход судебных инстанций. Но это еще не преступление, ибо действовал он на основании установлений тогдашнего политического режима. Убивал ли он людей сам, своей рукой? Тогда это преступление, наказуемое по статьям уголовного кодекса. Опять же, если бы он был палачом-исполнителем и расстрелял человека, приговоренного судом, его признали бы невиновным. Убивал ли он без судебного приговора, по своему капризу? Вот что должно установить следствие.

Время и люди постарались всячески облегчить судьбу военного преступника, благоприятно настроенный суд сможет оправдать генерала СС.

Я мог бы здесь, на предварительном собеседовании, назвать майору не один и даже не десяток случаев, когда Ванингер выступал убийцей не по должности, а из любви к этому делу.

Однако майор не был настойчив в своих вопросах. Это можно было истолковать двояко. Если он из тех, кто сочувствует Ванингеру, то, стало быть, он не хотел подробностей, которые могли бы повредить обвиняемому. Если он собирался засудить видного наци, ему тоже до суда не следовало бы полностью раскрывать свои карты. Его официальное положение и пребывание в этом здании вынуждают к крайней осторожности. Все должно стоять на основах полной законности. К тому же люди типа Ванингера никогда не останавливались перед тем, чтобы устранить своих врагов любыми средствами, доступными нашему веку...

Я назвал лишь города и годы... Города, где мне приходилось жить во время войны, и годы, когда там орудовал Ванингер. Этого достаточно. Если будет суд, меня должны после этих показаний вызвать свидетелем.

На том мы и расстались с майором Дайтцем. А я, вернувшись домой, сел за эти записки.

Будет суд. Это мне сказал майор. Мне надо освежить память, приготовиться и, ни в чем не сбываясь, изобличить убийцу. А если у Ванингера найдутся друзья? Они спросят у него, насколько я опасен как свидетель. Ванингер, порывшись в памяти, может вспомнить... Он не может не вспомнить... Я слишком опасный для него свидетель, страшный свидетель.

Мне надо спешить, отсчитывая каждый день, который мне пока даруют судьба и случай, и записывать все, что приходит на память. Даже если со мной случится несчастье, записки станут моим голосом на судебном процессе. Они должны сопоставить, свести в одну точку, скрестить две жизни: мою и Ванингера. Тогда они прозвучат документом, от которого будет трудно отмахнуться присяжным.

Я становлюсь беспокойным человеком, меня одолевают подозрения, меня настораживают вещи, которые несколько дней назад не привлекли бы моего внимания.

Я думал, что день за днем, вечерами я смогу вести свои записи. Но на следующий день после моего визита к майору меня командировали в ФРГ.

Меня пригласил к себе президент фирмы. Пригласил в двенадцатом часу ночи. Он был очень любезен, принес извинения, что нарушил мой отдых вызовом в столь неурочный час. Возникло срочное дело к одной из технических фирм в Западной Германии. Я должен выехать немедленно, самое позднее — утром. Лучше всего, если я не буду связывать себя общественным транспортом. Если моя машина не готова к дальнему перегону, он охотно предоставит в мое распоряжение свой «мерседес».

Случались подобного рода неожиданности и раньше. Но тут невольно напрашивалась какая-то связь. Вызов к Дайтцу — и вдруг выезд в другую страну. А может быть, в эти дни я как раз понадоблюсь следователю?

Далее, почему именно в ФРГ? Не намек ли это? Помалкивай, любезный Эльстемейер! У тебя бывают выезды туда, где у Ванингера остались друзья. И могущественные, и умеющие рисковать.

Записи я теперь буду вести, садясь за столом в своем кабинете. Выносить тетрадь из дома я не рискую. У меня есть сейф с электрической сигнализацией, в сейфе надежнее.

Теперь о Дайтце. По возвращении из ФРГ я узнал, что майор Дайтц просит меня явиться к нему.

И в этот раз он был очень сдержан и скуп на слова. По некоторым его вопросам я понял, что срок передачи дела в суд приближился. Майор уточнил некоторые имена и даты. Расспрашивал меня о тех, кто мог стать таким же свидетелем, как и я. В списке Дайтца значились и поляки, и русские, и французские граждане, даже немцы. Из этого я мог заключить, что за Ванингера взялись серьезные люди. Не они ли дают своей силой и на майора, и на все министерство? Следствие в отличие от обычной в таких случаях затяжки на этот раз шло стремительно.

Затем мне предъявили самого Ванингера...

Я всегда задумывался над психологией зла. Мне представляется, что большинство преступлений, если они не продиктованы состоянием аффекта, совершаются из-за отсутствия воображения у преступников. Если бы преступник не был лишен воображения, он, вероятно, мог бы представить возмездие, и это предотвратило бы преступление.

Психология зла нерасчетлива, человек, который делает зло людям, — неполноценный человек. Если принять научные положения последнего времени, которые сравнивают мозг с совершенной электронно-вычислительной машиной, то мы должны предполо-

жить, что люди, творящие зло, имеют мозг с какими-то неполадками в системе сигнализации, с отклонениями от нормы, от путей эволюции, которые вывели человечество из тьмы и невежества.

Герман Ванингер вершил свои темные дела по вдохновению, насколько не думал о расплате.

На нашу встречу пришли начальники майора Дайтца. Видимо, этой встрече они придавали особое значение.

Ванингера ввели под конвоем. Его попросили сказать, знает ли он меня, встречал ли он когда-либо меня, известна ли ему моя фамилия.

Годы, годы... Мы были с ним, наверное, почти ровесниками.

Я нервный и подвижный человек и теперь выгляжу как ссохшийся пергамент. Ванингер, вероятно, более спокойный: он уже и двадцать лет тому назад не мог изжить брюшка. А ведь старался. Мне было известно, что в лагере на улице Яновского во Львове он каждое утро занимался гимнастикой: избивал стеком военнопленных.

Теперь он обрюзг, тяжело дышал.

Когда-то у него были светлые голубые глаза, выпуклые, словно стеклянные. Теперь они ушли в глубь глазниц, превратились в бесцветные, водянистые. Их завесили густые, лохматые брови.

Надо воздать должное господину Ванингеру, он умел владеть собой. Он спокойно оглядел меня. В глазах ничего не отразилось.

Майор попытался ему напомнить некоторые обстоятельства. Он объяснил Ванингеру, что я бывший его заключенный. Назвал даже лагерь, где я отбывал заключение.

Какое-то подобие усмешки скривило толстые, отвисшие губы Ванингера.

Актер! Он не побоялся и перед следователями обнаружить свой цинизм. Он вообще ничего не боялся. Противник достойный. Или, может быть, это своего рода признак отсутствия человечности?!

Слишком много было у него заключенных, чтобы он мог кого-нибудь запомнить. Он еще добавил, что все заключенные были для него на одно лицо, люди низшего сорта, враги нации, и он не мог их считать за людей.

Не помнит... Может быть, это выглядело для следователей убедительным объяснением. Может быть... Но я не был для господина Ванингера обычным лагерным номером...

В кабинете Дайтца установилось молчание, в нем чутким ухом можно было услышать молчаливое одобрение Ванингеру.

Будет ли суд — вот что для меня важно. Эти господа еще того и гляди прекратят следствие за недоказанностью обвинений. Настала моя минута. Эта встреча протоколировалась. Я решил слегка — пока только слегка — приоткрыть завесу над прошлым. О главном надо еще молчать. Рано открывать все козыри. Пусть и Ванингер задумается, пусть он поломает голову над загадкой, до какой степени я буду откровенен. А пока... Пока я решил не выходить за линию обычных фактов.

Я спросил господина Ванингера, здоров ли его сынок Курт. Помнится, тогда ему было лет одиннадцать, во Львове, когда господин Ванингер жил на улице Яновского.

Нет, не этого вопроса ожидал от меня Ванингер, не этого вопроса он опасался, не к этому готовился...

Ванингер тупо уставился на меня. Вот что значит отсутствие воображения! Он не мог в этой партии угадать вперед ни одного хода.

Сын? Ванингер вдруг улыбнулся... Его собственное общественное положение в те годы, деятельность — вот что грозило ему... Но сын?

Он ответил на вопрос. Курт здоров. В тоне его ответа звучало даже негодование. Почему здесь вспомнили его сына? В те годы сын был несовершеннолетним...

Но я был готов к разъяснениям, решив пока только расшевелить эту тушу...

Негромко, не поднимая глаз на Ванингера, я рассказывал.

1942 год. Господин Ванингер — шеф гестапо во Львове. Солнечное июньское утро. Солнцем облиты каштаны и черепицы на крышах. Нас, заключенных, гонят под конвоем на работу. Улица Яновского...

— Вы помните улицу Яновского, Ванингер? — перебил я свой рассказ неожиданным вопросом. Ответ его был мне не нужен.

...По улице медленно едет открытая кремовая машина. На заднем сиденье господин Ванингер и его одиннадцатилетний сынок, голубоглазый мальчик с волосами цвета спелого овса. Ванингер строго смотрит вперед, мальчик оглядывает прохожих. И вдруг возглас: «Папа! Застрели этого!» Палец мальчика указывает на одного из прохожих. Ванингер не торопясь достает из кобуры пистолет. Выстрел. Человек падает на камни... Новый возглас: «И этого!» Выстрел вырывает из наших рядов человека в роговых очках.

Машина медленно едет вдоль строя заключенных. Мы идем, по нашим лицам скользит взгляд мальчика, мы не видим — чувствуем этот взгляд...

Ванингер задыхался. Я еще не окончил рассказа, а он закричал, что стрелял в евреев.

Наши взгляды встретились.

— Разве? — спросил я.

Он опустил глаза. Кровью налилась его толстая шея. Майор Дайтц еще раз задал вопрос Ванингеру: узнает ли он меня? Ванингер отрицательно покачал головой: на что-то он, видно, надеялся.

Я молчал. Дальнейшие напоминания пока не имели смысла.

3

Семь лет, с того дня, как Гитлер вошел в Австрию, и до конца войны, которая названа историками второй мировой войной, я

был на положении преследуемого, был дичью. За семь лет у меня выработалось какое-то шестое чувство, подсказывающее, что я попадаю в поле зрения охотника.

После очной ставки с Ванингером это самое чувство опять проснулось, как будто бы снова на мой след вышли ищейки.

У нас довольно тихая улица. За долгие годы привыкаешь к появлению на улице одних и тех же лиц, одних и тех же машин. И вдруг незнакомые люди у ворот моего дома. Непримелькавшиеся лица. Но на лица память может быть изменчивой, зато машины запоминаю я с первого раза. На нашей улице появился красивый и даже роскошный спортивного типа «ягуар». Дорогая английская машина. На своей улице я знаю всех, кто увлекается машинами и имеет деньги для этого. Я тоже человек в автолюбительстве конченый. Об этом всем говорит моя жена. Ей давно хочется перебраться в центр города, но я упорно отмалчиваюсь. Она уверяет, что я не хочу переезжать из-за машины.

Здесь, на окраине, у меня есть гараж для машины, в центре города его не будет... Может быть, она и права. Но купить «ягуар»? Скоростную машину, в наши дни совсем не модную? Стального серебристого цвета, зализанную, как падающая капля воды.

«Ягуар» несколько раз обогнал меня на улице, легко принимая повышенную скорость. В машине сидели люди в широкополых шляпах, как будто бы к нам перекинулась мода из Рио-де-Жанейро. Мне это не понравилось.

Несколько дней назад, под вечер, мне потребовалось выехать на один из наших заводов. Это двести километров от Вены по автобану. Я сел в свой «БМВ» и тронулся от подъезда фирмы.

Пересек перекресток и в зеркальце увидел серебристый «ягуар». Он шел тремя машинами сзади. Не выходил в хвост, не желая себя обнаруживать.

После каждого поворота я поглядывал в зеркальце. Каждый раз за мной вновь возникал «ягуар».

Может быть, обратиться в полицию? А что я могу сказать? Какие могу предъявить обвинения? Они едут за мной? Случайное совпадение маршрутов!

Есть ли у них нужда просто так, ради любопытства следить за мной? Нет. Может быть, друзья Ванингера думают, что я в эти дни буду разыскивать лиц, которые, как и я, станут свидетелями на суде? У них и без того есть длинный список тех, кто уцелел от пули Ванингера. Список с адресами.

Нет, с этим «ягуаром» связано что-то более зловещее.

Молодчикам Ванингера убить человека легче, чем зажечь спичку. Это они могут сделать и не преследуя меня на «ягуаре». Они умеют врываться в дом, умеют стрелять. Но открытое убийство привлечет к процессу излишнее внимание. Так грубо они делать не будут. Автомобильная катастрофа. Это более надежно. Они могут на автобане попытаться прижать меня к обочине и выжать с дороги. На большой скорости это верная смерть. Для этого и взят спортивный «ягуар». Но к такой операции нужно

приложить еще и мастерство. Я привык уходить из опасных положений. К тому же это не старая гитлеровская гвардия, это молодчики из новых. Посмотрим.

На автобанах, используя мощность восьмицилиндрового двигателя, я сразу набрал почти предельную скорость. Двести пять километров в час.

«Ягуар» тоже был способен держать такую скорость. Он вышел мне вслед и завис за мной метрах в пятидесяти.

Дорога позволяла не снижать скорости. Движение в три ряда. Обгоны неопасны, но требуют тренировки. Водитель «ягуара» тренирован. Теперь все зависело только от готовности моторов к такой гонке. Час езды на пределе. Не столь уж тяжкая нагрузка, но механизмы должны быть в полном порядке.

Должны быть подобраны свечи, которые выдержат подобную нагрузку и не сгорят. В двигатель должно быть залито масло, соответствующее режиму оборотов. Перед такой гонкой надо обязательно почистить контакты прерывателя, чтобы точен был зазор и искра отдавала всю свою силу. Я не прикасался к рулю, если бы какая-то точка в машине не была мною тщательно проверена перед выездом...

Полчаса машина парила на скорости двести пять — двести десять километров в час. Мощный мотор не надрывался, а лишь слегка шумел плавно и ровно, сберегая на длинную дистанцию свое дыхание.

«Ягуар» не отставал, хотя он и был нагружен. «Ягуар» — машина высокого качества, но я убежден, что англичане делали его двигатель для сильного рывка, а не на долгие гонки. И потом свечи... Какие у них свечи? Для такой гонки нужны специальные свечи.

Стрелка спидометра, уткнувшись в упор, не двигалась. Двести тридцать километров в час. Мотор уже наверстал все поправки на спидометр. Я следил за тахометром. Предельные обороты.

Прошло еще десять минут.

В зеркальце маячит серебристая капля. Она застыла на месте. У них тоже предел.

Если бы я был уверен, что эти люди что-то замышляют против меня, я сейчас легко мог бы с ними разделаться. Нажать слегка на тормоз только для того, чтобы загорелись «стоп»! На левый обгон выходить им некуда. Они пошли бы вправо, а я в это время включил бы правый указатель поворота. Они не могут делать правый обгон, а я в это время снижаю скорость. Им некогда тормозить, им надо уходить резким поворотом на левый обгон. Резкий поворот на скорости двести километров в час! Секунда, полсекунды — и они летят на обочину... Полет по воздуху метров шестьдесят.

Но я не смел этого делать, я не знал, кто и с какими целями меня преследует.

Минуло еще десять минут этой сумасшедшей езды. Мы выходили на вираж. Я уже махнул рукой. Подготовились к быстрой езде. Свечи выдержали — значит, поставили специальные. По го-

роду на таких свечах ездить немыслимо, они не успевают прогреться, их забрасывает, и мотор глохнет. Значит, готовились к моему выезду на автобан.

«Ягуар» все же хорошая машина, признал я с неохотой. Завтра же решил расстаться со своим «БМВ» и купить «мезератти». В «мезератти» запас скорости еще километров на пятьдесят.

Вираж. Выходя из виража, я прибавил газу.

Сначала я не понял, что случилось. Сзади как будто бы раздался выстрел. На такой скорости он и должен быть глухим.

В зеркальце мне показалось, что я видел вспышку. Но почему над «ягуаром» взвился дымок и отлетел, отброшенный встречным ветром? Синий дымок — признак горящего масла.

Серебристый капот «ягуара» вдруг померк и почернел. Машина стала стремительно отставать, словно дала задний ход.

Позже я узнал, что диагноз был поставлен верно. Оторвался шатун. Это мне сообщили полицейские, когда я возвращался назад. «Ягуар» одиноко стоял на обочине. Шатун пробил чугунный блок, капот и, как снаряд, улетел с дороги. Хозяева машины уехали в город.

Я поинтересовался, чья это машина. Она была зарегистрирована в Вене всего лишь несколько дней назад на имя какого-то офицера в отставке. За рулем сидели его знакомые, приезжие из ФРГ...

Правды я, наверное, никогда не узнаю. Что они хотели сделать? Однако настало время серьезно подумать, в какую борьбу я втянут. Может случиться не только автомобильная катастрофа, может упасть на голову камень, может раздаться выстрел из-за угла.

Нет, я не тороплюсь умереть. Но в моем возрасте к смерти отношение более ровное, чем в молодости. Когда-то я цеплялся за жизнь, выплывал из омута, не умея плавать. Повторить все это сначала не хватило бы сил. Ну что же, схватка, начатая почти тридцать лет тому назад, может закончиться печальным исходом. Однако и я должен кое-что предпринять, чтобы она не закончилась поражением. Надо торопиться с записями и...

Я должен думать о самом близком мне человеке, должен позаботиться, чтобы мои злоключения не легли непосильным бременем на плечи жены. Человек я состоятельный. Но все, что я имею, — это плата за работу моего мозга: за создание прибора, за изобретение нового станка, за технологические рецепты...

Мы имеем с женой все, что могут иметь люди нашего воспитания, наших привычек. У нас есть дом. Мы можем украшать его стены картинами любимых художников, если цены на картины доступны. У меня есть автомобиль. Он, конечно, не самый лучший в мире, но он сделан по заказу и отвечает всем моим требованиям. А требования у меня к автомобилю очень высокие. Я люблю неутомимые моторы. По сегодняшним стандартам такой мотор должен обладать мощностью не менее чем в триста лоша-

дивных сил. Ходовые части в таком автомобиле должны быть изготовлены из лучших сортов металла...

У нас с женой есть все, что нам нужно, но у нас нет накоплений, мой банковский счет пуст...

А если со мной случится беда? Продать — не купить. На продажу вещей моя жена не проживет. Поэтому я должен позаботиться хотя бы о пенсии для нее.

Я решил поговорить с адвокатом. И как вовремя! У нас не оказалось брачного свидетельства. Это после того, как прожили мы с женой сорок лет. Документ пропал во время войны, и теперь мне пришлось срочно поехать в костел, где мы венчались. Ксендз развел руками: все церковные книги за 1927 год и более поздние годы оказались уничтоженными.

Гитлер враждовал с католиками. Ванингер рыскал по Австрии в поисках смешанных браков. Он искал, кто из австрийцев женился на еврейках. Церковная книга с записью о браке — это самый надежный первоисточник. Ксендзы жгли книги, пряча их от ищеек Ванингера.

Мой адвокат дал прекрасный совет: обвенчаться и зарегистрировать брак в городской управе. Да, да, обвенчаться вторично, не теряя времени на поиски уничтоженных документов.

Где-то не за горами была наша золотая свадьба, и вдруг венчаться!.. Мария была очень удивлена.

Я объяснил ей, что надо привести в порядок наши документы. Зачем? Разве что-нибудь изменилось оттого, что у нас нет свидетельства о браке? Если бы у нас были дети, она повяла бы мое беспокойство. Пришлось сказать, что свидетельство о браке нужно ей для получения наследства и пенсии. Она встревожилась. Подумала, не болен ли я, не скрываю ли какого-либо недуга. Люди мы пожилые, и любая болезнь в нашем возрасте может быть опасна. Мария зацепилась, начала рассуждать, какому мне доктору следует показаться, и тут же заявила, что без меня ей жизнь не в жизнь и, если со мной что случится, ее нисколько не интересует наследство.

Я говорил о том, что мы стары и уже никогда не вернется к нам молодость. Не будет ли наше венчание повторением молодости? Я сквозь всю жизнь пронес любовь к Марии. Поэтому слова мои были искренни и нашли у нее свой отклик. Женское сердце уступчиво...

Мы с Марией сидели за столом, раздумывая, кого пригласить на нашу запоздалую свадьбу. И вдруг вместе и сразу вспомнили: а где же те люди, которые были на нашей первой свадьбе? В списке сегодняшних приглашенных никого из тех не значилось. Мы стали припоминать, как мы их растеряли. Тогда казалось, что они, наши сверстники, пройдут с нами рука об руку всю жизнь. Юность излишне доверчива.

Какие разные характеры вынесла на поверхность наша память. Мария была более разборчива в людях и лучше их понимала, чем я. Она, собственно, и объяснила, как все случилось.

Когда нам было очень трудно, когда мы были гонимы и вне закона, нас оставила одна часть наших знакомых. Эти не любили несчастных, не любили людей, которым надо помогать. Но несчастья наши открыли нам сердца других людей. Когда нам было совсем худо, когда нам нигде было приклонить голову и мы скитались по затемненным улицам в поисках, куда бы спрятаться от гестаповских ищеек, эти люди открывали нам двери своих квартир, рискуя при этом жизнью. Мы очень благодарны этим друзьям. Но и их мы потеряли. Потеряли, как только нам стало опять хорошо. Сердца этих людей были привержены к несчастным и не выносили счастья у тех, кому они помогали в несчастье.

Теперь нас окружают друзья, перед которыми мы не изливаем душу и которые не делятся с нами хлебом, ибо у нас его достаточно. Наши отношения с ними ровны и спокойны, связаны они делом, общим делом и общими взглядами на жизнь. В дни торжественные они садятся с нами за стол, и мы не одиноки в старости.

Нет с нами тех, кто провожал нас с Марией на нашу долгую жизнь. Проводят другие, но очень хотелось бы, чтобы вернулись те дни, хотя бы в памяти, хотя бы чем-то сегодняшняя наша свадьба была похожа на ту, которая свершилась сорок лет тому назад, чтобы не формальным она была актом для документа, а своеобразным поклоном тем чувствам, которые мы сохранили в долгой жизни.

Венский извозчик... Нам памятна эта смешная и трогательная фигура. Сегодняшнее поколение не знает даже, как он выглядит.

Мне не хотелось ехать в костел на спортивной полугоночной машине. Костел и скоростной автомобиль как-то не стоят рядом. Мы пригласили извозчика. Они еще сохранились в Вене для таких чудачков.

Для выезда привели нам четвероногую красавицу. Природа отлила совершенные формы. На ногах по щиколотку белые носочки, а сама черная как смоль. Но если бы вся черная, может быть, это выглядело бы и мрачно. Нет. Посадили ей прародители белое пятно на лоб. Белое пятно с острыми уголками, как звездочку.

Черная, а все же и на черном еще чернее два внимательных глаза. Никаких украшений мы на нее не надели. Черный лебедь, выгнув шею, побежал по дороге.

По брусчатке постукивали копыта, мягко приседали рессоры, слабый ветерок овеивал мою невесту... Путешествие на пролетке в прошлое.

Память вырывала — с трудом, конечно, — знакомые очертания. Дорога в те годы была выложена круглым булыжником. Сквозь камни пробивалась зеленая травка. Красная брусчатка убила траву, автомобильные шины не давали ей ожить.

Вдоль дороги и тогда толпились ветвистые и высокие липы. Навряд ли они стали значительно выше, они, наверное, все эти

годы росли вширь. Теперь перед костелом они соединили свои кроны, прикрыли дорогу вечной тенью.

От стука копыт тревожились грачи, тучей поднимались над макушками аллей и тревожно кричали.

Мария сшила для венчания белое платье. Закрытое белое платье, не очень похожее на подвенечный наряд, по праздничное и веселое.

Тогда совершал венчальный обряд старичок ксендз. Он давал наставление молодым жить в дружбе и уважении. Его слова падали в наши раскрытые души, оставался от них след, как впечатление о вечности.

На этот раз молодой ксендз смущался. Ему бы у нас получать напутствие... Сан обзывал его произносить слова о любви, о супружеской верности. Звучало это и торжественно и смешно.

Сорок лет тому назад, когда обряд потребовал, чтобы мы поцеловались, я встретил в глазах Марии светлые слезы. Теперь в ее глазах затаилась улыбка. Немного торжествующая. Разве не могло быть для нас радостным, что через сорок лет мы с той же легкостью и без сомнений пошли к венцу, как в самый расцвет нашей любви, в ее радужные весенние дни?

Мы долго не могли успокоиться в тот вечер, перебирая в памяти давнее событие, переплетенное так неожиданно с сегодняшним днем. Давно разошлись все гости. Мы стояли у окна. Ранний майский рассвет делал прозрачным сумрак над городом. Солнце еще не встало, оно подсвечивало высокие перистые облака, которые, казалось, вечно, так и не сходя с места, висели над нашим городом с тех самых далеких лет, о которых мы вспоминали.

Нападение было внезапным и сокрушающим. Тихим и ласковым голосом Мария вдруг спросила, зачем мне все-таки понадобилось венчание, оно получилось прелестным, но что меня на это толкнуло.

Значит, все прежние аргументы не приняты. Повторяться я не мог, правды говорить не хотел. Я молчал.

Мария взяла меня под руку. Наивный человек! Думал все скрыть от нее, словно я забыл, что все тревоги мы всегда делили вместе, что она прошла ту же школу ужасов, что и я, что она вынесла из жизни почти магическую проницательность.

Она давно обо всем догадалась и все уже знала. Не знала, правда, о гонке на автобане. Но эта история оставалась пока столь темной, что и я в ней до конца еще не разобрался.

Герман Ванингер был известен ей не меньше, чем мне. Она на себе испытала жестокость его сердца и тяжесть его руки, хотя видела его только однажды, с чердака шестизэтажного дома, когда он проезжал по городу триумфатором и хозяином.

Она опять, как двадцать с лишним лет назад, сожалела, что не умела стрелять и не было у нее винтовки с оптическим прицелом. Тогда бы и оборвались все мучения.

Да, она права. Думали ли мы в майские дни сорок пятого го-

да, что процесс над фашизмом будет столь мучителен и опасен не для преступников, а для свидетелей их преступления?

Что происходит с человеком XX столетия, почему философы никак не соберутся ответить на этот самый главный вопрос современности? Чем они объясняют зигзаги, которые делает человеческое сознание?

Ужаснувшись, мы глядели на развалины Европы двадцать лет тому назад, и этого урока оказалось мало. Опять расплывается по карте мира человеконенавистничество. Оно находит себе не только адвокатов, но и ретивых последователей... Это в гуманный-то век, когда для радостей жизни созданы такие материальные ценности, о которых не смели мечтать самые отчаянные фантасты!

Я высказал Марии сомнение, что суда может и не быть, что Ванингера отведут от суда еще в процессе следствия. Она меня поправила. Нет, суд будет. Ванингера и его нынешним друзьям важнее оправдать его по суду, создав этим и юридический прецедент, чем замаять дело, вызвав общественный скандал. А поэтому, прежде чем начать суд, они постараются отвести улики от него. То есть сделать так, чтобы на суде не оказалось свидетелей-очевидцев...

4

Ко мне в контору позвонил майор Дайтц. Он сказал, что хотел бы повидаться, но не считает возможным беспокоить меня вызовом в министерство. Я не ожидал такой любезности. Он спросил, где мы могли бы встретиться. Я предложил мой служебный кабинет, но Дайтц промолчал, явно не одоббив моего выбора. Не принял он как место встречи и загородный ресторан. Оставалось пригласить его к себе домой.

Мы условились, что возьму я его в свою машину на одном из перекрестков в седьмом часу вечера.

После истории с «ягуаром» я внимательно следил за всеми машинами, возникающимиasaki.

Что нужно Дайтцу в моем доме? Еще один вопрос ко всем недоумениям, начавшимся с известной повестки из министерства внутренних дел. Если бы этот визит носил официальный характер, ему не нужно было бы спрашивать моего разрешения. Если он это делает в каких-то своих особых и личных целях, мне надо быть осторожным и не привести на условленный перекресток за собой хвост.

До места встречи десять минут езды. Я выехал за час. Отправился сначала в противоположную сторону, затем заехал в известный мне довольно пустынный переулок и остановил у тротуара машину. Там стоял минут двадцать. Подозрительных машин не появлялось. Затем сорвался с места, на большой скорости пром-

чался по переулку, сделал несколько крутых поворотов и только потом уже выехал на встречу.

Я подъехал к Дайтцу, остановился, не выключая первой скорости. Как только майор сел в машину, отпустил сцепление и вклинился в поток машин.

Дайтц внимательно посматривал на меня. Он мог бы удивиться. Я ехал необычно. Малейший просвет в движении я использовал для обгона. Машина ехала скачками, как блоха.

Наконец-то я увидел улыбку на лице Дайтца и услышал его голос без мрачных, холодноватых тонок.

Оказывается, майор Дайтц знал о «ягуаре» больше, чем я. Это меня не удивило. Такого рода осведомленность должна быть у майора профессиональной. Поскольку он сам заговорил о «ягуаре», к той погоне он мог быть и не причастен. Он даже сказал, что «ягуар» меня кое-чему научил, и вдруг пожал мне локоть. Это было неожиданностью. Майор вступил в сложную игру со свидетелем. Такая игра могла расцениваться как нарушение профессиональной этики. Но кто же он все-таки, майор Дайтц? Друг или враг?

В каком стане он был во время войны? Если бы это узнать! Я попытался найти общих с ним знакомых. Не оказалось. Загадка, а не майор...

Заезд в гараж у меня под дом с улицы. Запоры стояли на световых реле. Я включил фары, электромоторы раздвинули ворота. Не задерживаясь, мы въехали в гараж, ворота задвинулись. Мы дома.

Я решил всячески облегчить задачу Дайтцу. Я показал ему свой дом, все его ходы и выходы. Министерство все это могло узнать и помимо моего желания. Зачем-то ему нужно было прийти в мой дом. Пожалуйста!

Я старался подметить, что его больше всего заинтересует. Гараж с раздвижными дверями от светового реле — это была новинка. Но ее не коснулось его внимание. Не заинтересовало его и собрание моих картин. Он очень внимательно изучал входы и выходы в доме. Я провел его по всем комнатам. Он попросил меня показать и спальню. Он осмотрел все окна и из каждого выглянул на улицу, как бы проглядывая, где под окнами может притаиться злоумышленник. Осмотрел сейф в кабинете и одобрил его устройство. Он знал эту фирму и сказал, что она надежна.

Мария принесла нам коньяк и кофе. Разговор шел на общие темы, не имеющие отношения к делу.

Стемнело. Дайтц покосился на окна. Я задернул шторы. И тогда он спросил, не собираюсь ли я в ближайшее время куда-нибудь выехать. За пределы страны... Нет ли у фирмы нужды послать меня по каким-либо коммерческим делам в далекие страны?

Я ответил, что, хотя нужды такой пока не предвиделось, международные связи у фирмы столь обширны, что потребность в

моем отъезде может возникнуть в любой момент. Я поинтересовался, не беспокоит ли господина Дайтца мой отъезд в связи со следствием. Если я нужен следствию, то всегда можно найти замену для дел фирмы.

Дайтц с упреком посмотрел на меня. Оказывается, он хотел, чтобы я уехал на неопределенный срок и вернулся бы только в день открытия судебного заседания. Даже не к открытию, а к часу, когда обвинение начнет вызывать свидетелей. Но разве ему известен этот час, если еще не решено, будет ли вообще в суде слушаться дело Ванингера?

На лбу Дайтца проступили крупные капли пота. Он что-то хотел мне сказать и искал, как сказать. Затем он все же выговорил эту трудную для него фразу: «Я хочу, чтобы вы выступили свидетелем на суде!» Он вложил скрытый смысл в эти, казалось бы, простые слова. Ему хотелось, чтобы я и моя жена на некоторое время покинули Европу. Нет ли у фирмы дел в Индии, к примеру? Или в Индонезии? Если таких дел нет, то почему бы мне не поехать туристом? Можно сослаться на расстроенное здоровье. К процессу я должен попасть вовремя. Для этого достаточно следить за газетами, можно условиться о телеграмме. Текст телеграммы будет совершенно нейтральным: что-нибудь о здоровье знакомого.

Походило, что Дайтц из тех, кто не был нацистом. Если принять версию, что он друг, то он сказал более чем достаточно. Если враг? В сложную он включает игру. Отстранить меня от процесса? Другам Ванингера проще разделиться со мной в той же Индонезии. В ФРГ было бы слишком вызывающе.

5

Я объявил президенту фирмы, что ухожу в отпуск. Надолго ли?

Наверное, ненадолго. Мы только что обвенчались с женой. Добрая старая традиция — свадебное путешествие.

Он улыбнулся моей шутке — он был одним из тех, кого мы пригласили на свадьбу.

Путешествие? Куда?

Я ответил уклончиво: по европейским странам.

Он не возражал. Но и у него есть ответная просьба: составить так маршрут, чтобы заехать в Западную Германию и решить одно срочное дело с приборостроительной фирмой. Я не мог отказать президенту в любезной просьбе, хотя и нарушил этим запрет Дайтца. Запрет? Может быть, это слишком категорическое определение. Он только советовал не ездить в Западную Германию. Я получил от президента установку на переговоры и оформил документы для поездки через Западную Германию во Францию, а из Парижа самолетом в Москву.

Теперь надо было запутать следы. В Западную Германию я дал заявку на поездку автомашиной. Самый рискованный вид транспорта в моем положении. В Австрии они меня не тронут, подождут, когда пересеку границу. Пограничная зона тоже не очень пригодна для таких дел. А далеко забираться по дорогам Западной Германии я не собирался. Машина всегда может испортиться. Я ее оставляю в одной известной мне ремонтной мастерской и позвоню президенту приборостроительной фирмы. Он, конечно, вышлет свою машину: долг вежливости. Дальнейшее путешествие будет менее опасным. Фирма проводит меня на аэродром, я вылетчу во Францию и там сяду на советский самолет...

Должен ли я сообщить о своем маршруте Дайтцу?

Если считать, что он друг... А какие у меня основания считать его другом? Его визит ко мне в дом? Любопытный визит... И совет его выехать — тоже любопытный совет. Однако точно так же должен был вести себя и тайный союзник Ванингера.

Он заговорил со мной о «ягуаре». Разве для меня это было новостью? О том, что владельцы «ягуара» готовили мне «неприятность», я знал и без него. Другам Ванингера, несомненно, было бы интересно обсудить со мной эту «операцию», узнать, догадался ли я, откуда появился «ягуар», какие я хочу принять предосторожности, заметил ли я еще что.

Грозить мне не имело смысла. Значит, мягко, вежливо, полупонамеком предупредить... А кто предупреждает об опасности? Следовательно! В его устах дружеское предупреждение весьма весомо. Отойди Эльсгеймер от этого дела, и все опасности минуют. Ты задумал выехать на Восток, в Советский Союз, хотя эта страна и была названа Дайтцем, а уезжаешь на Запад, поближе к друзьям Ванингера и тем, кто уже висел у тебя на хвосте в «ягуаре».

Слежка может вестись не только с помощью внешнего наблюдения. Я предупредил Марию, чтобы она была осторожней. Другья Ванингера могут услышать наши разговоры. Не так-то уж это сложно при современной радиотехнике.

Мы собирались в дорогу, перед выездом я тщательно осмотрел машину. Она оставалась без присмотра на открытой стоянке возле конторы нашей фирмы.

И что же? Я оказался прав. Под задним крылом я нашел звукозаписывающую установку — магнитофон на тонкой проволоке. Он держался за корпус мощным магнитом, работал от батареек, заряда которых хватило бы по крайней мере на месяц. Я не снял магнитофона. Пусть пишет... Пусть пишет все, что я захочу говорить, зная что меня записывают.

Мы выехали на рассвете. Город спал.

Я очень внимательно приглядывался ко всему, что происходило на дороге и возле нее. Меня интересовали и те машины, которые я обгонял, и те, которые попадались навстречу. Ничего подозрительного я не обнаружил до самой границы. И то правда,

зачем им было следить за мной, когда они знали, куда и как я поехал?

Мы очень легко покончили с пограничными формальностями, и вот опять лента асфальта, все та же, казалось бы, и не та!

Чужая земля, чужая дорога, чужие люди, и я в какой-то степени, к сожалению, даже не в малой степени, в их руках.

Не доезжая десяти километров до известного мне мотеля, я остановил машину. Остановил на проезжей части. Мимо пронеслись одна за другой легковые машины, снижали возле нас скорость. Под любопытствующими взглядами я толкал машину к обочине. Пусть видят, что машина моя действительно испортилась.

Неисправность, которую нельзя устранить тут же, на месте, была продумана заранее: для автомобилиста это не задача...

На обочине я открыл капот и долго возился в моторе. Кому нужно, тот все это видел. Потом достал из багажника трос и вышел к проезжей части. Нашелся желающий отбуксировать меня к мотелю.

Содержатель мотеля был своим человеком. Наша дружба была проверена в годы гитлеровского владычества, в подполье... Но, как старый конспиратор, я знал, что никогда не надо обременять друзей излишней информацией... Я пожаловался на неудачу в дороге, попросил приютить в его гараже мою машину и позвонил от него в Мюнхен, на завод нашего контрагента. Господин Мельтцер, президент фирмы, выслал мне навстречу свою машину.

Не посвящая своего друга Фрица Грибля в детали, я все же, как бы между прочим, сказал, что еду туристом в Советский Союз. Он обещал сохранить машину и отремонтировать ее в своей мастерской к моему возвращению.

«Мерседес-600» — комфортабельная семейная машина для дальних путешествий. «Мерседес-600» — редкая машина, они наперечет, и каждый номер известен полиции, известны и хозяева машин. С ними полиция особенно предупредительна.

Господин Мельтцер оказался любезным и гостеприимным хозяином. Его машина была лучшей для меня охраной на всем пути до Мюнхена... Но! Никогда ранее господин Мельтцер не был столь предупредителен ко мне. К моему президенту — да, но ко мне — нет. И далее все шло в том же стиле повышенной предупредительности. Мы очень быстро закончили деловую часть нашей встречи. Мария в это время отдыхала в отеле. Господин Мельтцер пригласил нас на семейный обед.

Особняк господина Мельтцера расположен в пригороде, в ряду таких же небольших, но очень дорогих особняков. С улицы видны только их крыши, стены и окна закрыты густой зеленью.

Пока накрывали на стол, хозяин развлекал нас. Он показал нам свою картинную галерею и коллекцию русских икон. Коллекционирование русских икон всегда было очень затруднитель-

ным. Запрет на вывоз их из России был наложен еще до семнадцатого года.

Долго пришлось бы Мельтцеру собирать свою коллекцию, если бы она состояла из икон, привезенных контрабандой.

Здесь были иконы строгановской школы, иконы безымянные, но, несомненно, относящиеся к шестнадцатому веку...

А что делал господин Мельтцер во время войны? Он чуть помоложе меня, ему едва за пятьдесят. В этом возрасте люди, много работающие в конторе за столом, полнеют, он сохранил спортивную форму, и чувствовалась в нем спортивная выправка. Я имел основания подозревать, что он из тех, кто сражался под гитлеровскими знаменами.

Зачем он мне все это показывает? Еще загадка... Господин Мельтцер вел в столовую под руку мою жену. Я шел сзади них на два шага. Вдруг Мария сбилась с шага, словно бы споткнулась. Мельтцер поправился, они пошли в ногу. Теперь я увидел то, что поразило Марию. На противоположной стене в тяжелой золоченой раме висел написанный маслом портрет, поясной портрет Гитлера. В гестаповской фуражке, в черном мундире СС. Внешне соблюдено сходство, но взгляд и глаза не те, к которым привыкло наше поколение. Без тени фанатизма. Новый Гитлер, тот самый, который возникает в сегодняшней легенде. Гитлер — страдалец за немецкий народ. Гитлер — обманутый окружающими его тупицами и авантюристами.

Если бы дело было в Австрии и я увидел бы этот портрет в доме знакомого мне человека, я тут же распрощался бы и покинул его дом. Но я не на родине, Мельтцер не обязан считаться с моими взглядами.

Вообще все это странно. Портрет Гитлера на стене, Мельтцер садится за один стол с Марией, с еврейкой, и со мной, с человеком, который собирается выступать на политическом процессе против одного из тех, на кого опирался Гитлер. За столом в присутствии своей семьи и в присутствии Марии он наконец объяснился.

Видите ли, в его представлении я знающий и опытный инженер. Он хотел бы мне кое-что предложить... Он пазвал сумму вознаграждения, которую я получал в австрийской фирме. Он может предложить вдвое больше. Ему известно, что я имею вес в некоторых кругах, куда ему закрыт доступ. Не мог бы я расширить сферу приложения его капитала в Бразилии? Это страна, с которой он никак не может наладить торговых контактов.

О, он не хочет прерывать мой отпуск. Я могу завершить свою поездку, побывать в Советском Союзе, а на обратном пути распрощаться на несколько лет с Веной и вылететь в Южную Америку. После такой поездки я мог бы открыть самостоятельное дело, я для этого созрел... Правда, Мельтцер предложил бы еще более выгодные условия, если бы я счел возможным прервать свой отпуск...

Тонкая работа... Уезжай в Бразилию, получай деньги и молчи.

И какие льготы! Наверное, все тот же «мерседес-600» доставит меня в Вену, из Вены я сяду в самолет... И все меня оставят в покое. В Бразилии меня не найдет повестка господина Дайтца.

Мельтцер не торопил меня с ответом. На столе сменялись блюда, лакей подливал в бокалы десертные вина. У меня было время подумать. Итак, если я откажусь?

Допустим, я откажусь! Доеду ли я тогда до аэродрома и сяду ли в самолет? Выйду ли из этого дома?

Повестка в министерство, встреча с Ванингером, погоня «ягуара», визит Дайтца ко мне в дом, магнитофон под задним крылом машины, командировка в ФРГ, предложение Мельтцера... Какие еще мне нужны убедительные доводы?

Хорошо, я соглашаюсь. Принимаю предложение-минимум. Сейчас даю согласие, еду в Советский Союз, оттуда в Вену. А в Вене я уже в недостижимости Мельтцера... Значит, не так-то им просто убрать меня в Вене, это они сделали бы и не вступая со мной в игру через Мельтцера.

А может быть, это предложение-минимум всего лишь проба, всего лишь испытание? Понял ли я глубину опасности, дошло ли до меня значение угрозы? Они боятся, что я еду в Советский Союз с какими-то особыми целями, а стало быть, они меня туда не пустят.

Я дал согласие Мельтцеру немедленно выехать в Бразилию.

Лакей разлил шампанское, и мы выпили за свершившуюся сделку.

Мельтцер отрезал у меня и последнюю возможность своей любезностью: он предложил услуги своей конторы. Если я что-либо хочу взять из своих вещей в Вене, он пошлет специального человека, а переход в его фирму он согласует сам с моим президентом. На все его предложения я отвечал согласием.

Наутро я должен был явиться в контору, чтобы войти в курс дела и подготовить деловую сторону своего переезда в Бразилию.

В отель нас доставил все тот же «мерседес-600». Я включил настольную лампу. На столе конверт с надписью: «Господину Эльсгемейеру — лично». Я вскрыл конверт. Без даты и без подписи послание.

«Господину Эльсгемейеру его старый клиент по ремонту машины шлет сердечный привет и пожелание долгой жизни».

Умно составлена анонимка. Отличное пожелание в конце. Пожелание долгой жизни.

Прошлое... Опять захлестывало оно меня мертвой петлей.

Нет, нет, я не верю, что наше прошлое ничему нас не научило. Не может быть, чтобы я один-одинешенек принял его уроки.

1938 год... Вена. Я свидетельствую, что не верил в возможность падения Австрии как самостоятельного государства. Всяческих

прогнозов я слышал много. Но я инженер, а тогда считалось хорошим тоном стоять вдалеке от политики и политических споров.

И у нас в Вене молодчики в коричневых рубашках выходили на факельные шествия. Но разве они определяли лицо общества?

Гитлер... Мы знали его по фотографиям. Полубезумный блуждающий взор, лицо параноика. Кто же мог его принимать всерьез?

Аншлюс, захват Австрии — это вызывало улыбку.

И я дождался. Стал свидетелем триумфального шествия гитлеровских войск по улицам Вены. А через несколько дней в городе на стенах зданий, на досках реклам и объявлений читал немецкий приказ: все лица еврейской национальности должны явиться в полицейский участок и зарегистрироваться... Дальнейшее мы уже знаем, в Германии были тому примеры.

Это были дни невероятных, немыслимых карьер. В одну ночь те люди, о которых никто никогда не слышал, вдруг становились правителями с огромной властью в руках. И уже называлось имя нашего шефа гестапо Германа Ванингера.

Кто такой Герман Ванингер?

Он мог стать добропорядочным крестьянином, тем, кто растит хлеб наш насущный. Он отвернулся от земли и ушел в город. В иных случаях такой порыв приводит к самым высоким свершениям. Герман Ванингер удовлетворился сначала местом вышибалы в ночном заведении, затем продвинулся до официанта, а когда его в свои ряды приняла партия Гитлера, получил даже место метрдотеля в дорогом ресторане. Место самое страшное для развращенной завистью души.

Я принадлежу к тому беспокойному сословию, которое всегда «анти», всегда против дикости, против попрания прав человека. Я всегда был против чего-нибудь, что принималось окружающими как должное. Меня не устраивал или политический режим, или люди, стоящие у власти... Беспокойный характер? Нет. Мой характер так же чужд беспокойства, как и романтики. Откуда же эта неудовлетворенность? Я и сам не мог бы толком объяснить... Говорят, что это критический рационализм интеллигенции. Но разве только критический рационализм не мог примириться с тем, что нес с собой Гитлер?

Как я мог жить в городе, где на мою жену напали бы знак, который означает, что она лишена всяких прав и первый встречный может поступить с ней, как ему заблагорассудится? Я знаю, что находились люди, которые оставались и в городе, и на своих общественных постах, когда их жен казнили или бросали в тюрьмы. А потом, когда Гитлер окончил жизнь в подземелье, со слезами умиления встречали своих «любимых», вернувшихся из Маутхаузена или из другого лихого места. Такому человеку я не подал бы руки. У каждого свой взгляд на порядочность, но есть какие-то нормы, которые утвердились в человеческом обществе как извечные. По этим нормам в трудную годину я покинул свою родину, чтобы спасти жизнь самому родному и самому близкому мне человеку.

Мы добрались на попутных автомобилях до пограничной зоны. Это были первые дни после аншлюса. Пограничные жители не по сердоболью, а за звонкую монету переправляли желающих под покровом ночи через границу.

Я тянулся поближе к родным местам, где, как мне казалось, нас не достанет Гитлер.

Я родился в 1903 году в городе Турка. Тогда это была Австро-Венгрия, империя Габсбургов. После первой мировой войны город Турка сделался польским городом.

Минуло с тех пор почти тридцать лет, и мы с Марией опять в бегах. Опять злое имя, опять злое имя. Герман Ванингер... Он вполне мог бы и подписать свое безымянное пожелание «долгой жизни». От этого ничего не изменилось бы!

Прошлое грозило, но в нем, в этом прошлом, я мог черпать и опыт!

Тогда мы бежали беспомощные и беззащитные. Теперь я мог и на кого-то рассчитывать. Я точно знал, что мне ждать от Мелцера, я знал, как ударить его по рукам.

Я не сомневался, что наш разговор в отеле с Марией мог быть подслушан и даже записан на пленку.

Я сел к столу обдумать в тишине, с какого конца начинать.

Фриц Грибль — хозяин мотеля. Это надежный товарищ, но его не надо раскрывать прежде времени. Все сходилось к Курту Ронштоку. Он моложе всех нас и легче на подъем.

В годы войны нам понадобились автоматы с запасными дисками для очень сложной и рискованной операции. Где и как достать это оружие в оккупированной Венгрии?

Обсудили массу вариантов, но ни одного надежного способа изъять оружие у гитлеровцев не находилось.

Курт Роншток был в нашей группе связным. Ему было тогда пятнадцать лет. Единственный сынок состоятельных родителей. Его отец приехал в Венгрию с немецкими оккупационными войсками. Он был искусным хирургом, работал в большом немецком госпитале. Отцовское имя давало Курту возможность свободного передвижения по стране. Он и нашел тот единственный способ, которого никто из нас не мог придумать.

По железным дорогам шла переброска больших воинских соединений. Курт посмотрел, что немецкие автоматчики вешали автоматы на руль мотоциклов. Мотоциклы обычно грузили на открытые платформы и прикрывали брезентом. Возможно, что по установленным порядкам автоматчик не должен был выпускать из рук оружия, но где не нарушается порядок!

Курт попросил нас достать ему грузовик и обещал привезти не менее полусотни автоматов. Это звучало как сказка.

Условились, что грузовик будет его поджидать в небольшом лесочке возле железной дороги. Курт на одной из стоянок эшелона забрался на платформу и спрятался под брезентом. Эшелоны в основном двигались ночью. Когда поезд вышел на условленный перегон, Курт прошел по платформам, снимал с рулей автоматы и бросал их под откос. Потом и сам спрыгнул. Он доставил нам двадцать три автомата... Отчаянный мальчишка!

Теперь этот отчаянный мальчишка — юрист и владелец солидной конторы, которая ведет дела нескольких промышленных фирм. Но, кроме коммерческих сделок, Курт Роншток занимается еще чем-то, что он не рекламирует.

О роде его особых занятий я мог только догадываться. Дважды за последние годы он обращался ко мне со странными запросами: просил покопаться в памяти и рассказать о деятельности некоторых лиц во времена немецкой оккупации.

Так, он запрашивал меня о Зейсс-Инкварте, брате голландского протектора, известного австрийского гестаповца... Запрашивал, не попадалось ли мне на глаза каких-либо документов, связанных с деятельностью Эйхмана. У меня нашелся один из секретных приказов за подписью Бормана. Я ему переслал его.

После войны он поселился в Гамбурге. Как с ним связаться? Звонить по телефону из гостиницы было бы безумием. Мой аппарат наверняка поставлен на прослушивание. Телеграфировать? Телеграмма может не дойти, а мое обращение к Ронштоку будет оценено Мельтцером как сигнал к открытой борьбе. Прежде чем Курт Роншток что-либо узнает, со мной успеют разделаться. Нужно было найти телефонный аппарат, с которого я мог бы спокойно связаться с Гамбургом. Я вышел на улицу. Шел не торопясь.

Все те же приемы, ничто не изменилось. Когда я вышел и свернул направо, от противоположной стороны тронулась в обратном направлении легковая машина. Она проехала с полсотни метров, из нее вышел человек и пересек улицу.

Я остановился у входа в кинотеатр, делая вид, что рассматриваю рекламу. Гражданин в берете медленно прошел мимо меня и остановился шагах в двадцати у витрины магазина.

Когда-то мой учитель по конспиративным делам (о нем речь впереди) наставлял меня, что лучше всего идти со слежкой на сближение. Они теряются, оторваться с близкой дистанции легче, чем с далекой.

Я отвернулся от рекламного щита и быстро пошел вперед. Ну конечно, замеченный мною господин остался на месте, он ждал, когда я пройду мимо него, а я остановился рядом с ним и тоже взглянул на витрину. Достал сигарету и попросил у него огонька. Он поднес мне газовую зажигалку.

Я затянулся и спросил его, местный ли он житель. В свете витрины отчетливо было видно его лицо, беспокойство и блудливость в глазах.

Он еще молодой, неопытный, этот агент Вашингера, он еще не натаскан, как те, прежние ищейки. Он поспешил меня заверить, что он местный житель. Я поблагодарил его и попросил порекомендовать мне увеселительное ночное заведение. Порядочный человек отогнал бы меня прочь. Он предложил себя в сопровождающие...

Я знал, что современные куртизанки высокого класса не флагируют пешком по тротуарам, а разъезжают на собственных машинах. Мне была нужна такая дама, а главное — ее машина. Возле ночного кабаре и состоялось знакомство. Я помахал рукой своему сопровождающему и поехал с молодой и бойкой особой к ней на квартиру. Теперь мне не нужно отрываться от слежки. Да вот и они сами. Через две машины от нас шел закрытый восьмидюймовый «опель».

Моя дама оставила машину, и мы поднялись с ней в квартиру.

Я сделал ей знак, чтобы она села рядом со мной за стол, и я предложил сделку. Я платил большие деньги, очень большие. От нее требовалось немного. Она должна позвонить в Гамбург и сказать несколько слов господину Ронштоку. Солидному адвокату, известному человеку. Вступительные слова этого разговора выглядели совершенно безобидно. Она приглашала Курта повеселиться вместе с его старым другом и ее подружками. А потом вкрапывалась фраза, понятная только Курту и мне. Пароль прежних лет. Он не мог его забыть и знал, что этот пароль мог произнести только я.

Я стоял во время разговора возле аппарата, я слышал голос Курта. Сначала он недоумевал, но потом вдруг все понял...

Курт Роншток примчался на рассвете. Он быстро ехал. Молодец! Я всегда задумывался, на кого работает фирма «Мезератти», выпускающая сверхскоростные автомобили, способные держать скорость около трехсот километров в час. Вот случай, когда понадобился такой автомобиль. Мы не виделись с Куртом более двадцати лет. Как растут, как меняются мальчишки!

Передо мною стоял высокий, совершенно облысевший человек. Печальные, усталые глаза.

Он хорошо понимал, что я вызвал его не для того, чтобы расчувствованно помянуть прошлое. Он всегда был человеком действия.

Явиться ли к Мельтцеру? Обязательно! Получить у него необходимые инструкции для поездки в Бразилию. Он, Роншток, в это время попробует что-нибудь предпринять. Брони от пистолетной пули он мне не может заказать, но сделать все возможное, чтобы остановить выстрел, он попытается...

Мы обсуждали с Мельтцером аспекты моей поездки в Бразилию и еще не закончили наш деловой разговор, как раздался звонок. Меня отыскивал корреспондент одной из самых влиятельных газет. Он настаивал, чтобы Мельтцер разрешил ему встретиться со мной у него в конторе.

Мельтцер забеспокоился, но встречу разрешил, может быть, ему было даже спокойнее, что корреспондент увидится со мной у него в конторе.

Не успел явиться первый представитель газетного мира, как уже напросился корреспондент другой газеты.

— Что им нужно? — спросил Мельтцер, пытливо вглядываясь мне в глаза.

Я развел руками. Само собой, дескать, разъяснится...

И взяли же меня в оборот газетчики!

Кто таков Ванингер, почему меня привлекают свидетелем по его делу? Собираюсь ли присутствовать на его процессе? Процесс — решенное дело или кто-то еще будет пытаться отвести Ванингера от судебного разбирательства? Почему я выбрал себе туристский маршрут с заездом в Советский Союз? Почему я в такое для себя тревожное время поехал в Западную Германию? Подвергается ли моя жизнь опасности в Мюнхене? Не замечал ли я за собой слежки на территории Западной Германии?

Я, конечно, воздал должное любезности Мельтцера и заявил, что, будучи его гостем, чувствую себя в Мюнхене в полной безопасности. Слежка? Есть и слежка. Я назвал номер «опеля», описал приметы моего вечернего проводника по ночным клубам.

У меня поинтересовались, рассказывал ли я кому-нибудь о своих опасениях здесь, в Мюнхене. Конечно! Рассказывал тому самому молодому человеку, которого просил быть моим проводником.

Бумеранг, пущенный в меня из дома Мельтцера, возвращался обратно, не поразив цели.

Никто ни слова не спрашивал меня о Бразилии, это тоже тактический ход Ронштока. Он не счел нужным втягивать в историю Мельтцера, чтобы не усложнять... Но естественно, что после моих заявлений корреспондентам о готовности выступить на процессе Ванингера, ни о какой Бразилии не могло быть и речи... Было принято мое объяснение о поездке в Советский Союз. Я там чувствовал бы себя в безопасности от преследования на «ягуарах», от слежки, от пуль фанатика.

К концу нашей беседы прибыл Роншток. В присутствии корреспондентов он попросил меня оказать честь его дому и отбыть из Мюнхена к нему в гости на несколько дней.

Мы с Марней сели в машину Ронштока. Следом за нами тронулись машины нескольких корреспондентов. Они проводили нас по дороге до дома Ронштока... Мы ехали днем, из предосторожности не развивая больших скоростей, несчастный случай в пути был исключен.

Контора и квартира Ронштока размещались в особняке. Не особняк, а крепость, подготовленная для серьезной и долгой осады. Строился особняк по проекту Ронштока, и он знал, что делал.

Готические окна защищены подъемными бронированными ставнями. С помощью электромоторов они приоткрывали окна или

закрывали их наглухо. И даже когда их приоткрывали, выстрел в окно был невозможен: ставни отходили от окна вниз.

Внутренние двери в доме были устроены по принципу переходов в корабельных отсеках. Они не запирались, а завинчивались изнутри.

На первом этаже размещалась библиотека Ронштока. Точнее, картотека, которую он собирал около двадцати лет. В этой картотеке — биографии всех видных нацистов, и не только их биографии, в них сводился счет всех их преступлений во время войны, до войны и даже после войны. Отсюда, из этого двухэтажного особняка, немецкий юрист вел наблюдение за всеми возникающими вновь нацистскими организациями.

Он потратил несколько лет на то, чтобы объединить интересы всех тех, кто преследовался в годы гитлеризма, он связался с теми, кто по своим убеждениям не мог принять фашизм и осознавал опасность. В его дело, не дающее никаких дивидендов, вкладывались значительные капиталы. На эти деньги он мог содержать сотрудников, детективов во всех уголках земного шара, где только он находил интересы для своего поиска.

Я попросил Ронштока открыть карточку Ванингера.

Работа отличная, это я мог оценить сразу. Богатый набор фотографий. Ванингер в бытность официантом в венгерском ресторане. Ванингер в форме генерала СС. Ванингер на львовской улице. Ванингер во время вступления немецких войск в Будапешт.

А вот новое для меня. Ванингер за стойкой в пивном баре. В штатском и даже в белом халате! Стоп! А это что такое? Ванингер опять в форме. Не в генеральской, но в офицерской форме красуется перед фотографом, как перед зеркалом. Оказывается, это форма бельгийской контрразведки, место действия — Конго. И опять смена одежды — Ванингер в форме австрийского таможенного чиновника. А вот и его недвижимое имущество.

Маленькое имение в Тироле. Парк, железные ворота. Ванингер у ворот в роскошном открытом лимузине.

Майору Дайтцу я не мог задать вопроса, как они разыскивали Ванингера. Ронштоку этот вопрос я не постеснялся задать.

Он провел пальцем по карте от Гамбурга к Вене.

Да, он положил начало этому процессу, он пытался меня предупредить, но в письмах такие предупреждения не делаются, он был в Вене, но разъехался со мной. И потом он надеялся, что так-то уж сразу я не обнаружу себя, я был всего-навсего в его представлении рядовым свидетелем, которых много и кроме меня...

Я иронически улыбнулся. И Роншток не знал всего о Ванингере.

Самое главное о Ванингере, как раз то, что решило бы процесс, знали только три человека: я, сам Ванингер и еще один человек. Роншток знал того человека только косвенно, я — лично. Знал его имя, вернее, одно из его имен...

Кто же он, этот третий, и где он?

Впервые с того дня, как пришла повестка из министерства внутренних дел, я обрел относительное душевное спокойствие.

Мы в Москве. Гостиница «Украина». Окна нашего номера выходят на Кутузовский проспект. Я сегодня стоял у окна и смотрел на Москву. Я давно ее не видел, очень давно. С тех самых пор, как работал во Львове на советском заводе и был здесь в командировке. С кануна войны.

Тогда не было этой гостиницы, не было огромного разбега этой улицы, широких, взлетающих над Москвой-рекой мостов.

Солнце бьет в открытое окно... Солнце в небе, чистое, без единого облачка, без единой тени.

Кто же он, третий, о ком я начал разговор еще на вилле у Ронштока? Роншток устремился на его поиски, он, может быть, и выйдет на его след, возможности у Ронштока велики, с ним все, кто хочет спокойствия и мира на Земле... А я должен рассказать о своем давнем друге, о своем наставнике.

Этот человек раскрывался передо мной годами, так до конца и не раскрывшись. Он умел себя так поставить, что никому не приходило в голову задать ему лишний вопрос. Его огромная культура вмещала мягкость в обращении с людьми, и участливость, и беспощадную суровость, и точное толкование событий, через которое он просматривал будущее.

Терпение. Здесь важна каждая деталь, и я не могу опускать подробности. Придется вернуться опять к той минуте, когда мы с Марией покинули Вену.

Мы добрались до границы. Для перехода через границу наши документы были недействительны. У хижины лесника собрались беженцы. Лил холодный весенний дождь, таяли снега, в горах плавал густой туман. Еще только начиналось время пилигримов, обездоленных и бездомных странников. Человек всегда в такие минуты ищет себе могущественного защитника. Звучали латинские молитвы, они перебивались древнееврейскими псалмами. Кое-кто вспоминал римского папу, удивляясь, что он не протестует, что он не может обуздать Гитлера. Мало кто даже из обездоленных думал тогда, что правители Германии достойны самой обыкновенной виселицы, как ответные уголовники.

И среди них, жалобщиков и наивных искателей защиты у бога или у людей, раздавался голос, совсем не похожий на другие. Молитвы он обрывал шуткой, тем, кто говорил о несправедливости, он сулил еще более горькие времена. Но он не пугал, он не внушал отчаяние, а звал к твердости духа, призывал готовиться к тяжким испытаниям.

Этот человек гасил всяческие иллюзии и убеждал, что Австрия это только начало; на очереди Чехословакия, Польша, западные страны, что Гитлера остановить будет непросто, если бороться с ним молитвами и надеяться на римский престол.

Он называл себя Вильгельмом Кемпенером. Рассказывал, что

сражался в интернациональной бригаде в Испании, а кто он сам и откуда — умалчивал. Его рассказ звучал как глава из Апокалипсиса.

Он говорил, что не только евреев будет истреблять Гитлер, но и славян, и франков, и другие народы. Достаточно подсчитать, сколько немцев самого незапятнанного происхождения находится в лагерях, чтобы понять, что Гитлер воюет не с народностью, не с национальностью, а прежде всего с человеческой мыслью, вырвавшейся на свободу из тьмы веков.

Если это был агитатор, то очень искусный.

Когда мы уже двинулись в горы, к границе, и двигались один за другим гуськом по узким тропинкам, так случилось, что Мария оказалась между мной и этим человеком. На его помощь в случае беды со мной я мог надеяться.

Когда все опасности перехода границы оказались позади, я вызвался ему помочь... Из Чехословакии мы направлялись в Польшу. Она принимала беженцев. Здесь у меня большие связи. Здесь нас не достанет Гитлер. Он растроганно поблагодарил меня, но от помощи отказался. Напротив, он сказал, что когда-нибудь мне понадобится его помощь. «Когда вам трудно будет, я приду к вам. Вы еще не готовы к борьбе. Вы еще надеетесь на судьбу, судьбу надо делать своими руками».

Я поинтересовался, как он меня найдет, как узнает, что мне трудно, что я в беде. Седой человек улыбнулся...

Вильгельм Кемпенер. Так он назвался.

Он ненавидел фашизм, он воевал в Испании. Это все, что мы о нем знали. Кто же он, кто? Француз, может быть? Он говорит по-немецки без малейшего акцента. Немец? Я что-то слышал о Тельмане и тельмановцах. Немецкие коммунисты. По слухам, они не примирились с Гитлером. Но что они могли сделать?

Я мог бы смотреть на этих людей как на обреченных, на подвижников веры из начальных времен христианства, когда верующие во Христа со свечкой в руках покорно шли на смерть в подземелья.

Но нет! Человек, назвавшийся Кемпенером, не возьмет в руку свечку осветить себе дорогу к виселице, не возьмет он в руки и креста, а поднимет меч и не опустит его, пока теплится в его жилах кровь.

Так кто же он? Может быть, действительно тельмановец, коммунист... Я очень тогда досадовал, что мало знал о тех людях.

Но почему же его считать немцем? Он так же легко и свободно изъяснялся и на французском языке. И не обязательно его считать коммунистом. В интернациональной бригаде в Испании сражались не только коммунисты... Я во всем тогда сомневался... Я не поверил предсказаниям и предостережениям Вильгельма Кемпенера, что вскоре настанет черед Польши. Гитлер и Польша! Это означало ссору Гитлера с Западом, с Францией и Англией. Я считал, что на это он не решится.

Во Львове я устроился на завод, мне хотелось верить, что пришел конец нашим скитаниям, что как-то само собой все устроится в Европе, что Гитлера образумят демократические державы.

Год спустя, 1 сентября 1939 года, Гитлер вторгся в Польшу. С востока двинулась Красная Армия, взяв под защиту население Западной Украины и Белоруссии.

Завод стал. В городе началась паника. Все смешалось. С запада прибывали поезда с беженцами от Гитлера, на запад устремились беженцы от Красной Армии. У каждого был свой выбор. Был и у нас, когда жизнь разрывалась на части. Многие мои коллеги, инженеры, не задумываясь, устремились на запад, им Гитлер казался менее страшным, чем коммунисты.

Все, кто меня окружал, говорили, что надо бежать в глубь польских земель, что Гитлер не посмеет осуществить свои безумства, что ему жизни осталось месяц-два, ибо вступили в войну самые могущественные державы мира — Англия и Франция. Пересидим, дескать, трудные минуты, часы, ну, в крайности, дни.

А я вспоминал слова Вильгельма Кемпенера, что с Гитлером это всерьез и надолго, что нет никакой силы против него, кроме силы русского народа, что дни его гибели надо будет отсчитывать с того дня, когда он вторгнется в пределы России.

А чем нам с Марией грозит Красная Армия?

Страшна была только неизвестность. О, как я себя ругал, что не удосужился по-настоящему узнать, что такое Советский Союз! Что хотят русские коммунисты, что хочет русский народ, какие принципы провозглашены ими?

В последнюю минуту перед расставанием с Вильгельмом Кемпенером я ему задал вопрос: не коммунист ли он?

Кемпенер обезоруживающе улыбнулся. «Коммунист, — сказал он, — слишком обзывающее звание. Об этом надо спрашивать у человека в конце его жизни».

Он не ответил на мой вопрос, но вместе с тем и высказал отношение к коммунистам. Оно было иным, чем к гитлеровцам, а судя по всему, Кемпенер был пожившим человеком, повидавшим всякое.

Мы еще и еще раз возвращались ко всем страхам, которыми нас пугали... И, даже принимая все страшное на веру, ничего не подвергая сомнению, мы не находили причин бежать от Красной Армии. Земельной собственности у нас не было. Заводами и рудниками мы не владели, все, чем я владел, — это мои технические знания, а законы техники везде одинаковы. Дважды два — четыре, и у коммунистов дважды два — четыре.

Перед рассветом у подъезда дома, где я жил, остановился грузовик. За нами приехали мои польские коллеги. Они выложили на стол документы, где я значился уже под польской фамилией, следы еврейского происхождения моей жены были тщательно замаскированы. «Едем! Едем! — твердили они нам в один голос. — Красная Армия в одном или двух переходах от города!»

Я не хотел ссориться с людьми, которые сделали мне добро. Я

не отказывался, но сказал, что мне нужно собраться, что я их не ждал... Им надо было заехать еще за кем-то. Они обещали приехать позже.

Когда грузовик отъехал от дома, мы вышли на улицу.

Мы видели, как проехал грузовик с моими польскими друзьями, мы слышали их недоуменные голоса у нашего подъезда, даже чье-то проклятие в мой адрес.

Грузовик поехал в одну сторону, мы с Марией пошли в другую. Тревожная эта ночь для нас еще не кончилась. Сверкнуло солнце. Мы оказались на высшей точке над городом.

Блестали золотистым и багровым одеянием деревья, курился туман над крышами. Прозрачный город лежал перед нами как на ладони. Какая дивная картина! И вместе с тем город стремительно пустел. Город как бы заснул, хотя именно в эти часы ему надо было бы проснуться.

Мы шли по пустым улицам. Редкий прохожий встречался по дороге.

Над городом проплывали редкие кучевые облака.

Всякое движение рождает звук. Я всегда думал, глядя на летящие облака: почему беззвучен их полет? А может быть, это обманчиво? Может быть их полет тоже звучит, но звук неуловим для нашего уха? Может быть, мы не слышим звука их полета так же, как не слышим шагов судьбы, когда она приближается к нам, и узнаем о ее приходе лишь время спустя?

Вдруг веселый, как будто бы освобожденный от всех тяжких забот, повстречался нам человек. Чему он радуется? Почему на лице у него улыбка? Почему он не озабочен, как другие? Легкая фетровая шляпа, даже тросточка в руках. Он идет и что-то напевает. Ближе, ближе, уже у самого нашего дома мы встретились с ним...

Кто это? Вильгельм Кемпенер! Наш старый знакомец! Как он попал сюда, во Львов? Что он здесь ищет? К кому он идет?

Можно подумать, что он ищет нас, иначе он не заулыбался бы так приветливо и радостно. Он поклонился Марии, пожал мне руку. «Ну вот и опять мы на перепутье! Опять мы странствующие пилигримы... Вы не уходите? О! Какой же это наивный вопрос! Я мог быть уверен, что вы никуда не уйдете. Вам дороги на запад нет... Здесь? Здесь мы когда-нибудь с вами и встретимся. Когда-нибудь, господин Эльсгемейер! Я хотел убедиться, что я был прав там, в горах, отдав свое душевное расположение вам, незнакомым мне людям, попавшим в беду. Я думал, вы в беде, я пришел к вам. Беды нет! Моя помощь сегодня вам не нужна. Наступает утро нового дня, дай бог, чтобы новый день вашей жизни принес вам счастье и избавление от бед».

Он попрощался с нами и пошел все той же легкой походкой, опять что-то напевая вполголоса. И он и мы пилигримы? Нет, в этом есть какое-то несоответствие. Мы действительно странники, а он идет как хозяин этой земли. Он так же легко ступал по земле и там, в горах. И там он был хозяином земли.

Мы долго не сводили с него глаз. Он уходил по пустынной улице. Остановился у перекрестка. Оглянулся. Помахал нам рукой и исчез, как будто его и не было.

Сутками позже в город вошла Красная Армия.

Окна нашего дома выходили на просторную площадь. Мы с Марией не решились спуститься вниз на улицу.

Ожил пустынный город. Значит, немногие ушли на запад.

Осенние цветы дождем осыпали мостовую. По ним, как по ковру, катились гусеницы танков... Танков! Русских танков, русского производства. Кто бы мог продать русским такие танки? Я знал все конструкции мира, кроме советских. Таких нигде не было. И моторы у них работали бесперебойно, и броня на них и издали казалась прочной. Я инженер, и я знал, что это означает. Это означает выплавку стали и чугуна, это прокат, это моторостроение, это работа мозга, стало быть, страхи, что мой мозг им будет непригоден, — выдуманные страхи.

Из люков выглядывали молодые лица. Были они сосредоточены, смущены народным ликованием и приветственными криками.

Знали бы эти молодые ребята, что это только начало их освободительного пути, первые шаги, что настанет час, когда вся Европа положит к их ногам высочайшую признательность, которую когда-либо знала история!

Я всматривался в их лица в поисках ответа на проклятый вопрос: выдюжат ли они столкновение, которое грядет? Оно может случиться сейчас, немедленно, через несколько часов, как только сомкнутся на каком-то рубеже огонь и вода. Настало ли время для них заливать европейский пожар?

Когда прошли войска, я отправился на завод.

У заводоуправления — толпа. Это и рабочие завода, и служащие конторы, я узнавал даже некоторых инженеров. Я спросил у рабочего, к кому мне обратиться. Он указал мне рукой на советского офицера. У него в петлицах было две шпалы. Позже я узнал, что это обозначает звание батальонного комиссара.

Комиссар Пенкин. Я запомнил эту очень русскую фамилию.

Я подошел и, как положено в таких случаях, поздоровался. Я уже успел научиться немного говорить по-русски.

Комиссар обернулся. Он выглядел значительно моложе меня. Ему было лет тридцать.

Утомленные глаза внимательно окинули меня, в них застыл вопрос. Я назвал себя. И тут же поспешил добавить, что пришел переговорить о работе. Я готов взять любую работу. Но лучше у станка, наладчиком хотя бы. Такой заработок меня устроил бы.

Комиссар улыбнулся: «Господин Эльсгемейер, вы остаетесь? Я очень рад!» — и тут же поправился: «Мы очень рады. Командование Красной Армии радо, что вы остаетесь. Вы опытный и знающий инженер. Мы о вас много слышали. Мы знаем, что вы бросили дом и ушли от фашизма. Я надеюсь, что у нас найдете новую родину».

...Это были светлые годы в нашей жизни. Я не говорю о том, что было до прихода Гитлера на мою родину. Я говорю о годах скитаний.

Но он опять оказался прав, мой странствующий рыцарь и прорицатель. Гроза разразилась летним днем, и ее никто не ждал. Настолько никто не ждал, что я оказался в день, когда войска Гитлера пересекли советскую границу, почти у самой границы. Я выехал в Турке, в мой родной город, по поручению заводоуправления...

9

В ночь на двадцать второе июня грянула гроза. Она застала меня почти на передовых позициях. Я не знал, как и тысячи других людей, уцелею ли я, но думал в ту минуту только о Марии. Как ее вывезти из этого ада?

Когда я вернулся во Львов, город горел. По улицам гремели гусеницы немецких танков. Огненное кольцо замкнулось. Я вспомнил о документах, которые мне оставили польские коллеги, уезжая от Красной Армии на запад. Как прикрыть для меня эти годились, но Марию нужно прятать.

Я вспомнил о людях, которые не были моими друзьями, они стали друзьями потом. Один из них был простым рабочим. Я рассказал о своей беде. Хотел с ним посоветоваться, но он перебил меня. Не надо советовать, надо прятать. Как? У них в доме есть подвал. Он тщательно скрыт от посторонних взглядов. Но даже если его найдут и спустятся в подпол, Мария будет и там спрятана.

Хозяин попросил меня об ответной любезности: никому и никогда не говорить, что он спрятал мою жену.

Предательства... Вот чего он боялся.

По радио и в приказах, прибитых на досках для объявлений, было передано распоряжение вернуться на свои рабочие места. Но завод опустел. В заводоуправлении хозяйничали немцы.

Я предъявил свои польские документы на имя Квитко. Поляк, рабочий, наладчик станка. Меня отправили в цех, я занялся станками.

И вдруг что-то прощелестело в воздухе. По территории завода забегали немецкие солдаты. Распахнулись ворота, и я увидел в окно, как въехала открытая машина кремового цвета. За ней следовал эскорт мотоциклистов. Машина остановилась возле встречающих, мотоциклисты проехали во двор. С мотоциклов соскочили автоматчики, окружили кремовую машину.

Лицо этого человека мне было знакомо. Я очень удивился, я не верил, не хотел верить своим глазам, но я не мог его принять ни за кого другого. Много раз в известном венском ресторане он подходил ко мне, склоняя лысую голову, и почтительно прини-

мал заказ. Метрдотель с генеральскими нашивками — Герман Ванингер...

Вернулись на завод и мои польские «друзья», которые так горячо уговаривали меня в памятную ночь ехать на запад.

Жигловский — мой бывший коллега — был назначен инженером и с новым немецким хозяином обходил завод. Припили в наш цех. Мне бы спрятаться на какое-то время, это отсрочило бы беду. Я не спрятался.

Жигловский увидел меня и шагнул навстречу. Но не с приветствием и не с радостью. Он громко произнес мою фамилию и, обернувшись к хозяину завода, спросил: почему инженер Эльсгеймер работает на наладке станков? Он даже произнес слово, еще не вошедшее в наш город в обиход: «Саботаж!»

Через несколько минут я уже был в гестапо. Они знали обо мне все: знали, кто я, откуда и кто у меня жена. Сначала мне надо было снять обвинение, что я оставлен во Львове Красной Армией, чтобы организовать «саботаж». Затем мне надо было доказать, что я не коммунист. Потом они занялись моей женой. Я твердо стоял на одном: моя жена ушла с русскими, когда меня не было в городе.

Наконец, осталось последнее: почему я скрыл свое имя и специальность? Я прикинулся неполноценным, ибо трусость считалась тогда — на словах, конечно, — признаком неполноценности. Я объяснил, что испугался. Я говорил, что, если, мол, вы, господин следователь, сделаете ошибку, вас будут ругать, по никто не скажет, что вы это сделали нарочно. А если я, инженер, сделаю ошибку? Мне скажут, что я это сделал с дурными целями. Мне ничего не оставалось, как отказаться от своей специальности.

Признание вины не освобождало от наказания, военно-полевой суд приговорил меня к расстрелу. И приговор был бы приведен в исполнение, если бы...

Во Львове было открыто отделение фирмы «Аутоунион», занимающейся ремонтом военных машин. Представитель фирмы не раз имел дело со мной до печальных событий 1938 года. Теперь он приехал в форме майора.

Он сумел кому-то доказать, что инженера, знающего авторемонт, расстрелять недолго, долго человека делу выучить. Расстрел был заменен концлагерем, который обслуживал ремонтный завод фирмы «Аутоунион».

Лагерь наш был особым. По нынешним временам это был бы научно-исследовательский центр европейского значения, если не больше. Во Львове я встретил немецких ученых — физиков, химиков, знаменитых техников, конструкторов.

Этим людям можно дать любую работу, все им по силам. Одного не могли сделать гестаповцы, несмотря на всю свою немислимую власть: заставить их творить. Творить на благо рейха.

Однажды я и еще несколько заключенных сидели в чертежной и уточняли проект авторемонтной мастерской.

Вошел представитель фирмы «Аутоунион» майор Хоцингер.

Мы встали и выстроились в шеренгу. Майор махнул рукой и подошел к чертежам. Он спросил о какой-то детали. Чертеж был не моим, и я поискал глазами своего товарища. Он выступил вперед, старый профессор, строитель и инженер. Хоцингер взглянул на него и отпрянул на шаг. И тут я увидел глаза Хоцингера. Чему он ужаснулся? Это было мгновение, но как преобразился человек, сколько он мог сказать глазами. Хоцингер сделал знак, чтобы я следовал за ним. Мы вышли в коридор. Хоцингер оглянулся, и вдруг в его голосе появились просительные нотки. Он спросил, знаю ли я человека, который делал чертеж. Я назвал фамилию берлинского профессора. Хоцингер печально улыбнулся и сказал, что профессор гордый и упрямый человек и он никогда не обратится к нему, к майору, с какой-либо просьбой. Так вот, Хоцингер просит меня как старшего в команде об особом внимании к профессору. Если что-нибудь понадобится, лекарства или заступничество, я должен буду немедленно известить майора. Оказывается, еще в вильгельмовской армии профессор был майором. Хоцингер служил под его командованием. Под Верденом майор вручил Железный крест Хоцингеру.

При авторемонтном заводе Хоцингер открыл мастерскую для зарядки аккумуляторов. Хитрую мастерскую. Мы получали синтетический бензин и отделяли от него спирт. А уже мастера превращали этот спирт в тонкие ликеры.

Закончив проверку лагерей, Ванингер решил, что в них содержится слишком много заключенных, которых следовало бы расстрелять. Тогда Хоцингер привез его в аккумуляторную мастерскую и показал нашу продукцию. Она ошеломила шефа гестапо, и он распорядился никого в мастерской не трогать, установить при ней особую охрану. Все мы были включены в личный список Ванингера. Без его распоряжения нас не могли ни освободить, ни убить.

Когда Ванингер садился в свою кремовую машину, Хоцингер оглянулся и вдруг весело и заговорщически мне подмигнул...

Приблизительно в это время к нам прислали нового охранника. Солдата из войск СД. Немолодой подслеповатый немец в очках с сильными стеклами, за которыми не разглядишь выражения глаз. Похоже, что он был из учителей начальных классов. Как он попал в команду, где носят черную форму и череп на рукавах? Он стоял с автоматом на поясе у ворот. Немой и грозный страж. Он никогда к нам не подходил, не смели и мы к нему приближаться.

От Ванингера поступил запрос: «Есть ли в лагере автомеханик, который мог бы исправить коробку передач в машине и устранить следы столкновения? Нужен отличный специалист. Машина заказная...»

За мной в мастерскую пришел подслеповатый солдат Фриц Грибль и, грубо толкнув в спину автоматом, повел к воротам.

Офицер пихнул меня в машину. Закрытый «опель» помчался по городу.

Я считал себя конченным человеком. Никаких мыслей о сопротивлении, о борьбе, никаких надежд. Единственная связь с жизнью — это думы о Марии. Что с ней будет? Она остается одна!

Распахнулись железные глухие ворота.

Подошвы моих грубых ботинок гулко застучали по камню. Двор вымощен мрамором и гранитом. Вавилонское величие... И здесь они не оригинальны!

У въезда в гараж стоял Ванингер и постукивал стеком по лакированному голенищу.

— Скорей! — торопил меня офицер.

Я ускорил шаги, и вдруг мой взгляд упал на камни, которыми был вымощен двор. Я с полушага остановился. Это же не камни! Это надгробные плиты с Львовского кладбища. И надписи еще не стерлись...

Ванингер неторопливо двинулся мне навстречу.

— Что случилось? — спросил он с насмешкой. В маленьких глазках его искрились веселые огоньки. — Может быть, Эльсгеймер боится привидений? Поднимутся плиты и встанут мертвецы? Не встанут, Эльсгеймер. Я ручаюсь.

Он подтянул меня за локоть, пристально и тяжело посмотрел мне в глаза.

— Вы... — выдавил он из себя. — На что вы годны? Может быть, вы веруете в бога, для вас кощунственно ступить по этому мрамору? Бросьте! Бога нет! Только отрешившись от этой чепухи, человек может стать повелителем.

Он опять рассмеялся и оттолкнул меня.

— Не бойся, Эльсгеймер. Тебя не тронут. Ты должен отремонтировать мою машину.

Я долго, до ночи, работал в гараже. Перебрал коробку передач, выправил крыло у машины. Ночью меня под конвоем повели на улицу Яновского. В заплочном мешочке лежал мой гонорар. Буханка черного хлеба, две банки тушенки, кусок сала.

Конвоир сдал меня у ворот часовому и ушел. На посту стоял Фриц Грибль. Он долго и придирчиво разглядывал пропуск, потом оглянулся. Поздний час, никого поблизости.

— Генрих Эльсгеймер! — произнес, как бы даже и не обращаясь ко мне.

— Так точно! Генрих Эльсгеймер!

Грибль приподнял очки. Добрыми оказались глаза у этого человека, и улыбка в них.

— Вам поклон от старого друга...

Что это? Провокация? Или?.. На всякий случай я молчал.

— Первый раз вы с ним встретились в сарае на австрийской границе, возле хижины лесника... Он обещал вас найти. Где он вас нашел?

Я молчал, все еще опасаясь провокации. В горах нас видели вместе. И теперь меня ловят на чем-то...

— Он нашел вас во Львове... Ветер дует с запада. Мрачные грозовые тучи движутся на восток. ...С запада — на восток!

Этот солдат слово в слово повторил прощальную фразу Кемпенера. Его слов никто не слышал, кроме нас с Марией.

— Вы помните имя вашего друга? — спросил Грибль.

— Вильгельм Кемпенер!.. — ответил я шепотом.

Грибль приложил палец к губам и оглянулся. Разговор наш затягивался. Но и не было ничего неестественного в том, что часовой у ворот тщательно проверяет мой пропуск и производит обыск. Обшаривая мои карманы, Грибль говорил шепотом, что он приехал в этот лагерь по заданию Кемпенера, что у Кемпенера свои планы относительно заключенных в лагере по улице Яновского, что Кемпенер надеется прежде всего на мою помощь. У него не пропала вера в меня...

Ну как же мне было не воспользоваться такой неожиданной возможностью? Я попросил передать продукты, полученные у Ванингера, моей жене.

На меня обрушился град вопросов: где моя жена? кто ее укрывал? откуда я знаю этого рабочего? можно ли ему верить? Мои ответы успокоили. Только после этого Фриц Грибль взял передачу.

Я тогда еще не знал, что оказал огромную услугу Кемпенеру: связал его с надежными людьми во Львове.

Охранник и заключенный. Надо знать, как затруднены были наши встречи... Мы переписывались. Письма клали в тайник, который практически всегда находился под охраной Грибля.

Грибль интересовался людьми, которые работали со мной, их настроением, взвешивал возможность вовлечь их в организацию. Я должен был найти среди заключенных людей, готовых к прямой схватке с фашистами.

Я знал, что все, кто со мной работал в лагере, ненавидели фашизм в одинаковой степени. Но все ли готовы вступить с ним в вооруженную схватку? Когда-то ведь не вступили. Или равнодушно отвернулись от того, что происходило на их глазах, или же сочли ниже своего достоинства бороться против хулиганствующих молодчиков, не угадывая за этими молодчиками будущей силы.

Я начинал понимать, что какие-то силы сколачивают огромные людские массы, чтобы привести их в движение против фашизма. У каждого из нас остались тесные и прочные связи на родине. В Австрии, во Франции, в Германии. Каждый из нас, несомненно, мог привести в движение и других, неизвестных Кемпенеру людей. Мы — как головы дракона: одну срубишь, вырастают три.

В нашей маленькой группе, в аккумуляторной мастерской, я мог не опасаться провокаторов. Здесь как в капле воды преломилась вся абсурдность гитлеровского режима.

Профессор физики из Берлинского университета, доктор технических наук, специалист по аэродинамике, французский химик, бельгийский хирург — разнорабочие. Не нашлось этим специалистам с мировой известностью другого занятия... Ну что же... Контакты я установил. Мы и без Грибля были тесно связаны

друг с другом. Спали на одних нарах. И в общем-то, без труда выяснили, что каждый из нас готов на любые испытания, лишь бы включиться в борьбу.

Шел 1942 год. Мы получали скудную информацию. Но все относительно. Может быть, для людей малосведущих известие о прорыве гитлеровских войск к Волге означало победу рейха. У нас на зарядке аккумуляторов работал крупный немецкий специалист по военной истории. Его исторические концепции не устраивали Гитлера. Его заставили пройти полный круг гитлеровских концлагерей. После попытки бежать он попал в львовский лагерь на улице Яновского.

Громкоговорители, установленные на электростолбах в лагере, изрыгали бравурные марши, через каждые полчаса диктор зачитывал сообщения, что немецкие войска вошли в Сталинград.

А наш военный историк ликовал. «Это начало конца! — возгласил он. — Если бог захочет наказать, он сначала отнимет разум!»

С железной логикой он доказал, что, растянув коммуникации, выйдя к Волге, Гитлер ускорил свое крушение...

Наступили сентябрь и октябрь... В победных реляциях недостатка не было, но наступление приостановилось. Предсказания военного историка начинали сбываться.

«Аккумуляторная кислота», которая шла к столу Ванингера, была надежной для нас защитой. Но он же враг наш! Он воюет против наших близких, а мы услаждаем его жизнь ликерами.

Есть же у человека совесть! Она нас звала к каким-то свершениям, чтобы помешать ванингерам. У меня была еще одна печаль — Мария. Но я не мог даже повидаться с ней. Я никуда не выходил с территории лагеря, если не считать отлучек по нуждам гестапо. Именно в эти дни я ездил несколько раз ремонтировать машину Ванингера. Игра в кошки-мышки. Уезжаешь и не знаешь, вернешься ли после этого ремонта. Нет, я не боялся, что не справлюсь с какими-нибудь техническими задачами. Просто по капризу, под настроение, или по указке сына, или чтобы попробовать парабеллум, Ванингер мог меня пристрелить как собаку.

Все чаще и чаще мои мысли обращались к моему странствующему рыцарю. Жил образ, созданный моей фантазией, образ бойца, который сражался на баррикадах, когда мы тлели, не грея никого, за каменным забором лагеря.

Где же ты, Вильгельм Кемпепер? Что же ты забыл своего пилигрима? Почему в самый трудный час тебя нет рядом? Я привык, что ты исполняешь свои обещания. Почему молчит твой посланец?

Однажды к нам явился Хоцингер. Он долго осматривал оборудование мастерской. Заговаривал с заключенными, лазил по машинам, которые стояли в ремонте. Он проявлял удивительное беспокойство. Я понял, что он хочет что-то сказать, и неотступно следовал за ним. Он улучил минуту, когда мы остались одни.

— Господин Эльсгемейер, — сказал он, — я знаю, что ваша жена еврейка. Вы дали показание на следствии, что она ушла из Львова вместе с Красной Армией. Я не верю этому показанию. Вы можете оставить в силе свое утверждение. Через несколько дней шеф гестапо Герман Ванингер предпримет во Львове массовое уничтожение евреев. Это будет значительно страшнее, чем Хрустальная ночь в Германии. В нашей мастерской работают несколько евреев. Я напомнил Ванингеру, сколь ценную продукцию выпускает мастерская. На этот раз он не внял и этим соображениям. За городом уже роют рвы, куда будут сбрасывать трупы.

Хоцингер пристально смотрел мне в глаза, но я боялся ему довериться. Я слушал его, опустив глаза, с бесстрастным лицом. Я сказал, что меня это касается так же, как и других немцев, и спросил, что от меня требуется. Он хотел предупредить. Может быть, когда-нибудь я вспомню об этом его предупреждении.

Хоцингер мне сообщил, что приказ о массовых уничтожениях евреев вводится в действие по всей Европе. Он мог мне не объяснять, что это значило.

Я передал свой разговор с Хоцингером Фрицу Гриблю. Он уже знал о готовящейся акции. Он сказал, что час, к которому я готовился, близок. Настало время побега. Здесь ни я, ни мои товарищи не нужны организации. Мы нужнее там, где у нас найдутся связи, в тех странах, где мы жили, где оставили своих близких людей. Все сошлось, как я и предполагал.

10

Всякая сложность иногда решается простейшим образом. Не надо было рвать колючую проволоку, снимать часовых, открывать стрельбу, поднимать по тревоге город. Фриц Грибль придумал все проще. Конечно, придумал он это потому, что имел возможность воплотить это в действие. У него были свои люди не только у нас в лагере.

Вечером в нашу мастерскую загнали несколько грузовых машин на ремонт. Грибль указал нам на две машины, которыми мы могли воспользоваться. Ремонт в них был незначительным. Нужно было найти двух водителей для этих машин. Одну я взялся вести сам, найти другого водителя — задача несложная.

Грибль обменялся со своим товарищем дежурствами и встал у ворот. Мы попросили разрешения у Хоцингера сделать машины в неурочное время, не прерывать ремонта ночью, чтобы скорее выпустить из гаража.

Я не знаю, как эту просьбу воспринял Хоцингер. Может быть, он думал, что мы хотим выслужиться и своей старательностью зарабатывать себе жизнь? Вряд ли он догадывался о наших намерениях. А может быть, и догадывался. В общем, он был неплохим человеком.

К побегу было готово двенадцать человек. По шесть человек на машину. Оружия у нас не было. Мы могли рассчитывать только на автомат Фрица Грибля.

Грибль удачно подобрал машины. Машины были снабжены пропусками гестапо для ночной езды по городу и для выезда за город.

Очень далеко на этих машинах нам и не надо было ехать. Достаточно было вырваться за город.

Дальше было бы бессмысленно продолжать побег на автомашинах. Их могли догнать, на дорогах могли поставить заставы, могли просто по полевым телефонам сообщить полевой жандармерии о побеге.

Ночью Мария пришла к воротам лагеря.

Ночь была удачной. Шел крупный дождь, город завесило непроглядной тьмой.

Грибль открыл ворота. С погашенными огнями машины выехали в город. Я посадил в кабину Марию, и мы спокойно поехали по городу, не развивая скорости, как будто за нами и не могло быть погони. Выехали за город. Миновали первую заставу. Срабатывали пропуска на машинах и Грибль в форме СД. Он не объяснял, кого, куда и зачем конвоирует. Дождь пригасил бдительность патрульных.

Мы добрались до ближайшего леса, загнали в кусты машины и двинулись пешком без дороги, выбирая заболоченные места, чтобы к утру наш след не могли прихватить собаки.

Молодец Фриц Грибль! В мирное время он был учителем в начальных классах, да еще в сельской местности. Он привык бродить со школьниками по лесам и вел нас по бездорожью, как по хорошо знакомой тропке.

Днем мы отсиживались, почками шли, ориентируясь по компасу, обходя деревни. В деревни заходил только Грибль. Он добывал нам продукты, пользуясь своей страшной формой. Мы продвигались к Карпатам.

Логика всех побегов из гитлеровских лагерей диктовала дорогу на восток. Нас, наверное, искали с особым тщанием на восточных дорогах от Львова. Кому могло прийти в голову, что мы двигались в логово зверя?

Мы шли к городу Турка. Там я был дома. Я вырос в этих местах и помнил не только прямые дороги, но и лесные тропки и просеки. Я лазил по горам мальчишкой, юношей совершал дальние лыжные прогулки, чучевал в хижинах лесников. Здесь мне не очень нужен и проводник. Я знал, где протекает граница, где легче перейти в Венгрию. Проводник нужен был только для того, чтобы указать, как размещены пограничные заставы.

В предгорьях Карпат мы разделились. Такой большой группой пройти через узкие ворота, которые мы найдем на границе, не удалось бы. Фриц Грибль дал мне явочный адрес в Будапеште. Вот куда задумал послать меня Вильгельм Кемпнер!

У нас были деньги в самой тогда надежной валюте, в американских долларах. Ими нас снабдил все тот же Грибль.

Ну конечно же, я пошел прежде всего к лесникам. Прошло двадцать лет, как я покинул свои родные места. Я рассчитывал на деньги, а не думал, что найду своих старых знакомых. Нашел!

Горные дороги привели нас к знакомой с юных лет лесной сторожке. Здесь жил все тот же сторож. Он был стар и дряхл, поэтому война его не коснулась. Его дети были на войне. На чьей стороне, он и не мог бы мне толком объяснить. Ушли, а куда ушли, один господь бог ведает.

Он узнал меня, но несколько не обрадовался. Он все понял без лишних слов. Провести туда, за кордон? Это стоит денег. У них уже и такса выработалась.

Старик этим частенько занимался. Это стало своеобразным промыслом.

Он с сомнением посмотрел на Марию. Она была истощена, у нее были избиты ноги, обувь ее мы давно бросили. Я завернул ее ноги в тряпки. Старик нашел ей старенькие туни.

Решили так. Марию он повезет на телеге, прикрыв сеном. За ночь они должны перейти границу. Пешком она такого перехода не выдержит. Я должен идти следом. Двоих сразу он не возьмет. Слишком велик риск, не отговоришься и не откупишься от патруля, если все-таки прихватят. Сено он и раньше возил на продажу за кордон.

Я должен пробиться сам по их следам. Какие же следы могут быть ночью? Старик сокрушенно покачал головой на мою недогадливость. Шли дожди. Колеса телеги глубоко врезаются во влажную землю. На телегах здесь давно никто не ездил. Я могу найти след на ощупь.

Телега не поедет густым лесом без всякой дороги. Стало быть, я должен искать дороги в лесу, просеки, лесные широкие тропы.

Старик наложил на телегу воз сена. Мария зарылась в сено, телега тронулась. Через полчаса после них пошел и я.

Старик честно отрабатывал полученные деньги. И ночью я мог убедиться по приметам, памятным мне с юности, что он держит путь к границе. В лесах, да еще в горных лесах, прямых дорог не бывает. Дорога петляла, спускалась вниз, опять поднималась вверх, обходя лесные завалы, обрывы, пропасти.

Помнилось мне, что перед самой границей должен быть высокий перевал, потом крутой спуск в долину, где пастухи пасли отары овец.

Мы миновали перевал. Я говорю «мы», потому что я без труда следил за колеями, которые прокладывала телега, изрядно нагруженная сеном. Старик все же думал заработать и на сене.

Я ногами почувствовал, что спускаюсь вниз. Вот-вот кончится лес. Чем ниже я спускался, тем громче пели и звенели ручьи. Шел дождь, и вода сливалась в долину. Из ручьев рождались однодневные речки. Речки гремели на водопадах. Шуршал в ли-

стях дождь. Я шел не сторожась, надеясь, что шум этот покрывает звук моих шагов. Но я не услышал и чужих шагов.

Патруль появился внезапно. Мне ударил в лицо острый луч фонарика, раздался возглас: «Хенде хох!» Немецкий патруль.

Луч фонарика осветил окрестности. Я увидел, что стою уже не в лесу, а на опушке леса, впереди меня крутая луговина.

Граница в нескольких шагах!

Я выполнил приказ. Поднял руки. Один светил, двое меня обыскивали. Луч фонарика падал мне под ноги. Под ногами отчетливо прочертились две тележные колес. Значит, они проехали... А может быть, их тоже перехватил патруль?

Оружия у меня не было. Деньги у меня были спрятаны в подметках ботинок. Неказистые ботинки не прельстили солдат.

Меня толкнули дулом автомата в спину и приказали идти. Луч фонарика погас. Глаза отвыкли от темноты, меня ослепили, и я шел, спотыкаясь о кочки. Сзади подталкивали стволом или прикладом автомата и все время торопили: «Быстрей, быстрей!» Что же, я иду на заклание, как агнец? Никто уже теперь меня не спасет, если я сам себя не спасу!

Я сделал вид, что споткнулся и остановился. Солдат с автоматом приблизился ко мне вплотную. Я ударил его ногой в живот и кинулся в сторону. Фонарики! Карманные фонарики с сильным и далеко бьющим лучом. Три пучка света ударили мне в спину. Они проводили меня до опушки, прострелотала очередь из автомата. Криками они предупредили, что следующая очередь достанет меня. Я остановился. Они неторопливо подошли, сбили меня с ног и принялись беззлобно, но жестоко избивать.

Я закрыл голову руками, уткнулся лицом в землю. Только бы не проломили череп. Они топтали меня сапогами и били прикладами. Потом один из них сказал, что я им нужен живой. Он высказал предположение, что я важная птица. Мне еще добавили для острастки, оторвали руки от головы, ударили прикладом по пальцам, и вдруг один из них наклонился надо мной. Он увидел у меня на руке часы. Как сохранился мой «ланжин» со светящимся циферблатом, я не знаю. Вероятно, потому, что я сразу попал под покровительство Хюцингера, затем «аккумуляторная мастерская», где над нами мудрить побавлялись. Словом, некоторое привилегированное положение поставщиков ликера господину Ванингеру сберегало мне эту, в общем-то, невеликую драгоценность, но для солдата довольно заманчивую приманку.

У меня сорвали с руки часы. Я не дышал, делая вид, что потерял сознание. «Отлежится, потом возьмем!» Им не терпелось рассмотреть часы. Неподалеку я заметил, когда скользил луч фонарика, стог сена. Они пошли к сену, укрылись от дождя и заспорили, сколько могут стоить эти часы и кому они должны достаться.

Я вскочил и бросился в лес. Дистанция для перебежки была невелика. Я нырнул в кусты. В кустах лучи фонариков меня не достали.

Они стреляли из автоматов по кустам, но стреляли наугад. Стволы высоких буков заботливо принимали в свое тело пули, оберегая меня.

Шум дождя и грохот ручьев дали мне возможность уйти от них глубоко в лес.

Стихли голоса патрульных, и вообще все живое стихло. Шумел в густой листве дождь, гремела на камнях вода.

Осенние ночи длинные. Я не торопился. Я нашел горную речку с холодной, обжигающей водой. Умылся. Смыл кровь, привел себя в порядок, прошелся речкой, чтобы совсем приглушить свои следы, хотя при таком обильном дожде собака не могла взять след, и, зная расположение леса и долины, вышел в долину с другой стороны.

На этот раз я шел очень осторожно. Прежде чем ступить на открытое место, долго прислушивался. Если бы патрульные проходили где-нибудь поблизости, я услышал бы их голоса. В такую ночь и в таких местах солдаты поодиночке не ходят.

Я пересек долину, начался новый подъем. Значит, я перешел границу. Теперь я на венгерской территории. Венгрия — союзник Германии, но она еще не оккупированная земля.

Все так же страшно попасться на глаза солдатам, но есть хоть малая, но надежда откупиться от венгерского патруля.

Какой дорогой поехал старик? Их было несколько, и все они были пригодны для лошади и телеги.

Вышел на одну дорогу. Следов нет. Прошел лесом, вышел на другую дорогу. Уже начался рассвет. Опять следов не видно. И только на третьей дороге, где очень редко ездили на лошадях, больше ходили пешком, я нащупал тележные следы.

Колеса привела меня к хижине венгерского лесника. Там уже было все сговорено. Мария добралась целой и невредимой.

Лесник рассказал, что на рассвете к нему приходили венгерские солдаты. Они искали перебежчика. С той стороны сообщили, что ночью в горах от немецких солдат убежал неизвестный. И старик и Мария догадались, что я наткнулся на немецкий патруль.

Несколько дней, пока все успокоится на границе, мы с Марией отсиживались в лесной землянке неподалеку от хижины лесника.

Стало известно, что кого-то все-таки поймали в горах. Этому пойманному приписали мой побег. Стражники тоже прибегали к обману, чтобы за нами не значились непойманные перебежчики.

Лесник съездил в город. В городе он купил мне одежду для переезда по железной дороге. Мария должна была еще некоторое время пожить в лесу. Я поехал в Будапешт.

Еще раз начиналась для меня новая жизнь.

Теперь я уже не гонимый, теперь я борец, солдат невидимой, но все же могущественной армии. А раз я солдат, стало быть, ко мне применимы и все солдатские законы, стало быть, я на войне. А на войне нечего жаловаться на ее превратности, все в твоих руках.

Я, конечно, был наслышан о разного рода подпольных организациях. В глубоком подполье жили немецкие коммунисты, социал-демократы. Читал я книги о подпольщиках в царской России. Жили люди...

Я взял билет на скоростной экспресс до Будапешта. Чтобы не заводить разговора в купе с соседями, купил пачку венгерских журналов. И хотя я ничего не понимал, а только скользил глазами по строчкам, я делал вид, что крайне увлечен чтением.

Со мной в купе ехал немецкий офицер. Совсем великолепно! Немного пригибало вниз позвоночник какое-то неприятное чувство страха. А собственно, чего было бояться? В первом классе поезда обычно ездят те, у кого все в порядке.

Офицер не обращал на меня внимания. Он не снисходил до меня. Что для него значил какой-то венгр, даже если он и богатый человек! Ему было неприятно мое соседство, он часто выходил из купе.

Безжизность — привилегия королей. Почему же мне не созорничать? Когда мы приехали в Будапешт, я предложил ему свои услуги. У меня был всего-навсего небольшой чемодан, у него довольно большой багаж. Я обратился к нему на отличном немецком языке, с венским произношением. «О, вы австриец?» — «Конечно. Совершаю поездки по делам фирмы». Я начал вдохновенно сочинять какую-то белиберду. Прошло, представьте себе, прошло! После Будапешта он собирался в Вену. Я немедленно надавал ему разных адресов. Адресов не выдуманных, но не имеющих ко мне никакого отношения. Это были люди высшего света, известные своей приверженностью к «новому порядку» и к Гитлеру.

Офицера встретила машина. Любезность за любезность. Я помог донести ему вещи. Он предложил мне место в своей машине. Я даже назвал адрес. Это была одна из центральных улиц города. Все как в сказке. Несколько дней назад я мок под дождем, пробирался по колено в воде через ручьи, меня избивали, и я почти расставался с жизнью. Сегодня я ехал на машине немецкого полковника и спокойно поглядывал из окна на немецких солдат, встречающихся на улице. Кто решится проверить документы у пассажира, который сидит с немецким полковником?

11

Я распрощался с полковником, мы оба выразили надежду, что когда-нибудь встретимся еще раз, и я скрылся в подъезде. Машина отъехала.

Я поднялся на четвертый этаж, нажал кнопку звонка. За дверью послышались шаги. Открыла девушка. Она ничего не спросила, видимо, была так обучена, пропустила меня в прихожую.

В прихожей стоял Вильгельм Кемпенер.

Тогда для меня все это было в порядке вещей. Теперь-то я понимаю, какое мне было оказано высокое доверие. Он сразу

узнал меня. Я произнес пароль, но он махнул рукой — дескать, и так все ясно.

Чудеса продолжались. Я принял горячую ванну, впервые за два года по-настоящему отмылся, сел за стол, который был сервирован, как в доброе старое время. Столовое серебро, хрусталь, фужеры для воды, бокалы для вина и рюмки для крепких напитков. Блюда разносила служанка из венгерских крестьянок, молчаливая, быстрая, бесшумная.

Вместе с вином в мои жилы вливалось успокоение, я как бы размягчался, пропадало ощущение тревоги и реальности всего происходящего. Реальности, что мы находимся в Будапеште, что где-то на востоке идут ожесточенные сражения. Город не оккупирован немцами, но это нисколько не снимало опасности. Хорти — диктатор не менее изощренный, чем Гитлер. Во всяком случае, я не должен забывать — гестапо в Будапеште меня достанет без особого труда.

Но кто же все-таки хозяин дома? Аккредитованный дипломат при венгерском правительстве какой-нибудь дружественной державы? Он принимает меня как дорогого гостя, все, что я вижу в этом доме, говорит о достатке. В Будапеште он числится юрисконсультом влиятельной и значительной фирмы «Даймлер-Бенц». Они занимаются продажей грузовых автомобилей. Товарооборот невелик: машины нужны на Восточном фронте, а сюда попадает только то, что не берет армия. Но все же контора фирмы работает. И потом, чтобы я не ошибся в дальнейшем, — здесь он не Кемпенер. Он назвал мне другую фамилию...

Оказывается, я ему могу помочь. Чем?

После обеда он отвел меня в спальню. Я вытянулся на мягком пуховике, на чистой простыне, голову положил на чистую наволочку и накрылся легким теплым одеялом в чистом, хрустящем пододеяльнике.

Мне было не по себе лишь от мысли о Марии. Я здесь купаюсь в роскоши, а она дрогнет в лесной землянке. Хотя надо полагать, что и ее мучения позади.

Вечером мы занялись делами. Прежде всего совершенно точно было намечено, как доберется до Будапешта Мария и как доберутся до назначенных адресов мои товарищи.

За Марией поехал представитель фирмы «Даймлер-Бенц».

Вильгельм Кемпенер изложил мне мои обязанности. Он заготовил для меня фальшивые документы, в которых правда была в одном — что я австрийский инженер. По этим документам я должен был устроиться на один из немецких заводов, который строился в Венгрии. У рейха не хватает своих инженеров. Военная мобилизация забирает все больше специалистов на Восточный фронт. Гестапо слоняет на завод специалистов со всех стран. Я должен с ними установить связь. Через них ниточка связи протянется дальше.

Как быть с Марией? Этот вопрос мучил меня. А Вильгельм Кемпенер сказал, что Марию надо прятать сразу и надежно.

Ничего лучше, чем чердак дома, в котором размещалась нынешняя квартира, он не видел. Хозяин огромного шестизэтажного дома тоже, по-видимому, был своим человеком для Вильгельма Кемпенера. По заказу Кемпенера он отгородил на чердаке комнату с выходом в слуховое окно. Входы на чердак с лестничных площадок замуровали.

В одной из комнат шестого этажа пробили потолок и поставили переносную лестницу. Помещение это готовилось не только для Марии, но и для тех, кого придется прятать, когда придут немцы.

Я устроился на завод. Нити связи, по которым мне приходилось работать, были огромны.

Я сообщался с югославскими партизанами, с венгерскими подпольщиками, передавал сведения, которые были связаны с карпатскими партизанами. По нашим каналам связи шла покушка и перепродажа оружия, сообщались сведения о важнейших передвижениях гитлеровских войск. У нас была особая служба на железных дорогах. Она сообщала нам о движении составов с вооружением и войсками на Восточный фронт. Партизанские подрышки встречали эти составы в подходящих местах, составы катились под откос. Мы получали сведения даже из Франции.

Когда-нибудь историки займутся движением Сопротивления. Они расскажут о нашей системе связи, о конспирации, о радиопередатчиках, которые так искусно маскировались, что их не могли засечь пеленгаторы. Это тема научного труда о том, как организовать подпольную борьбу против диктаторского режима.

К сожалению, случались и провалы. Полиция время от времени выходила на след какой-нибудь из наших точек. Мы теряли людей. Но конспирация была на высоте. И полиция не могла добраться до центра.

Наша сила была в том, что мы все, очень разные люди, объединились в одном — в общей ненависти к фашизму. Если бы столько усилий, когда фашизм только начинал свой разбег!

Осенью к нам приехали подпольщики из Югославии. Встреча требовала особой осторожности.

Двухэтажный особнячок на окраине Будапешта был давно покинут хозяином. Он имел два выхода: один в сад, другой — через подвал — прямо к Дунаю.

Со стороны Дуная ни подойти, ни подъехать. Через улицу, в доме напротив, — наш наблюдательный пост.

Вильгельм Кемпенер, Фриц Грибль, я и югославские гости совещались об установлении новых каналов связи на случай оккупации Венгрии.

Два раза мигнула на столе лампочка. Два раза — это сигнал крайней опасности. Появилась политическая полиция. Грибль повел югославских гостей к реке, мы с Кемпенером должны были принять на себя удар.

В ставнях сделаны смотровые щели. Сад облит лунным светом. В лунном свете три фигурки в штатском. Они медленно идут

к особняку. Положить их очередью из автомата не составило бы труда. Но это не похоже на облаву. Что-то здесь не то.

Вот они ближе, ближе. В лунном свете мы различаем их лица. Кемпенер сжал мне руку.

— Это важная встреча, — говорит он тихо. — Это не политическая полиция. Тот, крайний, генерал венгерской разведки.

Мы спустились в подпол, держа в руках гранаты.

Тяжелые шаги по полу. Приглушенная речь. И вдруг громкий голос:

— Их нет! Гнездышко пусто!

— Не дежурить же им здесь круглые сутки. У нас точные сведения, что они здесь бывают...

— Придется ждать! Садитесь, нам торопиться некуда...

Кемпенер положил на порог автомат, зажал в руке лимонку и начал неслышно подниматься по лестнице.

— Вы кого ждете? — спросил с порога Кемпенер.

По звуку можно было догадаться, что пришельцы встали.

— Вас! — ответил голос генерала.

— Кого это «вас»? — спросил опять Кемпенер.

— Представьтесь.

Что могли сказать им наши имена? Мы были известны политической полиции как организация «Вольные стрелки».

— Я от Хорти! — сказал генерал. — Нам нужен ваш радист.

Кемпенер сказал в темноту:

— Охраняйте нашу встречу!

Это было приказом для меня, а для них — знаком, что он не один.

Кемпенер включил сигнальную лампочку. Они сели за стол.

— Нам понадобятся ваши люди для оперативной связи с английскими парашютистами, если они будут выброшены в Венгрии. Хорти выведет страну из войны.

— Неужели у Хорти нет радистов?

— Есть радисты, но есть и Салаши. Салаши не должен знать о наших переговорах... У наших радистов к тому же нет шифра.

— У нас есть шифр.

Генерал встал.

— На это мы больше всего и рассчитывали. У меня имеются перехваты вашей связи, но мы не нашли ключа к шифру... Передачи будем вести из моей машины. Придется ездить по окрестностям города, чтобы Салаши не запеленговал передатчик. Мою машину не посмеют остановить...

Они ушли вместе с Кемпенером. Я слышал, как заурчал мотор легковой машины.

Как он рисковал! Пошел с тем, кто годами выслеживал его, кто готов был вздернуть его на первом же суку. Минута эта стояла всей борьбой.

У меня сохранилось сообщение, которое было послано в Лондон, в партизанское подполье Югославии, в Советский Союз.

«Всем, всем, всем... По сведениям антифашистской группы «Вольные стрелки», венгерское правительство готово выйти из войны, готово подписать условия капитуляции».

«Всем, всем, всем... Господам Рузвельту, Черчиллю, Сталину. Венгрия выходит из войны. Хорти выступает с предложением о мирных переговорах. Хорти просит прислать полномочных лиц для подписания условий выхода Венгрии из войны».

И специальная информация для английского центра, который несколько раз засылал парашютистов для связи с нашей группой: «Сокол», «Сокол», говорит «Черный лис». Квадрат тридцать пять свободен для посадки».

Английский центр нельзя было обойти, ибо в группе «Вольные стрелки» находились люди из Лондона.

Только к утру Кемпенер уловил в сумятице эфирных шумов ответные позывные Лондона: «Черный лис», «Черный лис», «Сокол» вас слышит... Держите открытым квадрат тридцать пять».

И наконец, мы услышали выступление Хорти по радио. Венгрия вышла из войны! Я склонен был отпраздновать это событие. Слушали радио в резиденции Кемпенера. Я пошел к шкафчику и достал бутылку токая. Кемпенер отрицательно покачал головой. Он сказал, что надо немедленно уходить в глубокое подполье...

Он оказался, как всегда, прав. Через час Салаши объявил о свержении Хорти, гитлеровские войска вступили в Венгрию.

В город прибыл наводить порядок Герман Ванингер.

Я опять столкнулся с предательством. Жигловский, предавая меня в сорок первом году, мог еще на что-то надеяться. Мог надеяться выслужиться перед будущими правителями мира. Правда, ни до чего он не дослужился. Стороной мне стало известно, что во время одной из облав на евреев, которые время от времени устраивали гестаповцы, к ним в руки попал и Жигловский. Клялся, что он не еврей... Клятвы не помогли. Его пристрелили.

Нашелся и здесь предатель. На что он рассчитывал? Уже позади было поражение под Сталинградом, позади была Орловско-Курская дуга. Гитлеровские войска с достаточной стремительностью откатывались на запад. Человек из нашей организации, оказывается, давно готовился к той минуте, когда гестапо придет в Будапешт.

По условиям конспирации он мало что знал. Он был связан только с двумя нашими людьми. Но, желая знать больше, он все же сумел расширить свою осведомленность. До Кемпенера он не добрался, но он, несомненно, мог догадываться, что здесь, в Будапеште, работает руководящее ядро нашего движения.

В его списке Кемпенер значился под знаком «Икс». Но в списке стояло несколько фамилий людей, работающих в нашей организации. Не две-три, которые он должен был знать, а до десятка фамилий.

Десять фамилий — это очень много: каждый из тех, кто был назван в списке, знал еще двух-трех человек. Если бы все эти люди попали в гестапо и гестапо заставило бы их говорить, этот список мог катастрофически расшириться. Нависла угроза полного провала.

Нам стало известно, что предатель передал список Ванингеру.

Надо было принимать срочные меры.

Кемпенер собрал самых близких ему участников нашей организации. В их числе оказался и я. Вот тогда нам и понадобились автоматы. Милый и славный мальчишка Курт Роншток добыл их с завидным изысканием. Ванингер любил кататься по солдатским публичным домам. На эти ночные «операции» он не брал с собой охраны. Логика подсказывала нам план действий.

Во двор дома возле одного из перекрестков, где должна была состояться наша трогательная встреча, мы загнали грузовик. На перекрестке стоял другой грузовик. Водитель делал вид, что ремонтирует мотор.

Мы спрятались в подъездах домов.

Машина Ванингера мчалась на большой скорости. Когда она приблизилась к перекрестку, водитель грузовика резко двинул машину и загородил проезд. «Мерседес» прибавил газу, пытаясь обойти грузовик, но навстречу сверкнули ослепительным светом фары второго грузовика, который был скрыт во дворе соседнего дома. «Мерседес» остановился, пройдя юзом несколько метров. Столкновения водитель избежал. Именно это нам было и нужно. Мы выбежали и окружили машину. Клацали затворы автоматов. Дверцы машины открылись. Ванингер поднял руки.

Наши люди вытолкнули из машины водителя, обыскали Ванингера и обезоружили его.

Я сел за руль, Кемпенер — на заднее сиденье за спиной Ванингера. Маршрут увоза Ванингера был разработан заранее. Я мчался по переулкам и улицам, включив полный свет. Ни один полицейский не имел права нас остановить. Все знали, что это машина Ванингера.

Последний раз должен был сослужить нам службу особнячок на берегу Дуная.

Внутри все было готово для встречи Ванингера. Канделябры со свечами, стопка бумаги, чернила и несколько ручек.

В кабинете майора Дайтца Ванингер сделал вид, что он не узнал меня. Забавно!

В комнате было темновато. Горели свечи, электрический свет не включали. Но и этого было достаточно, чтобы он мог запомнить наши лица. И голоса! Разве мог он забыть голоса людей, которые провели с ним трагическую для него ночь? Наши голоса он не мог забыть. Мы допрашивали и судили его. Такое не забывается.

Мы его судили. Да, да, судили! Сами и назначили себя судьями. Не правда ли, как это недемократично?!

Где же суд присяжных, где судьи в мантиях, где адвокат подсудимого, где прокурор, облеченный государственной властью? Не было даже следствия.

Я считаю, что все было крайне демократично. А где были присяжные и судьи в мантиях, когда Ванингер отправлял тысячи и тысячи ни в чем не повинных людей на расстрел, а лагеря, где без суда и следствия расстреливали массы людей и сваливали во рвы, которые ими же и были вырыты?

Ванингер получил то, за что он сам ратовал.

Я знал Кемпенера мягким, предупредительным человеком, даже веселым. Во Львове он напевал про себя какие-то веселые песенки. Он был обворожительным человеком.

Здесь стоял строгий и беспощадный судья.

Он стоял, Ванингер сидел, я вел протокол. Я едва успевал записывать. Пригодилось знание стенографии.

— Господин Ванингер, вы нам мешаете! — начал Кемпener. — Вы стали на нашем пути, и мы решили с вами откровенно объясниться.

— Кому это «нам»? — спросил с вызовом Ванингер. Он заметно приободрился. Его не убили, с ним собираются о чем-то говорить. Как ловкий торговец, он, видимо, уже прикидывал, какой ценой он может откупиться от неприятностей.

— Вы работаете в гестапо, господин Ванингер...

Ванингер усмехнулся:

— Вы не сделали открытия!

Кемпener поднял руку, останавливая его рассуждения.

— Вы занимаете, господин Ванингер, значительное положение. С вами мне не надо играть в прятки. Я скажу, кому это «нам». Нам — антифашистам!

— Антифашистам? — переспросил Ванингер. — Такие есть... Мой служебный долг уничтожить антифашистов. Но антифашисты это еще не организация. Вы действовали как организованная сила! Какой же я организации помешал?

— «Вольным стрелкам»!

— «Черный лис»? Забавная встреча... «Черный лис»... Но это не имя... Я хотел бы знать, с кем имею честь...

— Вильгельм Кемпener! Вам известна эта фамилия?

— Известна!

— Вот видите, как мы вовремя встретились! Что вам еще обо мне известно, господин Ванингер?

— Вас интересуют мои сведения? Ну что ж! Это недорогая цена за мою свободу.

— О нет, господин Ванингер, ваши сведения обо мне, ей-богу, не стоят жизни такого значительного деятеля, как вы. Разве уж в порядке любезности вы их мне изложите.

— Мне нравятся люди, подобные вам, Кемпener! Если вы заметили, я вас не назвал господином, Кемпener. Как-то непривычно обращаться со словом «господин» к человеку с выдуманной фамилией. Правда, под этой фамилией вы сражались еще в Испа-

нии. Куда вы выскользнули из Мадрида, это для нас пока остается загадкой. Вы видите, что я с вами откровенен!

— Я это ценю, господин Ванингер.

— Ваши следы обнаружили в Австрии. Там вы нам сильно мешали. С вами были многие из тех, кто не хотел присоединения Австрии к рейху. Но я слишком поздно обнаружил ваши следы. Когда я пришел в гестапо, вас в Австрии уже не было. Австрийская полиция кое-что уже знала о вас, но почему-то не хотела вас трогать.

— Может быть, может быть... — ответил Кемпener.

— Нам известно, что вы ушли из Австрии через границу и опять исчезли. Однажды во Львове заключенные совершили дерзкий и хорошо подготовленный побег. Я имел большие неприятности. Лично расследовал это дело. Там чувствовалась ваша рука. Во всяком случае, ваше имя всплыло при расследовании. И опять пропало. У меня есть список действующей организации в Будапеште. Я полагаю, что вы там значитесь под знаком «Икс». Господин Икс — «Черный лис». Это точнее, чем Кемпener! Не правда ли?

— Да, это точнее! — согласился Кемпener.

— Что вам от меня нужно, господин «Икс»?

— От имени антифашистов, от имени людей различных национальностей и политических убеждений, объединившихся под одним знаменем борьбы с вашим режимом, я предъявляю вам обвинения.

— Вы не прокурор и не судья! — запротестовал Ванингер.

— Итак, признаете ли вы себя виновным в убийстве невинных людей?

— Кого считать невинными, кого считать виновными... Я действительно убил очень многих. Тех, кто мешал или мог помешать установлению диктатуры Гитлера. А диктатура Гитлера для меня — это интересы моей нации. Я немец. А вы немец, господин Икс?

— Я вам уже представился: я антифашист! Я представляю здесь и немцев, и русских, и поляков, и евреев — всех, кого вы убивали.

— Да, я убивал, приговаривал к массовому уничтожению всех «анти»... Всех, кто был против нас!

— Считаю это вашим признанием. Но вы убивали ради удовольствия убивать. Это вы признаете?

— Какая разница? — Ванингер пожал плечами. — Значит, вы пристально следили за мной? Стрелял, не отрицаю.

— Что делали для вас заключенные в аккумуляторной мастерской на улице Яновского?

— Для меня?

— Пока вы признались в преступлениях, за которые сейчас мы судим, но вы совершили преступления, за которые вас судил бы ваш фюрер! Что производила аккумуляторная мастерская от фирмы «Аутоунион»?

— Аккумуляторную кислоту, вероятно...

— Нет! В этой мастерской для вас изготавливали ликеры. Сколько бочек бензина уходило на литр ликера? А бензин был очень нужен вашей армии на Восточном фронте. Вы жулик! Вы жулик даже перед своим фюрером. Вы взяточник, Ванингер. Вы полагаете, что Гиммлеру такого рода сведения были бы не интересны?

— Я могу подумать, что вы вездесущи...

— Вы убийца, взяточник и лжесвидетель! По законам цивилизованных народов выношу вам смертный приговор. Приговор обжалованию не подлежит!

Ванингер усмехнулся:

— Столько шума, чтобы убить одного человека! Нет, положительно, антифашисты — народ неполноценный!

Но Кемпенер не обратил внимания на эту реплику.

— Приговор обжалованию не подлежит. Однако властью, которой меня облекли люди моей организации, я могу отложить исполнение приговора. Отложить на неопределенное время. До конца существования рейха. До нового суда над вами, господин Ванингер. Взамен я потребую от вас некоторых услуг.

— Это вы могли сделать и раньше...

— Если бы я это сделал раньше, я не имел бы протокола нашего судебного заседания, который будет подписан и вами! У меня к вам два требования. У вас есть список, где я значусь под знаком «Икс». Вы знакомы уже с этим списком?

— Знаком.

— Кому он еще известен в гестапо?

— Я назову вам фамилию и имя офицера. Что это вам даст?

— Господин Ванингер, я прошу освежить вашу память! Вы покупаете свою жизнь. Ошибки быть не должно.

— Список хранится у меня в сейфе.

— Точнее! Только вам двоим известен этот список?

— А если я ошибусь?

— Приговор немедленно будет приведен в исполнение. Припомните: Гейдриха охраняла имперская полиция безопасности. Он был убит.

— Я понимаю значение вашей угрозы... И все-таки я утверждаю... со списком знакомы я и один из моих офицеров.

— Итак, вы возвращаете мне список, где я значусь под знаком «Икс». Вместе с ним вы мне передаете список всей тайной осведомительной и агентурной сети гестапо в Будапеште. Он тоже должен храниться у вас в сейфе. Далее. Вы вызываете сюда своего офицера и подателя списка. Вы здесь, на наших глазах, расстреляете своего офицера и провокатора. Я сфотографирую эту милую сцену. После этого вы свободны.

— Ключи от сейфа есть только у меня. Как я могу взять из сейфа документы, не выходя отсюда?

— Это вопрос техники, господин Ванингер! Вы дадите письмо офицеру. Офицер с документами явится сюда.

— Проиграл — плати!

Я тщательно переписал протокол допроса. Ванингер поставил свою подпись на каждой странице, затем подписались я и Кемпенер. Ванингер его подписи видеть не мог. Он поглядывал на меня. Ему хотелось, конечно, узнать, известно ли мне настоящее имя Кемпенера. Но конспирация научила меня не обременять себя излишними знаниями.

Затем Ванингеру было приказано соединиться по телефону с гестапо. Он сделал необходимые устные распоряжения, и Кемпенер уехал.

Вернувшись с документами, он дал подписать Ванингеру расписку, в которой говорилось, что он, Ванингер, добровольно передал два секретных документа в обмен на свою жизнь господину Икс.

Позже две магниевые вспышки осветили два выстрела. Выстрел в офицера гестапо и выстрел в предателя. Их расстрелял Ванингер.

Из заброшенного особняка мы вышли первыми. Кемпенер покидал Будапешт, меня в городе держала Мария. Я переходил на нелегальное положение.

12

Пришла телеграмма от Дайтца. Вызывает на суд...

Так кто же все-таки майор Дайтц? Друг или враг? Я все же ему должен быть благодарен. Он назвал в числе стран, куда мне следовало бы поехать, Советский Союз... Не такое у меня в эти дни было настроение, чтобы искать интерес в туристическом путешествии. Но я пережил спокойно тревожные дни, опасное для себя время. Я ходил по московским улицам не озираясь, руки Ванингера здесь не могли меня достать...

Я вылетаю в Вену. Перед вылетом я должен дать телеграмму Курту Ронштоку. Он хотел меня встретить на венском аэродроме.

Телеграмма ушла. Мы с Марией упаковали вещи. Билеты были взяты на советский воздушный лайнер... Впереди... Что впереди? Тяжелые дни процесса. Схватка, затянувшаяся больше чем на двадцать лет.

Как мне доставало тех самых протоколов, которые канули в неизвестность вместе с Вильгельмом Кемпенером!

Реактивный лайнер перенес нас через Карпаты и опустил на аэродроме близ Вены. От аэродрома до дома полчаса езды.

Завтра утром открытие процесса. Сутки... Жутковатые сутки...

У выхода с аэродрома стоял человек в очках, подслеповатый Фриц Грибль. Я сделал было движение к нему, но он остановил меня предостерегающим жестом. Медленно подъехала моя машина. Ее вел Курт Роншток.

Мы сели в машину. Трехсотсильный мотор легко и беззвучно снял машину с места. Через несколько секунд за нами возник эскорт из автомобилей. Роншток негромко пояснил:

— Здесь собрались ваши друзья, Эльстемейер! Но не надо демонстрировать перед посторонними нашу дружбу. Будьте сдержанны.

Две машины обошли нас и зависли впереди: одна чуть влево от нас, другая чуть вправо. В хвост пристроилась третья машина, чуть далее — еще две. Автомобильный заслон. Друзья...

Дома за время нашего отсутствия скопилась почта. Я перебирал письма. Никогда я не получал столько писем. Мои интервью, организованные Куртом Ронштоком в особняке Мельтцера, откликнулись потоком писем. Писали со всех концов света. Писали, выражая одобрение, посылали угрозы, предлагали свою помощь...

И вот ничем не примечательный конверт. Без обратного адреса. Я распечатал его, ожидая найти анонимку с угрозой. Но что это? Пожелтевшие листки бумаги. Мой почерк, знакомый текст... Протоколы. А вот и пожелтевшая фотография.

В объектив фотоаппарата попали угол комнаты и стена. У стены офицер в гестаповской форме. Ужас в его глазах. Он смотрит немигающим взглядом на Ванингера. У Ванингера в руке пистолет. Через всю фотографию надпись: «Мною, Германом Ванингером, генералом СС, по требованию подпольной антифашистской организации расстрелян офицер гестапо». Далее имя офицера. Это имя никому и ничего не говорит.

А вот и подписи под протоколами. Моя подпись, подпись... Подпись человека, которого я знал под именем Вильгельма Кемпенера. Его настоящее имя? Владислав Павлович Курбатов.

От автора

Я встретился с Владиславом Курбатовым в Москве. Он жил в районе Сокольнического парка. Небольшой дом, при доме сад. В саду горели яркими красками розы и тюльпаны, свешивались над крыльцом плакучие ветви белой акации.

Дома — везде книги. Английские, немецкие, испанские издания. Он рассказывал о своей жизни, а меня неотвязно мучил вопрос, и я его задал:

— Почему все это вы рассказываете мне? Вы должны сесть и обо всем написать!

— Мемуары? — переспросил он и покачал головой. — Много причин, почему я не могу написать. Прежде всего я и не могу! Вы вправе изменить имена, ситуации — я обязан обо всем рассказать протокольно точно, а быть протокольно точным не пришлось время. Мечтой моей жизни было вернуться на Родину, в Россию, вернуться достойным ее сыном, а путь этот был нелегок...

И еще один вопрос мучил меня. А как же Наташа, как его сын Алексей?

— Вы виделись с сыном?

Он не отвел взгляда. Он умел говорить глазами. Едва заметно улыбнулся, углубились морщинки у глаз,

— Видел и Наташу и сына... Они меня не видели, и я не знаю, решусь ли я когда-либо, чтобы они меня увидели...

...Есть в Кирицах тихий, обычно безлюдный уголок земли. Весной он вспыхивает цветами сирени; отцветает сирень, зацветает липа, издали слышен пчелиный гуд. Это сельское кладбище.

Путь в Кирицы не близкий, дальний, да еще и зимой. От станции я добирался на лошади. Жаль, что не пришлось положить цветов на заснеженный холмик, почтить память Владислава Курбатова. Свой долг перед ним я исполнил иначе, рассказав о нем в этой книге.

НИКИТА ДУБРОВИН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Майбах» долго петлял по горной дороге, взбираясь с каждым витком выше и выше. Тяжелые покрышки с грубым протектором проминали гравий, выбрасывая его под задние крылья.

Я очень внимательно следил за дорогой, пытаюсь запомнить, куда меня везут, и проглядел резкий, почти под прямым углом, поворот в пролом каменной гряды. Дорога, прорубленная в скале, сузилась, двум автомобилям не разъехаться. Сверху ее прикрыли густые кроны каштанов. Въезд в туннель, увитый плющом, короткий туннель — и у меня на секунду сложилось впечатление, что машина движется к обрыву в пропасть. Крутой, опять же почти под прямым углом, поворот — с одной стороны дороги высокая каменная стена, скала, с другой — обрыв в пропасть, огражденный крупными валунами. Впереди — ажурный стальной мост через ущелье, и мы остановились у глухих железных ворот. Ворота медленно раздвинулись. По мере того как разъезжались их створки, ажурный мост поднимался и уходил в скалу. Дорогу назад рассекло глубокое ущелье.

«Майбах» медленно въехал в ворота, они тут же автоматически задвинулись. Ни души! Ни прислуги, ни стражи — горный замок охранялся автоматикой.

Машина остановилась возле подъезда. Можно было подумать, что судьба занесла меня в Кашеево царство, где нет живых людей, а двери распахиваются по волшебству. Я сделал шаг вперед, двери поползли в разные стороны, и я попал в просторный холл со сводчатым потолком. Ноги утонули в ворсистом ковре. Стальные створки медленно сошлись за спиной, и тут же под потолком вспыхнула люстра.

Шагов я не услышал, как-то сразу увидел перед собой невысокого, сухонького старика. Его серые, бесцветные глаза смотрели из-под густых бровей. Я узнал его — фотографии Рамфоринха часто публиковались в немецких журналах и газетах. Раздался скрипучий тенорок:

— Кто вы и откуда?

— Меня доставили... — начал я.

— Я знаю, как вас доставили! — перебил он меня, и я ощутил по тону, что передо мной властный человек, подчиняющийся своей воле.

— Документы вы мне прислали на имя Франца Клюге...

— О Франце Клюге — забыть! Он исчез и нигде не появится... Я вам приготовил другие документы... Что вы мне скажете о моем сыне?

— Он жив... Лечится от ожогов... Самолет сторел...

— Ожоги опасны? Я могу ему помочь?

— Опасность миновала...

— У вас есть что-нибудь от него?

— Это было бы неосторожно! Я с ним там не встречался...

Перелет был совершен ночью, никто не видел меня в лицо...

— Вы в этом уверены?

— Уверен!

Барон указал мне рукой выход из холла в коридор под каменными сводами. Мы прошли коридор, опять автоматически раздвинулась дверь в стене, в глаза ударил яркий солнечный свет.

От пола до потолка — сплошное стекло. Вся стена — стекло. За стеклом синее небо, перистые облака в вышине, внизу горные луга, еще ниже лес, а на дне долины серебристая лента реки.

В глубине огромный резной письменный стол, поставленный на мощные деревянные медвежьи лапы. Книжные шкафы того же стиля. На глухой стене во всю ее четырехметровую высоту — гобелен. По гобелену искусной рукой вышиты геральдические знаки, кабаньи головы, детали рыцарских доспехов. В центре поля, обнесено геральдикой, парящий ящер, чудовище из кошмарных сновидений.

Я невольно остановился перед гобеленом. Барон взял меня под руку.

— Мой далекий предок! Обитатель здешних гор... Не каждый может гордиться геральдикой в сто миллионов лет... Останки этого вида найдены в моих владениях! Вы только приглядитесь, как он приспособлен для борьбы за жизнь! За господство над всеми земными тварями... Его царство длилось сто миллионов лет! Мы и тысячной доли не протянули...

Мы прошли к столу, барон указал мне на кресло, сам ушел за стол.

Некоторое время мы сидели молча, разглядывая довольно бесцеремонно друг друга. Наконец последовал вопрос:

— У вас есть необходимость сообщить о своем прибытии?

— Да!

— Каким образом вы собирались это сделать?

— Для этого мне надобно выехать в Берлин...

— Это долго и ненадежно. Я хочу, чтобы там, где мой сын, знали, что я сдержал слово! Рация вас устроит?..

— Нужна мощная рация. У меня ее нет.

— Я вам предоставлю свою рацию, если текст будет зашифрован.

Вот и началось! Время передачи не ограничивалось Центром, волна определена, но это лишь на первое сообщение. Текст — это шифр. Неужели барон доберется до шифра? Безнадежная попытка. Шифровался не прямой текст, а заранее обусловленный. Я записал цифрами нужный мне текст, сообщил, что благополучно прибыл к барону, встречен им, что разработанный маршрут нигде не нарушен. Барон взял листок, пробежал его глазами, снял телефонную трубку с одного из аппаратов на столе и продиктовал кому-то цифры, волну и время передачи. Мне оставалось надеяться, что приказ его будет выполнен беспрекословно.

Он дал мне листок с моей легендой, с моей биографией и объяснениями моего появления в его резиденции: приехал по его вызову из Бразилии работник одной из его фирм, немец, уроженец тех мест... Соответствующие документы были снабжены всеми необходимыми подписями и печатями. Я получил даже проездные билеты.

...Через несколько дней снова приехал хозяин замка, и мы опять встретились с ним в кабинете.

— Я стер все ваши следы! — заявил он.

Позже он назвал мне сумму, которую обозначил на чеке, переданном Гимmlеру, чтобы никто не искал Франца Ключе.

— Я прошу вас осознать, — подчеркнул он. — Я стер все следы, все остальное зависит от вашего благоразумия...

Меня встретили, доставили в горный замок, скорее даже в убежище от вероятных в далеком будущем воздушных налетов. Рамфоринх любезен, сдержан, краток.

— Когда я увижу своего сына? — спросил он меня.

Ответ на этот вопрос давно был продуман и готов.

— Ваш сын в полной безопасности... Его безопасность гарантируется моей безопасностью...

— Где он?

— Вас интересует территория?

— Нет! У кого?

— У моих надежных друзей!

— Логично! — одобрил барон. — Вы не желаете открывать, кто вас послал?

Я всячески откладывал прямой ответ.

— Я в растерянности! — ответил я ему. — Разве наш человек ничего не разъяснил?

Но с Рамфоринхом такие уловки были бесполезны.

— Я заявил известному вам офицеру, что мне безразлично, кто вы, чьи интересы представляете... Но мне надо знать все детали, чтобы отвести от вас опасность! Вы мне безразличны, я забочусь о сыне!

После паузы короткий вопрос:

— Москва?

Таиться дальше не имело смысла.

— Москва!

— Я был в этом уверен! Что же интересует Москву в Германии?

— Москву интересует, — ответил я, — собирается ли Германия напасть на Советский Союз. И если собирается, то когда?

Рамфоринх улыбался одними губами, глаза оставались холодными и непроницаемыми.

— У меня к вам просьба. Когда вы получите ответ на этот вопрос, окажите любезность — поделитесь со мной. Я много знаю, но вот сейчас, сегодня, я не знаю ответа на этот вопрос...

— Всему миру известны заявления Гитлера...

Рамфоринх перебил меня:

— Политический лозунг для консолидации сил, и только! Гитлер — вождь, ему нужны краткие и заманчивые лозунги!

— Если Германия готовит поход на Советский Союз...

— Стоп! Не говорите «Советский Союз»! У вас отличное произношение, никто не догадается, что вы русский... Этими двумя словами вы посеете сомнения... Немец не скажет «Советский Союз», он скажет «Россия»...

— Если Германия готовит поход на Россию, в Москве хотели бы знать, какими силами...

— Специалисты могут рассчитать, не выезжая из Москвы, сколько Германия может выставить танков и самолетов. Численность населения Германии известна, отсюда и ее мобилизационные возможности...

— Москву не может не интересовать и срок вторжения...

Рамфоринх опять перебил меня:

— Двадцатый век — век массовых армий... Массовые армии невозможно отмобилизовать и передвинуть, чтобы об этом не стало тут же известно. Дорожная сеть в Германии совершеннее, чем в России... Даже если вы будете знать о начале общей мобилизации в первый же день, мы все равно вас опережаем в готовности к сражениям по крайней мере на месяц... Дипломатический корпус узнает о начале мобилизации в первые часы... Все тут же становится известным всему миру...

Не вступать же мне в спор с немецким промышленником о значении разведки. Я ушел в глухую защиту.

— Я всего лишь солдат, господин барон! Я обязан подчиниться приказу...

— Я тоже когда-то был солдатом, пока не стал императором... Вопрос войны и мира с Россией не зависит ни от меня, ни от вас. Ни от Гитлера, ни от Сталина! Ход истории сложнее... Мы можем лишь удачно или менее удачно применить к ее ходу! Что вы предпочитаете? Жизнь в этой резиденции, горный воздух, прекрасный ландшафт, для развлечения охоту или...

Я имел указание Центра попросить Рамфоринха рекомендовать меня на службу в какую-либо частную фирму. Я высказал это пожелание.

— Я полагаю, что в моем концерне вы будете неукоснительно соблюдать мои интересы... Вы можете стать образцовым служащим.

2

В коммерческие дела концерна, в котором Рамфоринх был одним из главных директоров, войти было не так-то просто. Это была настоящая империя с метрополией и колониальными владениями. В метрополии сосредоточивался ее мозговой центр и основные промышленные мощности. Ее колонии раскинулись по всему миру. Как и всякая империя, она имела и свою историю, и свое философское кредо.

Начала она собираться в 1904 году. В единую фирму воссоединились три химических завода. Действуя совместными усилиями и оперируя свободным капиталом, они поглотили своих мелких конкурентов, и в 1916 году фирма преобразовалась в картель. Разруха, инфляция, поражение, Версальский диктат... Рухнул государственный строй. Прокатилась по стране волна революции... Но картель к тому времени успел перешагнуть национальные границы. Падала марка, поднимался доллар. Из одного сосуда золото переливалось в другой. Картель базировался не только на марках и на долларах, но и на фунтах стерлингов и на франках. Национальные фирмы разорялись и вливались в картель, отдаваясь целиком на милость сильнейшего. В ареопат сильнейших в эти годы вошел и Рамфоринх.

Когда я прикоснулся к делам концерна, он контролировал в Германии 177 заводов и около 200 заводов в других странах. Для того чтобы войти в курс дела, мне пришлось изучить свыше двух тысяч договоров и соглашений концерна с различными фирмами мира. Экспансия с черного хода. Француз, швейцарец, англичанин, швед, датчанин и даже житель США мог любоваться, как в его родном краю воздвигался новый химический завод, мог работать на нем, не предполагая, что строился этот завод на деньги концерна, раскинувшего свои щупальца из Берлина, не подозревая, что над ним распластались перепончатые крылья доисторического ящера, с острыми, в наклон зубами, приспособленными естественным отбором к захвату.

Я купил обычную школьную карту мира и отметил на карте черным карандашом заводы, напрямую или косвенно, через подставных лиц, принадлежащие концерну или контролируемые его капиталом. Зловещим шлейфом рассыпалось черное просо по всему миру, испятнав юг Франции, нагорные области Пиренейского полуострова, спустилось по побережью Италии и оттуда перекинулось на Ближний Восток, прочертило Ирак, Иран и замелькало на Больших и Малых Зондских островах, зацепилось за Филиппины и шагнуло через Тихий океан в Бразилию, Аргентину, Мексику — в подбрюшье Америки.

Из донесения в Центр:

«Прослеживается огромное влияние концерна на расстановку политических сил во Франции и в Англии. Несомненно влияние и на позиции финансовых кругов Америки. Оборотный капитал концерна составляет 6 миллиардов марок. Рост доходов в свободное обращение: 1932 год — 48 млн. марок, 1937 год — 231 млн. марок, 1939 год — 363 млн. марок».

Из инструкции для статистического отдела концерна:

«Всякий запрос и приказ военных офицеров, прикомандированных к статистическому отделу, выполняется неукоснительно. По их требованию готовить доклады и карты о промышленности и сельском хозяйстве за границей; готовить доклады о производственных мощностях всех государств и о сырьевых ресурсах, составлять экономические прогнозы по иностранным государствам, пользуясь всеми архивами фирмы, в том числе и секретными».

Полковник Пикенброк из военной контрразведки в связи с уходом из фирмы на другую должность написал благодарственное письмо руководителю сбытовой организации концерна:

«Я хотел бы сообщить вам, что покидаю свой пост и вскоре уезжаю из Берлина. Я особенно хочу вас поблагодарить за ваше ценное сотрудничество с моим учреждением. Я полагаю, что сотрудничество с моим преемником окажется еще более благоприятным».

Инструкции главе фирмы, представляющей интересы концерна в США:

«Страна наводнена антинемецкими книгами. Проповедуется ненависть к национал-социалистскому движению. Очень желательно, чтобы в этом потоке информации была представлена и немецкая сторона, чтобы мы могли защищать на Американском континенте идею Великой Германии».

Из меморандума, определяющего задачи фирмы в США:

«Фирма обязана совершать по заданию совета директоров посещения, осмотры, обследования и оценки технического, финансового, экономического и промышленного порядка, касающегося любой существующей или планируемой отрасли промышленности, и представлять подробный доклад».

Знакомиться по заданию совета с американскими патентами, изобретениями с научной, технической, коммерческой и практической точек зрения».

Если интересы совета того потребуют, выполнять такие же задания в Канаде».

Гитлер произносил воинственные речи... Но он мог их не произносить, мог переменить партитуру и твердить каждый день о стремлении к миру. Деятельность концерна более верно говорила о том, что подлинные хозяева Германии неуклонно ведут страну к захватнической войне, к покорению мира. Концерн Рамфоринха один из нескольких...

Концерн по прямому поручению правительства через «Стандарт ойл» закупает на сумму в 20 млн. долларов авиабензин. Эмиль Кирдорф — глава Рейнско-Вестфальского угольного синдиката — отчислял в фонд Гитлера по 5 пфеннигов с каждой тонны проданного угля. Ниже трехсот миллионов тонн добыча угля не снижалась даже в кризисные годы. Директор концерна Круппа и владелец крупнейшего киноконцерна «Уфа» Альфред Гутенберг отчислял Гитлеру по 2 млн. марок в год ежегодно. Еще более щедрым был сталый концерн. Однако первым в списке должен стоять Густав Крупп фон Болен, президент Имперского объединения германской индустрии.

Гитлер произносил речи, позировал перед кинокамерами, вопил на партийных съездах в Нюрнберге, с ним вели переговоры премьеры. О Круппе упоминалось в газетах лишь изредка. Прохожие на улицах приветствовали друг друга возгласом «Хайль Гитлер». Это сделалось почти восклицанием «Добрый день», но справедливее было бы вместо «Хайль Гитлер» восклицать «Хайль Крупп». Непопулярен! Массы не приняли бы Круппа, его имя олицетворяло сталь, пушки и войну, он — империалист. Предпочтительно было выставить на политическую арену его главного дворецкого.

Там, в Москве, когда я занимался новейшей историей Германии, для меня было аксиомой, что Гитлер поставлен у власти, чтобы организовать крестовый поход против Советского Союза, что острее его агрессии нацелено нам в грудь. И в Центре, когда я получал инструкции, рассматривали проблему лишь в одном аспекте: Гитлер начнет войну против Советского Союза. Вопрос — когда и какими силами. Подготовка к войне проступала из всех операций концерна. Вкладывались, скажем, огромные средства в производство синтетического бензина. Они могли окутиться лишь войной... «Дранг нах Остен» гремело с каждого перекрестка.

Но вот странность!

Из донесения в Центр:

«Концерн Рамфоринха связал себя рядом картельных соглашений с французской сталелитейной промышленностью. Эти соглашения обязывали французскую сторону держать выплавку стали в определенных минимальных пределах.

1926 год. Выплавка стали во Франции равна выплавке стали в Германии.

1938 год. Выплавка стали во Франции по картельным согла-

шениям снизилась и составила лишь 40% от выплавки стали в Германии».

Эти цифры, открывающие зависимость выплавки стали во Франции от картельных соглашений, не лежали на поверхности, до них мне удалось добраться, сличив лишь множество документов.

Рамфоринх обезоруживал Францию. Зачем? На этот вопрос должны были ответить в Центре, где прорисовывалась общая картина соотношений французской промышленности и немецкой. Моя информация, я это прекрасно понимал, была всего лишь штришком.

Карту мира, осыпанную просом черных пометок, я держал у себя недолго. Я ее сжег, но легко мог восстановить в воображении. Если соединить все черные точки линиями, то явственно проступало, что стрелы Рамфоринха нацелены на весь мир. Но весь мир захватить острыми, изогнутыми зубами не по силам и палеозойскому ящеру.

Рамфоринх любил дразнить меня неожиданной откровенностью, как бы бравируя независимостью своей империи от политических катаклизмов в Европе. Его откровенность в ином случае нельзя было сразу объяснить, только время спустя становились ясны мотивы, по которым он считал нужным что-то приоткрыть из глобальных замыслов его коллег или нацистских правителей. Строго говоря, откровенность эта была условной. Он грубовато обнажал то, что явствовало из общей политики Германии в Европе, из внутренних ее переустройств, предпринимаемых гитлеровским правительством.

Он был вдов, сына давно не видел. Иногда мне казалось, что Рамфоринх от скуки затевал со мной дискуссии. Но это не совсем так. Причины его интереса к моей личности вскоре выявились вполне определенно.

В его манере было ошеломить парадоксом. Быть может, он рассчитывал, что я растеряюсь. Я всегда шел ему навстречу, притворяясь и удивленным и ошеломленным. У Рамфоринха установилось убеждение в его превосходстве над всеми. Мое удивление ему льстило, вызывало на большую откровенность.

События придвигались к войне. Позади были аншлюс Австрии, захват Чехословакии, царил дух Мюнхена.

Германия вооружалась, солдаты маршировали по улицам Берлина. Гремели военные марши на всех площадях. Весна 1939 года... В Германии, казалось бы, всем было ясно, куда последует новый удар. В воздухе витали возможности стовора с Польшей и Румынией о совместном походе против Советского Союза.

Как-то в споре барон сказал:

— Выплавлены миллионы тонн стали, изготовлены тысячи орудийных стволов и танков, снаряды, созданы запасы в миллионы тонн тринитротолуола...

Я поспешил подсказать:

— На ваших заводах изготовлены цистерны боевого газа...
— И газа! — подтвердил Рамфоринх. — Все это должно быть реализовано... Таков закон рынка! Этого закона, по-моему, не отрицает и основоположник вашего экономического учения Маркс...

— А что будет, если Германия проиграет войну большевикам?

— Я войны не проиграю... Для себя я ее выиграю при всех условиях...

— Мне не очень понятен ваш оптимизм, если советские войска войдут на территорию Германии...

— Войны с Россией один на один не будет! Или все — против России, или все — против Германии... Если все — против России, я не вижу оптимистического исхода для большевизма... Если все — против Германии, то союзники России не отдадут Германию Советам... Я не об этом! Чтобы не проиграть войны, я должен заранее знать, чем может закончиться вторжение немецких войск в Россию... Наши военные специалисты не могут ответить на этот вопрос убедительно...

— Вы хотели бы, чтобы я вам ответил на этот вопрос?

— Попробуйте! — В голосе Рамфоринха послышалась ирония.

— Отвечу! Вашими расчетами... Население, просторы, сырьевая база, промышленный потенциал...

— Все верно... Потому-то я и не уверен, что поход в Россию окончится успехом... Сегодня, конечно! На все времена не ответишь! Я читал запись секретной беседы американского посла в Лондоне господина Кеннеди с нашим послом Дирксоном. Они дружественно беседовали в прошлом году. Господин Кеннеди объявил, что Германия должна иметь свободу рук на Востоке, а также и на Юго-Востоке... Британский министр высказался определеннее: свобода действий в России и в Китае...

— Видите, господин барон, как все просто! Это же намек, что вас все поддержат! Что же вам мешает рассчитать войну с Россией?

— Когда думаешь о войне с Россией, кажется, что открываешь дверь в темную комнату, в темный коридор, не видно ни его сводов, ни закрытых дверей во множество комнат... Надо пройти этот коридор, не зажигая света, ожидая, что откроется любая неугаданная в темноте дверь и тебя схватят незримые руки...

— Это образно, господин барон!

Рамфоринх молча встал из-за стола, прошел к сейфу и извлек оттуда папку. Бегло взглянул на ее содержимое и вернулся к столу.

Протянул мне папку. Тексты машинописных документов на немецком языке.

Ни на одном документе нет грифа секретности. Но я знал, что у Рамфоринха не злоупотребляют этой сакраментальной надписью. Секреты умели хранить в концерне, не упоминая об этом на каждом шагу. Возможно, и не каждый из этих документов был в действительности секретным. Но одно несомненно —

добраться к ним было бы нелегко без его помощи. Они подбирались для Рамфоринха не только в Берлине, но и в Париже, и в Варшаве, и в Лондоне людьми, имеющими соприкосновение с государственными тайнами. Это была папка как бы для размышлений главе концерна, для ориентации в усложненной расстановке сил в Европе.

Каждый документ пронумерован.

Из папки Рамфоринха:

Документ № 1.

28 января 1939 года. 12-й отдел Генерального штаба. № 267/39. Сводка.

Русские вооруженные силы военного времени в численном отношении представляют собой гигантский военный инструмент. Боевые средства в целом являются современными. Оперативные принципы ясны и определены. Богатые источники страны и глубина оперативного пространства — хорошие союзники Красной Армии.

Прочитав этот листок, я усмехнулся, нарочито усмехнулся, чтобы показать Рамфоринху, что не очень-то меня поразил этот документ. Но, наверное, напрасно. Рамфоринх не смотрел на меня, он листал папку с текущими бумагами.

Документ № 2.

Чемберлен, беседуя с членами Французского кабинета в Париже, сказал: «Было бы несчастьем, если бы Чехословакия была спасена в результате советской военной помощи».

Тоже не открытие! Слов этих, быть может, в Москве и не знали, но самый дух мюнхенского соглашения подразумевал эти мысли английского премьера.

А вот это уже любопытно.

Документ № 3.

26 ноября 1938 года сэр Гораций Вильсон в частной беседе сообщил немецкому дипломатическому чиновнику доктору Фрицу Хессе, что нет никаких препятствий к совместному англо-германскому заявлению о признании главных сфер влияния. Вильсон предлагает отвести Германии влияние и дать ей свободу рук в Юго-Восточной и Восточной Европе, не ограничивая пространства. Япония могла бы найти применение своим интересам в Китае, Италия — в Средиземноморье.

На документе стояла пометка: «глава секретной службы Великобритании».

Документ № 4.

Гитлер — польскому министру иностранных дел господину Беку 5 января 1939 года: «Каждая польская дивизия, борющаяся против России, соответственно сбережет одну германскую дивизию».

5 января Риббентроп задал вопрос Гитлеру, как ему толковать это заявление господину Беку.

Гитлер. Наши интересы состоят в том, чтобы использовать Польшу в качестве плацдарма, выдвинутого на восток. Он может быть использован для сосредоточения войск.

Риббентроп. Нам нужен Данциг или коридор?

Гитлер. Данциг? Нет! Нам нужна война! Речь идет не о Данциге, а о расширении жизненного пространства на востоке...

Документ № 5.

Хессе поинтересовался у Риббентропа, какой ему придерживаться линии в частных переговорах с сэром Вильсоном.

Риббентроп. Гитлер вполне готов достичь генерального соглашения с Лондоном. Направлено оно должно быть против России. Беседа имела место в январе 1939 года.

Ллойд Джордж. Чемберлен не может примириться с идеей пакта с СССР против Германии.

27 марта 1939 года на заседании внешнеполитического кабинета министров лорд Галифакс заявил: «Если бы нам пришлось сделать выбор между Польшей и Советской Россией, предпочтение следовало бы отдать Польше...»

29 марта 1939 года.

Чемберлен. Я прошу вас тщательно избегать личных выпадов против господина Гитлера и господина Муссолини.

31 марта 1939 года.

Чемберлен. На мой взгляд, Россия не может внушать доверия, как союзник она не сможет оказать эффективной помощи.

Министр обороны лорд Четфилд. Россия в военном отношении может считаться лишь державой среднего разряда.

Польский министр иностранных дел господин Бек (в частной беседе с членом английского парламента). Если вы хотите соглашения с Россией, то это ваше дело. Польша к этому отношению не имеет. Если Россия и Польша будут вовлечены в союз с Англией и Францией, Германия нападет немедленно на Польшу. Мы имеем от господина Геринга более благоприятные предложения о военном союзе с Германией.

Документ № 6.

28 ноября 1938 года вице-директор политического департамента министерства иностранных дел Польши Кобылянский заявил немецкому дипломату Рудольфу фон Шелия в Варшаве: «Политическая перспектива для европейского Востока ясна. Через несколько лет Германия будет воевать с Советским Союзом, а Польша поддержит, добровольно или вынужденно, в этой войне Германию. Для Польши лучше до конфликта совершенно определенно стать на сторону Германии, так как территориальные интересы Польши на западе и политические цели Польши на востоке, прежде всего на Украине, могут быть обеспечены лишь путем заранее достигнутого польско-германского соглашения».

Риббентроп д-ру Клейсту. Раньше надеялись, что Польша может быть вспомогательным инструментом в войне против Советского Союза, теперь очевидно, что Польша должна быть превращена в протекторат.

Я не торопился захлопнуть папку. Перечитал все дважды, чтобы оттянуть время, потом спросил:

— Господин барон, чем я обязан столь ошеломляющей откровенности?

Рамфоринх встал, вышел из-за стола и сел в кресло напротив, подчеркивая этим особую доверительность и как бы даже равенство в беседе.

— В Москве должны знать, что я готов употребить все свое влияние на Гитлера, чтобы состоялось мирное урегулирование с Советским правительством...

— У вас, господин барон, достанет на это влияния?

— Густав Крупп фон Болен придерживается той же точки зрения...

— Откуда у господина Круппа такая вдруг дружественность к России?

— Рурский бассейн! Мы не можем решать военных задач, не обезопасив Рурский бассейн... Это наша ахиллесова пята!

— Разве Россия угрожает Рурскому бассейну?

Рамфоринх придвинул к себе папку. Полистал документы и прочитал:

— «Риббентроп. Нам нужен Данциг или коридор?

Гитлер. Данциг? Нет! Нам нужна война! Речь идет... о расширении жизненного пространства на Востоке! Наступление на Польшу вызовет объявление войны Германии польскими союзниками. Если против нас будет и Россия, мы не сможем защитить от ударов с запада Рурский бассейн! Разрушение Рурского бассейна — это поражение!»

— Я передам, господин барон, вашу точку зрения...

— Я с вами не вступаю в переговоры... Ни я, ни вы на это никем не уполномочены!

— Я хотел бы сказать, что Россия против войны, а соглашение с Германией — это поощрение войны.

— Не все так просто. Англия, Франция и Польша хотят, чтобы Германия сражалась за интересы Англии до последнего немецкого солдата в России... Они хотят, чтобы и Россия истекла кровью в войне с Германией...

— Москва предпочтет соглашение с Англией и Францией, чтобы воспрепятствовать войне!

— Мы не дадим состояться этому соглашению... Сэр Невиль Чемберлен ненавидит Россию и большевиков, а мы имеем возможность оказать на него влияние... Передайте в Москву, что мы имеем серьезные намерения... Вплоть до пакта о ненападении...

— И одновременно ведете переговоры с Англией о переделе мира?

— Торговля! Кто больше даст на аукционе!

3

Советские газеты мне не так-то легко было доставать, бывали периоды, когда я их не видел месяцами, но Московское радио старался слушать каждый вечер. Радиопередачи не газета, во вчерашний день не заглянешь.

«Правду» с выступлением Молотова 31 мая 1939 года мне дал Рамфоринх. Кто-то ему уже переводил русский текст и отчеркнул красным карандашом несколько строчек.

Вот те несколько фраз, которые привлекли внимание Рамфоринха: «Ведя переговоры с Англией и Францией, мы вовсе не считали необходимым отказываться от деловых связей с такими странами, как Германия и Италия».

Далее Молотов говорил о содержании переговоров о торговом соглашении, а все заканчивалось опять подчеркнутой фразой: «Эти переговоры были поручены германскому послу в Москве г-ну Шуленбургу и... прерваны ввиду разногласий. Судя по некоторым признакам, не исключено, что переговоры могут возобновиться».

— Считайте, — объявил Рамфоринх, — что я получил ответ на свой демарш!

— В такой форме?

— Это самая авторитетная форма. Не так-то легко сблизить наши точки зрения... Если сегодня Германия подпишет пакт о ненападении с Советским Союзом, Гитлера не поймут ни высокие функционеры партии, ни рядовые национал-социалисты... Сталину не менее трудно... Германия не обойдется без войны... Ее хотят толкнуть на Россию. Это гибель и для России и для Германии... И Россия и Германия станут легкой добычей тех, кто их сейчас сталкивает.

— Вы против войны с Россией?

На столике коньяк. Барон пьет чуть приметными глотками, вдыхая аромат мартела.

— Мы с вами люди разных миров, — начал он с расстановкой и медлительно. — Нам, вероятно, очень трудно понять друг друга! Значительно эффективнее был бы мой разговор с советскими лидерами... Но это невозможно! Рамфоринх не может встретиться с советским лидером, чтобы об этом тут же не узнал весь мир и газеты не начали бы комментировать это событие. И заметьте еще! Рамфоринх и Крупп едины! В одном едины: в общности расширения сфер влияния... Но в этом единстве есть очень различные оттенки... И Крупп и Рамфоринх не одиноки... Есть и еще мощные магнитные поля, и все с разными кривыми притяжения. Мне русские сегодня не конкуренты... Русская хи-

мическая промышленность в детском возрасте, а мы состарились... Я охотно показал бы русским специалистам наши заводы... Пожелав иметь то же, что и у меня, русские должны попросить меня поделиться... Лично для меня на ближайшие годы этим была бы решена проблема с Россией...

— Вам невыгодна война с Россией? Или вы опасаетесь этой войны?

— Война — условность! Всегда выгодна победа, по война — это хаос, и в ней можно потерять больше, чем приобрести! Победу в России, имея риск многое потерять, я не могу реализовать столь же быстро, как победу на Западе... Для моего производства значение сырья вторично! Это сложный технологический процесс. Мне нужна квалифицированная рабочая сила, нужен заинтересованный труд рабочего. На моих заводах рабский труд неприменим! Мне нужен каучук... Каучук в России не получишь, я заинтересован в островах Тихого океана и в разделе Британской империи... Густав Крупп фон Болен заинтересован в угольных копях Донбасса и в рабах, которые добывали бы ему уголь из-под земли...

— Криворожская руда и донецкий уголь...

— А мне достаточно того сырья, что Россия продаст. Взамен я продам России то, что она сейчас производить не может... Это дешевле, чем воевать с Россией...

— Слишком остры идейные расхождения...

— Из-за идей не воюют... Воюют за власть и господство... Социализм по русскому образцу Германии не угрожает. С этим мы покончили! Франция и Англия с этой угрозой не справились... Им сейчас большевизм страшнее, чем Германии... И еще прошу заметить! Сейчас Германия и Россия стремительно мчатся друг на друга для сокрушительного удара... Только Гитлер и Сталин могут остановить столкновение и направить движение по параллелям... Любой парламентский режим при таком повороте ввернется в безысходный кризис...

Разговор наш происходил 1 июня, а через несколько дней из радиопередач я узнал, что японские войска вторглись на территорию Монгольской Народной Республики и начались военные действия в районе реки Халхин-Гол...

Еще одно звено все в той же цепи. Гитлер толкнул на разведку боем своего дальневосточного союзника.

И без проникновения в тайны нацистской партии и в тайны немецких концернов и картелей было известно каждому, кто следил за развитием событий в Германии, что Гитлер получил власть из рук немецких промышленников и финансистов.

Известно, что до прихода Гитлера к власти немецкие концерны выработали единство, и Густав Крупп фон Болен председательствовал в их ассоциации.

Немецкие промышленники были едины в своих устремлениях в завоевании мирового господства, им мешал прежде всего Со-

ветский Союз. И вдруг Рамфоринх уверяет, что он против войны с Россией.

Лето тридцать девятого года отмечено метаниями Гитлера. Немецкие дипломаты снуют между Лондоном и Берлином, немецкие официальные лица едут в Советский Союз, из Лондона в Берлин мчатся английские неофициальные и официальные деятели, идет усиленный дипломатический обмен между Лондоном и Парижем, между Москвой и Лондоном. И английские, и немецкие дипломаты частые гости в Варшаве.

От английской агентуры не может быть скрыта подготовка Германии к выступлению против Польши. Идет мобилизация, войска стягиваются к восточным границам.

Наконец вся эта суетня сменяется более нацеленным движением. Из Англии и Франции поступают сообщения о поездке военных делегаций в Москву для серьезных переговоров о взаимном отпоре агрессивным устремлениям Германии в Польшу. В хаосе появляется какое-то упорядоченное движение в одном направлении.

Центр торопит меня. Любыми средствами требуют прояснения позиции Гитлера. Рамфоринх отмалчивается. Мне разрешают самому начать с ним разговор об обстановке.

Английский адмирал Дракс выехал из Лондона в Москву, и Рамфоринх заговорил.

После первой беседы с ним я смог отправить донесение на запросы Центра.

«Москва. Центр. Рамфоринх показал перехваты своей информационной службы.»

Гамелен — главе военной делегации на переговорах в Москве генералу Думенку: «Не в наших интересах, чтобы СССР оставался вне конфликта и сохранял нетронутыми свои силы. Каждый является ответственным лишь за свой фронт».

Из инструкции главе английской военной делегации адмиралу Драксу:

«1. Поддерживать переговоры в надежде, что они сами по себе будут достаточно сдерживающим средством. 2. Вести переговоры весьма медленно. 3. Британское правительство не желает принимать на себя какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы связать руки при любых обстоятельствах. 4. Относительно Польши и Румынии никаких обязательств не делать».

В июле месяце немецкий тайный советник Гельмут Вольтат выехал в Лондон. 20 июля по инициативе английского министра внешней торговли Хадсона у них произошла встреча. Хадсон заявил: «В мире существуют еще три большие области, в которых Германия и Англия могли бы найти широкие возможности приложения своих сил, а именно английская империя, Китай и Россия».

Два дня спустя Рамфоринх снова дал возможность заглянуть

в серенькую папку из плотной бумаги. Опять же машинописная копия отдельных положений документа. У меня возникли сомнения, не пытается ли Рамфоринх мистифицировать через меня Москву. Но моя обязанность была высказать эти сомнения Центру, переложив с наибольшей точностью документ, с которым меня ознакомили.

«Москва. Центр.»

У меня создается впечатление, что Рамфоринх пытается через меня подорвать доверие к переговорам с английской и французской военными миссиями. Мне показаны два документа, которые могут считаться совершенно секретными в государственном делопроизводстве. У меня не вызывает удивления, что с ними ознакомили Рамфоринха, удивляет, что Рамфоринх спешит их довести до сведения Москвы».

Из донесения немецкого посла в Лондоне Дирксена:

«1. К проведению переговоров о пакте с Россией, несмотря на посылку военной миссии, здесь относятся скептически. Об этом свидетельствует состав английской военной миссии: адмирал, до настоящего времени командир Портсмутской крепости, практически находится в отставке и никогда не состоял в штабе адмиралтейства; генерал — точно так же простой строевой офицер; генерал авиации — выдающийся летчик и преподаватель летного искусства, но не стратег. Это свидетельствует о том, что военная миссия скорее имеет своей задачей установить боеспособность советской армии, чем заключить оперативные соглашения.»

2. В первых числах августа Дирксен имел частную встречу с сэром Горацием Вильсоном. Вильсон заявил Дирксену, что англо-германское соглашение, включающее отказ от нападения на третьи державы, нацело освобождает британское правительство от принятых им обязательств в отношении Польши».

Я не знал, что в это же время немецкие дипломаты на разных уровнях проводили зондаж по дипломатической линии о возможности заключения пакта о ненападении с Советским Союзом.

Рамфоринх как бы подкреплял официозные попытки прямыми посылками. Рурские магнаты давили на Гитлера, посчитав, что им важнее захватить позиции на Западе, а не на Востоке. Их ставленники в Лондоне подталкивали правительство Чемберлена к пропасти.

12 августа начались англо-франко-советские переговоры в Москве.

А через три дня я уже читал выдержку из сообщения в Берлин немецкого поверенного в делах Клодта. Клодт сообщал: «Советское правительство проявило столько признаков доброй воли к заключению договора, что нет никаких сомнений в том, что он будет подписан».

Мне этого было мало, и я решил задать вопрос Рамфоринху, не рассчитывая на его откровенность;

— А почему бы Германии не опередить московское соглашение? Англия предлагает передел мира — вот и соглашайтесь! Это отвечает давним планам крестового похода.

Рамфоринх не уклонился от ответа. Объяснился даже очень пространно:

— Соглашение с Англией может быть только тайным... Открытые переговоры приведут к правительственному кризису в Лондоне... В случае столкновения немецких войск с Красной Армией Англия останется на первом этапе нейтральной... А потом, когда и мы, и Россия истечем кровью, положит на колеблющиеся весы всю свою мощь и продиктует и нам, и России свои условия...

Разговор у нас происходил в берлинской резиденции утром 15 августа.

Рамфоринх вынул из жилетного кармана массивную луковичу и щелкнул крышкой.

— Пятнадцатое августа, одиннадцать тридцать... Могу вам сообщить, что вчера в четырнадцать часов пятнадцать минут паш посол в Москве граф Шуленбург получил указание немедленно, не позже сегодняшнего дня, получить аудиенцию у господина Молотова... Ему даны указания заявить Советскому правительству, что настало время покончить с политической враждой между двумя великими державами и найти все возможности для соглашения... Господин Шуленбург заявит господину Молотову, что министр иностранных дел Германии Риббентроп готов выехать в Москву с самыми широкими полномочиями...

Рамфоринх порылся в папке и положил выдержку из заявления польского премьера Рыдз-Смиглы, которое он сделал своим французским союзникам:

«С немцами мы рискуем потерять свою судьбу, с русскими мы потеряем душу!»

— Для них русский большевизм страшнее немецкой армии! — добавил барон. — Но и не это главное! Главное, что Германия получает общую границу с Россией и сейчас только от России зависит, чтобы эта граница не превратилась в линию фронта...

— А дальше?

— Каждый год мира работает на русских, а не на Германию... Это и мы видим! А почему бы Москве не рассмотреть в ином свете английские предложения, сделанные нам Хадсоном и Вильсоном о разделе мира? Скажем, так! Нам Западная Европа и африканские колонии Франции и Англии... А России? России распространение большевизма в Индии. Это почти полмиллиарда населения... Для них большевизм — это свобода.

— Такие предложения будут сделаны Риббентропом?

— Не все сразу! Я, как видите, опять забегая вперед...

— Москва на раздел мира не пойдет.

Я не ставлю задачей воссоздать хронику германо-советских отношений. Мои возможности проникнуть в них были ограничены. Но должен сказать, что и на этот раз Рамфоринх, опережая своих исполнителей, не ошибся. Он не преминул мне об этом сообщить в свое время. Но этот разговор о переделе мира пересекли большие события, и мы к нему вернулись много позже.

23 августа в Москве был подписан пакт о ненападении с Германией.

1 сентября немецкие войска вторглись в Польшу.

3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии.

Крестовый поход против большевизма не состоялся. Все те, кто годами проповедовал этот поход на всех европейских перекрестках, намертво вцепились друг в друга.

Танковые колонны разрезали Польшу, взяли в клещи Варшаву, на восьмой день войны Рыдз-Смиглы, Бек и все, кто боялся в союзе с Россией «потерять душу», вымелись из Польши и скрылись от грохота пушек на Британских островах. В Англии и во Франции прошла мобилизация. На границах Германии сосредоточилось сто десять дивизий, более двух тысяч танков и более трех тысяч самолетов, но вся эта армада не сделала ни шага, чтобы помочь Польше. Между Германией и Россией впервые в истории пролегла общая граница. Восток и Запад сошлись. Ничто не мешало Гитлеру осуществить вторжение в Россию.

Между Лондоном и Берлином, теперь уже далеким кружным путем, опять сновали курьеры, опять прощупывали стороны, на каких условиях возможно примирение.

Рамфоринх предоставил мне случай прослушать и записать его доверительный разговор с одним из генералов вермахта, автором доктрины танковой войны.

Еще не очень-то тогда было известно имя этого генерала. В польском походе он командовал всего лишь корпусом. Но танковым корпусом! Он настаивал на массированном применении танков и выдвинул свою доктрину танковой войны. Внезапный удар по противнику до того, как противник успеет провести полную мобилизацию. Прорыв в нескольких местах линии фронта. В прорывы устремляются крупные танковые соединения под прикрытием авиации. В узлах обороны противника авиация прокладывает путь танкам «ковровой бомбардировкой». Бомбардировкой не по целям, а по площадям. Вслед — танки. Танки в глубокие тылы, наперерез коммуникациям противника. За танками армейские корпуса. Сначала моторизованная пехота на автомашинах и мотоциклах, способная в короткий срок преодолеть значительные расстояния. И только потом уже полевые части на закрепление захвата.

Танковый прорыв требовал значительного пересмотра полевых уставов, вооружения, моторизации армии и, главное, системы ее

снабжения. Ломались старые тактические представления. Генералы старой школы неохотно от них отступали. Возникали на каждом шагу «если». А если противник обрушит удар на оголенные фланги танковых колонн? А если в глубине обороны противник встретит танковую колонну истребительным огнем и одновременно отсечет ее от основных сил? Споры эти могли вестись военными теоретиками до бесконечности. Польский поход заставил приумолкнуть противников массированного танкового прорыва. Генерал приобрел особый авторитет в глазах Гитлера. К нему обратились и благосклонные взгляды тайной власти.

Итак, доверительный разговор с танковым генералом.

Вот запись этого разговора. Она была сделана в горной резиденции Рамфоринха. Генерал был приглашен на охоту. Но генерал понимал, что удостоен он столь высокого приглашения не из-за охоты. Они беседовали в кабинете с геральдическим тобеленом, я сидел в аппаратной, где была расположена аппаратура звукозаписи.

Рамфоринх. Ни у кого теперь не вызывает сомнений, что решающее слово на театре современной войны принадлежит танковым войскам. Польская кампания утвердила вашу теорию... Возможны ли столь же блестящие действия ваших танковых войск на западе?

Генерал. Франция способна выставить против нас значительные танковые соединения... Французы не освоили вождение больших танковых соединений, но они могут навязать нам изнурительные танковые бои.

Рамфоринх. Моим французским партнерам Народный фронт страшнее наших танков... Если бы они хотели нам что-либо навязать, то сто десять английских и французских дивизий смяли бы наши двадцать три дивизии на западе, когда ваши танки победоносно шествовали по польской земле...

Генерал. Я солдат и привык рассчитывать только на оружие. Политические ситуации переменчивы, господин барон! Англия и Франция давно нас толкают на восток... И не в Польшу, а в Россию! А для войны с Россией мы должны были иметь прежде всего общую границу! Поэтому никто и не двинул эти сто десять дивизий.

Рамфоринх. И их никто не двинет, если ваши танки устремятся в Россию... Вы это хотели сказать, генерал?

Генерал. Сейчас? Сегодня? Этой весной?

Рамфоринх. Чего вы боитесь? Вы же уверены, что английские и французские дивизии не сдвинутся с места!

Генерал. Поединок с польскими вооруженными силами нас не страшил, мы могли реально рассчитывать на силу своего оружия... Поединок с Россией может принять тяжелый характер. Вы уверены, господин барон, что ваши друзья во Франции и Англии не захотят двинуть эти дивизии, чтобы продиктовать вам свою волю и свои интересы, и не будут ждать, когда это вы сде-

лаете по отношению к ним? В поединке с Россией могут наступить такие минуты, когда эти сто десять дивизий решат всю войну в свою пользу. В военном аспекте позиция наша окажется безнадежной.

Рамфоринх. Япония облегчит нам поединок!

Генерал. Тоненькая ниточка железной дороги... Сопки, девственные леса... Если меня спросят мои японские коллеги — я им обрисую безнадежность военной ситуации...

Рамфоринх. Военные и в Японии подчиняются политикам, а политики моим коллегам!

Генерал. Если вы гарантируете поединок с Россией, задуматься есть над чем! Но вы когда-нибудь, господин барон, интересовались, сколько в России танков?

Рамфоринх. Выплавка чугуна и стали...

Генерал. Да, да, я знаком с этой теорией деловых людей. Сколько в России танков?

Рамфоринх. Я знакомился с вашими выкладками. Вы называли десять тысяч танков... Я не верю в эту цифру. Я промышленник, я знаю, что надо сделать с промышленностью, чтобы выпустить десять тысяч танков. Они лишь три года тому назад завершили свою пятилетку... У них нет стали, нет станков, чтобы выпустить десять тысяч танков...

Генерал. Эту цифру мне навязали; по моим подсчетам, Россия имеет семнадцать тысяч танков...

Рамфоринх. Я не верю!

Генерал. Гитлер тоже не верит! Не есть ли это свойство людей верить в то, во что хочется верить? Военное искусство, хотя бы в первой его фазе, обязано покоиться на математически точных цифрах. Если у большевиков нет такого количества танков, то нам будет легче, а если есть?

Рамфоринх. Так что же вы предпочитаете, господин генерал? Движение на восток или на запад?

Генерал. На восток, если нас поддержат те сто десять дивизий, о которых шла речь...

Рамфоринх. Такие гарантии дать рискованно... Но я гарантирую, что они не двинутся с места.

Генерал. Нас это не устраивает. Тогда на запад. Нам нужны французские танки для движения на восток.

Рамфоринх. Здесь гарантии более надежны. Парламентские демократии разъела коррупция! Они не устоят...

Генерал. А если к ним на помощь выступит Красная Армия?

Рамфоринх. Наконец-то я слышу из уст военного главный вопрос современности! Наши партнеры во Франции и в Англии предпочтут объединиться с нами против большевиков...

Генерал. ...и вашим партнерам не помешают парламентские режимы?

Рамфоринх. Мы им поможем разогнать парламенты! Быть может, господа генералы надеются, что мы им преподне-

сем на золотом блюде земной шар и еще нож вручим, чтобы вы делили этот сладкий пирог? Мы хотели бы надеяться и на ваш вклад в дележе этого пирога. Мы вам обеспечили поединок в Польше...

Г е н е р а л. Только потому, что мы молниеносно разгромили ее вооруженные силы!

Р а м ф о р и н х. Мы ждем от вас таких же молниеносных действий и на западе...

Г е н е р а л. Меня беспокоит Англия...

Задуматься было над чем. В манере Рамфоринха вести подобные беседы проглядывал в большей степени торговец и финансист, чем дипломат или политик. Могло показаться, что он прикидывает, где больше дадут. Своеобразная тренировка коммерческих способностей. Его старческие венозные руки тянулись схватить весь земной шар, он не задумываясь послал бы немецких юношей штурмовать небо, если бы это дало ему дивиденды. Он был сторонником воевать со всеми, завоевать и далекие Гималаи, но умел рассчитывать, и в расчетах не получалось все сразу: и Франция, и Россия, и Гималаи...

Генерала проводили. Рамфоринх пригласил меня в кабинет. Мне всегда становилось несколько не по себе, когда я видел размах перепончатых крыльев доисторического ящера, властителя этого странного мира, в котором шли страшные битвы за жизнь между гигантами с холодной кровью. Удачную аллегорию выбрал Рамфоринх для своей личности, для своей роли в жизни современного мира.

— Вы сделали выводы из нашей беседы? — спросил он.

— Задача не из сложных, — ответил я ему спокойно. — На Восток или на Запад — вашим генералам все равно, лишь бы не война на два фронта...

— И для генералов не одно и то же! Для того чтобы победить Россию и употребить с пользой эту победу, надо уничтожить все ее население...

— Гитлер не скрывает этой части своей программы...

Рамфоринх пренебрежительно махнул рукой:

— Гитлер не финансист... Он — политик... Политики обязаны выдвигать в программе и неисполнимые положения... Что значит уничтожить население России? Это значит поднять на себя каждого, кто способен хотя бы кинуть камень. Это значит ожесточить русских людей и славян до такой степени, что даже дети возьмут в руки оружие... Не могут же наши гарнизоны жить, не выходя из танка!

Я решил побудить Рамфоринха высказаться несколько отчетливее, поэтому спросил его:

— Вы хотите показать Москве, господин барон, что Германия двинется на Запад, что России лучше не вмешиваться в этот конфликт.

Рамфоринх покачал головой:

— Вы нетерпеливы, мой друг! Односложного ответа на такой вопрос я вам не дам... Я не против восточного похода, если нам помогут Франция и Англия, — и я против поединка Германии с Россией... А между тем Россия могла бы открыть себе дорогу в Индию и к Индийскому океану, мы в это время завершили бы войну на Западе...

Рамфоринх не был склонен к беспочвенным прожектам. Он возвращался к однажды уже поднятой теме.

— Это предложение о переделе мира? — спросил я его.

— Это пока тенденция.

Он помолчал. Прошелся неслышно по ковру вдоль кабинета. Остановился возле глобуса. Он стоял на журнальном столике.

— Как вы думаете... — продолжал он, раскручивая глобус указательным пальцем. — Ваша идеология активно раздвигает границы коммунизма... Мне кажется красивой идея приобщить к коммунизму трехсотмиллионный народ Индии... Россия сможет продвинуться в Китай, разделив там сферы влияния с Японией... Полмиллиарда населения, приобщенные к коммунизму!

Я молчал, опасаясь неосторожным вопросом прервать его откровенные излияния. Доказывать ему безнравственность таких предположений смысла не имело. Сейчас мне нужно было узнать, опираются ли его предложения на мнение его могущественных коллег.

Он отошел от глобуса и не торопился развивать свои мысли. Он явно ждал моей реакции. Лукавить было бесполезно. Я поставил вопрос прямо:

— Это лично ваши проекты или они широко обсуждались на вашей встрече в кружке друзей рейхсфюрера?

— Такие вещи не обсуждаются! Они прочитываются между строк... Я не исключаю, что в самое ближайшее время они будут представлены Гитлером Советскому правительству...

Он сказал все, что хотел сказать. На этом наш разговор закончился.

Я, конечно, обязан был сообщить все это в Центр. В сочетании с опасениями генерала рассуждения Рамфоринха очень легко расшифровывались. Чего же лучше? Гитлер подталкивает Советский Союз в Индию, втягивает в безысходный конфликт с Англией и, разделившись с Францией, объединившись затем с Англией, бьет нам в спину.

Беседой с генералом он хотел сказать мне: «Слушай, мы колеблемся, мы стоим перед выбором — идти на Запад или на Восток. Выбор еще не сделан». Это угроза. Затем предложение идти в Индию. Это — приманка. Или война, или сговор о переделе мира! В Центр я послал сообщение с точным пересказом беседы с генералом и его рассуждений о переделе мира.

Близилась весна сорокового года. Продолжалась «странная война» на Западе без активных действий. Можно было подумать,

что Гитлер еще колеблется, куда ударить — на Запад или на Восток.

Затяжка во всем. Замедленная мобилизация, замедленная переброска войск к западной границе, неторопливость в передислокации войск. Игра в «несекретные» секреты.

Нападая на Польшу, Гитлер не провел всеобщей мобилизации. Этот факт скрыть от разведки союзников было невозможно. Его и не скрывали. Что это означало? Это могло быть только знаком. Гитлер как бы говорил: я вторгаюсь в Польшу. Общественность ваших стран потребует от вас соблюдения договоров о военной помощи Польше! Но мы с вами понимаем, что здесь не забота о далекой Польше и не жажда справедливости... Общественность взволнована нарушением равновесия в Европе, но до той лишь черты, пока это касается Европы. Войну вы объявите, но терпение! Польша — это общая граница с Советской Россией. Если бы я имел намерения наступать на Западе и в Польше, если бы я был убежден, что союзники двинутся на Германию в тот час, когда мои танки будут в Польше, я, господа, провел бы всеобщую мобилизацию...

И англо-французские дивизии стояли неподвижно, пока немецкие танки уничтожали польскую армию.

Двадцать девятый раз назначалась дата вторжения во Францию и двадцать девять раз отменялась. Французская и английская разведки не могли не иметь точных данных о дислокации немецких армий на западных границах Германии. Но вопросы стратегии решались политиками, а не разведчиками. А политики высчитывали, сколько потребуется дней на переброску немецких дивизий с западной на восточную границу для нанесения внезапного удара по Советскому Союзу, и утешали себя мыслью, что Гитлер сможет в десять — пятнадцать дней перебросить армии в Польшу и начать наступление на Востоке. Бездействие покрывалось теорией «оборонительной войны». Не упреждение удара, а ожидание удара и развертывание сил после удара...

По запросам из Центра я чувствовал, что в Москве взволнованы. Рамфоринх мне намекал, что в Швеции и в Швейцарии проходят контакты между британской секретной службой и немецкими деловыми кругами. Англия вновь прощупывала возможности соглашения с Гитлером, по-прежнему подталкивая его на Восток. Но Рамфоринх, по крайней мере, был тверд в своих опасениях за Рурский бассейн. Поворачивать войска на Восток, оставляя в тылу свыше ста дивизий в одном переходе от Рура, он не видел возможности... Но ответить на вопрос Центра о сроке начала действий на Западе я не мог. Срокиплыли... Центр запросил меня, не найду ли я возможности попасть в расположение немецких войск, дислоцированных на западной границе.

Запрос был сделан всего лишь в форме пожелания.

Не думаю, чтобы от меня ожидали сообщений чисто военного характера. Не тот был у меня профиль работы. Западный театр военных действий мог интересовать Центр как арена полити-

ческой борьбы. В Центре хотели иметь объективную информацию о решимости к сопротивлению союзников.

Я осторожно поинтересовался у Рамфоринха, нет ли у него каких-либо своих особых интересов в действующей армии.

— Сейчас это бездействующая армия! — ответил он мне. — В бездействующей армии у меня нет интересов... Какой же может быть у вас интерес в бездействующей армии?

— Там можно точнее узнать, куда она двинется?

— На Запад! — ответил Рамфоринх. — Это решено! Когда? Это военная тайна! Но вы мне подали мысль... В действующей армии могут возникнуть лично мои интересы... Генерал, с которым я имел беседу, не причислен к высшим, но мы возлагаем надежды на его доктрину войны... Высшие генералы, не только из ревности к младшему, но и по осторожности, скептически относятся к его доктрине. Мне нужен верный человек возле него, верный мне глаз... Вы не можете отрицать, что я вам помог в исполнении вашей миссии. Теперь я могу попросить вас помочь мне!

— Всегда готов, господин барон! — ответил я. — Если это не нарушит интересов...

Барон рассмеялся:

— Мне не нужно, чтобы вы действовали вопреки вашим интересам... Мне не составило бы труда найти для этой цели немецкого офицера. Но я хочу видеть реальную картину событий... Немецкий офицер раздует и переоценит успех. Искривит действительность от восторга, неуспех попытается всячески оправдать... Вы способны быть беспристрастным свидетелем усилий наших войск во Франции...

Я оглянулся на барона. Усмешка бродила у него на губах.

— Я так понял, что я в авангарде проделаю кампанию во Франции?

— А разве это не интересно русским?

— А зачем бы вам все это раскрывать нам?

— Смелый вопрос! Я хочу, чтобы русские имели точную картину событий во Франции. Франция и Англия имеют четыре тысячи восемьсот танков, мы можем выставить только две тысячи двести. Но моим партнерам во Франции Народный фронт страшнее наших танков, и это известно в Москве. Я хочу, чтобы в Москве были из первых рук ориентированы о весомости наших предложений о переделе мира... Убедительная победа на Западе делает более сговорчивым Восток.

— Стало быть, вы должны быть уверены в успехе?

— Затяжная война во Франции для нас поражение... Тогда все карты смешаны, и придется гасить свечи!

Генерал командовал армейским корпусом, но по своему составу это был танковый корпус. Наименование «танковый корпус» еще не было тогда принято в немецкой армии.

Генералу за пятьдесят, он участник первой мировой войны, довольно типичная биография для высшего немецкого офицера. Кадетский корпус, фенрих в егерском батальоне, военная академия в Берлине. В начале первой мировой войны обер-лейтенант, затем произведен в капитаны, участвовал в боях, потом — штабы. Войну закончил капитаном, до генерал-лейтенанта дослужился в мирное время. В нападении на Польшу командовал корпусом.

Седой, приземистый, с военной выправкой, всегда подтянут, подвижен и даже быстр. Решения принимал не колеблясь, всегда зная, что делает и зачем.

Штатский человек при корпусном штабе — бельмо на глазу. Рамфоринх смягчил мое появление. Он оформил меня представителем компании, подчиненной его концерну.

Генерал был извещен, что я послан как уполномоченное лицо главы концерна.

Генерал, однако, встретил меня сдержанно.

О том, что выступление назначено на утро, я узнал не от генерала, а от офицеров.

Ночью сказал мне об этом и генерал, считая нужным поделиться своими соображениями с «человеком Рамфоринха».

— Отмены приказа выступать не поступило... — сказал он. — На рассвете, как только рассеется последний туман, мы начнем... Несколько тысяч бронированных машин должны решить судьбу мира... Мы вступаем в эру войны моторов...

Слова его показались мне напыщенными, я даже удивился этаким манере изъясняться. Генерал как бы сам себя водружал на пьедестал.

Утром, едва только забрезжил рассвет, дрогнула земля. Началась артиллерийская подготовка.

Артиллерия была поддержана авиационным ударом. В 5 часов 35 минут двинулись танки головной дивизии. Я был оставлен на командном пункте, генерал в командирском танке двинулся в боевом строю.

С наблюдательного пункта на господствующей высоте можно было проследить за движением танков. Перед глазами словно бы разыгрывался условный бой на учебном плацу. Пограничные укрепления по люксембургской границе были прорваны в течение нескольких минут. Стало известно, что там, в глубине, на территории Люксембурга выброшен большой десант, танки головной дивизии тут же вошли во взаимодействие с десантом.

С сентября прошлого года минуло восемь месяцев. Восемь месяцев почти без выстрелов, но в состоянии объявленной войны противостояли войска противников. Потребовалось всего лишь несколько минут на прорыв фронта. Нет, это отнюдь не подвиг генерала и его танкистов, это гарантии Рамфоринха и европейских королей угля, стали, нефти. Единственно, что успела сделать противная сторона, — это разрушить горные дороги. К концу дня я проехал по этим дорогам. Взорваны некоторые мосты, кое-где горные завалы... За ночь завалы были расчищены, вос-

становлены мосты, и танки двинулись вперед уже по территории Бельгии. Штаб корпуса продвинулся далеко вперед. По-прежнему все было похоже на маневры.

11 мая, к концу второго дня наступления, по условленной линии связи я отправил первую записку Рамфоринху. Эта записка должна была его найти самое большое часа через два, где бы он в то время ни находился. Но я знал, что он сидит в своей берлинской резиденции поблизости от фюрера.

Я писал:

«Господин барон!

Два дня танки движутся на запад, как я теперь понял, в обход главных сил противника. В эти два дня я не имел случая наблюдать сколь-нибудь серьезного сопротивления, разве только на окраинах бельгийского городка Нешато, где войска нашего генерала были встречены егерями, бельгийскими пограничниками и французской кавалерией. Они решились на сопротивление, защищенные с обеих сторон довольно серьезными оборонительными сооружениями. Но для преодоления этого сопротивления не потребовалось разворачивать хотя бы одну дивизию. Стрельбы было много, расход боеприпасов достаточный, чтобы окупить их выпуск, но сопротивляющиеся очень скоро капитулировали, и танки вошли в город. Смешно было бы, чтобы я в такой короткий срок сделал какие-то выводы о боеспособности танковых колонн, могу сказать лишь одно. Та часть военных действий, которую взялись обеспечить Вы и Ваши коллеги, протекала как по расписанию. Нигде не видно ни главных сил противника, ни его танков, которых опасался наш генерал».

Я отправил свою записку, а тут разыгрались занятные события.

Наступление вел, конечно, не только корпус нашего генерала, хотя он и был одним из ведущих. Как складывалась конфигурация фронта, я тогда уловить не мог. На исходе был второй день движения немецких танков на Седан, а французская армия никак еще себя не проявила. Удар шел как бы в пустоту, немудрено, что немецкое командование, следуя классическим канонам вождения войск, обеспокоилось продвижением танковых колонн в глубину позиций противника и хотело себя обезопасить от неожиданности. Командующий танковой группой генерал фон Клейст приказал повернуть одну из танковых дивизий на защиту флангов всей группы. В приказе указывалось, что со стороны ее левого фланга ожидается выдвижение крупных французских кавалерийских соединений.

— Сбивают темп наступления! — заметил генерал. — Консервативное представление о ходе современной войны. Приказ я не намерен выполнять! Потеряв внезапность и темп, мы можем наткнуться на неожиданные препятствия...

Командир корпуса не выполнил приказа командующего группой. В мои обязанности не входило информировать барона о таких деталях, полагаю, что он и без меня получал такого рода

информацию из первоисточников. Действия командира корпуса можно было признать авантюристическими, если бы эта война шла обычным порядком... Но где же французские танки? Они не появились, не обпаружили себя и кавалерийские части.

12 мая в 5 часов утра танки опять пришли в движение. Штаб корпуса двинулся в рядах наступающих колонн.

Наступление велось на городок Буйон с задачей именно в этот день начать переправу через реку Семуа. К восьми часам утра силами всего лишь пехотного полка Буйон был захвачен и в него вошел штаб корпуса. Штаб еще не успел по-настоящему расположиться, как генерал устремился к переправам через Семуа. Мост был взорван, но танки вброд преодолели реку и захватили предмостное укрепление. Генерал переправился на другой берег реки и двинулся в передовых колоннах на Седан. А в это время саперные части в спешном порядке наводили мост через Семуа.

Штаб корпуса расположился в роскошном отеле «Панорама». Из окон прекрасный вид на долину реки Семуа, тишина, спокойствие; выстрелы и канонада отодвинулись далеко к Седану.

В отель в открытой легковой машине приехал генерал.

Ну хорошо, генерал все знал, знал, что рурскими магнатами приняты меры, чтобы французская армия была парализована, но солдаты этого не знали. Я вглядывался в лица солдат. Солдаты упивались победой, они верили, что с боя вырывают победу, они готовы были шагать по всей Европе, по всему миру, не предполагая, что не везде окажется столь благополучным их марш.

Генерал уселся за рабочий стол, на котором офицеры расстелили тактические карты.

На картах с предельной точностью были отмечены все укрепления на бельгийской и французской границах. Указывалось точное местонахождение каждой огневой точки, пулеметное гнездо, амбразуры с орудиями. Никакая аэрофотосъемка, никакая обычная военная разведка не могли доставить такого рода данные. Похоже было, что этого рода информацию немецкое командование получало прямо из французского генерального штаба.

Не удивительно, что все наступательные операции развертывались как на учебном плацу. Командиры подразделений знали, сколько и откуда бьет пулеметов, был известен сектор их обстрела, можно было подавить огневые точки несколькими артиллерийскими выстрелами.

На моих глазах медленно раскручивалась, как кинолента, картина подлого предательства, но я все еще не верил, что Франция падет, преданная своими правителями и некоторыми своими генералами.

В отеле «Панорама», в десятке километров от линии фронта, штаб устроился, как на туристической прогулке.

На втором этаже в огромных апартаментах оборудовали кабинеты, в нише развесили охотничьи трофеи, оленьи рога, кабанью голову, охотничьи ружье, ковры.

Третий день шло наступление, разведка утверждала, что ни французское, ни английское командование даже и не пытаются двинуть свои резервы навстречу лавине танков. Наметив точку удара, немецкое командование на этом направлении создало огромное превосходство в силах: по танкам в семь раз, в авиации в двадцать раз, а на участках прорыва — в двадцать, в двадцать пять раз.

Генералу докладывали, что никакой перемены в соотношении сил не отмечено. Генерал рисовал синим карандашом стрелы на картах, ставя задачи дивизиям. И вдруг на улице, неподалеку от отеля, несколько взрывов.

— Воздух!

Генерал развел руками и с иронией произнес:

— Извините, господа! Война!

Взорвалось еще несколько бомб. Голова дикого кабана от сотрясения сорвалась со стены и упала на стол с картами, пролетев дугой над генералом, вылетело огромное панорамное окно, осколки стекла усыпали мягкий ковер на полу.

Штаб перебрался в другой отель. Воевать офицерам хотелось с удобствами. Генерал посмеивался, но не возражал. Еще один французский налет изгнал штаб корпуса и из этого отеля. Нападение было незначительным, и все же пришлось офицерам штаба корпуса изменить туристскому стилю.

На 13 мая в штабе готовились задачи дивизиям на форсирование реки Маас и на переход французской границы.

Я все еще ждал сражения, ждал сопротивления французской армии. Маас — это уже вполне серьезно. На том берегу возведены долговременные и мощные укрепления, в нескольких километрах проходит линия Мажино, отсюда артиллерия могла бы вести огонь по флангам наступающих танковых колонн. Если останавливать немецкие танки, то здесь. Это спорное место и в планах немецкого командования, которые понемногу раскрывались передо мной.

Еще в отеле «Панорама» генерал подписал предварительное распоряжение. В нем меня поразили несколько строчек. Прежде всего констатирующая часть приказа. В ней утверждалось: *«Англо-французская моторизованная армия в составе 20 дивизий своим левым флангом, продвигаясь через Антверпен, подверглась сильным ударам нашей авиации и была рассеяна. Канал Альберта форсирован на всем фронте. Льеж пал».*

Двадцать дивизий моторизованной армии — это то, что могло решить исход первых же дней немецкого наступления. Как же они могли быть рассеяны лишь силами авиации, кто их вел, как, каким образом они оказались без прикрытия англо-французской авиации? На эти вопросы ни один грамотный военный не мог бы ответить. Теперь я мог считать, что ни одно из заверений Рамфоринха, которое он дал нашему генералу, не было блефом. Французские партнеры рурских магнатов, связанные разными картельными соглашениями, неумолимо вели Францию к пора-

жению, вопреки воле ее солдат и офицеров. Второе положение приказа звучало не менее удивительно:

«Группе фон Клейста при мощной поддержке почти всей немецкой боевой авиации продолжать наступление завтра, 13.5.40, с утра, имея своей задачей при любых обстоятельствах форсировать реку Маас. В продолжение восьми часов авиация последовательными волнами разрушит французскую оборону на реке Маас... После этого группа Клейста в 16.00 начнет форсирование реки...»

Никто меня не мог бы убедить, что англо-французское командование не могло установить, что в район Седана перебрасывается вся немецкая авиация. Даже первые утренние налеты могли им указать на эту беспрецедентную переброску. Над Маасом должны были развернуться воздушные бои...

Верховное командование опять же проявляло нервозность, высшие генералы, помнившие провал немецкого наступления в первую мировую войну, никак не могли примириться со стилем этой войны. Они считали войска, дивизии, танки и самолеты; расчеты Рамфоринха и Гитлера были неуловимы. Встречались и в штабе корпуса офицеры, которые с сомнением вчитывались в расписание форсирования Мааса и движения на Амьен и даже поговаривали, что если это случится, то свершится чудо.

Кое-кто понимал, что ведется игра в поддавки, но эта игра не могла быть совсем явной, укрепления, оснащенные сильнейшей артиллерией, оставались грозным препятствием, и никто во Франции в эти часы не мог отдать приказа солдатам оставить эти укрепления без боя.

И опять высшее командование вмешалось в планы корпуса. Генерал неистовствовал. Он воспользовался телефоном в штабе корпуса и соединился с Берлином, как я понял, с Рамфоринхом. Их разговор остался для меня неизвестным, но, быть может, именно в результате этого разговора командующий воздушным флотом не выполнил приказ фон Клейста, командующего группой войск.

Командование сухопутных войск потребовало провести авиационный налет до артподготовки, генерал считал, что это нельзя делать, и просил авиацию для прикрытия наступающих танков. Во всех его расчетах была уверенность, что кто-то в тылу у противника расчистит дорогу танкам.

Ночью развернулись бои, немецкие танки овладели крепостью Седан. Седан пал, но впереди Маас и линия Мажино. Быть может, здесь, именно здесь их ждут, чтобы остановить этот страшный разбег? Дальше уже было бы поздно.

Генерал нервничал, поминутно запрашивал через офицеров связи разведданные о передвижениях в тылу противника, за линией Мажино. В свободную минуту он вышел из помещения штаба, взглянув пригласив меня за собой.

— Мы сделали все возможное... — начал он. — Теперь все зависит от того, что там у французов... Никто, кроме меня и Гитлера, не верит, что нам завтра удастся форсировать Маас... Или

мы завтра выигрываем кампанию, или мы погружаемся в затяжную войну... Вы имеете какие-либо сообщения от барона?

— Никаких!

— Это хорошо или плохо?

— Решительно ничего! — поспешил я уверить генерала. — Я нисколько не собираюсь преувеличивать значение своей миссии...

— Быть может, я что-нибудь не так понял? — спросил генерал, и правая его бровь едва заметно поднялась вверх.

— Моя обязанность смотреть и видеть...

— Почти сто лет тому назад здесь, при Седане, была пленена французская армия в сто тысяч человек... Для них Седан — позор, для нас — слава!

Утром штаб корпуса переместился ближе к линии фронта. Генерал меня пригласил на командный пункт головной дивизии. Мы ехали в танках. С нами на походе были еще несколько штабных офицеров. В нескольких метрах мы попали под обстрел французской артиллерии, проехали минными полями, где работали под обстрелом саперы. Передовые отряды дивизии прорыва вплотную приблизились к французской границе.

Все утро, волна за волной, на французские позиции летели самолеты. Методично сбрасывали свой груз на линии укрепления, разворачивались и уходили за новым запасом бомб. Это были как бы воздушный парад.

Бомбардировщики заходили в атаку по двадцать — тридцать в звене и начинали пикирование, образуя многоэтажное «чертовое колесо». Их эскортировали истребители; французская авиация бездействовала. Рухнула моя надежда, что истребительная авиация Франции сорвет подготовку штурма укреплений, рассеяв немецкие бомбардировщики. С высоты, на которой располагался наблюдательный пункт головной дивизии, хорошо был виден противоположный, французский, берег Мааса. Над ним тянулись дым, смрад, а сама земля, казалось, поднялась дыбом. От непрерывных разрывов земля, песок и пыль не успевали оседать. Рамфоринх мог быть доволен: взрывчатка, которая вырабатывалась на его заводах, расходовалась без экономии. Его заводы могли в ближайшее время получить богатейшие заказы. Его заводы... Не только его заводы, но и заводы, которыми он владел совместно с английскими и французскими партнерами в Швейцарии, в Латинской Америке и даже на территории Франции. В первые часы была начисто подавлена зенитная артиллерия, и немецкие летчики работали без помех. Почти в открытую сосредоточивались немецкие танки и пехота для броска через реку. Иногда французская артиллерия открывала огонь из укреплений. Но сейчас же туда обрушивались атаки с воздуха, и артиллерия умолкала.

Левый фланг беспокоил генерала. У него имелась карта, на которой подробно были изображены все огневые средства укрепления. Французы здесь располагали тяжелой артиллерией, ко-

торую невозможно было подавить с воздуха. Артиллерийские позиции были опущены в бетонные колодцы и прикрыты бетонными колпаками. Но артиллерия на линии Мажино не подавала признаков жизни. И все же он волновался. Он опасался, что она заговорит, когда танки двинутся через Маас и начнется борьба за создание предмостных укреплений. Она могла бить и по скоплениям танков и пехоты на правом берегу реки. Но она молчала...

Он метался весь день с одной позиции на другую. Настал его главный час. Или весь поход через Арденны увенчается прорывом фронта, или его доктрина войны будет опрокинута сопротивлением французов.

Маас был форсирован в несколько минут. За танками переправлялась пехота.

Генерал пересел из танка в лодку, и подвесной мотор быстро перенес нас на французский берег.

Генерал вызвал к себе по радию командира дивизии, а пока он добирался, поднялся на взгорок и навел бинокль на переправу.

В долине горели танки, методично рвались тяжелые снаряды, оставляя непреодолимые для танков глубокие воронки, по реке плыли обрывки понтонов. Танки застыли на исходных рубежах.

Командир дивизии доложил, что форты Мажино контролируют переправу.

— До этого дня у нас в дивизии не было потерь, — пожаловался он генералу.

Форты били методично, но их залпы были редкими, и паническое настроение командира дивизии было ничем не оправдано.

Он рассказал, что была совершена попытка панести авиационный удар по фортам, но зенитная артиллерия не подпустила к укреплениям ни одного самолета.

— Без потерь войн не бывает! — жестко ответил ему генерал. — Невыполнение приказа вы не сможете обосновать... Ставьте переправы, и к вечеру танки должны быть на той стороне.

Танки переправились только ночью.

— Это чудо, что они разрешили нам форсировать Маас, — обронил генерал.

Итак, первый день прорыва прошел успешно. Высшее командование потеплело к генералу, хотя бы во внешних проявлениях. Не думаю, что для старых генералов вдруг убедительной сделалась его доктрина дерзостных танковых прорывов с маршем по тылам противника, не поддержанных всей силой пехотных частей. Но Маас был форсирован.

С утра 14 мая начали появляться французские бомбардировщики над мостами, наведенными через Маас, над дорогами, по которым передвигались немецкие войска. Я употребил сознательно слово «появляться». Это были небольшие авиационные отряды, но они сразу же причинили немало неприятностей. Я имел возможность убедиться, что боевые качества французских само-

летов нисколько не уступали немецким. Летчики сражались не менее искусно и мужественно, хотя за ними и не было ни испанского, ни польского опыта. Немецкие истребители не могли отогнать французов. Спасала положение зенитная артиллерия. Она была густо сосредоточена возле переправ и отбивала налеты.

К генералу приехал командующий группой армий генерал-полковник фон Рундштедт.

За немецкими генералами, да и офицерами тоже, приметил я давно тягу к театральности.

Генерала по радию известили, что к переправе через Маас прошла автомашина командующего. Генерал вышел встретить его на мосту. Искусственно, театрально созданная боевая обстановка. Французские самолеты все еще пытались прорваться к мосту. Но это им не удавалось, ибо сначала пужно было бы подавить зенитную артиллерию, подключив к решению этой задачи и тяжелые дальнобойные орудия фортов Мажино, а потом уже бомбить мост.

Генерал и фон Рундштедт встретились на середине моста.

Фон Рундштедт строго спросил:

— У вас всегда так?

Он имел в виду огонь зенитной артиллерии по французским самолетам.

Генерал не торопился с ответом.

Рундштедт понял его паузу.

— Впрочем, теперь это не имеет решающего значения... Опоздали! Поздравьте с победой наших мужественных солдат и офицеров! Они выполнили свой долг! Вперед! Франция!

Однако впереди еще была не Франция, а всего лишь ее небольшой городок Стонн. Выходя на Стонн, немецкие войска заходили с тыла линии Мажино, отрезая от центра ее северную оконечность.

Из Стонна я вылетел на короткий срок в Берлин. Я знал, что Центр ждет от меня сообщений.

В Центр я направил подробное описание марша через Арденны и переправы через Маас, однако я полагаю, что... картину предательства французской армии наши военные специалисты могли воссоздать, не выходя из московских кабинетов.

12 мая генерал имел на руках весьма оптимистическое сообщение, что двадцать дивизий моторизованной армии союзников разбиты и рассеяны немецкой авиацией в районе Антверпена. Рассеяны — это не значит уничтожены. Не только высшее командование сухопутных сил, но и наш генерал не мог быть уверен, что не найдется во Франции человек, который, собрав рассеянные дивизии, не объединит их для ответного удара.

У генерала лежал в портфеле беспокоящий его документ. У пленных французов был изъят приказ французского командующего. В приказе говорилось: «Пора наконец остановить поток германских танков!» Приказ был подписан Гамеленом, который

до сей поры четко выполнял соглашение с «кружком друзей» рейхсфюрера СС и французскими промышленниками. Он был как раз тем энцефалитным клещом, который вызвал паралич, но внешне действия его должны были выглядеть так, как к тому обязывал его пост. Он еще не мог капитулировать, не наступил для этого час, и люди требовали от него решительных действий. Приказ есть приказ, и военачальники должны были его выполнять. Именно 16 мая я впервые услышал имя генерала де Голля, командира французской дивизии. Де Голль собирал вокруг себя рассеянные танковые группы, он подчинял себе отступающие французские части и бросал их в бой. Должно быть, он был не одинок. Командующий танковой группой генерал фон Клейст запаниковал. Он понимал, что может произойти, если французское сопротивление примет организованный характер при неподтянутых тылах, без надежных переправ через Маас.

В ночь на 17 мая генерал готовил приказы о наступлении, а утром 17 мая ему было приказано в 7.00 явиться на посадочную площадку к генералу Клейсту.

Штабные офицеры, и я в их группе, стояли в стороне от встретившихся на посадочной площадке генералов. Мы не слышали их слов, но видели, что Клейст резко что-то ему выговаривал.

Оказывается, ночью был получен в штабе его приказ, воспрепятствующий дальнейшее продвижение танков до подхода пехотных частей к переправам через Маас, а генерал, как и ранее, пренебрег этим приказом. Разговор между ними был коротким. Наш генерал что-то ответил на упрёки не менее резко, и они, не раскланявшись, разошлись.

Генерал, мрачный, подошел к машине и сделал мне знак, чтобы я сел с ним.

— Вам будет небезынтересно знать, — объявил он сухо. — Я сдаю командование корпусом... Моя доктрина отвергнута, и мне ничего не остается, как уйти в отставку... Если будут остановлены танки, кампания затянется и может оказаться проигранной... Еще неделя-другая затяжки, и Франция может отвергнуть тех, кто сдерживает ее народ в сопротивлении... Все преимущества пойдут насмарку! Можете это сообщить немедленно барону!

Ну нет! Этого-то я как раз и не собирался делать! Не мне служить немецкой победе над Францией. У меня даже родилась надежда, что Франция наконец-то проснулась от летаргической спячки. Этому могла содействовать только оттяжка наступления. Сами же немецкие генералы готовы были дать отсрочку для решения судьбы и нации, и всей войны, ибо, конечно, только авантюризм был союзником их продвижения.

Генерал дал телеграмму командующему группой армий о передаче командования над корпусом и испросил разрешения выехать к нему с докладом.

Но войну вели не фон Клейст и не фон Рундштедт. Через полчаса была получена ответная радиограмма. Я опять почув-

ствовал чью-то сильную руку, властвующую и над генералом и над германским фюрером. Генералу было приказано дожидаться генерал-полковника Листа, командующего полевой армией, продвигающейся за танками генерала.

Генерал встретил Листа и доложил ему в присутствии офицеров о своем конфликте с фон Клейстом. Генерал-полковник не очень-то и вслушивался в его жалобы. Он разрешил продвижение танков вперед именем командующего группой. Генерал мне потом заявил:

— Они не хотят разделить со мной ответственности. Обычную войну, согласно теории военного искусства, не нужно было и начинать. И они знают, знают, на чем строятся мои расчеты, но перед историей хотят остаться чистенькими... Вы успели сообщить о конфликте барону?

Я ответил:

— Барон не нуждается в столь детальной информации... Я полагаю, что он в курсе всех споров и распоряжений по армии.

Я был уверен, что не отступил от истины. Рамфоринх и весь «кружок друзей» следили за событиями из своих берлинских резиденций.

Между тем разразился первый серьезный бой. Французские танки остановили немецкую колонну танков у окраины небольшого французского городка в Ольнонском лесу. Разведка сообщила, что навстречу немецким танкам выдвинулась танковая дивизия генерала де Голля. Немецкие танки тут же в панике попятись, открыв уязвимый фланг корпуса и всей танковой группы Клейста. Вот тут пригодилась бы пехота и ее полевая артиллерия. Французский танк Б оказался неуязвимым для 37- и 20-мм немецких танковых пушек. В то же время снаряд из пушки французского танка насквозь прошивал немецкую броню.

Генерал сам встал к противотанковой пушке.

Артиллеристом он оказался отменным. Его снаряды один за другим разбивались о броню грозных французских машин и не причиняли никакого вреда. Он ушел с позиции под защиту зенитных батарей, которые в одной хотя бы точке остановили продвижение французских танков. Прямо по радию, открытым текстом он запросил разведку штаба группы армий, не ведет ли на него наступления вся дивизия целиком. Оттуда его успокоили, сообщив, что де Голлю дан приказ высшими французскими военными властями прекратить наступление, что действует всего лишь танковая рота, а дивизия оттягивается в резервную армию под Парижем, которая должна не наступать, а обороняться.

Атака не была отбита: французские танки отошли сами. Я написал Рамфоринху:

«Господин барон!

Я был свидетелем боевого столкновения с французскими танками, когда они взялись за дело всерьез. В несколько минут они затупили острие немецкого наступления и отбросили немецкие танки назад».

Через два дня немецкие танковые колонны устремились к Ла-Маншу по чистому полю, не имея впереди заслона из французских танковых дивизий.

Фронт союзников разорван. Основные силы отрезаны от центра, моторизованные части отрезаны от баз снабжения, рвалась связь между штабами. Генерал шел на Дюнкерк, где сосредоточился английский экспедиционный корпус для переправы через Ла-Манш.

Сорок французских и английских дивизий, отсеченных от столицы, пробиваясь на юг, могли бы еще сорвать немцам победу. Но дивизии сдавались в плен, а англичане устремились в Дюнкерк, сами влезая в мешок, из которого не было никаких шансов вырваться...

20 мая одна из дивизий нашего генерала вышла на побережье.

Всякая отсрочка приводила генерала в неистовство. И я не знал, когда в нем берет верх солдат, а когда политик. В первые дни он был больше политиком, теперь он рвался к завершению операции, забыв, что все наступление ему было искусственно облегчено и что на последнем этапе могли вступить в силу неизвестные положения сговора.

22 мая он готовился двинуть танки на Дюнкерк, где сосредоточился английский экспедиционный корпус.

Но рано утром, 22 мая, он получил приказ взять другое направление, а одна из его дивизий была выведена в резерв. Французы контратаковали. И я опять был свидетелем, как они малыми силами легко теснят немцев.

Тогда в штабе корпуса никто еще не знал судьбы, уготованной экспедиционному английскому корпусу в Дюнкерке. Генерал считал, что фон Клейст, и никто другой, виновен в проволочках и не дает ему инициативы. Дюнкерк был в огненном кольце, танковый удар — и все было бы кончено. Но приказа об ударе на Дюнкерк не поступало. Танки приблизились к городу, они достигли реки Аа, все было готово для штурма. Штурм предполагалось начать 24 мая. И вдруг приказ верховного командования: «Дюнкерк предоставить авиации. Если овладение Кале натолкнется на трудности, то и этот город тоже предоставить авиации. Удерживать побережье Ла-Манша. Перерыв в операциях использовать для ремонта машин». Категорически воспрещалось переправляться через реку Аа и вести какие-либо боевые действия на Дюнкерк. Этим приказом было остановлено все левое крыло наступающей немецкой армии.

Генерал ринулся к рации. Связался со штабом группы армий. Ему ответили, что этот приказ отдал фюрер, что никакому обсуждению он не подлежит.

Все же отдельные части переправились через Аа. Но тут же последовали новые приказы сверху. Войска были остановлены на окраинах города. С наблюдательного пункта корпуса было видно, что на Дюнкерк идут волна за волной пикирующие бомбардировщики, что город горит, видны были сотни судов всех типов,

на которые грузились английские солдаты. Это тоже была игра в поддавки, но теперь те силы, которые открыли путь немским танкам во Францию, предоставили возможность эвакуироваться английским солдатам.

Я мог только удивляться, что побуждало генерала искать объяснения... Разгромив Францию, Гитлер давал возможность Англии выйти из войны; уничтожив английский корпус, он терял всякие шансы на мирные переговоры с Англией.

В Центр сообщил, что английских солдат из Дюнкерка выпустили. Начинался новый тур игры Гитлера с Англией, прикидка — нет ли возможности привлечь ее как союзницу в поход на Восток.

Рамфоринх и несколько его коллег появились ночью на командном пункте корпуса. Утром они наблюдали за эвакуацией англичан. Рамфоринх забрал меня с собой. Моя миссия была окончена.

— Вы сдержанны в оценках, — заметил он мне. — Победа полная, победа, которой Германия никогда не могла добиться над Францией... Теперь у нас в руках весь оружейный арсенал Европы...

6

Влияние «кружка друзей» на английских коллег ослабло, в их среде начались свои несогласия, и перед Гитлером возникла дилемма — воевать на два фронта или остановиться на полпути.

Этакие мысли частенько стали посещать и фон Рамфоринха, а мысли Гитлера были зеркалом мыслей рамфоринхов, крупных и других.

И даже те, кто открыл дорогу немецким танкам во Францию, Рамфоринх и его коллеги, даже они разделились во мнениях. Они были твердо убеждены, что их личное благополучие не зависит от исхода войны. Поход в Россию для них имел смысл даже с простейшей грабительской целью. Вывезти сырье, используя временные успехи, а потом хоть трава не расти. Они все равно в выгоде. Иные уверовали, что может быть и победа, однако не опасаясь для себя лично и поражения.

— Я не проиграю войны! — повторял Рамфоринх. — Это для меня исключено. Большевизм не пустят на запад его же нынешние союзники.

Мне всегда было интересно с ним спорить.

— Но миллионы немцев погибли ни за что?

— Народ?

— Да, народ! — ответил я твердо.

Слово «народ» всегда разжигало Рамфоринха.

— Что такое народ?! — восклицал он в ярости. — Почему народ — это те, кто пашет землю, доит коров, крутит руль у машин или забивает гвозди? Почему это народ, а я не народ? И

много, а нас мало? Это несерьезное измерение! Этот народ был народом, когда охотились на мамонтов. А история показала, что людская масса — это строительный материал, как камень, как кирпич, руда и все остальное...

— Человеконенавистничество не привилегия двадцатого века... Оно придумано значительно ранее!

— А! Человеконенавистничество! — отмахнулся барон. — Это слабенький аргумент. Вы же не можете отрицать, что быть Рамфоринхом — это тоже талант! Талант, который родит таланты и извлекает их из безликой массы! Если бы мы не покупали картин, то не было бы художников, если бы мы не предъявляли к ним требований, искусство не имело бы своих шедевров! Все Возрождение — это высокий вкус купца и магната, а потом уже виртуозное мастерство Леонардо, Рафаэля и Микеланджело! Имелся бы покупатель со вкусом — и сегодня найдутся Рафаэли... На чьи они существовали деньги, для кого писали, чьи исполняли заказы? Безликой массы? Кто двинул танки нашего генерала и открыл им дорогу? Вы нелестно отзывались о немецком солдате, но вы не можете отрицать, что кампания во Франции выиграна с блеском! Не солдатом выиграна! Не народом! Нам наскучили революции, бесконечная демагогия в защиту безликой массы, бесконечные ее претензии. И мы организуем по-своему мир. В этом мире безликая масса будет выполнять механическую работу.

Рамфоринх подошел к глобусу и нежно погладил его. Глобус медленно вращался.

Он подозвал меня.

— Заманчивая картина! Год назад ни по населению, ни по промышленному потенциалу Германия не превосходила Россию... Только год — и как все изменилось! Выплавка стали превосходит вдвое выплавку стали в России, угля — вдвое, есть и нефть... Союзники надежны, они покорены!

— Стало быть, Россия! — подтолкнул я барона.

— Альтернатива... Я вам о ней говорил...

Берлинское радио и немецкие газеты широко оповестили мир о приезде в Берлин наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова, о его встречах с Гитлером. Текст коммюнике невнятен. Общие фразы. Не случайно, должно быть, Рамфоринх заслал меня на эти дни в горную резиденцию, быть может, опасался какой-либо моей неосторожности и повышенной бдительности гестапо. Молотов уехал, барон появился в горной резиденции и поспешил рассказать мне о предложении Гитлера в беседе с Молотовым поделить наследство Британской империи. Германия и Италия получали Европу и Африку, Япония — Юго-Восточную Азию, Советскому Союзу любезно предоставлялась Индия, вплоть до Индийского океана.

— Здесь и ответ! — заключил он. — Если Москва примет предложения, мы не пустим Гитлера в Россию...

Это уже было совсем прозрачно. Рамфоринх и сам заметил нарочитость своего хода. Он усмехнулся и поправился:

— Впрочем, это моя позиция... Густав Крупп фон Болен за поход в Россию...

К тому времени в Швейцарии вышла книга бывшего соратника Гитлера, близкого ему человека, эмигрировавшего из Германии, некоего Раушнинга. Я изучил книгу и показал Рамфоринху особо примечательные страницы. Раушнинг сообщал о разговоре, состоявшемся в 1934 году. Гитлер говорил: «Вероятно, мне не избежать соглашения с Россией. Я придерживу его как последний козырь. Возможно, это будет решающая игра моей жизни... Но она никогда не удержит меня от того, чтобы столь решительно изменить курс и напасть на Россию, после того как я достигну своих целей на Западе».

Рамфоринх пробежал глазами текст, полистал книгу и отбросил ее.

— Политики болтливы...

— Гитлер верен целям, которые выбалтывает...

— Службе Гимmlера не составило бы труда убрать Раушнинга, если бы его откровения были опасны...

Разговор наш затянулся. Он пригласил меня прогуляться по парку.

Аллеи парка прорублены в камне, на террасах декоративный кустарник, горные сосны, цветы. Под ногами гравий.

— Я был дающей стороной в нашем диалоге... — начал он. — Вы мне ничего не могли дать...

— Ваша откровенность была добровольной...

— Да! Я видел смысл в том, чтобы довести до Москвы некоторые свои мысли... Теперь у меня вопрос! Что Россия может противопоставить вооруженным силам Германии?

Меня предупреждали из Центра, что мои отношения с Рамфоринхом могут дойти и до этой грани. Но он сам правильно оценил мои возможности.

— Вы на этот вопрос не можете ответить... Захочет ли ответить Москва, ни вы, ни я не знаем. Перед противником не принято раскрывать свои силы, но и прятать их опасно.

Из донесения в Центр:

«Рамфоринх обратился с просьбой дать заключение по выводам военного атташе в Москве генерала Кестринга. Вот выдержки из его выводов, в том виде, в каком мне это показал Рамфоринх.»

Тезис первый. Кестринг в донесениях утверждает, что Красная Армия значительно отстает от современных условий войны, что советская военная промышленность неспособна технически оснастить Красную Армию. Красная Армия, по Кестрингу, является собой расшатанное строение, которое рухнет от первых же ударов. Цитирую Кестринга: «Я с давних пор считаю, что мы на длительное время значительно превосходим русских».

Тезис второй. Кестринг считает, что, как только немецкая армия войдет на территорию Советского Союза, обнажатся общественные противоречия. Население немедленно выступит с оружием в руках против коммунистов, вспыхнут восстания в крупных городах, украинцы, армяне, грузины и другие народности выступят против Москвы, и политический строй рухнет через несколько дней после начала войны».

Разъяснение из Центра:

«Кестринг — сын бывшего тульского помещика и торговца. Он эмигрировал после революции и не может простить Советской власти своих имущественных потерь. Ненависть Кестринга к коммунизму мешает ему объективно оценить обстановку в Советском Союзе. Это может причинить Германии непоправимые бедствия. Кестринг подталкивает Гитлера на войну, надеясь штыками немецких солдат вернуть свои помещичьи привилегии».

Рамфоринх дал мне возможность услышать еще одну его беседу с генералом.

Рамфоринх. Мы подводим к границе около двухсот дивизий. Советам достаточно иметь на службе хотя бы одного польского железнодорожника... Достаточно стрелочника или просто смазчика... Двести дивизий скрытно не выведешь на исходные рубежи для внезапного удара! Но Сталин до сих пор всеобщей мобилизации не объявил. Это мы знаем твердо...

Генерал. Внезапности не может быть...

Рамфоринх. Точнее, расчет на перевес в силах в первые дни войны, молниеносный прорыв танками и выход к жизненно важным центрам, окружение приграничных армий...

Генерал. Поход в Россию сделался неизбежностью... Если неизбежность, я предпочел бы, чтобы Сталин провел мобилизацию запаса и выдвинул все свои наличные силы к границе.

Рамфоринх. Как мне вас понимать? Вы за то, чтобы у границы встретить главные силы Красной Армии?

Генерал. Я лично только в этом вижу возможность одержать победу в России. Наша армия приобрела инерцию движения, она сейчас — слаженный механизм! Танки вперед, над ними авиация, моторизованная пехота, свобода маневра... С боями мы шли как по расписанию по Франции... Живое еще ощущение этой победы, солдат привык к мысли, что победа дается малой кровью! Вся сила будет в первом ударе, и если мы в приграничных сражениях нанесем поражение главным силам Красной Армии, то Москва, Ленинград, Киев будут перед нами открыты... Если Советы будут вводить свои силы постепенно, сила нашего вторжения ослабнет, упадет инерция разгона, и мы вползем в затяжную войну!

Рамфоринх. И несмотря на все это, вторжение состоится?

Генерал. Состоится. В армии каждый солдат этого хочет,

и армия придвинута к границе! Мы раскачивали армию несколько лет для этого вторжения... Гитлер не сможет ничем объяснить отход от советской границы... И куда? Куда бросить двести дивизий?

Рамфоринх был сторонником прямых объяснений, поэтому я не стал смягчать вопроса!

— Я не верю в ваши симпатии к России, господин барон! Зачем вы мне дали услышать вашу беседу с генералом?

— Это не военная тайна! Некоторые наши дипломаты уже намекнули советским дипломатам, что война решена...

— Зачем?

— Если Сталин мобилизует армию и поставит ее у границы — у нас остается возможность еще раз все взвесить...

— Генерал уверяет, что это облегчит разгром России...

— Или Сталин решится на соглашение о разделе Британской империи...

— Но войска сосредоточены на границе, они готовы к маршу...

— У вас нет желания посмотреть, как начнется их марш?

— С теми же задачами, что и во Франции? Зачем это вам?

— Я сказал вам, что я войны не проиграю при любом исходе сражений... Но чтобы не проиграть своей войны, я должен знать из первых рук, как развернутся военные действия... О победе я узнаю без вас, а наше поражение вы увидите раньше других...

Это предложение было неожиданностью. Снести с Центром я не имел времени. Если бы передо мной стояли задачи, какие ставятся перед военным разведчиком, лучшего варианта и желать было нечего. Но я был не военным разведчиком, в мои задачи входило изучение обстановки в промышленных кругах, их взаимоотношений с фашистской партией, политические планы Гитлера.

Отказаться? Объявить барону, что отъезд на фронт для меня нежелателен? А может быть, он как раз намерен удалить меня из Берлина, отдалить от себя в момент военного столкновения? Тогда и здесь, в Берлине, он может поставить меня в такие условия, что я не смогу получить какую-либо информацию. В то же время, находясь около генерала, я могу составить полное представление о реальной ударной силе немецкой армии. Правда, Москва это узнает и без меня, военные специалисты установят все это точнее и полнее. Мне же откроется настроение немецкого генералитета, их оценки хода военных действий, и я смогу проследить за реакцией барона и его коллег на ход военных действий.

Я попытался все же отложить предложение барона деликатным намеком:

— Мои выводы могут интересоваться и Москву...

— Свое поражение Москва увидит и без вас, не проглядит и свою победу... А мне надо знать раньше Гитлера, раньше генерала, раньше всех, куда клонятся чаши весов...

14 июня состоялось совещание высших генералов. Рамфоринх не поставил меня в известность, о чем говорил на совещании Гитлер. Я мог лишь догадываться, что отданы последние распоряжения, ибо Рамфоринх предложил мне наутро выехать с генералом на границу.

Генерал теперь командовал танковой группой, равной по ударной силе танковой армии.

В танковой группе генерала в трех танковых корпусах были объединены десять дивизий со средствами артиллерийского и авиационного усиления. В нее входили инженерные части и войска связи. Это было государство на колесах, организация для моторизованного переселения народов. Все это выглядело значительно внушительнее, чем во Франции, и я отметил для себя, что в танковых дивизиях оказалось немало трофейных французских танков. Французские партнеры «кружка друзей» постарались усилить Гитлера для движения на Восток. Увеличился парк тяжелых танков. Я обратил внимание, что изготовлены они на чешских заводах.

Сила огневого удара группы огромна. Танки, самоходные орудия, подвижная артиллерия всех калибров, у каждого солдата автомат, скорострельные пулеметы, огнеметы, многоствольные минометы, танки, приспособленные для форсирования рек под водой.

Я понимал: когда танковая армада начнет движение, все мои сообщения об ее движении не будут иметь никакой ценности.

Я с трудом нашел возможности передать все, что видел, в Центр. Связь на некоторое время обрывалась.

Теперь трудно было представить, что какая-то сила могла бы предотвратить войну. Солдаты ликовали, им казалось, что в нескольких бросках от исходных позиций лежит страна, отданная им на разграбление, что они безнаказанно пройдут по русской земле. Офицеры были деловиты, торжественны. Генералы решительны.

Из донесения в Центр:

«Нападение подготовлено на последнюю декаду июня. Даже если Гитлер попытается его отменить, неизбежны провокации вдоль всей границы. Подготовлено движение войск на Ленинград, Минск и Киев. Ударная сила на центральном направлении — танковые группы».

7

21 июня генерал выехал с оперативной группой в передовые части на границе. С наблюдательных пунктов можно было видеть в бинокль все, что происходит в крепости Брест. Рано утром мы

видели разводы караулов в крепости под оркестр, потом начались спортивные игры, быть может, даже состязания. К красноармейцам и командирам приехали гости. Шла тихая, мирная жизнь, ничто не обнаруживало повышенной боевой готовности или хотя бы какого-то беспокойства. В опергруппе имелась карта огневых точек и дотов на берегу Западного Буга в районе крепости. Офицеры разведки помогли нам в бинокль найти эти точки. Укрепления безлюдны. Войск не видно. В трапезях не наблюдалось никакого движения. Генерал собрал опергруппу и командиров частей.

— Что означает это спокойствие? — поставил он вопрос.

Один из командиров танковых полков ответил:

— Нам непонятно это спокойствие. Мы даже думали, не отменил ли фюрер наступление.

— Нет! Не отменил, — твердо произнес генерал. — Мы должны быть готовы к утру...

Командир дивизии предложил отменить часовую артиллерийскую подготовку: поскольку укрепления не заняты советскими войсками, можно было сэкономить снаряды.

Генерал задумался. Вообще он был реалистом, но каждое событие пытался изображать как историческое.

— Война должна начаться с артиллерийского грома!

— По каким целям? — спросил полковник.

— Цели не всегда те, что видны глазом. Те, кто тут же с нами вступит в бой, должны ощутить, какая на них обрушилась сила! Это их деморализует... Я помню танковую атаку в Ольхонском лесу. Французские танки опрокинули наши отряды. Они были неуязвимы для нашей артиллерии и двигались сквозь наш танковый строй. Но они сами прекратили атаку. Почему? Они не поверили в свой успех, не поверили, что танковая рота может добиться эффекта. Как же так, немецкие танки прошли сквозь Бельгию, форсировали Маас, прорвали фронт, и вдруг танковая рота де Голля заставила их попятиться? Они не поверили в свои силы! Поэтому я оставляю часовую артподготовку для демонстрации и устрашения!

Стрелки часов неумолимо двигались вперед.

С ужасом и душевной болью я смотрел на то, что происходит на моем, восточном берегу, в моей стране.

В реке купались детишки, маячили над кустами удочки рыболовов...

Мы остались с генералом одни на наблюдательной вышке. Он был мрачен и молчалив. Я не удержался и сказал ему:

— Русские не собираются воевать... Это почти чудо, но обеспечена внезапность!

— Внезапность! Это очень сложные понятия в современной войне... Внезапность — это удар по войскам, внезапность при ударе в пустоту теряет свое значение. Мне было бы легче, если бы я видел укрепления, оцетинившиеся ожиданием... Легче разругать мечом железную кольчугу, чем шелковую косынку!

— Может быть, приказ о наступлении отменен?

Генерал машинально посмотрел на часы. С раздражением махнул рукой:

— Не может быть отменен!

В 3 часа 10 минут 22 июня генерал поднялся на наблюдательную вышку, неподалеку от Бреста. Над рекой курился легкий туман.

Загудела земля, и западный берег Буга вспыхнул сначала зарницами, а потом разгорелся заревом. Началась артиллерийская подготовка из всех видов артиллерийского оружия.

Восточный берег Буга объяло пламя. Горели деревни, огненные купола поднялись над лесом, стусилась тьма. Дым и гарь заволокли окрестности, зарево не в силах было пробить черной мглы.

Когда кончилась артподготовка, в небе появились самолеты. Волна за волной, волна за волной...

В 4 часа 15 минут двинулись танки передовых частей. Они выползли из укрытий в предполье и на полном ходу устремились к реке. Впереди шли танки для переправы под водой. Они ушли в воду и через пятнадцать минут появились на том берегу. Инженерные войска начали наводить понтоны.

В седьмом часу утра генерал счел возможным переправиться на тот берег. Начали приходить донесения, что «сопротивление противника везде подавлено». Он не потерял чувства юмора:

— Сопротивление? Кто им здесь сопротивлялся?

Наверное, эта фраза предназначалась не мне, а барону, но я заметил, что ему доставляло интерес быть со мной более откровенным, чем со своими офицерами.

Два бронетранспортера, несколько специальных машин повышенной проходимости, два танка охраны и бронемашина генерала двинулись в глубь советской земли. По донесениям из частей прорыва, мы ехали по земле, где «было подавлено сопротивление противника».

Дорога пролежала деревней и лесом.

Деревня медленно догорала, не осталось ни одной избы, все было перерыто воронками от снарядов, месиво головок, битого кирпича, домашней рухляди, которую не брал огонь. Но на дороге и другие следы. Два обгоревших немецких танка. Генерал остановился возле них. Вышел из бронемашин. При нем извлекли сгоревших танкистов. Очевидцев гибели этих двух бронированных чудовищ не было.

Генерал осмотрел танки и спросил:

— Что случилось? На танках нет следов от снарядов! Если бы это было в деревне, я понял бы так, что они сами наскочили на огонь... Как их сожгли?

Но никто ничего объяснить не мог.

В лесу на повороте дороги мы наткнулись на обгоревый бронетранспортер. Возле транспортера вразброс лежали трупы немецких автоматчиков.

Здесь уже можно было обнаружить следы боя. И не в зоне укреплений. Генерал обошел поляну. Мы насчитали тридцать немецких трупов, генерал отыскал в кустах труп советского пограничника. Он лежал, уронив голову на щиток пулемета «максим».

— Славная смерть! — сказал генерал. — Но не один же он сжег бронетранспортер?

Генерал остановил колонну. Автоматчики по сигналу офицера охраны попрыгали из бронетранспортера и окружили поляну. Из бронемашин вышел генерал.

Сопровождающие подошли к бронетранспортеру. Двое в штатском. Я и немецкий писатель.

В руке у него тут же появился блокнот и серебряный карандаш — нацелился записывать изречения генерала.

Ни от снаряда, ни от ручной гранаты бронетранспортер повреждений не имел. Специалисты сразу же установили, что гореть начала краска, а затем уже огонь охватил бензобак.

Автоматчики все до одного были обнаружены на поляне. Полный расчет бронетранспортера.

Генерал помалкивал, писателю нечего было занести серебряным карандашом в записную книжку с золотым обрезом и символическим орлом на обложке.

Доложили, что в кустах обнаружен станковый пулемет. Коробки с расстрелянными лентами. От пулемета тянулся по траве кровавый след. Офицер охраны посоветовал генералу уйти в танк. Генерал отказался.

Да и чего опасаться? По дороге проходили немецкие танки и автомашин моторизованной пехоты, тянулась тяжелая артиллерия. На карте стояли отметки, что передовые танковые отряды углубились далеко от этой поляны.

Кровавый след привел автоматчиков к бронетранспортеру. Он протянулся мимо машины в двух шагах и свернул к лесу. В лесу нашли пулеметчика. Пограничник. Рядовой. Военный врач штаба группы насчитал у него тридцать пулевых ранений. Стало быть, из последних сил, истекая кровью, он, положив немецких автоматчиков, подполз к бронетранспортеру, зажег его и уполз в лес... Тут и постигла его смерть.

Подошел генерал. За ним поспешил писатель.

— Пишите! — сказал ему генерал. — Славная смерть!

— Вы хотите, чтобы я прославил героизм противника? — спросил писатель.

Генерал был мрачен, под вызывающей холодностью он прятал свою ярость, свое беспокойство. Он искал выхода для своего гнева и обрушил его на гитлеровского любимца с серебряным карандашом:

— Не опасайтесь отнять славу у немецкого солдата!

— Если я сообщу, что один русский убил тридцать немецких солдат, то...

— То вы этим покажете, с каким противником, с каким опас-

ным и трудным противником пришлось встретиться немецкому солдату! И если мы побеждаем такого противника...

— Да, но тогда у немецкого читателя возникнет вопрос: когда же мы войдем в Москву?

— Когда — это не вопрос! — опять оборвал генерал писателя.

— Нет, это вопрос! — откликнулся писатель. — Рейхсфюрер, направляя меня в вашу группу, высказал уверенность, что это произойдет на восьмой день войны... Имеет ли смысл при таких условиях говорить о героизме противника... Я не успею по этому поводу изложить свои рассуждения, как в газеты придет сообщение о падении Москвы...

Спорить с рейхсфюрером, даже заочно, генерал не пожелал.

Он направился к бронемашине, но по дороге, через плечо, все же счел возможным бросить несколько слов писателю:

— Я все же советую вам сфотографировать это поле боя...

Генерал направился к командирскому танку.

Лесная дорога исполосована гусеницами, по обочинам повалены деревья, изрыты кусты, трава опалена выхлопами газов.

Неширокая речка. На карте она обозначена как рубеж, который был преодолен еще на рассвете. На карте значилось, что мостик через речку охраняется немецким патрулем.

Охраны не оказалось. Впереди маячили ракитные кусты, шел глубокий след по лугу к броду. Танки свернули к броду, бронетранспортер с автоматчиками на мостик.

Я с писателем сидел в бронемашине, замыкающей подвижную группу генерала. Самая удобная позиция для обозрения всего, что произошло около мостика.

Из ракитника по бронетранспортеру кто-то открыл пулеметный огонь. Затем вспышка на бронетранспортере, и по его бронированным бокам побежало змеистое пламя; рухнул мостик, бронетранспортер носом провалился в речку, взорвалась ручная граната.

Командирский танк круто развернулся на месте и открыл ответный пулеметный огонь. Генералу, командующему танковой группы, пришлось самому вступить в бой и отбиваться от нападения.

Два танка двинулись к мостику, автоматчики выпрыгнули из второго бронетранспортера и залегли цепью. Цепи подняли в атаку два офицера охраны и тут же упали, скошенные из кустов пулеметной очередью.

По кустам била танковая пушка.

Из бронемашины было видно, как вдоль берега, укрываясь между ракитами, отступали к лесу пограничники. За ними вдогонку пустился второй танк. Взрыв. И танк закрутился на месте. Ручная граната порвала ему гусеницу.

Пограничники отошли в лес. Оттуда открыли огонь из пулемета. Автоматчики опять залегли.

Командирский танк перенес пушечный огонь на опушку леса.

Пулемет замолчал. Командирский танк зацепил второй танк на буксир, и вся группа двинулась вперед.

Мы провожали передовые отряды танковой дивизии прорыва несколько километров. Вся ударная сила армейской танковой группы пришла по мирным деревням и селам. Горели сосновые леса. Из Бреста доносилась артиллерийская канонада. Крепость сопротивлялась. Но генерал и не предполагал атаковать ее танками, он ожидал подхода тяжелых гаубиц и мортир, а также пехотных частей.

В седьмом часу вечера мы вернулись на командный пункт. В штабе царило оживление, если не сказать, ликование. К генералу рвались с донесениями.

Я не понимал, что происходит. Я мог предположить, что главные силы Красной Армии специально, с умыслом, оттянуты от границы, чтобы встретить врага на марше, но где же советские истребители, где бомбардировщики, — почему они разрешают свободно двигаться танковым колоннам? Я мог предположить, что главные силы Красной Армии готовятся встретить врага на укрепленных еще до войны оборонительных рубежах, но авиация уже должна действовать против танков и против немецких самолетов. Можно было с ума сойти от недоумения и отчаяния.

Нельзя же было втайне сосредоточить три группы армий на границе, нельзя было не видеть, куда устремляется гитлеровская армия. Мне было известно, что тогда же, когда Рамфоринх объявил мне о восточном походе, такого рода предупреждения поступили в советское посольство в Берлине.

Пожары, расстрелянные колонны беженцев на дорогах... Если бы немцы вошли в пустые, безлюдные деревни, я бы предположил, что их ждут в глубине обороны. Но почему же не эвакуировано мирное население?

Вот тебе еще одно испытание, разведчик! Искать утешения было не у кого.

Офицеры ликовали, солдаты веселились, все это было нестерпимо, но генерал мрачнел час от часу.

— Я не люблю пустоту! — отвечал он на восторженные доклады командиров корпусов, дивизий и офицеров штаба. — Где танки? Где русские танки? — вопрошал он у подчиненных, словно они были виновны в том, что не встретили русских танков.

Сообщение о первом столкновении с русскими танками пришло только к вечеру. Бой развернулся под Пружанами.

К Пружанам успели подтянуться значительные силы. Беспребойно и беспрепятственно работали все мосты и переправы через Западный Буг, и по ним непрерывным потоком двигались войска. До темноты шли волнами самолеты на восток, тяжело нагруженные бомбами. Генерал требовал донесений, и самых подробных, о первом танковом бое.

Ночью пришло донесение, что Пружаны заняты, что бой закончен уничтожением русских танков.

Он не скрывал своей радости.

На другой день утром командный пункт танковой группы был переброшен в Пружаны, и я получил возможность осмотреть поле боя с нашими танками.

Ремонтники очищали поле боя, растаскивая на трассах немецкие танки и русские БТ-7. Наши танкисты, не имея возможности огнем своих пушек поразить немецкий танк, шли на таран. То там, то здесь торчали остовы немецких бронетранспортеров. Они не боялись этих наших танков: их Т-III и Т-IV были сделаны из более крепкой брони, ее не пробивали пушки БТ-7. Генерал боялся, что «у русских окажутся тяжелые танки».

Командир дивизии, к которому мы прибыли на командный пункт, сиял от восторга.

— Вперед! Вперед! — встретил он генерала многозначительным возгласом. — Через три дня в Минске, и кампания окончена! Даже ранее, чем предполагали в генеральном штабе! — ликовал он.

Генерал расстелил карту и провел карандашом черную жирную черту от Белостока на юго-восток, уперев ее в левый фланг своей группы.

— Следите за левым флангом! Мне не ясно, что там происходит.

8

К вечеру второго дня бои завязались по всей полосе наступления танковой группы, отовсюду доносили о потерях. Причем потери к вечеру значительно возросли, с правого фланга пришла паническая сводка о тяжелых боях, о непрерывных контратаках русских.

На ночь генералу освободили и очистили уцелевшую избу в глухой белорусской деревеньке.

Из красного угла, освещенного автомобильными лампочками, мрачно глядели почерневшие от времени и лампадной гари лики святых. Посреди избы — сколоченный из грубых досок стол, вдоль стены лавка. За стеной и на потолке скреблись не то мыши, ве то крупные жуки-дровосеки.

Дико выглядели на полу и на специальных подставках телефонные аппараты и рация генерала в этой избе.

Он расстелил карту, склонился над ней, изучая нанесенную на ней обстановку в штабе. Обернулся к офицерам:

— Обращаю ваше внимание. За два дня по горным дорогам в Арденнах, где приходилось растягивать колонну в цепочку, мы прошли без всяких потерь. А здесь не прекращаются атаки русских... Мы несколько не продвинулись справа... А завтра или послезавтра у нас начнется неприятность слева...

Утром 24 июня, на третий день войны, генерал с опергруппой двинулся за передовыми частями. На этот раз он ехал в танке,

за ним следовали два танка охраны, бронемашины с офицерами, в бронетранспортере — автоматчики.

Не успели отъехать и десяти километров от командного пункта, как вступили в бой. Немецкую пехоту теснили с дороги. Пограничники и красноармейцы обстреляли танк и подбили транспортер. Автоматчики попытались контратаковать, но залегли под их огнем. Генерал развернул свой танк, а за ним двинулись и танки охраны. Три танка против пехотинцев — это, конечно, бой не равный. Красноармейцы и пограничники отступили в лес. Генерал оставил автоматчиков для охраны шоссе.

На командном пункте дивизии оказались командир танковой дивизии, командир танкового корпуса, подполковник из группы армий, командир противотанкового артиллерийского дивизиона.

От прямого попадания снаряда вспыхнула и запылала грузовая машина, повалил черный дым, из дыма и огня вырвались на площадку два русских танка и открыли огонь. Генералы попадали на землю. Двое из них были тяжело ранены. Танки опрокинули одну из бронемашин и развернулись тут же для боя с немецкими танками Т-IV.

Я не сразу понял, что происходит.

На два наших танка наседали десяток немецких. Но наши не пытались, а ринулись тут же в контратаку, не обращая внимания на огонь немецких пушек. Я не сразу понял, что это наши танки. Незнаком был мне их силуэт, непривычна была их масса, вооружены они были значительно сильнее БТ-7.

Танки Т-IV распознали, избегая боя на близкой дистанции, но два из них, маневрируя, подставили свои бока и тут же запылали факелами. С крыши кирпичного здания открыла огонь по русским танкам зенитная батарея. Танки ответили несколькими выстрелами из пушек и ринулись в городок, занятый немецкими войсками, сея панику и сокрушая на своем пути скопления автомашин. Я мог проследить их путь только по откатывающейся от окраины артиллерийской стрельбе.

— Что это за танки? — спросил генерал у командира дивизии, поднимаясь с земли. — Почему они оказались у вас в тылу?

Командир дивизии со взводом танков охраны устремился к городу. Солдаты подняли с земли два трупа. Были убиты подполковник и командир корпуса. Командир дивизии, вернувшись, отрапортовал, что два русских танка уничтожены на городских улицах.

— Я хотел бы их осмотреть, — сказал генерал.

Командир дивизии замялся:

— Туда ехать небезопасно.

— Отбуксировать эти танки сюда! Это не БТ-7. Я должен видеть эти два танка...

— Боюсь, что там печего рассматривать...

— Привезите хотя бы кусок брони!

Командир дивизии замолк.

Генерал что-то хотел сказать, но сдержался, резко повернулся, сел в свой танк, приказав нам следовать за ним на командный пункт группы.

Мы не проехали благополучно и нескольких километров. На шоссе в танк генерала полетели ручные гранаты, застрочил пулемет, артиллеристы развернули для огня противотанковую пушку.

На этот раз генерал не решился ввязаться в бой, а на полной скорости проскочил мимо, бронемашинны опергруппы развернулись, и мы отступили к городку, где стояла танковая дивизия. На командный пункт мы пробились лишь на другой день.

По-прежнему сопротивление танковой группе на всем протяжении фронта возрастало. Четвертый день правый фланг танкового клина не мог сдвинуться с места. Правофланговый танковый корпус нес тяжелые потери от продолжающихся контратак частей Красной Армии, но вместе с тем и усилился нажим на его левый фланг со стороны Белостока. Оттуда пробивались из окружения крупные части Красной Армии. Генерал собрал свой штаб, прибыли командиры дивизий, командиры корпусов.

Совещание проходило в просторном классе деревенской школы. На сдвинутых партах лежали карты.

— Танки идут вперед! Впереди в двух переходах Минск! Над Минском нависают танки из группы Готта. Можем ли мы взять Минск? — спросил генерал.

Я наблюдал за офицерами. Вопрос прозвучал для них неожиданно.

Один из командиров дивизии тут же ответил:

— Я думаю, что на это понадобится еще два дня...

Генерал устало, в знак согласия, прикрыл веки.

И еще один командир дивизии добавил:

— В направлении на Минск я ощущаю ослабление сопротивления русских...

Генерал не садился. Он рассказывал вдоль классной доски. Остановился и коротко спросил:

— В чем состоит главная цель наступления? — Сам ответил: — Главная цель всякого наступления — это уничтожение живой силы противника. Мы наступаем четыре дня... Мы взяли в клещи значительную группу русских войск в районе Белостока, но и сегодня испытываем ее давление... Я хочу поставить вопрос: кто окружен? Русские пробиваются сквозь наши боевые порядки к своим главным силам. Мы наступаем на главные силы, отражая удары по флангам и тылам... Или мы поворачиваем дивизии на уничтожение русских под Белостоком, или берем Минск?

Командиры дивизий и офицеры штаба во главе с начальником штаба высказались за наступление на Минск. Это совпало и с директивой высшего командования. Генерал подписал приказ о наступлении.

— Никто ничего не понял, — сказал он мне наедине, должно быть, через меня адресуя свои слова к барону. — Сегодня, на

четвертый день наступления, мы могли вполне в затяжную войну, если бы повернули танки на уничтожение окруженных русских. Мы получили бы ее поблизости от наших баз... Позже мы ее получим на растянутых коммуникациях... Никто об этом сейчас не хочет думать...

27 июня танковые дивизии группы армий «Центр» сомкнули кольцо вокруг Минска, танки ворвались в пылающий город, завязались уличные бои.

Штабной офицер со скрупулезной точностью нанес обстановку на общей карте всего Восточного фронта.

Карта рвала мне душу. Я жадно вглядывался в нее, пытаюсь понять или хотя бы объяснить для себя происходящее. Пали Вильнюс и Каунас, финны заняли Аландские острова, немецкий корпус оккупировал Петсамо, линия фронта прогибалась в направлении на Киев. И это за четыре дня войны...

Где же главные силы Красной Армии, вступления которых я ожидал с часу на час? Я уже знал, что в первую же ночь немецкая авиация сумела вывести из строя значительное количество наших самолетов, я видел безмолвные танковые колонны, оказавшиеся без горючего. Но из Белостока продолжалось давление на левый фланг немецкой танковой группы, на правом фланге танки не имели значительного продвижения. Но к генералу приходили сводки из высших штабов, и получалось по этим сводкам, что между Минском и Москвой нет значительных соединений Красной Армии.

Ох, как нужна была мне в эти часы связь с Центром! Не о передвижениях танковых дивизий я сообщил бы в Москву, не об их дислокации, все это текло и менялось. Нет, я передал бы вопрос генерала к его офицерам, рассказал бы о его сомнениях, что движение немецких частей расписано по графику, а график не выполняется. Единственно, на что я решился, — это послать письмо во Швейцарию по известному мне адресу и сообщить, где я нахожусь. Я указал, что состою при штабе генерала. И только. Никаких шифровок по почте отсюда я посылать не мог, иначе все погибло бы и я уже не смог бы помочь своим. Я просил в своем письме дать мне оперативную связь.

Я тяжело засыпал, и мне снился один и тот же сон. В руках у меня автомат, я открываю дверь, сидят они все, все те, кто окружает меня здесь, и они в ужасе корчатся под наведенным на них автоматом...

28 июня командный пункт танковой группы разместился в Несвижской пуще в бывшем замке князя Радзивилла, в недалеком прошлом одного из крупнейших польских землевладельцев.

В замок съехались многие командиры дивизий и командиры корпусов. Можно было бы открывать военный совет танковой группы. Военный совет никто не открыл, собрались лишь «поднять бокал за выдающийся успех немецкого оружия». Генералам и полковникам не терпелось поделиться своими радужными надеждами. А тут их еще подогрела, казалось бы, пустяковая на-

ходка на чердаке. Офицер для поручений обнаружил в каком-то хламе порывевшую от времени фотографию княжеской охоты. Возле убитого оленя несколько охотников в тирольском одеянии, и среди них Вильгельм I, немецкий император времен франко-прусской войны. Генералов умилило, что немецкий император забирался в такую глубину белорусской земли. Это обстоятельство вполне серьезно было истолковано как неотъемлемое право немецкой нации на белорусские земли.

Я видел, что, несмотря на успехи, сопротивление русских войск беспокоит генералов.

— Если так дальше, — сказал кто-то из них, — к Москве мы придем без танков и солдат...

Но тут же на эти сетования высказывал и готовый ответ:

— Не может быть! Там, в Москве, все должно рухнуть!

В этих беседах непререкаемым авторитетом звучал голос гитлеровского любимца, писателя с серебряным карандашиком.

— Никто не заметил из вас... — важно вещал он, пуская сызые кольца дыма, затягиваясь трубкой. — Никто не заметил, что Россию о войне оповестил Молотов, а не Сталин.

— Что это означает? — спросил генерал. Он не скрывал своей неприязни к писателю.

— А это означает, что в Кремле идут перемещения. А перемещения в Кремле в такой час — это кризис... Сталина снимут с поста, и большевики тут же между собой перевертнутся!

— А если не перевертнутся? — парировал генерал.

Писатель снисходительно усмехнулся.

— Я имел удовольствие, — продолжал он в столь же напыщенном тоне, — читать донесения военного атташе из Москвы... Теперь это не секрет, я могу поделиться с вами, господа! Генерал Кестринг писал, что после падения Минска и Киева советский строй в России рухнет! Агентура у Кестринга прекрасно работала... Ошибки быть не могло...

Генерал молча отошел от него.

Минул еще один день. Наступило 29 июня. Бои не ослабевали на всем фронте продвижения танковой группы, и вообще всей группы армий «Центр». Ничуть не ослабевая, а даже разгораясь, шел бой в районе Белостока. Окруженная группировка Красной Армии не сложила оружия, и командование полевой армии запросило у нашего генерала поддержки танками.

Пала Рига. Немецкие танки рвались к Ленинграду.

И тут неожиданность. Рамфоринх вызвал меня в Минск.

Генерал, узнав, что Рамфоринх приглашает меня в Минск, затеял со мной разговор.

— Какие интересы концерна побудили Рамфоринха приехать в Минск? — спросил генерал. — Не торопитесь ли он?

Я ответил, что причины приезда Рамфоринха мне неизвестны.

Меня удивил тон генерала. Нерешительность проступала за его словами. Он никому из своего окружения никогда не сказал бы: «Я не могу вам навязывать своих взглядов...» А именно с

этой фразы он и начал. Затем заговорил о моей молодости, о моем оптимизме. Я даже порадовался. Стало быть, сумел скрыть и свое мрачное настроение, и отчаяние от того, что происходило на моих глазах. А потом объяснился:

— Я не хотел бы, чтобы господин Рамфоринх получил искаженное представление о положении дел на фронте... Надеюсь, вы не рассчитываете на прогулку по Москве через несколько дней...

Знал бы генерал, как я ликовал, услышав мрачные нотки в его голосе. Но я прежде всего изобразил удивление.

— Я слышал, что наш гость (я имел в виду писателя с серебряным карандашиком) близок к рейхсфюреру и к доктору Геббельсу... Он располагает самой точной информацией...

Генерал поморщился.

— Вы человек штатский, — ответил он мне. — Вам простиительно не знать, кто располагает во время военных действий самой точной информацией. Никогда высшее командование, никогда командование группы войск... И даже командир дивизии видит все отраженно. Самой точной информацией располагает солдат... Он прежде всех чувствует и нажим, и силу сопротивления противника...

— И что же чувствует сейчас солдат?

— Передайте барону, что солдат чувствует нарастание сопротивления.

— Но все это кончится, когда в Москве совершится переворот? — подбросил я прощупывающий вопрос генералу.

— Если бы сопротивление слабело, я мог бы надеяться на какие-то события в Москве... Сопротивление возрастает, значит, русские собирают свои силы... Война, если она популярна в народе, объединяет, а не разъединяет...

Мне трудно было удержать слезы. Они душили меня. Перемещение войск, планы, схемы расположения частей... Все это важно, все это нужно, но вот понимание генералом событий, даже его ощущение хода событий, — это действительно сейчас было важным для Центра.

Отсюда, из штаба группы, у меня еще не было связи. Я решил любыми средствами настоять, чтобы Рамфоринх хотя бы на один день взял меня в Берлин.

И Рамфоринх взволнован, стало быть, и оттуда, из Берлина, не всем видится ход войны, как был задуман. Он встретил меня вопросом.

— Что вы могли бы сказать мне? — спросил он меня.

— Минск нал... Немецкая армия имеет успехи... — ответил я осторожно.

Барон внимательно посмотрел на меня.

— Да, да! — подтвердил он. — Но я слышу иронию в вашем голосе. Это горечь за своих?

— Вы правы, господин барон! Радоваться мне нет причин!

Барон покачал головой.

— Самое удивительное, что и у меня мало причин для радости. Не взят Киев, стоит Ленинград! Что вы думаете о ходе войны?

— Я не очень понял, что происходит... Первые дни меня удивили... Но с каждым днем сопротивление нарастает... Об этом просил сообщить вам генерал!

— Просил? Подтолкнуть войска вперед, когда они не встречали сопротивления, это было возможно! Но как заставить их сломить сопротивление противника? Я хочу воспользоваться вами как переводчиком... Мне надо поговорить с русскими пленными...

Мы выехали на бронированной машине на одну из дорог, по которой этапировали наших пленных. Барона сопровождал офицер из штаба группы армий.

Пыльный проселок... Такой обычный для России, словно нарочно его подбирали, чтобы сразу был похож и на белорусские, и на смоленские проселки, и на рязанскую землю, и на калужские лиственные рощи.

Деревенька на краю луга.

Хатенки, крытые соломой, над крышами свесили свои густые ветви тополя. На верхушках тополей и на крышах — гнезда аистов. Луг, дорога к броду через речушку, а на взгорке — лесная молодь.

Пыль стелется над дорогой, оседает на пожухлые листья подорожника, обволакивает низкорослый кустарник, гасит все звуки, даже голоса. Длинная колонна идет молча, шорох шагов в пыли...

Идут раненые и истерзанные люди, пропылились повязки, бурые от крови. Кто-то опирается на самодельные костыли, у кого-то руки в гипсе — этих взяли прямо из полевого лазарета. Босиком, без ремней, под дулами автоматов...

Первым Рамфоринх извлек чернявенького юнца лет девятинадцати.

Автоматчики отвели его в сторонку. Он забеспокоился.

— Зачем? Почему? — вопрошал он у автоматчика.

Рамфоринх обернулся ко мне:

— Объясните, никто ему худого не сделает...

Я подошел к чернявенькому. Он понял, что говорить ему надо со мной. Он сунул мне в руки «пропуск», листовку, которой немцы приманивали сдаваться в плен. Захлебываясь, спешил объяснить:

— По пропуску! Я сам! Сам! Хайль Гитлер!

Он даже сумел выбросить в приветствии руку.

Сопровождающий офицер презрительно отвернулся. У Рамфоринха этот жест вызвал усмешку.

В это время автоматчики выхватили из колонны еще одного человека. Пожилого, в командирской фуражке, с воспаленными глазами, с обожженной кожей на лице. Ему можно было дать лет сорок. Очевидно, старый командир, судя по осанке. Петлицы сорваны, но командирская фуражка и китель уцелели, стало быть,

не скрывает своего звания. Под нацеленными в спину автоматами он вышел из колонны. Но он не встал рядом с чернявеньким, он повернулся к нему спиной и отступил в сторону.

Из колонны вытолкнули еще одного пленного в штатском. Он молод, ему от силы двадцать пять лет. Остановился рядом с командиром молоденький веснушчатый паренек в рваной солдатской гимнастерке.

Рамфоринх смотрел на проходящих и указывал, кого ему вызвать.

Пленных отвели в сторонку, под тень придорожной ивы, но и не так-то близко к лесу. Между лесом и машиной барона встали бронемашина и бронетранспортер с автоматчиками.

Шофер вынес из машины портплед. Барон приказал угостить пленных пивом и положил перед ними несколько пачек немецких сигарет.

Первые слова, обращенные к пленным, содержали заверение, что он человек не военный, но ему интересно «побеседовать» с пленными, взятыми в бою немецкой армией, что его несколько не интересуют военные тайны, что он ни в чем не будет побуждать нарушить военную присягу.

— Меня не интересуют даже их имена! — сказал мне барон. — Мне надо, чтобы они обрисовали свое общественное положение в России...

— Я не собираюсь утаивать ни своего имени, ни своего общественного положения! — тут же ответил командир и назвался батальонным комиссаром Рожковым Иваном Дмитриевичем.

Чернявенький юноша поспешил выкрикнуть:

— Я все открою! Я давно жду допроса!

— Кто вы, откуда? — спросил я у него.

— Дайте мне автомат! Буду бить коммунистов! Я ненавижу! Хотите, вот этих пленных — из пулемета, из пулемета!

Барон и без перевода уловил смысл его слов. Он оживился. Автоматчик, обеспокоенный страстью чернявенького, отжал его в сторонку и приставил к спине автомат.

— Он хочет воевать за Гитлера? — спросил барон.

— Он просит оружие... — пояснил я барону. — Клянется, что ненавидит коммунистов.

Последовал спокойный вопрос:

— За что он ненавидит коммунистов?

Не в характере Рамфоринха было доверять эмоциям.

— Вы должны объяснить, почему вы, такой молодой, и вдруг ненавидите коммунистов...

— И Советскую власть! — отрубил чернявенький. — Коммунисты разорили отца, отняли все, а потом убили...

— Что же у вас отняли?

— Не у меня! У отца! У отца был дворец, они отобрали дворец! Он был самым богатым человеком на юге, а умер нищим!

Я перевел. Барон разочарованно покачал головой:

— Этот мальчик мне не интересен... Таких в России осталось мало...

Барон сделал знак рукой, автоматчик оттеснил чернявенького в колонну.

— Ваша очередь! — обратился я к Рожкову.

Он на шаг выступил вперед.

— Я коммунист и не боюсь этого сказать вашему господину. Меня ждет расстрел, и я скажу правду.

Я остановил Рожкова жестом руки и перевел его слова барону.

— Он чувствует себя смертником! — заметил барон. — Это может повлиять на высказывания. Объясните ему, что я распо-ряжусь. Его не расстреляют.

— Кто он, этот господин в штатском? — спросил Рожков.

— Он коммунист? — переспросил барон. — Ответьте ему, кто я такой.

Я назвал концерн Рамфоринха.

У Рожкова оживились глаза, он с большим, чем ранее, вниманием посмотрел на Рамфоринха.

— Говорить на немецком языке я не решаюсь! — сказал он, обращаясь ко мне. — Получится диалект, непонятный для окружающих... Но я понял все, что передал мне ваш господин... Передайте, я не принимаю от него дара. Жизнь в плену мне не нужна...

— А если мы освободим его из плена? Что он будет делать на земле, занятой нашими войсками? — спросил барон.

— Я перейду линию фронта и вернусь в строй! — ответил Рожков.

Я тут же задал вопрос:

— Почему же вы попали в плен?

— Мы два дня удерживали немецкие танки. Заняли круговую оборону. У меня оставался в пистолете последний патрон. Я предпочел его истратить на немецкого офицера.

Барон поинтересовался, какие у других командиров Красной Армии настроения.

— Такие же... — ответил Рожков. — Чем глубже немецкие войска проникнут на русскую землю, тем страшнее будет отступление... Тысячи километров покроются немецкими трупами...

Барон после перевода тут же ответил:

— Я уверен, что коммунизм рухнет после новых наших успехов, мы не воюем с народом, мы объявили войну коммунистам!

Рожков пожал плечами:

— Я не знаю ни одной советской семьи, которая не имела бы в родстве коммунистов... Народ и коммунисты неразделимы, а потому и ничего не рухнет...

— Прекрасный агитатор! А? — воскликнул барон. — Я сдержу свое слово! Не из соображений альтруизма! Я хочу, чтобы он понял — мы настолько сильны, что я могу позволить себе роскошь отпустить его на все четыре стороны...

Барон обратился к офицеру с просьбой отпустить комиссара из плена. Пожалуй, впервые за долгие годы я почувствовал радость.

— Поблагодарите своего господина! — сказал мне Рожков. — Быть может, я и доберусь до своих...

Он сдержанно поклонился, офицер сделал знак ему рукой, чтобы он уходил.

Рожков медленно, чуть сторбившись, не в силах, быть может, подавить в себе опасения выстрела в спину, пошел к лесу.

— Побежит или не побежит? — спросил, ни к кому не обращаясь, офицер, но барон больше не проявил интереса к Рожкову. Он поманил к себе пальцем веснушчатого солдата:

— А вы, юноша? Кто вы?

— Я из Засечья...

— Сибирь?

— Нет! Есть такая деревня за Рязанью...

— Почему сдался в плен?

— Я не сдавался! Я залег в окоп и дождался, когда ко мне подполз танк... Рванул гранату у него под брюхом... Танк завис надо мной... Окоп осыпался... Откопали, вот...

— Это может быть правдой? — спросил барон у офицера.

Офицер с готовностью ответил, что такие случаи известны в штабе группы армий.

Остался молодой человек в штатском.

— Кто вы? — спросил я его.

— Я секретарь райкома комсомола... — ответил он. — Нас было шестеро... Мы подбили два танка, расстреляли машину с автоматчиками. Когда отходили в лес, натолкнулись на засаду, пробились врукопашную, вот я и попался. Зубами будем грызть немцев — так и передайте!

Рамфоринх что-то шепнул офицеру и в раздумье подошел к машине.

Шорох шагов в пыли. Мерный гул движения массы. Пропыленные лица, бурые бинты...

Он постоял, глядя на колонну, и сел в машину.

Свернули на большак. Барон молчал. Я раздумывал, как выговорить возможность выехать с ним в Берлин. Что-то неуловимо изменилось в Рамфоринхе. Его парадоксы, его откровения и тогда не были бравадой, когда он приоткрывал мне скрытую расстановку фигур на европейской арене. Была в его словах и действиях несокрушимая уверенность в незыблемости его силы. Показывая мне, своему противнику, свою силу, свои ходы в игре, он даже наслаждался. Но что-то в нем изменилось. И этот опрос пленных. Могли они ему в действительности что-то подсказать? С какой жадностью он торопится заглянуть вперед! Молчание не может быть бесконечным. Я терпеливо ждал и дождался. Уже совсем другим тоном он вдруг произнес:

— Мы с вами сегодня заключили выгодную сделку.

— Мы с вами? — переспросил я с подчеркнутым недоумением, на всякий случай отстраняясь от того, что он попытается мне навязать.

— Да, да... Я понимаю... Вы не догадались. Но вы референт моего концерна. А я закупил для своих заводов вот эту партию военнопленных...

Чтобы поддержать его разговорчивость, я похвалил его за деловитость.

— Утром я совершил сделку с командованием...

— Вы утверждали раньше, что русские не могут быть квалифицированными рабочими в химической промышленности...

— Мы расширяем наше дело. Начинаем строить новые заводы. На стройке нужны землекопы, каменотесы и каменщики...

— И велика ли партия?..

Серые глазки Рамфоринха скользнули по моему лицу.

— Пока невелика... Для пробы... А зачем вам это знать? Это входит в круг ваших интересов?

— Вперед не угадаешь, что может оказаться в круге моих интересов... Мне сейчас очень хочется посмотреть на Берлин...

— Что же вас может интересовать в Берлине? Связь?

— Действительно, что может интересовать в Берлине? Все, что я вижу здесь, мгновенно меняется, и я никогда не успею за событиями. Мне хочется посмотреть, как берлинцы восприняли войну, послушать, что они думают о войне...

— Понимаю! Вас интересует, не встанет ли на защиту страны социализма рабочий класс Германии? Не встанет! Те, кто мог встать, в тюрьмах и концлагерях.

— Однако мне очень хочется побывать в Берлине... Хотя бы один-два дня погулять по городу...

Рамфоринх не спешил отозваться.

Опять долгое молчание.

— Хорошо! — отрезал он. — Вы поедете со мной в Берлин... Я хотел бы, чтобы в очень узком кругу моих коллег вы рассказывали бы все, что видели здесь, в России...

— Я! С каких же позиций?

— С позиций стороннего наблюдателя. С ваших позиций! Как вы видели начало войны. Мои коллеги не замешаны в массовом сумасшествии...

9

Гости Рамфоринха собрались в горной резиденции. В кабинете с гобеленом, на котором парил доисторический ящер.

Когда я вошел, они сидели живописной группой возле письменного стола. Каждый, я это предугадывал, был личностью в своей империи. Рамфоринх мне их не представил поименно. Некоторых я узнал, их лица иногда мелькали на фотографиях в газетах в разделах светской хроники. Иные и на эту известность

не претендовали, предпочитая оставаться в тени, довольствуясь необъятной властью, сосредоточенной в их руках.

Один был в форме СС, с высокими знаками различия. Он представлял здесь один из стальных концернов. Люди пожилые. Самому младшему — за пятьдесят с лишком. Они сдержанно потягивали коньяк, курили сигары. Рамфоринх объявил, что я готов любезно поделиться с ними впечатлениями о первых боях в России.

Я рассказал им, с каким восторгом солдаты переступили через советскую границу, однако не умолчал о сомнениях генерала относительно внезапности нападения. Не упустил я случая нарисовать им картину боя на лесной поляне, где пограничник отдал свою жизнь за несколько десятков немецких автоматчиков, вспомнил о танковом ударе под Пружанами и о том, как генерал дважды ввязывался в мелкие стычки в тылу немецких войск.

Слушали меня молча и довольно бесстрастно, ничем не выражая своего впечатления.

— Потери, потери, потери... — так я выразил свою мысль хозяевам русской промышленности.

Один из них задал вопрос:

— Не замечается ли разочарование у солдат?

Я должен был ответить правду.

— Нет! Солдаты все еще надеются, что вот-вот начнется развал русского фронта, как и во Франции...

— А он начнется? — бросил бригадфюрер СС.

Рамфоринх опередил меня:

— Я попробую сам ответить на этот вопрос. — Он нажал кнопку на столе, и в кабинет ввели красноармейца из рязанского села Засечье, веснушчатого паренька лет девятнадцати. На нем была все та же пропыленная, выгоревшая и прогорклая от пота и солнца гимнастерка. На ногах тяжелые солдатские сапоги. Ежиком стриженные волосы. — Солдат Артюхин... Из Рязани...

Артюхин повторил свой короткий рассказ о поединке с танком.

— Жажда самопожертвования? — спросил господин из «Рейн-металл Берзиг АГ».

— Если вы так поняли, — заметил я, — стало быть, я плохо перевел... Солдат Артюхин был уверен, что выйдет победителем из поединка с танком. Он утверждает, что все дело в ловкости и в позиции.

Сейчас же последовал вопрос от кого-то из гостей: а был ли случай, чтобы этот солдат победил танк?

Артюхин ответил, что ему удалось поджечь два танка. И он объяснил, как это делалось. А генерал недоумевал, почему он встречал обгоревшие танки без следов повреждения гранатой или снарядом. От Артюхина я впервые узнал, что против танков применяются бутылки с горючей смесью.

— Два танка... И еще один... Три танка! — констатировал Рамфоринх. — Один солдат и три танка... Этот солдатик беспокоит меня! Для того чтобы танк вступил в бой, нужно сначала до-

быть руду... Надо затем выплавить металлы, пустить его под прессы, обработать и превратить в механизмы и, наконец, эти механизмы собрать... Затем этот танк надо вооружить, заправить горючим и посадить в него несколько человек экипажа... И оказывается, достаточно против танка такого вот солдатики!

Артюхина увели, Рамфоринх отпустил и меня. Гости остались совещаться...

На другой день из Берлина я послал донесение в Центр с описанием этой встречи и с подробным рассказом об изменениях в настроении генерала. Я настоятельно просил установить со мной оперативную связь на советской территории.

10

Что могло изменить совещание в кабинете Рамфоринха? Собрались частные лица, выслушали русского пленного, мое осторожное сообщение и разъехались по своим резиденциям. Но я убежден, что солдатик из-под Рязани сыграл в истории войны предначертанную ему роль.

Наступление немецких войск продолжалось. Танки достигли реки Березины. Стрела танкового удара нацелилась на Могилев, а генерал не находил успокоения.

— Где русские, где их главные силы?.. — вопрошал он сам себя вслух. — Я не люблю двигаться в настороженную пустоту... Не города нам нужны, а сражения, сражения и только сражения...

К ночи в штаб группы поступило сообщение авиационной разведки о том, что части Красной Армии накапливаются в районах Смоленска, Орши и Могилева.

Генерал сделал отметки на карте и задумался.

Шел десятый день войны...

На десятый день на Западе танки генерала мчались, почти не встречая сопротивления, к побережью Ла-Манша. Впереди были Дюнкерк.

Десятый день войны, позади Минск, войска движутся на Могилев, на Смоленск, на их пути новый заслон, в тылу не прекращаются бои юго-восточнее Белостока и Гродно. Десять дней сражается белостокская группировка, отрезанная от тылов. Окружение?

Генерала нервнируют бои в тылу, он поучает своих офицеров:

— Окружением обеспечивается полное уничтожение противника. Бои не утихают, и несколько не спадает их напряжение. Мы несем потери. Если бы мы отеснили эту группировку — наши потери были бы меньшими...

Просторный зал несвижского замка Радзивилла успели переоборудовать. Зал обставили мебелью, полы застелили коврами. Но генерал был равнодушен к излишествах в походной жизни.

Он был человеком одной идеи, честолюбие превышало все иные страсти. В войне он искал славу полководца.

Ковер глушил его шаги. Он ходил вдоль зала и сам себе отвечал на мрачные мысли:

— Мы делаем ставку на распад в тылу у противника. Вперед и только вперед! Только вперед, не думая о неприятностях в тылу. Вперед, пока не подтянуты из глубины все силы противника. Или начнется крушение большевистского режима, или... Или мы получим затяжную войну!

2 июля генералу не удалось двинуть свои силы вперед. Сопровождение окруженной группировки Красной Армии в районе Белостока всерьез встревожило высшее командование. Из танковой группы были отозваны несколько дивизий и введены в развернувшееся сражение с окруженцами. Головная дивизия танковой группы достигла Березины под Борисовом. Генерал ожидал сообщений о форсировании Березины.

3 июля с Березины, из-под Борисова, пришли тревожные сигналы по радио. Это было похоже на сигнал SOS.

Текста радиogramмы я не видел, генерал объявил офицерам, что «русские сильно контратакуют». Он тут же приказал подать ему танк и выехал на Березину в сопровождении офицеров штаба.

Мы мчались к Борисову, к месту разгорающегося сражения.

По дороге, когда мы остановились на командном пункте корпуса, генералу сообщили, что под Борисовом контратакуют русские танки, поддерживаемые авиацией.

Я впервые услышал, что в атаку двинулись тяжелые танки, вспомнил, как два танка прошли под Слономом насквозь немецкую оборону.

Из-под Борисова неслись тревожные радиопеши: «Русские танки неуязвимы».

Генерал приказал выставить против них французские танки. К Борисову были тут же стянуты все силы воздушного флота, обеспечивающие группу армий «Центр». Генерал требовал беспрепятственно, чтобы был подбит хотя бы один русский танк и отбуксирован в тыл.

Продвижение через Березину в районе Борисова было приостановлено, немецкие части попятились, а генерал спешно снял часть войск с кольца окружения. Встречным ударом окруженные проткнули немецкую оборону, и в коридор устремились советские войска. Надежды на полное уничтожение окруженной группировки у высшего немецкого командования рухнули. На Березину пришлось стягивать две танковые группы, главную ударную силу всей группы армий «Центр».

Донесения с места боя шли очень противоречивые. Командиры танковых подразделений сообщали, что их атакуют крупные силы русских, равные чуть ли не танковой армии. Авиаразведка доносила, что в районе Борисова действует всего лишь дивизия.

На командный пункт к генералу прибуксировали советский подбитый танк. Впервые я услышал наименование Т-34. Откуда немцы установили его маркировку, я не знаю, но дело не в маркировке. Танк приволокли с оборванными гусеницами.

Генерал приказал поставить противотанковую батарею, зенитные орудия и три танка Т-IV, а также тяжелый французский танк Б на спешно оборудованном полигоне. Мотористы сняли мощность мотора Т-34 и танк выставили как мишень перед батареями.

Генерал сам бил по нему из противотанковых пушек. Все до одного выпущенные им снаряды попали в цель. На лобовой броне остались лишь отметины.

— Установить уязвимые места этого танка, доставить танк в Германию в распоряжение верховного командования! — приказал генерал.

Вечером, когда выдалась минута остаться нам наедине, генерал спросил меня:

— Зачем приезжал барон?

— Удостовериться, что в одном пункте план кампании исполнен, — ответил я осторожно.

— Я слышал, что он допрашивал пленных... Вы были у него переводчиком?..

— Я не назвал бы это допросом... Скорее, это была беседа.

— Я не знал, что вы в совершенстве владеете русским языком. Это делает честь барону! Он умеет выбирать себе помощников. Что его интересовало?

— По его вопросам об этом можно было только догадываться.

— Мои опасения подтвердились. Русские вводят в бой тяжелые танки... Это серьезно...

— Их должно быть очень мало.

— Никто из нас этого подсчитать не может. Сегодня выступил по радио Сталин!

Это было для меня новостью, никто из штабных офицеров об этом ничего не знал.

— У меня нет еще перевода, есть радиоперехват на русском языке. Вы могли бы мне перевести его выступление?..

Генерал протянул мне папку. Несколько страничек машинописного текста, я сразу охватил его глазами и чуть помедлил с переводом, вникая в смысл текста.

В тексте много ошибок, без знаков препинания, хаотически расставлены большие буквы.

Перевести текст и в таком виде, конечно, не составляло труда. Досадовал я, что не слышал голоса. После войны мне рассказывали те, кто слышал, что голос у Сталина пошатывался от волнения, что он пил воду и вода булькала в стакане. Сталин обрисовал опасность, надвинувшуюся на Советский Союз, провозглашая народную войну во всем ее объеме, призвал оставлять захватчикам выжженную землю. Война не на жизнь, а на смерть... Знать бы мне заранее, я сумел бы утром настроить ра-

диоприемник. По тексту я понял, что страна мобилизуется, что впереди еще ожидают нас тяжелые потери, но Москва смотрит с уверенностью в будущее.

Мне очень трудно было следить за тем, что происходит на других участках фронта. Обстоятельства вынуждали меня быть осторожным, я не задавал лишних вопросов, а со мной никто не делился планами высшего командования. Но я знал, что под Ленинградом идет не все так, как планировалось, что город не взят, а где-то в районе Пскова продвижение застопорилось, совсем незначительными оказались по сравнению с намеченным успехи под Киевом. Генерал как-то обмолвился:

— Наш старый друг фон Клейст как бы не оставил мне обнаженным правый фланг...

Фланг обнажался, фон Клейст никак не мог пробиться к Киеву.

Генерал и его командиры корпусов и дивизий рвались вперед, ожидая, что в глубине сопротивление Красной Армии ослабнет, но бои не утихали ни на одном из участков продвижения. И с каждым днем стрелки на карте, отмечающие пройденное расстояние, становились короче и короче. Генерал на ходу производил перегруппировку войск, высшее командование на этот раз, как и во Франции, начало склоняться к совместным действиям пехоты и танковых армий, опасаясь, что танковый прорыв может привести к катастрофе. 9 июля к генералу приехал командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Клюге и потребовал прекращения подготовки наступления на Смоленск до подхода пехотных дивизий. Но, видимо, опять незримо вмешались те силы, что стояли за спиной генерала и барона. Инерция успехов на Западе еще держала в плену всю армию.

10 июля танковые дивизии в нескольких местах форсировали Днепр, но взломать оборону не смогли. Они лишь просачивались сквозь боевые порядки Красной Армии. 13 июля на командный пункт пришла радиограмма из-под Орши, что русские применили какую-то сверхмощную артиллерийскую установку, которая несколькими залпами уничтожила больше пехотного полка и сожгла несколько десятков танков. Несколько залпов этой установки задержали наступление на всем участке.

Я тогда еще не знал, что это реактивные минометные установки, которые русские солдаты называли ласково «катюши».

16 июля немецкие танки ворвались в Смоленск. Для пропаганды немецкого оружия факт, конечно, знаменательный. Но генерал подчитал дни и часы. И получилось, что за шесть дней его войска реально продвигались лишь по двадцать километров в сутки, устилая дороги трупами, оставляя у себя в тылу факелы горящих танков.

— Мы превосходим русских по всем видам вооружения вдвое! В чем дело? — вопрошал генерала фельдмаршал фон Клюге. — Где ваши скорости продвижения?

Генерал ответил:

— Мы не во Франции, господин фельдмаршал!

Генерал пытался прорваться на Дорогобуж, чтобы замкнуть кольцо вокруг тех частей Красной Армии, которые сражались восточнее Смоленска. Но продвижение отмечалось только на мало-значущих участках фронта. Было похоже, что фронт стабилизируется. Дивизии доносили об огромных потерях, поступали известия о сосредоточении нескольких русских армий по линии Новгород-Северский, западнее Брянска, Ельня, Осташков.

Генерал попросил подкрепить его пехотными частями. Он усматривал в этом признаки перехода от маневренной войны к позиционной. Ох, как ему этого не хотелось, всякая задержка, всякий намек на стабилизацию фронта выводили его из себя. Но все его усилия двинуться вперед наталкивались на непробиваемую оборону. Он пытался хотя бы на каком-нибудь участке двинуть вперед танки.

23 июля на танковую группу обрушился контрудар из Рославля, немцы не успели отбить атаки и вернуть достигнутые ранее рубежи, как 24 июля, на другой день, под ударами Красной Армии фронт попятился под Смоленском.

Несколько дней шли изнуряющие бои под Смоленском, и 27 июля войска Красной Армии ворвались в город.

— И все-таки только вперед! Только в движении вперед наше спасение! — восклицал генерал у себя в штабе.

Я написал Рамфоринху записку:

«Господин барон!

В первые дни я никак не мог вынести заключения по интересующему вас вопросу. И немецкий солдат есть солдат, а не чудо, и когда его бьют, он бежит и впадает в панику даже при численном превосходстве и при превосходстве в технической оснащённости. Я вижу, как надвигаются призраки сражений, когда немецкое превосходство исчезнет...»

Советские войска вторично оставили Смоленск, генерал выехал в штаб группы армий, надеясь получить приказ наступать на Москву, но получил он иной приказ. Его главные силы приказано было завернуть на Гомель, круто на юг.

На Гомель — это означало, что танковая группа отклоняется от главного направления и возвращается по касательной назад опять же с боями. На ельнинском выступе немцы были атакованы столь активно, что им пришлось срочно снимать дивизии с других участков фронта.

Однако бои на ельнинском выступе еще не очень обеспокоили генерала, в большей степени его встревожил приказ повернуть на Гомель. Он сохранял надежду, что вмешается Рамфоринх и другие его покровители из числа хозяев Германии и приказ будет отменен.

Но до генерала дошло, что Гитлер пересмотрел его доктрину и считает, что крупные охватывающие операции танковыми клиньями не оправдали себя, что в России главной задачей должно быть полное уничтожение русских войск, что этого можно

достигнуть только созданием небольших котлов, ибо на борьбу с крупными окруженными группировками приходится отвлекать большие силы, и это может кончиться катастрофой.

23 июля он получил директиву от высшего командования в дополнение к плану «Барбаросса». Он ознакомил с ней офицеров штаба, побывала она и у меня в руках.

Вот этот документ:

«Решение о дальнейшем развитии операций исходит из предположения, что, после того как в соответствии с планом стратегического развертывания будет достигнута оперативная цель № 1, основная масса боеспособных сил русской армии будет разгромлена. С другой стороны, необходимо считаться с тем, что противник будет в состоянии организовать упорное сопротивление на важнейших направлениях дальнейшего продвижения немецких войск, используя для этого свои крупные людские резервы и введя в действие все свои силы. При этом следует ожидать, что наиболее упорное сопротивление русские будут оказывать на Украине, под Москвой и под Ленинградом.»

Замысел главного командования сухопутных войск заключается в том, чтобы уничтожить имеющиеся или вновь создаваемые силы противника и посредством быстрого захвата важнейших индустриальных районов Украины, районов, расположенных западнее Волги, а также Тулы, Горького, Рыбинска, Москвы и Ленинграда лишить противника материальной базы для восстановления своей военной промышленности. Вытекающие отсюда отдельные задачи для каждой группы армий и общая группировка сил будут сначала переданы по телефону, а затем и в детально разработанной директиве».

Я уже успел оправиться от шока, в который попал в первые дни войны, не ждал чуда, я ждал, когда блиц-криг превратится в затяжные военные действия. Я видел, что нашим сейчас очень трудно, но я видел, как теряет свою силу немецкий удар. Угнетающего впечатления это дополнение к плану «Барбаросса» на меня не произвело. Ни Горький, ни Рыбинск не казались и генералу реальной целью. Он надеялся достичь Москвы и ждал отмены приказа о повороте танковой группы на Гомель. Именно эта уверенность и побудила его начать силами группы наступление на Рославль. Отсюда, из Рославля, он собирался совершить прыжок на Вязьму, вырваться на московскую дорогу и устремиться к Москве.

А пока Рославль, поскольку через Дорогобуж прорваться не удалось.

Рославль... Небольшой городок, узел дорог юго-восточнее Смоленска в направлении на Брянск. Десна — восточнее, не очень она здесь широкая, но с глубокими омутами, с быстрым течением. Авиаразведка донесла генералу, что по Десне сооружаются укрепления уже с первых дней июля, что туда подтягиваются армейские силы русских. С Рославля дорога на Юхнов и на Москву.

Минск брали с ходу, двигаясь широким фронтом. Для того, чтобы взять Рославль ударом, нацеленным на узком участке фронта, генерал затребовал подкрепления своим танковым войскам. Его группе были приданы три армейских корпуса и кавалерийская дивизия, танковая группа превратилась в армейскую группу и выделилась в самостоятельное войсковое объединение.

На маленький городок были брошены сразу несколько корпусов. Генерал хотел стремительным броском избежать ударов во фланг.

Командиры корпусов и дивизий собрались на военный совет. Я впервые увидел, что далеко не все генералы разделяют доктрину танкового генерала.

Мне запомнился седой генерал, он командовал дивизией еще в первую мировую войну, читал лекции в военной академии. Пользуясь правом, которое ему давал возраст и опыт, он резко бросил, ознакомившись с планом операции:

— Авантюра! Танковая авантюра! Город мы займем. Спрашивается, для какой цели?

— Я объяснял, — спокойно и уважительно, несмотря на резкость оппонента, ответил мой генерал, — мне нужен плацдарм для прыжка к Москве...

— С прыжками, я думаю, надо было покончить во Франции... — парировал старик. — При такой концентрации танков и пехоты мы проткнем оборону русских. Город возьмем, в этом я не сомневаюсь. Но мы пренебрегаем главным законом всякого наступления. А этот закон гласит, что противник должен быть вытеснен со всей территории...

— Мы уже имели опыт таких операций и в России, — настаивал генерал. — Мы брали в клещи крупные силы русских.

— И сообщали о них как об уничтоженных частях... Я это знаю! — не сдавался старик. — И на бумаге оказалось, что Красная Армия уничтожена, а напряжение на фронте непрестанно возрастает. Окруженным может быть только тот, кто захочет быть окруженным. Мы захватили огромную территорию, и на всей этой территории до сих пор вспыхивают очаги боев. Сколько бы мы ни продвигались вперед, не уничтожив живую силу противника, мы все время будем идти с боями... пока они нас не измотают... Мы возьмем Рославль, а под Ельней не избежим неприятностей...

— Все математически рассчитано, — уже тверже ответил генерал. — Метод наступления танковыми клиньями — это математика! Если мы рассчитываем на крах России, то только танки дадут нам результат... Теснить и одновременно уничтожать противника у нас не останется сил и ресурсов...

29 июля к генералу прибыл шеф-адъютант Гитлера полковник Шмундт. Он привез дубовые листья к Рыцарскому кресту, но это было лишь предлогом, чтобы побывать в войсках автора танковой доктрины.

Генерал настойчиво доказывал полковнику, что выход из кри-

зиса в стремительном броске на Москву. Полковник внимательно его слушал, но не обронил ни слова одобрения.

31 июля генерал получил разъяснение к прежней директиве из группы армий. Наконец-то признали свершившееся. В служебной записке говорилось:

«Ранее намеченная задача — к 1 октября выйти на линию Онежское озеро — р. Волга — уже считается невыполнимой. Имеется уверенность, что к этому времени войска достигнут линии Ленинград — Москва и районов южнее Москвы. Главное командование сухопутных войск и начальник генерального штаба находясь в исключительно сложном положении, так как руководство всеми операциями осуществляется свыше. Окончательное решение о дальнейшем исходе операции еще не принято».

«Как бы этот документ доставить нашим» — было первой моей мыслью. Связи у меня так и не было.

Не впервой я задумался: а не перейти ли мне линию фронта, не взять ли в руки оружие, поскольку нет связи и я здесь ничем не могу быть полезен своим? Все ждал более существенных сведений, чтобы прийти не с пустыми руками. Нужны были оперативные планы наступления. Они мне в руки не попадали, пожалуй, этот документ был самым значительным из того, что я видел.

А между тем началось наступление на Рославль. Генерал поспешил в передовые части. По расчетам, он должен был настичь командный пункт танковой дивизии в одной из лесных деревенок. Оперативная группа и генерал в своем командирском танке легко добрались до этой деревни, но командного пункта дивизии не нашли. Направились к командному пункту армейского корпуса и его не обнаружили. Наткнулись лишь на конные дозоры, которые вели разведку местности. Генерал пришел в ярость.

— Пока они будут копаться с разведкой, — воскликнул он, — русские узнают об ударе!

По рации он связался с командиром танковой дивизии и приказал выступать.

На дороге к Рославлю конные дозоры нашли брошенные позиции русских. Танки устремились словно бы в пустоту.

Последовал приказ догнать противника.

Все было, как под Минском, под Смоленском, на многих дорогах у многих городов в первые дни войны. Танки, над ними самолеты, подвижная артиллерия, сзади бронетранспортеры с автоматчиками.

Дивизия продвигалась по дороге и параллельно дороге по просекам и по перелескам. Она продвинулась за час километра на три, подтянула тылы.

На широкую луговину перед лесом вышли немецкие танки, они медленно ползли, ощупывая каждую точку, растекаясь с дорог и просек.

С вышки, на которой расположился наблюдательный пункт корпуса, генерал и все, кто состоял в его свите, различали в бинокли каждую машину, даже человеческие фигурки автоматчиков.

— Как на параде идут... — заметил кто-то из офицеров, но фразы не закончил.

В лесу и за лесом, там, где в дальней дымке тонули очертания далекого города, разорвало небо и воздух, вздыбилась земля и потемнело над долиной небо. Все то мертвое пространство, которое было преодолено без одного выстрела, покрылось сеткой разрывов снарядов полевой артиллерии.

Старик, командир корпуса, ничего не сказал, должно быть считая, что не деликатно упрекать командующего, когда солдаты, загнанные в ловушку, умирают сотнями под прицельным огнем русских батарей. Он внимательно смотрел на командующего, как бы ожидая от него объяснений.

Артострел не стихал. Уцелевшие танки с трудом пробивались сквозь огонь, уползая назад.

Генерал приказал по радию ввести в бой вторую дивизию на этом же направлении. По трупам своих солдат, объезжая остовы обгоревших танков, останавливаясь на каждом заметном рубеже и проводя артиллерийскую подготовку, дивизия до вечера пробивалась через этот луг.

Бои шли всю ночь, генерал не покидал поле боя. Рославль — его замысел, и он не считался с потерями. К исходу второго дня наступления танки вошли в город.

Радости эта победа не принесла. Из-под Ельни поступали донесения, что атаки русских не прекращаются.

К генералу привели военнопленного из-под Ельни.

Солдат. Он был ранен и избит на допросах. Но напрасно. Откуда знать солдату, сколько и какие силы ведут наступление? Единственное, что из него выбили, это показание о приезде под Ельню генерала армии Жукова.

Контрнаступление под Ельней лишало смысла взятия Рославля.

Но генерал не сдавался, его приказы все еще нацеливали войска на Москву, штаб работал над подготовкой оперативных планов для каждой дивизии...

Командный пункт разместился в Рославле, в Рославле осталась и оперативная группа генерала, к которой я был прикомандирован.

Я решил пройти по улицам, присмотреться к тому, как приняты немцы, как расставлены в городе посты полевой жандармерии.

Жители попрятались, редкий прохожий появлялся на улице, возле комендатуры толпились какие-то подозрительные личности,

смахивающие на старорежимных чиновников или спекулянтов. Проконвоировали нескольких пленных.

В садах стояли замаскированные танки, на перекрестках маячили натрульные.

Я спускался по крутой улочке к речке. От церквушки, что стояла на половине подъема, отделился человек и вышел навстречу. Местный житель, в потертом пиджаке, в сапогах. Он держал в пальцах незажженную самокрутку.

— Простите, — обратился он ко мне, — в городе ни у кого нет спичек. Нет ли у вас огонька?

В первой же фразе слова пароля... Я почувствовал, что лоб покрылся испариной. Но пароля мало, он должен себя еще чем-то обнаружить. Я шарил по карманам. Сначала правая рука в правый карман пиджака, затем в правый карман брюк, затем левая рука в левый карман брюк. Это — ответ на пароль. Приглушенный голос:

— Никита Алексеевич! Вам поклон от Михаила Ивановича Проворова...

А вот это уже как гром... Я не верил своим ушам. Имя Михаила Ивановича Проворова мог назвать только близкий ему человек. Это был мой руководитель в Центре, старый друг моего отца. Это имя прозвучало надежнее всякого пароля. Однако я ничем не обнаружил своего волнения. Спокойно смотрел в немолдое лицо незнакомца. Его губы чуть заметно, но приветливо улыбались.

Я ответил отзывом, и мы не спеша пошли к берегу. Сели на перевернутую рассохшуюся лодку. Опасности в такой беседе на виду у всех не было. Подслушать нас здесь никто не мог.

— Мне поручили искать вас в этом городе, — начал он. — Я здешний житель, профессия моя бухгалтер, разведчиком сделали обстоятельства... Я вас увидел вчера возле штаба... Моя задача установить связь с вами... Все, что вы имеете сказать, у меня есть возможность передать в Центр.

— Рация? — спросил я его.

Он отрицательно покачал головой.

— Рации пеленгуются. Связь более надежная. Тайник — здесь и рация в лесу, в специальном отряде.

— Что вам еще известно обо мне? — спросил я его.

— Мне сообщили, что вас надо искать при штабе командующего. Должно быть, мне больше знать и не положено. Меня зовут Максим Петрович Веремейкин...

Когда Рославль оставляли наши войска, чекисты успели приглядеться, на кого можно положиться в подпольной работе. Среди них братья Веремейкины — егерь и бухгалтер.

Егерь остался в своей охотничьей избушке. Нашлись офицеры немецких тыловых частей, которые пожелали охотиться в местных лесах. Тут и пригодился старый егерь. Вопросов лишних он не задавал, в связях подозрительных не был замечен. Оба брата получили беспрепятственную возможность общаться

между собой, свободный выход из города в лес и из леса в город.

Не обошлось, конечно, без внезапных проверок. Несколько раз их обыскивали на постах полевой жандармерии, но охотника застичь врасплох не так-то просто. У егеря посылки мои забирали люди из разведотряда, а оттуда уже передавали в Центр.

Первая передача из Рославля пошла с сообщением о растерянности в высшем немецком командовании, с изложением указаний ставки об изменении целей кампании до зимнего времени.

Вернулся генерал мрачным и задумчивым. Он по-прежнему готовил свои дивизии к удару на Москву — расширил предмостные укрепления на Десне, вывел дивизии на исходные позиции для форсирования Десны, нацеливая их на укрепления по восточному берегу.

— Никто не хочет знать правды! — бросил однажды генерал. — Несколько лет тому назад я подал докладную фюреру, что Россия имеет на вооружении семнадцать тысяч танков. Меня высмеяли... На совещании в Борисове Гитлер заявил нам, что, если бы он знал, что у русских действительно много танков, он не начал бы войны с Россией.

Я не знал, куда уезжал генерал на совещание, не знал, что оно происходило в Борисове. Никто в штабе танковой группы не знал, что на совещании присутствовал Гитлер.

Раздумья, раздумья... Он начал задумываться еще на берегу Западного Буга, но все сомнения не мешали ему рваться вперед. Надежды еще не погасли. Он еще верил, что вот-вот поступит приказ наступать на Москву.

Все эти дни танковая группа топталась на месте, отражая контратаки Красной Армии на разных участках фронта. Ни на день, ни на час не стихали бои под Ельней.

11 августа высшее немецкое командование отклонило план наступления генерала, пока ничего не предложив взамен. Бои за Рославль, потери в этих боях оказались бессмыслицей, ибо взятие только этого города не обеспечивало фланга в случае движения на юг.

Генерал выехал в дивизии, которые успели выдвинуться на исходные рубежи для наступления на Спас-Деменск и Вязьму. Рубеж проходил по западному берегу Десны. На другом берегу стояли войска Красной Армии.

Мы за генералом перебрались в траншею первого ряда, на наблюдательный пункт танкового полка.

Прошло полтора месяца с субботы 21 июня, когда вот так же в бинокль генерал осматривал восточный берег Западного Буга.

Там смотрели в бинокли, нисколько не опасаясь. Здесь все было насторожено.

Восточный берег Десны с виду был мертв. Ни души. Зияли песчаными откосами противотанковые рвы, тянулись ряды колючей проволоки, вились змейками свежие выбросы песка из окопов и траншей.

Кто-то из высших офицеров неосторожно высунулся из-за бруствера. С того берега громыхнул залп, и мины разорвались метрах в пятидесяти от генерала, было убито несколько офицеров.

В бруствер, там, где на секунду появился шлем офицера, вонзились одна за другой несколько пуль. Стрелял снайпер. И опять все стихло, все замерло.

Мы ушли по траншее в глубину. Генерал наткнулся на заготовленные дорожные указатели с надписью «На Москву».

23 августа генерала вызвали в штаб группы армий «Центр», и там начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Гальдер объявил ему, что его танковая группа, а с ней и главные силы группы армий «Центр» поворачиваются на юг, в наступление на Киев, что наступление на Москву откладывается.

— Это означает, что мы вползаем в зимнюю кампанию, — бросил генерал Гальдеру.

— Почему вам надо называть все своими именами? — воскликнул в ответ Гальдер. — Все в ваших руках. Вы можете энергично поддержать фон Клейста и в течение нескольких дней овладеть Киевом, а там и Москва! Вы утверждали не раз, что ваши танки могут двигаться сквозь боевые порядки противника с такой скоростью, которую обеспечат их моторы!

— Вот и дайте мне двинуться на Москву! — ответил генерал.

— Тогда я, а не вы, назову все своими именами! — объявил Гальдер. — Фон Клейст собрал на гусеницы своих танков пыль со всех европейских дорог и завяз под Киевом и без помощи ваших танков и армий из группы армий «Центр» к Киеву не пробется. Неужели мне вам разъяснить, что это означает? Вы двинетесь на Москву с открытым флангом... И это будет последним движением вперед вашей танковой группы...

— Поход на Киев только затянет войну! — бросил генерал и сам испугался своих слов.

Присутствующие отвели от него глаза.

— Войну надо перенести в пространство! — неопределенно пробормотал Гальдер. — А впрочем, я вам предлагаю самому отстоять свое мнение перед фюрером... Быть может, он вспомнит ваши удачи во Франции!

Из ставки фюрера генерал вернулся с приказом двигаться на Украину.

Получить подлинник приказа, хотя бы на минуту в руки, я не имел надежды, да его в подлиннике не видел тогда еще и генерал. Но само по себе решение наступать на Украину уже заслуживало внимания. Мне было не трудно отпроситься в поездку в штаб танковой дивизии, расположенной близ Рославля, и по пути заехать в город. В тайник я заложил свою вторую посылку, просигналив об этом Максиму Петровичу.

25 августа войска танковой группы начали разворачиваться для наступления на юг, выдвигаясь на исходные рубежи.

Вечером мы вышли вдвоем с генералом на прогулку, неподалеку от его командного пункта.

— Они предали меня! — начал он без предисловий.

Было темно, и лишь звезды сверкали на облитом черном небе. Я не мог разглядеть его лица, да он и не смотрел на меня.

— Генералы всегда завидовали вашей славе! — подбодрил я его.

— Генералы будут теперь меня терзать за эту славу! Но дело здесь не в генералах... Хозяева Германии торопятся защитить лишь свои интересы... Им Киев, Украина, Донбасс нужны, чтобы вывезти оттуда все, что мы захватим... Сырье, машины, людей!

— Быть может, фюрер не хочет рисковать походом на Москву, не овладев Киевом и Украиной?

— Вся эта война за пределами разумного риска! Этого не может не видеть любой офицер с самыми начальными военными знаниями... Если мы потерпим поражение в походе на Москву, нам придется думать о линии обороны...

— Надолго ли? Ресурсы России неизмеримы...

— Для завоевателя оборона — это крах! Но если мы овладеем Москвой, то мы имеем шансы и на успех!

— Вы овладеете Киевом!

— Для Рамфоринха, Круппа и их круга! Они свое получают и могут спокойно взирать на нашу потерю! Когда во Франции я нарушал все правила ведения войны, они меня поддерживали у Гитлера, на этот раз у меня с Гитлером разговора не получилось...

Проверить его рассказ у меня никогда не было возможности. Но он разговорился, и, должно быть, какая-то доля правды в его рассказе была. Когда он прибыл в ставку Гитлера, его встретил главнокомандующий сухопутными силами фельдмаршал фон Браухич и строго предупредил, чтобы генерал не поднимал перед Гитлером вопроса о наступлении на Москву.

— Разрешите мне отбыть на фронт! Я тогда не вижу смысла в свидании с фюрером.

Как будто бы так ответил генерал... Но Браухич сказал, что свидание отменить уже нельзя.

Сделав доклад Гитлеру о состоянии танковой группы, генерал попросил пополнения людьми, танками, танковыми моторами, артиллерией...

Гитлер спокойно его выслушал, на просьбы никак не реагировал и спросил:

— Считаете ли вы свои войска способными сделать еще одно крупное усилие при их настоящей боеспособности?

Тут генерал не утерпел и, нарушая запрет главнокомандующего, выскочил со своей навязчивой идеей:

— Если войска будут иметь перед собой настоящую цель, которая будет понятна каждому солдату, то да!

Гитлер мрачно спросил:

— Вы, конечно, подразумеваете Москву?

— Да, Москву! Или мы одним ударом выиграем войну, или... Гитлер его тут же перебил:

— Мне известны все аргументы генералов за движение на Москву, но мои генералы ничего не понимают в военной экономике. Мне нужна Украина, нужны Донбасс и Крым...

Никто из присутствующих не проронил ни слова...

Я по-своему перевел смысл рассуждений о военной экономике, совместив слова Гитлера с прежними высказываниями Рамфоринха. Не рассчитывая на победу и опасаясь разгрома под Москвой, члены «кружка друзей» рейхсфюрера решили ограбить Украину и прорваться к ее сырьевым ресурсам: вывезти руду, уголь, хлеб, пока еще будет идти война.

Думаю, что это понимал и генерал, иначе он не сказал бы, что «его предали»...

12

Генерал никак не хотел в те дни сорок первого года взглянуть на события с общих позиций. Ему всегда казалось, со времен польского и французского походов, что он ведет авангард всех войск вторжения. Во Франции союзники Рамфоринха расчищали ему путь и торопили, чтобы не успели вмешаться патриотические силы страны. В России войска танковой группы генерала уже не могли быть использованы только для движения вперед.

У него отобрали танковый корпус — надо было под Рославлем и Смоленском сдерживать удары Красной Армии. Его танками усиливали полевые армии, которые местами с трудом удерживали захваченные позиции.

Но танковая группа была еще грозной силой, ее ударная мощь была еще способна не только на «крупное усилие», но могла сломить сопротивление не одной нашей армии, ибо немецкий корпус был по своему составу равен нашему армейскому объединению. Поддержанные авиацией танковые корпуса были способны на глубокие прорывы в нашу оборону.

Ничто так тогда не выводило из себя генерала, как замедление темпов. Июль и почти весь август эта армада топталась на месте, не проводя стратегических операций.

Движение на Киев началось 26 августа из Рославля. Я заложил посылку для Максима Петровича с сообщением о повороте армий к Киеву. Но я был уверен, что такой маневр не остался незамеченным командованием Красной Армии. Велась воздушная разведка, действовали партизанские отряды, шла интенсивная переброска войск по железным и грунтовым дорогам, а главное — ослаб натиск на центральных участках фронта.

После войны я узнал из докладной записки генерала армии Г. К. Жукова в Ставку, что он точно предугадал этот маневр противника.

Внезапным удар группы армий «Центр» на юг не был, но отразить его было не так-то просто.

Удар на Киев был таранным ударом, и сдержать его силами, которыми располагал Юго-Западный фронт, было невозможно.

Но уже 28 августа головной танковый корпус под контрударами частей Красной Армии остановился и даже перешел к обороне, а через два дня еще одна дивизия попала под контрудар и, оставив на поле боя десятки пылающих танков, откатилась на исходные позиции. В то же время усилился нажим советских войск из района Трубчевска, что сдавило левый фланг группы...

Развернулись бои за Новгород-Северский, но тут же опять продвижение танковой группы было остановлено контрударами. В это же время обострилась обстановка под Ельней, и генерал запрашивал обратно танковый корпус, который был взят у него для обороны от контрнаступления русских в районе Смоленска.

Корпус невозможно было вырвать из боя, генералу послали в помощь эсэсовский полк и мотодивизию. Мотодивизия не дошла до острия клина, ее срочно бросили под Ельню в мясорубку, которую устроила там немецким войскам Красная Армия.

Генерал не успокоился. 1 сентября он дал повторную радиограмму с требованием вернуть ему корпус и еще несколько танковых дивизий.

Я направил барону записку:

«Господин барон!

При тройном превосходстве в силах генерал не в состоянии сдвинуть свои войска с места. От прогнозов я воздерживаюсь, но полагаю, что, если Вы не хотите опоздать, настал час Вам действовать в своих интересах».

Рамфоринх вызвал меня на свидание в Рославль. Я привез ему свежие новости с ельнинского выступа. Потеряв до пяти дивизий и только убитыми около пятидесяти тысяч человек, немцы терпели там поражение. Рамфоринх мрачно выслушал меня и протянул мне мою последнюю записку.

— Что вы этим изволили выразить? Поподробнее!

— Ельня и есть подробность, — ответил я ему.

— Мне понятны ваши желания. В вашем положении я тоже желал бы прекращения войны. Вы не обязаны соблюдать мои интересы, от вас я ждал лишь объективных сообщений. Вы вознамерились оказать на меня давление. Для чего?

Я мог бы, конечно, заявить, что ничего, кроме объективной информации, моя записка не содержала. Но не за этим он пришел в Рославль.

— Вы сами сказали, что в моем положении вы желали бы прекращения войны. А в вашем положении?

— Сначала должны быть окуплены расходы! Вексель выдан, он должен быть оплачен. Гитлеру, если он прекратит войну, платить будет нечем!

— А если он ее проиграет?

— Быть может, и проиграет! Но не сегодня!

— Стало быть, должна платить Украина?

— Пока Украина.

— Армия, когда она начинает грабить, перестает быть армией...

— Армия уже не выполнила своего предназначения! Я не об этом беспокоюсь... Я хочу задать вам лишь один вопрос: предположим, некоторые лица вознамерились бы прекратить войну. Мне интересен ваш ответ. На каких условиях? Мы еще наступаем, и стратегическая инициатива в наших руках... Или, быть может, вы послали мне записку, снесясь со своими? Вам что-нибудь известно?

— Вы ждете контрибуции?

— Да, и значительной! Пойдут ли на это правители России?

— По-моему, не пойдут!

— Я думал, не направить ли вас с миссией получить ответ на мой вопрос... Мы обеспечили бы вам переход линии фронта... С бароном мне не нужно было играть в прятки. Не провоцировать же ему меня!

— Сумеют ли переправить вам ответ, не знаю...

— Не отозвать ли вас в Берлин? Можно подумать, как вам выехать в нейтральную страну.

— Мой запрос отсюда пойдет быстрее и дойдет надежнее...

Барон поднялся, давая понять, что разговор окончен. На прощание добавил:

— Кстати, о генерале! Он обратился и ко мне, надеясь на мое влияние... Здесь мы не можем распахнуть для него ворота в глубину страны, а войск для него взять неоткуда... В этой стране каждый несет свой груз тяжести и ответственности... В хоре голосов, поданных за эту войну, звучал и его голос. Ему не следует об этом забывать... А я вам разрешаю напомнить ему об этом! Подкреплений Гитлер ему не даст, он раздражен его медленным движением вперед.

Генерал между тем продолжал настоятельно требовать подкреплений. Офицер связи, прикомандированный от верховного командования к танковой группе, поддержал его просьбу на совещании в ставке группы армий «Центр». Офицер был тут же отстранен от должности. Никто не хотел расставлять точки над «и», рамфоринх требовали оплаты векселей.

Между тем застопорилось продвижение в междуречье Десны и Сейма. Генерал взял с собой всю оперативную группу и выехал к линии фронта.

На тактической карте мешанина. Часть войск танковой группы переправилась через Десну, часть войск Красной Армии еще держалась на правом берегу. Получился обычный для танковых маневренных действий слоенный пирог.

Генерал собрал все, что оказалось у него под рукой, и бросил в наступление на те части Красной Армии, которые вцепились в правый берег.

С наблюдательного пункта можно было разглядеть значительную часть поля боя. Советские части были стиснуты с трех сторон и прижаты к реке. Контратаковать они не могли, на это у них не было сил, но они и не пытались под ударами.

Наступление намечалось на утренние часы. Вечером генерал и его штаб рассматривали позиции. Поднимался туман над поймой, кое-где можно было разглядеть свежевырытую землю, царило полное безлюдье. Тишина. Все затаилось. Все зарылось в землю.

На рассвете на русские позиции обрушился артиллерийский удар. Вслед за этим пошли волнами пикирующие бомбардировщики. Казалось, что все там превращено в дым и пепел. Земля встала дыбом от разрывов.

— От такого огня, — сказал командующий артиллерией, — даже в бетонных укрытиях солдаты сходят с ума...

Как и всегда, отрепетированным сотни раз маневром ринулись вперед танки, пока самолеты пикировали на позиции. За танками выдвинулись бронетранспортеры с автоматчиками. Когда танки достигли первых траншей, тронулись бронетранспортеры.

В бинокль было видно, как «юнкеры» направились в глубину обороны, а по первым траншеям, утюжа их, прошли танки и двинулись ко второму ряду траншей, преодолевая с ходу противотанковые рвы.

Позиции оставались безмолвными.

Я смотрел в бинокль, не в силах оторваться от окуляров. Сердце сжималось тоской.

Хоть какая-нибудь надежда для наших солдат! Никакой... Слишком неравны силы.

— Оказывается, надо сделать усилие, и все становится на место, — сказал генерал командиру дивизии.

Танки вгрызались все глубже и глубже. Не доезжая первых траншей, остановились бронетранспортеры, из них высыпали автоматчики и в полный рост побежали за танками. Ближе, ближе. Чего им опасаться? Траншеи проутюжены танковыми гусеницами. После артиллерийского огня, после пикирующих бомбардировщиков, после танков кто же мог там уцелеть...

С наблюдательного пункта различить отдельные звуки боя было невозможно. Землю сотрясали бомбовые разрывы, били танковые пушки, слышался треск пулеметных очередей. Все слилось в сплошной гул.

Вдруг автоматчики залегли.

Генерал оглянулся на командира дивизии.

— Та же история! — ответил командир дивизии. — Они пропустили танки и отсекали пехоту...

— Поверните назад танки! — приказал генерал.

Но танки уже приблизились к лесу и начали вспыхивать один за другим, как факелы.

Они перестроились уступом и сделали еще один заход на ле-

сок. И еще раз смешался их строй, они поползли назад, петляя и обходя невидимые с наблюдательного пункта препятствия.

А на автоматчиков поднялась в контратаку русская пехота. Удар в штыки. Но этого удара не защищенные танками автоматчики не приняли, они побежали к бронетранспортерам, а в это время начала бить редкими залпами наша артиллерия из лесочка.

Генерал ввел в бой второй эшелон танков.

И тут все смешалось.

Второй эшелон был встречен артиллерийским огнем, лишь только достиг линии, занятой автоматчиками, а из леса выскочили несколько русских танков.

— Тридцатьчетверки! — крикнул командир дивизии. — И мы опять не можем на них бросить авиацию — своим достанется...

— Пусть всем достанется! — приказал генерал.

Пошла команда командиру эскадрильи «юнкеров». Но пока эта команда дошла, немецкие танки попятились, а наши тридцатьчетверки уползли в лес. Удар с воздуха пришелся по немецким танкам. Атака захлебнулась.

Генерал потребовал нового артиллерийского удара. Удар состоялся, но уже не в ту силу, с которой начинали артподготовку на рассвете.

— Атака пехоты! — приказал генерал. — Пока мы их не выбьем живой силой, танки не пускать!

— Потери! — заикнулся было командир пехотного полка.

— Во Франции командиры бригад шли впереди солдат! — бросил ему генерал.

Полковник молча проглотил упрек и вышел из блиндажа.

Пехотный батальон дивизии СС двинулся в атаку.

У каждого нашивка на рукаве, плечо в плечо. Поднялись из траншей и пошли в полный рост. Отборная гвардия, кормленные, поенные на захваченных землях, захваченным хлебом, грабители двадцатого столетия. Их и держали для таких вот минут, когда рассудок должен слепо подчиниться приказу. С ними и полковник.

Кто-то из офицеров льстиво заметил:

— Это гордый дух тевтонских рыцарей!

Не было только барабанного боя, его не услышали бы. Но впереди двигалось развернутое знамя со свастикой.

Ближе, ближе. Один батальон, за ним второй. Шли строем, в линейку.

За Крупна, за рурских магнатов, за денежные мешки, за гитлеровский престиж.

Артиллерия молчала, дабы не тронуть своих, молчали и русские позиции. Молча шли цепи атакующих. Но вот они открыли огонь из автоматов. Не по цели, огонь утешения. И эти автоматные очереди заглушили ударившие из траншей пулеметы.

В бинокль было видно, как редкостно ряды атакующих. Они не ложились, падали убитые и раненные.

Но побежали! Траншеи близки. Устилая трупами землю, рвались к траншее, к схватке. Навстречу взметнулись рыжеватенькие фигурки в гимнастерках. Встречная штыковая атака.

На какое-то мгновение человеческие фигурки смешались. Упало эсэсовское знамя. Стихли выстрелы, донесся далекий крик. И вот тевтонская гвардия побежала. Бегущие смяли ряды подошедшего батальона, не дали ему открыть огонь, и батальон ввязался в штыковой бой.

И в эту минуту выползли тридцатьчетверки из леса и в обход рукопашной схватки устремились на немецкие позиции, прямо на наш наблюдательный пункт.

Рота охраны залегла в цепь, а генерал кинулся к командирскому танку, он пошел впереди танковой колонны в контратаку на тридцатьчетверки, а волна отступающих уже захлестывала траншею.

Вместе с офицерами я сел в бронетранспортер, и он нас понес под защиту укреплений и танков.

Но и генералу в командирском танке пришлось ретироваться с поля боя.

Мы встретились вечером на командном пункте армии. Он вызвал меня на допрос пленного. Офицер, который обычно переводил, был убит.

Ввели избитого старшину, паренька лет двадцати двух.

— Ты показываешь, — начал генерал, — что против нас в районе Коропа действует одна дивизия...

— Я этого не показываю... Я не знаю... У меня была красноармейская книжка, и там сказано, из какой я дивизии и из какого полка.

Генерал подвинул к себе лист допроса, снятый с пленного еще в дивизионной разведке.

Прочитал вслух:

— Двести девяносто третья стрелковая дивизия...

— Так точно! — ответил старшина.

— Кто командир?

— Полковник Лагутин!

— Откуда он взялся, полковник Лагутин?

— Откуда берутся полковники? — ответил вопросом на вопрос старшина и пожал плечами.

— Раньше в боях участвовали?

— Нет, не участвовали!

— Не может быть, чтобы это была необстрелянная дивизия.

Старшина промолчал.

— Много танков?

— Много! — ответил старшина.

— Меня разведка уверяет, что там всего десятка два танков, а ты говоришь — много!

— Для нас и два десятка — много!

Генерал махнул рукой.

Пленного увели.

— Разведка уверяет меня, что там действует одна стрелковая дивизия русских и несколько десятков танков. Если это так, то очень плохо! Две наши дивизии не могут пробить ее оборону!

— При полном господстве авиации! — добавил я.

Генерала одолевали и другие заботы.

Танковому корпусу удалось под Трубчевском переправиться на восточный берег Десны, и тут же начали поступать радиogramмы, что корпус не в силах отразить контратаки. А к утру пришло сообщение, что корпус покинул левый берег и отступил.

После войны я нашел в дневниках начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Гальдера такую запись:

«...Танковая армия в ходе своего наступления через р. Десна своим левым флангом настолько вцепилась в противника, что ее наступление на юг приостановилось. Она вынуждена была даже оставить уже захваченные участки местности».

«Вцепились в противника». Я сказал бы: «сцепился с ней противник до рукопашной».

На 293-ю стрелковую дивизию полковника Лагутина генерал двинул три танковые дивизии, подтянул корпусную артиллерию, вызвал крупные силы авиации.

Он собрал стальной таран не меньшей силы, чем при форсировании Мааса по флешам линии Мажино.

В первый день этот таран потеснил дивизию и, осветив долину факелами горящих танков, прорвался на восточный берег Десны.

С наблюдательного пункта генерал следил за переправой, видел и я в бинокль все, что там происходило. Через противотанковый ров тапки прошли по заваленным в ров машинам и трупам своих солдат.

Дважды пятились танки, из полсотни машин на узком участке прорыва осталось семнадцать танков. Генерал вновь бросил их в атаку.

Танки прошли, но из семнадцати девять сгорели.

Генерал переправился на другой берег. Бой отодвинулся в глубину. Генерал пошел по полю взглянуть, кто удерживал атаку танкового полка.

Траншеи, несколько блиндажей, дзот с бревенчатым накатом, развороченный авиабомбой прямого попадания. Ни одного противотанкового орудия. Офицер для поручений насчитал девять трупов красноармейцев и среди них командира с двумя кубиками. В винтовках у них не оставалось ни одного патрона. Танк. Под танком красноармеец, разорванный на куски взрывом противотанковой гранаты. Раздавленный красноармеец и сгоревший танк. Девять человек, девять танков.

Генерал шел по полю боя. В сторонке, там, где траншея замыкалась разбитым блиндажом, вдруг раздалась длинная автоматная очередь. Генерал упал на землю, его прикрыли солдаты.

Мы прыгнули в траншею. Автоматчики открыли огонь по разоруженному блиндажу. Блиндаж молчал.

— Бронемашину! — приказал генерал.

К блиндажу двинулась бронемашина оперативной группы, поливая пулеметным огнем блиндаж.

Она подошла к блиндажу, расстреливая его из пулемета. За ней побежали автоматчики. У блиндажа разорвалась связка ручных гранат. Машина накренилась и вспыхнула. Автоматчики кинулись в блиндаж. Несколько очередей. И все стихло.

Генерал встал и подошел к блиндажу.

В разбитом блиндаже раненный в ноги лейтенант. У него были трофейный автомат и ручной пулемет с диском. Автомат и пулемет остались, но без патронов. Связкой гранат была разбита бронемашина, она же взрывом поразила и лейтенанта.

Один — и десять убитых автоматчиков, один — и разбитая бронемашина.

Генерал обернулся к командиру дивизии и процедил сквозь зубы:

— На Ромны!

Узкая полоска наступления, отмеченная пожарами и пепелищами, горящими танками, разбитой техникой. По этой дороге смерти генерал и его опергруппа двинулись ночью в Ромны. Генерал решил там обосновать командный пункт.

Он пришел к выводу, что фронт прорван и можно наращивать удар на Киев.

Позади Конотоп, перерезана дорога Киев — Чернигов.

Ромны были обозначены на оперативной карте как захваченный город.

К городу подъезжали ночью. Тогда еще не очень-то остерегались налетов советской авиации. Шли со светом. Но в город можно было въезжать с потушенными фарами: он горел со всех концов.

Опергруппа генерала двигалась как бы по стальному коридору между настороженно выстроившимися танками.

Танковые пушки били по невидимым целям, а быть может, просто для устрашения.

Вдруг откуда-то, словно из-под земли, из какого-нибудь подвала начинал бить пулемет. Пули цвкали по танковой броне и бронемашинам. Танки разворачивали пушки и били по пулемету. Но двигаться к пулеметной точке боялись.

Ни один танкист не решался выйти из машины, а на окраине то вспыхивала, то затихала перестрелка.

— Что происходит? Город взят или не взят? — спросил генерал у командира дивизии.

— Регулярных частей Красной Армии в городе нет! — ответил командир дивизии. — Но мы здесь встретили сопротивление...

— Партизаны?

— У партизан нет артиллерии, и они не сражаются в городах, Вооруженные жители...

— Разгоните эту шайку!

— Придется это сделать утром...

— Где мы разместим командный пункт?

— Здание школы...

К зданию школы связисты потянули провода, радисты установили радицу...

Над городом висел чад, танки не выключали моторы. Однако утром подошла еще одна танковая дивизия, и танки двинулись вперед. 293-я стрелковая дивизия как будто бы исчезла. Наступление сдерживали лишь несколько танков да налеты истребителей на танковые колонны. Генерал рвался вперед. В штабе произносилось слово «прорыв». Но официально никто не решался утверждать это предположение.

Сузилась полоса наступления. Местами танки выстраивались двойным рядом, и по этому бронированному коридору перебрасывалась на автомашинах пехота.

Танков было много, все они сосредоточились на узкой полоске, на фронтальное наступление они не решались.

В ночь на 18 сентября на командном пункте в Ромнах, где уже, казалось бы, воцарилось спокойствие, получили радиogramму, что восточнее города отмечено движение русских войск. К утру в городе слышалась канонада.

Генерал поднялся на пожарную каланчу. Оттуда просматривался город, его окраины и поле за городом. Сначала мы увидели отходящую немецкую пехоту. По городу ударила советская артиллерия.

Танковый строй прошили несколько тридцатьчетверок и отрезали отступающую пехоту, а потом из леса на поле высыпала кавалерия.

Тридцатьчетверки подавили пулеметные точки, и конники врубались в пехоту. Можно было видеть с расстояния в несколько сотен метров, как конница обтекает город.

Генерал спустился с вышки и нырнул в командирский танк. Опергруппа едва успела разместиться по бронемашинам. Поступил приказ отходить в Конотоп.

В это время я впервые увидел наши красноезвездные истребители. В колонне началась паника, немецкие танки расползались по лесу. Эх, если бы летчики знали, что в колонне движется чуть ли не весь штаб танковой группы во главе с командующим! Они были заняты поддержкой атаки конников.

Так впервые встретились на поле боя командир кавалерийского корпуса генерал Белов Павел Алексеевич и командующий танковой группой. Кто знал, что предстоит еще одна их встреча и еще один побег генерала от кавалерийской группы Белова...

18 сентября я порадовался за удар в Ромнах, а наутро пришло сообщение, что Киев оставлен нашими войсками.

В плен был взят командующий одной из наших армий, оборонявших Киев. Его привели к генералу.

— Можем ли мы ожидать общей капитуляции?

Командарм был мрачен, измучен бессонницей, но держался достойно и был скуп в ответах на слова.

— Капитуляция? Почему вы заговорили о капитуляции? — спросил он в ответ.

— Вы потеряли несколько армий! Украина открыта...

— Капитуляции не будет!

— Когда вы заметили мои танки?

— Обнаружили мы их восьмого сентября, но о повороте армий с московского направления мы узнали в первые же дни начала вашего рейда...

— Почему же ваши войска не оставили Киева?

— Таков был приказ!

— Вы командовали армией, вы — человек, сведущий в крупных операциях... Не считаете ли вы, что дальнейшее сопротивление Красной Армии приведет только к бесполезному кровопролитию?

— Мне грудно заниматься прогнозами, находясь в плену! — ответил командарм. — Однако могу я сказать: сопротивление еще только нарастает.

После падения Киева две трети всех войск Восточного фронта объединились для удара на Москву.

Усилилась танковая группа, пришли новые машины, острое удара медленно поворачивалось на северо-восток. Центром сосредоточения войск стал Рославль. Я воспользовался приездом в Рославль, чтобы отправить очередное сообщение в Центр через тайник Максима Петровича.

Удар на Орел и Брянск — такие я делал выводы. Но полагаю, что и на этот раз я не сделал открытия. Сосредоточение крупных танковых сил в районе Рославля не могло не быть отмечено нашей разведкой. А получится ли направление на Орел или Брянск — это зависело от многих условий, которые не могли быть предусмотрены не только разведчиком, но даже и командованием тех войск, которые шли в наступление, так же и командованием тех, кто оборонялся. Нельзя было подчинить единой воле миллионы случайностей.

Пришло известие, что приостановлено наступление на Ленинград, ибо командование группы армий «Север» заявило, что своими силами оно не может продолжать наступление. И из группы армий «Север» и из группы армий «Юг» перебрасывались крупные войсковые объединения для удара на Москву. Собралась армада, в которую Германия вкладывала все свои силы.

А для меня готовилась неожиданная встреча с моей юностью.

Штаб группы армий «Центр» 24 сентября нацелил танковую группу на Орел, Брянск, Тулу. Наступление было назначено на 30 сентября, на два дня раньше всей группы армий, чтобы иметь

в первые два дня поддержку всего воздушного флота Германии, сосредоточенного на Восточном фронте.

Под Ленинградом были полностью приостановлены наступательные операции, продолжал лишь свое движение вдоль побережья Черного моря фон Клейст со своими танками, используя успех под Киевом.

Танковая группа генерала получила пополнение и состояла из трех танковых корпусов, двух армейских корпусов, кавалерийской дивизии и различных частей усиления.

Три танковых корпуса можно было тогда приравнять по своему составу к нашим трем развернутым танковым армиям.

Тысячи машин и около тысячи танков были сосредоточены на узкой полосе в районе Глухова. Рука генерала на штабном совещании прочертила жирную черту на свежей карте. Стрела уперлась своим острием в Орел...

— А дальше? — спросил кто-то из командиров корпусов.

— Если к тому времени с Москвой будет решено фронтальным наступлением, мы поворачиваем на Горький... Если потребуются помощь для удара по Москве, то на Тулу и через Тулу на Москву...

В треугольнике Глухов, Брянск, Орел располагалось небольшое село. Обнаружить его можно только на тактической карте. Судьба связала меня с этим селом, окруженным Брянскими лесами, далеким от железной дороги.

Еще до начала испанских событий я побывал в этом селе.

...Шли маневры, в которых принимала участие и та воинская часть, в которой я служил. Это была десантная рота. По условиям военной игры воздушно-десантный полк был выброшен в тыл «противника». Небольшая ошибка в расчете, и меня с парашютом отнесло на лес. Я пытался, управляя натяжением строп, попасть на лесную поляну, но сильный боковой ветер сносил меня на макушки высокого сосняка.

Стремительно надвигалась земля, секунды оставались до посадки, под ногами мелькали разлапистые сверху сучья сосен, на полянке я успел заметить две девичьи фигурки в пестренках платьях.

Я попытался смягчить удар о макушку сосны, но ноги скользнули в хвою, меня ударило о ствол, и очнулся я на кровати, на мягкой пуховой перине, в крестьянской избе.

Стояла такая гнетущая тишина, что первой моей мыслью было: не оглох ли я?

В неширокое оконце, привычное для деревенских построек, падал яркий солнечный свет, пробиваясь сквозь занавеску и листву густого фикуса.

Я догадался, что это раннее утро. В окно были видны яблоны, осыпанные яблоками.

Горница невелика, я в ней один. Два шага от изголовья кровати до окна, дощатая перегородка, сосновые бревна горят, как янтарь.

Я прислушался еще раз, надеясь уловить хоть какой-нибудь звук, все еще опасаясь, не оглох ли. Тишина... И вдруг мягкий удар по полу, мягкий и пружинистый. Спрыгнула на пол кошка. Стало быть, не оглох.

Поглядел на себя. Руки поверх одеяла, попробовал шевельнуть ногой — не шевелится, боль пронзила до сердца...

Где-то за стеной скрипнула дверь, еще одна, легкие шаги, и в горницу вошла девушка. Ее глаза, черные, блестящие, как облитая росой черная смородина, встретились с моим взглядом, она улыбнулась, приложила палец к губам и села на стул возле кровати.

— Предупреждаю сразу! Разговаривать вам нельзя! Врач запретил! А теперь сделайте мне знак глазами, — вы слышите меня?

Я на мгновение закрыл глаза.

— Вот видите, какая удача! Врач очень боялся за ваш слух. У вас сильное сотрясение мозга, и вы очень долго пробыли без сознания... Еще перелом ноги... Нога у вас в гипсе...

Деловитость и строгость милой незнакомки были прелестны.

— Меня зовут Варей, — продолжала она почему-то шепотом. — Вы у нас в доме! В селе есть больница, но я сказала, что буду ходить за вами лучше, чем в больнице... Отец никак не хочет вас отпускать, пока не поправитесь... И еще мне будет помогать моя сестренка, Машенька. Она школьница, а я в Москве учусь... Нам сказали, что зовут вас Никитой Алексеевичем, что фамилия ваша Дубровин. Командир части приезжал на машине забрать вас в госпиталь, но вы... — Варя на секунду запнулась, перед тем как произнести трудное слово. — Врач сказал, что вы нетранспортабельны...

Мне хотелось узнать, в какой я деревне. Варя угадала мой вопрос.

— Это большое село, здесь центр колхоза «Заветы Ильича». Мой отец — председатель колхоза, Иван Иванович Хренов... Маму зовут Марья Ефимовна.

Обстановка была обрисована исчерпывающе.

В то же утро я перезнакомился молча со всем семейством. Пока я был оставлен на попечение сестричек. Вскоре приехала ко мне мать. Тогда она работала в Центральном Комитете партии.

До революции в селе было имение барона фон Дервиза, обрусевшего немца, выходца из Восточной Пруссии, крупного капиталиста и ученого человека. Он по доброй воле и желанию своему передал большевистскому правительству все свое состояние, вплоть до вкладов в иностранные банки, и стал учителем...

Его замок, сооруженный в конце прошлого века, вычурный и тяжелый. В двадцатых годах там разместили колонию для беспризорных, а позже открыли санаторий для детей, больных костным туберкулезом.

Надобно сказать еще несколько слов о младшенькой, о Марь-

юшке. Мать моя забрала ее учиться в Москву, чтобы не тосковала по сестре, а быть может, и потому, что очень она пришлась ей по сердцу своим характером.

...Пришел ответ на мой запрос по поводу реляций барона. Из Центра мне посоветовали передать фон Рамфоринху, что переговоры о прекращении войны возможны, лишь когда ни одного солдата не останется на советской земле, когда правительство Гитлера будет отстранено и Германия обязуется восстановить разрушенное.

Барону не сиделось в Берлине, он приехал на фронт в канун наступления.

Я ему изложил ответ Центра, внутренне ликуя над ним и надо всеми, кто стоял за его спиной.

— Недурно! — сказал он. — Условие первое — ни одного солдата на советской земле. Это разумно. Германия восстанавливает причиненный ущерб. Это меня не касается. Назовем это репарациями. Их выплачивать будет немецкий народ, но ни я, ни мои коллеги... А вот третий пункт, относительно Гитлера и его партии, — это сложнее. И мне с моими друзьями нелегко вырвать власть у него из рук... Но что вместо Гитлера? Что и кто?

Если мы устраним Гитлера и наци, то на их место придут или коммунисты, или социалисты... А этого ни я, ни мои друзья допустить не можем... Это посягательство на наши интересы... Наци несут не только завоевательные функции — они и охраняют нас от рабочего движения... Можете это передать и...

Барон замолк. Взглянул на меня своими бесцветными глазами и чуть заметно усмехнулся.

— А впрочем, не надо торопиться... Я чуть было не сказал, что вы свободны от обязательств, мною на вас возложенных. А это бы означало, что вам в танковой группе делать нечего... Но не надо торопиться!

Полоса для главного удара была определена лишь в несколько километров.

На рассвете ударила артиллерия. На позиции Красной Армии обрушился огонь в несколько сот стволов на один километр прорыва. Затем весь воздушный флот группы армий «Центр», усиленный за счет групп армий «Юг» и «Север», завис над позициями на восточном берегу Десны. Двинулись танки.

Танки первого эшелона рвались на минных полях, проваливались в рвы, за ними двинулся второй эшелон, и линия обороны была проткнута как раскаленным шилом. В какой-то мере это была для барона оплата по векселю.

В узкий коридор устремились моторизованные войска, танки растеклись по тылам Красной Армии. Они рвались вперед, сокращая и сжигая все на своем пути. Их фланги прикрывали эсэсовские части.

Три танковых корпуса, защищенные армейскими корпусами и эсэсовскими частями, устремились по направлению к Орлу, оседлав шоссею дорогу.

Впереди гремели бомбовые удары, над танковыми колоннами висели истребители.

Генерал и его опергруппа двинулись за наступающими опять по бронированному коридору, как это было в Ромнах.

Стрелу на карте генерал начертил значительно жирнее, чем это получилось в бою. Сунулись на Путивль, и танковый корпус целиком вынужден был повернуть обратно, сузив полосу прорыва. Под Штеповкой были начисто уничтожены два немецких пехотных полка.

В первый день танки прошли километров сорок в глубину, заняли Севск.

Барон собирался уезжать, когда ему кто-то сказал, что впереди «населенный пункт с немецким именем». Разведка установила, что имение это принадлежало барону фон Дервизу. Барон выразил желание осмотреть бывшую баронскую усадьбу. Оказывается, он слышал о немецком бароне, отдавшем свое состояние большевикам.

— Если он жив, мне любопытно было бы с ним встретиться, — сказал Рамфоринх. — Я вас попрошу быть у нас переводчиком, если он забыл свой родной язык в этом глухом и диком углу. Мне трудно понять психологию моего соотечественника... ..Следуя за опергруппой генерала, мы с бароном выехали в село ранним утром.

На въезде в село, на пригорке, с давних пор стояла ветряная мельница. Скорее всего, недосуг было ее разбирать.

На всхолмье, у ветряка, генерала поджидали командир корпуса и командир дивизии.

Село тянулось вдоль берега неширокой речушки и уходило на другой берег в гору. На горе поднимался своими шпилями из дубовой рощи замок Дервиза, виднелись арочные ворота в готическом стиле, жилые дома. Фермы стояли раньше вдоль берега. Не осталось ни одной животноводческой и хозяйственной постройки.

— Здесь выполнен приказ Сталина! — доложил командир дивизии. — Взорваны плотина и электростанция, сожжены все общественные постройки, в селе не осталось ни одного жителя. Замок пуст. В залах только детские кровати...

— А жаль, что не везде вот так же выполнен приказ Сталина! — с иронией произнес барон. — Долго им пришлось бы возрождать пустыню...

Генерал скосил глаза на барона, но увидел на его губах ироническую усмешку и промолчал. Потом он мне как-то заметил:

— Если бы был везде выполнен приказ Сталина, мы оказались бы в выжженной пустыне...

У ветряка вся эта живописная группа пережила неприятные минуты. В воздухе вдруг появилось несколько советских само-

летов. Они обрушили удар на танковую колонну, движущуюся по дороге. Барон имел возможность увидеть, как немецкие танкисты шарахаются от советских самолетов.

Генералу, барону и его штабу пришлось залечь в мокрые от дождя траншеи и окопчики. Но ради из командирского танка были вызваны истребители. Над селом разгорелся воздушный бой.

Три советских истребителя схватились с восьмеркой «мессершмиттов».

Я лежал в окопчике рядом с бароном. Он следил за боем.

Три советских истребителя устроили умопомрачительную карусель для восьмерки «мессершмиттов». Через несколько секунд вспыхнули два немецких самолета, черные точки летчиков отделились от машин, раскрылись над ними парашюты.

Остались шесть против трех. Ни один из шестерки не мог зайти в хвост советскому самолету. И вот еще два из шестерки задымились и отвалили в сторону, четверка вышла из боя. Советские истребители прошили над остатками колонны, поливая пулеметным огнем бронетранспортеры с пехотой, и ушли на восток.

— Откуда это? — спросил барон, глядя на генерала с нескрываемым удивлением. — Много ли у русских этих самолетов?

— Когда мы начинали, их почти не было, а теперь появляются все чаще и чаще... Я полагаю, что эти образцы вошли в серийное производство.

— Где? Украина в развалинах, мы под Москвой...

— Быть может, на Волге, а быть может, и еще дальше, в Сибири... — ответил генерал. — Мне довелось прочитать показания одного гражданского инженера. Он показал, что эвакуация промышленности на восток началась в первый же день нашего наступления.

— Я это знаю... Но когда же они успели? Вывести оборудование в массовом масштабе и монтировать его заново — на это нужны годы! Я не могу поверить в такую мобильность советской промышленности... Это, должно быть, работа сибирских авиазаводов...

— Не знаю! — сухо ответил генерал. — Но если они появятся над Москвой, а к ним еще и тяжелые русские танки...

— Что же тогда случится? — спросил Рамфоринх.

Генерал не ответил.

Двери во все дома — нараспашку. До прибытия саперов никто не решался зайти ни в один дом.

В домах мин не обнаружили. Колодцы завалены землей.

За несколько часов фронт значительно отодвинулся. Танки рвались вперед, торопясь оседлать шоссею дорогу. Но генерал, памятуя о своих приключениях, позаботился о безопасности Рамфоринха. Пустая деревня страшила.

Между танками медленно проползла в гору штабная машина. Остановилась у ворот.

Генерал оставил в распоряжении Рамфоринха старшего офицера из опергруппы.

Барон вышел первым, за ним офицер, потом уже и я.

Над воротами вывеска: «Детский оздоровительный санаторий». Расчищенная дорожка, умощенная булыжником, вела к подъезду.

Командир саперной роты отрапортовал офицеру, что замок проверен, мин нет.

Барон медленно направился к замку.

В замке чистота. Больничная чистота. В комнатах и залах детские кровати, на втором этаже классы, больные дети здесь и учились.

Все оставлено, никто ничего не убирал. На стенах географические карты, в шкафах книги, в ботаническом кабинете в неприкосновенности остались пезамысловатые коллекции насекомых и чучела лесных зверьков.

Барон задержался в учительской.

Просторный, полукруглый зал. Огромные окна открывали широкий обзор, из них видны парк, парадный въезд, кирпичный мост через речку, село, далекая пойма реки.

Барон остановился у окна. Подозвал меня.

— Фон Дервиз прекрасное выбрал место. Я здесь устроил бы себе охотничий замок. В лесах и на лугу запретил бы всякое появление двуногих, развел бы оленей, кабанов, лосей... Жизнь дается один раз! Каждый должен брать от нее все по своим возможностям...

Барон обернулся к офицеру:

— Вы сообщите по своей линии, что я беру это имение. Я в Берлине все устрою...

Барон обернулся ко мне. Улыбались его губы, глаза не улыбались.

— Вот видите, как все делается у людей дела! Через несколько дней я пришлю сюда рабочих, и замок приведут в надлежащий вид...

— Надеюсь, вы пригласите меня на первую вашу охоту?

— О да! Обязательно! — ответил с усмешкой барон.

— Когда ждать приглашения?

Барон был готов к этому вопросу.

— Ну, скажем, на первый зимний снег!

Барон прошелся по залу.

— Никогда не надо откладывать хорошие вещи. Сейчас попрошу очистить этот зал и расставить столы для дружеского обеда. Я хочу отметить свое приобретение...

Барон прогулялся по парку, осмотрел все постройки.

Мы стояли у окна в зале, когда на горке, на дороге, поднимающейся из села к замку, появилась странная процессия.

Двигалась колонна подвод, запряженных лошадьми. Эту процессию можно было назвать большим обозом. Десятка три подвод. На подводах дети.

— Что случилось? Что это за явление? — спросил барон, обращаясь к офицеру.

Офицер пожал плечами и пообещал немедленно справиться. Но я догадался и без его справки.

— Это дети из санатория! — ответил я барону и взглядом задержал офицера. — Все понятно. Они слишком поздно эвакуировались. Танки перехватили все дороги, и они возвращаются назад, а с ними, быть может, и учителя, и врачи...

Офицер подтвердил мое предположение.

— Такие вещи и раньше случались, — пояснил он барону.

— А дети больные, — добавил я. — Сами они ходить не могут... Здесь лечат больных костным туберкулезом...

— Кто лечит? — спросил барон. — Кто платит за лечение, хотел я спросить?

Но я помнил о своем положении при штабе генерала и не торопился с пояснениями.

— Должно быть, — ответил я уклончиво, — к нам сейчас явятся воспитатели... Они все и объяснят!

— Если вы окажете любезность быть переводчиком!

Барон, видимо, решил мелкими укулами вывести меня из себя. Он не мог не понимать моего душевного волнения в ту минуту, хотя и не знал, что это село близко мне не только как обычное русское село.

— Делегацию привести ко мне! — распорядился барон.

Обоз между тем на подъезде к замку был остановлен автоматчиками, офицер пошел передать распоряжение барона. Мы остались вдвоем.

— Вы всерьез решили сделаться хозяином этого замка? — спросил я.

Барон покачал головой.

— Вы неисправимы, мой молодой друг! В Германии такое имение стоит целого состояния, через администрацию я этот замок получу почти даром... Мне нравится здесь...

— Тогда я, вероятно, могу с вами говорить как с хозяином этого имения?

— Я понял вас! Вы будете просить разрешения разместить этих детишек в замке... Гуманность и прочее. Сначала послушаем их воспитателей!

Дверь открылась, и офицер пропустил вперед женщин. Они переступили порог и остановились, не зная, кто в зале главный, к кому обращаться. Офицер указал на барона. У меня возникли серьезные опасения: вдруг кто-то из них видел меня здесь до войны и узнает? Но никак я не ожидал того, что выпало на мою долю.

К барону подошли... моя мать и Марьюшка... У меня не оставалось времени не только что-то сделать, но даже обдумать свершившееся. Уйти я не мог ни под каким предлогом, ведь мне предстояло переводить.

Марьюшка здесь... Это еще объяснимо, она могла приехать к отцу, поступила воспитательницей к детям... Но как же оказа-

лась здесь моя мать? Как могло случиться, что ее застигли немцы?

Мгновения, отпущенные мне на то, чтобы опомниться, истекли. Мать обратилась к барону на немецком языке, назвав себя и Марьюшку воспитателями детского санатория.

— О-о! — воскликнул барон. — Нам не нужен переводчик!

Барон сдержанно поклонился.

— Я представляюсь вам! Барон фон Рамфоринх!

И тут он обернулся ко мне...

— Это мой друг... — произнес он, указывая глазами на меня. — Я иногда пользуюсь его услугами при переводе с русского...

Мать и Марьюшка оглянулись на меня.

Мне ничего не оставалось, как приблизиться к ним. Марьюшка тут же отвела взгляд, но мать, мать-то меня сразу узнала. Не дай бог, как говорится, пережить такое даже во сне...

Я знал ее выдержку — она ничем не показала, что узнала меня. Самое страшное мгновение проскочило. Но теперь ей предстояло преодолеть второй барьер, и не менее сложный. Перед засылком в Германию меня предупредили, что и она не будет посвящена, куда и зачем я уезжаю. Для нее я уехал в Испанию... Война в Испании давно окончена, я исчез, и вдруг здесь, рядом с бароном, да еще в роли его «друга».

Но я не заметил ни тени волнения на ее лице, она, конечно, мгновенно все поняла и сумела подавить волнение. Мать взяла Марьюшку за локоть как раз в ту секунду, когда она опять посмотрела на меня.

— Я предупреждала вас, Маша, — раздался неожиданно строгий голос матери. — Я вас предупреждала, что вы ничему не должны удивляться! Ничему! — повторила она с ударением.

— Переведите! — попросил меня барон.

— Я это могу сделать сама! — ответила мать. — Я предупредила свою спутницу, чтобы она ничему здесь не удивлялась... Она молода, не знает жизни, не понимает вашего мировоззрения...

— А вы знакомы с нашим мировоззрением? — спросил барон.

— Я — знакома!

— Вы немка?

Мать отвечала без промедления, навязывая стремительный ритм беседы:

— Нет! Но я много лет жила в Швейцарии и в Германии...

— Да, у вас прекрасное произношение...

Теперь я чувствовал по быстрой ее речи, что она в крайнем волнении, но боялся лишь за Марьюшку, что она не сможет понять мое появление.

— Политическая эмиграция? — спросил барон.

— Политическая эмиграция...

— Кто же революционер? Вы или ваш муж?

— И я и мой муж!

Зачем она все это ему говорит? В такой откровенности нет

никакой нужды, коммунисты никогда не вызывали симпатий у барона.

— Вы интеллигентный человек. Вы из дворян?

— Да, я из дворянского сословия...

— Коммунистка?

— Да!

— Итак, — продолжал барон, неуклонно продвигаясь к своей цели услышать откровения о войне, — вы заявили, что вам известно наше мировоззрение... С какой просьбой вы решили обратиться к нам?

— Теперь уже к вам, господин Рамфоринх, если только вы не однофамилец главы международного химического концерна...

— О-о! Вы знаете не только немецкий язык, вы осведомлены о германской промышленности... Я действительно... — барон помедлил, подыскивая слово, и вдруг улыбнулся, ему показалось, что он нашел остроумный ответ, — акула империализма, король вооружений, закулисный хозяин Гитлера. Я попятно выразился? Мне кажется, что именно так называют нас в ваших газетах...

— Приблизительно так! — согласилась мать. — Но я имею в виду то, что ваша власть выше военной власти. Мы просим вас разрешить оставить детей в помещении санатория. Мы не успели увести детей в далекий тыл... Танки нас обогнали...

— Разрешите поинтересоваться, а что за эту любезность будут иметь немецкие власти? Согласно нашему мировоззрению мы не занимаемся благотворительностью. Детей нужно кормить, им нужны медикаменты... На какие средства? Этот замок — наш военный трофей! Какая может быть с вашей стороны компенсация?

— Вокруг найдутся русские люди... Они помогут!

— Да, да... Русские крестьяне могут помочь детям. Но я не вижу развития этого альтруизма. Каково будущее этих детей? Они обречены быть инвалидами... В переустройстве мира, которое предпринял фюрер, инвалидам места не отведено!

— Вы рассматривали вариант победы Германии. А если поражение?

Барон обрадовался. Наконец-то он подвел разговор к вопросу, который его волновал.

— У вас есть основания предполагать, что Германия потерпит поражение?

— Предполагать? Нет, я уверена, что Германия мчится навстречу своей катастрофе!

— Откуда у вас такая уверенность? Наши танки в нескольких переходах от вашей столицы!

— Поставим вопрос несколько иначе, господин барон! На что рассчитывала Германия, начиная поход? На внезапность? Внезапность не имеет решающего значения при российских просторах!

— Численность населения, пространство, сырьевые ресурсы... Это все известно! Но если бы географический фактор был решающим, мы не знали бы ни походов Александра Македонского,

ни наполеоновских завоеваний, не Индия была бы английской колонией, а Англия индийской колонией!

— Вы очень обузили, господин барон, значение географического фактора... Куда вы дели психический фактор? За время своей истории русский народ не имел ни одного военного поражения... Даже так называемое монгольское завоевание имело весьма условный характер. Сложился тот психический склад у народа, который не воспримет никакого иноземного владычества. В момент, когда европейские государства капитулируют, в России только развернется во всей силе народное сопротивление!

— Промышленный потенциал... — начал было барон, но мать перебила его:

— Вот-вот! Это и сгубило Германию! Самоуверенность технократов!

— Мадам! Вы читаете мои мысли! Ваша промышленность получила такой сильный удар, что уже не оправится!

— Промышленность перебазировается на восток...

— Эвакуация! Но на это нужны годы!

— Нет! Не годы, когда над народом нависла угроза гибели! Через год, через два завершится перевооружение армии, и ваши танки утратят преимущество. Чем глубже вы проникнете на нашу территорию, тем дольше и ужаснее будет агония Германии!

— Искусство воевать тоже кое-что значит! — подбросил барон новую мысль.

— Рисовать разноцветные стрелы на картах? Это вы называете искусством воевать? Это еще не искусство! Высшее военное искусство — это иметь высокую цель в войне, понятную для каждого солдата! А что может быть выше, как отстоять свою национальную независимость, свою свободу, свою Родину, своих детей! Такой цели вы для своих солдат не имеете!

— От вас, наверное, скрыли, какое поражение понесла Красная Армия под Минском и Киевом?

— Это невозможно скрыть, иначе ничем не объяснишь ваше появление на Брянщине! Быть может, мы проиграем и еще одно-два сражения! Но не это изменит ход войны, и лишь одно проигранное немецкой армией сражение приведет ее к катастрофе!

Барон резко прервал полемику! Все, что он хотел услышать, он услышал. Вокруг этих вопросов он не впервые бродил, их он имел в виду, когда говорил мне, что поход в Россию — это поход через темный, неосвещенный коридор. Он переменял тему:

— Я не спешу запачкать руки жизнью этих детей! Но давайте вернемся к исходным позициям... Кто и по какому праву передал этот дворец, частную собственность фон Дервиза, большим детям?

— Дворец строился русскими каменщиками и русскими плотниками. С этим дворцом есть еще одна частность, которая вашим правом не отрицается...

Мать обернулась к Марьюшке.

— Марьюшка, — сказала она по-русски, — покажи письмо фон Дервиза... — И на немецком языке пояснила: — Это копия с письма Ленину хозяина этого замка... Подлинник хранится в Москве.

Листок, пожелтевший от времени, бисерный, твердый почерк, без помарок.

«...27 ноября 1917 года.

Господину Ульянову-Ленину, председателю народного правительства России.

Господин председатель!

Я, Людвиг фон Дервиз, прошу народное правительство принять от меня безвозмездно все мои промышленные заведения, земельные владения, конные и стекольные заводы, мои вклады в банки, в том числе в швейцарском и немецком.

Я считаю, что Вы нашли единственно правильное решение переустройства мира и покончили с положением, при котором собственность на землю, капитал, заводы и фабрики сосредоточивались в руках немногих, что не соответствует современному развитию цивилизации.

Прошу прислать ко мне уполномоченных лиц, чтобы все мое движимое и недвижимое имущество было принято по описи.

Мою усадьбу я хотел бы отвести под детские лечебные заведения.

Прошу предоставить мне возможность заниматься преподавательской деятельностью, соответственно моему званию магистра математики.

Людвиг фон Дервиз».

Перевел я и добавление, что подпись фон Дервиза заверяется председателем сельского ревкома Иваном Хреновым, учителем Дмитрием Вохриным и приходским священником отцом Савватием...

Барон внимательно осмотрел документ. Обычная его насмешливость погасла.

— Документ убедительный! — согласился он. — Имя фон Дервиза известно в Германии... Из уважения к его воле я разрешу разместить детей в замке... Жизнь прибьет их к своему берегу... Каждому свое... Но я хотел бы поговорить с вами...

Барон сделал знак офицеру, чтобы он и Марьюшка вышли. Меня он оставил.

Он пригласил мать за стол, открыл бутылку рейнского, налил в стаканы, бокалов здесь не нашлось.

— Вас не должно смущать присутствие этого офицера. — Он кивнул на меня. — Это мое доверенное лицо...

Барон сделал несколько глотков вина, спросил разрешения у матери закурить сигару.

— Неужели все учительницы немецкого языка так подготовлены к политическим спорам?

Мать уловила его иронию, но твердо шла к своей цели.

— А кто вам сказал, что я учительница немецкого языка? Я случайно оказалась здесь, у своих родственников, и пыталась спасти детей...

Барон осторожно положил сигару в пепельницу.

— Я опустил вопрос о вашем имени... Мне думается, назвав свое имя, русские люди будут чувствовать себя стесненно в своих высказываниях... Весо́мость ваших высказываний, однако, должна быть подкреплена именем...

Мать взглянула на меня и с этой минуты не сводила с меня глаз, как бы ожидая моего предостерегающего знака, выверяя по моим глазам, не совершает ли она ошибки. Мне в ту минуту все было безразлично, кроме ее безопасности.

— Я шла навстречу этому вопросу, господин Рамфоринх!

Я чуть прикрыл глаза, давая ей понять, что она может говорить все, что сочтет нужным.

— Мне никак не удалось бы скрыть своего имени, ибо меня знают и воспитатели, и дети... Мне известно, господин Рамфоринх, какими узами связаны моя и ваша семьи...

— Через эту бумажку? — Барон небрежно подвинул конверт с письмом Дервиза к себе. — Я не состою в родстве с Дервизами...

— В Испании, господин Рамфоринх, ваш сын был взят в плен республиканскими войсками...

Я обомлел. Стало быть, ей все известно!

— Да, да, — говорила она, обращаясь больше ко мне. — Мне это стало известно значительно позднее тех событий...

Барон мгновение молча смотрел на нее, обернулся ко мне. В его серых глазах настороженность и удивление.

— Я вижу рядом с вами моего сына!

Мать встала, я шагнул к ней навстречу, потянулся ее обнять, но она удержала меня, крепко сжала руку, и я первый раз в жизни увидел в ее глазах слезы.

Барон тоже встал, быстро прошел к двери, распахнул ее, удостоверился, что около двери никого нет, вернулся к столу. Он не мог подавить охватившее его смятение и молча смотрел на нас. Наконец уронил:

— Случайность?

Взгляд его серых глаз был холоден и строг, это признак гнева. В гневе и в раздражении он никогда не повышал голоса.

— Случайность на фронте протяженностью в тысячи километров?

Ну что же? Быть может, наступил и конец. Что стояла моя безопасность, если в опасности мать и Марьюшка. Никаких возможностей воздействовать на то или иное решение Рамфоринха я не имел. Что я мог противопоставить его неограниченной власти? Даже если бы он и не воспрепятствовал бы моему допросу в гестапо, мой голос не был бы услышан. И если бы следователь гестапо вдруг осмелился бы меня выслушать, вслед за мной и он был бы уничтожен, как и я. И каждый, кто прикоснулся бы к

тайне моих связей с бароном, исчез бы из жизни. Только одно могло спасти мать, Марьюшку — его интересы, судьба его сына.

— Вам неизвестны некоторые обстоятельства, господин барон. Шесть лет назад я был в этом... селе.

— Подожди, Никита! — остановила меня мать. — Мне показалось, что ты о чем-то просишь господина Рамфоринха! Господин Рамфоринх, мы сейчас, конечно, в вашей власти... Но мой сын возле вас. И концы этой связи не здесь, и они недоступны и неподвластны вам!

— Вы меня пугаете? Вы мне пытаетесь угрожать?

— О нет, господин Рамфоринх... Просто объективная оценка сложившейся ситуации... Вы ищете выхода из этой ситуации. Я вам его подскажу! На короткое время устройте здесь детей... Учителя сумеют их развести по домам... Я уйду, уведу с собой эту девушку, и никто никогда из ваших не найдет меня...

— Куда вы уйдете?

Мать подошла ко мне, барон отвернулся к окну.

— Как и куда ты пойдешь? — спросил я ее. — Это трудно...

Барон резко обернулся:

— Вы можете помочь матери?

— Могу! Если бы нашлись средства переправить их в Рославль.

— В Рославль вы проводите их на моей машине, и под охраной...

К барону вернулось самообладание.

— Пусть мое решение подтвердит мою веру в победу Германии. Сильный может себе позволить отпустить на свободу противника... Обладание властью иногда доставляет удовольствие показать эту власть!

Барон распорядился разместить детей в санатории. В Рославль поехали две машины. Впереди представительская машина барона, сзади штабная легковая машина, впереди два танка и бронетранспортер с автоматчиками, сзади три танка и два бронетранспортера с автоматчиками. Насторожены были посты полевой жандармерии и гарнизоны узлов немецкой обороны. Короля химической промышленности охраняли, и никто не пытался даже поинтересоваться, кто едет в сопровождающей его машине...

В Рославле все оказалось труднее, чем я мог предположить. Связаться с Максимом Петровичем нетрудно. Но как вывезти из города двух женщин? Город оцеплен и охраняется. Выйти двум путницам не разрешили бы... Вывезти их Максим Петрович не мог. Договорились с ним, что мать и Марьюшка должны оказаться в деревушке километрах в десяти от города, куда немцы без особой нужды избегали заглядывать. Пришлось еще раз просить барона о помощи.

— Сделав первый шаг, от второго шага не отказываются, — ответил он мне. — Я все пресек бы, если бы все еще не нуждался в вас...

Я еще раз имел случай убедиться, что тайная власть выше власти явной. Мать и Марьюшку переправили в деревню. А сутки спустя я получил через тайник уведомление от Максима Петровича, что они «на месте»... Это означало, что они в партизанском отряде...

14

Танки генерала ворвались в Орел и повернули на Тулу. Настроение его опять приподнялось. Он поделился со мной известиями, что главные силы группы армий «Центр» завершили окружение крупной группировки Красной Армии в районе Вязьмы и нацелились на Москву.

Я поймал несколько его фраз, которые могли свидетельствовать, что он вновь уверовал в свою доктрину неотразимости танковых прорывов в глубокие тылы противника. Он уже не столь критично отнесся и к задаче, начертанной ему в указаниях из высших штабов, — спешно замкнуть кольцо на востоке от Москвы с соседними танковыми группами, наступающими севернее столицы. Разведка ему доносила, что вплоть до Тулы не замечено серьезной группировки Красной Армии.

Казалось бы, все складывалось в лучшем для него варианте — танки оседлали дорогу и движение шло по открытой сухой местности, без болот, по осенним укатанным дорогам. В Орел танки ворвались внезапно. Когда первые танки выскочили на городские улицы, еще ходили трамваи.

Передовой командный пункт разместился в здании городского Совета, позже туда перебрался и штаб танковой группы.

На другой день пришло донесение, что танки выступили на Мценск.

Военная комендатура устроила генералу встречу.

Отыскался в городе бывший генерал царской армии, бодрый старичок лет семидесяти. Вид он имел совсем не генеральский. Худой, суетливый. Работал он в какой-то конторе делопроизводителем, помнится, чуть ли не в домоуправлении.

Наш генерал принял его соответственно давнему званию, и «бывший» легко и без усилий вошел в свою роль. Одет он был в скромненький пиджачок, изрядно потертый на локтях. Под пиджачком черная сатиновая косоворотка, подпоясанная плетеным шелковым пояском. Но осанку он сумел принять, и откуда взялся низкий и отлично поставленный баритон.

— Ну вот, свершилось! — объявил этому «бывшему» генерал. — Мои танки на подступах к Москве... Полагаю, что им остались один или, на крайний случай, два перехода... Я жду с минуты на минуту сообщений, что они возьмут Мценск... Вы рады?

— Чему? — спросил суховато гость.

— Как мне вас понять?

— Я — старик... Я могу лишь радоваться, как божьему дару,

каждому новому рассвету в моей жизни... Мои страсти давно похоронены... Обо мне что за речь!

— Но вы можете радоваться за Россию! За ее судьбу!

— За Россию, покоренную Германией, я не могу радоваться!

— Неужели в вас угасло чувство справедливости!

— Какой?! Лет двадцать назад, быть может, вы и нашли бы тех, кто вас ожидал... Встретили бы вас с ликованием, чтобы потом разочароваться и повернуть против вас штык. Теперь никто вас, кроме лицепных разума и чести, и не ждал. Мы пережили самые трудные годы, мы справились с ужасающей разрухой... И сейчас вы не найдете человека, который не понимал бы, что участие в разрушении России приняла и немецкая армия в годы гражданской войны... Мы вырвались из тьмы; встали на ноги, ваш приход отбрасывает нас на двадцать лет назад! Чему же радоваться?

— Быть может, действительно ваш возраст убил все желания?

— Нет! — живо перебил генерала гость. — Не все... Я не желаю войны, у меня внуки на фронте и сражаются против вас... Я не желаю войны, я не желаю поражения армии, в которой сражаются мои внуки...

— Я полагаю, что и тут от вашего желания ничего не зависит?

— Так же, как и от вашего! — твердо ответил гость. — Я вам как солдат солдату скажу прямо... Германия никогда не сможет одержать победы над Россией... Это исключено самой природой русского народа и всего его исторического предначертания! Этого не может быть! И все тут! И сколько бы вы ни захватили наших городов, грядет страшная расплата! Мне нечего терять! Я старый человек, и вы не сможете зачислить в свои подвиги мою смерть или мои муки... Вы в Орле, мне это горько, но уверенности, что вы отсюда уйдете, у меня не убавилось...

Не получилась беседа.

Однако настроение у генерала испортилось не от этого. Он уже успел послать в генеральный штаб донесение, что его прорыв на Орел создал классический образец танкового наступления. Он указал в донесении, что впереди, на его правом фланге, нет войск противника. А к вечеру поступило сообщение авиационной разведки, что в районе Мценска появились части Красной Армии, что там идет концентрация войск, что под Мценск войска перебрасываются и на самолетах. С «классикой» не получилось.

Донесение было получено к вечеру, а вечером в город ворвались советские танки.

Из них два тяжелых танка генерал видел из окна командного пункта. Танки промчались, сокрушая на своем пути автомашины и бронетранспортеры с автоматчиками, двигавшимися к выходу по направлению к Мценску.

На северной окраине города началась ожесточенная канонада. На узких улочках города невозможно было развернуть крупное танковое соединение. Два тяжелых советских танка уничто-

жили более десятка немецких танков, а на выходе из города была остановлена крупная немецкая танковая колонна, в несколько секунд сгорело несколько танков, и командир дивизии отдал по радию приказ оторваться от противника и отступить в город.

Над городом занимался дождливый рассвет. По шоссе двинулись к Мценску мотоциклетные дозоры. Они донесли, что шоссе свободно, русских танков нигде нет. Генерал приказал выдвинуть к Мценску полк моторизованной пехоты, который взял бы под свою охрану шоссе Орел — Мценск.

После дозора и в полной уверенности, что ночное происшествие чистая случайность, командир полка двинул бронетранспортеры, автомашины и артиллерию по шоссе. Он спешил к Мценску.

Но полк не ушел далеко из города.

Советские танки опять совершили внезапный налет с правой стороны шоссе из оврагов, поросших густым орешником. Они выдвинулись на обочину шоссе и беглым огнем подожгли сразу несколько танков, разбили и расстреляли несколько бронетранспортеров. Ни вперед, ни назад двинуться было невозможно. Немецкие танки устремились с шоссе на дорогу, но на другой стороне шоссе были встречены таким же беглым огнем из леса. Началась паника. Танки и бронетранспортеры пытались развернуться на шоссе и подставили себя под огонь из засады. На дороге вырвались русские танки и начали утюжить пехоту, давить орудия, тараном разбивали бронетранспортеры.

Командир полка успел сообщить по радию, что наткнулся на «значительные танковые силы русских». Генерал поднял в воздух пикирующие бомбардировщики. Они проложили ковер смерти вдоль шоссе. Но наземная разведка не обнаружила ни одного сгоревшего советского танка.

Можно было бы обвинить командира полка, что ему все приснилось, но его нигде не удалось обнаружить. Ни среди спасшихся бегством и уцелевших от пулеметного огня, ни среди убитых.

Я заметил, что на этот раз генерал не торопился осмотреть поле боя. Потерь у русских не было, так гласило донесение об этом бое, а потери колонны, выступившей на Мценск, были небольшими. Десять танков, два тягача с противотанковыми орудиями, пять автомашин с пехотой и несколько сот солдат.

Генерал сообщил накануне, что его передовые части входят в Мценск, а тут надо было пробиваться из Орла.

Не решаясь двинуться по прямой на Мценск, командир дивизии двинул танки в обход шоссе, чтобы вырваться на него в тылу неуловимого подразделения русских. Авиаразведка донесла, что русские установили оборону в пяти километрах юго-восточнее Орла. Туда и были брошены до пятидесяти танков, сотня бронетранспортеров с автоматчиками, с противотанковыми орудиями на прицепе.

Генерал с нетерпением ждал сообщений о прорыве обороны

русских и об уничтожении появившегося у него на фланге танкового подразделения.

Он распахнул окна здания горсовета и слушал бой. Канонада доносилась до центра города вполне отчетливо. Опытное ухо могло без труда установить, что идет интенсивная дуэль танковых пушек. В наступление двинулись два танковых полка. Но через три часа они запросили помощи, сообщив, что атакованы с флангов превосходящими силами русских.

— Этого не может быть! — кричал в телефонную трубку генерал.

Я еще не видел его в таком раздражении. Впервые на моих глазах он пригрозил командиру дивизии военным судом.

До вечера прорыва так и не состоялось. Потери — восемнадцать танков, до десятка требующих ремонта, несколько сот солдат.

Генерал потребовал, чтобы любой ценой был схвачен «язык».

Ни авиаразведка, ни наземная разведка не могли внести ясности в обстановку.

На другой день генерал собрал двести с лишним танков и попытался осуществить прорыв по прямой на Мценск.

Бой на этот раз развернулся на шоссе, точнее, сбоку от шоссе, в районе Нарышкина.

Разведка установила, что сбоку от шоссе оборонительные позиции заняла русская пехота.

Командир дивизии счел необходимым обезопасить свой фланг.

Впереди двинулись мотоциклы, сзади танки. Они тащили на прицепе противотанковую артиллерию, за ними бронетранспортеры с пехотой. Таран осуществляли танки Т-IV.

Мотоциклистам пришлось тут же попятиться под огнем русских. Танки двигались, стреляя на ходу. Генерал выехал к месту боя.

Страшно было смотреть на эту лавину стали даже со стороны. Казалось, ничто не могло ей противостоять. И действительно, с ходу, не прекращая ураганного огня, они ворвались на русские позиции. Видно было в бинокль, как они утюжат окопы. Не пехоте же их остановить!

И вдруг из-за холма, из какого-то укрытия выкатились всего четыре танка, всего четыре тридцатьчетверки... Они ударили с фланга, их огонь приходился по бортам немецких Т-IV. Огонь с расстояния в бросок гранаты. Но четыре танка против сотни! Немецкие танки развернулись и двинулись в обход тридцатьчетверок. Но тридцатьчетверки не попятись. Они промчались вдоль строя немецких танков и исчезли так же мгновенно, как и появились.

Вдруг совсем с другой стороны такая же стремительная четверка. Я даже был готов подумать, что это те же танки. Но уж очень быстро они изменили позиции, действуя как в хорошо отрепетированном спектакле. Они вновь прошли по флангу танковой армады и оставили пятнадцать горящих танков. А в это

время с другого фланга последовал столь же стремительный налет.

Я уже знал от генерала и его командиров, что тридцатьчетверку немецкий танк мог поразить, только зайдя ей сзади. Но советские танкисты не подставляли спины, они все время шли сбоку от немецких танков, поражая их в самые уязвимые места.

— Они кое-чему научились! — выдавил из себя генерал.

Он приказал прекратить атаку и сосредоточиться для нового рывка. На этот раз в броске должны были участвовать двести танков и сто бронетранспортеров с пехотой.

Шел дождь, подступали осенние сумерки. «Юнкерсы» ничем не могли помочь танкам. Но двести танков и без «юнкерсов» сокрушительная сила.

Командир дивизии явился к нам на наблюдательный пункт с донесением, что все силы дивизии сосредоточены для атаки, что они должны ударить почти в одну точку. Он даже осмелился спросить, не сядет ли генерал в свой командирский танк посмотреть, как будут сбиты позиции русских. Генерал колебался. Еще дребезжали сумерки, но уже расплывались далекие очертания перелесков. Вдруг дрогнула земля, и откуда-то из-за пригорка возник оглушающий рев и свист. Стало светло как днем, огненные кометы опоясали землю. Рев нарастал, как в кошмаре. Генерал и несколько офицеров из опергруппы сидели в надежном убежище, в километре от сосредоточившегося для атаки танкового тарана.

Опытный глаз уловил, что удар огненных комет пронесится мимо, а если бы и не пронесился мимо, то и на землю падать в блиндаже не имело бы смысла.

Взрывы слились в один сплошной звук горного обвала. Вспыхнула земля, залясали языки жаркого пламени. В общий грохот ворвались звуки рвущихся боеприпасов. Горели танки... Горели, как подожженные солнечным жаром. И огонь-то был необычным, языки пламени имели странный голубоватый оттенок.

Генерал, ни слова не обронив, стремительно выбежал по ступенькам из блиндажа. Внизу, в долине, где сосредоточились танки для атаки, все пылало и плавилось...

— Я слышал об этом под Ельней! — обронил он сквозь зубы. — Без разведки ни шагу вперед! Боюсь, что Советы здесь успели против нас выставить танковую армию...

Ночью генерал продиктовал письмо в ставку. Он потребовал приезда из Берлина комиссии, которая удостоверилась бы в превосходстве над немецкими танками советских тридцатьчетверок.

Утром пришло донесение о потерях: сорок три танка немецких и два русских...

Командир дивизии казался потерянным. Я его помнил по первым дням наступления, помнил под Ромнами. Таким его видеть не приходилось. Он не мог скрыть душевного потрясения.

— Вас смутило новое оружие русских? — спросил его генерал. — Никакое оружие не может изменить соотношения сил...

— Мастерство их танкистов, — парировал полковник, — это уже постоянно действующая величина... Они бьют из засады, а мы гоняемся дивизией за несколькими танками... Я не верю, что перед нами танковая армия... Несколько десятков танков остановили дивизию...

— Ну, до этого мы еще не дожили! — оборвал его генерал.

— Наши подбили русский танк... Водитель жив...

— И сейчас жив? — нетерпеливо воскликнул генерал.

— Сейчас? А вот этого не знаю!

— Я требовал «языка» для личного с ним разговора!

Полковник поморщился:

— После того как наши горели в долине? Я отдал распоряжение, чтобы его перевязали, привели в порядок... Но я не могу ручаться!

— Немедленно доставить его ко мне!

Мне генерал бросил на ходу, что я должен быть у него переводчиком.

Привели русского танкиста. Обгоревший комбинезон, рука на перевязи, обмотана бинтами шея, повязан левый глаз. Лицо черное от въевшейся в кожу гари.

— Водитель танка? — спросил генерал.

Пленный ответил утвердительно.

Последовал сразу же главный вопрос:

— Сколько на шоссе Орел — Мценск сосредоточено русских танков?

Я не успел перевести вопроса, вмешался полковник:

— Он дал об этом нелепые показания... Пленный уверяет, что перед нами сосредоточено более трехсот танков... В одной точке мы не встречались с такими танковыми силами русских... Оно не могло не быть замечено нашей авиаразведкой... Я положил перед ним карту и попросил указать, где же сосредоточены эти танки. Он указал на пустые места...

Генерал расстелил на столе карту. Помапил пальцем пленного. Танкист оглянулся на меня.

— Подойдите к карте! — предложил я ему.

— Где танки? — спросил генерал и протянул танкисту карандаш.

Он был тяжело ранен, ему с трудом давался каждый шаг. Он опять оглянулся на меня и сказал:

— Объясните генералу, что я не обучен читать карту. Могу и ошибиться...

— Передайте ему, — ответил генерал, — что, если он расскажет правду, хотя бы как он ее знает, мы сохраним ему жизнь. Мы положим его в госпиталь... И я даю слово после госпиталя отпустить его и не посылать в лагерь для военнопленных.

Пришлось перевести с полной точностью слова генерала, я не исключал возможности, что полковник знал русский язык.

Спокойно и даже вроде бы ласково взглянул на меня голубой глаз танкиста. Если он и разыгрывал покорность, то должен сказать, что бог его наделил актерским талантом.

Танкист двинулся к карте...

Генерал ткнул указкой в точку, указывая на Орел:

— Здесь? Это город Орел!

Танкист кивнул головой. С трудом давалась ему речь.

— Был приказ взять Орел с ходу... Мы вот здесь, на станции, наткнулись на вашу противотанковую батарею... И отступили... Несколько танков прорвалось в город. Бой шел всю ночь.

— Танки вернулись? — живо спросил генерал.

— Три танка не вернулись, остальные прошли сквозь город и вышли обратно к нам...

Генерал обернулся к полковнику:

— Пока что он говорит правду...

— И о тех танках, которые вернулись из города? Мне думается, что в город и ворвались всего лишь три танка...

— Сколько танков ворвались в город? — спросил у танкиста генерал.

— Батальон шел... — ответил танкист. — Разве вы больше, чем тройку, подбитых насчитали?

Я начал понимать танкиста. Живуча была в нем солдатская хватка. Он ничего не сказал, чего не знали немцы, а у них уже попытался выспросить о судьбе прорвавшихся в город танков. Генерал подтвердил, что в городе были подбиты три танка. Видимо, танкиста волновала судьба товарищей.

— У нас так и решили! — подтвердил он.

— Сколько у вас танков? — крикнул полковник.

— Танки выгружаются каждую ночь... — ответил танкист. — Сейчас, я думаю, уже больше трехсот!

— Вот! — крикнул генерал, обращаясь к полковнику. — Я говорил! Перед нами крупное танковое соединение!

— Где эти танки?

Все вернулось к первому вопросу. Танкист долго рассматривал карту.

— Какое сегодня число? — спросил танкист.

— Шестое октября, вечер! — ответил я ему.

Танкист показал здоровой рукой на карту:

— Вчера мы были здесь!

И он указал на ту долину, где был нанесен удар по немецким танкам советскими реактивными минометами.

Полковник зло бросил:

— И там были все триста танков?

— Да нет... Должно быть, не все... Они будут защищать Мценск...

— Кто ваш командир? — задал последний вопрос генерал.

— Генерал Катукон!

— Катукон? — переспросил генерал. — Кто такой Катукон? Я думал, что здесь генерал Жуков! Не путает танкист? Вы правильно произнесли фамилию генерала?

Это уже был вопрос ко мне. Я переспросил танкиста.

— Катукон...

— Кто он?

— Танкист...

Генерал пожал плечами:

— Нет, это несерьезно! Нам надо взять в плен высшего офицера... А кто этот танкист?

Танкист объяснил, что он тракторист, колхозник, из Подмосквы, что родился он в двадцатом году 20 апреля...

Генерал быстро взглянул на полковника, полковник развел руками.

— Передайте! — сказал генерал. И для танкиста я перевел: — В Германии есть закон: всякому даруется жизнь, даже преступнику, если он родился в тот же день, что и наш фюрер...

Показания танкиста имели свои последствия. Ни седьмого, ни восьмого октября генерал не возобновил наступления.

А каждый день и каждый час в те дни были драгоценны для обороны Москвы.

Командир корпуса и генерал собрали мощную колонну в шестьсот танков. 9 октября передовые отряды корпуса в составе сотни танков предприняли новую атаку там, где им не удалось пройти седьмого октября. Боя мне не довелось наблюдать, генерал не захотел рисковать встречей с реактивным оружием русских. Сто танков — огромная сила. Но эти танки были активно атакованы с флангов русскими танками. Бой был ожесточенным, и казалось, что русские должны были попытаться... Но тут произошла история с горючим.

Бросив на прорыв сотню танков и надеясь на прорыв по прямой на Мценск, командир корпуса подтянул резервные цистерны с горючим к месту сосредоточения главных сил.

Колонна, приготовленная к прорыву, растянулась в общей сложности километров на пятнадцать вдоль шоссе. С флангов ее охранял стальной коридор из танков. Впереди шел бой на прорыв. Пылало более десятка танков.

Командир корпуса приказал усилить давление танками и бросил в бой танковый батальон. Батальон двинулся на исходные позиции для атаки вдоль шоссе. Авиационную разведку из-за погоды вести было невозможно. Обычно над таким скоплением танков барражировали несколько звеньев истребителей, а по флангам делали облет разведывательные самолеты.

Из-за пригорка выскочили три тридцатьчетверки. Они прошили насквозь таранным ударом броневое охранение и выскочили на шоссе. Рассказывали, что танки проутюжили участок шоссе, занятый бронетранспортерами с пехотой, наскочили на цистерны с горючим и расстреляли их в упор. Взрывы и огонь стали горючего были и слышны и видны в городе. Должно быть, это было столь же страшно, как и взрывы реактивных снарядов. Цистерны с горючим были рассредоточены вдоль колонны, пламя перекидывалось с одной на другую, сжигая свои же танки, бронетранспортеры и автоматчиков. Солдаты побежали с шоссе в поле, там их встретил пулеметный огонь из засады.

И этот день для наступления оказался потерянным.

Семь дней боев — и почти никакого продвижения. Мценск и на десятое октября оставался трудно достижимой целью. В штабе подсчитали потери: сто тридцать три танка за семь дней на пятидесяти километрах продвижения. И это только на участке Орел — Мценск.

В обход Мценска двинулись все танки корпуса, усиленного соседями. Бой за город длился дотемна. Порой по донесениям казалось, что танковое соединение русских попало в окружение. Но наутро на южном берегу небольшой речушки Зуша не оказалось ни одного советского солдата. Подсчитали потери. На поле боя догорали два тяжелых русских танка, три тридцатьчетверки и двадцать три немецких танка.

Генерал объехал поле боя. На минуту мы остались вдвоем.

— А вы знаете, — сказал он, — боюсь, что... русский танкист морочил нас! Здесь не было много русских танков... Они не выскользнули бы по железнодорожному мосту... Я думаю, что барону будет безынтересно узнать, что мы утратили превосходство в материальной части наших танковых сил... Русские и раньше бросали в бой эти танки... Их было не так-то уж и мало! Но они еще и сами не знали, сколь грозным оружием они располагают... Теперь русские это знают и умеют его применять... Как имя русского командира? Танкиста?

— Мне помнится, — ответил я, — что пленный назвал его Катковым...

— Я запомню это имя! Должно быть, у нас с ним еще будут встречи... Теперь мы на быстрый успех рассчитывать не можем... Когда мы стояли в Орле, перед нами не было боеспособных русских частей, теперь весь мой фланговый марш утратил смысл... Перед нами фронт, и надо вновь собираться с силами, чтобы его прорвать...

От Глухова до Орла около двухсот километров. Танки генерала прошли этот путь в три дня. От Орла до Мценска пятьдесят километров. На пятьдесят километров было потрачено восемь дней.

От Мценска до Черни тридцать два километра. Десять дней шли бои в районе Мценска. 22 октября вновь были сосредоточены для удара все силы корпуса. Но 22 октября удар не дал своих результатов. Фронт прорвать не удалось, 23 октября русские начали отходить. С боями оставили Чернь. Чтобы пройти тридцать девять километров, понадобилось двенадцать дней. Но бои за город и его окраины продолжались еще два дня, и под Чернью понес большие потери отборный эсэсовский полк «Великая Германия».

До Тулы оставалось сто километров с небольшим. Все силы танковой армии нацелились на Тулу. Верховное командование требовало быстрейшего продвижения к Туле. Одновременно пришла радиogramма от Гитлера. Он требовал выбросить подвижные отряды к Оке и обойти Тулу со стороны Серпухова,

— На это мы уже не способны! — заметил мне генерал.

Я написал барону записку:

«Господин барон!

Я был свидетелем, как трудно дались последние километры наступления. Немецкий солдат, а главное, офицеры стоят на грани психологического шока. Инерция европейских побед перестала действовать. Только теперь стало известно в штабе, что наше наступление на Мценск сдерживали две танковые бригады. В одной из них насчитывалось пятьдесят танков. Думаю, что генерал постесняется упомянуть об этом в официальных релициях».

Я знал, что в Рославле были сосредоточены крупные немецкие штабы, но я все же выехал туда, чтобы отправить посылочку в Центр через Максима Петровича.

Я сообщил, что целью всей танковой группы генерала теперь определялась Тула, что генерал и его офицеры потеряли бодрость после боев за Мценск. Но вместе с тем я сообщал, что вся танковая армия в целом пока является мобильной силой, что ее ударная мощь остается опасной для южных подступов Москвы. Теперь я уже мог и с известной точностью перечислить ее соединения и оружие.

15

Двадцать с лишним дней танки генерала пробивались до Черни и прошли за это время восемьдесят километров. От Черни до Тулы, собранные в кулак со всех участков фронта, они прошли за три дня.

29 октября передовые отряды головного танкового корпуса подошли вплотную к Туле. До городской черты оставалось четыре километра. Командир корпуса подтянул вторые эшелоны и бросил танки на штурм города.

Генерал распорядился заготовить донесение о взятии Тулы и решил выехать на фронт к передовым отрядам.

Второе донесение из-под Тулы им было получено в дороге. Командир корпуса сообщал, что его танки на окраине города встречены шквальным огнем зенитных батарей, а с флангов выдвинулись русские танки и довершили удар. Пришлось попятиться. Командир корпуса заключал свое донесение соображениями о невозможности взять Тулу штурмом. Он предлагал фланговый марш с востока.

Генерал остановился в Черни, по радиции он получил сообщение разведки, что справа на его правый фланг выдвигаются какие-то новые русские силы.

Части танковой группы наткнулись в районе Теплое на свежие части Красной Армии. Завязались встречные бои. Имея на фланге такого рода угрозу, генерал отложил штурм Тулы. Забегая вперед, замечу, что бои под Теплым продолжались с пере-

менным успехом десять дней. И только сняв танки из-под Тулы, генерал смог потеснить части Красной Армии.

В ночь на 4 ноября ударили морозы, сковали землю. Танки получили возможность широкого маневра, генерал приободрился. Оживилось и командование группы армий. К генералу на его командный пункт приехал фельдмаршал фон Бок, чтобы поторопить танковую группу с наступательными действиями.

А из Теплого шли донесения, что наступают русские.

Генерал показал эти донесения фельдмаршалу. Но фельдмаршала не интересовали такие мелочи, его мысль была устремлена к далеким и большим целям. Его радовали мороз, замерзшие дороги, возможность для танков широкого маневра.

Генерал побывал на передовом наблюдательном пункте под Тулой. 6 ноября вернулся в штаб и созвал оперативную группу. Он был мрачен и неразговорчив. Выслушав донесения, попросил оставить его одного. Меня задержал.

— Боюсь, что вам придется вылететь к барону в Берлин... Настал и ваш час! От Тулы до Москвы сто восемьдесят километров, а мы не можем пройти до города четырех километров...

— Нужны подкрепления? — спросил я лишь для того, чтобы не молчать.

Генерал поморщился.

— Нужны еще три или четыре такие же танковые армии... Я боюсь, что там, в Берлине, не очень-то понимают, что здесь происходит... Читать одно, а видеть своими глазами — другое... Такое впечатление, что у русских расчет был привести наши армии к столице и здесь, в глубине, бросить в бой решающие резервы!

— Кутузов сознательно сдал Москву без боя французам и выиграл войну одним сражением, после которого отступил...

— Это я знаю... Но он нигде не обмолвился, что умышленно сдает Москву, и оставил нас по этому поводу в неизвестности. Он не мог объявить об умысле! А может ли Сталин объявить своим близким о таком умысле? Мог ли он сказать своим генералам и помощникам, что враг будет остановлен лишь под Москвой? Но если так, то почему же он не вывел войска из-под Киева? Завтра мы с вами послушаем радио...

В десять часов 7 ноября из приемника донесся перезвон московских курантов, начался парад на Красной площади.

Генерал тут же соединился по телефону с фельдмаршалом авиации Ритхофеном.

— Вы третий, кто мне звонит! — раздались раскаты фельдмаршальского голоса. — На подступах к Москве идут воздушные бои... Это все, что я могу сделать... В город прорваться невозможно!

На другом конце слышались гудки отбоя.

9 ноября головной корпус, все еще пытавшийся пробиться в Тулу, вынужден был перейти к обороне. Из Тулы началось на-

ступление частей Красной Армии. Это уже были не контратаки местного значения.

12 ноября начальник штаба армии привез из Орши, где проходило совещание всех командующих армиями группы «Центр», приказ на осеннее наступление. Танковой армии предписывалось развивать успех в направлении на Горький.

Генерал тут же прикинул на карте расстояние до Горького. Получилось шестьсот километров.

Он вопросительно взглянул на начальника штаба.

— Я им заявил, — ответил начальник штаба, — что это не Франция! Мы не можем продвинуться на несколько километров...

Но приказ о наступлении подписан, и генерал обязан его выполнить.

Наступление началось...

На другой день оно застопорилось. Авиация оказалась бессильной расчистить дорогу танкам. Она наталкивалась на воздушный щит над расположением частей Красной Армии. С каждым километром продвижения нарастали потери в танках.

21 ноября генерал распил бутылку коньяку за своего прежнего командующего по французскому походу и противника его доктрины, за фон Клейста. Его танки заняли Ростов.

— Теперь они впереди, — сказал он мне с горечью. — Там, во Франции, они меня сдерживали, теперь рвутся вперед... А я думаю о последствиях...

Мне даже показалось на минуту, что он завидует фон Клейсту. Но он уже предугадывал, что фон Клейста ждет в Ростове. Поэтому двумя днями позже отправился к командующему группой армий «Центр» попросить изменения приказа о наступлении на Горький. Приехал еще более мрачным.

— Теперь генералы рвутся вперед, а не только Гитлер... Они сошли с ума, а не фюрер!

30 ноября все еще шли споры с высшим командованием, как овладеть Тулой, а с юга пришло сообщение, что фон Клейст оставил Ростов, чуть было не потеряв всю танковую армию. Гитлер сменил командующего южной группой войск, но и новый командующий откатывался от Ростова под ударами с флангов.

Авиационная разведка донесла, что над районом Каширы русская авиация создала непроницаемый заслон, что оттуда, из-под Каширы, идет движение к фронту крупных соединений русских войск. Кашира — открытый фланг. Генерал потребовал уточнений. Но русские истребители не подпустили к Кашире ни одного немецкого самолета.

2 декабря генерал перенес передовой командный пункт в Ясную Поляну.

Кто-то из офицеров пошутил:

— Здесь можно быть спокойным... Имение графа Толстого русские бомбить не будут...

Генерал не улыбнулся шутке.

Он решил осмотреть парк. Было пасмурно, падал колючий снег, в поле мело, и с пригорка была видна смутно лишь деревня Ясная Поляна.

Сапоги генерала печатали шаги на снегу, свита медленно двигалась за ним.

Генерал шел к могиле.

Я помнил это место. Отец не раз возил меня сюда. Овраг, молодая березовая поросль, старые клены, липы и дубы, одинокий, поросший травой могильный холмик. Это здесь маленький Левушка искал в детстве волшебную палочку, которая приносит счастье человеку.

Около могилы вырубка, на вырубке деревянные и железные кресты сотен немецких могил. Генерал остановился. К нему заторопился командир корпуса.

— Вы думаете, — спросил генерал, — им лучше лежать рядом с русским графом?

— Это солдаты распорядились... Ober-лейтенант ответил мне, что здесь не тронут могилы, не станут портить могилу Толстого.

— Кто не тронет? Кто не станет портить?! — воскликнул генерал.

— Ober-лейтенант имел в виду русских...

— Каких русских? Здешних?

— Нет! Не здешних... Он говорил о тех русских, которые придут сюда, когда нам придется уйти.

Генерал постоял у могил и молча пошел назад. В кабинете Толстого на полу лежал лист железа и на нем пылал костер.

У костра грелись танкисты...

Они вскочили. Странен был их наряд. Кое-кто был обут в валенки, явно сдернутые с ног колхозника, лапти.

— Найдите теплую избу, — сказал он танкистам, — мне надо здесь побыть одному...

— Осмелюсь доложить, господин командующий! — выскочил вперед танкист. — Все избы заняты...

— Вы воюете или по избам прячетесь?

— Мы наступаем! — ответил он.

— У костра в этом барском доме?

— И они наступают, господин генерал... Мы не знаем, кто наступает...

— И что же? Нет сил сбить противника?

— Господин генерал! Один раз, еще один раз мы как-нибудь и собьем русских с их позиций... А дальше... Дальше еще позиции, и нет этому конца! Москвы они не отдадут!

— Ее надо взять с боя!

Я приглядывался к генералу. Не было гнева в его глазах. Я понял, он воспользовался разговорчивостью танкиста, чтобы выяснить настроение солдат. Не каждый солдат решился бы так свободно разговаривать с командующим армией. Офицеры застыли в почтительном недоумении, хотя в общем-то каждый из них знал, что за словами этого танкиста стоит горькая правда.

Солдат подтянулся.

— Господин командующий! — начал он несколько торжественным голосом, с той долей патетики, к которой так любили прибегать в немецкой армии. — Господин командующий, мне завтра с утра в бой, и быть может, последний в моей жизни...

— Ты идешь от границы? — спросил генерал.

— В нашей роте не осталось ни одного человека от границы... Мы из Франции пришли в Рославль... Во Франции, когда пал Минск, мы ждали сообщения о падении Москвы...

— Надеялись, что кто-то другой за вас совершит этот подвиг?

— Нет! Надеялись, что Москва падет без боя! Но русские будут ее защищать до смерти, и нас не хватит, чтобы пройти в этот город по своим трупам!

Генерал сделал знак рукой, танкисты вышли.

Порученец спросил у генерала:

— Сообщить об этом танкисте в гестапо?..

— Сообщите в гестапо о своем командующем! — оборвал он порученца.

Генерал расположился с картой за письменным столом Льва Толстого. Был задумчив и молчалив. Вечером пришло донесение, что его танки наконец-то перерезали шоссе Тула — Серпухов. Но и это известие не изменило его мрачного настроения.

— Это же чуть заметная точка в этих бесконечных снегах... — заметил он начальнику штаба.

А утром пришло сообщение, что танки отброшены от шоссе, что со стороны Серпухова русские наступают.

Генерал поехал в объезд Тулы в передовые части. С ним двинулась и оперативная группа. Днем он встретился с танкистами, которые побывали на шоссе Серпухов — Тула.

— Почему вы отступили? — спросил он у командира танковой роты.

— Русские открыли ураганный огонь! Откуда у них снаряды, господин командующий? Откуда у них столько снарядов?

— Будет еще больше! — пообещал генерал. — Надо сделать еще одно усилие или будет поздно!

Командир дивизии доложил, что русские накапливаются для атаки, что здесь стало небезопасно для командующего. Генерал вернулся к командирскому танку.

В дороге поднялась метель. Стемнело. Исчезли все ориентиры, танки шли с зажженными фарами, но снежную круговорот фары не пробивали, впереди стояла млечная, плотная завеса.

Мела поземка, овраги вздыбились сугробами, склоны их оледенели. Водитель не успел затормозить, командирский танк с генералом сполз в овраг и зарылся в глубоком сугробе. Танкисты разожгли костер. По радиации вызвали буксирный танк.

Генерал перешел в штабную машину. Она отапливалась.

Наступило четвертое декабря.

В три часа ночи пришел буксирный танк и поволок за собой по трассе штабную машину.

В кабинете Толстого горел камин, начальник штаба собирал донесения из частей, разбросанных южнее и восточнее Тулы.

— Что под Каширой? — спросил его генерал.

— Под Каширой нас теснят...

— Кто теснит?

— По нашим данным, танковая дивизия, стрелковые части и кавалерийская дивизия. Днем русские активно бомбили наши позиции...

Минул еще один день. Из всех корпусов доносили, что наступление возобновить не удалось ни на одном из направлений. Наступающие части встречены огнем русских и контрударами при выходе на исходные позиции.

— Кто наступает, мы или русские? — задал вопрос генерал начальнику штаба и собравшимся в кабинете Толстого офицерам.

— Они контратакуют! — решился кто-то ответить на этот вопрос.

— Они контратакуют, а мы откатываемся назад?

Генерал встал.

— Властью, которой я облечен, в этот трудный час я приказываю повсеместно перейти к обороне и отвести войска на удобные рубежи для обороны! Я ответствен в едином лице перед командованием! Прошу немедленно выполнить приказ и довести его до войск, находящихся в соприкосновении с противником...

Генерал попросил всех работников штаба остаться при его переговорах с командующим группой армий.

— Господин фельдмаршал, — доложил он, — я отдал приказ о прекращении наступления. Мои войска отходят с ночными боями, и я вырабатываю сейчас со штабом линию, на которой им предстоит занять оборону...

— Где вы находитесь?

— Сейчас только с трудом пробился на передовой командный пункт с линии фронта между Серпуховом и Тулой... Все наши попытки выйти на исходные позиции для атаки были сбиты противником...

— Вы отдаете себе отчет в том, что вы не выполнили приказ высшего командования? — спросил после короткой паузы фельдмаршал.

— Я всю ответственность взял на себя и немедленно передаю командование тому, кто сможет выполнить этот приказ! Я был бы счастлив сам об этом доложить фюреру!

Фельдмаршал обещал сделать все возможное, чтобы фюрера соединили с командным пунктом генерала.

— Вы будете пытаться убедить фюрера? — спросил начальник штаба.

— Иногда мне это удавалось! — ответил генерал.

— Это когда вы настаивали на наступательных операциях!

Генерал опустил веки.

В ожидании вызова из Берлина, через центр связи в штабе группы армий, генерал связался с командующими соседними армиями.

По всему фронту четвертого декабря ни одному крупному подразделению не удалось стронуться с исходных позиций для атаки.

Генерал вынул из папки, переданной ему разведчиками, газету «Правда». Попросил меня перевести отчеркнутые абзацы. Это была «Правда» от 27 ноября. Карандашные пометки стояли на передовой. Она называлась: «Под Москвой должен начаться разгром врага». Я перевел ее название.

— Пожалуйста! — подбодрил меня генерал.

Офицеры штаба сгрудились возле меня. Я переводил только отчеркнутые строчки:

— «Мужественное сопротивление частей Красной Армии задержало разбег фашистских полчищ. Они вынуждены перейти на медленный шаг. Они не мчатся вперед, как бывало, а ползут, обильной кровью поливая каждый свой шаг. Но они все же ползут! Значит, надо удесятить стойкость защитников Москвы...»

— И вот уже не ползем! — уронил генерал. — Когда вышла эта газета?

Я назвал число.

— Неделью назад мы еще ползли! Дальше!

Я читал ровным голосом, стараясь ничем не выдать своего состояния. Меня познабливало от волнения.

— «...Под Москвой началась расплата за все кровавые злодеяния, за слезы и муки, которые фашизм причинил нам...»

Я остановился, опасаясь бурной реакции офицеров.

— Продолжайте! — приказал генерал твердым голосом.

— «...Уничтожив врага под Москвой, мы начнем уничтожение его на всей захваченной им территории...»

Генерал сделал мне знак, чтобы я остановился.

Все молчали, ожидая его реакции. Но генерал молчал, склонив голову над картой, расстеленной на столе, за которым были написаны и «Война и мир», и «Анна Каренина».

Занимался поздний мутный рассвет. Над деревьями струился иней, одевая окрестности туманом. Метель прекратилась еще ночью. Утро обещало мороз и солнце.

Генерал стоял у высокого окна и глядел сквозь морозные узоры на стекле, изредка поглядывая на часы. И вот раздался зуммер вызова. Он не рванулся к аппарату связи. Подошел к нему медленно, как бы переступая через какой-то незримый барьер.

Голос Гитлера он не мог расслышать. Все усилия связистов ни к чему не привели. Офицер связи из штаба группы армий начал передавать ему слова Гитлера. Работали усилители радиотелефона. Мы всё слышали так же, как и генерал.

— Никакого отступления! — рубил голос офицера. — Я не уйду из-под Москвы! Это преступление перед всеми, кто сложил голову, чтобы достичь этих рубежей! Нация, которая не сумеет одержать победы, теряет право на жизнь! Никаких выравниваний линий фронта! Мы должны овладеть Москвой, мы заключим ее в кольцо смерти! Я высылаю вам немедленно подкрепление воздухом...

Генерала фюрер не пожелал слушать. Рация замолкла.

Генерал постоял возле рации и так же медленно, как к ней подходил, вернулся к столу.

Молчание становилось трудным. Чтобы как-то его разрядить, начальник штаба заметил:

— Сегодня летная погода!

— Вы в плену иллюзий! — остановил его генерал. — Время, когда мы радовались летной погоде, прошло... Теперь это означает, что наши войска будут получать удары с воздуха...

Он отошел от стола и настроил приемник на Москву. Передавали сводку Советского информбюро. Мне пришлось переводить. Я едва успевал за диктором, но главное все же успел перевести:

— ...Сильный контрудар нанесен врагу в районе Наро-Фоминска. Противник отброшен. Захвачено пятьдесят три подбитых танка... Немцы начали отходить из Яхромы и на соседних участках. ...Группа Белова продолжает наступление...

— Белов? — живо переспросил начальник штаба.

— Вам известна эта фамилия? — спросил генерал.

— Из-под Каширы выдвинулся кавалерийский корпус... Я никак не мог установить, кто командует этим корпусом... Они сами сообщили нам его имя... Ромны! Вы помните кавалерийскую атаку? Это на рассвете, когда нам пришлось покинуть город... Кавалеристами командовал Белов...

Генерал обернулся ко мне. Злая усмешка застыла у него на губах.

— А там не упомянуто имя Катукова?

— Не слышал, — ответил я.

— Этот танкист меня больше волнует! Мы еще услышим о нем... Итак, господа, обстановка ясна! Время не терпит! Приказа я своего не отменяю! Я еще ваш командующий... Придется мне ехать в Германию и лично объясняться с фюрером...

Минул еще один день.

Генерал сидел, прильнув к приемнику. Он ловил какое-то нужное ему сообщение. Я предложил свои услуги для перевода.

— Не то! — ответил он мне. — Я жду сообщения, которое будет передано на всех языках мира... Настал час выступить Японии... Только ее выступление еще может нас спасти!

7 декабря войска генерала пытались оторваться от наседавших на них частей Красной Армии, но это не удалось. Начинаясь паника... Восточнее Тулы фронт грозил падением...

8 декабря последовал приказ Гитлера перейти к обороне, и в тот же день генерал наконец поймал сообщение по радио о падении Японии... на Соединенные Штаты Америки!..

— Барон не смог сдержать своего слова! — бросил он мне. — Он уверял, что Япония поможет нам в поединке, а теперь на нас поднята и вся Америка!

Бушевала метель. Низкие свинцовые тучи сыпали крупными хлопьями, ветер сжимал их в сугробы, перепоясывал сугро-

бами дороги, оковывал гривастыми обручами деревни, прикрывал увалами разбитые немецкие танки, машины, пушки. Сводки указывали, что метель разгулялась по всему Подмосквью.

Метель спасала немцев от полного разгрома, ибо советские самолеты не могли действовать, но армия отступала под нарастающими ударами русских.

Генерал собрался в Германию, ничуть не сомневаясь, что к армии он больше не вернется. Он получил намек, что фюрер недоволен им, что от него отступились и его покровители.

В Рославль, в штаб группы армий, мы выехали с ним вместе, без него мне в армии делать было нечего. Он полагал, что из Рославля я сразу отправлюсь в Берлин к барону.

Теперь он хотел выглядеть умным и прозорливым.

— Вы помните совещание под Минском? — спросил он меня. — Я тогда задал вопрос, где мы предпочтем получить затяжную войну. На близких или на растянутых коммуникациях? Все предпочли получить ее на растянутых коммуникациях... Можете передать барону, что мы вползли в затяжную войну, вдалеке от баз снабжения... Барону и его друзьям надо сегодня искать возможности договориться с Западом...

Генерал недоговаривал, боялся ли он меня или самого себя, но не произносил слово «поражение», хотя уезжал от отступающих войск, а это он считал поражением.

У Максима Петровича меня ждало сообщение из Центра: «Переправиться в спецотряд и ждать новых указаний».

Я сообщил Максиму Петровичу, что моя миссия окончена, и просил его переправить меня в лес к его людям.

— Пора, — ответил Максим Петрович, — и мне пора! У меня других заданий, как только держать связь с вами, здесь не было...

На всякий случай, чтобы не иметь неприятностей с полевой жандармерией, я доложил генералу.

Он пожал плечами:

— Молодость! В такие часы — и охота!

— Я не думаю, что еще раз попаду в Россию... Хочу побывать в русском лесу... Офицеры часто выезжают на охоту...

— На охоту? Хм! Я сутками не снимал сапог и не раздевался, а тут — охота! А впрочем, быть может, это легче — ничего не принимать близко к сердцу...

Метельным утром на розвальнях мы выехали с Максимом Петровичем в лесную сторожку к его брату. Пост полевой жандармерии проверил наши пропуска, лошадка рысью побежала к лесу.

Петр Петрович Веремейкин тоже снялся с места. Втроем мы углубились в лес. Лошадь шагала по снежной целине, снег тут же засыпал ее следы и следы от полозьев.

Отряхивали снег приспущенные от его тяжести ветви, стлы оголенные осинки, шумели шапки сосен. Там вверху гулял ветер, набирая силу для снежной бури. Теперь уж скоро нас окликнут из леса и встретят советские люди.

а одном из аэродромов под Москвой приземлился воздушный лайнер, совершающий регулярные рейсы между Москвой и европейскими столицами.

Все, что произойдет, я мог узнать не выходя из своего служебного кабинета. Но как удержаться и не взглянуть на старого «знакомца», который и не подозревал, что в лице чекистов нашел терпеливейших исследователей его запутанной и до невозможности затемненной местами биографии, его характера, его личности во всех ее проявлениях.

Мы ждали его... Рано или поздно он должен был вновь появиться. Тогда нам не сразу удалось установить, кто он такой.

Обычная суетня на большом аэродроме... Кто-то торопится к трапу, кто-то проходит таможенный досмотр. Провожаящие, ожидающие, встречающие... Все это смешивается в беспорядочный хаос. Но вот диктор объявляет о прибытии лайнера, которого ждем и мы. Лайнер подруливает к назначенному ему месту, по трапу спускаются вниз на летное поле пассажиры.

Вот он! Он идет, перекинув плащ через левую руку, в руках у него модный кожаный портфель. На голове шляпа, он в сером летнем костюме.

Жарко. Он снимает шляпу и вытирает белоснежным платком пот со лба. Житейский, бытовой жест. Но так ли это? Мы знаем, что у этого человека отработан каждый жест, а не только каждое движение.

Я посмотрел на своих товарищей. Они обратили внимание на его манипуляции со шляпой и платком. Ищут, кому же он подал знак? Неужели его кто-то встречает? Но это, конечно, только предположительное объяснение его жеста. Так он может подать знак тревоги или, напротив, известить, что все благополучно, что он спокоен, что все развивается по заранее намеченной и обусловленной до мельчайших деталей схеме.

Одного из встречающих мы заметили несколько ранее. Он приехал минут за двадцать до приземления лайнера. Это Нейхольд, корреспондент одной из зарубежных газет.

Нейхольд молодой человек, ему лет тридцать. В своих корреспонденциях он сдержан, искусно демонстрирует объективность, проходит мимо скандальных сенсаций. Но вот уже несколько лет он работает на этого господина или на тех, кто посылает этого господина к нам в гости. Значительный приработок к гонорарам в газете? А может быть, журналистская деятельность всего лишь прикрытие?

Нейхольд одет небрежно, с какой-то даже нарочитостью небрежно: изрядно потершиеся джинсы, сандалеты, замшевая курточка.

Прямые черные волосы. Горбинкой нос обличает европейца-южанина. Он смугл, но смугл от загара, который с первыми же жаркими лучами легко затягивает его кожу. Такого типа лица встречаются на Средиземноморском побережье, на юге Италии, во Франции — ближе к испанской границе. Он был бы красив, если бы не пренебрежительная ирония в уголках его губ и в темных глазах.

Господин, которого он встречает, тоже был южанином, но не европейцем. Его по внешнему виду, по цвету волос и кожи можно было принять и за араба, и за перса, и даже за айсора.

Последний раз мы видели этого господина пять лет тому назад. Он уже немолод, поседел, углубились морщинки у глаз. Держится он все так же прямо, едва заметно приопустились плечи.

Его можно принять за коммивояжера. Интересно, какими он на этот раз запасся документами? Он предпочел легальный, открытый въезд в страну. Но это совсем не означало, что вот сейчас, немедленно, он не попытается исчезнуть с наших глаз.

Итак, он снял шляпу, вытер белым платком пот со лба...

Нейхольд, перекидывая из одного угла рта в другой сигарету, бесстрастно смотрел на приближающихся пассажиров. Этот жест приезжего не вызвал у него никаких эмоций. И все же!

Наши товарищи уловили в общей сумятице вокзального хаоса целеустремленное движение человека. Это — шофер такси. На голове у него форменная кепочка. Молодой, лет двадцати пяти — двадцати шести. Он шел не торопясь, небрежно, пиджак нараспашку, в зубах сигарета.

Остановился у киоска с сигаретами, прошелся вдоль книжного прилавка, подбросил в руке связку ключей. Профессиональный жест шофера. Через минуту он оказался за рулем. К нему подошли пассажиры и тут же отходили. Он отказывался ехать...

На привокзальной площади интересующий нас господин. Поглядывая поверх спящих пассажиров, он высмотрел машину, прямо направился к такси, где сидел за рулем тот самый таксист, что обратил на себя наше внимание.

Он подошел к окошку со стороны шофера, протянул ему листок бумаги и что-то начал объяснять знаками. Сторонние наблюдатели этой сценки могли бы подумать, что иностранец, не знающий русского языка, объясняет шоферу, куда ему надо поехать. Шофер посмотрел на листок бумажки и согласился отвезти пассажира.

Сальге, так звали гостя, сел в машину. Такси медленно тронулось, пристроилось к веренице других машин на выезде со станции.

Он сел к «своему». Это усложняло наблюдение, требовало особой осторожности. Но мы его ждали, стало быть, готовились и к неожиданностям.

Вслед за такси пошли оперативные машины. А через несколько минут мне доложили, что на этот раз Сальге приехал под именем Иохима Пайпера, что ему забронирован номер в гостинице «Украина».

С этим господином требовалась удвоенная осторожность. Я запретил сотрудникам наблюдения пользоваться радиотелефоном. Телефон проводной связи стоял в будке ГАИ на полпути с аэродрома в Москву. Возле будки ГАИ дежурили наши люди. Их предупредили, чтобы оперативные машины были сняты с маршрута, если такси под номером 33-19 пройдет мимо поста.

Его надо было встречать в гостинице, а не идти за ним следом.

Имелся какой-нибудь шанс, что он захочет где-то побывать до приезда в гостиницу?

В двух точках, наиболее вероятных, мы тоже были готовы к встрече с ним... Могла быть и третья точка, нам неизвестная.

Ну что же... Пришлось для этого применить старый и испытанный прием. Он известен всем разведывательным службам мира, его знают разведчики любой квалификации. Но, несмотря на это, он действует всегда безотказно.

С поста ГАИ почти в открытую за ним пошла наша «Волга». Что она действительно наша, не ему, ни его человеку за рулем неизвестно. Но «Волга» прицепилась, повисла на хвосте. Что это за машина? Наблюдение, слежка? Если слежка, если наблюдение, то все на этом и закончилось. Никуда и ни при каких вариантах уйти от слежки в большом городе с большим движением невозможно. Тут же вся служба наблюдения будет приведена в действие. От слежки не избавишься. Что делать? Ничего не делать! Следовать намеченным маршрутом и ни в коем случае не выходить ни на одну из своих нелегальных целей.

«Волга» проводила их до въезда в Москву и замешалась в общем потоке транспорта.

Здесь уже и без хвоста он не решится на маневры, здесь любая машина может быть службой наблюдения... Нам же нужно было, чтобы он приехал в гостиницу и взял номер. Мы должны были разобраться с шофером такси...

А Нейхольд все еще был на аэродроме. На стоянке стояла его машина. Но он присутствовал на аэровокзале, когда прибыл Сальге, как когда-то Сальге провожал его, Нейхольда, в Париж, наблюдая за его посадкой в самолет со стороны.

2

Не так все начиналось пять лет тому назад...

Поздним вечером в городской отдел милиции небольшого подмосковного городка явилась Клавдия Ивановна Шкаликова — пожилая женщина, местная жительница. Она всех знала в городке, и ее все знали. Тихий, небольшой городишко, вокруг леса. В го-

родке швейная фабрика, вот и вся его промышленность. В пригородах пионерские лагеря. Колхозная земля начинается сразу за городской чертой.

Она вошла к дежурному по отделению милиции в двенадцатом часу ночи. Старшина дремал, уронив голову на стол. Присшествия, когда требовалось бы вмешательство милиции, в городке были редкими.

Он проснулся от удара входной двери, поднял голову и потер глаза. Шкаликова... Он сразу узнал ее. Она жила на соседней улице. Ее плотная, полнеющая фигура, ее круглое лицо с доброй улыбкой примелькались ему в городе. Она была явно не в себе. У нее подрагивали губы, а в глазах стояли сдерживаемые слезы.

Она подошла к барьеру и тихо сказала:

— Сынок! Ты уж извини меня! Где Иван Иванович?

Это было в стиле городка. Все друг друга знали по имени и отчеству. И он не удивился, что она именно так спросила о начальнике городского отдела. Удивился он другому. Как это она не взяла в толк, что начальника отдела в такой поздний час не должно было быть на работе!

— Начальник? Спит он... Отдыхает!

Старшина подтянулся, сообразив, что не на огонек зашла Шкаликова в милицию.

— Что случилось? — спросил он.

Шкаликова было наклонилась ближе, но, с сомнением оглядев старшину, отпрянула:

— Нет, Николай!

Она знала по имени и старшину.

— Нет, Николай... — ответила она как бы самой себе. — Иван Иванович мне нужен...

— Какая срочность? Приходите, Клавдия Ивановна, утром...

Шкаликова рассказывала потом, что уже было и собралась все отложить до утра. Очень у нее было все неустойчиво в ту минуту, но чувствам своим она привыкла больше верить, чем рассуждениям. Она уже было и к двери пошла, но вернулась. В голосе ее что-то послышалось такое, что старшина смирился.

— Нельзя утром... Буди начальника!

Старшина поднял телефонную трубку...

Рассказ Шкаликовой строился лишь на впечатлениях и ощущениях, ничего она точно не могла сформулировать и ничем основательным свою тревогу не подкрепила.

Все произошло недавно, полчаса назад... Ее дочка, Леночка, сидела у открытого окна и читала.

Кто-то постучался пальцами о подоконник из сада. В саду было темно. На свет из окна вышла фигура незнакомого человека. Леночка испугалась, но незнакомец тихо попросил:

— Дочка! Разбуди отца!

Здесь Шкаликова проснулась, услышав сквозь сон мужской голос с легким восточным акцентом.

— Кого?! — удивленно воскликнула девочка. Удивиться было чему. Прошло пятнадцать лет без малого, как ее отец утонул. Кто из близких не знал этого!

— Отца позови! Отца! — повторил незнакомец. И уже нетерпение слышалось в его голосе.

Шкаликowa встала, накинула платье. Разговор у окна продолжался.

— Дома отец-то? — продолжал незнакомец.

— Мама! Мама! — позвала Леночка. — Тут папу спрашивают...

— Отец-то где? — опять послышался голос незнакомца.

— Он умер... И давно... Пятнадцать лет прошло, как умер...

Шкаликowa успела увидеть смуглое лицо, заметила даже раздражение в лице незнакомца... И все исчезло. Шорох за стеной, тишина. Шкаликowa быстро подошла к окну. Из сада к подоконнику тянулись ветви старой яблони. Тут же стеной стояла гряда густых вишневых кустов. Сквозь них ничего не было видно. Словно бы под окном никто и не стучался. Но чей же она слышала голос из-за перегородки? С кем разговаривала дочка?

— Кто здесь был? — спросила Шкаликowa у дочери.

— Не знаю... Какой-то человек... Я боюсь, мама! Кто это был?

Руки у девочки дрожали.

— Никого нет!

— Я боюсь, мама! Почему он не знал, что папка умер? Почему? Кто он такой?

Шкаликowa погасила огонь, закрыла окно.

— Кто это, мама? — спросила опять Леночка.

Шкаликowa велела ей ложиться спать, торопливо оделась и задами, огородами вышла к милиции.

— Почему он не знал, что мой муж умер? — спросила она Ивана Ивановича.

Иван Иванович был старым оперативным работником. Именно оперативная работа приучила его не отмахиваться от трудноуловимых, невыраженных впечатлений. Худой, немного уже сгорбленный, но собранный, как пружина, человек. Он сумел уцепиться за почти неуловимое в рассказе Шкаликowej. Ответил ей спокойно и как бы успокаивая ее, чтобы еще больше обострить ее чувства.

— Что ж тут удивительного, Клавдия Ивановна? Разве все должны знать, что ваш муж умер? Были же товарищи, друзья...

— Ни друзей, ни товарищей у него не было...

— Так уж вы всех и должны помнить. Он воевал... Может быть, какой-нибудь фронтовой товарищ вспомнил?

— Может быть... — с долей иронии согласилась Шкаликowa. — Всю войну мой муж в плену был!

Иван Иванович ничего сразу не ответил. Пока еще очень смутно проглядывало объяснение ночного визита. Вместе были в плену. Шкаликов прошел комиссию, ни в чем оказался не ви-

новатым. А этот незнакомец мог быть и повязан преступлениями в лагере где-то... Словом, мог он отбывать и наказание. Вышел... Прошли годы. Решил повидаться с товарищем по плену. Но осторожен, всего бояться... Чего же ему бояться? В городок приехал повидать товарища, товарищ умер. Час поздний... Повернулся и ушел. С женой товарища не захотел повидаться. Почему? Чего он боялся?

Шкаликов умер задолго до того, как Иван Иванович начал работать в городке. Он посмотрел на часы. Еще не отошел из городка автобус последнего рейса. Он приказал патрулю проехать к автобусной остановке и задержать незнакомца со смуглым лицом и проверить его документы.

А со Шкаликowej продолжал разговор.

— Вы думаете, Клавдия Ивановна, что это кто-то из знакомых его по плену?

— Только по плену и были у него знакомые. Он бежал из плена... Сам мне рассказывал.

Вот еще объяснение. Может быть, кто-то из бежавших с ним из плена. Но тогда настороженность его вдвойне и втройне необъяснима.

Иван Иванович попытался сопоставить все как-то во времени и задал всего лишь уточняющий вопрос:

— Когда умер ваш муж?

И вдруг ошеломляющий ответ:

— Он не умер... Он жив!

— Сбежал, что ли? К другой ушел?

— Утонул... На льду около полыньи нашли его телогрейку... А на самом деле не умер он... И к другой не уходил!

Несколько позже Шкаликowa мне повторила свой рассказ. Мешались в этом рассказе вещи вполне понятные и вещи, заставляющие задуматься...

— Получила я открытку — пропал без вести... — рассказывала Шкаликowa. — Не похоронная! А что это означает: пропал без вести? Где он? Какое ему лихо? Слезы душат! Долгие ночи все о нем думаю. Из-под венца на войну ушел... А тут эвакуация. Мыкалась одна, как могла. Первенький наш от скарлатины в дороге умер... Войне кончаться — явился...

Разговор шел дома у Шкаликowej. Мы к ней приехали двумя днями позже.

Иван Иванович подправлял ее, возвращая ее к той форме рассказа, в которой она ему все выложила.

— Да не волнуйся ты, Клавдия Ивановна, — урезонивал он ее. — Не торопись!

— Явился! — продолжала она, стараясь не потерять нити рассказа. — Только гляжу, порченный он! Ночью проснется, закричит... Зубы скрипят. В плену всю войну...

— Плен дело не путейное! — поддержал Иван Иванович.

— Боялся он! — объяснила Шкаликowa.

Вот она, точка, вот те два слова, которые привели начальника отдела милиции к нам в Комитет государственной безопасности.

Я тут же спросил ее:

— Кого он боялся?

Шкаликова скосила на меня глаза, вздохнула и не ответила. Задумалась.

— Рассказывай, рассказывай! — подбадривал ее Иван Иванович. — Это полковник госбезопасности Дубровин и его помощник. Им все нужно знать, чтобы разобраться!

— Как ночь, под кровать топор кладет... — продолжала Шкаликова. — На стенку ружье вешал, чтобы сразу рукой дотянуться. На окна глухие ставни поделал. У нас их сроду не было. Он закрывал ставни изнутри и снаружи. Запретя кругом, запрет ставни, тусклую лампочку зажжет, ложится, а не спит... Не спит... Лежит часами с открытыми глазами. Или всю ночь ходит и ходит... Собака залает: одна рука к ружью, другая — за топор... Успокаивала я его... Допытывалась... Сергей, говорю, ежели в чем виноват, пойдя повинись... А он посмотрит на меня чудными глазами и молчит...

— Ждал он кого-то! — подсказал Иван Иванович.

Я смотрел на Шкаликову. Ответ мне ее был известен со слов Ивана Ивановича. Ответ этот тоже был всего-навсего намеком.

— Ночи длинные... Сама ведь тоже не сплю... Как-то ночью совсем измаялась. Спрашиваю, кого ты ждешь? А он вдруг говорит: если б знал, кто придет, встретил бы... И топор взял бы!

Иван Иванович многозначительно посмотрел на меня поверх ее головы. Понятно? Понятно, кого топором встречают?

Но сам Шкаликов, сам он, кто же таков?

Из ее рассказа мало что прояснилось. Работал он, как из плена пришел, на тихих, незаметных работах. Служил в бухгалтерии лесхоза контролером, ушел обходчиком леса, потом ночным сторожем на складе. Вернулся он из плена еще молодым. Почему же ему не захотелось попытать себя на деле более значительном и интересном? И не пил... Трезво жил.

Шкаликова заканчивала:

— А как дочь родилась — успокоился. Радовался он ей! А тут и исчез...

И вдруг открылось: каждый месяц аккуратнейшим образом шли к ней денежные переводы из разных городов и поселков. Всегда одна и та же сумма. Смutilо нас, что переводы шли от разных лиц. Города, из которых приходили переводы, в разных концах. Могло создаться впечатление, что человек, делающий переводы, все время находится в дороге. Я сейчас же дал указание изучить географию переводов, чтобы уловить хоть какую-нибудь связь между ними.

Со своим помощником Василием Михайловичем Снетковым мы работаем уже несколько лет. Он пришел в Комитет государственной безопасности со студенческой скамьи, из юридического института. Мне из кадров прислали его в отдел «посмотреть».

Сильные очки искажали глаза Снеткова, укрупняя их; когда он снимал очки, выражение его лица становилось беспомощным. Снетков очень скуп и даже серо рассказал о себе. Могло показаться, что это скучный человек, но и под очками и без очков глаза его говорили о многом. О широте, о мягкости, светился в них и юмор. Он скорее напоминал ученого-историка. Такие сидят в библиотеках часами над фолиантами, выискивая удивительные открытия и там, где, казалось бы, уже открыть ничего невозможно.

С тех пор много утекло воды. Я имел случай убедиться, что Снетков, я звал его просто Василием, способен вникнуть в самые запутанные дела, что он и находчив и смел.

Он присутствовал при нашей первой встрече с начальником отдела милиции. Выслушал его рассказ. Я спросил Василия, как он относится к этой истории.

— Топор, ружье, ставни... Это интересно! Не от милиции и не от нас он собирался отбиваться топором... Послушайте, Никита Алексеевич! Интересное это дело! Разрешите, я поеду...

Поехали мы вместе. Прежде чем войти в дом к Шкаликовой, мы вместе с Василием подошли к окну. Заглянули внутрь комнаты. Интересная деталь, в окно была видна задняя стена. На стене, как это обычно бывает в деревенских избах, развешано множество семейных фотографий. Висел портрет молодых: Шкаликов в солдатской гимнастерке и его жена. Несколько последовательных фотографий Шкаликова. Заглянув в окно, почтой посетитель мог увидеть все эти фотографии. Они могли подтвердить ему, что он пришел по адресу.

Итак, Шкаликова все рассказала. Мне в общем-то были понятны мотивы, которые привели ее в милицию. Но мне хотелось, чтобы она сама это объяснила. Я спросил, что ее заставило обратиться в милицию. Шкаликова задумалась.

— Для себя вы никакой беды не ждали?

— Для себя? — спросила она с удивлением. Но тут же удивление и пропало. Она задумалась. — Для себя? — переспросила она. — Нет! Для себя не ждала! Бабушка чуть подсказало, что вот он, тот самый, кого боялся Сергей, для кого ружье и топор под рукой держал...

Я слушал ее и думал: как спросить о переводах? Сказала, что муж жив, переводы получала. Не могла же она не знать, от кого идут переводы?

— Скажите, Клавдия Ивановна, когда вы получили последний денежный перевод от мужа?

— На днях! — ответила она чуть слышно.

— Алименты по договоренности?

Она оставалась по-прежнему спокойной, как спокоен человек, ничего не утаивающий.

— Ни о чем я с ним не договаривалась... Исчез — и все... Утонул... Так я и считала, что утонул...

— Когда вы догадались, что переводы идут от него?

— Чего же гадать? Кто ж еще пошлет? Кому нужно? Думала поначалу, что другую нашел... Другую нашел бы — деньги не посылал бы!

— Где же он?

— Не знаю...

— Вы его искали?

— Зачем? Что с ним делать, если жизнь ему с нами занедужилась?.. Дочь поднять — он мне помог! Спасибо ему и на этом! Подросла вот! Да какие у него заработки? Таится от всех, боится всего...

— Что? Что его заставило уйти? — спросил Василий. Не хватало ему, видимо, какой-то последней точки в психологическом рисунке Шкаликовой.

— Намек он мне давал... Оттуда должны прийти... С пленом это связано! Что у них там вышло, не знаю... Только говорил: придут — мне один копец. Или руки на себя наложить, или топором встретить!

— За мужа испугались? — не выпускал ее Василий.

— За него...

— Вы не сказали гостю, что ваш муж жив?

— Никто этого не знает... Я только вам открылась...

На этом все здесь и обрывалось...

Итак, Шкаликков боялся, что к нему явятся «оттуда». Он не хотел этой встречи. Стало быть, эта встреча была для него ужасна. Или топором встретить того, кто придет, или руки на себя наложить... Это не ссора! Это...

Иван Иванович взял на себя смелость произнести это слово, когда мы пришли к нему в кабинет.

— Его завербовали на оседание... Связь оборвалась... Он боялся, что придут... Потребуют работы...

Версия как версия... Я против того, чтобы так быстро выстраивать версии. Решили немедленно искать Шкаликова.

3

Почему исчез Шкаликков, что заставило его скрыться от семьи? Никаких сомнений, что он любит дочь! Никаких! Неужели он так ни разу и не повидал ее? А если и повидал, то никто об этом и не догадывался...

И сразу же вопрос: когда он скрылся? Год и день мнимой смерти ничего не разъясняли. Он скрылся после того, как родилась дочь. Это единственная внешняя примета. Они как-то увязаны, эти два события в его жизни. Но как? Почему он скрылся, что заставило его разыграть смерть? Что-то очень серьезное!

Само по себе исчезновение Шкаликова не побудило бы нас взяться за это дело, его поиски остались бы в компетенции милиции. И переводы со сложной географией мало еще о чем говорили. Такого рода истории встречались и без столь мрачной подо-

плеки. Главное — это намек Шкаликовой, что он ждал кого-то «оттуда». «Оттуда» мог появиться экземпляр, интересный и для нас.

Искать Шкаликова. Вот к чему сводилась наша задача, искать ночного посетителя было почти безнадежно. И все же...

Дочери Шкаликовой пятнадцать лет, вполне сознательный возраст... Она видела в лицо незнакомца. Надо было составить словесный портрет. Дочка Шкаликовой вдруг предложила:

— Я его сама могу нарисовать...

Оказалось, что она отлично рисует.

Наши товарищи попросили ее дать и словесный портрет. В результате что-то получилось. Мы имели хотя бы некоторый намек на его внешний облик. Это уже большое дело. И оно впоследствии сыграло свою роль.

Я верил Шкаликовой, что она не открылась незнакомцу, что она действительно с ним не разговаривала, что она ни с кем не поделилась своими догадками, что ее муж жив, и, уж конечно, никому не говорила, что регулярно получает от него алименты.

Мог ли кто еще знать, что Шкаликков жив? Мог ли этот незнакомец, мог ли Сальге (мы теперь знаем его имя) искать Шкаликова через других лиц? Этого мы тогда не знали.

Подняли архивы. След, как это ни было удивительно, все же нашелся. Что побудило старшего лейтенанта Колобкова из особого отдела 39-й гвардейской стрелковой дивизии оставить это дело в архиве, не знаю. Старший лейтенант Колобков погиб смертью храбрых при штурме польского города Познани.

Именно там, на подступах к Познани, «группа Шкаликова» вышла к нашим войскам. В протоколах допроса она так и именовалась — группой Шкаликова. Их было четверо. Шкаликков Сергей Николаевич, красноармеец до пленения, год рождения 1920. В плен был взят, как он сам показывал, после ранения под Ярцевом осенью сорок первого года. Под Ярцевом попала в окружение пана часть. Установить, попал ли Шкаликков в плен раненым или, подавшись панике, он поднял руки, сейчас уже не представлялось возможным.

Значился по материалам дела в группе Шкаликова некто Власев Николай Павлович. В плен он попал на Северском Донце в августе 1943 года. Лейтенант, артиллерист.

Следующим в списке стоял Алексей Алексеевич Раскольников. Год рождения 1922. В бой он вступил под Ярцевом и сразу же попал в плен. Опять же показание: взят в плен после тяжелого ранения. Младший лейтенант. Закончил ускоренные командирские курсы.

Подполковник Анатолий Иванович Голубев, свое звание в лагере для военнопленных он скрывал, выдал себя за шофера. В плен был взят в Белоруссии в июле месяце сорок первого года немецкими тапкистами.

Бежали из лагеря для военнопленных под Познанью...

Колобков тщательно записал рассказ о побеге всех четверых. Все в этих показаниях совпадало. Наиболее полным и интересным, хотя несколько и суховатым, мне показался рассказ Голубева.

Вот выдержка из протокола допроса.

«Следователь. Скажите, как вы познакомились в лагере с Сергеем Николаевичем Шкаликовым?»

Голубев. Совершенно случайно... Это было где-то перед Новым годом... Наступал год сорок пятый. Я всю войну провел в лагере для военнопленных неподалеку от Познани... Работал... Герой из меня не получился...

Следователь. Какого рода работы вы выполняли?

Голубев. Скрывать не буду...

Следователь. Я этого не советовал бы делать. Лагерь освобожден. Мы это легко можем установить.

Голубев. Работал... Немцы оборудовали заново и перестраивали форты и крепость в Познани. Было много земляных работ... Лопатой работал. Землекоп.

Следователь. Вы показали в лагере, что по профессии вы шофер...

Голубев. Показал. Но это их не интересовало. Машину они мне не доверили.

Следователь. Итак, вы познакомились со Шкаликовым в канун Нового года.

Голубев. Не помню, какого это было числа. Мы не следили за числами по календарю. В это время наша авиация бомбила железнодорожные узлы, где скапливались немецкие войска. Разрывы были слышны и в лагере. Из военнопленных создали несколько бригад для расчистки железнодорожных путей. Я попал в одну бригаду со Шкаликовым. Я его ранее в нашем лагере не видел. Но тогда много появилось «новеньких». Немцы отступали и переводили военнопленных из тех районов, куда вступала Красная Армия. В этой же бригаде оказались Власьев и Раскольников. Они тоже были переведены из других лагерей. Раскольников утверждал, что он по случайности выбрался живым из Майданека.

Следователь. Вы тогда знали, что такое Майданек?

Голубев. Я и сейчас хорошенько не знаю, что это такое. Я знал, что есть такой лагерь под Люблином. Мы его название производили шепотом. Плохо, но и у нас работал свой «вестник». В Майданек отправляли тех, кто уже не мог работать на земляных работах. Отправляли и тех, кто решался на побег и попадался. Мы его называли между собой «преисподней»... Это была смерть.

Следователь. Шкаликов рассказывал, как он попал в плен?

Голубев. Рассказывал... Был ранен. Попал в плен без сознания. Но это все так говорили: ранен, контужен... Проверить я не мог и не очень-то вникал в его рассказ...

Следователь. Но он был организатором побега... Вы должны были бы иметь к нему доверие.

Голубев. А если бы я ему не доверял? Что это изменило бы? Мы все были обречены. Все, кто имел какое-то отношение к строительству укреплений. Я доверял ситуации. А ситуация была удобна для побега. Это могло прийти в голову любому из нас. Шкаликов сообразил первым. А может быть, и не первым. Он первым рискнул заговорить об этом с товарищами. Мы расчищали железнодорожные пути на больших станциях. Все было в завалах: обрушенные здания, провалы в стенах. Вокруг лес... Мы знали, что в лесах нет немецких частей, что они сосредоточены в крепостных фортах. По слухам, в лесах действовали польские партизаны. Бригада десять человек. Сопровождает нас один автоматчик. Из инвалидной команды. Нам попался немец лет пятидесяти пяти. В очках. Равнодушный. По-моему, он всего боялся. Десять человек могут уйти от одного автоматчика, когда кругом пожары, руины, обвалы. Шкаликов предложил бежать. Двое должны были вырвать у немца автомат. Он мне предложил напасть на немца.

Следователь. Почему именно вам?

Голубев. Не знаю... Власьев присоединился к нам в самую последнюю минуту. Заранее с ним Шкаликов не сговаривался.

Следователь. Кто-нибудь собирался бежать с вами из вашей бригады?

Голубев. Собирались...

Следователь. Почему никто с вами больше не ушел? Вас ушло из десяти только четверо...

Голубев. На этот вопрос ответить невозможно... Почему мы раньше не пытались бежать? Куда бежать? В лес? А дальше? Начнут искать... К кому мы обратимся в чужой стране? Кто нас скроет?

Следователь. И вы все же бежали!

Голубев. Бежали... Нас могли выдать в первой же деревне. Нас не выдали.

Следователь. Вы скрывались на хуторе?

Голубев. В подполье у хозяйки. Молодая красивая поляка... Она нас скрыла.

Следователь. Я прошу поподробнее рассказать, как она вас скрыла.

Голубев. Я и Шкаликов напали на автоматчика. Старик. Шкаликов сбил у него с глаз очки, я вырвал автомат. Я застрелил его, чтобы не поднял шума. И побежали... Но не в лес... В лес сразу нельзя. Хватятся, с собаками найдут. Мы скрылись под обломками. Огляделись. Оказалось нас четверо... Я, Шкаликов, Раскольников и Власьев. Под обломками нас не нашли. Мы слышали собачий лай. Но в кирпичной пыли, на битом камне собаки не взяли следа. Ночью опять бомбили наши. Все, что удалось за день немцам расчистить, все было вновь разбито и

разбросано. Ночь и следующий день мы сидели под обломками. В тот день немцы не выгоняли наших на работу. Ночью мы двинулись в лес. Шел мокрый снег пополам с дождем. Это удача. Собаки не берут след после дождя. Шли на запад. Так нам казалось надежнее. Вел Шкаликов. Он сказал, что у одного поляка разузнал дорогу к хуторам. Там мы надеялись выпросить какой-нибудь еды.

Следователь. Вам не говорил Шкаликов, у какого поляка он расспрашивал дорогу?

Голубев. Я не спрашивал... Мне было все равно. Поляков в лагере было много. Их тоже заставляли работать на укреплениях.

Следователь. Кто пошел на хутор?

Голубев. Шкаликов...

Следователь. Почему именно он? Он знал немецкий или польский язык?

Голубев. Немецкий язык знал у нас один Раскольников. А что было делать с немецким языком? Мы шли к полякам.

Следователь. Но почему пошел на хутор именно Шкаликов? Он что, очень смелый человек?

Голубев. Наверное, не из трусливых! Мы оставались в лесу. Если бы он на хуторе наткнулся на немцев, ему спасения не было бы! У нас оставались какие-то шансы. У меня был автомат.

Следователь. Он объяснил вам, почему вас решила скрыть эта полька?

Голубев. Объяснил... Она считала, что скоро придет Красная Армия. Она спросила, кто с ним. Он рассказал.

Следователь. Вы с хозяйкой общались?

Голубев. Нет! Я все время сидел в подполе. К ней выходил по ночам Раскольников. Он ей понравился... Молодой, холостой. Бойкий он был парень. Студент...

По сюжету этой истории все показания совпадали.

Во всех показаниях Голубева меня заинтересовала одна фраза. Это ответ на вопрос следователя, смелый ли человек Шкаликов. Голубев ответил: «Наверное, не из трусливых!» Он был вообще очень сдержан в своих оценках и, я сказал бы, даже скромнен. Он добился возвращения в строй. Сражался. Был тяжело ранен в тяжелых боях на магнусевском плацдарме, где несколько дивизий 8-й гвардейской сдерживали массированный удар немецкой танковой группы. Ранение было тяжелым. Он два года провел на госпитальной койке и умер в сорок седьмом году.

Стало быть, Шкаликов «не из трусливых». Что же с ним случилось, когда он вернулся домой? Не таким нам его обрисовала его собственная жена. «Боялся он», — говорила она. И рассказывала о великом его страхе. Даже если что-то и было, чего он мог опасаться, зачем двойные ставни? Ночи не спал... И смело пошел один на хутор. Сам вызвался. Любой из четырех мог пойти. Пошел он...

Несколько иным, чем обрисовала его Клавдия Ивановна, представлял он и из допроса.

Из протокола допроса Шкаликова старшим лейтенантом Колбковым:

«Следователь. Расскажите, Шкаликов, как вы попали в плен?

Шкаликов. Попал, и все... Как и все тогда попадали. Меня ранило. Сила перла. Растерялись. А тут крики, минометы бьют... Окружение. Немецкие танки далеко сзади нас оказались.

Следователь. Решил, что Красной Армии конец?

Шкаликов. Про Красную Армию какой разговор! Про себя решил, что конец! Настает такая минута, гражданин начальник...

Следователь. Я не начальник!

Шкаликов. Извиняйте! Привычка лагерная, каждого начальником звать, кто без номера на спине.

Следователь. Куда был ранен?

Шкаликов. В плечо. Поглядите! Кровью в поле истекал, они подняли — и в колонну... Как в колонну попал, так и пошло... Никуда не отобьешься.

Следователь. В каких были лагерях?

Шкаликов. Во всяких... Все разве упомянешь? Далеко меня не загоняли. В Белоруссии, потом в Польше...

Следователь. Что делал в лагерях?

Шкаликов. Все, что и другие... Работал. Лес валил, дороги мостил, насыпи ремонтировал на железной дороге. В каменоломнях камни выбивал. Так и жили... Жрать-то надо было. Не работал бы — с голоду подох. И без того кожа да кости остались... А тут подвернулось бежать... И нельзя было не бежать. Знали мы много. Крепости строили, подземные заводы. Все равно нас сничтожили бы...

Следователь. Группу возглавил?

Шкаликов. Чего же ее возглавлять? Сказал одному, другому. Вижу, не продадут, сами все смерти в глаза глядят. Не продали...

Бойко отвечал. Так держат себя люди, уверенные в своей правоте, или те, кто разыгрывал уверенность, которой нет.

Я не люблю и побаиваюсь уж слишком простых схем в нашей работе. Но начинается в общем-то все с самого простого. Потом первооснова, которая всегда проста, затягивается паутиной всяческих премудростей.

Очень уж облегченно выглядел в рассказе Шкаликова весь побег от начала и до конца. Так вот запросто доверился совершенно незнакомым людям в лагере, где все было пронизано агентурой гестапо, военнопленные этого лагеря работали на немецких военных объектах первой важности. Очень удачно все смягчала обстановка, в которой совершался побег. Немцам, и в особенности гестаповцам, тогда было уже не до военнопленных. Расчистка завалов при бомбардировке. И тут все сходилось. Пришлось

поднять некоторые архивные материалы в Министерстве обороны. Да, действительно, накануне Нового года наша авиация усилила налеты на железнодорожные узлы. И подслеповатый конвоир. Скорее всего, из фольксштурма, из народного ополчения, тогда Гитлер ставил под ружье всех, кто мог стоять на ногах. И именно Шкаликов сбил у конвоира очки, а Голубев пристрелил. Не Шкаликов, а Голубев пристрелил. Мог стрелять и Шкаликов. Но кто-то умный очень осторожно все складывал. Почти герой, да не герой... Война прошла по польской земле туда и обратно. Польская вдовушка... Она много могла рассказать. Прошло более двадцати лет. Где же ее найдешь?

12 января наши войска уже перешли в свое последнее наступление. И где-то уже в двадцатых числах Колобков вел свой допрос. Они вышли из подвала. Неужели польская крестьянка никому не сказала бы, что четверо русских помещены были к ней гестаповцами?

4

Искали Шкаликова...

Сначала наши товарищи должны были найти, если она вообще имела, закономерность в смене городов, откуда шли переводы.

С чего начинать? Ну, конечно же, выписали прежде всего все названия городов, станций, поселков, откуда шли переводы. Складывалось впечатление, что Шкаликов только тем и занимался, что следы свои запутывал, все пятнадцать лет провел на колесах. Пятнадцать лет! В каждом году двенадцать месяцев. Сто восемьдесят раз он отправил переводы из разных мест. Перекидки были просто удивительны. Возьмем, к примеру, подряд любую серию. Идет денежный перевод из Волгограда. Это в январе. В феврале, в тех же примерно числах, перевод отправлен из Ташкента. В марте — из Баку, в апреле — из Егорьевска, в мае — из Новороссийска, в июне — из Москвы, а в июле — из Владивостока. Повторялись города. Но маленькие станции иной раз и не повторялись. Логическим путем установить центр, откуда разбрасывались переводы, не удалось.

Нужна была идея. В точной науке это называется гипотезой. Надо было условно допустить какое-то решение. Если оно окажется неверным, то оставался хотя бы способ решения исключением.

Собрались у меня в отделе на совещание все, кто занимался этим делом.

Василий Михайлович Снетков, как я уже говорил, включился в расследование сразу. Григорий Иванович Волоков, подполковник, обычно занимался у нас изучением архивных материалов. Он поднял протоколы Колобкова, искал и другие документы. Это тоже немалая работа. Архивы разбросаны по стране, не

сразу и определишь, что и в каком архиве искать. Подключил я опытного человека, майора Сретенцева. Он как раз и решал головоломку с переводами.

Попросили его доложить, как продвинулось разрешение головоломки. Сретенцев человек осторожный.

— Закономерность пока не обнаружена! — коротко доложил он.

— Вариант проводника? — спросил я его.

— Проводник... — начал он раздумчиво. — Соблазнительно! Я вас понимаю! И проводник при таких условиях иголка в сене... Однако был бы намек! Отрицать и вариант проводника опасно, коли ничего нам пока не известно.

— Проводник — это решение лежит на поверхности! — ответил я ему. — Но как самое простое, рассмотрим хотя бы и это! Для чего умер Шкаликов, для чего он исчез?

Сретенцев усмехнулся:

— На этот вопрос ответ у нас есть... Умер он, чтобы скрыться.

— И понадежнее! Не так ли?

— Понадежнее...

— Проводник — это надежно?

Сретенцев не торопился с ответом. Вмешался Василий:

— Проводник все время в дороге...

— И что? — подбодрил я Василия.

— И все время на людях! Встречи, встречи и встречи! Это ненадежно! Спрятался, чтобы внезапно встретиться с теми, кого боялся? Нет! В проводники не пойдет!

— Малая вероятность случайной встречи! — отпарировал Сретенцев.

— Человек, который скрывается, больше всего боится невероятных встреч, вообще невероятностей преступник опасается больше, чем логических вероятностей.

— Шкаликов, я думаю, незнаком с такой системой взглядов. Он не профессиональный шпион, — заметил Волоков.

— Это как шестое чувство! — настаивал Василий. — Сначала преступник или замысливший вот так же скрыться человек продумывает всякие невероятные случайности... Иначе и преступлений не было бы! Логический ход событий ими упускается из виду. Ну копнись по-настоящему милиция в его смерти! Разве не установили бы, что он инсценировал свою смерть? Это почему же телогрейка появилась на льду? Почему? Под водой телогрейку снял? В ледяной воде-то! И еще даже из полыньи на лед положил! С переводами все запутал, а этакую мелочь не предусмотрел. Телогрейка шьется на ватной подкладке, она в воде так тяжела, что самому легче на кромку льда вылезти, чем ее выбросить!

Сретенцев вздохнул:

— Я тоже на такой легкий ход не рассчитывал. Проводник — это железная дорога. Фотографии Шкаликова у нас есть... Ра-

зослали бы по управлениям кадров всех железных дорог, время спустя он и обнаружился бы! Много их, проводников, по это все же была бы надежная ниточка. Отправной момент, что ли... Не проводник он! Спрятался в глухой угол, сидит смиренно.

— Хорошенькое смирно! Каждый месяц из разных городов восточку подает. Когда только успевает!

— Один человек этого сделать не может! — заключил Сретенцев.

— И два не могут! — заметил Волоков.

— Как сообщаются между собой все точки отправления? — спросил я Сретенцева.

— Все до одной? — переспросил он.

— Ну, хотя бы все до одной?

— Всяко сообщаются! — ответил он. — И железными дорогами они между собой связаны, и аэролиниями, и водой...

— Вы хотите сказать, что железнодорожный узел отпадает?

Сретенцев поднял глаза, мы встретились взглядами. Вижу, тяжело ему. Не нашел точки опоры. И понимает, что торопиться надо.

— Все годится, товарищ полковник! И железнодорожный узел, и аэродром... Важен здесь принцип, не откуда шли переводы, а кто их делал? Зацепиться не за что! Разные стоят на квитанциях фамилии. Ничего не значат эти фамилии. Любую поставить можно. Но я нашел десяток схожих почерков. Считайте, что десяток переводов сделан одним и тем же почерком. Ни один из этих почерков Шкаликову не принадлежит. Значит, делали переводы многие и многие люди по его просьбе! В этот круговорот втянуто более сотни людей!

— Что же вы думаете делать? — спросил я наконец Сретенцева, догадываясь, что какое-то все же решение у него есть, хотя он в нем и не уверен.

— При такой схеме этот Шкаликов может сидеть, скажем, где-нибудь под Москвой... Ночным сторожем в лесу, колхозе, лесным объездчиком. Выйдет на любой вокзал, любому встречному, кому поверит с первого взгляда, передаст деньги для перевода и попросит перевести из того города, куда едет. Но вы меня спросили, как связаны между собой все пункты отправления? А если не все?

— Пусть не все! — согласился я немедленно.

— Опасно, товарищ полковник! Вдруг пойдем по ложному следу? Далеко он нас уведет...

И все-таки был, был проблеск во всей этой головоломке. Сретенцев серьезно занялся этой загадкой. Шкаликов слал не письма, а деньги. Это заметил и Сретенцев. Так-то Шкаликов уж первому встречному и доверял деньги? Проверить же, получила ли его жена перевод, он не мог... Стало быть, доверяя деньги, он должен был как-то подстраховываться возможностью встретиться с тем, кто делал перевод. С кем он мог встретиться во всем этом калейдоскопе? Сретенцев был прав, решение задачи лежа-

ло не в географической плоскости, а в психологической. Нужна была идея.

— Поставим вопрос так, — начал я. — По какому принципу отбирал Шкаликов своих «первых встречных»? По внешности, по глазам, из бесед, что ли, он устанавливал, что перед ним честный человек? Все эти категории ненадежны! Он делал переводы через проводников пассажирских вагонов. Я остановился бы на этом варианте.

Теперь понравился этот вариант и Василию. Он оживился.

— Конечно, проводники! Через проводников! Всегда остается возможность проверить, сделан ли перевод. Подгадывает, когда приходит поезд, встретит... И проводник знает, что отправителю он известен и никуда не денется!

Сретенцев попросил карту железных дорог страны. Карту тут же нашли, он развернул свою карту. Положил две карты рядом.

— Вы согласились, товарищ полковник, — начал он, что мы можем поискать закономерность во всех переводах. Я отбросил все непонятные отклонения... На сто восемьдесят переводов, да еще при такой системе, могли быть и всякие неожиданности. Если отбросить исключения, хотя их немало, мы вдруг увидим...

Сретенцев начал перечислять по одному из своих списков города и железнодорожные станции. Он попросил Василия отмечать эти пункты отправления переводов на карте красным карандашом. Поименование городов и станций шло вразброс. Сначала мы никак не могли уловить систему. Но вот города и станции начали повторяться. Один за другим пункты отправления переводов как бы нанизывались на невидимую ось. Сретенцев явно проверял себя. Он не указывал отгадки.

— Все эти города, — начал Сретенцев, внимательно глядя на меня, — связаны одним железнодорожным узлом... Василий Михайлович, проследите по карте, где этот железнодорожный узел... Прочертите красным карандашом...

Легла одна линия, вторая, третья. Еще и еще линии, и все они скрестились в Рязани.

— Рязанский узел! — воскликнул Василий. — Но это же все можно разбрасывать и из Москвы. Москва — тоже центр пересечений!

— Справедливо! — немедленно согласился Сретенцев. — Вот тут нам должны помочь исключения... Они тоже распадаются на несколько вариантов. Назовем это так: варианты ближней связи... За пятнадцать лет определилась одна странность! Десять переводов пришли не с железнодорожной станции... И все десять — весной. Апрель или май... Иногда в марте... И все десять переводов из Рязанской области... Слово бы какое-то препятствие вставало перед Шкаликовым, и он не мог попасть в Рязань... Слово стена перед ним вырастала!

— Весной? — переспросил Василий.

— Весной...

— Города?

— Есть и города, и поселки...

Сретенцев начал зачитывать пункты отправления весенних переводов. Василий наносил их на карту. Десять наименований на пятнадцать лет...

Василий отметил последний пункт, и все определилось. Все десять переводов ушли с левого берега Оки. Весенний разлив!

Сретенцев поставил точку.

— Мостов через Оку, действующих во время разлива, в Рязанской области нет.

Итак, сто тринадцать переводов оказались связанными между собой Рязанским железнодорожным узлом, десять приплы с левого берега реки — из Рязанской области, остальные шли вразбивку, не предусмотренными никакими путями сообщения. За мной оставалось последнее слово.

Можно было предположить, что площадку для поисков Шкаlikова, необозримую и безграничную, мы сузили до масштабов области. И не только области — левобережья Оки в области... Все же легче. Это не вся страна... Но и здесь, конечно, могли быть неожиданности. Множество могло быть неожиданностей, все и не перечтешь...

Всех нас волновал, конечно, и незнакомец, этот таинственный южанин. Он тоже искал Шкаlikова. Искал своими путями. Получалось что-то похожее на гонки. В этих гонках его возможности мы никак не могли предугадать. Одно было известно: если он ищет Шкаlikова, то не сличением квитанций от переводов. Какой же поиск короче? Кто найдет Шкаlikова быстрее, если он все же его ищет! Сколько могло оказаться жителей в левобережье Рязанской области? Сколько там деревень и колхозов? Сколько там городков, сколько глухих узлов, где может затаиться этот Шкаlikов?

Решили так. Василий поедет в Рязань, попросит помощи в областном управлении Комитета государственной безопасности и выйдет на железнодорожные станции. В Рязани две железнодорожные станции: Рязань I и Рязань II. На станциях в проходящих поездах он мог спрашивать проводников, не делал ли кто через них денежные переводы. Мы снабдили Василия фотографиями Шкаlikова.

Сретенцеву тоже надо было ехать в Рязань и искать Шкаlikова с рязанскими чекистами, сужать площадку поисков, искать на левобережье какую-то закономерность в возможных передвижениях отправителя переводов.

Уехали...

Волоков между тем нашел Раскольцева и Власьева.

Николай Павлович Власьев обнаружился в Сибири. Далеко же он забрался! Когда посмотрел я справку, что-то дрогнуло у

меня. Село Третьяки. Есть у реки Обь приток Чулым. После Томи и Шегарки красавица сибирская, королева рек Обь лишь слегка набирает силу, после Чулыма она раздается вширь, расправляются ее плечи, и катит она свои воды к северному морю, неумолимо рассекая тайгу. Чулым берет начало в коренной глуши, это таежная река. Редко на ней встретится городок, не чаще и деревня. У Чулыма тоже немало притоков. Есть и приток Чичка-Юл. Кучумово царство... Уходит дремотная история этих мест в глубь веков, во времена покорения Сибири. Чичка-Юл тоже таежная река. На иной карте не отмечено на этой реке ни одного жилья. Но жилые места есть, и там обживались русские люди. Третьяки зацепились за берег Чичка-Юла. На сто верст вокруг нет ни одного человеческого жилья. А в полтора верстах стоит большое село Зимовское...

На дороге от Третьяков на Зимовское я родился. Отец мой, Алексей Федорович Дубровин, отбывал в Третьяках царскую ссылку. Мать приехала к нему на правах вольной поселенки.

Настало время появиться мне на свет. Урядник запретил ссыльному «за политику» сопровождать роженицу. Повез мою мать на лошади к фельдшеру хозяйский сынишка. Было тогда Мише Проворову пятнадцать лет. Положил мальчишка в сани берданку от лихой и неурочной встречи с серыми хозяевами леса, завернули мать в тулупы, заложили сеном, чтобы не замерзла.

Миша Проворов... Он стал близким человеком в нашем доме. Я его помню, да и как не помнить. Он из Москвы провожал меня накануне войны в первый мой длинный путь в Германию. Как много может вместить в себя человеческая жизнь... Сколько людей вторгаются в нее, оставляя свой след! Михаил Иванович Проворов не след оставил, он как бы озарил всю мою жизнь прекраснейшей о себе памятью.

Выехали они с матерью из Третьяков рано утром. Дорога из деревни вела в лес на зазимок, как свернули — пошла целина. Объехали лес и спустились на ледовый путь. По реке снежных наносов меньше.

Зимний день короток. К вечеру остановились покормить лошадей овсом. Мать встала, сошла с саней. Низко над землей сверкали звезды, легко пронзая своим далеким светом морозный воздух. С крутого южного берега реки на разные голоса, стонали, выли, плакали волки.

— Страшно было? — спрашивал я Михаила Ивановича.

— Это страшно для тех, кто не слышал... Когда-то от них отбивались огнем, прятались в пещерах... Боятся они теперь человека. Нет ничего для них страшнее человеческого голоса. Но тут началось, и не до волков нам стало.

Вот где я родился.

Третьяки... Много раз я собирался съездить на свою родину...

Власьев Николай Павлович был в Третьяках председателем большого животноводческого колхоза. Вернулся туда сразу после плена. Осмотрелся, отдохнул... Выбрали председателем.

В конце пятидесятых годов ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

...Раскольников — близко. Врач с обширной частной практикой, специалист по печеночным заболеваниям, автор научных изданий. До войны он успел закончить первый курс медицинского института. Вернулся, поступил на второй курс. Окончил институт с отличием. Был направлен в одну из московских клиник, ассистировал у известного специалиста.

Волоков провел огромную работу в архивах. Проще, конечно, было спросить самого Раскольцева. Но как спросишь? Оступиться в таком деле легко, поправиться трудно.

Недопустимо обсуждать какие-либо версии без доказательства. Но опасаться того, на что намекнул Иван Иванович, мы должны были. Но с чем мы пришли бы к Раскольникову? Человек был в плену, были годы, когда к бывшим военнопленным относились с недоверием. Это было клеймо и несло за собой немалые душевные травмы. Опять, что ли, подозрительность? Нет! Нельзя! И кто он, Раскольников, кто Власьев, кому из них мы могли верить до конца? Голубеву я поверил сразу даже по протоколам. Но Голубева не было.

Волоков по документам обнаружил след польской вдовушки. Она тогда же приехала с Раскольниковым в нашу страну. В какой-то степени история выглядела даже романтично.

Раскольников был возвращен в ряды Красной Армии. Зося Шаскольская упростила зачислить ее в ту же часть санитаркой...

До Берлина Раскольников не дошел. Он был ранен на Одере... Несколько дней он пробыл в армии. Зося вынесла его с поля боя и выходила. Зося дошла до Берлина. Волоков нашел в военкомате ее послужной список.

В сорок восьмом году родилась у них дочь. Назвали ее Еленой. В пятьдесят втором году Зося умерла...

— Не так ли, как и Шкаликов? — бросил реплику Василий.

Пустым считать этот вопрос было бы неосторожным. Мы прикоснулись к вещам, крайне путанным, закрытым временем.

Так к кому же обратиться? К Раскольникову или к Власьеву?

Шкаликов прятался за закрытыми ставнями, Раскольников и Власьев не прятались, жили на виду, и даже очень на виду. Так кому же мы могли бы довериться?

Ни Раскольцева, ни Власьева я себе совершенно не представлял.

Тогда мы поставили вопрос несколько иначе. К кому безопаснее обратиться, исходя из интересов дела?

Предположим, что тот, кто ищет Шкаликова, пришел бы в своих поисках к Раскольникову или к Власьеву. Как бы выглядел этот приход?

Раскольников — врач. Он принимает в клинике и у себя на даче. Частная практика. У него есть квартира в Москве. Дача в двадцати минутах езды на электричке от Москвы. Каждый день к нему приходят десятки незнакомых людей.

Встреча с посланцем, который навестил Шкаликова, могла пройти незамеченной. А если бы этот незнакомец, некий Сальге, сегодняшний Исаак Пайпер, поехал бы к Власьеву?

До Томска он мог доехать на поезде или долететь на самолете. А от Томска до Чичка-Юла? Там ему пришлось бы пересест на самолет местной авиалинии или ехать на пароходе. На пароходе долго... На самолете. Самолет местной авиалинии, это уже только десять пассажиров. Забираются туда люди приезжие редко. Каждый новый человек приметен и остается в памяти его случайных спутников. Люди, живущие там, известны друг другу. Не доезжая до Третьяков, мы уже обнаружили бы следы незнакомца.

...До подмосковного аэродрома в тридцати километрах от города мы ехали сорок минут, до Томска — три тысячи километров мы покрыли на реактивном лайнере за три с половиной часа. Три часа мы добирались на автомашине до Пышкино-Троицкого, до последней точки между Томском и Третьяками, которая была связана с областным центром автомобильной дорогой. Прыжок на самолете до Зимовского (это туда не доехала моя мать в ту зимнюю ночь), и мы на последнем до Третьяков аэродроме. Здесь местные жители знали друг друга в лицо. Знали здесь все и Николая Павловича Власьева. Наш товарищ из областного управления без труда установил, что за весь год к Власьеву и в Третьяки ни один человек, сколь-нибудь похожий на посетителя Шкаликова, не приезжал. И вообще не заезжал сюда никто из лиц неизвестных. Приезжали из областной газеты корреспонденты, работники обкома партии, приезжали работники разных областных организаций. Сам Власьев не выезжал из Третьяков с весны. Весной он был на совещании, которое собирал обком партии. А дальше — посевная, сейчас в разгаре сенокос. Не до поездок председателю колхоза. Из предосторожности мы еще раз сузили площадку. В Третьяки выехал предварительно чекист из областного управления. Нам представлялось необходимым в Третьяках окончательно установить, не навещал ли кто Власьева. И тут в Зимовском меня настиг телефонный звонок Василия...

6

Вернемся немного назад и посмотрим, что происходило на станциях Рязань I и Рязань II.

Василий несколько дней кряду выходил к поездам дальнего следования и спрашивал проводников. Не так-то это было легко.

Представиться по форме нельзя. Ему могли ничего не ответить, а Шкаликову сообщить, что им интересуются.

К станции Рязань II подошел поезд из Волгограда. Он шел в Москву. Василий начал опрос с первого вагона. Шел от проводника к проводнику. Приглянулась ему проводница попроще и по-добре, угадал он ее общительный нрав.

— Скажите, — начал он, — вам никогда не приходилось делать денежные переводы?

Что и говорить, вопрос от незнакомого человека вполне удивительный и даже в какой-то степени нелепый. Но надо знать Василия. Очки, несколько растерянный и отрешенный вид. Проводница удивилась и переспросила:

— Переводы?

— Деньги по почте нпкогда не посылали?

— Посылала! А вам зачем знать? — насторожившись, ответила проводница.

А Василию того и нужно было — удивить и разговориться.

— Свои или чужие? — вновь спросил он.

— Это зачем же чужие? А кто вы такой?

Василий снял очки, и сразу беспомощным, наивным сделался весь его облик.

— Да вот тут... — заговорил он невнятно и скороговоркой, — отца разыскиваю... Ушел из дому... А деньги посылал, пока я рос. Да все под чужими фамилиями посылал, незнамо откуда! Мать не искала его... Я хочу найти, спасибо сказать!

В точку попал.

— Вот оно что! — воскликнула проводница. — Слыхала я что-то! Беги в десятый! Спросишь Пчелкина!

Василию пришлось действительно бежать. Поезд стоит недолго, Пчелкина упускать никак нельзя было.

У десятого вагона стояло два проводника.

— Кто из вас Пчелкин? — спросил, подбегая, Василий.

— Ну, я, — ответил проводник постарше.

— Мне на вас из третьего вагона указали...

— Семечки, что ли, покупаешь? — спросил в ответ Пчелкин.

— Нет, не семечки... Отца разыскиваю!

Пчелкин оказался человеком не без юмора. Он тут же ответил:

— Я детей не терял!

Рассмеялись Пчелкин и его товарищ, и все стало близким и возможным. Василий, как бы оправдываясь за свое неудачное обращение, объяснил:

— Ушел из дому... Отец ушел! Пятнадцать лет посылал мне деньги, пока рос, и никак не объявлялся! То из Баку, то из Волгограда, то из Арчеда... Мать не искала его! Я ищу! Может быть, я теперь ему могу помочь?

Пчелкин снисходительно улыбнулся:

— Знаю я твоего отца!

Вот она, поворотная точка во всем деле! Это уже не проблеск, это уже свет в полную силу, прорезающий тьму всей этой истории.

На встречный путь в это время подошел поезд из Москвы. В Москву поезд шел из Волгограда, из Москвы — в Баку.

Пчелкин отвлекся, высматривая у вагона знакомых проводников. На платформу сошла толпа пассажиров. Кто совсем приехал, кто вышел прогуляться.

— Знаю, знаю я, помню такого... — продолжал Пчелкин. — Он даже мне фамилию свою называл... Запомнювал.

Василий, как и Пчелкин, оглянулся на проходящих мимо пассажиров. Прямо на него, в сером костюме, в защитных зеркальных очках от солнца, в соломенной шляпе, шел человек удивительной схожести с тем, которого нарисовала дочка Шкаликова, чей словесный портрет попытались перенести на бумагу паши специалисты. Василий весь сжался. Все это могло быть лишь наваждением.

Он пропустил гражданина мимо.

— Знаю я твоего отца! — твердо заявил Пчелкин. — Посылал я деньги по его просьбе. Он мне и фамилию свою называл...

Василий оглянулся на знакомого, похожего на посетителя Шкаликовой. Тот отошел уже достаточно.

— Прибытков, Прибыткин, Прибылков... — вспоминал проводник. — Мы даже с ним пол-литра распили здесь на станции...

Василий стиснул зубы. Еще ни разу не подводило его чутье. Как он его может бросить? И путь к нему короче, чем от проводника к Шкаликову. А Пчелкин говорил и говорил.

— Он здесь где-то неподалеку живет... Постой-ка! Он говорил, что у него дочь, а не сын...

— Так он же, наверное, нарочно так говорил! — нашелся Василий. — Скрывался — вот и говорил...

— Притыков! — воскликнул проводник. — Герасим Иванович. Точно! Каждое второе число он здесь на платформе появляется... Найдешь!

— Спасибо! — воскликнул Василий и стремительно пошел за незнакомцем, скрываясь за общим потоком пассажиров.

— Постой! погоди! — крикнул ему вслед пораженный Пчелкин. Сальге вдруг вошел в вагон. За ним в тот же вагон подниматься было нельзя. Василий остановился возле проводника соседнего вагона. Площадки вагонов соседствовали.

— Места есть? — спросил Василий, чтобы как-то завязать разговор, чтобы хоть какое-нибудь найти пристойное прикрытие себе.

— Есть места! Есть! — воскликнул проводник. — Куда ехать?

В этой спешке выпали из памяти у Василия все промежуточные станции.

— В Баку! — ответил он.

— В Баку! Надо билет, браток, взять! Беги! Поезд еще стоит!

Надо отходить, больше здесь делать нечего. Василий сделал два шага к тамбуру, в котором скрылся Сальге. Дверь была открыта и на другой стороне тамбура. Василий поднялся в тамбур. Заглянул внутрь вагона. Вагон был мягкий. В коридоре стояли несколько пассажиров. Так вот просто и без билета в мягкий вагон не сядешь. Осторожно, не сразу высовываясь, Василий поглядел на платформу с другой стороны поезда. На платформе — ни души. Он выглянул из тамбура. У самых вагонов кое-где

стояли пассажиры этого поезда. Вышли поразмяться. Незнакомца не было видно. Здесь тамбур был открыт на две стороны, так могло быть и в других вагонах. Василий спустился на ту платформу, по которой шли пассажиры на переход через пути. И на этой платформе его не было.

«Если бы это был не он, не исчез бы!» — рассудил Василий. По междугородному телефону он нашел меня в Зимовском. Доклад был лаконичен.

— Говорю из Рязани! На нашего «друга» вышел... Известна фамилия... Видел незнакомца... Ушел! Он тоже ищет!

Гонки! Так оно и есть! Мы сошлись на суженной площадке.

— Поспешите! — приказал я Василию. — Берегите нашего «друга»!

7

...Газик выехал из леса, и вот оно на взгорье, село Третьяки.

Проворов-старший, у которого в доме проводил ссылку мой отец, рассказывал, что здесь, в Третьяках, поселился дед его деда. Петровская эпоха... Кто из нас сегодня, захлестнутых стремительным и все ускоряющимся ритмом жизни, может похвастаться, что помнит свой род на двести лет назад? Иван Проворов помнил... И рассказывал отцу, как строилась в Третьяках церковь.

Вот и церковка эта знаменитая. Не думал, что доживет до моего запоздалого приезда...

Церковь невысока, рядом звонница. Покрыли церковь шатровой крышей, а по крыше пустили как бы множество колоколенок, словно опять рассыпались по пню. Вон куда затащили по-морскую манеру церковь поднимать.

У околицы встретил нас томский чекист. Предупредил, что Власьева в деревне нет, уехал на дальние сенокосы. Так что время у нас нашлось проехать и к церкви, и к ручью. Был у меня тут еще один должок, но я опасался, не опоздал ли я его отдать. Медлил сразу туда идти...

Церковь ухожена. На стене табличка. И сюда забрались историки. На табличке указано, что возводилась церковь в начале восемнадцатого столетия и охраняется как памятник русской архитектуры и народного творчества.

Обошли вокруг церквушку. Где-то здесь должна быть и тропка в распадок. Вот она! От церковной ограды круто вниз. За триста лет обтопталась на ней камни. Ступеньками, ступеньками, то влево, то вправо, вниз и вниз. Еловые великаны своими могучими корнями держат ее, не дают осыпаться и сползти. С полгоры уже слышен голос Раточки. Точит камни...

Такой я себе ее и представлял. Пенится у валунов и бьется по мелким камешкам. Неширокая, но живая и прекрасная. Не сразу подберешь, как и назвать такую красоту, земную красоту.

Раточка... Что-то здесь от шепота ее воды и вместе с тем от звонких ее всплесков. «Рато, рато...» — так бьется вода о мелкие камешки. «Очка, очка, очка, очка...» — шепчет она, обтекая валуны.

В тихих заводях ее течение неприметно, в них она умолкает, чтобы, накопив силы, снова побежать вприпрыжку.

А вот и те два камня, на которые отец спускался за водой. «Здесь я полюбил до слез мою Россию!» — говорил он мне.

Я ступил на камни, не замочив ботинок. Опустил руки в воду. Конец июня, самое жаркое время в этих местах. Руки мгновенно заломило. А когда брызнул водой на лицо, лицо загорелось. Настоящие родники, из немыслимой глубины они здесь выбивают. И срезы пластов на обрыве, и обточенный известняк — это раннее утро нашей планеты...

— Вы бывали здесь когда-нибудь, товарищ полковник? — спросил меня томский чекист.

Что ему ответить? Родился здесь, малое удержала память. Но там, в Швейцарии, вдалеке от России, где жили отец и мать в эмиграции, отец вместо сказок рассказывал мне об этой Раточке, я видел ее в детских снах, а когда не стало отца, являлся иной раз он мне во сне с этих вот камней, в этом распадке, который наконец-то я увидел наяву.

Мы поднялись в деревню. Там уже знали, что к Власьеву приехали «чуть ли не из Москвы»... Власьев еще не вернулся. Выехать навстречу? В правлении колхоза нас отговорили. Не угадаешь, какую лесную дорогу он выберет, поехал верхом...

Пояснения давал молодецкий прораб, на вид ему было лет девятнадцать. Держался солидно, отчего его рыжеватые, цвета спелой пшеницы, брови чуть хмурились. Но широкое, круглое лицо выдавало в нем веселого, задиристого парнишку. На ремне, перекинутом через плечо, висел у него транзистор. Он порой машинально включал звук, но перед нами ему становилось неудобно, и он тут же его глушил. Заметно было, что ему не терпится спросить, откуда мы, но не в местных обычаях обнаруживать излишнее любопытство.

— Мне тоже нужен председатель! — говорил он. — Спросить его надо... Мы тут дом новый рубим... Для кого — еще не определено. Спросить надо, какую печку ставить... У нас тоже на паровые котлы многие переходят...

— Вы местный? — спросил я его.

— Рожак здешний! — ответил он важно.

— Вы Проворову Анну Ивановну не знали? — спросил я его.

— Анну Ивановну? Кто же ее не знает!

Жива, значит, моя сверстница, сестра Михаила Ивановича. Младшая сестра. Двумя годами раньше меня она родилась. Моя трехлетняя нянечка.

Только мгновения сохранила мне память. Кто-то нес меня маленького по саду, и склонялось надо мной лицо, которому я всегда улыбался. Оно чем-то радовало... Больше мы с ней никогда

не встречались. Время было, письмо собирался ей написать, а потом рука не поднялась. Боялся. А вдруг напишут чужие руки, что нет ее на этом свете? Так и растерялись мы с ней.

— Работает она в колхозе, — говорил Николай Николаевич. — До недавнего времени дояркой была... Руки устали... Сейчас за телятами ходит...

— Где она живет? — спросил я его.

— Все там же, в их доме...

Правление колхоза стояло в новых порядках деревни. Старая деревня примостилась за церковью, на скате обрывистого берега. Окнами она развернулась к реке.

Время было обеденное, Николай Николаевич объяснил, что мы Анну Ивановну застанем дома. Он поехал с нами.

Машина остановилась у изгороди. Я вышел один.

Все так... Стояли у крыльца четыре ели. Остались пни. Высохли, должно быть, спилили их. И пни уже сгнили. Крыльцо все то же! Как и на порывевшей от времени фотографии тех лет из нашего семейного альбома. Неужели по этим ступенькам ходили отец и мать? А может быть, и ступеньки на крыльце уже заменены и уже успели подгнить, протереться и покоситься. Дом в порядке. Рублен он из вечного дерева, из лиственницы. Такие стоят веками.

В окне мелькнуло лицо, обрамленное темным платком. Дверь не заперта, я постучал. Небыстрые и грузные шаги в сенцах. Открылась дверь. Она! Пересекая годы и расстояния, стирая все приметы времени, память выхватила почти из небытия эти черты.

— Здравствуй, Анюся!

Так я ее называл. Это было одно из первых моих слов, которые я научился произносить.

Она не попятилась, она ступила из сенцев на крыльцо, всматриваясь в меня. Отца моего она тоже не так-то уж могла помнить. Я был похож на отца. Сохранила ли ее память это имя? А может быть, кто-нибудь и еще так ее называл.

Она смотрела, смотрела на меня. Мне было легче, я знал, что это она!

— Здравствуй, Анюся! — повторил я. — Забыла меня?.. И я забыл...

— Смотрю я... Смотрю... Глаза подводят... Знаю я, кто ты... Знаю... Сказать боюсь...

— Чего же бояться? Светит солнце... Чайки вон над рекой летают... День белый!

— День белый, Никита Алексеевич! Днем покойники в гости не ездят!

Узнала! Но почему же покойник? Это что же, она так рассказывает свою обиду, что я не подал весточки? Или?..

— Я не покойник, Анна Ивановна! Живой!

— А говорили, погиб... Где же в такую войну живым остаться!

— Остался, Анна Ивановна! Приехал вот...

— Ко мне приехал?

Что тут скажешь? И не оправдаешься, лучше и не оправдываться.

Я взял ее руки. Кисти рук развернуты в разные стороны. Что-то говорил прораб о ее руках. Устали, дескать, руки. Так мы стояли, глядя друг на друга, отыскивая прошлое сквозь пласты времени.

А вот и он, Власьев.

Невысок ростом, сибиряки больше в кость раздаются. Легко спрыгнул с коня, провел пальцами по усам, стряхивая пыль, и к нам. Мы его в правлении ждали.

Твердая поступь, солдатская выправка. Окинул нас коротким взглядом из-под седых, надвинувшихся на глаза бровей. Поздоровались... Сел за свой стол, еще раз посмотрел на нас. Томский товарищ и Волоков вышли. Мы остались вдвоем. Таиться было нечего. Я представился. Он удивился:

— Полковник? Из Москвы? Что же такое стряслось? Далекие наши края. Не говорю — глухие, нет глухих мест, где человек живет... Однако далекие. — Он еще раз взглянул на мое удостоверение. — Дубровин? Алексеевич! У нас тут знают Алексея Федоровича Дубровина... — Он вопросительно посмотрел на меня.

— Алексей Федорович — мой отец...

— Этим я обязан вашему приезду?

— Нет! Просьба, Николай Павлович! Разговор должен остаться между нами...

— Такое уж у вас учреждение. И без предварения понятно! Так что же? Не плен ли вспомнить приехали?

— Плен...

Власьев сдержанно вздохнул.

— Много раз вспоминать приходилось! Забыть и сам не забудешь...

— Вам что-нибудь может подсказать из далекого прошлого фамилия Шкаликов?

— Как не может! Обязательно даже может! Только что же покойника вспоминать?

— Покойника? Откуда у вас такая уверенность, что он умер?

— Как меня председателем выбрали, написал ему письмо... Знаю... По себе... Трудно нам было, кто в плену побывал. А много люди нужны. Приглашал его работать в колхоз. Жена ответила: умер, дескать! Утопул! Тому лет пятнадцать уже...

— Жив Шкаликов!

— Жив? Хм! Удивляться не хочу! Всякое может быть... Фокус, конечно, занятный! Но плохого вы от меня о нем не услышите! Жизнь он мне спас!

— Вы что же, без него не решились бы на побег?
— Побег? Оттуда? Из немецкого лагеря? Каждый час о побеге думал! И не я один! Только бежать некуда! Далеко не убежишь! Так хоть надежда какая — свои вот-вот придут! А побег — это очередь из автомата!

— Вас выводили на работы... Это было за пределами лагеря. Завалы, разрушения...

— Протокол нашего допроса, я вижу, вы изучили, Никита Алексеевич! Сохранился?

— Сохранился...

— Со Шкаликовым не беседовали?

— Ищем, чтобы побеседовать!

— Нового он вам ничего не расскажет! Бесплезно! Хотя придется объяснить, зачем умер! — Власьев грустно усмехнулся: — Выжил я, товарищ полковник, потому, что умел молчать. Разные там и всякие подворачивались с разговорами о побеге... Может, кто и искренне искал попутчиков, а чаще — от лагерного начальства проверку делали... Игру такую любили. Сколотит провокатор группу для побега, соберутся. Немцы даже помогут. Только из лагеря долой — они следом... И весело, и начальству реляция, вот, дескать, какие мы молодцы ребята! Никто от нас уйти не в силах! Шкаликова откуда-то перевели. Шальной он, что ли, или испугался, что из нашего лагеря уже никуда не переведут. Он прямо в открытую предлагал всякому и каждому... Бежим — и все тут!

— На этот раз вы не испугались, что это провокация?

— Я опять же ничего ему не ответил... Завалы, обвалы там всякие... Это все не существенно... Шкаликов ударил по очкам немецкого солдата. Сбил очки. Голубев вырвал у солдата автомат и прошил очередью немца. Как они убили немца, я сразу и решил — можно бежать! Если Шкаликов провокатор, то и ему беда! Не простят! И в побеге он не выдаст...

— Вы этого не рассказывали на допросе...

— А если Шкаликов не провокатор, а просто шальной и отчаянный малый? А? Загубил бы я его таким предположением! Потому и не рассказывал...

— Почему именно он пошел на хутор договариваться? Голубев считает, что по своей смелости...

— Голубев доходил... Он обессилел от голода... Куда ему идти? Раскольников сам не спешил... Я так считал: если Шкаликов провокатор, а на хуторе немцы — не пойдет! Должен провокатор знать, где беглецов ждать договаривались... Нет немцев — снова риск... Вызвался идти, пусть идет. Жребий кидать между мной и им надо было.

— Ну и как сейчас вы считаете? Провокатор он или нет?

— Никак не считаю... Не знаю, в точку! Всем, чем могу помочь, помог бы ему оправдаться!

— Помогите! Почему вы решили, что мы обязательно хотим его в чем-то обвинить? Во всяком расследовании всегда есть две

стороны. Я тоже был бы рад, если бы он оказался честным человеком. Может быть, так оно и есть... Человек он, во всяком случае, сложный. Он исчез из дому. Скрылся... Разыграл спектакль... Утонул... И пятнадцать лет каждый месяц посылает деньги дочери... Такое напридумывал с этими переводами, мы ищем, никак найти его не можем! То из одного города идут переводы, то из другого! И все под разными фамилиями...

— Мне он там особо сложным не показался... Говорю, скорее шальным! А этот его фокус с переводами объяснить не могу. Не виделся с той самой поры, как к следователю из особого отдела ходили...

— Раскольников-то женился на той польке...

— Да ну! — воскликнул Власьев и подался ко мне через стол.

— Это вас удивляет?

— Приглянулся он ей, значит... На голодного не похож был... Может, оп в каком хозяйстве у немки батрачил... Подхарчила. Смазливый он был паренком...

— Оп старше вас.

— И я тогда был не старик. Что он там в протоколе показывает?

— Перечисляет лагеря, где был...

— По тем временам другого ему не оставалось... Не правилась мне его ухватистость... Да ведь недолго мы вместе были... И помалкивали... Польку мне хотелось бы повидать...

— Умерла она... Дочь от нее осталась...

— Они в Польше жили?

— Нет! Здесь. Раскольников врач... Заметный! Специалист по печеночным заболеваниям!

— Печень у меня большая, но лечиться к нему не поеду!

8

...Все, однако, смешалось в моем повествовании, хотя я и стараюсь развертывать действия, как шло расследование. Но события развивались не в одном плане. Мы пока видели одну цель: найти Шкаликова, выяснить, кто его ищет, кого он боялся.

Случай на станции Рязань II с Василием вызывал сомнения. Но не такая уж это случайность, если разные люди ищут одного человека. Могло с Василием сыграть злую шутку просто нервное напряжение.

А между тем существовал во всей этой истории второй план.

...Нейхольд дождался на аэродроме своего гостя. Не Сальге — Иохима Пайпера встретил он, а господина Эдвардса.

Это уже было похоже на мистификацию. Пять лет тому назад полковник одной из иностранных разведывательных служб приезжал сюда туристом.

Он посетил нашу страну ранее Сальге — Пайпера. Турист, да еще в группе. Он ходил по музеям, по выставкам, осматривал достопримечательности Ленинграда и Москвы. Обычный туристский маршрут. Заниматься его персоной мы тогда не имели никаких оснований. Позже стало известно...

Пойдем, однако, по порядку.

Жил-был художник-реставратор Евгений Прокофьевич Казанский. Пять лет тому назад ему было двадцать шесть лет. Ходил он к тому же в начинающих художниках-живописцах.

Само по себе все, что произошло с Казанским, не следует типизировать. Озлобленная бесталанность может принять самые неожиданные, а порой и чудовищные формы.

Казанский учился в Суриковском институте, но разошелся с профессурой в оценке своих работ. Не приняли его «самовыражения». Казанский освоил ремесло реставратора. Реставрация тоже искусство, но на второстепенных ролях терпит она и ремесленников, достаточно, конечно, искусных. Для того чтобы платили деньги, надо было овладеть ремеслом. Казанский им овладел...

В мастерской он расчищал древние иконы. Это требовало виртуозных навыков и специальных знаний. Но и то и другое доступно изучению.

Древнерусская церковная живопись обладает удивительным свойством. В ней присутствует кажущаяся простота приема, простота сюжетных решений, наложений красок, она легко вызывает подражание. От подражания к копированию грань перехода незримая.

Казанский в некоторых своих собственных работах переплавил церковные мотивы, и ему казалось, что сделал открытие в искусстве, обогатил современность древними пациональными мотивами.

Художники этого за ним не признали, легко отличив подражание от настоящего искусства.

На том и конец бы... Однако совпало обращение Казанского к иконописи с модой на русскую икону в Европе и за океаном.

О том, что такое древнерусская живопись, известно было давно. Никто не сомневался, что она утвердила себя навечно в мировом искусстве. Как и всякое искусство различных эпох, имела она и знаменитых своих мастеров. Однако долгое время имена Андрея Рублева, Даниила Черного, Феофана Грека оставались лишь легендой... Тогда еще многим было невдомек, что эти великие мастера пятнадцатого века и начала шестнадцатого скрыты от нас множеством последующих записей на иконах. Только в начале нашего века химия помогла реставраторам снять наслоения последующих записей. Засверкали краски русских мастеров. Тогда и вспыхнула впервые эта эпидемия.

Русская икона писалась, как правило, на доске. На доску вначале закреплялась поволока, наклеивался холст. Он смягчал соприкосновение доски с последующими слоями, держал на себе левкас — слой гипса. По гипсу скрижалью наносился рисунок,

Затем на этот рисунок клались краски. Древние писали темперой. Мастерство определялось умением создать гамму красок, достичь в них потрясающей яркости. Краски от выгорания защищали прозрачной, специально выдержанной олифой. Рассказывают, что такая олифа выдерживалась десятилетиями в иконописных мастерских и сотни раз процеживалась. И все же через восемьдесят — сто лет олифа темнела. Она темнела не сразу. Постепенно скрывалось изображение, пока совсем не исчезало в полной черноте. Но это еще не все. Религиозный обычай предписывал зажигать возле чтимых икон лампы и свечи. Олифа прогревалась, икона потела. На этот почти невидимый ее «пот», на проступившие капли олифы садилась копоть. Под слоем копоти краски древнего мастера гасли окончательно. Тогда приглашался художник. В иных случаях искусный иконописец, в иных случаях ремесленник-самоучка. В меру своего умения он «поновлял» икону. Если он улавливал изображение сквозь копоть и проступившую олифу, он раскрашивал ее заново по своему разумению красками, которые случались под рукой.

Богатые соборы и монастыри приглашали мастеров «знатных». Они это поновление делали, не нанося ущерба старому слою.

Ремесленники мазали, как умели. А некоторые не утруждали себя хлопотами искать в темноте изображение, они переписывали его, уродуя первую запись прорезями нового рисунка.

Приверженцы новой веры не терпели древнего письма. Они или сдирали его пемзой и рисовали новую икону, или клали на старое изображение второй слой левкаса. Старообрядцы не терпели икон нового письма. Они также их записывали, затирали, всячески укрывая ненавистные краски.

Обнаружить настоящую икону XV или XVI веков оказалось не так-то просто. Это превратилось в своеобразную любительскую охоту. В Россию потянулись из Европы коллекционеры. В канун первой мировой войны царь вынужден был издать указ, запрещающий всякий вывоз икон из России, ибо с безделицей могли уйти нераскрытые еще шедевры национального искусства.

Цена на иконы мастеров древнерусского искусства Андрея Рублева или Феофана Грека установилась на мировом рынке вровень с ценой за полотна выдающихся мастеров итальянского Возрождения...

В конце пятидесятых годов усилился приток туристов в нашу страну. Возник интерес к России, к ее прошлому и к искусству. Началась погоня за русской иконой, иностранцы потянулись к людям, причастным к церкви или к реставрационным мастерским. Фигура художника-реставратора стала объектом внимания.

«Непонятый» художниками Казанский искал сочувствия за границей. К нему в мастерскую, которую он разместил в сараичке — в гараже своего друга на окраине Москвы, привели од-

нажды корреспондента одной буржуазной газеты господина Нейхольда.

Нейхольд, конечно, сразу понял, с кем имеет дело. Прежде всего, как корреспондент газеты, он имел возможность открыть русского художника, которого не принимает «официоз». Сенсационная корреспонденция в газету. А дальше? Дальше через реставратора можно что-нибудь купить...

Статья на Западе обрадовала Казанского. Аплодисменты «друзей» он принял за международное признание. Его понесло.

Нейхольд купил у него несколько картин. Расплатился щедро. Сделка была совершена без нарушения закона. Нейхольд заплатил советскими деньгами. Казанский купил кооперативную квартиру, оборудовал мастерскую.

Нейхольд привел к нему в дом своих коллег. Казанский быстро усвоил, что производит впечатление на западного человека. Ему и невдомек было, что «впечатление» наигрывалось.

Он расставил по стенам огромные иконы в сияющих бронзовых окладах, которые отказывались брать музеи, расписал потолок библейскими сюжетами на тему «Страшного суда». С потолка в прихожей свешивались расписные прялки. Словом, в полном ассортименте развесистая клюква «русского духа». Россия поповская в какой-то степени у него получилась. И аналой стоял, и бронзовый крест лежал на аналое, и кадило он разжигал иной раз, и вся квартира наполнялась ароматом ладана.

Примерно к этому времени он отпустил густую черную бороду и наползающие на скулы бакенбарды. Острый горбинкой нос и обрамление бороды бакенбардами придали его лицу диковатость.

Нейхольд изъявил желание купить у него новую картину. Казанский уже входил во вкус своей славы на Западе, за картину он заломил несуразную сумму. Нейхольд замаялся, объяснил «сомнения»: что на эту сумму он должен обменять доллары в банке. Если бы Казанский согласился взять долларами, ему, Нейхольду, было бы легче.

Сделка была для Казанского фантастически выгодной. Он взял доллары, и этим нарушил закон о валютных операциях.

К тому времени через Нейхольда в одном из выставочных залов Европы появились картины Казанского. Как всегда в таких случаях, на стенде, где они демонстрировались, висела табличка с надписью, что картины выставлены без ведома и согласия автора.

В нескольких эмигрантских газетках художника похвалили, пролили слезу над Россией церковью и церквушек. Восторженные рецензии были переданы по радиостанции «Свобода». Нейхольд любезно сообщил Казанскому, когда слушать эти передачи.

Исподволь начались разговоры о туристской поездке Казанского в Европу. Там, дескать, и доллары могли бы пригодиться. Но доллары Казанский продал по пять рублей за один. Он купил «Москвича».

Нейхольд, как нарочно, интереса к его картинам больше не проявлял. Казанский намекнул ему, что они могли бы повторить комбинацию. Нейхольд пожаловался, что терпит затруднения с деньгами... Но вот его друзья, люди очень богатые, хотели бы приобрести старинную икону... Хорошую икону, работу настоящих мастеров иконописи. Нашлась икона в коллекции Казанского. Сделка состоялась через Нейхольда. Казанский опять сбыл доллары. Еще икона. Еще и еще...

Нейхольд сделал заказ сразу на несколько икон, но поставил условие, чтобы все они были в серебряных окладах. Где их взять? Помогли борода и усы. Пошел по деревням. Представлялся старикам и старухам попом, на грудь повесил серебряный крест и пришепывал, что собирает иконы для вновь открытой церкви. Старушки принесли иконы...

Казанский передавал их каждый раз в разных местах. Клад икону в портфель, брал такси. Ехал обусловленным маршрутом. Нейхольд поднимал руку. Казанский разрешал водителю прихватить пассажира. В машину Нейхольд садился точно с таким же портфелем, как и у Казанского. В машине менялись портфелями и расходились.

Сделал Нейхольд и особый заказ. Попросил для очень богатого человека, для миллионера, икону пятнадцатого или шестнадцатого века, из круга больших мастеров. Казанский объяснил, что такого рода иконы большая редкость, что за ними снаряжаются экспедиции. Нейхольд намекал, что за ценой не постоит. Обижался, уверял, что ему очень, очень нужно для личной карьеры. Где-то проскользнула даже подсказка... человек этот не специалист... А Казанский мастер в реставрации...

Казанский понял, хотя прямо ничего и не было сказано. Он нашел действительно очень старую доску, изображение на которой было окончательно утрачено. Остальное ему было знакомо.

С одной из старых и тоже утраченных икон он снял поволоку. Наклеил на доску. Изготовил левкас и выбрал сюжет.

В XVI веке во времена Грозного были распространены иконы с изображением Иоанна Крестителя, считалось, что Иоанн Креститель Предтеча святой покровитель Иоанна IV. В музее древнерусского искусства имени Андрея Рублева выставлена икона Иоанна Предтечи — Ангел пустыни, довольно простая по сюжету. Ее Казанский взял за образец, лишь значительно уменьшив размеры. Он скопировал краски, расчертил их крокилурами, затемнил олифой. Затем положил еще один слой левкаса. На следующем слое написал другой сюжет, затемнил и это изображение. Затем прорисовал его второй раз, выдав этот слой за поновление. Закрыв все копотью... И так он нанес восемь слоев. А затем все восемь слоев приоткрыл в нескольких уголках. Дал иконе отлежаться, чтобы погасли запахи красок, чтобы все подсохло, и показал Нейхольду. Нейхольд пришел в восторг и обещал прийти со своим клиентом.

Изобразить из себя миллионера Эдвардсу не составило труда. Он осмотрел мастерскую, картины Казанского, иконы. Восторгов не выражал, но был весь нетерпение... Нетерпение, конечно, было наигранным.

Казанский, в душе все же робея, положил на стол свою подделку.

— О-о-о! — воскликнул Эдвардс и посмотрел выразительно на Нейхольда. Нейхольд на немой вопрос ответил легким кивком головы.

Эдвардс лениво опустил руку в боковой карман и извлек оттуда бумажник, вытащил из бумажника пачку стодолларовых купюр и небрежно бросил ее на стол.

Нейхольд подвинул пачку Казанскому.

— Здесь тысяча долларов, господин Казанский! — сказал он. — Мой друг просит вас написать ему точное название сюжета иконы, обозначить школу и время исполнения... Желательно также знать ее происхождение...

Казанский записал: «Иоанн Предтеча, Ангел пустыни. XVI век. Вывезена из Каргополя Архангельской области. Предположительно новгородская школа».

Протянул записку Нейхольду. Тот внимательно ее прочел, что-то сказал по-английски своему другу. Тот удовлетворенно кивнул головой. Сделка состоялась.

Казанский не отказал себе в удовольствии небрежно, не считая, бросить доллары в ящик стола.

Столь же небрежно он предложил:

— Коньяк? Виски? Джин?

Налили коньяк.

Казанский оживился. Начал пояснять:

— Редчайший сюжет! Ваш друг, господин Нейхольд, останется доволен. Не всегда турист может похвастаться такой пахоткой...

— Находка стоит тысячу долларов! — заметил Нейхольд.

Казанский нашелся:

— У вас на Западе она стоит в десять раз дороже...

— Все может быть! — слегка насмешливо согласился Нейхольд. — Если нет ошибки и это действительно шестнадцатый век... Последнее время очень много ошибок, дорогой Евгений!

Договорились с Нейхольдом и о передаче иконы, как это у них было ранее условлено. Нейхольд пообещал встретить Казанского в Европе и познакомить с самыми известными художниками.

— Пора, пора, Евгений, выходить вам по-настоящему на международную арену! — восклицал он.

Казанский купил путевку на путешествие вокруг Европы.

Выехал он двумя месяцами ранее визита незнакомца к Шкаlikовой...

Нейхольд нашел Казанского в одном из крупных европейских

городов. Позвонил в гостиницу по телефону. В городе туристская группа должна была пробыть всего лишь два дня.

Договорились по телефону, что Казанский в ночной час выйдет к подъезду гостиницы.

Казанский вышел, бесшумно подкатил черный, сверкающий лаком «ситроен». Казанский быстро нырнул в машину. «Ситроен» поплыл по улицам ночного города.

Нейхольд привез его на одну из конспиративных квартир полковника Эдвардса, он принял его с Нейхольдом радушно.

Эдвардс в России «не знал» русского языка. У себя он обратился к Казанскому на русском языке, и не без иронии:

— Коньяк? Джин? Виски?

Казанский воскликнул:

— Вы говорите по-русски?!

Эдвардс живо ответил, и даже акцента не слышалось в произношении русских слов:

— Я коллекционирую русские иконы! Надо изучать русский язык!

Резким движением Эдвардс подвинул кресло. Казанский сел, чувствуя, что надвигается что-то немалое.

Дальнейшее развернулось в стремительном темпе.

Эдвардс снял со стены икону, приобретенную у Казанского, и строго спросил:

— Это ваша икона?

Теперь Казанский понял, что предстоит объяснение, но какое — еще в толк не брал. Он лихорадочно соображал, как выйти из положения, как сохранить хотя бы внешнее чувство достоинства.

Он взял икону из рук Эдвардса, провел по ее поверхности пальцами, перевернул доску и признал:

— Когда-то была моей!

— Именно ее я купил у вас за тысячу долларов. Не правда ли?

— Она самая...

Каждое его слово записывалось на магнитную ленту, а каждый жест снимался скрытой кинокамерой.

Эдвардс резко сменил тон:

— Я хотел бы, Евгений, расторгнуть сделку! Вашу икону осмотрели эксперты... Они признали ее подделкой! Когда я могу получить обратно мои доллары?

Казанский продавал доллары валютчику, которого навел на него Нейхольд. Эдвардс совершенно точно знал, что его доллары уже давно ушли.

Вступил в разговор и Нейхольд.

Он сухим, деловым тоном проинформировал, что по законам той страны, где они находились, подделка произведения искусства каралась очень и очень сурово.

Казанский снял пиджак, часы с руки и предложил все это взять у него в залог. Эдвардс усмехнулся и усадил его в кресло.

— Мы понимаем, — начал Эдвардс, — художнику, чтобы стать известным, нужно много денег! Холсты, краски, представительство... Зачем же, Евгений, добывать деньги с таким риском? Продавать подделку за подлинник... Это опасно! И еще опаснее продавать доллары!

— Успокойтесь! Я предлагаю вам более простой и легкий способ заработать деньги! Много денег...

— Шпионаж?

Эдвардс пренебрежительно отмахнулся от вызова в голосе Казанского.

— Зачем так громко? Маленький и безобидный бизнес... К вам обратится советский гражданин с просьбой что-то передать... Придется передать посылочку. Кому? Мы скажем в свое время... Абсолютно безопасно!

— Что я должен буду передать?

— Оставьте! Это менее опасно, чем торговать иконами...

— Коньяк, виски? — спросил насмешливо Нейхольд.

— Виски! — с сердцем ответил Казанский.

Он наконец почувствовал, что с ним играют, как кошка с мышкой, что этой силе, этому давлению он здесь ничего противопоставить не может.

Оставалась какая-то надежда затаиться и... Но и здесь Эдвардс отсекал ему пути.

— Мы не берем у вас подписки! Вы, должно быть, читали в романах о шпионах, что при вербовке берется подписка... Но это в романах. Я надеюсь, вы понимаете, что, если нам понадобится, мы вас найдем! Теперь пароль... Его назовут вам... Вставят в какую-нибудь фразу... Вы знаете, что такое пароль?

Нейхольд взял со стола икону. Повертел ее в руках, как бы в раздумье проговорил:

— Ангел пустыни... Эффектно! И ошибки не будет! Кому в голову придет употребить такие слова?

— Для подтверждения: «Привет от Эдвардса!» — добавил Эдвардс и встал, давая понять, что разговор закончен.

Казанский вернулся в Москву растерянным. Но шло время, а к нему никто не обращался, прекратились в мастерскую и визиты иностранцев, будто кто обрезал!

И вот Эдвардс в Москве. Второй раз, пять лет спустя... Под чужим именем!

Я возвращался из Сибири в полной уверенности, что наши товарищи уже нашли Шкаликova. Ан нет! Герасима Ивановича Притыкова нигде не значилось. Мы сузили площадку левобережья Оки. Всего лишь несколько отделений милиции.

В книгах прописки Притыков не значился. Товарищей начали одолевать сомнения. Он же мог назваться проводнику любым

именем. Как же его искать? Василий Сretenцев, товарищи из областного управления разъехались по отделениям милиции и опрашивали участковых, показывая им фотографии Шкаликova.

И вот нашли! Один из участковых довольно удаленного от областного центра отделения милиции признал по фотографии Шкаликova. Мне позвонил об этом ночью Василий, я сел в машину и к утру был уже в районном центре, откуда мы решили ехать все вместе... Кто-то предложил вперед выслать участкового, проверить, не спугнем ли мы кого-нибудь.

Я был против всякой задержки. И без того поиски затянулись. Если бы Шкаликow был похитрее, найти его было бы вообще невозможно! Весенние переводы нам явно помогли, помогла Ока своими разливами...

Так или иначе, встреча со Шкаликowым надвигалась, и мне хотелось видеть его лицо, его фигуру, его реакцию в первую секунду встречи. Все это было крайне важно. Что-то подсказывало: мы вышли на значительный след.

Большое село на берегу Оки.

У третьего дома с краю участковый сказал шоферу, чтобы он остановил машину.

— Здесь он квартирует, у бабки Анисы! Кто пойдет, я или вы? — спросил он нас.

Пошли я и Василий. Василию я строго наказал быть предельно собранным. Человек может испугаться, а как видно, он из пугливых, не разобравшись, может выкинуть любую неожиданность. А может испугаться и всерьез, не без оснований. В такую минуту и за тонор, и за ружье схватится, а ружье стреляет и в обратную сторону. Не застрелился бы!

Василий потучался. На крыльце соседнего дома сидел старик, играл с кошкой.

— Вам Притыкова?.. Герасима Ивановича? — спросил он.

— Его самого! — ответил Василий.

— Съехал он! Тому уже боле недели прошло!

Мы переглянулись с Василием.

— Совсем съехал? — уточнил Василий.

— Кто же его знает! Не прощался, не докладывался!

Емкий ответ. И осуждение в нем, и характеристика нрава неопытного.

— Вы все же достучитесь! — сказал я Василию. — Осмотрите избу... Может, что-то из вещей его осталось, может быть, хозяйка знает, куда съехал... В правление! — приказал я.

— Стоп! — воскликнул участковый. — Поедем к Рыжикову! Он тут каждого и всякого знает.

Съехал! Больше недели назад... Я лихорадочно рассчитывал, не совпало ли это каким-то образом с тем, что Василий расспрашивал проводников. Тогда это ошибка, страшная ошибка. Только намек, что кто-то ищет — и исчез! Тогда выходит, что он боялся нас? Однако Василий не представлялся! Да, но он шел от

переводов! Если бы он нас боялся, не стал бы и переводы делать! Не стал бы! Не от нас он прятался! Не от нас! Сама Шкаликova могла в любое время за эти пятнадцать лет начать поиски. По переводам-то могли искать только от нее. И никому она о них не говорила. Найти их след могли только мы... Стало быть, его спугнуло что-то другое?

Что?

Остановились у дома Рыжикова. Он увидел в окно машину и выбежал, на ходу надевая португeю. Обедал.

Участковый выскочил из машины. Начал с места в карьер:

— Привет, Рыжиков! Притыкова знаешь? Герасима Ивановича? Где он?

— Уехал!

— Куда?

Я вышел из машины.

— А долго ли он жил здесь? — спросил я Рыжикова.

— Давно он здесь... Сразу и не вспомню... Лет десять жил...

Проводником он устроился на железную дорогу. Его уже спрашивали.

На улице собирались любопытные. Я взял Рыжикова под руку, он настороженно отстранился, я увлек его в дом.

Участковый шепнул:

— Из КГБ... полковник. Так что, Рыжиков, рассказывай!

— А чего мне скрывать? Пришлось мне тут один протокол составлять... На человека, больного алкоголем... Так этот, кто спрашивал его, Гусейнов Хасан Хасанович, свидетелем записан... Он в гости к Притыкову приезжал... Не застал его!

Я вынул из кармана рисунок дочки Шкаликova.

— Похож?

— Есть сходство...

— Откуда известно, что он Гусейнов?

— По паспорту, товарищ полковник! — ответил Рыжиков, даже с некоторым недоумением, что я задал такой наивный вопрос.

— Вы видели паспорт?

— В протоколе и номер записан, и адрес.

Оставался еще один вопрос. Подробности меня сейчас не интересовали. Главный вопрос.

— Притыков уехал до приезда Гусейнова или после?

— До Гусейнова он уехал.

Я попросил Сretenцева остаться и записать все, что было связано с Гусейновым.

Гонки приобрели вполне определенный характер. Теперь уже и я не сомневался, что на платформе в Рязани Василий видел этого самого Гусейнова, посетителя Шкаликовой. Почему он идет впереди нас?

Машина развернулась. Я приказал ехать в Рязань. Василий стоял на дороге, в руке держал какой-то сверток. По лицу его

и по всей фигуре я угадал, что есть и у него какая-то новость. Он почти на ходу вскочил в машину.

Машина выехала из села, Василий протянул мне пачку журналов.

— Почитай, Никита Алексеевич!

Я развернул журналы. Это были специальные медицинские журналы. Один двухгодичной давности, два других недавние.

Я начал листать первый журнал: портрет Раскольцева и его статья. Статья жирно обведена красным карандашом. Открыл второй журнал. Статья Раскольцева подчеркнута красным карандашом в оглавлении.

— В третьем, — подсказал Василий, — есть ссылка на эти статьи. Упоминается имя... И тоже подчеркнуто!

Шкаликoв и медицинские журналы? Это было, конечно, странно. Но его внимание к Раскольцеву легко объяснимо. Вместе бежали. Знакомы как-то. Могли и после войны встречаться.

— Можно, Никита Алексеевич?

Василий обычно задавал такой вопрос, когда хотел, как он сам говорил, «помечтать», выложить свои предположения.

— Ну-ну! — подбодрил я его.

— Почему этот тип нас опередил?

— Опередил вот! На этот вопрос мы сразу не найдем ответа.

— А может быть, Раскольцев ему адресок дал? Дочка сказала этому Гусейнову, что отец ее умер. Тот к Раскольцеву, а Раскольцев адресок?! А? Может быть, этот посетитель вместе с ними где в лагере был?

— К доктору Шкаликoв мог пойти... Примем это! Не прятался от него? Чего же вдруг спрятался?

— А он не от него прятался! Вы сами же сказали, что Гусейнов после отъезда Шкаликoва появился... От меня он, наверное, прятался! Через проводников узнал!

От Вереи до Москвы три часа езды... До Раскольцева рукой подать. Он в тот же день мог сюда приехать...

— А чего же он в Рязани четыре дня назад делал? А? От Рязани сюда пять часов езды... Не четыре дня!

— Вы уверены, что это я его видел?

— Не я же его видел! Это я тебя об этом должен спросить! Рыжиков по нашему портрету сразу его узнал...

— Все! Молчу! Не склеивается версия! И усложнять не очень-то хочется. Этак можно предположить... Можно предположить, что есть какой-то второй план в этой истории.

Словом, Василий начал нащупывать второй план — с Казанским.

Я считал в тот момент, что гонки приближались к финишу. Площадка сузилась, и теперь Шкаликoв был полностью в пределах досягаемости...

В Рязань надо было ехать через райцентр. Я попросил на минуту заехать в отделение милиции. Оттуда позвонил в областное управление и сообщил данные Притыкова. Его надо было искать через отдел кадров управления железной дороги.

Намного нас опередил этот господин! Медлить нам уже нельзя было ни секунды. Проводник вагона. Как все логически сцеплялось одно с другим. Человек в минуту опасности кидается туда, где поскорее можно укрыться. Среди проводников у него много знакомых, пригляделся он к этой работе. Вот и супулся туда. Но почему еще до прихода этого Гусейнова? Не от нас же, работников госбезопасности, прятался он на железной дороге! Он должен понимать, что и мы и милиция без труда найдем проводника.

В деревне он каким-то образом замял дело с пропиской. Поступление на железную дорогу отмечается в соответствующих документах.

Он спрятался от Гусейнова! Но кто его предупредил? Откуда он узнал, что этот Гусейнов идет по его следу? Я должен был в ту минуту признать, что Василий где-то прав, вводя в круг действующих лиц и Раскольника.

Приехали в Рязань...

Меня уже ждал работник областного управления Авдюшин.

Он не старше Василия, тоже недавний студент. Обрадовался, что в руки пришло интересное дело.

Действительно, неделю назад Притыков оформился проводником через отдел кадров на поезд Москва — Ташкент в мягкий вагон. Авдюшин сличил фотографию Притыкова в личном деле с фотографией Шкаликова. Совпало. Поезд, на котором работал Шкаликов, сейчас шел из Ташкента, приближаясь к Рязани. Авдюшин сделал запрос по селектору на одну из станций. Ему ответили, что проводник Притыков «сопровождает шестой вагон».

И еще!

В отдел кадров управления железной дороги уже приходил какой-то восточного типа человек, молил девушек указать, где работает Притыков. Ему подсказали. Он оставил в знак признательности бутылку вина и букет цветов.

Уверял: «Другу вез, без вас не нашел бы друга!»

У меня по спине пробежали мурашки. Переживать приходилось всякое, бывали ситуации, когда, казалось, уж и выхода не было. Там, в Германии, в канун войны... А начало войны! Встреча с матерью... Что только не пришлось пережить! И почти как в те моменты, теперь подступало ко мне чувство тревоги.

Пришел ответ на запрос из Махачкалы, где был отмечен паспорт Гусейнова. Такого там не значилось...

Теперь это превращалось и в погоню за человеком, действовавшим под фальшивым паспортом. За ним погоню надо было строить несколько в ином плане, чем за Шкаликовым. Не

грозит ли их встреча какой-либо опасностью Шкаликову? Топор под кровать клал, ружье па степу вешал! Ждал этой встречи! С оружием в руках ждал... Надо было прежде всего спасти Шкаликова, невзирая ни на что!

Мы сверили по расписанию движение поезда. Получалось, что, выехав навстречу поезду из Рязани, мы его быстрее всего могли встретить лишь на станции Проня...

Машина сорвалась с места и пошла по городу, проскакивая светофоры и красный свет.

Дежурный по управлению получил задание связаться с милицейским постом на станции Проня и поручить дежурному работнику милиции встретить проводника Притыкова, снять его с поезда и задержать в отделении милиции, не арестовывая его, а охраняя... Ни под каким видом до нашего приезда никого к нему не допускать...

10

От Шилово до Прони поезд следовал без остановок.

Минут за двадцать до прихода поезда на станцию Шилово в окошко кассиру постучали. В такой поздний час на этой станции пассажиры были редкостью. Голос с восточным акцентом попросил четыре билета в мягкий вагон. Пассажир просил, если это возможно, дать все четыре билета в одно купе.

Мягкий вагон шел полупустым. Кассирша продала четыре билета. Отдавая билеты, помедлила, пассажир просунул в окошко голову. Она запомнила его. Просто так, из любопытства.

Когда пришел поезд, она заметила, что в мягкий вагон сел только один пассажир, тот самый, который брал четыре билета. Это ее удивило, поэтому она и запомнила все в деталях.

Шкаликов в лицо его не знал, пассажир вошел в вагон и коротко ему бросил:

— Стели постель, дорогой! Я спать буду!

Дежурил Шкаликов, его напарница дремала в служебном купе. Шкаликов положил на место фонарь, флажок, взял пакет с чистым бельем и вошел в четвертое купе. Сальге вышел, чтобы не мешать ему. Шкаликов застелил постель и выпрямился. Сальге стоял спиной к закрытой двери из купе и пристально смотрел на него.

Снисходительно, с наигранным равнодушием негромко он сказал:

— Здравствуй Шкаликов!

Вот она, встреча, которой он ждал, к которой готовился и от которой скрывался. И теперь под рукой нет, а стоит перед ним человек, который все может...

— Садись!

Шкаликов понялся и сел.

Сальге продвинулся в глубь купе, снял с полки портфель, выставил на стол поллитровку.

— Выпьем, Шкаликов! У нас с тобой разговор долгий!

Разлили водку. Сальге бросил на стол дорожный пакетик с закуской, что продаются на вокзалах. В пакетике лежал кусок колбасы, два яйца, кусок хлеба.

Выпили.

— Скрылся? — отрывисто спросил Сальге.

Шкаликов не торопился отвечать. Сальге сам и ответил на вопрос:

— Спрятался... От кого прятался?

Шкаликов потихоньку приходил в себя, лихорадочно соображая, как вывернуться, как уйти, как отбиться.

— От людей... От себя не схоронишься!

— Кто-нибудь знает, что ты живой?

— Ни одна душа. Ни одна душа! Окромя Раскольцева!

— И жена не знает?

— Упаси бог ей знать!

— Это почему же?

— Искать начнет!

— Значит, по чистой скрылся?

— По чистой!

— Зачем тебе деньги потребовались?

— Деньги всегда нужны!

— Это верно!.. Напугал ты доктора! Он тоже считал тебя покойником!

— Ему я не докладывался!

— В пятьдесят втором году у вас была назначена контрольная встреча... Забыл?

— Никак нет! Шестого мая... В Москве... У входа в Большой театр... В два часа! Я к тому часу уже покойником числился!

— Он навел справки... Ему указали, что умер... Все правильно! Чего же вдруг ожил?

— Как-то журнал на станции купил... Селедку завернуть. Гляжу — не верю! Он! Его лик! Я... как червь в землю уполз, в темень задвинулся, стушевался, а он на виду, в богатстве, барином! В журнал пописывает! Такая на него злость взяла! Ну? Ваши что тогда говорили? Все! Конец России! Ты наш человек! Ты ни о чем не думай! Мы господа, а ты наш верный слуга. В обиду не дадим! А Расеюшка-то жива! Жива! К чему я пришел? Чего мне ждать? Ждать, когда постучатся в дверь? Дочь родилась... А ну как станет все известно об отце? Как ей жить? И что я мог? Гроши получал... Попросил его поделиться!

— А если бы не поделился?

— Поделился!

— А если бы не поделился?

— Нажалился, что я ему пригрозил?

— Ты пригрозил в КГБ обратиться... У тебя что же, там друзья завелись?

— Упаси бог от друзей, от остальных сам отобьюсь.

— Почему ушел из деревни?

— На почте сказали, павестил, дескать, друг! Друзей у меня нет, а про ту почту один Раскольников знал...

— И так, и этак, Шкаликов, получается, что ты не от КГБ бежал, а от нас прятался?

Сальге налил еще по полстакана водки.

— Прятался! — признал Шкаликов.

Водка начала действовать. За многие годы и он, при всей сложности минуты, мог свободно и не таясь порассуждать о своей жизни.

— Тогда не управились, а теперь что же? После драки кулаками не машут! Тут только голову высупи, отсекут, как не было!

— Испугался?

— А кто ты таков есть, что не боишься? Врешь! Боишься!

— По твоим доносам, Шкаликов, в лагере вылавливали коммунистов, евреев, комиссаров... Куда их девали? А?

— То дело, куда их девали, не на моей совести... Я говорил правду, и только правду...

— Вешали их, Шкаликов, расстреливали, в печах жгли...

— Не суй, ты не суй мне таких картинок! Сам знаю — жизнь моя проклятая! Глаза закрою, а в глазах кресты, кресты...

— Березовые! Осина по тебе давно плачет, а не крест березовый! Мы тебе побег устроили, героем сделали, чтобы не тронули тебя за плен... А ты спрятался! От своих благодетелей спрятался! Что же нам с тобой теперь делать?

— Убивать пришел? За Раскольцева?

— Оставь Раскольцева! Что нам до него! Работать будешь?

— А если не буду?

— Тогда плохо, Шкаликов!

— Убьешь? Убивай! Убивай! Жизнь моя конченная, дочушку свою не отдам на позор!

Шкаликов кинул руку к горлышку бутылки, но Сальге оглушил его кастетом, погасил в купе свет, открыл окно и спустил Шкаликова под колеса поезда...

Закрыв окно, вышел из купе. Коридор был пуст в этот час. Пассажиры и проводница спали. Сальге пошел по вагонам вперед по ходу поезда...

Повествование вынудило меня забежать вперед. Не по ходу и не по хронологии развивающихся событий. Об этом разговоре в купе и о том, как был убит Шкаликов, мы узнали значительно позже.

Стремительно в те часы и минуты сближались поезд и наша оперативная машина.

Мы спешили, опасаясь за Шкаликова.

Не нравилось мне, что мы подъедем к станции ночью на «Волге», что милиционер поднимется в вагон за Шкаликовым. Шумно, суетливо все это и...

— Торопись, торопись, Миша! — говорил я шоферу. — Мы должны успеть!

Машина свернула с асфальта, впереди засверкали огни железнодорожной станции.

Мы немного не успевали.

Прорезал тьму прожектор поезда.

Машина остановилась у закрытого шлагбаума железнодорожного переезда. С нашей стороны подъезда на автомашине к станции не было. От переезда в сторону станции терялась в темноте пешеходная тропка.

Авдюшин открыл дверцу.

— Куда? — спросил я его.

— Открыть шлагбаум.

— Не надо! Мы пойдем пешком...

Мы с Василием вышли из машины и пошли вдоль пути.

— Я побегу, — предложил Василий.

— Беги!

Он побежал, посвечивая перед собой карманным фонариком.

В ту ночь на станции Проня дежурил старшина милиции Артюхин. Он получил указание от дежурного по областному управлению снять с поезда Притыкова и ждать нашу опергруппу.

Поезд еще двигался вдоль платформы, а старшина уже стоял на том месте, где должен был остановиться шестой вагон. Поезд остановился. Открылся тамбур, поднялась площадка, из вагона высунулась с фонарем проводница.

— Притыков в вагоне? — спросил старшина.

— Куда ему деться! В купе с пассажиром пьянствует...

Артюхин оправил гимнастерку и вошел в вагон.

— Какое купе?

— Четвертое, — ответила проводница.

Артюхин подошел к двери и постучался. Не отозвались. Он открыл купе... Пусто! На полу разбитая бутылка из-под водки, стакан. Другой стакан на столике. На столике ломтики колбасы и раздавленное яйцо, словно кто наступил на него ногой.

Старшина позвал проводницу.

— Где они?

Вопрос бессмысленный.

Старшина открывал в купе двери, перебудил пассажиров, но Притыкова нигде не было. Исчез и пассажир.

Я застал всех в сборе. Дежурный по станции, старшина, Василий и пассажиры.

И уже раздавались вопросы:

— Что случилось?

— Кто убежал?

— Ограбили? Кого ограбили?

Василий подошел к окну и приподнял белую занавеску. Оглянулся на меня. Поднял руку и что-то растер на пальцах. Я его понял, закрыл за собой дверь в купе. Василий тихо сказал:

— Окно открывали на ходу поезда... Крупная пыль на занавесках...

Я попросил его осмотреть все на месте, назначил встречу в Рязани. Вышли на перрон.

Поезд тронулся. Я пошел с сержантом в милицейскую комнату.

Опередил! Неужели на этом роковом перегоне, где мы могли встретиться со Шкаликовым, он опять, опять оказался впереди?

Я уже знал от проводницы, что пассажир с восточным лицом вошел на станции Шилово и исчез... Исчез и Шкаликов.

В милицейской комнате надрывался телефон. Артюхин снял трубку. И вдруг изменился в лице. Прикрыв мембрану, с испугом доложил:

— Звонят из Дома приезжих... Тут, недалеко... Оттуда угнали грузовую машину... Только что угнали... Притыков?

— Притыков! — ответил я старшине, не желая посвящать его во все сложности этого дела.

А произошло вот что.

Гусейнов незаметно вышел из другого вагона, где его мы и не ждали, затерялся в темноте, наткнулся на машину и погнал ее.

— Ну, это мы догоним! — воскликнул бодро старшина. — Мы сейчас на посты сообщим!

— Я сам сообщу! — унял я его рвение.

Не расскажешь же старшине милиции, какие в ту минуту одолевали меня противоречия. Василий заметил в купе пыль на белых занавесках. Разбитая бутылка, разбитый стакан... Вероятно, в купе открывалось окно. Если оно открывалось, то совершено преступление.

Подошла «Волга». Я вышел навстречу Авдюшину. На переезде он встретил показавшийся ему подозрительным самосвал ЗИЛ-130, он хотел было его задержать, но торопился ко мне.

— Вы разглядели кабину самосвала? — спросил я Авдюшину.

— Мы ослепили его встречным светом на переезде... В кабине сидел один человек за рулем... Мне показалось, товарищ полковник, что водитель похож на того, кого вы ищете.

— На кого? На Притыкова или на Гусейнова?

— Не на Притыкова... Притыков маленького росточка... Этот высок, у него восточный тип лица... Поэтому я и хотел задержать... Не знал... Не было вашей команды! Но мы его догоним! Немедленно догоним! Здесь он никуда не уйдет! У нас отличные посты ГАИ...

Я оглянулся на старшину милиции Артюхина, попросил его связаться с дежурным по станции Проня и от моего имени организовать тщательнейший осмотр перегона между Шилов и Проней.

Искать надо было труп выброшенного из поезда человека... Старшина милиции побежал к селектору. Авдюшин — к машине. И мы в погоню...

Авдюшин не напрасно утверждал, что посты ГАИ у них отличные. Он тут же из машины связался по радию с постами в Шилов и Соколовке. Куда бы ни свернул с проселка самосвал, налево или направо, он был бы перехвачен. Радиоволны опередили его сразу и намого...

Ночь... Выпала на асфальт роса. Мы остановились на шоссе. Вышли с Авдюшиным.

Покрышки самосвала наволокли с проселка пыль на мокрый асфальт и четко пропечатали следы. Самосвал повернул направо, к Рязани...

К Рязани... К областному центру, к железнодорожному узлу, к точке, где он мог встретить наибольшую насыщенность милицеских постов? Не может быть, чтобы он сворачивал по наитию, не обдумав, куда свернуть. Если бы он почувствовал хоть в какой-либо степени, что кто-то идет по его следу, он повернул бы налево, подальше от Рязани, в районы поглуше... Стало быть, он спокоен... Надо ли его пугать?

Мы выехали на шоссе. Шофер нажал на акселератор, стрелка спидометра склонилась до отказа направо. ЗИЛ-130 снабжен восьмицилиндровым двигателем. Это быстроходная машина. До Рязани было пятьдесят километров. Мы должны были его догнать где-то на полпути.

Авдюшин вызвал навстречу оперативную машину ГАИ. Мы его взяли бы в коробочку. Действительно, деваться ему было некуда. Оставалось одно — бросить машину и скрыться в поле. На всем пути от Прони и до Рязани леса не было.

Я чувствовал, как шофером и Авдюшиным овладевает азарт погони. У меня азарт проходил. Или мы возьмем его, или он уйдет, обнаружив пашу погоню.

Я казнил себя за то, что мы не успели к Шкаликову, надо было опередить этого господина!

Кто же ему сказал, что Шкаликов жив? Кто? Кто ему указал его адрес? У Шкаликова журналы со статьями Раскольцева, фотография. Конечно же, это луч света во мраке. Без этого обстоятельства Сальге не нашел бы Шкаликова... Это пока еще смутно прорисовывалось, но я решился на риск!

Я попросил Авдюшина включить радию и приказать встречной оперативной машине, не останавливаясь и не задерживая самосвала, следовать нам навстречу. Авдюшин поразился. Он не удержался:

— Товарищ полковник. ы за наших товарищей из ГАИ боитесь?

— Передайте также на пост Соколовку, — продолжал я, — и на все посты ГАИ, чтобы этот самосвал нигде и ни при каких обстоятельствах не задерживали...

Авдюшин понял наконец, что вот теперь и начинается наша операция.

Вернемся немного назад.

Милиционер Рыжиков очень переживал свою ошибку. Сальге приехал в село к Притыкову. Как мы знаем, Притыкова не оказалось. Ему нужно было, конечно, ухватиться за его след. Он отправился в колхозную чайную. Разговорился за столиком с каким-то местным жителем и решил угостить его водкой для более душевной беседы. Подошел к стойке. Заказал две порции водки по сто пятьдесят граммов. Пока рассчитывался, из-за его спины протянулась чья-то рука, схватила стакан... Сальге оглянулся. Невзрачный человек допивал большими глотками его водку. Буфетчица подняла крик. Оказывается, это был давний и изблюбленный прием окончательно спившегося человека. Вызвали милицию, хотя Сальге просил не обращать внимания, отказался от всяких претензий. Но всем надоела назойливость пьяницы. Пришел Рыжиков и составил протокол. Сальге пришлось предъявить паспорт как пострадавшему. Но когда Рыжиков узнал, что Гусейнов ищет Притыкова, подсказал ему, что тот оформился проводником на железную дорогу...

Кругом виноватым считал себя Рыжиков. Он решил переворочить все, что касалось Притыкова. К почти, перерывая в который уже раз корзинку из-под бумаг в бухгалтерии колхоза, где работал счетоводом Притыков, он нашел обрывок квитанции, по которой Притыков получил перевод в пятьдесят рублей. Перевод до востребования... Удивило Рыжикова, что перевод пришел в почтовое отделение в другом селе, расположенном километрах в двадцати выше по Оке.

Зачем Притыкову понадобилась такая конспирация?

Добраться в село Инякино, где находилось это почтовое отделение, было не так-то просто. Оно находилось на другом берегу Оки. Надо было ехать два часа на катере, от катера и от пристани идти пешком семь километров. Неспроста все это было у Притыкова. Так решил Рыжиков. Невзирая на поздний час, он сел на моторную лодку и отправился в Инякино. На пристани он в колхозе поднял с постели знакомого ему шофера, в Инякино разбудил работников почты. Они ему рассказали, что Притыков получал ежемесячно, вот уже два года, по пятьдесят рублей из Москвы. Открыли почью почту. Подняли корешки квитанций. Притыков получал переводы от Раскольцева! Имя это, конечно, ничего не говорило Рыжикову, но квитанции он забрал.

В третьем часу ночи я приехал в управление. Дежурный мне сказал, что меня разыскивает Рыжиков. Звонить ему надо в Инякино...

В Инякино так в Инякино... Название этого села в ту минуту мне ничего не говорило. Соединились с Инякино.

Рад, что чем-то может помочь.

— Товарищ полковник, еле нашел вас! Притыков получал в инякинском почтовом отделении переводы из Москвы... По пятьдесят рублей в месяц... Переводил ему какой-то Раскольников! Посмотрите на карту, товарищ полковник! Это далеко от нашего села...

— Раскольников? — перебил я его. Меня уже не интересовало, где это село. — Раскольников? — переспросил я.

Рыжиков повторил фамилию, расчленив ее по буквам. Добавил, что у него квитанции в руках, но без обратного адреса. Адрес мне был не нужен...

— Спасибо, Рыжиков! Спасибо! — поблагодарил я его от души. — Квитанции лично доставьте в Москву ко мне... И немедленно...

В Москве утром меня застало еще одно известие. На перегоне Шилово — Проия нашли до неузнаваемости обезображенный труп человека. Нашли и паспорт на имя Притыкова в кармане железнодорожной формы...

Но теперь мы знали, где пересекутся наши пути с убийцей.

11

К концу дня должен был приехать Рыжиков. С часу на час в Москве должен был появиться и Сальге. Встречать его на вокзале в Москве не имело смысла. Он мог сойти на любой станции, пересесть в электричку, в автобус... Словом, вокзал я исключил как место встречи. Он должен был, как я считал, связаться с Раскольниковым. На всякий случай, только для подстраховки, я позвонил в Томск и попросил наших товарищей побережь Власьева. Никаких оснований считать, что Сальге направится туда, у меня не было. Все сходилось к Раскольникову. И не за пятьдесят же рублей убрали Шкаликова, убрали его за то, что он что-то знал о Раскольнике. Вот когда зазвучали слова Власьева: «Раскольников, тот был поглаже... На голодного не смахивал...» Сохранилась у Власьева в памяти эта деталь. И не могла не сохраниться у дистрофиков, у голодных. Знал, видимо, Шкаликов, откуда прибыл к ним в лагерь Раскольников. И не ради ли Раскольцева и весь побег удался? Голубев и Власьев бежали, потому что появилась такая возможность, а что ловить не будут, они знать не могли.

Теперь оживляют агентуру. Расчищают для Раскольцева возможность работать. Наверное, все эти годы его не трогали... Могло быть и так. А теперь почему-либо понадобился.

Сами по себе переводы Шкаликову от Раскольцева мыслей у меня таких не вызвали бы. Но он переводил Притыкову! Он знал, что Шкаликов скрывается, помогал ему в этом и считал, что есть у Шкаликова причина скрываться, причина «умереть»...

Раскольников переводил деньги в Инякино. Именно в Инякино приехал и Сальге. Раскольников навел на след, направил... Он соучастник в убийстве, убийство совершено. Теперь Сальге должен дать отчет.

Их встреча с Раскольниковым предопределена.

Письмо? Телефонный звонок, условный знак? Нет! Должна быть встреча, если идет оживление агента.

Надо было идти к начальству, докладывать все аспекты этой истории.

Наш отдел курировал Сергей Константинович. Его чекистский опыт начал складываться в годы войны в армейской разведке.

Наблюдение за Раскольниковым надо было ставить основательно. Обвинение в соучастии в убийстве вещь серьезная. Мы должны были знать, о чем будут говорить Раскольников и убийца, когда они встретятся. Техника нашего времени в этом направлении совершенна. А где они и как встретятся? Этого еще никто не знал.

Установили мы, что у Раскольцева есть расписание частных приемов. Лучшего предлога для встречи, чем приход на прием, и не придумаешь, и придумывать не надо.

Выбрали подходящую точку для наблюдения за всей улицей, на которой стояла дача Раскольцева.

На прием я решил пойти сам. Очень мне хотелось встретиться лицом к лицу с Сальге, заглянуть ему в глаза, взвесить силы этого противника. Любопытно было посмотреть и сразу после встречи с Сальге на Раскольцева. Как он овладеет собой, какой у него след оставит эта встреча?

В соседний дом с нашими товарищами я направил и Рыжикова. Только он мог узнать Гусейнова.

Ждать... Ждать... Ждать и догонять — нет ничего хуже.

Прошло двое суток. Я сидел возле полевого телефона, связывающего опергруппу с точкой наблюдения. Есть простор подумывать...

Десятки раз были обсуждены все возможные варианты, как брать опасного человека. Он мог отстреливаться. Нельзя было дать ему и возможности покопчить с собой. Все заранее оговорили, предусмотрели все случайности и ждали...

И вдруг зуммер полевого телефона. Ждали, ждали, а все же — вдруг! Этот телефон мог зазвонить только в одном случае...

Я снял трубку. Василий объявил:

— Он пришел! Идет к даче...

Я посмотрел на часы. Первый час дня. Доктор Раскольников заканчивает прием в час. Выбрал время под конец приема.

— Иду! — ответил я Василию.

Я не торопился. Шел, поглядывая на всякий случай на номера дач. Первое посещение... Мы наблюдали, но и за мной могли в это время наблюдать.

Если по каким-либо причинам брать этого господина не следует, я должен буду снять шляпу. Больные ожидали на открытой веранде. Все, что происходило на веранде, моим товарищам было видно.

Я открыл калитку и вошел.

Шел до веранды не поднимая глаз. Только безразличие, только равнодушие, никак взглядом не выдать себя. Он, этот господин, сейчас напряжен до предела.

Скрипят под ногами ступени. Вошел. Можно и поздороваться.

Я поклонился, ни к кому не обращаясь, и огляделся. На секунду, на мгновение скользнул по его лицу взглядом. Он стоял спиной к саду, облокотившись о барьер веранды. Буркнул в ответ:

— Здравствуйте!

Слово прозвучало без намека на акцент. У двери сидела пожилая пациентка. Она тоже ответила. Больше на веранде никого не было.

Из дома вышла экономка.

— Вы на прием? — спросила она меня.

— На прием... Если, конечно, можно...

— Вы первый раз?

— Первый раз.

— Я спрошу доктора... Он скоро кончает, а двое на очереди...

— Спросите, пожалуйста! — ответил я экономке.

Мы встретились с ним взглядом. Я смотрел потухшими глазами больного человека, робеющего перед решающим приемом у врача. Его глаза горели. Южанин. Но нет, не кавказский человек. Какие-то странные, удивительные смеси южных кровей. Что-то от Востока, что-то от Средиземноморья. И не так уж он черен, как это выглядело в рассказах. Тонкое, волевое лицо, умен.

И стоит он так... Один рывок — и на локтях он перебросит тренированное тело через барьер. Тренированное тело, хотя ведь немолод, немолод... Он почти мне ровесник. Этот мог и воевать, с оружием в руках мог топтать нашу землю. По возрасту подходило. И не так он нервозен, как это могло показаться. Он чуток, а не нервозен.

Я еще раз огляделся. Несколько плетеных кресел. Столик с журналами и газетами. Приметил гвоздик в бревенчатой стене. Снял шляпу и повесил ее на гвоздик. Представляю себе волнение Василия, я подал знак — «не брать».

Да, да! Именно «не брать». Ситуация для ареста явно не созрела. Такой господин по пустякам сюда не приехал бы. Не убивать же Шкаликowa он сюда ехал. Это для него мучь!

— Жарко! — сказал я. — Парит...

Вытер носовым платком пот на лице.

Вышла экономка и объявила мне:

— Доктор вас примет... Ваша очередь последняя...

Время, однако, шло...

В кабинете уже была пациентка. Мы остались с Сальге вдвоем. Он молчал. Я сидел в кресле, не глядя на него, но кожей лица чувствовал его присутствие, каждый его жест.

Время шло...

Прошел наконец и он в кабинет. На веранде он оставил портфель и трость.

Я поглядывал на окно, терпеливо ждал... Разговор у них не короток, стало быть, по существу...

Я смотрел на рассаженные деревья.

Особенно приглянулась мне серебристая елочка. Ее посадили в двух шагах от веранды. Растет она медленно. Достигла она макушкой карниза. Самая ее прекрасная пора, расцвет всей красоты. Распушилась каждая ее ветка.

Шаги за дверью, дверь раскрылась, вышел Сальге. Я встал.

Из-за двери раздался голос:

— Пожалуйста!

Сальге раскланялся со мной, обнажив ослепительные зубы, улыбнулся он только ртом, глаза смотрели пронизывающе и холодно.

А что, если?.. Я задумался, входя в кабинет. Что-то интересное показалось мне в мелькнувшей мысли. Ну конечно же!

Когда я вошел в кабинет, Раскольников сидел за столом, что-то записывая в тетрадь посещения больных. Не поднимая головы, он сказал:

— Садитесь!

Я сел на стул, поставленный сбоку стола для пациентов. Он поставил точку в конце фразы, поднял на меня глаза.

Обычно говорят, что глаза — это зеркало души. Но это действительно в том случае, если у человека открытая душа. У Раскольцева глаза серые. Серый цвет обманчивый, хотя и немного у него оттенков.словно бы туман у него в глазах, словно бы дым, и ничего сквозь не видно. Спокоен и ровен. Профессиональные вопросы, профессиональные жесты...

Он высок и барствен. Совершенно не обязательно, что он и в жизни барин. Он барствен по натуре, по скрытому чувству превосходства над другими, красив, хотя и немолод.

— Имя, возраст!

Перо зависло над бумагой.

То, что мелькнуло при входе в кабинет лишь проблеском, теперь окрепло в решение.

— Дубровин Никита Алексеевич!

Он записал.

— Возраст?

— Пятьдесят шесть лет...

— Работаете?

— Работаю...

— Профессия?

— Полковник...

— Военнослужащий? В штатском?

— По характеру службы приходится в штатском...

Здесь бы ему и споткнуться, если бы его мысли в эту минуту работали в определенном направлении. Но его внимание скользнуло мимо моей оговорки о «штатском».

— Курите?

— Трубку, доктор!

— Не глядя, сразу говорю: курить бросайте! Ничего не знаю! Если хотите у меня лечиться — сразу бросайте! Ночные работы? Нервы?

— Сейчас какие там нервы? И ночных работ нет! Все было, доктор... и по полторы пачки курил за ночь... Во время войны досталось!

— Всем, кто воевал, досталось! Ранения были?

— Ранений не было, но работа была сложной...

Потихоньку я его выводил на главный вопрос, выводил на свою новую задумку. Он взглянул на меня из-под очков.

— Что-нибудь было особенным в вашей работе, что могло повлиять на ваше здоровье?

— Наверное... Начало войны, доктор, я встретил в Германии...

— Простите! Это по какой же линии?

— По нашей, доктор! На нелегальном положении.

— Зачем вы мне это говорите?

Ого! Легко и свободно, без усилия он принимает вызов!

— Это уже давно не тайна, доктор! Теперь попутно я занимаюсь историей... А вот там, наверное, и закладывалась моя болезнь...

— Там это могло быть! Там все могло быть! Страшная страна! Я тоже был во время войны в Германии. В плену!

— Сочувствую вам, доктор! Досталось, наверное?

— Кто вас ко мне рекомендовал?

Я назвал ему имя его давнего пациента.

— Ложитесь! — приказал он.

Я снял пиджак, рубашку и лег. К спине прикоснулся холодком ободка стетоскопа.

Выслушивал он внимательно, должен отдать ему справедливость. Каждый жест обнаруживал в нем навыки специалиста.

Он увидел шрам на спине от пулевого ранения.

— О-о! — воскликнул он. — Германия?

— Партизанский отряд, доктор!

— Биография у вас, скажу я вам! Эпоха!

Он разрешил мне встать.

— Мы не думали об эпохе, доктор! Не правда ли? Жили, как повелевала совесть!

— И горели, как свечи! — поддержал он разговор. — Стеарин остался, а фитилька частенько не хватает... Сердце у вас пошаливает. Но имейте в виду, что сердце — аппарат выносливый,

Только убирать надо все лишнее. Пора отказаться от трубки. Коньяк?

— Коньяк, доктор...

— И от коньяка! Занятия историей не обременительны! Я тоже иногда мысленно возвращаюсь к прошлому... Нельзя сказать, чтобы о фашистском плене написано было мало... А вы знаете, не доходит до молодых... Рассказываю вот дочке, она верит... Но чувствами этого не постигает...

— Да, в стандарты здесь ничего не вгонишь! Звоните, доктор! Может быть, я чем-нибудь и помогу!

Решился уже совсем на прямой намек. Но легко, конечно, и объяснимо желание пациента чем-то помочь своему доктору. И уловил, уловил я в нем какое-то движение, какое-то смятение чувств, беспокойство, при всей его сухости и сдержанности. Он сжал мне руку чуть выше локтя и проговорил:

— Принимайте мои лекарства... Заглядывайте через недельку...

Мы раскланялись...

Солнце между тем совершило положенный ему путь, и его лучи упали на веранду. Блистала серебром хвои елочка. Я снял с гвоздя шляпу и тихо пошел...

12

А теперь послушаем их разговор. В аппаратной собралась вся группа, участвовавшая в операции: Василий, Сretenцев, Волоков...

Сальге. Здравствуйте, доктор!

Раскольников. Здравствуйте! Я удивлен...

Сальге. У вас два дня не отвечает телефон!

Раскольников. Идут работы...

Сальге. Знаю! Ведут подземный кабель... Почему?

Раскольников. Как это почему? Стояла воздушная линия, ведут подземный кабель! Я думаю, это лучше! Надежнее.

Сальге. Мне именно сегодня надо было вам звонить... Случайность?

Раскольников. Не сходите с ума! Мы два года добивались, чтобы проложили подземный кабель. Я даже и генерала просил...

В этом месте Василий взглянул на меня и даже поднял руку, чтобы я обратил внимание. Действительно, здесь что-то улавливалось в интонации: бытовое, приземленное. Словно бы говорили они об общем и давнем знакомом. Я попросил повторить фразу, отметил для себя, как строились паузы. Пошли дальше.

Сальге. Я не люблю неслучайные случайности!

Раскольников. Этак нельзя! У меня больше оснований беспокоиться... Вы белым днем являетесь сюда...

(Раскольников еще и успокаивает его. Это неожиданность!)

Сальге. Белым днем спокойнее. Здесь я управляю сво-

ими действиями, а не кто-то иной! Кабель — это вторжение в мою самостоятельность!

Раскольников. Что вас беспокоит? Вы что-нибудь заметили?

Сальге. Я? Я всегда к этому готов!

(Сыграла все же южная кровь. С огромной самоуверенностью и даже обидой на Раскольцева он произнес эти слова.) И добавил:

— Я научился ходить невидимкой... Это моя профессия. Что же вы не поинтересуетесь судьбой своего старого друга?

Раскольников. Я знал, что она в руках профессионала.

(А он не лишен чувства юмора, этот доктор!)

Не последили?

Сальге. Смерть человека всегда оставляет след... В душах. Какой-то бандит что-то с ним не поделил... Выбросил его в окно на ходу поезда... Ночью сошел на какой-то маленькой станции, угнал самосвал. Уголовщина...

Раскольников. Они откапывают, что это не Притыков!

Сальге. Ну и что же? Может быть, даже у вас о нем спрашивают. Только не делайте глупостей! Хвалите его! О покойниках дурно не говорят. Вот к супруге его я напрасно навывался...

Раскольников. Не смейте! Это уже под уголовщину не подведешь!

Сальге. И не думаю... Она и не видела меня... Не подумал, что он отвалит в сторону, у нас были больше за вас опасения. Доктор, величина, связи... знакомства... Но все это прошлое! Можно начинать работу! Лекарства мои готовы?

Раскольников. Не так скоро! Вы сами не торопили меня!

Сальге. Начинайте! Начинайте! Беда другая! Мы рассчитывали на связь через Шкаликова... Придется использовать запасной вариант.

Раскольников. Он надежен?

Сальге. Что в нашем деле можно считать надежным? Вы могли бы мне это сказать? Мы с вами разыгрываем не рождественский спектакль на детской елке!

Раскольников. Кто это?

Сальге. Его пароль: «Ангел пустыни»... У нас любят такие экстравагантные обозначения... «Удар грома», «Зимняя гроза», «Созвездие Гончих Псов»...

Раскольников. Вызывающий пароль...

Сальге. Мне объяснили, что это сюжет русской иконы.

Раскольников. Так кто же?

Василий почему-то усмехнулся. Наступила пауза. И вдруг после паузы негодующий возглас Раскольцева:

— Вы с ума сошли! Мальчишка! У него нет прошлого!

Понятна усмешка Василия. Не произнес имени, на бумаге

написал. Из близких знакомых Раскольцева был этот «Ангел пустыни»!

Сальге. У него есть твердое настоящее... И здесь идет смена поколений, доктор! Я попробую его на скользящей передаче, все сам проверю! У вас с ним связь упрощена! Есть и второй пароль. Он идет после первого... Через несколько фраз — «Привет от Эдвардса!». Все! Как только будет готова посылка, можете к нему обратиться... Отдыхайте! Я больше к вам не пожалую...

Раздались мой голос и голос Сальге, это мы с ним раскланивались. Аппарат умолк.

Мы сидели некоторое время в тяжелой задумчивости. Такая уж профессия, сталкивает она с человеческой подлостью, грязью, предательством, изменой... И все же к этим вещам привыкнуть невозможно.

— Соучастие в убийстве подтвердилось! — заметил Василий. Но он думал уже о другом, как и все мы...

Куда же распустили они свои щупальца? Ну, прежде всего, конечно, «Ангел пустыни». Связной. Человек, близко знакомый с Раскольцевым. Раскольцеву известен его характер, он молод, коли Раскольников назвал его мальчишкой, связь с ним у Раскольцева упрощена... Сюжет русской иконы. Вполне достаточно отправных точек. Остальное дело техники исполнения этюда! Уточнение и имени и фамилии «Ангела пустыни» шло по линии Сretenцева...

Генерал? «Я даже и генерала просил...»

Здесь все туманно и неустойчиво. Это могло быть и проходной фразой, ровным счетом ничего за собой не несущей. Просил какого-то генерала похлопотать о закладке подземного кабеля. Сказал об этом... Только интонация настораживала. Так, как была произнесена эта фраза, говорят только о людях, известных обоим собеседникам. Сразу вопрос: почему этому господину известно, что у Раскольцева есть знакомый генерал? Стало быть, вообще круг знакомых анализировался теми, кто послал к Раскольцеву этого господина.

Сомнений не было. Раскольников был оживлен как старый агент. Завербован он мог быть только в плену. Кем? Гестапо или абвером? Особого, правда, значения это не имело... Он перешел в наследство другим хозяевам. Попытались оживить и Шкаликова. Сорвалось... Мы тогда не знали, какой был разговор у Шкаликова с Сальге, но мы знали, что Сальге его убил, что надежды на Шкаликова не оправдались.

Оживляют агентуру. Зачем? Просто так, на всякий случай это не делается. Стало быть, Раскольников понадобился именно сейчас, и, всего вероятнее, только потому, что прикоснулся к лицу или объекту, интересующему хозяев этого посланца, хозяев бывшей гестаповской или абверовской агентуры.

Этот строй рассуждений подводил нас уже с другой стороны и к генералу... Опять же все это было смутно, интерес мог быть проявлен совсем и не к генералу, Но к кому-то он проявлялся.

Надо было установить пациентов и знакомых Раскольцева и посмотреть, куда через него устремился этот господин.

За эту сторону дела взялся Василий.

Меня вызвал для доклада Сергей Константинович.

Первый вопрос висел в воздухе.

— Чем объясняется, что вы не задержали убийцу Шкалкиова?

— Слишком это было бы просто, Сергей Константинович! — ответил я. — Настоящее расследование только начинается! Сегодня мы знаем, что этот неизвестный, он же пока что Гусейнов, оживил агента какой-то разведки. Можно предполагать...

— Предполагать не надо! В конечном счете, от кого бы этот господин ни действовал, все сойдется в одном центре... Оживил? А может быть, Раскольников и был действующим агентом?

— Нет! Из записи их разговора видно, что они только начинают работать... Оживлен Раскольников, и ему придан связник.

— Кто связник?

— Это один из вопросов расследования...

— Какое на вас впечатление произвел Раскольников?

— Всех фактов мы еще не знаем. Противник он сильный.

— Если сильный противник, то и человек сильный.

— Сильный, Сергей Константинович! Думается мне, что и отличный специалист... Практика поставлена у него солидно.

— Сильный человек, отличный специалист... Что его могло так крепко связать с международными авантюристами? Сильный человек по мелочам не запутается...

— Я ему оставил свой телефон!

— Зачем?

— Представился я чекистом... Интересуюсь историей... А вдруг! Вдруг в часы сомнений и колебаний рука потянется к телефону? Ему будет легче обратиться к человеку знакомому, к своему пациенту. Может быть, это его подтолкнет прийти...

— С повинной?

— Сначала, может быть, посоветоваться! Может быть, еще жив в нем человек? Не хотелось бы без борьбы его уступать...

— Может быть... Может быть... Если его руки в прошлом не запятнаны кровью! Этот господин не уйдет, пока вы ведете расследование?

— Он проверит, как пойдет передача... Этим у нас обеспечена еще одна встреча с ним.

— Врач... Это же гуманная профессия... Неужели самое страшное? Тогда, во время войны? Связного будет трудно найти?

— Не думаю...

Вечером у Раскольцева на веранде собрались гости.

Приехал к Раскольникову сыграть с ним партию в шахматы генерал Брунов. Его служба была связана с гражданской обо-

роной. Никогда еще воинские формирования не выполняли столь высокой и благородной миссии — не только оборона от нападения, но и спасение миллионов людей от пламени термоядерного оружия.

Петр Михайлович Брунов начал войну капитаном. С первых дней на переднем крае... Росли наши бронетанковые соединения, корпуса и армии. В боях рождались и традиции. Ранения, госпиталь, опять в бой. Горел в танке, обожжено лицо, перебила нога...

Приехал на огонек художник Казанский. Он приехал не столько к Раскольникову, сколько к его дочери. Елена Раскольцева кончила Суриковское училище, искусствовед. Казанский был ей интересен своими знаниями памятников древнерусского искусства. Раскольников смотрел на Казанского как на преуспевающего молодого человека. Он был не против этого знакомства. Не пьет, умеет зарабатывать деньги, купил даже машину... Елена знала, что она правится, это было приятно, но она не торопилась определять свою жизнь...

Брунов не первый раз видел этого художника у Раскольцева, привык к нему.

Разговор зашел о недавней туристской поездке Казанского.

Спрашивал Брунов.

— Я слышал, что вы там знамениты! Как-то мне пришлось прослушать радиопередачи радиостанции «Свобода». Их обозреватель не скупился на эпитеты в ваш адрес. Вы знаете, что такое радиостанция «Свобода»?

— Наслышан... Газеты читаю...

— Вам не щекотно, что они вас хвалят?

— Это их дело. Я в этом направлении стараний не прилагал.

— Я не о стараниях! Помилуйте! Но там же сидят оголтелые враги России... А вы как будто пытаетесь работать в традициях русского национального искусства? Наверное, надо подумать, что их так подкупило в вашем творчестве? Они выставили какие-то ваши картины... Какие?

— Библийские сюжеты... Эта тема не имеет прямого адреса! Она абстрактна, вечна... Скачущие всадники из Апокалипсиса... Страшный суд... Воскрешение мертвых... Земля и море отдадут своих пленников... Этими темами занимался и Андрей Рублев... В век атомного оружия у многих мысли обращаются к Апокалипсису. Древние обладали более богатой фантазией на ужасы...

— Может быть, они не знали настоящих ужасов и не могли себе представить хотя бы даже Хиросиму! Те, кто сегодня вещает по радио «Свобода», содержатся на деньги тех, кто сбросил атомную бомбу на Хиросиму! Я вас не утомил, Евгений Прокофьевич?

Раскольников смягчил остроту спора ироническим вопросом:

— В атомный век, наверное, и игра в шахматы потребует новых правил?

Брунов понял желание хозяина дома перевести разговор на более нейтральную тему.

— Большинство игр с давних пор, — ответил он, — в какой-то степени воспроизводят войну. Шахматы, должно быть, изобретены полководцем древности. Удары пехоты... Удары легких и тяжелых фигур, прорыв оборонительной линии противника, проникновение на последнюю линию, в глубокий тыл. Философия, по которой пешка на последней линии становится ферзем. Игра начинается с середины поля... С поля битвы! Пока пешечный строй и строй тяжелых фигур не нарушены, король в безопасности. Тысячелетия эта тактика не менялась. Вообразим, что игра начинается не с середины поля, а на задних клетках...

Раскольников усмехнулся:

— Тогда придется придумать новые ходы!

— И ходы, и тактику игры... Наверное, она выразилась бы в том, чтобы быстрее, еще до удара противника, отвести короля с уязвимых клеток! Король — это лишь символ, знак в числе фигур... Здесь скрыта более глубокая философия. Это нация!

Брунову и невдомек, что каждое его слово записывается на магнитную проволоку портативным магнитофоном в кармане Раскольцева.

А вот вопрос Раскольцева и поправее:

— Шахматное искусство атомного века... Скажите, Петр Михайлович, как человек сведущий, нам, не посвященным... Скажите... Ну вот разразилась катастрофа! Не предотвратили! Есть хоть какая-нибудь надежда... нам, простым людям, уцелеть?

— Не предотвратили? — переспросил Брунов. — Это действительно катастрофа! Мне как-то пришлось читать в одной зарубежной газете, что новая война не должна быть военным разгромом вражеской нации, как это было в прошлых войнах, а буквально истреблением вражеского народа. Для истребления всего народа надо сбрасывать бомбы так, чтобы уничтожить без всякой жалости мужчин, женщин, детей, сжечь их жилища, разрушить заводы, отравить воду, выжечь урожай и превратить саму землю в безжизненную пустыню... Вот так! А вы, молодой человек, принимаете, не задумываясь, их знаки одобрения!

— Но есть же какая-то надежда? Как, как можно спасти нацию от уничтожения? — воскликнул Раскольников.

— Это прежде всего не чувствовать себя обреченными, не утратить сопротивляемости. Это даст энергию для активных действий...

— Но вот разразилось!

Брунов продолжал:

— Вовремя узнать, вовремя оповестить все население, вовремя принять все намеченные и заранее разработанные меры. Я приведу пример... Не конкретизируя! Система мероприятий для спасения миллионов от преступников разнообразна... Она состоит из множества отдельных деталей. Одна лишь мелочь из

всей этой системы, одно мероприятие в большой серии, во время исполнения спасает один процент населения страны... Это, дорогие мои, два с половиной миллиона жизней! Впрочем, на досуге мы как-нибудь с вами побеседуем. Вы врач... Вам надо знать, как спасать людей. Я дам вам кое-что почитать...

Брунов и Раскольников вновь сели за шахматную доску.

Раскольников больше такого рода вопросов не задавал. Елена накрыла на стол. Выпили чаю, генерал уехал. За шахматную доску сели Евгений и Раскольников.

Они остались на веранде вдвоем. И вдруг Казанский услышал полусшепот доктора:

— Женечка, вы, по-моему, проявляли интерес к иконе «Ангел пустыни»?

Это грянуло, как гром. Казанский не забыл истории, которая с ним произошла во время путешествия в Европу, но надеялся, что вспомнят о нем не скоро. Тогда придет час и разобраться. Он резко и в испуге поднял голову. Даже мелькнула надежда, что Раскольников и не имеет в виду скрытого смысла этих слов.

— Зачем так пугаться? — с укоризной и успокаивающе ответил Раскольников. — Вам привет от Эдвардса!

Все соблюдено. Первый пароль, нейтральная фраза, второй пароль... Сомнений быть не могло.

— Вы? — выдохнул Казанский.

— Вас же просили ничему не удивляться! — И уже тоном безапелляционного приказа: — Я сейчас выйду в кабинет и принесу вам коробку с лекарствами. Вам позвонят и скажут, куда их доставить!

Раскольников вышел. Казанскому на веранде стало душно, хотя был поздний вечер и из сада дул легкий, прохладный ветерок.

В кабинете Раскольников вынул из кармана портативный магнитофон в форме портсигара, извлек оттуда бобину чуть побольше пуговицы от пальто, вложил бобину в коробку от лекарств, заклеил ее условным образом и вышел к Казанскому.

Коробочка с лекарством легла на шахматную доску.

— Не вскрывать! — приказал Раскольников.

— Что? Что здесь? — шепотом спросил Казанский.

— Лекарства! И кончим об этом! Вы ничего не знаете! Вы передасте лекарства! Ваш ход!

Казанскому было не до игры. Он смотрел на доску, фигуры распылялись, он сделал какой-то ход.

— Возьмите себя в руки! — гневно остановил его Раскольников. — Мальчишка! Вы в серьезном деле!

Казанский подвинул фигуру обратно.

Он делал ходы. Но каждую его ошибку Раскольников заставлял поправлять. Партию надо было как-то копчать. Казанский взял себя в руки. Игра пошла.

— Вот так! — сказал Раскольников. — Спокойно! Никто и ничего не узнает, если вы не распустите себя.

Сретенцев просмотрел круг знакомых Раскольцева. В поле его зрения попал и Казанский. Сразу же всплыли его поездки за иконами по деревням, посетители его мастерской, среди них — Нейхольд, полковник одной из разведслужб Эдвардс.

За Казанским было установлено наблюдение.

Получив «лекарство», он поехал домой.

Первый час ночи. Василий пустил оперативную машину почти вплотную за «Москвичом». Проводил его от дачи до мастерской. Казанский не сразу заметил «Волгу». Останавливался, останавливалась и «Волга». Казанский подъехал к подъезду дома. «Волга» медленно проехала мимо.

Тут же Василий мне позвонил домой и рассказал о своей проделке.

Я искренне испугался — он мог все сорвать своим экспериментом.

— Зачем это тебе понадобилось?

— Вы же дали свой телефон Раскольцеву... На что-то надеетесь! Я тоже надеюсь! У меня больше шансов!

Надо было ехать в управление, чтобы предотвратить возможность беды.

Василий сидел у меня в кабинете.

— Надеешься? — спросил я его.

— Придет он к нам, товарищ полковник! Придет! Слово даю! Иконку из-под полы продать, польститься на их похвалу — это одно дело! Нет у него никаких оснований впутываться в их дела. Страх его погонит к нам.

— А совесть? Нам важнее, чтобы он по совести пришел?

— Совесть! Хм! Она его сейчас крутит.

Василий оказался прав.

...Казанский вошел в квартиру, запер дверь на все замки, обошел комнаты, кухню и туалет, осматривая каждый угол. Погасил свет и подошел к окну. Осмотрел переулок. «Москвич» стоял у подъезда, переулок был безлюден.

Неужели ему показалось, что «Волга» шла за ним? Зачем они петляли, так же как петлял и он? Что это такое? Кто же тогда за ним следил? Не Раскольцев ли с Нейхольдом и Эдвардсом? Проверяли... А если это чекисты? Он же читал в каких-то книгах, что никто не арестовывает сразу шпионов, им дают работать, но под контролем. Может быть, все давным-давно о нем известно, а он и не знает, что все о нем известно...

Казанский на мгновение представил, как бы он себя чувствовал, если бы вдруг та «Волга», которая следовала за ним, остановила бы его. Куда он дел бы эту коробочку с «лекарствами»? Они ее вскрыли бы и все! И жизни конец, и всему-всему конец! А если взяли Раскольцева? Профессор Раскольцев... родился он после революции. Никогда Казанский за ним не за-

мечал ничего настораживающего, он от политических разговоров обычно уходил. Плен? Плен... А если?..

И Казанский похолодел.

Рассуждение его в ту минуту было не лишено логики. Если Раскольцев был запутан в плену, то гестаповцами. И если он сегодня работает на Эдвардса, то это чистой воды шпионаж. А тут еще рядом Брунов. Система спасения миллионов людей от атомных взрывов, от радиации.

Может быть, ему все это кажется, может быть, это всего лишь валютная сделка? А зачем он им понадобился? Разве о валютной сделке вел речь Эдвардс? «Нечего притворяться!» — сказал себе Казанский.

Он опять подошел к окну. По переулку шел, покачиваясь, пьяный. Остановился возле «Москвича», постоял и исчез в подворотне.

Следят!

Звонко прогремел в ночной тишине телефонный звонок. Казанский похолодел, не сразу взял трубку. Голос Раскольцева:

— Как себя чувствуете, Женечка?

— Отлично! — твердо ответил Казанский.

— Подъем душевных сил? — иронизировал Раскольцев.

— Да нет, сел вот посмотреть на свои картины...

— Это хорошо! Плкнйте на мелочи жизни... Спокойной ночи!

В трубке послышались гудки отбоя.

В ту минуту Казанский не мог еще себе объяснить, почему он слухавил с Раскольцевым. Он уже ощутил между собой и Раскольцевым непреходимую пропасть.

Казанский метался по мастерской. Он положил на стол коробочку и делал вокруг нее круги. Велико было у него искушение открыть ее, но боялся, боялся какой-нибудь ловушки, что в коробочке скрыт проверяющий его механизм. Он был прав — вскрыть ее могли только специалисты.

Раздался опять телефонный звонок. Он снял трубку.

— Алло!

В трубке послышался незнакомый голос:

— Здравствуйте, Евгений! Я от Алексея Алексеевича!

Началось! Казанский едва сдерживал себя, чтобы не закричать. Однако ответил:

— Слушаю вас!

Глуховатый голос спокойно продолжал:

— Вы интересовались картиной «Ангел пустыни». Я могу завтра вам ее показать... Я прошу вас подойти завтра в половине седьмого вечера к памятнику Пушкину. Идти от Никитских ворот по Большой Бронной...

В трубке отбой...

Казанский рассказывал, что именно в эту минуту он решил идти в Комитет государственной безопасности. Но как идти? А если они следят? Позвонить?

В голове все смешалось. Казанский схватил коробочку, ключи от машины и кинулся по лестнице вниз. Он вскочил в машину и помчался... на вокзал. Решил ехать в Ленинград, в Ленинграде за ним они не успеют!

Он побежал за билетом, оставив машину у подъезда вокзала. Кассирша объявила:

— Все поезда ушли, молодой человек!

Он вернулся к «Москвичу», у машины стоял милиционер.

Опять испуг. Милиционер спросил, его ли это машина. Казанский чуть было не отрекся от машины.

— Не-е-е... Не знаю! — ответил он.

— Как же вы это не знаете? Вы на ней приехали!

— Моя машина! Мне нужно ехать!!!

Казанский буквально впрыгнул в «Москвич» и помчался.

Вернулся домой, поставил машину у подъезда.

В этот час он боялся, как бы мы его не арестовали до того, как он сам явится.

Когда он выглянул из окна в переулочек, его охватил ужас. Около «Москвича» стояла милицмейская оперативная машина. Это инспектора ГАИ обнаружили его «Москвич» по номеру, указанному милиционером. Казанский не сообразил, что появление оперативной милицмейской машины вызвано его нелепым ответом милиционеру на вокзале. Он решил, что приехали за ним...

В довершение всего раздался телефонный звонок. На этот раз он снял трубку, но в трубку ничего не ответил. С другого конца провода кричали:

— Алло! Алло! Это аптека?

Обычная неполадка в московском телефонном узле, а может быть, кто-то и номером ошибся.

Тут Казанский отвел душу.

— Почему аптека? — взорвался он. — Какая аптека? Вы с ума сошли! Хулиганство!

Трубку на другом конце провода положили. Именно поиски аптеки и надоумили его. Он набрал телефон «Скорой помощи» и вызвал врача, сказав, что у него сильнейший сердечный приступ.

Врач приехал.

Выслушал его, серьезных отклонений не нашел. Но Казанский в истерике уверял, что у него разрывается сердце.

— Спасите меня, доктор! Спасите! — кричал он.

Врач вызвал санитаров. Казанского уложили на носилки и увезли в больницу.

В девять часов утра ко мне позвонили из приемной и спросили, не интересуется ли меня некто Казанский.

Я посмотрел на Василия. Он не слышал, конечно, что мне сказали, но весь потянулся к телефонной трубке. Ждал!

Я спросил:

— Он в приемной?

Мне ответили, что Казанский вызывает следователя Комитета государственной безопасности в больницу.

Глядя на Василия, я не сдержал улыбки.

— Эксперимент удался! — объявил я ему. — Казанский просит нашего сотрудника, чтобы сделать заявление...

— Надо торопиться, Никита Алексеевич! Свидание у них назначено на половину седьмого.

— Почему торопиться? — спросил я.

— А если послать его на встречу?

— И с полициным взять?

Я нарочно задал такой вопрос, я знал, что Василий задумал нечто иное.

Он меня понял.

— Никита Алексеевич, я не о том! А если через Казанского ворваться в эту цепочку?

— Ворвемся в цепочку, дальше что? Вступать в игру?

— Смотря что их интересует... Если Брунов, то мы можем сделать большое дело!

— Это зависит и от Казанского...

— Согласится!

— Я не об этом. Сумеет ли он их переиграть? Мы же с тобой решили, что Раскольников очень сильный противник. И этот еще господин...

Все это звучало убедительно.

— Я вижу, Василий, вам очень хочется поехать в больницу... Ехать, однако, придется мне!

Я попросил главного врача больницы отвести мне часа на два отдельную комнату. Главный врач уступил мне свой кабинет. Туда привели Казанского. Дверь закрылась. Я запер ее на ключ, повернулся к Казанскому. В его глазах и мольба, и надежда.

Я показал ему свое удостоверение. Сам не стал задавать ему вопросов. Важно было, чтобы он все рассказал, чтобы раскрылась мера его искренности.

Всю историю знакомства с Нейхольдом он рассказал подробнейшим образом, ничего не утаил. Трудно ему было, человек хочет всегда выглядеть красиво. Художник — и вдруг спекулянт, мошенник... И этот порог он перешагнул. В лицах, живо, с полной беспощадностью к себе изобразил сцену вербовки его Эдвардсом.

Словом, рассказал все, вплоть до вызова «скорой помощи». Статья 64 Уголовного кодекса гласит: «Не подлежит уголовной ответственности гражданин СССР, завербованный иностранной разведкой для проведения враждебной деятельности против СССР, если он во исполнение полученного преступного задания никаких действий не совершил и добровольно заявил органам власти о своей связи с иностранной разведкой». Я показал ему портрет Салье, тогда еще личности для нас туманной. Он его никогда не видел.

Наступала решающая минута. Посылка, небольшая картонная коробочка из-под пилюль, лежала передо мной на столе. Он не открывал ее.

О вступлении в большую игру речи пока еще не шло. Но позондировать, попробовать, пойдет ли игра, мы могли.

— И предположений никаких нет, — спросил я его, — кто придет к вам на встречу у памятника Пушкину?

— Никаких!

— У вас нет желания прогуляться по Большой Бронной от Никитских ворот до площади Пушкина?

— Мне? Сейчас? Сегодня?

— Не сейчас! У вас целый день впереди, чтобы подготовиться! Вы этим нам очень поможете.

Он растерялся.

— Разве вы не думали, что и мы можем к вам обратиться за помощью, чтобы до конца разобраться во всей этой истории?

— Думал.

— Вот мы и обратились к вам с такой просьбой! Вашу встречу мы обезопасим всеми мерами...

— Мне кажется, что они следили за мной...

— Это действительно только кажется...

— «Волга» за мной...

— Не следили! — перебил я его. — Это мы знаем точно! Но мы не настаиваем — это должно быть ясно выраженным вашим добровольным желанием!

Он согласился.

Решено было, что он останется до вечера в больнице.

Специалисты открыли коробочку и обнаружили в ней бобину с магнитной проволокой. Проиграли ее на соответствующей аппаратуре. На ней оказалась запись уже известного разговора на веранде дачи Раскольцева с Бруновым. И все... Вопрос, куда протянулись руки хозяев Раскольцева, был ясен. Брунов и сфера его деятельности... Их интересовала система гражданской обороны.

Пожалуй, имело смысл «помочь» им через Брунова. Обычно разведки очень критически относятся к каким-либо сенсационным удачам. Всегда в таких случаях возникает опасность наткнуться на дезинформацию. Но никто не может на первых порах, а иной раз и на протяжении длительного времени определить, достоверные это сведения или дезинформация.

Все эти соображения я изложил Сергею Константиновичу. Такого рода игра — дело крайне деликатное.

— Вы еще раз, — начал Сергей Константинович, — приостановили арест неизвестного... У вас уже созрел какой-то план?

Я высказал свои предложения по игре. Правда, я пока мог говорить только о примерной схеме. Брунов — Раскольцев — Казанский и то лицо, которое должно определиться вечером. А это означало, что и сегодня вечером мы не арестовываем неизвестного...

Сергей Константинович обещал до вечера посоветоваться с Бруновым.

Между тем Волоков и Сretenцев позвали меня в спецлабораторию.

Был проведен сравнительный анализ фотографий Гусейнова с фотографиями, хранившимися в архивах по одному давнему делу.

Мы получили фотографию нашего неизвестного в годы войны, во время Тегеранской конференции. Он состоял в группе, которая готовила покушение на Рузвельта. Был задержан иранской полицией. При невыясненных обстоятельствах скрылся. Иранская полиция передала нам на него материалы и фотографии, в том числе и отпечатки пальцев. Именовался сей господин в те годы Сальге.

Отпечатки пальцев, снятые иранской полицией, совпадали с отпечатками пальцев на разбитом стакане в купе мягкого вагона, где был убит Шкаликов.

Из всего этого можно было заключить, что уже в годы войны Сальге состоял в составе отборной немецкой агентуры.

Прошлое Раскольцева и Шкаликова тонуло пока во мраке... Надо было искать и искать, и не только по архивам.

Если Раскольцев замешан в карательных операциях, то ждать его звонка, его прихода с повинной не приходилось...

15

В 18 часов 10 минут Казанский вышел из такси у Никитских ворот, около Кинотеатра повторного фильма.

Огляделся. Постоял на перекрестке. Посмотрел на часы на столбе.

Перешел улицу, купил в цветочном киоске букетик цветов. Планирующей походкой направился к Большой Бронной.

Наблюдение за всей операцией было организовано с привлечением всех современных технических средств. Мы не имели права ни одной секунды рисковать его безопасностью. Мы также предполагали, что они тоже установили с этой минуты наблюдение за каждым его шагом и жестом. Наши товарищи из оперативной группы получили указание все время находиться между Казанским и тем, кто будет заподозрен в слежке за ним.

Но мы ждали Сальге. И он появился. С Казанским было договорено, что, лишь только он заметит Сальге, он войдет в первый же подъезд. Переждать. Для Сальге это будет признаком того, что Казанский вышел на встречу, остерегаясь. Наши сотрудники в эту минуту смогут войти между Казанским и Сальге.

Сальге шел навстречу Казанскому. Казанский пропустил его и вошел в подъезд. Сальге дошел до киоска с мороженым. Купил мороженое и повернул обратно. Но между ним и Казанским

уже шел наш человек. Сзади Сальге шли еще двое. Сальге был взят в кольцо.

В 18 часов 20 минут, когда Казанский шел уже по Большой Бронной, от площади Пушкина по Большой Бронной навстречу ему двинулся Нейхольд. Я снял трубку и соединился с Сергеем Константиновичем. Доложил, что операция проходит точно по плану, без всяких отклонений, что все в сборе и на линии.

— Не трогать! — коротко ответил Сергей Константинович.

Настала минута, когда Казанский должен был пропустить мимо себя Сальге.

Мы не хотели, чтобы Сальге оставался за спиной Казанского.

Казанский остановился возле театральной афиши. Прошел мимо него наш товарищ, прошел и Сальге. Прошли еще двое наших. Казанский двинулся вперед. Разминулись Нейхольд и Сальге. Сальге остановился завязать шнурок на ботинке.

Стережет!

Нейхольд и Казанский сближались. На лице у Нейхольда расплылась широкая улыбка.

— Здравствуйте, Евгений! — воскликнул он. — Давно с вами не виделись!

— Что не заходите? — спросил в ответ Казанский.

Нейхольд протянул руку, слегка двинув бровями.

Казанский вынул правую руку из кармана, в ней была коробочка. Они поздоровались, коробочка осталась в руке Нейхольда.

— Недосуг, все недосуг... Забегу как-нибудь... — Полушепотом добавил: — Почему у вас с утра не отвечал телефон?

— Так лучше! — полушепотом ответил Казанский.

Они раскланились, каждый продолжал свой путь.

Сальге двинулся за Казанским.

Два чекиста шли за Сальге.

Казанский вышел к памятнику Пушкину. Сел на скамейку, как бы кого-то поджидая. Сальге сел на скамейку в стороне.

Посидев минут десять, Казанский направился к стоянке такси. Уехал. Сальге встал и пошел.

16

На другой день мы с Сергеем Константиновичем отправились к генералу Брунову. Сергей Константинович особо оговорил, что наша встреча должна состояться на командном пункте.

Гражданская оборона... И без специальной поездки на командный пункт мы могли догадываться: здесь есть что сберечь от посторонних, а тем более враждебных взглядов. Гражданская оборона — это система спасения страны, ее населения, промышленности, городов в случае, если агрессор развязал бы ракетно-ядерную войну.

Наше время потребовало реорганизации этой системы. Науч-

ные и технические достижения отразились прежде всего на средствах доставки ядерного оружия, оружия массового уничтожения. Межконтинентальные ракеты, сверхзвуковые бомбардировщики практически не ограничены никакими расстояниями. Сегодня любая точка земного шара может быть атакована.

Изменились и средства разрушения. В случае катастрофы на мирное население теперь обрушились бы такие беды, которых ранее не знали войны.

Для того чтобы уничтожить население, те, кто собрался это сделать, должны знать, как и чем защищены те люди, которых хотят уничтожить...

Брунов оказался человеком приветливым, очень интересным собеседником. Конечно, в первую минуту он держался настороженно. Его удивил наш визит и в какой-то степени даже и обеспокоил.

Чтобы развеять все его недоумения, Сергей Константинович попросил меня рассказать о Раскольцеве. Услышав эту фамилию, Брунов переспросил:

— О ком? О ком вы собираетесь мне рассказать? О Раскольцеве?

— О Раскольцеве! — подтвердил я. — Об Алексее Алексеевиче Раскольцеве...

— Это отличный врач! — воскликнул он. — У нас прекрасная поликлиника, но я у него лечусь... Он мне очень помог!

— Раскольцев, по нашим данным, работает на иностранную разведку!

Брунов помрачнел. Трудно рушилось у него доверие к человеку.

— Данные... Какие это данные? — спросил он в упор. — Проверенные это данные?

— Он работающий агент... Вчера пошла от него разведывательная информация... Она еще не ушла за рубеж... Но может уйти, или мы ее можем остановить...

— Как вас понять?..

— Раскольцев получил задание разрабатывать вас, Петр Михайлович! На первый случай он записал вашу беседу с ним у себя на даче во время партии в шахматы...

Брунов рассмеялся:

— Недорого же стоит эта информация... Это же глупость! Что он от меня мог бы получить? Я с юных лет служу в армии... Знаю, что и где говорить...

Я объяснил Брунову, что никто и не надеялся вот так сразу от него что-то узнать... Прежде всего Раскольцев закрепит знакомство, будет записывать на магнитную ленту все разговоры, высказывания; по отдельным словам, по намекам там будут составлять общую картину... И, скорее всего, будут подыскивать возможность скомпрометировать объект их внимания или через Брунова установить связь с человеком менее стойким... Словом, началась работа...

— Так что же вы не арестовываете его? — спросил генерал. Мы переглянулись с Сергеем Константиновичем.

— А надо ли торопиться с его арестом? — спросил Сергей Константинович.

Брунов сразу все понял.

— Товар у нас найдется для таких покупателей...

— Вот, вот, — подхватил Сергей Константинович. — Мы и приехали посмотреть на товар... Вернее, из чего можно сделать товар...

— А поверят они? — спросил Брунов.

— Вопрос философский! — ответил тоже с улыбкой Сергей Константинович. — Вступая в игру с противником, любая разведка ставит перед собой вопрос: а поверят ли? Иногда вдруг такая возьмет заумь контрразведчиков, что и настоящая информация оценивается как дезинформация, иногда удается дезинформацию выдать за истину... Я заметил: чем труднее получить «информацию», тем больше в нее верят... Мы создадим специальные трудности... Да и самый выход на Раскольцева для них уже был сопряжен и с большими затратами и трудностями... Что мы им дадим? Вот вопрос.

— То, что они ищут...

Брунов подсказал нам, что они могли искать.

Мы должны были признать, что ради такой цели стоило продолжать уже начатую игру.

Итак, не трогать ни Сальге, ни Нейхольда, ни Раскольцева... Игра началась...

Нейхольд взял билет на самолет до Парижа. Сальге приехал на аэродром в час его отлета. Опять проверял...

И тут неожиданность...

17

Примерно в то время, когда Нейхольд собрался на аэродром, Раскольцев выехал с дачи в Москву. А через час после его отъезда с дачи раздался у меня в кабинете его телефонный звонок.

— Никита Алексеевич! — начал он. — С вами говорит доктор Раскольцев... Вы принимаете мои лекарства?

Я ждал этого звонка. Рецепт лежал у меня на столе под стеклом на случай, если Раскольцев спросит меня, какие я принимаю лекарства.

Дрогнула, стало быть, у него душонка... Так я подумал в ту минуту.

— Принимаю ваши лекарства, Алексей Алексеевич! — ответил я ему.

— Именно его лекарства! — заметил тут же Василий и усмехнулся.

— Собираюсь к вам... — продолжал я. — Никак не выберусь...

— У меня тоже возникла нужда посоветоваться! — отклик-

нулся Раскольцев. — Помните наш разговор касательно истории? Хотелось бы обратиться к вам за помощью...

— Всегда рад помочь! — ответил я, ожидая, что последует далее, сколь настойчив будет Раскольцев.

— Если вы не очень заняты, я хотел бы к вам заглянуть.

— Пожалуйста! Я закажу вам пропуск.

Я положил телефонную трубку.

— Что это его к нам нелегкая несет? — проговорил Василий. Я ждал именно такой его реакции. Шутя заметил:

— Я не мешал вам опекать вашего Казанского, Василий Михайлович! Почему же вы так несправедливы к моему подопечному?

Раскольцев вошел ко мне в кабинет твердым шагом немного усталого немолодого человека. Держался в меру самоуверенно. Он поздоровался и тут же осведомился:

— Курить вы не бросили?

Он слегка потянул в себя воздух. В кабинете, вероятно, пахло трубочным табаком.

Я виновато пожал плечами.

— Бросать! Бросать! — наступал он. — Ничего не знаю! Бросайте курить!

Он протянул руку и взял меня за запястье послушать пульс. Может быть, именно так ему было легче начинать разговор, ради которого он попросился сюда, в это здание. Профессиональный навык помог ему войти в ритм встречи.

Но я не стал развивать разговора о болезни, я не считал нужным помогать ему. Он сам должен был переступить тот психологический барьер, который, мне виделось, встал перед ним.

Но я ошибся на этот раз. Он пришел к нам не с повинной!

— Решил я, — начал он несколько патетически, — вспомнить былое... Все нынче мемуарами увлеклись... У меня какие же мемуары! Но рассказать как врач, как человек гуманной профессии, о страшном прошлом, о том, что такое фашизм, как изничтожал он личность, мне думается, я сумел бы небезынтересно для нашей молодежи...

Я не поднимал глаз... Опасался, что выдам себя. Лицемерие его меня не сразило, я знал, что это противник из сильных. Я боялся, что выдам свое торжество... Игра пошла. И он пришел меня проверить, проверить, почему я у него оказался на приеме, проверить, конечно, чем я занимаюсь здесь, выяснить, что мы знаем о Шкаликове. Я ждал этого вопроса с минуты на минуту. Я даже ускорил его.

— Чем мы можем быть вам полезны, доктор? Все, что в моих силах, я готов сделать...

— Времени прошло много, — неторопливо продолжал Раскольцев. — Память — инструмент не всегда надежный... Кое-что надо мне перепроверить... Трудно найти теперь тех, с кем при-

шло стлкнваться там, в лагерях... Иные умерли, иных не могу найти...

В знак согласия я кивнул головой.

— Трудновато... Согласен! Война раскидала людей! И после войны прошло сколько времени... Но может быть, поищем вместе с вами... Кого вам хотелось бы найти?

— Был у меня там товарищ... Вместе с ним бежали... Он был организатором побега... Его находчивости я обязан жизнью! Простой человек, рядовой солдат...

— А вы разве не были рядовым? — спросил я негромко и как бы даже удивившись. Только на секунду я посветил в бездну, которая разверзлась перед Раскольниковым. Вопрос этот может показаться простым только по первому ходу. Я зацепился за его слова «рядовой солдат». Внешне на этом все и заканчивалось. Начиная войну в рядах Красной Армии Раскольников тоже рядовым... В карательном легионе он значился по нашим материалам офицером.

Я не спросил, «вы были или не были рядовым», вопрос исходил от открытого подтекста, я как бы удивлялся, что он зачисляет себя не в рядовые...

Боюсь, что Раскольников не уловил столь сложного подтекста, это, конечно, хорошо, что не уловил, это была еще одна проверка его настороженности. Мне было важно теперь использовать этот его визит с наибольшей для нас пользой. Я не обольщался... Если мы вступали в игру и игра принималась, то с Раскольниковым вот этак, с глазу на глаз, мне беседовать придется теперь не скоро. Он ответил:

— Я был тоже рядовым... Но разница между нами была... Я войну начинал студентом, он начинал, мне кажется, не очень-то грамотным деревенским пареньком... И оба мы попали в плен... По каким лагерям и где он скитался все годы — я не знаю... Мы встретились с ним буквально в последние дни войны... В лагере под Познанью... На польской земле... Шкаликов его фамилия. Сергей Николаевич... И все! Больше я о нем ничего не знаю! В адресном бюро не справишься. Год его рождения мне неизвестен. Место рождения неизвестно...

— И лагерь немецкий, вы говорите, был для него транзитным?

— Привезли его откуда-то...

— Маловато, Алексей Алексеевич! Посудите сами! Никакой пока зацепки вы мне не дали, чтобы его можно было найти...

— Было нас четверо... Одного я встречал после войны... Он умер... Некто Голубев... На улице его как-то встретил... Он бочком, бочком и в сторону... Но потом я справлялся... Он умер...

— Кто же четвертый? — спросил я.

— И имя и фамилию четвертого запомнил... А может быть, даже и никогда не знал... В последние дни все в лагерях смешалось...

Не нарочно ли так ограничил круг своих сведений Расколь-

цев, чтобы выведать, не раскроюсь ли я, развивая его поиски? Все могло быть...

— Маловато, Алексей Алексеевич! — заключил я. — Могу дать вам совет... Вам известен адрес этого... Голубева?

— Был адрес... Когда мы встретились на улице в сорок седьмом году, он мне дал его... Несколько лет спустя я его попробовал найти... Не только дома, но и улицы не оказалось на месте. Старое все снесли, новое построили... Тогда мне в райисполкоме и в милиции помогли... Сообщили, что Голубев умер... Один умер... Семьи у него не было... Может, кто-то и был близкий, где же теперь найдешь?

Я развел руками, открыл стол и достал из ящика стола трубку.

— Стоп! — воскликнул Раскольников. — Трубку долой! Нельзя!

— Трудно сразу, доктор!

— Потом будет легче!

— Мало вы мне дали для поисков... Не знаю, что вам и посоветовать!

— Нас, когда пришли части Красной Армии, допрашивали в особом отделе!

Я встрепнулся, изобразил живейший интерес на лице.

— Какое подразделение, часть, дивизия или полк вас освободили? Что-нибудь запомнили?

— Из истории знаю, что Познань освобождала восьмая гвардейская армия... Запомнил я и дивизию... Допрашивал нас офицер из особого отдела тридцать девятой гвардейской дивизии... Фамилии его не знаю... Не назвался...

Я записал на листке номер армии и дивизии... Фамилию Шкаликова.

— Это уже кое-что, Алексей Алексеевич! Но поручиться вам, что остались протоколы допроса, не могу... Могли и не остаться... Много тогда людей возвращалось из плена... Еще что-нибудь есть?

— Больше ничего...

Я обещал поискать протоколы допроса, мы расстались.

Зашел Василий.

— Ну и как? — спросил он, не скрывая иронии.

Я вздохнул.

— Ошибки, Василий, надо уметь признавать! Ошибся я! Он и не подумал виниться... Ищет Шкаликова... Для своих воспоминаний...

— Дерзок! — заметил Василий. — Может быть, он еще что-нибудь ищет? Сам он додумался к нам идти или ему посоветовал Сальге?

— Зачем это советовать Сальге?

— Со всех сторон интересно... Если он рассказал Сальге, что у него появился пациент из КГБ, Сальге мог насторожиться... Да еще в тот же день, когда у них был такой разговор... А?

— Предположим, насторожился.

— Нейхольд увозит с собой посылку, в тот же час к вам является Раскольников. Проверка! Где вы, что вы делаете? Это первое. Второе! Раскольников вошел в наш дом и вышел отсюда... Еще одна проверка. Третье... через нас пытаются выяснить, что нам известно о Шкаликове... Не связали ли мы его имя с Притыковым после железнодорожного происшествия? И это Сальге необходимо знать! И последнее. Не Сальге проверяет, а Раскольников проверяет, чисто ли сработал Сальге... Для него это вопрос жизни и смерти...

Я должен был признаться, что Василий нащупал в своем анализе зерно истины.

Мы решили помочь им. Правда, это было не просто... из-за Шкаликовой. Не разрушая логики своих действий, Раскольников должен будет нанести два визита. Визит к Шкаликовой, а потом к Власьеву. Власьева предупредить нетрудно. Он не из пуливых. Не испугается ли Шкаликова?

Узелок с ней вообще был из сложных. Мы не сообщили ей, что ее муж погиб. Переводы продолжали к ней поступать... Это входило в задуманную игру. У нее должно было сложиться убеждение, что милиция ищет ее мужа, но найти не может. Мы в любой момент могли ожидать к ней неожиданного визита. Теперь нам было ясно — Раскольников обязательно к ней явится. Если мы ее предупредим, что же последует? Не расставит ли он каким-либо вопросом ловушку? Не выведает ли он, что Шкаликова пошла после визита Сальге в милицию? Может быть, именно для визита к Шкаликовой и сделал свой сложный заход ко мне Раскольников?

Шкаликова произвела на меня впечатление женщины серьезной и выдержанной. Если ее предупредить, она смогла бы переиграть Раскольцева, она хитра, умна.

Вопрос! А пойдет ли к ней Раскольников, не получив от нас ее адреса или, по крайней мере, подсказки, где ее искать? Раскольников — не пойдет! Но все равно кто-то обязательно к ней явится.

Примешивалось ко всем этим вопросам и множество других тонкостей.

Взять хотя бы и такую деталь.

Я уже рассказывал о старшем лейтенанте Колобкове. А вдруг он тогда на допросе обронил, что протоколы он отправляет в архив на вечное хранение? Стало быть, если мы теперь скажем, что протоколы уничтожены, это может вызвать подозрение у Раскольцева. Это сейчас совсем ни к чему. Не исключено, что Раскольников каким-то образом мог проверить, что протоколы целы.

Все, словом, сходилась на том, чтобы его допустить к Шкаликовой.

Можно было потянуть с ответом, посмотреть, связывает ли свой отъезд Сальге с окончанием проверки, которую начал Раскольников.

Однако после раздумий мы решили не тянуть...

Я разыграл из себя очень обязательного пациента. Через два дня я позвонил Раскольникову и сообщил ему по телефону, что протоколы я видел, что в них побег группы, в которую он входил, выглядит героическим, что жива жена Шкаликова, а сам он лет пятнадцать тому назад умер...

Прошло еще два дня, и Раскольников появился в подмосковном городке. И не один. Он приехал на своей машине, на автобусе приехал Сальге. Аккуратно подчищал свои следы.

Но и Шкаликова была готова к этому визиту. Дочь она отправилась к родственникам в Москву, Раскольцева встретила поначалу настороженно. Очень неохотно, с заметным для него сопротивлением втягивалась в разговор. Он назвался. Объяснил, что ее муж помог ему бежать из плена. Теперь вот, дескать, решил он о нем вспомнить и написать книгу. Она могла бы о нем рассказать. Он же герой, самый настоящий герой!

— Какой же он герой? — остановила его Шкаликова. — Всю войну в плену просидел...

— И в плену себя люди по-разному держали! — пояснил Раскольников. — Он не только о себе думал, но и о других...

Он рассказал, как они убежали, какой это был риск, как убили немецкого автоматчика.

— Рассказывал он мне это... — отвечала Шкаликова. — И вас вспоминал... Говорил, что доктором стали... Все собирался к вам ехать лечиться... Не собрался... Утонул... А героем не был... Работал по счетной части да дачным сторожем... Жалела я его... Так и не выбился из нужды... Жизнь ему плен поломал... А может быть, и родился неумехой... Я его откуда же знала? Только поженились, а вот и война!

Выдержала испытание. Провела все так, как нам было нужно. Раскольников распрощался с ней, оставив ей в подарок шерстяной платок.

Пока шел у них в доме Шкаликовой разговор, Сальге дважды прошел мимо дома и сел на автобус. Сошел на остановке на полпути к Москве. Раскольников ехал на машине. Сальге поднял руку, проголосовал. Раскольников посадил его к себе в машину.

Их разговор известен нам с протокольной точностью. Это была их последняя встреча.

Сальге спросил:

— Есть какие-нибудь признаки, что она знает о его смерти?

— Никаких! — твердо ответил Раскольников.

— Не знает она о нем... Хорошо! Не испугалась?

— Такую гражданочку не испугаешь! Вам это не понять! Русская баба! С юморком она смотрела на своего супруга... Терпела, и все...

— Пятнадцать лет прошло... Может быть, уже и забыла его?

— В герои его не зачисляет... И забыть, конечно, забыла... Похоже, что и вспоминать ей все это неприятно...

— Какое Дубровин, ваш пациент? Контакты с ним возможны?

— Как видите, возможны... Но я не хотел бы их продолжать. Это люди осторожные, тренированные...

— Пока не продолжайте... Я попытаюсь узнать, что о нем известно... Если он был в Германии в годы войны, то следы его могли остаться... Тогда будет ясно, как с ним себя держать... Больше к нему не напрашивайтесь...

— Надо бы проверить, как прошла версия с Притыковым.

— Ни в коем случае... Это элементарная ошибка. Не счесть, сколько преступлений раскрыто именно на том, когда пачинали вот так проверять... Притыков со Шкаликовым не совместились. Для меня это очевидно... А для вас это главное... Гарантирую, вам, доктор, что личность его установить могли только по документам... Все было точно рассчитано... Казанского я проводил... Он трусил... Но все прошло чисто... Если бы за ним было наблюдение, я заметил бы... И его связной — не мальчик...

Теперь с генералом... — продолжал Сальге. — Не торопитесь! Беседа на веранде просмотрена нашими. Вопросы ваши поставлены слишком прямо... Чем дольше вы не будете задавать вопросов, тем лучше... Всячески его привяжите к себе. Пока на этом этапе укрепление знакомства, запись всех ваших с ним разговоров... События сами что-нибудь подскажут... Вы вошли в разряд очень ценных сотрудников... Сегодня я могу с вами уточнить наши расчеты... Что вас устроит? Вся сумма на руки или часть в заграничном банке?

— Все в заграничном банке и в валюте...

— Расходы на организацию дела в русских рублях здесь! Нас интересуют прежде всего средства связи, его службы. Это большая тайна, и ее оберегают. Если вы что-то получите из этой области, конечно, не сейчас, а когда выдастся случай...

— Мы можем сейчас определить сумму?

— Я закончу свою мысль... Не я это определяю и сразу никто не определит, что вы добудете... Если информация будет отнесена к первой категории, вы станете очень богатым человеком.

— Как я смогу выбраться за границу?

— Туристское путешествие... Просьба предоставить политическое убежище...

— Если я почувствую, что они мной заинтересовались, что делать?

— Лучше вам этого не почувствовать... Мой совет — не ждать встречи со следователем! Вы врач... Я думаю, что вы не нуждаетесь в наших средствах...

— Не нуждаюсь...

— Что вас тревожит?

— Художник... Я его едва привел в сознание, так он испугался.

— Это хорошо, что испугался... Пугливый не пойдет на себя доноситься... Он предупрежден, что в случае провала мы его на

дне морском разыщем... Цепочка выстроена отличная, поверьте, вам ничего не грозит, если только вы сами будете осторожны! Сальге вышел из машины, не доезжая до Москвы...

Приближались последние часы его пребывания у нас в стране. Василий даже погрузился.

— Досадно отпускать, — сказал он мне.

В одном из южных портов Сальге поднимался по трапу на туристский теплоход. Василий стоял на посту в форме пограничника рядом с сотрудником таможни. Он проверил документы у Сальге и не удержался от шутки. Возвращая документы, он сказал:

— В добрый путь! До скорой встречи!

— Спасибо! — ответил Сальге по-французски и продолжал, коверкая русские слова: — Мне очень, очень понравилось в вашей стране...

Теплоход отчалил...

18

Сальге уехал, а мы занялись исследованием белых пятен, оставшихся в этой истории.

Прошлое Раскольцева, прошлое Шкаликова...

И еще одно пятнышко.

Я уже упоминал, что Казанский сбывал доллары, полученные у Нейхольда, валютчику.

Кто он?

Поначалу нам казалось, что решить эту загадку будет нетрудно. Но здесь мы встретились с трудностями непреодолимыми.

Очень скоро мы убедились, что валютчик этот был человеком Нейхольда.

После первых же сделок с долларами он появился у Казанского как человек случайный.

Казанский обедал в ресторане. К его столику подсел грузинский человек восточного типа. Казанский принял его за грузина. Потом сам же отказался от этого предположения. Уточнить, кто же он и откуда, так и не удалось. Он оказался веселым, общительным собеседником. Разговорились за столом, продолжили разговор в мастерской. Назвался незнакомец Габо. Он восхищался талантом Казанского, тут же купил у него картину. До утра распили не одну бутылочку; уходя, Габо шепнул, что купил бы валюту... Казанский рискнул. Габо отдал деньги, не торгуясь, сказал, что будет позванивать и возьмет, если еще появится... И позванивал.

Дома они больше не встречались. Габо звонил, и они встречались на улице, в подъездах домов. Короткая, как молния, встреча. Сверток передает Габо, сверток передает Казанский. И все... Никогда своего адреса или телефона Габо не оставлял.

Казанский и не пытался их заполучить. Ему казалось, что именно так конспирация надежнее,

У Казанского сложилось впечатление, что Эдвардс и Нейхольд знали о Габо. После встречи Казанского с Эдвардсом за рубежом Габо ни разу не позвонил...

Мы его искали, но поиски ни к чему не привели...

И вот опять всплыла эта фигура.

Мы уже упоминали о Гамузове, таксисте, доставившем Иохима Пайпера в гостиницу «Украина».

Ни по возрасту, ни по роду своих занятий он не подходил к этой компании. Его появление возле Сальге было для нас неожиданностью. Пришлось встретиться с Гамузовым на другой же день. Встретились в таксопарке, в кабинете инженера. Я предъявил ему удостоверение и предупредил, что разговор будет крайне серьезным. Он пожал плечами, но робости я у него не почувствовал.

Я сразу спросил:

— Кого вы, Юрий Александрович, встретили вчера на аэродроме?

Он попытался увильнуть от прямого ответа.

— Я работал на линии... Ждал пассажиров...

— Почему вы взяли именно того пассажира, который подошел позже других?

— Он мне больше понравился...

— Приплатить пообещал?

— Пообещал! — ухватился Гамузов за эту поставленную ему мной же лазейку.

Я выбросил на стол веером пачку фотографий.

Сальге идет по летному полю к аэровокзалу, он, Гамузов, протискивается сквозь толпу пассажиров в аэровокзал, останавливается у табачного киоска. Подбрасывает ключи, Сальге идет мимо киоска... Сальге садится в машину...

— Что означает этот жест с ключами? — спросил я.

У Гамузова все поплыло перед глазами. Он вытер тыльной стороной ладони пот со лба.

— Это кто же? Кого я встретил?

— Это я хотел у вас узнать.

— Шпион?

— А если шпион? Вы понимаете, Гамузов, чем это вам грозит? В чем вы окажетесь соучастником?

И Гамузов начал рассказывать...

Все оказалось просто до удивления.

Однажды Гамузов довез с вокзала до гостиницы пассажира. По дороге они разговорились. Пассажир, как ему показалось, восточной национальности, предложил Гамузову хороший приработок. Он должен будет обслуживать его во время его приездов в Москву. Телефонный звонок. Надо будет встретить на вокзале, стоять у подъезда гостиницы с включенным счетчиком, выезжать по вызову в любой час дня и ночи. Оплата всего плана за день, второй план Гамузову. Пассажир назвался Габо. Гамузов подлачился под его вызовы. Освобождал на дни приезда Габо своего

помощника от работы. По телефонному звонку подавал машину. Ездили по Москве, по московским магазинам, по московским гостиницам, выезжали иногда за город. Ничего подозрительного в поведении Габо шофер не замечал. Считал его богатым человеком, и только. Сам никогда ему не звонил и не искал. По его заданию он иногда обслуживал и других клиентов. Расплачивался всегда Габо.

— Каких клиентов?

— Разных... Приходилось развозить шлюхонок, — показывал Гамузов. — Всяких гуляк... Несколько раз возил иностранцев...

Так и на этот раз... Он должен был встретить человека, который, сходя с самолета, снимет пляшу и вытрет белым платком пот со лба... После этого надо будет подойти к киоску с сигаретами, ничего не купить, у книжного киоска подбросить ключи и сесть в машину. Приезжий подойдет к машине, протянет листок бумаги с адресом. Его нужно будет доставить в гостиницу, подчиняясь в дороге каждому его требованию.

Гамузов дал нам словесный портрет Габо. У нас имелся портрет Габо, сделанный Казанским. Мы показали его Гамузову. Он признал его.

Незадолго до повторного визита Сальге и Эдвардса в нашу страну мы передали Раскольникову специально подготовленные сведения. Мы знали, что там всерьез задумаются над этими материалами. Кто-то должен был проверить всю цепь связи, расспросить Раскольцева с глазу на глаз, как ему удалось получить переданный им материал.

Для этого могли прислать любого агента.

Прислали Сальге и руководителя всей операции Эдвардса.

Решено было нанести удар стремительно. Точка удара — Гамузов, через него по Габо, а через Габо — по Сальге и Нейхольду.

Габо позвонил Гамузову и назначил встречу на улице. Габо сел в машину, тут же подъехала оперативная милицмейская машина. Габо взяли. Обыск на месте дал незамедлительные результаты. У Габо в кармане была обнаружена пачка долларов и фунтов стерлингов. В милиции Габо отказался объяснять, откуда у него валюта. Его доставили к нашему следователю Игорю Ивановичу Архипову, моему старому другу и сослуживцу. Я договорился с Архиповым, что приду на первый же допрос.

Встреча с Габо...

Это действительно был грузный, восточного типа человек. Его можно было принять и за грузина, и за армянина, и за азербайджанца... Ни паспорта, ни каких-либо других документов при нем не обнаружили. Но он конечно же понимал, что ему придется говорить о себе. По его щекам лились слезы, он и оправдывался, и каялся.

Архипов начал допрос по форме:

— Ваши имя, фамилия, год рождения, место рождения, адрес местожительства?

Архипов занес перо над бумагой.

Габо потянулся к боковому карману... Затем махнул рукой:

— Забыл! В гостинице забыл, дорогой! В столике... Там и паспорт, и записная книжка... Зовут меня Вахтанг. Фамилия — Кабанов. Ударение на последней букве... Русская фамилия... Не виноват! Так записали, когда паспорт мальчишкой получал... Безпризорным рос, по детским домам! Отца как звали, не знаю... Записали Семёна... Мать помню... Умерла — мне лет пять было. Сапоги чистила в Сочи на станции...

— Айсор? — спросил я его.

— Если бы это было так просто, гражданин начальник! Тогда, в двадцатых годах, и грузинские князья, и русские дворяне сапоги чистили, в лакеях ходили... Получается, дорогой, что по матери я армянин... Доказать трудновато... И кому и зачем доказывать? Отец торговцем был... Догадываюсь, что грек... Опять же не докажешь... Никто меня об этом не спрашивал... Вот до этой минуты! В военкомате спрашивали, когда призывался...

— Когда призывались?

— В сорок первом... Родился я в двадцать втором году...

— Воевали, Вахтанг Семенович? — спросил Архипов.

— Воевал... Из-под самого Киева к Ростову отступали... Под Ростовом ранили... Это когда Тимошенко на немцев с севера нажал. Госпиталь... Опять воевал...

— Где?

— На Кавказе...

— Что делали после войны?

— Торговал... Овощами торговал, рыбой торговал...

Я сел за столик почти рядом с Габо. Все, что он рассказывал, было похоже на правду, но такую правду легко было и склеить. Вся операция с Сальге и Эдвардсом во всех ее деталях требовала от нас работы и работы... Ничего нельзя было принимать на веру, ни одной версии по первому ходу.

Я взял со стола Архипова конверт, заглянул в глаза Габо.

Сейчас он судорожно выбирает, что может подбросить нам, как отвести главный удар, что дать, чтобы не продешевить, что спрятать, как смертельную для себя опасность.

Я положил перед ним конверт и спросил:

— Может быть, вы, Вахтанг Семенович, задумаетесь над своей сказочкой? Мы за правдивость на следствии... Это всегда облегчает участь, смягчает наказание... Сказочки сочинять все учатся с детства, но и верят им только дети...

Габо пожал плечами.

— Адреса такого не существует... — добавил я.

— Тогда заберите эту валюту... Она мне не нужна! Она не моя!

— Спасибо! — воскликнул Архипов. — Мы ее и так забрали... Но вы не ответили на главный вопрос следствия... Где вы взяли эту валюту? Для чего она вам?

Человек может управлять собой до известного предела. Он может сохранить на лице в трагическую минуту улыбку, но улыбка эта будет иметь такие оттенки, что превратится в гримасу. Габо попытался сохранить и улыбку, и внешнюю жизнерадостность и продолжал играть под простачка, но в его темных глазах засветился испуг, он разгорался в ужас. Не может человек похудеть в одну секунду, но Габо сразу осунулся, изменились краски на его лице.

— Это не милиция работала! — крикнул он.

— Вы недооцениваете нашу милицию!

— И не за мной вы охотились...

— Милиция охотилась за Гамузовым... Неужели вы вообразили, что ему разрешат превратить государственную машину в вашу личную машину...

— Государство от этого не пострадало...

— Интересы других граждан страдали... Но наш интерес проистекает из другого... Откуда у вас валюта? Почему вы так любезно предоставили Гамузова обслужить Иоахима Пайпера?

— Какого Пайпера?

Мы показали ему фотографию Сальге.

— Я его не знаю! Не он мне заказывал машину... Я все расскажу!

Опять ползут слезы из глаз.

— Проклятый! — воскликнул Габо. — Всучил мне беду! Где мне его искать?

Архипов между тем, порывшись в столе, вдруг выложил на стол сразу несколько фотографий. Сальге на аэродроме. Нейхольд на аэровокзале. Гамузов во всех видах по дороге к машине. Сальге и Гамузов у машины.

Можно было считать, что первый торг с самим собой Габо закончил. Решился что-то нам приоткрыть. Пока самую малость. Отстраняя от себя Сальге, он отдавал нам Нейхольда. И только. Рыдая, каясь, он признавался в валютных сделках с Нейхольдом. Нейхольд скупал валюту у своих коллег и перепродавал Габо... Один конец. Другой конец сделки уходил на юг... Посыпались имена и адреса. Возникало новое ответвление в деле, но к нашим вопросам оно отношения не имело. Важно было, что Габо назвал Нейхольда — мы получили возможность пригласить его к себе как свидетеля через консула его страны.

Показания Габо давали основание к привлечению Нейхольда к уголовной ответственности за валютные сделки.

Отступлений от стандарта в таких случаях ждать не приходилось. Нейхольд начал с бурного возмущения, угроз протестовать, с полного отрицания своих связей с Габо.

Габо опять, как сентиментальный разбойник, рыдая и кляня все на свете, отдавал нам Нейхольда. Он называл места их конспиративных встреч, телефоны Нейхольда, перечислял сдел-

ки, называя и суммы сделок. Нейхольд на очной ставке с трудом отбивался от его атак...

А между тем работала наша служба, выясняя точнее личность Габо. Наши товарищи имели его документы, фотографии и отпечатки пальцев. Решили всё отпечатки пальцев. Оказалось, что на Габо... Нет, не на Габо! Как у каждого оборотня, у него было не одно имя. В карательном батальоне «Бергман», сформированном фашистским командованием на Кавказе, он значился под именем Иоганна Муслима оглы. Наши войска, выбив захватчиков из Краснодара, захватили архивы одного из штабов этого батальона. В архиве было обнаружено досье взводного командира Иоганна Муслима оглы. С его фотографией, с отпечатками пальцев и аккуратными записями его деяний. По порывавшей фотографии офицера карательного батальона трудно было бы найти человека. Прошло более двух десятков лет. Тогда он был молод; вились у него, свисая на лоб, черные кудри; жесткий взгляд. Фотография порывала, а оригинал слинял. Он расплылся, обрызг, поплысел... В офицерике из досье угадать Габо было бы просто невозможно. Помогла немецкая предусмотрительность: оставили его отпечатки пальцев.

В сорок шестом году на одном из судебных процессов, которые вел Военный трибунал Северо-Кавказского военного округа, всплыло имя Иоганна Муслима оглы. Выяснилось, что он изменил Родине, добровольно сдался в плен, вступил добровольно в ряды карательного батальона, дослужился до взводного, принимал участие в ряде карательных экспедиций против партизан и мирных жителей и скрылся. Иоганн Муслим оглы был приговорен заочно к расстрелу...

На Иоганна Муслима оглы был объявлен всесоюзный розыск. В розыскное дело пошли его фотографии и отпечатки пальцев.

Волоков вызвал меня из кабинета следователя во время очной ставки Габо, сиречь Иоганна Муслима оглы, с Нейхольдом. Он показал мне выдержки из дела и заключение экспертов об идентичности отпечатков пальцев Габо и Иоганна Муслима оглы.

Тени прошлого, ядовитая пыль войны... Этот лукавый южанин, с сильно развитыми слезоточивыми железами, вызывал у нас омерзение и без этих дополнительных «данных». Я забрал папку и вернулся в кабинет следователя. Такого рода отлучка всегда вызывает тревогу у допрашиваемых. Иногда тревога бывает ложной, но на этот раз и Нейхольду и Габо было чем обеспокоиться.

Нейхольд не сдавался. Он отрицал все, о чем говорил Габо. А Габо, отдав Нейхольда только по его валютным сделкам, не расширял своих показаний.

Иоганн Муслим оглы — Нейхольд — Раскольников — Сальге — Шкалик — логическая связь!

Я положил папку на стол Архипову и громко сказал:

— Полистайте, Игорь Иванович!

Подожел поближе к Нейхольду. Мы встретились взглядами. Он держался, но уже мерцал у него в глазах страх.

— К чему же вы пришли? — спросил я его. — Решение от малчиваться? Не слишком ли это рискованно, господин Нейхольд?

Он попытался усмехнуться. Улыбка получилась кривой и жалкой.

— Жадность, жадность одолела! — твердил сквозь рыдания Габо.

Я обернулся к Габо.

— А под Киевом, когда вы добровольно сдавались в плен фашистам, что вас одолело?

Габо резко поднял голову и даже руки выставил, как бы заслоняясь от меня.

— Это неправда! Не было! Не было!

Я стоял, наклонившись через стол к Габо.

— Итак, Иоганн... Может быть, вы продолжите? Иоганн — это неполное ваше имя... Тогдашнее ваше имя!

Габо молчал. Крупные капли пота проступили у него на лысине, осыпали бисером лоб.

— Иоганн Муслим оглы! — докончил я за него.

Габо вдруг тихо пополз со стула на пол. Я испугался, подумал было, что у него плохо с сердцем, что слишком резко, без всякого подхода, ошеломил его. Но я ошибся. Он упал на колени, сложил молитвенно руки и завопил:

— Спасите! Спасите! Я все расскажу! Я все расскажу! Я хочу жить! Я много знаю! Я все знаю!

Я отступил от него. Архипов попытался поднять его, но напрасно, такую тушу не сразу поднимешь. Я налил воды в стакан. Архипов взял у меня стакан из рук.

— Выпейте воды! — предложил Архипов. — Встаньте!

— Не встану! Не тронусь! Жить хочу! Жить хочу! Давность лет! Закон есть такой... Я все расскажу!

Нейхольд сделал какое-то движение, Габо шарахнулся от него в сторону, легко перебросив свое грузное тело на другой конец кабинета.

— О нем! О нем расскажу! — воскликнул, указывая рукой на Нейхольда. — Это дорого стоит! Он не валютчик, он шпион!

Нейхольд опустил руку в карман полуспортивной куртки.

— Держите его! Он будет стрелять! — закричал Габо.

Нейхольд вынул из кармана помятую пачку сигарет.

— Можно курить? — спросил он у Архипова.

Архипов поспешил поднести спичку Нейхольду.

— Спасибо. Но я все же прошу вас избавить меня от этого сумасшедшего... Я понимаю его чувства. Обвинение в спекуляции неприятно, но я ему ничем не могу помочь и вижу его первый раз...

— Ваш пропуск! — попросил Архипов. — Мы на некоторое время отложим наш разговор...

— Не выпускайте! Не выпускайте его! — закричал Габо. — Это он меня нашел!

Архипов держал ручку в руке, словно бы готовился подписать пропуск, он отложил ручку и с некоторым даже пренебрежением спросил:

— Что за нелепость? Как это он мог вас найти? Где найти?

Начиналась история Габо. Она была выделена в специальное дело.

Нас в этой истории может интересовать только одно положение.

Нейхольд действительно нашел Габо, Габо разыскал... Раскольцева.

Все уже и уже становилась площадка сопротивления Нейхольда. Наконец Габо назвал и Казанского.

— Все! — воскликнул Нейхольд. — Даю показания!..

Итак, настала минута. Наконец-то произнесено имя Сальге... Нейхольд назвал его Пайпером...

Узелок вязался за узелком. Все пока шло естественным ходом, и нигде этот ход не соприкасался с главным, пока еще ни Нейхольд, ни Габо нигде не могли почувствовать, что мы о них знаем давно, и значительно больше, чем они рассказывают. Габо догадывался, что Раскольников оживлен как агент, но он не знал, что добывал Раскольников для его хозяев. Нейхольд показал, что оживлял Раскольцева как агента Пайпер...

Они торопились распродать все по мелочам, чтобы отгородиться от большего.

Архипов положил перед Нейхольдом и Габо фотографию Сальге. Нейхольд не удержал восклицания:

— О-о! У вас есть даже его фотография?

Габо чуть скосил глаза на фотографию и тут же отвернулся. Но ни от меня, ни от Архипова не ускользнуло, что фотография не оставила его равнодушным.

Архипов подвинул фотографию ближе к Габо.

— Взгляните! — сказал он. — Этот человек вам известен?

Габо опять скосил глаза на фотографию. И вдруг Габо с силой ударил кулаком по фотографии.

— Известен! — крикнул он. — Очень даже известен!

— Кто он? — сейчас же задал вопрос Архипов.

— Мой старший брат!

Я тут же отошел к телефону и соединился с Василием.

— Василий Михайлович, могу вас поздравить!

— Слушаю, Никита Алексеевич! — откликнулся он.

— Вы помните сцену у причала? Что вы тогда пожелали своему знакомцу? До скорой встречи? Настало время с ним встретиться!

— Сейчас? Немедленно?

— Со всеми предосторожностями...

...Перед Габо легла фотография Шкаликова.

— Известен, известен! — кричал он. — Вешал, стрелял, доносил... Солдат из моего взвода!

— Имя?

— Там все под чужими именами жили!

Нейхольд встал. Габо замолк, настороженно косясь на Нейхольда.

— Распад личности! — произнес Нейхольд. — Я не хотел бы наблюдать эту...

Но он не закончил фразы. Слова, наверное, подходящего не подобрал.

Архипов не упустил возможности поставить на место этого иронического молодого человека.

— Есть русская поговорка, — сказал он. — С кем поведешься, от того и наберешься! Распад этой личности начался не сегодня, господин Нейхольд!

— Я фаталист, господин следователь! — ответил он. — Профессия такая! Надо быть готовым к любому концу!

— Это хорошая мысль! — отозвался Архипов. — Я прошу вас не забыть ее! Мы еще побеседуем с вами на эту тему...

Отправили в камеру мы и Габо. Условились с Архиповым, что он сразу же, как привезут Раскольцева, предварительно допросит его, предложит сделать признания.

Я хотел встретиться с Сальге.

Сальге был приглашен к нам через консула страны, в которой он значился как Иоахим Пайпер. Все прошло спокойно, даже при всей резкости его характера.

Встретились.

Он немедленно заявил протест на немецком языке. Я не торопился с ответом, вглядываясь в его лицо.

— Вы владеете немецким языком? — спросил он опять же по-немецки.

— Так же, как и вы русским! — ответил я ему по-русски и предложил сесть для допроса.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Книга первая	
Владислав Курбатов	
Часть первая	3
Часть вторая	96
Часть третья	181
Книга вторая	
Никита Дубровин	
Часть первая	236
Часть вторая	348

Федор Федорович Шахмагонов

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

Р о м а н

Редактор *Ю. Г. Мошков*
Художник *Н. И. Дьяконова*
Художественный редактор *Е. В. Поляков*
Технический редактор *Т. Г. Пименова*
Корректор *И. В. Макухина*

ИБ № 3118

Сдано в набор 7.01.86. Подписано в печать 23.07.86. Г-90426.
Формат 60×90/16. Бумага тип. № 2. Гарн. обычн. новая
Печать высокая. Печ. л. 27. Усл. печ. л. 27. Усл. кр. отт. 27,12.
Уч.-изд. л. 31,27
Тираж 150 000 экз. Изд. № 4/2357. Зак. 17. Цена 2 р. 10 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160
2-я типография Воениздата
191065, Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10